АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

ГЕНИЙ ВОЙНЫ

Александр Суворов

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Его «Наука побеждать» стала настольной книгой любого офицера. Его триумфы вошли в легенду. Его имя навеки вписано в святцы русской воинской славы. Генералиссимус Российской Империи, величайший русский полководец, национальный герой, граф Рымникский, князь Италийский, А.В. Суворов был настоящим гением войны. Недаром в его честь наречен высший полководческий орден СССР, а его портреты висят в каждом военном училище и каждой воинской части. Притом что биография генералиссимуса не вписывается в привычные стереотипы — одержав более полусотни побед, Александр Васильевич не участвовал ни в одной оборонительной кампании! (Не случайно статут ордена Суворова имеет ярко выраженный «наступательный» характер). Это он подавил Польский мятеж и Пугачевский бунт, усмирил хищные ногайские орды и стал единственным военачальником, сумевшим несколько раз подряд разбить революционную французскую армию, а его легендарным переходом через Альпы восхищались даже враги. Суворов не просто разгромил турок, но создал подробный план уничтожения Османской империи, собственным примером доказав непреложную истину: «лучшая оборона — это наступление» и завещав «чудо-богатырям» на все времена: «Мы Русские — какой восторг!», «Мы Русские! С нами Бог!», «Мы Русские — враг пред нами дрожит!».

Эта книга — самый полный рассказ о боевом пути гениального полководца и воспитателя армии, обо всех кампаниях, походах, сражениях и победах Александра Васильевича Суворова.

- Арсений Замостьянов
  - Предисловие
  - Отец Отечества
  - Сын генерала Суворова
  - Семёновец
  - Семилетняя война
  - Полковник Суворов
  - На польском фронте. Война против конфедератов
  - Туртукайские победы
  - Гирсовская виктория
  - Обманутый муж
  - Сражение при Козлуджах
  - Против речёного Емельки

- Крым, Кубань, Астрахань — на форпостах Российской империи. 1776–1783
- Кинбурн
- Очаковская оплошность
- Фокшаны — Рымник. Против Османа и Юсуфа
- Неприступный Измаил — слава и обида полководца
- Хлопоты
- 1794-й. Суворов и гибель польской государственности
- Травля старого фельдмаршала
- Итальянский поход
- Швейцария: две недели сражений
- Последний парад
- Поэты, художники, кинематографисты о Суворове
- Приложение
- Краткая библиография

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Арсений Замостьянов
Гений войны Суворов. «Наука побеждать»

Предисловие

И славы гром, как шум морей,
как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род
Прокатится, пройдет,
промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов… —

Так пророчествовал Державин — друг и боевой соратник нашего героя. Под командованием Суворова он служил во время борьбы с пугачевщиной, и он же, будучи признанным поэтом и влиятельным вельможей, стал автором эпитафии полководцу. Державин не преувеличивал. Мерило славы Суворова — вечность.

На огромном материке русской истории, где уживаются герои разных эпох, окружённые ореолами почитания, прошлое не проходит безвозвратно и бесследно. Мы связаны с прошлым и будущим корневой системой, и значение величайших людей России не ослабевает с веками. Гениальная самобытность всегда актуальна, всегда она противостоит штампу и рутине. Таков наш герой — Суворов.

Суворов — верный своему долгу герой счастливой России, России сильной, могущественной и терпеливой. Кроткой и мудрой. И думаю, что он — как легенда и как пример — еще способен принести своей Родине такое счастье, какого она достойна.

Когда — то презрительно, то восторженно — выражением русского национального характера объявляют экстремала, живущего от апатии до эйфории, — это ослабляет нас. Противники хотят видеть Россию слабой и озлобленной, вороватой и агрессивной, в вечной бездельной рефлексии, в пьяных слезах то от умиления, то от зависти. Хотят видеть разобщённость, холерическую агрессию, жестокость. А вот боятся они спокойной уверенности в себе, боятся русского благородства «всемирно отзывчивой души». Боятся бескорыстия. Боятся созидательной имперской идеи, объединяющей страны и народы. Боятся того, что олицетворяет Суворов.

Александр Васильевич Суворов прожил жизнь удивительную — деятельную, героическую, легендарную. И такие суворовские черты, как склонность к самовоспитанию, упорство, могучая внутренняя дисциплина, соседствовали с природным талантом

полководца. Суворов никогда не был расхристанным, неорганизованным гением. Из мемуаров Дениса Давыдова мы узнаём, что все суворовские победы начинались с чистой сорочки! («Вдруг растворились двери из комнат, отделённых столовою от гостиной, и Суворов вышел оттуда чист и опрятен, как младенец после святого крещения».)

Недруги, критики, да просто досужие ораторы и при жизни Суворова, и после его смерти нередко приписывали успехи непобедимого полководца одной лишь удаче. Александр Васильевич Суворов, будучи человеком проницательным до мнительности, знал об этом. Он знал, что не вписывается ни в одну систему, и современникам нет смысла даже пытаться анализировать «беззаконную комету» военной истории. Получить достойное признание в истории Суворову помогла русская культура — и народная, фольклорная, и авторская.

Русский Марс, русский архистратиг Михаил, непобедимый герой-полководец, который и через двести с лишком лет после смерти остаётся наиболее действенным символом российской армии… Принципы науки побеждать можно и нужно понимать шире армейского контекста. Это ключ к успеху, окрыляющая мечта, необходимая в каждом деле. Нас уже двести с лишком лет занимает Суворов-мыслитель, Суворов-лидер — личность, вполне реализовавшаяся в учениях, походах и боях. Не менее важна и *легенда о Суворове* — истинном народном герое, которого ещё долго будут переосмыслять, ломая копья. Он стремился к свободной самореализации, к максимальной, нутряной самостоятельности и самобытности. Хватать судьбу за холку — и идти вперёд, это и называется «повелевать счастьем». Это выражение вырвалось у Суворова в очень откровенном, эмоционально открытом письме к Потёмкину. В другой раз, размышляя о достоинствах полководца, Суворов повторит эту сокровенную мысль, с которой не расставался десятилетиями: «Приучай себя к деятельности неутомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу».

Наша книга посвящена разным граням суворовского феномена, а лучше сказать — суворовского *чуда* . История терпеливого, кроткого, но в то же время решительного и сильного человека была воистину «полна чудес». Сила Суворова — в верности и православной человечности. Агрессия, вырастающая из низменных страстей человека, меркла перед суворовской простотой, перед его нравственной неуязвимостью. Наше повествование — про человека, сильного верой, духом и — педантичным профессионализмом. Стремительность мысли и действий Суворова поразительна; в истории России Суворов стал

символом неуязвимой быстроты.

Исследователи, работавшие после 1917 г. (а среди них было немало блестящих сувороведов!), упускали из виду религиозность Суворова. Мы уделяем внимание и этой важнейшей грани *суворовского чуда* . Вера пронизывает всю жизнь Суворова; читатель заметит, как православная этика проявлялась в жизни полководца и в дни тревог, и в дни триумфов.

Взаимосвязь, существующая между Суворовым и Россией, угадывалась и современниками полководца, и самыми внимательными исследователями суворовского гения. Д.А. Милютин писал: «Суворов по природе был, можно сказать, типом Русского человека: в нем выразились самыми яркими красками все отличительные свойства нашей национальности…» Своей судьбой Суворов словно повторял судьбу России, а во многом он попросту предзнаменовал будущность нашей культуры. Национальный (а лучше сказать по-русски — всенародный!) герой и должен быть таким. Он, являясь сокровенным олицетворением народного характера, обречён на повторение достоинств и недостатков (последние — продолжение первых) своего народа.

В этой книге вы найдёте очерки всех побед Суворова — полководца, не знавшего поражений. В том числе и очерки непопулярных в недавние годы побед над поляками, пугачёвцами и ногайцами. Да, Суворов был первой шпагой империи и самозабвенно возглавлял экспансию государства Российского. Где бои — там и учения. Мы постарались уделить внимание и педагогической стороне суворовского поприща. В походах и битвах, в учениях и боях прошла вся жизнь солдата и генералиссимуса.

Книга дополняется и будет дополняться новыми материалами, как дополняется новыми главами история общественного отношения к Суворову, история суворовской легенды. Всматриваясь в суворовский образ, мы понимаем, какой должна быть судьба человека в России. Многое пришлось преодолеть Суворову, чтобы не зарыть в землю свой талант, чтобы всего себя отдать Отечеству. Уповая на Всевышнего, Суворов не покладал рук на пути самосовершенствования. Он осознавал, что во все времена Отчизне нужны настоящие герои, потому и написал однажды: **«Потомство мое прошу брать мой пример: всяко дело начинать благословением Божьим»**.

Отец Отечества

Прижизненный биограф Суворова, Иоганн Фридрих фон Антинг, лично служивший под командованием полководца, оставил нам достоверную характеристику полководца, своеобразный «портрет с натуры», относящийся к последнему периоду жизни Суворова, когда полководец был уже человеком пожилым и прославленным:

«Ирой наш, не взирая на то, что в продолжение службы своей сделал превеликое множество самых беспокойных переездов и переходов тяжких, до сорока двух тысяч и более вёрст, не взирая на свои военные изнурения и полученные в боях с неприятелями России раны, имеет ещё и поныне бодрый и моложавый вид не по летам своим. Телесные припадки чужды ему, а причина тому то, что он с самой юности своей приучил к всем неприятностям воздушным и трудам тяжким, наблюдает совершенное во всём воздержание, от чего природное сложение его сделалось весьма крепкое.

Будучи во многом отличным от обыкновенных людей, не менее отличается он весьма и образом жизни своей, так как и препровождением и разделением времени своего. Обыкновенно встаёт он от сна весьма рано, летом и зимой, в поле и в селении, всегда прежде четырёх часов. Постель его — не пуховики изнеженных людей, шёлковые, с таковыми же занавесами, но с давнего времени уже есть самое простое произведение природы, на котором также и утруждённый земледелец почивает, — охапка добрая свежего сена, постланная довольно высоко и широко, покрытая холстинною чистою простынёю, да подушка, а плащ вместо одеяла. Он спит обыкновенно весь раздет донага и не имея на теле ни нитки. Летом и доколе погода и время года дозволяют, он живёт и спит под палаткою в саду. Одевание его поспевает в немногие минуты. Он весьма чистоплотен, обмывается и обливается водою холодною несколько раз в день. Всегда в мундире или куртке военных, но штатского никогда не надевает, как то халата, сюртука, рукавиц, плаща или шубы, какова бы погода ни была, кроме как в дороге, и то известное время, употребляет он из помянутых платьев которое-нибудь: то есть плащ или тулуп».

Эти строки были написаны в годы великой славы Суворова. Его тезисы на разные лады перифразировали преемники Антинга, биографы Суворова, которых интересовали вершины славы русского генералиссимуса. Конечно, Антинг идеализировал своего героя. Кого же ещё восхвалять, если не Суворова? Мы же

начнём повествование «от печки», с детских лет полководца.

По древнеримской традиции, лучших своих героев наш народ называет отцами Отечества. Переняла эту традицию и имперская Россия, провозгласив отцом Отечества императора Петра — одного из прямых предков и учителей Суворова в Истории. И относится к ним с сыновней любовью, передавая из поколения в поколение предания о сокровенных героях России. Одним из первых в этом списке всегда будет Александр Васильевич Суворов — русский архистратиг Михаил, солдат и богомолец, генералиссимус и мыслитель. К суворовскому образу мы обращаемся с детских лет — и эта потребность благотворна. Сколько раз пример Суворова вдохновлял нас на большие и малые победы. Сколько раз нам не хватало Суворова — когда, легкомысленно забывая о нём, мы узнавали горький вкус поражений. И конечно, в любом серьёзном рассуждении о «загадочной русской душе» и народном характере не обойтись без суворовского образа. Суворов — первая шпага России, один из незабвенных отцов Отечества, память о котором помогала Родине и после смерти генералиссимуса. В Отечественной войне 1812 года, в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг… Этот мужественный гений, находивший кратчайшие пути к победе в самых экстремальных ситуациях, как никто другой, поможет нам в исполнении *нашего долга* — он поможет возродить Россию. Ведь образ Суворова, запечатленный в народной памяти, сочетает военную доблесть и православное смирение, гордость победами и умение учиться, страсть к служению Родине и к образованию, к неустанному пополнению интеллектуального багажа. Для Суворова — бесстрашного солдата — никогда не были второстепенными вопросы морали, нравственности. Он воплощал традиционную православную этику, не принимая приведшую к революционной ситуации в XX в. привычку к элитарной отстраненности дворянства от народных масс. Суворов был отцом и братом для каждого из своих солдат и остается отцом Отечества в наши дни.

Сын генерала Суворова

«Я родился 1730 г. 13 ноября», — писал Суворов в короткой автобиографической записке. Это наиболее достоверная дата рождения Александра Васильевича. Хотя в научной литературе фигурирует и другой год рождения полководца — 1729-й. Граф Дмитрий Хвостов — муж племянницы и закадычный друг Суворова — принял решение указать на надгробном камне 1729 г. … Церковная запись о крещении Суворова не сохранилась. В XX в. 1729 г. снова возник в суворовской литературе после публикации статьи А.В. Гутора «К вопросу о времени рождения Суворова» в «Суворовском сборнике» 1951 года. И всё-таки большинство исследователей, отталкиваясь от автобиографической записки, признают годом рождения полководца 1730-й.

Отец нашего героя — Василий Иванович — начал службу в юные годы денщиком и переводчиком Петра Великого, будучи восприемником государя. Дед полководца — Иван Григорьевич Суворов — служил генеральным писарем лейб-гвардии Преображенского полка, а какое-то время занимал эту должность и в Преображенском приказе — то есть в могущественной спецслужбе. Ему доверяли, фактически он руководил штабом полка.

Московская Суворовская улица, впадающая в Преображенскую площадь, предположительно, была названа в честь жившего здесь И.Г. Суворова. В его доме бывал первый русский император — в те времена молодой царь, крестивший Василия Ивановича Суворова. Пётр приблизил к себе способного подростка Василия — одного из тех мальчишек, которые олицетворяли для императора новую, молодую Россию. Россию просвещённую. В инструкции к агенту Адмиралтейства по найму техников К.Н. Зотову Петр говорит о своем крестнике: «Суворова отправить в Мардан, где новый канал делают, также и на тот канал, который из окиана в Медитеранское море приведен, и в прочие места, где делают каналы, доки, гавани и старые починивают и чистят; чтобы он мог присмотреться к машинам и прочему и мог бы у тех фабрик учиться». Точных данных об учёбе В.И. Суворова за границей у нас нет. Можно лишь предполагать, что молодой полиглот и книгочей не избежал европейского образования — как и его старший брат Иван Иванович, учившийся в Париже.

При Анне Иоанновне он служил военным прокурором. Не раз расследовал весьма деликатные дела — например, участвовал в судебном преследовании Ивана Александровича Долгорукова. Из

песни слов не выкинешь: ссыльного князя, любимца Петра, допрашивали с пристрастием, добиваясь признаний в «злых словах» об императрице Анне. После таких экзекуций Василий Иванович впал в нервное расстройство и решил переменить место службы — из военных превратиться в статского.

Во время Семилетней войны В.И. Суворов побывал генерал-губернатором завоёванной Пруссии, проявив себя дельным и экономным политиком. Пётр III назначил его тобольским губернатором, но по неизвестным причинам поездка в Сибирь сорвалась, а пост губернатора занял совсем другой человек. Василий Иванович активно участвовал в екатерининском дворцовом перевороте: в Ораниенбауме он разоружил и арестовал голштинский генералитет. Не удивительно, что при Екатерине он достиг завидных высот военной карьеры, стал генерал-аншефом, премьер-майором Преображенского и подполковником Измайловского полка, всю жизнь служа по юридической части и при Провиантском департаменте и выполняя поручения, о которых до Суворова, уже также бывшего генерал-аншефом в дни составления автобиографической записки, «сведения не доходили». Репутации боевого генерала у Василия Суворова не было. Зато до нас дошли сведения о легендарной *бережливости* Василия Ивановича Суворова, позволившей ему приумножить семейные капиталы. Это качество унаследовал и Александр Васильевич, бережливо относившийся к солдату, не терпевший житейских излишеств, вникавший в экономику, в хозяйственную жизнь своих поместий. Суворовы довольствовались малым, совершая великое.

Где родился Суворов? На этот вопрос исследователи до сих пор не дали окончательный ответ. Наиболее вероятным местом рождения можно признать дом на Арбате, неподалёку от Серебряного переулка, возле церкви Николы Явленного. В этом храме, по-видимому, и был крещён младенец Александр Суворов. Нарекли его в честь св. Александра Невского, память которого отмечается 23 ноября. На всю жизнь Суворов сохранил особенно трепетное отношение к своему небесному покровителю — полководцу и подвижнику. Каменный арбатский дом супруги Суворовы получили в качестве приданого от отца невесты, Федосея Семёновича Манукова, вице-президента Вотчинной коллегии. Увы, дом не сохранился.

В 1729–1730 гг. В.И. Суворов служил прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. Известно, что он болезненно относился к засилью иностранцев в командных кругах. В послепетровской истории то и дело засилье европейских офицеров и чиновников переходило границы разумного.

В 1740 г. Василий Иванович Суворов продаёт старый арбатский дом. Детство полководца продолжилось на берегу Яузы, в знаменитой Покровской слободе (нынешняя Бакунинская улица), в приходе церкви Николая Чудотворца. Есть сведения, что Суворовы продали арбатский дом ещё до рождения сына — и он появился на свет в Покровской или в любимом имении Василия Суворова — скажем, в селе Глядкове, что во Владимирской губернии, в Переславль-Залесском уезде.

Покровское расположено далековато от Кремля, и всё-таки этот район нельзя назвать окраинным: там гостевали императоры. Тамошний деревянный храм достался Москве в наследство от села Рубцова. В третьем десятилетии XVII в. эти места облюбовал первый самодержавный Романов, царь Михаил Фёдорович. По царскому приказу на берегах Яузы устроили загородный дворец, заложили и каменную Покровскую церковь, после чего и село назвали Покровским. Официально в пределы Москвы Покровское включили в 1752 г., когда там и жили Суворовы. В 1765–1766 гг. *суворовская* церковь Николая Чудотворца была перестроена в камне, но к тому времени Суворовы покинут Покровку.

Суворовы вели свой род от легендарного предка — шведа Сувора, поступившего на русскую службу в 1622 году. Но это было данью традиции галантного XVIII в. — выставлять на щит иностранного предка. На самом деле фамилия Суворовых русского происхождения, от слова «суворый» — «суровый». И известен благородный род Суворовых по крайней мере со времён первой половины царствования Иоанна Васильевича Грозного. И конечно, были у Суворовых боевые заслуги перед Родиной. В победном казанском походе царя Иоанна Грозного 1544 г. Михаил Иванович Суворов служил четвёртым воеводой полка правой руки. Через пять лет, в Шведском походе он уже третий воевода большого полка. Сам Александр Васильевич Суворов о боевом отечественном предке не вспоминал, повторяя привычную ему сызмальства легенду о шведе Суворе. При этом самоощущение полководца было выражено известными словами: «Горжусь, что я русский!» И в экстремальных ситуациях, поднимая в бой израненные батальоны (как это было, например, в Альпийском походе), Суворов умело и непритворно взывал к русскому патриотизму.

Что касается родственников со стороны матери, Суворов наверняка в детстве с любопытством прислушивался к рассказам о прадеде — Семёне Манукове, который безупречно служил офицером в лейб-гвардии Преображенском полку во времена Петра Великого. Таким образом, и Суворовы, и Мануковы были

причастны к великим делам первого русского императора и к русской гвардии.

В детстве будущий генералиссимус слыл болезненным, хилым ребенком. История суворовского превращения в богатыря хрестоматийна — подобным образом исправлял собственное косноязычие будущий великий оратор Демосфен, о котором юный Суворов читал у Плутарха. Отец, человек осторожный и осмотрительный, и не мечтал о военной славе для любимого сына, но с самых ранних лет Саша Суворов посвятил себя военной славе Отечества, и это был осознанный личный выбор. В доме Суворовых была изрядная библиотека, открывшая мальчику целый мир, который оказался куда увлекательнее реальности. Наш герой десятки раз перечитывал излюбленные страницы, рассказывавшие о военных подвигах героев древней, средневековой и новой истории, мечтая о собственной славе. Уже тогда Суворов понимал: для этого необходимо упражняться физически и умственно. И он воспитывал себя в спартанском духе, отказавшись от мягких перин и теплой шубы, анализируя стратегию великих полководцев прошлого.

После восшествия на престол дочери Петра положение Василия Ивановича укрепилось. Он стал прокурором возрождённой Берг-коллегии — это ведомство управляло горными заводами и рудниками. Для коронации (а она традиционно проходила в кремлёвском Успенском соборе) новая императрица Елизавета надолго прибыла в Первопрестольную. Поселилась она не в Кремле, а по соседству с Суворовыми — в Покровском.

От тех лет у нас осталась легенда о встрече юного Суворова с генералом Ганнибалом — сподвижником Петра Великого и предком Александра Сергеевича Пушкина. Василий Иванович посетовал генералу Ганнибалу, что его сын всему предпочитает уединение в библиотеке. Ганнибал незаметно вошел в комнату Суворова и увидел мальчика, обложенного военными книгами. Они обменялись мнениями о некоторых старинных битвах, после чего Ганнибал сказал Василию Ивановичу: «Оставим его. У твоего сына сейчас собеседники поинтереснее нас с тобой…»

Генерал Ганнибал говорил Суворову: «Если бы жив был наш батюшка Петр Алексеевич, он поцеловал бы тебя в голову и приблизил к себе…» Пройдёт время, и Суворов станет величайшим героем, защитником Российской империи, созданной Петром, — подобно тому, как Ломоносов стал ее первым университетом. Но в те годы юный Суворов колебался — с кого брать пример? — между великим Петром и его

соперником, шведским королем Карлом. Этот вопрос Суворов считал важнейшим — и много лет спустя учил солдат: «Выбери героя, бери пример с него, подражай ему в геройстве, догони его, перегони — слава тебе!» В конце концов патриотические настроения перевесили: Суворов понял, что Петр Великий воевал за славу Отечества, а Карл Шведский искал личной славы. Значит, Пётр победил заслуженно…

Современники говорили о заурядной, неказистой наружности великого полководца. Да и привычка самого Суворова занавешивать зеркала во всех комнатах, где приходилось ему останавливаться, говорит о том, что Александр Васильевич считал свою внешность не соответствующей канонам героики. Невысокого роста, жилистый, щупловатый… Однако маркиз Дюбокаж — француз, перешедший на русскую службу после революции и служивший в 1794–1796 гг. при Суворове, — считал и внешний образ полководца замечательным: «Наружность фельдмаршала как нельзя лучше соответствовала оригинальности его личности. Это был маленький человек слабого сложения, но одаренный природою могучим и чрезвычайно нервным темпераментом… Не похоже, чтобы он когда-либо, даже в молодости, обладал красивой внешностью. У него был большой рот и черты лица мало приятные, но его взгляд был полон огня, живой и необыкновенно проницательный: казалось, он все пронизывал и исследовал глубину вашей души, когда останавливался на вас внимательно. Я встречал не много людей, у которых чело было бы больше изрезано морщинами, и морщинами настолько выразительными, что лицо его как бы говорило без помощи слов. Характер у него был живой и нетерпеливый: когда он бывал чем-либо глубоко возмущен и рассержен, лицо его становилось суровым, грозным, даже ужасным — оно выражало все чувства, волновавшие его в эту минуту. Но эти минуты были редки и всегда вызваны основательными причинами, а его суровость никогда не переходила в несправедливость, хотя порой он и бывал чрезмерно едок и язвителен. Проходило возмущение, и черты его лица вновь принимали выражение обычной доброты, следуя за состоянием его души». Дюбокаж застал Суворова уже старцем: служил адъютантом при фельдмаршале в середине 1790-х гг. Описание Дюбокажа — человека, одарённого литературными способностями, — весьма ценный источник знаний о внешности Суворова. Не производил он впечатление богатырской статью и медальным профилем и в молодые годы, когда начинал службу.

На склоне лет Суворов однажды сказанул: в молодые годы я считался первым кавалером. Мало кто понял, что старый

полководец иронизирует… Дело было в Швейцарии, в Регенсбурге. На балу принцесса фон Турн-и-Таксис попросила придворного художника написать миниатюрный портрет Суворова. И на следующий день кокетливо попросила старика позволить ей благоговейно носить этот портрет на груди. Суворов картинно вскинул голову: «Портрет не похож!» И принялся «уверять всех, что слыл когда-то в России, а потому и по всей Европе первым красавцем и превосходил нежностию тени (т. е. цветом лица . — *А.З.*) даже сестрицу свою». Нет, рослым молодцем Суворов не был никогда, и дамы вокруг него начали увиваться только, когда возник над головой полководца ореол славы.

В 22-й день октября 1742 г., двенадцатилетним, Суворов был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк, стоявший на Яузе по соседству с Покровским. К тому времени Суворов уже получил начальное домашнее образование, учился, как сказано, «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». После зачисления в полк, по традиции, новобранец получил отпуск для учёбы. Отец лично дал обязательства лейб-гвардии Семёновскому полку «в том, что находящийся в оном полку 8 роты солдат Александр Суворов имеет обучаться во время его от полку отлучения, то есть, генваря по первое число тысяча семьсот сорок шестого году, на своём коште указанным наукам, а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и часть инженерии и фортификации, також из иностранных языков да и военной экзерциции совершенно, и о том должен я, сколько от каких наук обучится, чрез каждые полгода в полковую канцелярию для ведома рапортовать. *Прокурор Василий Суворов* ». Многим наукам отец учил сына самолично: и иностранным языкам, и военным дисциплинам. Скажем, сочинение французского инженера Вобана «Прямый способ укрепления городов», которое Василий Иванович перевёл на русский язык, отец и сын изучали вместе. Для Александра Суворова эта книга стала первым и поистине замечательным учебником фортификации. И всё-таки Суворов остался в истории великим самоучкой — самовоспитание было в его судьбе куда важнее системного образования, важнее родительских наставлений. Отец несколько раз брал Александра в командировки, в которых сын прокурора Берг-коллегии постигал жизнь, узнавал людей.

В документах юношу окрестили «недорослем Александром Суворовым» (недорослями в XVIII в. называли несовершеннолетних дворян, не поступивших на службу), но он был антиподом фонвизинского Митрофанушки. А пять лет спустя началась действительная служба Александра Васильевича

Суворова в русской армии, в которой он прошел долгий путь от солдата до генералиссимуса. Впрочем, нижнюю ступень Суворов, как и все тогдашние дворяне, перешагнул, находясь в учебном отпуске, — и действительную службу начал капралом. Этого звания Александра Суворова удостоили 25 октября 1742 г.

1 января 1748 г. вышел приказ: «Явившемуся из отпуска 8-й роты капралу Суворову быть при 3-й роте». Прибывшие из отпусков гвардейцы сдавали экзамены по «указанным наукам». И экзамены вполне строгие. Вместе с Суворовым были приняты в полк и отпущены в учебный отпуск двадцать юношей-дворян. Из них только шесть человек продолжили службу после учёбы, выдержав испытания. Основной причиной отсева были проваленные экзамены. Назовём имена пятерых семёновцев, начавших службу одновременно с Суворовым: три подпрапорщика — Николай Волконский, Николай Ходырев, Александр Шереметев. И два капрала, как и Суворов — два Фёдора, Шереметев и Викентьев.

Семёновец

Суворов прибыл в Санкт-Петербург, в расположение Семёновского полка. Из 8-й мушкетёрской роты Суворова переводят в 3-ю (Семёновский полк в то время состоял из одной гренадерской и двенадцати мушкетёрских рот). Поселился Суворов в обширной Семёновской слободе Петербурга. До 1739 г. славный полк не имел собственной слободы в столице, и семёновские роты размещались в разных районах Северной Пальмиры. А в 1739-м императрица Анна Иоанновна пожаловала полку территорию «позади Фонтанки, за обывательскими дворами». Шефами полка, гвардии полковниками, по традиции значились правящие монархи: сперва императрица Анна, а ко времени суворовской службы в петербургской семёновской слободе — императрица Елизавета. Непосредственным командиром был генерал-фельдмаршал Степан Фёдорович Апраксин — будущий командир русской армии, действовавшей против Пруссии на первом этапе Семилетней войны. Как мы увидим, в сражениях он покажет себя болезненно осторожным, нерешительным полководцем, эдаким историческим антиподом Суворова. В полку он проводил не слишком много времени, но радел за интересы семёновцев, гордился их успехами.

Из 6,5 лет службы в гвардии дольше всего Суворов был приписан к 8-й и 1-й ротам, нередко его на время переводили в 3, 4 и 11-ю роту. Капрал Александр Суворов присутствует при освящении полковой Введенской церкви, которую исправно посещал в течение службы в гвардии. В 1764 г. обветшавшую полковую церковь перестроили на новом месте — на нынешней площади Витебского вокзала. И окончив службу в гвардии, бывая в столице, Суворов посещал Введенский храм, «что в светлицах Семёновских», знал поимённо храмовых певчих.

Жили семёновцы в Слободе с комфортом — на зависть иным полкам. Неподалёку от храма был возведён штаб — полковой двор. Каждая рота получила отдельный участок с собственной парадной съезжей избой. Тесных казарм не было: у каждой роты — по десять изб, в которых жили просторно и чисто. Рядом с хозяевами-дворянами селилась дворня, у некоторых семёновцев — весьма многочисленная. Так, с Суворовым жили двое — Сидор Яковлев и Ефим Иванов. Летом 1748-го Сидор Яковлев ударится в бега, захватив с собой два рубля, и беглого крепостного будут искать.

В праздник Крещенья на льду Невы выстраивались все войска столичного гарнизона — полк за полком. Как только архиепископ

опускал в прорубь крест — артиллерия салютовала празднику. Первая крещенская церемония навсегда запомнилась Суворову: он тоже салютовал из ружья, ожидая появления императрицы.

В полку Суворов отличался особым усердием, прилежанием к службе. Хоть и генеральский сын, а не избалованный. Среди шумных товарищей он слыл чудаком — за пристрастие к книге. В памяти Суворова осталась его первая награда, рассказ о ней в 1799 г. записал со слов генералиссимуса Е.Б. Фукс: «Ещё и поныне храню я в числе моих знаков отличия и целуєю ежедневно крестовик, всемилостивейше пожалованный мне блаженной памяти государынею императрицею Елисаветою Петровною, когда я, солдатом лейб-гвардии Семёновского полка, стоял в Петергофе у Монплезира на карауле и отдал ей честь. Она изволила спросить меня, как меня зовут. Узнав, что я сын генерал-поручика Василия Ивановича Суворова, хотела пожаловать мне крестовик, но я осмелился сказать: «Всемилостивейшая государыня! Закон запрещает солдату принимать деньги на часах». — «Ай, молодец! — изволила сказать, потрепав меня по щеке и дав мне поцеловать свою ручку. — Ты знаешь службу. Я положу монету здесь на землю: возьми, когда сменишься». Как я был счастлив».

Караульная служба в Летнем саду, в Адмиралтейской крепости и в Петергофе была основной обязанностью семёновцев. Они не только охраняли царский покой от возможных нападений, но и следили за «пожарным случаем», наблюдая на чердаках за печными трубами. Несомненно, он ощущал себя в самом центре родной империи, проникался почётным долгом царёвой охраны. Для людей одержимых, зажжённых героической идеей, гвардейская служба была лучшей школой патриотизма. Распространённой практикой среди офицеров-дворян было отлынивание от караульной службы: они нанимали солдат, которые и отстаивали дежурство за высокородных офицеров. Суворов же относился к дежурствам ревностно, знал наизусть статьи устава, посвящённые обязанностям часового, и, напротив, нередко выручал товарищей, подменяя их на караульном посту. Участвовал будущий генералиссимус и в хозяйственных работах, когда другие дворяне-офицеры только посылали на строительные объекты своих крепостных.

Несколько позже Суворов становится ординарцем генерал-майора Н.Ф. Соковнина, который, будучи также премьер-майором гвардии, фактически командовал Семёновским полком. По инициативе Соковнина Суворова повысили в звании, 8 июня 1751 г. его производят в сержанты. На это время приходится учёба в Сухопутном кадетском корпусе, где Суворов в качестве

вольного слушателя пополнил военное образование, полученное в гвардии. Последние два класса корпусных занятий Суворов посещает прилежно, не чураясь и дружбы с однокашниками. В то время в корпусе гремела слава одного из первых кадетов, поэта А.П. Сумарокова. Вместе с молодым кадетом М.М. Херасковым Сумароков основал первое «Общество любителей российской словесности», членом которого был и Суворов. В 1755 г. в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» появился диалог «Разговор в царстве мёртвых между Александром Великим и Герострáтом». Через год в том же журнале был опубликован «Разговор между Кортецом и Монтесумой». Под первым диалогом стояла подпись — «Сочинения А.С.», под вторым — «Сочинил С.». Долгое время эти произведения считались сумароковскими, но в позднейших исследованиях С.Н. Глинки было выдвинуто смелое предположение, что автором разговоров, загадочным «А. С.» является не кто иной, как Суворов. Глинка вспоминал о разговоре с М.М. Херасковым, в котором поэт рассказал ему, что Суворов читал оба разговора в «Обществе любителей российской словесности». Приводилось даже воспоминание об обсуждении диалогов в кругу Сумарокова с суворовской репликой в ответ на писательские замечания: «Я боюсь забыть, что слышал. Я верю Локку, что память есть кладовая ума; но в этой кладовой много перегородок, а потому и надобно скорее всё укладывать что куда следует». Фраза вполне суворовская: он постоянно задумывался о свойствах человеческого ума, о том, как можно упражнять память и волю. Сам жанр диалогов в загробном мире — популярный в XVIII в. — требует от автора фантазии и артистизма, чего Суворову было не занимать. Пафос диалогов — размышление над образом истинного героя, милосердного и великодушного, над истинной славой и жалким тщеславием — соответствует суворовской идеологии. И всё-таки у современного исследователя немного оснований приписывать эти произведения перу Суворова, как это сделал Кирилл Васильевич Пигарев в своей яркой, талантливой во всех отношениях книге «Солдат-полководец» (1943). Скорее всего, правнук Тютчева, филолог и историк Пигарев поверил в красивую, но не вполне достоверную легенду Сергея Глинки. Суворов никогда не упоминал «Разговоры» в письмах — а факт публикации в авторитетном журнале был бы лестным для внимательного к литературной жизни полководца. Убедительно сказал В.С. Лопатин: «Тяжёлый язык «Разговоров», написанных по канонам высокого стиля, лишь оттеняет живость, точность и красочность языка суворовских писем». И всё-таки из рассказов С.Н. Глинки нам ясно, что

Суворов не был пассивным участником заседаний «Общества любителей российской словесности». Он участвовал в прениях, спорил, выслушивал замечания, словом, *учился* .

Формально Суворов не был кадетом, но на мраморной доске в Первом кадетском корпусе имя слушателя занятий, генералиссимуса А.В. Суворова значилось наряду с выдающимися выпускниками корпуса — фельдмаршалами П.А. Румянцевым-Задунайским, М.Ф. Каменским, А.А. Прозоровским.

Долгих одиннадцать лет (считая пять с лишним лет учебного отпуска) Суворов служит в нижних чинах — с 1747 г. капралом, затем — подпрапорщиком, сержантом, затем — премьер-майором… В 1752 г. ему поручили ответственное задание, требовавшее распорядительности и знания иностранных языков: сержант Суворов был послан с депешами в Вену и Дрезден. Он увидел Европу, увидел будущих противников и соратников. Командировка вышла длинной — аж на полгода. Сержант… Сверстники Суворова — такие же аристократы, как Александр Васильевич, успели обогнать его по службе, но медленное продвижение по служебной лестнице сформировало суворовский гений. Служба в нижних чинах позволила зоркому, усердному исследователю армейской жизни составить объективное мнение о человеческих качествах и профессиональных возможностях русского солдата. Без службы в нижних чинах Суворов никогда бы не стал истинно *народным* генералом. Прославленный герой и в лучшие дни своей великой славы ценил собственную близость к народу, солдатскую простоту, иногда с лукавством называя ее «грубостью». В годы наивысшей славы полководца Суворова российская элита переживала период лихорадочного увлечения европейской, а в первую голову — французской культурой. Именно тогда галльская картавинка стала родовым признаком русской аристократии, которая всё чаще изъяснялась не на родном языке. Суворов со своими солдатскими замашками казался галломанам совсем уж эксцентрической личностью. А для патриотов, для русофилов всех поколений Суворов станет боевым знаменем. …В начале 1754 г. С.Ф. Апраксин — командир гвардейцев-семёновцев — ходатайствовал перед императрицей о производстве отличившихся унтер-офицеров гвардии в армейские офицеры. И 25 апреля гвардейцы смогли ознакомиться с поимённым списком унтер-офицеров, получивших первые офицерские чины. Таковых насчитывалось 176 человек, большинство из них стали подпоручиками. 35 особо прилежно служивших в гвардии унтер-офицеров сразу были произведены в поручики — и среди них Александр Суворов. Среди подписей под грамотой о производстве Суворова в поручики мы находим и

подпись члена присутствия Военной коллегии, бригадира Василия Ивановича Суворова. Теперь Суворов получил право выбрать полк, в котором ему предстояло продолжить военную службу. Молодой поручик выделил два полка — Ингерманландский и Астраханский, прославленные в баталиях петровской Северной войны. И 10 мая он получил назначение в Ингерманландский полк, входивший в дивизию генерала А.И. Шувалова. Этот славный полк связан с героическими днями службы второго российского генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова — полк отличился при Калише, победно сражался при Лесной. Слава полка подтвердилась и в Полтаве. Полтава для русского сердца в те годы была главной рифмой к слову «слава». Победа для России — это всенародная идея, объединяющее начало в идеологии и культуре. Куликовская битва, Бородино, Великая Отечественная… А для империи XVIII в. системообразующей Победой была Полтава — ключевой подвиг основателя империи, Петра Великого. В Ингерманландском полку молодой Суворов впитает полтавские традиции, без которых не было бы науки побеждать.

Семилетняя война

С неиссякаемой любознательностью он постигал, почём хлеб младшего армейского офицера. Однажды Суворов с блеском выполнил задание — проверить снабжение солдат и унтер-офицеров, после чего его и решили использовать в хозяйственных службах и армейской юриспруденции. Сказалось и влияние отца: он считал, что Александру не хватит здоровья, чтобы с преуспеванием тянуть армейскую лямку.

Служба в Ингерманландском оказалась недолгой: Суворова переводят на хозяйственную службу, обер-провиантмейстером, что соответствовало капитанскому чину. Это Василий Иванович пытался пристроить его в обжитых пенатах военно-хозяйственных служб. Новым местом службы стал древний Новгород, а в ведении Суворова оказались продовольственные и фуражные склады-«могазеины» в самом Новгороде, Старой Руссе и Новой Ладоге.

Но молодой офицер видел себя героем, истинным воякой — и побеждал природную хилость ежедневными изнурительными упражнениями. В те годы он уже ежеутренне обливался колодезной водой, совершал долгие пробежки, в любую погоду одевался легко.

28 октября 1756 г. — новое назначение, на этот раз — в военно-судебной области. Суворов становится генерал-аудитор-лейтенантом, в непосредственном подчинении Военной коллегии. Это было повышением по службе: звание генерал-аудитор-лейтенанта соответствовало премьер-майорскому. Отныне в его ведение попали многочисленные армейские уголовные дела. Юридическая специфика не пришлась по душе Суворову, да и продержался он в Аудиторианте недолго: в конце лета Россия объявила войну Пруссии, началась Семилетняя война. А в декабре Суворов сдаёт дела в аудиторской экспедиции и переезжает на новое место службы — в Либаву (ныне — Лиепая), ближе к театру военных действий. Фельдмаршал Бутурлин формировал в Прибалтике войска для выступления в Восточную Пруссию.

Как мы видим, первые месяцы и годы офицерской службы Суворова потребовали навыков быстрого вникания в специфику разных областей армейской науки и жизни. В будущем полководцу пригодится и знание тайных пружин интендантской работы, и компетентность в правовых вопросах. Хотя с этими службами Суворову не раз придётся хлебать горькую кашу интриг, взаимного недоверия, а то и прямой вражды. Подчас полководец будет мнителен к интендантам, но чаще его

претензии будут оправданными — и так до последних дней жизни.

Судьба отдаляла молодого офицера от строевой службы. Но Александр Васильевич не желал идти по стопам отца, давно поняв своё призвание боевого генерала, если угодно, нового Тюренна или Ганнибала. А блестящие подвиги молодого генерала Румянцева подавали отечественный, родной пример, за которым хотелось следовать. По письмам и воспоминаниям легко составить портрет Суворова — человека пылкого, самолюбивого, преданного полководческой звезде. С какой же страстью он стремился на поля сражений Семилетней войны — туда, где ковалась европейская слава русского оружия.

В 1758 г. Суворова производят в подполковники, и в его биографию пушечным громом и свистом сабель врывается Семилетняя война. К тому времени Василий Иванович Суворов был уже главным полевым интендантом. Отец (несколько позже) с нескрываемым сожалением напишет о Суворове, обращаясь к самой императрице: «Сын Александр по молодым летам желание и ревность имеет ещё далее в воинских операциях практиковаться». Но он понимал: упрямого Александра не переделаешь и перестал препятствовать его порывам.

Ситуация резко изменилась только в 1759 г. Суворова назначают дивизионным дежурным при армии генерала В.В. Фермора; в этом качестве двадцатидевятилетний подполковник принимает участие в победном для российской армии сражении при Кунерсдорфе. Эта виктория над Фридрихом Великим, конечно, стала ярчайшим впечатлением военной молодости Суворова.

Генерал Фермор вошёл в историю во многом благодаря своему великому ученику, но и без суворовского ореола мы видим честную армейскую судьбу боевого генерала.

Что такое генерал Фермор? Сын выходца из Англии, русский полководец и граф Священной Римской империи. Его звали Вильгельмом, но в те годы более привычным для русского уха показалось сочетание «Виллим Виллимович».

Был адъютантом Миниха, его правой рукой. Отличился в кампаниях 1736–1738 гг., под командованием Миниха, сражаясь с турками. Командовал авангардом, совершал подвиги. Однажды — дело было в 1737 г. — небольшой (в 350 сабель) конный отряд Фермора был окружён турецко-татарскими войсками, раз в десять превосходившими русских численно. Невозмутимый Фермор построил пешее каре и отразил атаку. Был тяжело ранен — и, конечно, этот подвиг заметили, произвели Фермора в генерал-майоры. В 1739 г. генерал Фермор не менее храбро бился при

Ставучанах, ворвался в лагерь Вели-паши.

В шведскую кампанию 1841 г. овладел Вильманстрандом, чем существенно упрочил своё положение в армии. Один из главных героев Семилетней войны, в которой участвовал в высоком чине генерал-аншефа.

Осторожность, порой медлительная основательность Фермора не отвечала надеждам Суворова, но служба рядом с опытным и толковым боевым генералом была отменным университетом. Можно было поучиться у Фермора и административным навыкам, умению заботиться об офицерах и солдатах, держать в голове задачи всех армейских служб. Фермор выделял Суворова, доверял ему — и в истории останется изречение будущего генералиссимуса: «У меня было два отца — Суворов и Фермор».

Под командованием Фермора русской армией была занята вся Восточная Пруссия, взят Кёнигсберг. Фермор был одним из русских генерал-губернаторов Восточной Пруссии (в другое время этот пост, как известно, занимал «благородный родитель» Василий Иванович Суворов). Однако осада Кюстрина не принесла ему успеха.

Расчетливый и волевой генерал — один из тех, кто предопределил победные традиции русской армии елизаветинских и екатерининских времён. Суворов учился у него. Главным образом — полководческой дисциплине, воле.

Война быстро охватила всю Европу, воздействовала и на жизнь тех держав, которые в боевых действиях участия не принимали. В историческом контексте Фридрих Великий был в известном смысле прямым предшественником Бонапарта, а Семилетняя война — прообразом будущих Наполеоновских и мировых войн.

Сражение при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г. стало первой крупной битвой, в которой принял участие подполковник Суворов, до сих пор только мечтавший о великих баталиях. В штабе Фермора он был личностью заметной: подполковник, приближенный к командующему. Армия Фридриха была лучшей в Европе по выучке и стойкости, но Суворов, осознавая это, скептически относится к прусской военной системе. Рабское следование военной науке побед не приносит — сражения Семилетней войны это показали. Суворов видел и недостатки русской армии, в которой ещё не хватало грамотных и опытных офицеров, настоящих солдатских воспитателей — нередко военная элита формировалась по принципам знатности происхождения. Позже Александр Васильевич напишет: «На войне нужны другие полковники и другой штаб, армейского

происхождения».

Прусское неумение завершать бой штыковой атакой Суворов считал слабостью: решительный штыковой удар вызывал восхищение подполковника. Ведь это — ключ к победе. Любовь Суворова к штыковой атаке (а он останется ей верен вплоть до последних сражений отряда Багратиона в Альпах) не была лишь блажью или эмоциональной привязанностью полководца. Умело владеющий штыком солдат выбивает из строя от двух до четырёх противников. Суворов любил добавлять, подзадоривая своих воинов: «А я и больше видал». Качества стрелкового оружия во времена Суворова позволяли добиться примерно десятипроцентной точности попадания на расстоянии 300 шагов. Эффект залпового огня достигался на расстоянии 60–80 шагов, которое Суворов намеревался легко преодолеть быстрым броском пехоты, которая штыковым ударом сметает стрелков, готовившихся к новому залпу. Нужно только научиться бежать вперёд под огнём, перебороть страх. Потому-то и говорил Суворов: «Пуля — дура, штык — молодец». Сколько пуль пропадает даром на поле боя! А штык, известное дело, «не обмишулится». Другой изъян прусской системы — неспособность к быстрым маневрам. Итак, выявлялись первые принципы суворовской системы подготовки войск: ускоренные переходы и умелые штыковые атаки.

Осенью 1760 г. Суворов, как офицер, близкий к Фермору, принял участие в рейде на Берлин конного корпуса генерал-поручика Чернышова. Русские войска заняли Берлин 28 сентября, взяв 4000 пленных и 57 орудий, но через несколько дней оставили город, опасаясь наступления многочисленной армии Фридриха.

Армия Румянцева вела осаду Кольберга. Фридрих Великий послал конный корпус генерала Платена, который должен был сорвать блокаду Кольберга. Румянцев выдвинул против него русский конный корпус под командованием генерал-майора Густава Густавовича Берга. Выходит приказ: «Так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского пехотного полка Суворова, то явиться ему в команду означенного генерала». Конный корпус генерала Г.Г. Берга стал для Суворова наилучшим университетом Семилетней войны. В июле и августе 1761 г. Суворов в составе корпуса Берга участвует в сражениях под Бреславлем, Вальдштатом и Швейдницем.

Первое время в корпусе Берга Суворов действовал в составе легкоконных команд, пользуясь относительной самостоятельностью. Так, сформировав отряд из казаков

Донского полка С.Т. Туроверова, Суворов захватывает город Ландсберг. Нападение на прусский отряд было оглушительно внезапным, удалось взять в плен двоих офицеров и тридцать солдат. По приказу Суворова разрушается мост через Варту, чтобы помешать продвижению армии Фридриха. Во всех схватках с прусскими отрядами Суворов выходит победителем, действуя смело и решительно. Рассеяв и потеснив противника, Суворов непременно устраивает преследование, стремится уничтожить врага, ибо «недорубленный лес снова вырастает». Мы снова и снова будем повторять эту максиму Суворова, которой он руководствовался во всех боях.

Наведя понтонный мост, корпус Платена всё-таки форсировал Варту и остановился в Бирнштейне. Берг послал в разведку боем отряд лёгкой конницы — гусар и казаков — под командованием двух полковников (Зорина и Попова) и подполковника Суворова. Дерзкое нападение принесло успех: русская конница разбила три эскадрона, взяла в плен более семидесяти солдат и одного артиллерийского офицера и без потерь ускакала прочь. 4 октября Суворов принимает участие в заметном сражении у деревни Вейсентин. Там расположился прусский отряд майора Подгарли. Берг приказал разбить отряд и взять в плен майора. Суворов с лёгкой конницей смело, яростно атаковал закрепившегося в деревне противника. В плен взяли самого Подгарли. Позже пришло известие, что прусский отряд, шедший на помощь Подгарли, повернул к Грейфенбергу. Суворов с готовностью возглавил преследование и настиг арьергард. С полусотней новых пленных Суворов вернулся на русские позиции. Полный успех! И приказ выполнен, и инициатива оказалась удачной.

Таланты Суворова отметил Румянцев, внимательно приглядывавшийся ко всем русским командирам. «Быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности», — такое румянцевское определение Суворова даёт А. Петрушевский. Таким Суворов показал себя при штурме Гольнау, когда повёл гренадер в штыковую атаку на прусские войска, защищавшие ворота города. Штыками войска Суворова далеко оттеснили врага и перебили многих. В жарком бою Суворов был ранен, ранило под ним и лошадь. Лекаря, разумеется, поблизости не оказалось. Подполковник со спартанским спокойствием промыл рану в речной воде и сам перевязал её.

Уже тогда он в короткие сроки обучал солдат навыкам штыкового боя. Что такое штыковой бой по-суворовски? Атаковали сомкнутым строем. «В двух шеренгах сила, в трёх — полторы силы, передняя рвёт, вторая валит, третья довершает…» Суворов требовал сохранения строевого порядка даже в самом

яростном бою. Строем нужно было настичь противника и поразить могучим колющим ударом. Это солдаты оттачивали на плетнях и мешках-манекенах. Добежал — вонзил штык, выдернул, снова вонзил. Суворов сам демонстрировал сноровистую технику штыкового удара. До старости он принимал участие в учениях.

В ноябре 1761 г. подполковника Суворова назначают командующим Тверским драгунским полком вместо заболевшего полковника. С этим полком Суворов участвует в лихих сражениях у Фарцына, в заключительных боях за Кольберг. Командующие в своих реляциях не забывали о подвигах решительного и расчётливого командира. В 1761 г. Суворову удалось достаточно ярко проявить свои таланты на поле брани. Полководец подробно вспоминал о той кампании в автобиографии: «Состоял в лёгком корпусе при генерале Берге и был под Бригом, при сражениях бреславльском с генералом Кноблохом и разных шармицелях, на сражении близ Штригау, при Гросс— и Клейн-Вандриссе, где предводил крылом в две тысячи российского войска». Заметим: Суворову было уже за тридцать, а он только снискал первую — робкую — славу.

Главный же подвиг Суворова в Семилетнюю войну был совершён всё-таки под стенами Кольберга (не забудем и польский вариант названия этого города — Коложбег). Под Кольбергом Суворов принял командование над казачьим полком Туроверова. Штурм Кольберга трудно было позабыть: «Генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторою пехотою; я одним гренадерским батальоном атаковал вороты, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусской отряд штыками чрез весь город за противные вороты и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен; я поврежден был контузиею — в ногу и в грудь — картечами; одна лошадь ранена подо мной». Русский солдат, вступивший в Семилетнюю войну, одолел лучшую армию Европы, показал себя терпеливым и неустрашимым. Чувствуя, что «наша берёт», Суворов осознавал, что не прошли даром уроки Семёновского полка, уроки Сухопутного корпуса и, наконец, уроки тех собеседников, с которыми он не разлучался в отцовском доме — великих полководцев, умевших управлять капризами судьбы. Ведь Александр Васильевич без кокетства признавался: «У меня много старых друзей: Цезарь, Аннибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекукули, Роллен… и всех не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых…» Впредь Суворов не сомневался в замечательных качествах русского солдата — уверенность, что

«русские прусских всегда бивали», не раз помогала Суворову в безнадежных ситуациях. Раны, полученные под Кольбергом, не были последними.

Суворов заметно отличился в кампании 1761 г. — всё чаще его имя упоминается в журнале боевых действий в связи с большими и малыми победами: «Лёгкие войска и с ними подполковник Суворов в погоню посланы, которой неприятелю немалый вред причинил», «Подполковник Суворов весьма храбро поступал и за неприятелем чрез местечко и по мосту гнался», «Подполковник Суворов… 3 эскадрона неприятельские вовсе разбили, гнавшись даже до неприятельского фронта».

После выздоровления командующего Тверским драгунским полком Суворову вверили другой драгунский полк — Архангелогородский. Вообще в кампании 1761 г. Суворову доверяли командование над различными летучими отрядами, а иногда и над гренадерами. Командиры использовали храбрость Суворова, его склонность к быстрым операциям. Преследование арьергарда противника, разведка боем, прикрытие отступления русской армии — всё это характерные для Суворова задания. Особенно ярко он проявил себя, когда корпус Румянцева под Кольбергом успешно отражал контратаку принца Вюртембергского.

Заслуги великого солдата в Семилетней войне были вознаграждены в 1762 г., когда Суворову, по реляции П.А. Румянцева, присвоили чин полковника. В сражениях Семилетней войны на Румянцева подполковник Суворов произвёл впечатление как способный, энергичный командир кавалерийских отрядов. Реляцию великий Румянцев писал Петру Третьему 6 июня 1762 г.: «Генерал-майора князя Голицына пехотного полку подполковнику Александру Суворову, как он всех состоящих в корпусе моём подполковников старее, да и достоин к повышению в полковники, но что он, хотя в пехотном полку счисляетца, однако почти во все минувшие кампании, по повелению командующих Вашего Императорского Величества армиею генералов, употребляем был к лёгким войскам и к кавалерии, как и ныне Тверским кирасирским полком, за болезнию полковника командует и склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил, в подносимом при сём списке ни в которой полк не назначен и всеподданнейше осмеливается испросить из Высочайшей Вашего Императорского Величества милости, его, Суворова, не состоящую в кавалерийских полках ваканцию в полковники всемилостивейше произвесть».

Нежданно-негаданно Суворова вызвали в столицу. Прошло кратковременное правление Петра Третьего, «сдавшего» русские

успехи в Семилетней войне, трон заняла Екатерина, и пришло время чествовать офицеров, отличившихся в последних победных сражениях Семилетней войны. Отец позаботился о том, чтобы Александру приказали доставить депеши в Петербург и представили императрице… Вот тогда Суворов и был произведён в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка.

Иные ровесники Александра Васильевича, не имевшие суворовского боевого опыта, уже ходили в генералах… Но судьба великого героя состояла в неторопливом, заслуженном возвышении. В старости, когда награды сыпались на Суворова как из рога изобилия, он произнес знаменательное: «Я не прыгал смолоду, зато прыгаю теперь…»

Полковник Суворов

Весной 1763 г. Суворов получает новое назначение — он принял в командование Суздальский полк, располагавшийся на древней новгородской земле, под Новой Ладогой.

Заместителем Суворова стал подполковник Яков Трусов — высокообразованный дворянин, прирождённый литератор. Он первым принялся переводить на русский язык «Робинзона Крузо» — и заслужит похвалу императрицы. Зато следующее литературное предприятие Трусова — перевод сатир Готлиба Рабинера — повлекло опалу. Беседы с Трусовым стали для пытливого Александра Васильевича новой страницей в самообразовании.

Россия стала в XVIII в. истинной воинской державой. Дворянство исполняло офицерский долг — хотя вольности, начиная с Петра III, постепенно развращали «опору империи». Солдатство сплошь состояло из потомственных крестьян. Разумеется, помещики старались отдавать в рекруты никудышных работников, подсовывали пьяниц и вертопрахов — и новобранцы представляли из себя тёмную массу. Армия становилась для них школой во всех отношениях — и вопросы воспитания для командиров стояли на первом месте. Таким воспитателям, как полковник Суворов, удалось «натренировать» лучшего в мире солдата — терпеливого, преданного офицерам, крепкого, непобедимого в штыковой атаке.

Нужно заметить, что тогдашняя несправедливость фортуны подчас доводила Суворова до невеселых мыслей, граничивших с отчаянием, но полководец побеждал их своей стоической выдержкой и не унывал. Он квалифицированно и вдохновенно исполнял свой полковничий долг в Астраханском, а затем и в Суздальском полку. Более того — Суворов наслаждался службой, творчески осмысляя каждый нюанс армейской жизни. В те годы он создаёт замечательный литературный памятник военной мысли — «Полковое («Суздальское») учреждение». В этом сочинении Суворов проявил себя не только как яркий теоретик и вдумчивый практик, но и как самобытная личность, настоящий вождь, готовый к подвигам во имя спасения Отчизны. Семилетняя война заставила многих пересмотреть устоявшиеся воззрения в военной науке и армейской практике. Ранения, дезертирство, болезни вдвое ослабляли армию в годы войны. Суворов видел, как эти прискорбные факты мешали развить успех, добить противника. Критически переосмысляя уроки древних и современных войн, Суворов принялся создавать из вверенного

ему полка боеспособную, обученную армейскую силу. Суворов не уставал следить за работой интендантов, за выпечкой хлеба, негодовал, когда задерживалась доставка горячего питания для солдат: «Ужин варить свежее, а когда выедят, того ж часу котёл чисто песком вычистить; каша бы доварена и не сыра была; сие весьма служит для соблюдения здоровья». Патриархальный православный дворянин, Суворов хорошо знал фактуру рекрутской армии, понимал крестьянских сынов. Рекрутов в армию выдвигали крестьянские общины — и в основном из них получались солдаты, тяготеющие к коллективным действиям, к общинной морали. Это была не армия индивидуалистов-наёмников. Параллельно с армейскими подразделениями в армии существовали неформальные солдатские артели, участники которых были связаны круговой порукой. «Сам погибай, а товарища выручай», — сформулировал Суворов действенное правило, изучив общинное нутро русского богатыря. В «Полковом учреждении» Суворов прославляет трудолюбие и называет праздность самым опасным недостатком солдата. И потому полковник придаёт решающее значение учениям, усердной «экзерциции» каждого солдата. Вышколенный суворовский солдат-суздалец мобилен, подвижен, быстр, «ко всякому движению и постановлению фронта против неприятеля искусен». Он же умеет быстро заряжать ружьё, стрелять проворно и метко, своевременно исполняя приказы офицеров. Каждый офицер обязан быть педагогом, учить солдат боевым премудростям. Вот так, например, Суворов очерчивает обязанности ротного командира: «К своим подчинённым имеет истинную любовь, печётся о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всём, что до их должности принадлежащем». Увы, суворовские инструкции времён суздальского учреждения по технике ведения штыкового боя не сохранились. Но выдающаяся роль штыка в современной ему войне в суздальские годы была Суворову вполне ясна. Что касается послушания (Суворов любил и понимал это церковное слово!) и воинской дисциплины — процитируем такой пассаж: «Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние».

Поговаривали, что Суворов напялил на себя маску эксцентрика, чтобы схватить за хвост неподатливую фортуну. «Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом и Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел

петухом, пробуждая сонливых, угомоняя буйных врагов Отечества», — скажет Суворов в пору славы. «Так как с первых шагов на пути славы он встретил соперников завистливых и сильных настолько, что они могли загородить ему дорогу, то и решился прикрывать свои дарования под личиной странности. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, действия быстры. Но в частной жизни, в обществе, в своих движениях, обращении и разговоре он являлся таким чудаком, даже можно сказать сумасбродом, что честолюбцы перестали бояться его, видели в нём полезное орудие для исполнения своих замыслов и не считали его способным вредить и мешать им пользоваться почестями, весом и могуществом», — рассуждал французский посланник граф Сегюр — надо признать, проницательный господин. Чудачества помогали найти общий язык с солдатами, у которых Суворов сознательно приобрёл репутацию колдуна. Он кукарекал, задавал странные вопросы и давал нарочито уклончивые, даже абсурдные ответы. Таким и запомнили его при дворе — ещё полковником.

С Суздальским полком Суворов немало времени проводил в Санкт-Петербурге, организуя караульную службу. Вспоминались годы службы в Семёновском полку, в гвардии, но тянуло почему-то подальше от столиц. Командира образцового полка представили великому князю Павлу Петровичу — русскому Гамлету, с которым многое будет связано в судьбе Суворова. Сохранился исторический анекдот: «Однажды Суворова пригласили в кабинет к великому князю Павлу Петровичу. Едва войдя в кабинет, Суворов начал гримасничать и проказничать. Павел остановил его: «Мы и без этого понимаем друг друга». Что их объединяло? У обоих руки связаны! Павла отстранили от власти, Суворова не выдвинули в генералы…

В Петербурге ему нездоровилось. Он нечасто впадал в кручину, но в одном из писем написал «Чую приближение смерти. Оная меня со свету потихоньку сживает, но я её презираю, позорно умирать не желаю, а желаю встретить её только на поле сражения». Ему предстояло ещё 35 лет провести в учениях и боях!

К тому времени Суворов уже определился в своей неприязни к придворной жизни. С 1765-го по осень 68-го полк дислоцировался в Новой Ладоге, где несколько лет назад Суворову уже приходилось бывать по интендантским делам. Увы, полковой архив давно погиб — и, кроме сравнительно недавно обнаруженного «Полкового учреждения», документы того времени утрачены.

В Новой Ладоге вместе с офицерами и солдатами Суворов построил деревянную церковь во имя святых апостолов Петра и

Павла, а ещё — школу для местных ребятишек. С азартом махал топором, работал наравне с молодыми. По многочисленным свидетельствам ладожцев, Суворов самолично, прилежно и мастеровито вырезал деревянный крест для храма.

Полк Суворова отличался от любого подразделения тогдашних европейских армий. Это был свой мир, созданный гениальным воином и мыслителем, которого многие считали чуть ли не безумным чудаком. Рассказывают, как Суворов со своим полком приступом брал монастырь, разрабатывая тактику штурма крепостей, как без мундира, сохраняя инкогнито, встречал новобранцев, испытывая их в остроумной пикировке. Эти эпизоды запоминались, о них судачили. А Суворову и нужно было прославиться!

На памятных маневрах 1765 г. Суздальский полк поразил саму императрицу отличной от других, но наиболее эффективной выучкой. Официальные биографы Суворова именно от тех маневров вели начало славы полководца.

Армию тогда вывели в лагеря, на маневры. Главный лагерь разбили у Красного Села, где расположилась тридцатитысячная армия из трёх дивизий. Войска разделили на два корпуса: командование первым всемилостивейше приняла на себя сама императрица. Вторым корпусом командовал Н.И. Панин. Суворов со своими суздальцами угодил под командование Екатерины. Маневры продолжались целую неделю — и стали яркой иллюстрацией к предвоенному усилению Российской империи, в которой армия стала верной опорой императрицы. В том же году вышла в свет книга Д.В. Волкова «Описание лагеря, собранного под высочайшею её императорского величества командой при Красном Селе». В книге, ясное дело, упоминаются громкие имена генералов, принявших участие в маневрах. А из полковников упомянут лишь один, отличившийся более других — А.В. Суворов: «Суворов с пехотой и артиллерией произвёл наступательное движение, занимая высоты одну от другой и очищая путь государыне для осмотра неприятельских позиций». Суворов был душой того наступления — его лёгкий летучий отряд проворно бросал к ногам Екатерины занятые плацдармы… Суворов в те годы не был всероссийской знаменитостью, но репутация одного из лучших полковников Российской армии, способного к неотразимо быстрым действиям, была им заслужена. Отзвуком тех славных маневров стало присвоение Суворову бригадирского чина 22 сентября 1768 г. А с Суздальским полком Суворову предстояло стать грозой польских конфедератов в новой войне. Суздальцы станут основой боеспособной, быстрой,

вышколенной суворовской бригады. В «Суздальском учреждении» Суворов с гордостью вспоминает о том, как полк удостоился императорской похвалы: «Не можно забыть высочайшую монаршую милость, которою сей полк недавно удостоен был. Отличность, каковою не один полк по прошествии многих лет славитца не может: всем протчим во образец! Но всегда о том воспоминая, содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым леностным успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу». Да, это был знаменательный день, начало суворовской славы — Красносельские маневры. Сохранилась молва о том, как Екатерина называла полковника Суворова после тех учений: «Мой будущий генерал».

Тем временем Василий Иванович Суворов успешно продолжал военно-административную карьеру. В 1768 г. он покупает последний в своей московской жизни дом — у Никитских ворот. Москвичам хорошо известен этот старинный особняк с мемориальной доской ещё дореволюционной, 1913 г., работы. Надпись золотом по белому выдержана в лаконичном стиле суворовской эпитафии — «Здесь жил Суворов». В барельефе, над щитом, мы видим узнаваемое скульптурное изображение Суворова. Суворовы стали прихожанами церкви Феодора Студита, и поныне находящейся неподалёку от дома, в котором теперь располагается посольство Нигерии. Этот храм был освящён в XVII в. другим великим русским патриотом, патриархом Филаретом. В эти годы А.В. Суворов нечасто бывал в Москве, проводя время в походах, но неизменно останавливался в отцовском доме и молился в храме Феодора Студита… Даже из скудного полковничьего жалованья Суворов жертвовал на нужды храма почтенные средства. При церкви похоронена мать Александра Суворова, Авдотья Федосеевна, не дожившая до славы любимого сына. А уж став наследником отцовского состояния и известным на всю Россию генералом, Суворов превратился в активного (и нередко — анонимного) благотворителя. После 1917 г. храм пришёл в запустение. В 1980-е гг. прозвучало предложение превратить приходскую церковь Суворова в музей полководца. Но сегодня, как и в суворовские времена, церковь Феодора Студита является действующим храмом, который недурно отреставрировали в девяностые годы. Память о Суворове жива в этих святых стенах, а музейная участь не подобает церкви. В 1773 г. генерал-аншеф Василий Иванович Суворов приобретает село Рождествено под Москвой. Долгие годы считалось, что это

имение было старинной вотчиной Суворовых, биографы фантазировали о детских годах полководца, проведённых в Рождествене… Это не так. Только в 1770-е гг. бывшая вотчина князей Барятинских стала удобной летней резиденцией Суворовых. В народной памяти это село накрепко связано с образом Суворова. В крестьянской среде и в XX в. ходили легенды о детстве полководца, которое якобы прошло в этих краях. Таково свойство легенд — правдиво привирать… На самом деле под старость лет Василий Иванович преследовал две цели: выгодно вложить средства и женить сына. Человек домовитый, он не понимал холостяцких наклонностей сына, жившего одними интересами армии. Соседнее село — Николо-Прозоровское (Никольское-Прозоровское, Николо-Прозорово) принадлежало, как это ясно из названия села, князьям Прозоровским. Их усадьба, в отличие от дома Суворовых, к счастью, сохранилась до нашего времени. Князь и генерал-аншеф Иван Андреевич Прозоровский, не в пример В.И. Суворову, вёл жизнь блестящую и расточительную. Будучи в долгах, как в шелках, он не мог дать за дочерью и пяти тысяч приданого. А Варваре Прозоровской ко времени сватовства было уже двадцать три года, и шлейф сплетен за ней тянулся. Поговаривали даже о связи с молодым цесаревичем Павлом (уже в наше время жёлтые газеты заговорили о бастарде Павла Симеоне, которого-де родила В.И. Прозоровская до 1773 г.; объявился и современный потомок царя при бороде, со стеклянным взором). Но о браке Суворова речь пойдёт впереди — до сватовства наш герой успеет с победами пройти две войны.

На польском фронте. Война против конфедератов

В 1768 г. Суворова произвели в бригадиры; через год в этом чине он вступит в свою первую польскую войну. Война, и он — почти генерал! Для Суворова — многообещающее поприще. Пришла пора в бою показать преимущества своей учебной системы. О трудах и днях тех польских кампаний стоит рассказать подробнее.

После Семилетней войны, чувствуя огромный потенциал Российской империи, французская дипломатия создаёт приснопамятный «Восточный барьер». Так называлась совместная деятельность Османской империи, Польши и Швеции против расширения российского влияния. Но сколотить по-настоящему боевую коалицию не удалось. Более того, в 1768 г. польский король, ставленник России Станислав-Август Понятовский запросил у Петербурга военную помощь. Дело в том, что большая часть влиятельных польских магнатов не желала видеть Понятовского на троне. Они объединились в так называемую Барскую конфедерацию и начали боевые действия.

Когда в кампанию вступила Россия, конфедераты, поддерживаемые Парижем, заключили военный союз с Турцией. Были у польских событий и другие пружины: в 1767 г. образовалась Слуцкая конфедерация протестантской и православной шляхты, которую поддерживала екатерининская Россия. Слуцким конфедератам удалось добиться законодательного уравнения в правах католиков, протестантов и православных. Таким образом, поводом для действий Барской конфедерации был и так называемый Репнинский сейм 1767–1768 гг. Этот сейм подтвердил шляхетские свободы, но провозгласил равенство католиков, православных и протестантов в Речи Посполитой. Католическое духовенство вдохновило основную часть шляхты на Барскую конфедерацию и войну не только против короля, но и против некатолического меньшинства Речи Посполитой. Разумеется, и Российская империя, на волне поддержки православных, стремилась укрепить свои позиции на Западе, превратить Польшу в послушного союзника.

Перед рассказом о войне против конфедератов необходимо уяснить некоторые геополитические нюансы того времени. Речь Посполитая всё ещё была одним из крупнейших европейских государств, и внутренний политический кризис снедал её сильнее любых соседей-агрессоров. Население страны к началу военных

действий, по наиболее распространённым данным, достигло 14 млн. Ослабевшая после Северной войны, но всё ещё великая восточноевропейская держава Речь Посполитая была союзом, унией двух стран — Польши и Литвы. Российская империя рассматривала всю Речь Посполитую как сферу военно-политического влияния, а территорию Литвы — как пространство для экспансии. Вена стремилась к скорейшему разделу Польши. Свои виды на Западную Польшу были у Пруссии. Россия до 1770-х гг. выступала за сохранение Речи Посполитой как самостоятельного, но зависимого от России государства. Буферного — между Россией и Западной Европой. Схожие цели в 1945 г., в Потсдаме, будет преследовать Сталин. Разумеется, при малейшем изменении политической конъюнктуры петербургская дипломатия готова была перестроиться и проглотить Польшу. Империи во все времена за милую душу съедают то, что могут переварить.

Российская империя к тому времени превратилась, как мы знаем, в государство, необъятное по территории, но весьма малозаселённое. Население страны к тому времени составляло немногим более 30 млн. К концу правления Екатерины Великой подданных империи было уже 37 млн, а по некоторым данным и более, но это после присоединения и освоения Кубани, Новороссии и разделов Польши. А в начале семидесятых всяческих ресурсов у Польши насчитывалось, конечно, меньше, чем у России, но разница не была столь существенной, чтобы Россия легко хозяйничала в столь гордом соседнем королевстве. Однако Польша оказалась в уязвимом положении, оказалась заложницей политических аппетитов России — и это, главным образом, из-за паралича власти и народных смут. К тому же, почувствовав слабину Речи Посполитой, спором «славян между собою» воспользовались Австрия и Пруссия. «За слабость бьют» — как говорил столетия спустя и по другому поводу И.В. Сталин. У Польши оставались все возможности для того, чтобы не попасть в разряд слабых. Не было только политической воли, да царя в народных головах.

Кем был последний польский король, Станислав-Август (1732–1798)? Примечательная личность — обаятельный кавалер, острослов, яркий оратор. Отпрыск двух знатных польских родов — Понятовских и Чарторыйских. В 1756 г. Станислав-Август прибыл в Россию — стал послом Августа III, курфюрста Саксонского и короля Польского в Санкт-Петербурге. Донжуан, успевший уже поблистать в Париже, стал любовником молодой Екатерины — ещё не императрицы. Пылкий поляк не испугался наставить рога русскому великому князю, наследнику престола.

Впрочем, Пётр Фёдорович не ревновал: он был всецело увлечён фаворитками. Понятовского считали наиболее вероятным отцом дочери Екатерины и Петра — Анны, которая в раннем детстве скончается от оспы. Роман продлился недолго, но дружеские отношения не перегорели. В 1762-м Понятовский покинул Россию, а через два года стал королём Польским — при бурной поддержке Чарторыйских и занявшей российский трон Екатерины. Оппозицию пророссийской шляхте возглавили неутомимые Потоцкие.

На польском троне Станислав-Август не слишком тяготился политической зависимостью от бывшей любовницы. Без особого рвения, но всё-таки пытался отвоевать у шляхты побольше власти — разумеется, не огнём и мечом, но интригами и дипломатией. Оставался донжуаном, покровительствовал искусствам. Он не был прирождённым политиком, не умел использовать энергию масс, не был выразителем коллективных стремлений. Ему даже не удалось консолидировать пророссийски настроенную часть польской элиты. Постепенно привык к королевским почестям. В войне с конфедератами он безоглядно надеялся на Россию, хотя и не мог не понимать, что крепкие объятия с восточным соседом могут обернуться полной потерей власти. Когда ему говорили, что Польша становится всё слабее, что скоро русские, пруссаки и австрийцы отберут у него землю, Станислав-Август отвечал с бравадой опытного ловеласа: «Мне нужно столько земли, сколько уместится под моей треуголкой!»

Суворову было суждено отправиться на войну с конфедератами. Александр Васильевич то и дело тяготился миссией в Польше, временами его с особой силой тянуло к войскам Румянцева, на Дунай. Время от времени наплывали приступы разочарования, характерные для суворовского темперамента. Но именно в польском походе проявилось искусство Суворова-командира, который воспитывал свои войска для быстрых побед с минимальными потерями.

Спервоначала в Польшу направили армию генерал-поручика Ивана Нуммерса. Основные русские войска сражались на Дунае, в действиях против турок, а ударной силой в корпусе Нуммерса стала бригада А.В. Суворова, объединившая несгибаемых суздальцев, а также Смоленский и Нижегородский пехотные полки. В операциях бригаду Суворова усиливали небольшие кавалерийские и казачьи отряды. Бригада быстрым маршем прошла до Варшавы. Суворову удалось в этом походе сберечь личный состав и вникнуть в польскую специфику. В чине бригадира Суворов вступил в сражения на польской земле. Его успехи сразу привлекли внимание. Ужас на конфедератов

наводили быстрые переходы. На территории Речи Посполитой Суворов особенно строго боролся с мародёрством, опасаясь выступлений польского крестьянства против русской армии.

Перед бригадиром Суворовым поставлена задача: обосноваться в Бресте и уничтожить крупное военное соединение конфедератов под командованием братьев Пулавских — сыновей Иосифа Пулавского, одного из лидеров Барской конфедерации. Король Станислав-Август Понятовский писал о старшем Пулавском: «Среди негодяев, приложивших руку к несчастиям нашей родины, был некто Пулавский, староста Варки. Адвокат, находившийся на службе у Чарторыйских. Презираемый Чарторыйскими, Пулавский продолжал служить их противникам… После ареста четверых депутатов Сейма Пулавский возомнил себя особой, упрёки которой могут подействовать в этом деле на Репнина, и, оказавшись с князем наедине, заговорил с ним в таком тоне, что в ответ получил пинок ногой, заставивший Пулавского вылететь из комнаты». С этого неосмотрительного пинка и началась ненависть Пулавских к русским.

С небольшим отрядом Суворов настигает отряд пулавцев у деревни Орехово и даёт бой, в котором уничтожает до 300 поляков при минимальных потерях ранеными с русской стороны. Неприятной неожиданностью для Пулавских стало организованное Суворовым преследование. У Влодавы отряд Пулавских снова был наголову разбит. Франц-Ксаверий Пулавский погиб в бою, а его брату Казимиру удалось бежать. Он ещё повоюет в Польше, получит несколько суворовских уроков, а после окажется за океаном, в армии генерала Джорджа Вашингтона. Один из любопытных и достойных нашего уважения современников Суворова — Казимир Пулавский, полководец предприимчивый и энергичный.

В окрестностях Бреста конфедератов больше не было: «По разбитии пулавцев под Ореховым вся провинция чиста», — рапортует Суворов. После победы над польскими конфедератами при деревне Орехово (конец 1769 г.) принято решение о производстве Суворова в генерал-майоры. Будущему генералиссимусу шел сороковой год… Он энергично берется за дела в «горячем» Люблинском районе.

Тогда новый командующий, генерал-поручик Веймарн посылает Суворова в эпицентр кампании — в Люблин. Ганс фон Веймарн (1722–1792) — лифляндский аристократ, получивший на русской службе гордое имя-отчество «Иван Иванович». В Семилетнюю войну он руководил штабом фельдмаршала С.Ф. Апраксина, проявил себя убеждённым сторонником прусской

военной системы. С 1768 г. командовал русскими войсками в Польше. Тактикой Веймарна в борьбе с конфедератами было постоянное преследование разрозненных польских отрядов небольшими русскими командами. Веймарн был придирчивым и дотошным командующим, требовал от подчинённых постоянных рапортов, не поощрял инициативу и стремился отслеживать каждый шаг действовавших в Речи Посполитой русских генералов и полковников. Суворов не мог сработаться с таким начальником. С первых месяцев своего пребывания в Польше он принялся обдумывать и записывать свои мысли о тактике войны с конфедератами, стремясь теоретически обосновать те или иные свои шаги. Но отстоять суворовскую правду перед Веймарном было непросто.

В городах Люблинского воеводства Суворов устраивает небольшие военные посты по 30–40 солдат. Партизанская война здесь принимает особо жестокий оборот: с пленными русскими конфедераты обходятся жестоко, вплоть до показательных повешений. Они с фанатизмом сражаются за свою землю и веру. В десятке небольших боёв Суворов громит отряды конфедератов. В бою при Наводице суворовский отряд из 400 человек сражается с тысячной польской кавалерией Мащинского, который располагал и шестью орудиями. Артиллерийский огонь полякам не удался: Суворов избежал потерь, лично командуя передвижениями отряда. Дело решила штыковая атака (Суворов с дальним прицелом постоянно обучал войска штыковому бою), а в тыл полякам со свистом и криками ударила кавалерия. До половины отряда Мащинского было уничтожено, сам пан раненым покинул поле боя тайными тропами. Потери суворовцев ограничились двумя убитыми солдатами и десятью ранеными. И это после трёх отчаянных атак. Определение «отчаянный» было у Суворова одним из самых любимых, когда он рассказывал о сражениях — видно, оно точно передаёт суворовское ощущение боя, сопротивления и прорыва. Несмотря на такой фантастически успешный исход боя, Суворов уважительно отозвался о храбрости поляков, которые пытались отстреливаться, удирая. Секрет победы русских заключался в уверенном владении штыком и быстроте маневра.

Несомненно, в войне против конфедератов Суворов стал одной из ярких звёзд русской армии. 1 января 1770 г. ему был присвоен очередной чин генерал-майора. В последнем донесении, посланном из Седлеца в бригадирском звании, Суворов весомо, грубо, зримо передаёт колоритную атмосферу той польской кампании. Он пишет генералу И.И. Веймарну о победных польских приключениях капитана Набокова:

«Вашему высокопревосходительству покорно доношу. По известию, что якобы 300 мятежников в Семятицах за Драгецином 2 мили — я там был, нигде их не нашел, тако ж в Уенгрове и Соколове их ныне нет. А хотели они быть в Семятицы, где мне сказывали, что они около Бялостоку, выжгли Тикоцин; от Семятиц Бялосток 12 миль. Ежели бы не Грабовские, то бы может быть я туда сбегал — однако все неописанно далеко. Надлежит это дело рекомендовать. В Гродне становитца опасно, ныне еще они серокафтанники, командиров их никто не знает. Граб[овских] взял по прозванию Костюшка, литвин сказывают, с ним Ласоцкой коней 40. Их все здесь остерегали, они распоясались и не дрались, после сказывали, что их на дороге и позашибли, а повезли между Пулавы и Модрица. Хотя попустому, а все [ж] я еще пойду на Желехово, Стенжиц, или, как случитца, покорм, около вечеру.

«…» Однако, слава Богу, что притом и шенявцов поколотили, что полковник, думаю то Яниковской, которой поголовничал в Опатове и Сендомире, иному некому быть, давно уже на него зубы грызли. Как не стыдно нашим подкалишским господам, что всё на меня выпускают; я бы и там с ними разделался! Ваше высокопревосходительство покорно прошу простить мою вольность! А в награждение того, изволите прочесть Набокова рапорт, место сказочки из 101 ночи.

Бригадир *Александр Суворов».*

Многое в этом письме проливает свет на сложившийся к тому времени полководческий стиль Суворова. Сразу обращают на себя внимание и смелая «нападательная» тактика, и ненавязчивое упоминание учений. И уверенность в своих силах, готовность разделаться с многочисленными врагами в кратчайшие сроки… Очень по-суворовски звучит и упоминание сказок «Тысячи и одной ночи». Суматошные польские кампании нередко напоминали то восточную, то славянскую сказку. Русская армия тогда не выглядела железным монолитом, разбивающим польские отряды. От командиров требовались богатырская удаль и смелая инициатива.

При этом Суворов с некоторой иронией рассуждает о польских подвигах: всё-таки главные бои шли на Дунае…

Год войны многому научил Суворова. Он пишет «Рассуждение о ведении войны с конфедератами» — ценнейший памятник военной мысли, в котором суворовский дух сохранился для потомков. Всё предусмотрел Суворов: и разведку, от которой требует точных сведений, и милосердное отношение к пленным, много рассуждает о военной тайне. Что касается карательных мер по отношению к шпионам и палачам-катам, которые казнили

русских пленных, в письме подполковнику фон Лангу Суворов перечисляет жёсткие наказания, но в конце концов останавливается на самом банальном: «Прикажите… в Люблине городскому кату ошельмовать, положить клеймы, отрезать уши. Буде же таких клеймов нет, то довольно и уши отрезать и выгнать из города мётлами. А лутче всего прикажите его только высечь как-нибудь кнутом, ибо сие почеловечнее». Думаю, в этом письме нашлось место своеобразной суворовской иронии — почти как в анекдоте про сталинского двойника (Сталину доложили, что в Москве появился его двойник, который носит такую же причёску и усы. «Расстрелять», — сказал генералиссимус. — «А может быть, побрить?» — «Что ж, можно и побрить»). Русский генерал считал, что казнями можно только настроить против себя местное население, что в условиях партизанской войны было чревато роковыми последствиями для суворовского корпуса.

Генерал-майор Суворов лично командовал кавалерийскими рейдами против конфедератов. Во главе отрядов в 100–200 сабель он нападал на польские отряды, бросался в сечу. Так, под Раковцами был разбит авангард войск старого знакомца Казимира Пулавского — 500 кавалеристов.

С 1769 г. Суворов следил за действиями гусарского полковника Древица. Иван Григорьевич фон Древиц (1733–1783, позже поменяет написание фамилии на более обруселое «Древич»), прусский офицер-кавалерист, в 1759 г. поступил на русскую службу, бросив родную прусскую армию, воевал против соотечественников. Служил в Сербском и Венгерском гусарских полках и пользовался во время войны с конфедератами полным покровительством генерал-поручика Веймарна. Он не без заносчивости вёл себя с генерал-майором Суворовым, отказывался выполнять его приказы (как например, в апреле 1770-го, когда Суворов запросил у Древица сотню казаков) без резолюции Веймарна из Варшавы. В Польше этот полковник был известен крайней жестокостью, он действовал как беспощадный каратель. Ходили слухи о том, как Древиц отрубал кисти рук пленным полякам, возбуждая тем ненависть к России и мстительное ожесточение. В длинном рапорте Веймарну Суворов не скрывает возмущения действиями Древица, который в многословных реляциях преувеличивает значение собственных побед и, не являясь русским ни по рождению, ни по духу, позорит имя России варварством: «Суетно есть красноречие Древица, не прилеплённого к России, но ещё клонящееся к продолжению войны её междоусобием, которое тем возгоритца, сколько ещё есть закрытых гултяев, кои тем онамерютца. Славнее России усмирить одной неспокойствы великодушно!.. Хвастливое же

выражение г. Древица о его победах мне ни малого удивления не причиняет, то делают Чугуевские казаки, российская пехота и карабинеры, какая такая важная диспозиция с бунтовниками?.. Только поспешность, устремление и обретение их». Суворов прямо писал Веймарну, который оказывал Древицу протекцию, что Россия не нуждается в таких волонтёрах-офицерах, имея более достойных, которых, однако, не выдвигают, как фон Древица…

К началу 1771-го отряды конфедератов стали собираться в более крупные соединения. Герцог Шуазель — влиятельный вельможа при Бурбонах — оказывал противникам России всё большую поддержку. Суворов энергично следил за событиями во вверенном ему районе и сообщал из Люблина Веймарну о новых «шалостях» конфедератов, желая всячески обосновать собственную активность по искоренению очагов противостояния. Вот за Вислой был обнаружен отряд конфедератов, собиравших деньги с крестьян деревни Юзефово. Суворов тут же составляет рапорт И.И. Веймарну: «С Крашниковского поста г. порутчик и кавалер Сахаров от 14-го генваря меня рапортует, что командированная с г. порутчиком Железновым до местечка Юзефова команда прибыла, но только бунтовника ни одного не застали, а пошли за Вислу, взявши из Юзефова поголовных денег девятьсот польских злотых и не были в местечке больше дву часов. Помянутые ж бунтовники назывались маршалка бельского, но невероятно, потому что они были в разном платье; гусара ни одного не было, их больше не сочли пятнадцати человек, а стращали обывателей, что за Вислой их же команда до двухсот коней. Однако 14-го числа поутру уведомился из-за Вислы г. порутчик Железнов, что их было коней до сорока. О взятых из Юзефова деньгах и что они назывались маршалка бельского команды, представил при том рапорте с их расписки копию, которую при сем и вашему высокопревосходительству представляю. А как переправились пешками за Вислу, неизвестно в которую сторону пошли, не бравши проводника. Близ Красника и за рекою Соном мятежничьих партиев более не слыхать. Генерал-майор *Александр Суворов».* Всё говорило о том, что пришла пора для новых активных действий. Основной задачей стало лишение конфедератов возможностей для пополнения казны. Суворов занялся этим, призвав всю свою изобретательность.

9 февраля 1771 г. отряд Суворова, сметая польские посты, занимает местечко Ландскрону и пытается штурмовать тамошний замок, где к гарнизону присоединились оступившие с позиций поляки. Отметив, что замок тесный, небольшой, Суворов окрестил

его «палатами». Но противников в «палатах» засело больше, чем было атакующих русских, а командовал отрядом французский подполковник Левен. Маловато оказалось сил для успешного приступа: удалось потрепать противника, но замок не сдался. Русские офицеры в то время любили форсить в «щегольской» одежде, которую захватывали у поляков в качестве трофея. Привычка оказалась пагубной: по одежде враг распознавал офицеров и поражал их. Суворов запомнит этот урок. Суздальский полк ворвался в цитадель Ландскроны, завязался бой, в котором был ранено несколько офицеров-суздальцев, включая поручика Николая Суворова — генеральского племянника. Пришлось прекратить приступ и отступить на исходные позиции. В бою из пяти орудий, которыми располагали поляки, Суворову удалось две пушки захватить. В письме Шаховскому Суворов расскажет о том деле: «Конницу их разогнали, перелезли, разломали и разрубили их множественные шлагбаумы и рогатки и взяли местечко, разорили их магазеин и отбиша две пушки, отрезавши две, — у них только одна оставалась, — били в воротах на крутейшей горке лежащих Ландскронских палат. Как лучшие офицеры переранены были, овцы остались без пастырей, и мы, дравшись часов шесть, оставили выигранное дело, довольствуясь потом действовать на образ блокады». Суворов был огорчён, что суздальцы не были готовы к решению ландскронского ребуса «с листа». Он сетовал, что за время разлуки с ним, с автором «Суздальского учреждения», полк растерял свои лучшие качества. Нет сомнений, что он высказывал своё разочарование не только в письмах коллегам, но и в разговорах с офицерами и солдатами. И на упрёки суздальцы ответили стойкостью и энергичными действиями уже в февральских и мартовских сражениях. А эти месяцы в Люблинском и Краковском районах выдались горячими. Заметим, что после Суворова Суздальский полк в 1770 г. принял полковник барон Владимир Штакельберг, который теперь служил в Люблине под командованием Суворова. Суворов оставлял его вместо себя во главе небольшой люблинской команды во время многочисленных походов по Польше и оценивал боевые качества Штакельберга как весьма и весьма посредственные. В ночь на 22 апреля 1772 г. Штакельберг опростоволосится, будучи комендантом Краковского замка — поляки и французы тогда займут замок, отбить его у них Суворову будет непросто. Суворов тогда не станет делать из Штакельберга показательного виновника неудачи, хотя и будет отзываться о нём с презрением. В одном из писем Бибикову Суворов снисходительно назовёт полковника «бедным стариком Штакельбергом», будучи на год

старше этого «бедного старика».

Вскоре в Ландскроне сосредоточилась недурно вооружённая армия в 4000 человек под командованием французского бригадира Дюмурье — будущего генерала Великой армии, который станет умело громить противников республики в Голландии. Шарль Франсуа Дюмурье прибыл в Польшу с французским золотом и французским воинским искусством. Дюмурье составил весьма амбициозный план по активизации действий конфедератов. Он намеревался с помощью денег и пропаганды вчетверо увеличить воинство конфедератов и действовать против группировки Суворова с шестидесятитысячной армией. До таких мобилизационных успехов конфедератам было далеко, но с прибытием Дюмурье их ряды заметно пополнились. Суворов намеревался применить против нового достойного противника свои методы ведения войны, но атака на Ландскрону покамест откладывалась. Как мы видим, обстановка в районе Люблина и Кракова быстро менялась, и Суворову приходилось подстраиваться под обстоятельства.

Один из мобильных партизанских отрядов, на которые рассчитывал Дюмурье, возглавлял Савва Чалый (Чаленко), младший, сын знаменитого мазепинского гайдамака Саввы Чалого, о жизни и гибели которого на Украине до сих пор поют песни. Сына гайдамака чаще называли на польский манер — Саввой Цалинским. А Суворов в донесениях чаще называл его кратко, по имени — Саввой. В лучшие дни отряд Цалинского достигал десяти тысяч сабель. Во всех походах его сопровождала мать, боевитая вдова гайдамака Чалого. Суворов получил сведения, что отряд Саввы Цалинского двигается к Люблину. Суворов был вынужден прервать блокаду Ландскроны и начать длительный поход, в котором места пребывания генерал-майора менялись как в калейдоскопе, и каждые два дня приходилось давать бои. Своими скорыми движениями Суворов прикрывал Люблин, Варшаву и Литву от польских отрядов. Чалого Суворов намеревался разбить в Рахове. Суворов решился ночью напасть на сильный отряд маршалка Саввы Чалого, стоявший под Раховом, — у Саввы было 400 драгун, слывших лучшими воинами конфедератов. В ночь на 18 февраля русская конница смела посты Цалинского, был убит польский ротмистр Мостовский. Начался бой, подоспевшие суздальцы и санкт-петербургские карабинеры оттеснили цалинцев в корчмы. Конфедераты предпочитали защищаться из укрытий, а казаки уже хозяйничали в Рахове. Спешенные воронежские драгуны пошли в штыковую на корчмы. Сам Суворов пребывал на жарких участках боя, однажды даже оказался в опасности, наедине с несколькими польскими

драгунами, засевшими в корчме. Казаки по оплошности открыли огонь по корчме, когда Суворов вёл переговоры. Всё обошлось, отряд Чалого был разгромлен, в руки Суворова попал внушительный обоз с провиантом и более сотни пленных. Французы распространяли слухи о том, что Чалый был захвачен в плен Суворовым и умер в плену от жестокого обхождения. Это была неправда: отряд был разбит, но самому Савве удалось бежать с остатками отряда. Отряд Саввы Цалинского уже не был серьёзной боевой единицей, но Суворов ещё получал противоречивые сведения о пребывании неугомонного Саввы в разных районах Речи Посполитой — то с Пулавским, то с другими соединениями. Он уйдёт в Литву, где дважды потерпит поражение от отряда коронного гетмана графа Ксаверия Браницкого. Но всякий раз Савве удавалось избежать плена. Савву Цалинского настигнет только 13 апреля 1771 г. команда премьер-майора Нарвского карабинерного полка К.М. Салемана. Тяжело раненный смелый командир конфедератов умрёт на руках собственной матери.

17–18 февраля, когда Суворов в Рахове бился против Саввы, капитан Суздальского полка Алексей Панкратьев с сотней солдат отразил нападение польского отряда в Краснике и несколько часов держался против новых атак. Суворов 18 февраля прискакал в Рахов, при виде суворовского отряда поляки спешно ретировались. С восторгом выслушал Суворов рассказ о подвиге капитана Панкратьева. В нескольких рапортах Веймарну он будет настаивать на награждении отличившегося офицера. Не так давно Панкратьева обошли наградой: «множество младшее его выходили в майоры». И капитан уже подумывал об отставке. Суворов докладывал о нём Веймарну: «По полку рота его всегда была из первых, как её и ныне соблюл. Служит давно, был всегда храброй и достойной человек, и государыня потеряет в нём одного из лучших майоров». Не забыл Суворов и сержанта Степана Долгова-Сабурова, героически проявившего себя в бою при Краснике. На заслуги этого солдата указал капитан Панкратьев.

1 марта Суворов посылает Веймарну очень странное описание плана ближайших действий против конфедератов под Ландскроной и Ченстоховом. Донесение было зашифровано! «Сей план весь положен на образ наступательной, в разсуждении, что нигде оборонительной против Бунтовников, яко пресмыкающихся и насекомых невозможен. Нигде от них, не токмо укрыться, но и оным дорогу пресечь не можно, а между тем порода их умножается, как Лернейская гидра». Действительно, если вести против конфедератов войну осмотрительную, закрепляясь на

определённых позициях и отбиваясь от польских отрядов, — на месте каждой отрубленной головы немедленно вырастали новые. Нужно было разбивать и уничтожать противника, и Суворов чувствовал в себе силы на это. Начиналась Краковская операция — новый быстрый поход, в котором Суворов будет действовать против Дюмурье и Пулавского скоростными переходами.

Поляки задумали прервать поход Суворова и дали бой на переправе через реку Дунаец. Суворов писал о той схватке: «С хорошею дракою переправились мы за Дунаец, вброд». Опрокинув поляков на переправе, он последовал вперёд с войсками, сохранившими полную боеспособность. Молниеносная краковская экспедиция Суворова продолжалась. На подходе к городу поляки снова безуспешно атаковали суворовский отряд. В Кракове отряд Суворова был пополнен войсками полковника Древица и подполковника Эбшелвица. Теперь отряд Суворова состоял из 3500 человек. Генерал-майор бросил войска Шепелева и Древица на шанцы под монастырём Тынцом. Шепелев овладел редутом — затем конфедераты выбили из редута русских, но по приказу Суворова Шепелев вторично заставил их отступить. Изобретательный Дюмурье пытался контролировать действия Суворова — был он и в Тынце. Посчитав оборону редутов и монастыря бесперспективной, Дюмурье вместе с конным отрядом ускакал в Ландскрону. Взяв у противника две пушки, Суворов также принял решение перенести бой в Ландскрону и прекратил атаку Тынца.

Потрепав польские отряды под Краковом, Суворов получил возможность вернуться к Ландскроне — и скоростной переход от одного пункта к другому был залогом победы. Именно там, в Ландскроне, снова располагались лучшие силы Барской конфедерации во главе с Дюмурье, облюбовавшим эти укрепления. За счёт быстрых переходов Суворову удалось появиться там, когда Дюмурье не ожидал нападения. Ландскронский замок Дюмурье насытил артиллерией, разместил там полуторатысячный гарнизон. Остальные силы заняли удобные высоты возле замка. Одним флангом польские позиции упирались в обрыв, другим — в укрепления замка. Дюмурье считал позицию неуязвимой, но Суворов принял вызов. Гарнизон замка располагал сорока орудиями, что позволяло вести массированный обстрел атакующих. Позиции Дюмурье осложняли лишь разногласия с горделивым Казимиром Пулавским, который не желал подчиняться иностранцу и не поддерживал Дюмурье в Ландскроне.

Роли заводил атаки Суворов отдал конным карабинерам Санкт-Петербургского полка под командованием уважаемого

Суворовым полковника Петра Шепелева, которые мощной атакой смяли правый фланг противника. Кавалеристов Древица, подоспевших под Ландскрону, Суворов бросил в бой прямо с марша. Суворов представил Веймарну список отличившихся и достойных награды офицеров, составленный Шепелевым. Отличился в Ландскроне и полковник Древиц. Древиц показал себя в бою лихим кавалеристом, выполнил задачу, поставленную Суворовым, — и разногласия на время были забыты. Суворов, как мы знаем, недолюбливал этого вспыльчивого, скорого на расправу офицера, но в реляции отметил, что Древиц «заслуживает весьма императорскую высочайшую отличную милость и награждение». Однако и после Ландскроны взаимоотношения Суворова и фон Древица не стали безоблачными.

Поляки не выдержали кавалерийского напора — и начали паническое бегство. Князь Сапега был убит своими солдатами, когда пытался остановить отступление.

В бою за Ландскрону погибли и другие известные заправилы Барской конфедерации, например маршалок Оржевский.

Что же искусный французский бригадир? Как писал Суворов Веймарну, «Мурье (Дюмурье. — *А.З.*) управлял делом и не дождавшись ещё карьерной атаки откланялся по-французскому и сделал антрешат в Бялу на границу». Из Бялы он написал гневное письмо Пулавскому и отбыл во Францию. Вспоминая проигранную кампанию, Дюмурье сетовал, что Суворов воевал неправильно, с нарушением постулатов военного искусства, полагаясь только на удаль и быстрый напор, оставляя уязвимыми свои позиции. Подобные упрёки Суворов будет выслушивать ещё не раз, как и оскорбительные разговоры о том, что ему, неискусному полководцу, сопутствует счастье, случайная удача. Под Краковом и Ландскроной Суворов на корню уничтожил угрозу, связанную с планами Дюмурье. Французские ресурсы не помогли конфедератам. Это был важный результат в контексте всей войны.

Конфедераты были разбиты и деморализованы неудачей авторитетного иностранного офицера и лучших своих маршалков. Оставался только Пулавский, едва ли не самый способный и уважаемый Суворовым противник. Он со своим отрядом уже не предпринимал наступательных действий, не стремился уничтожать русские отряды; он рвался в Литву, к новым ресурсам.

За 17 суток успешных метаний между Ландскроной и Краковом отряд Суворова прошёл около семисот вёрст. Петрушевский заслуженно назвал эти сражения Суворова

«военной поэмой».

Императрица по достоинству оценила победителя Ландскроны: Суворов получает Св. Георгия 3-й степени. В числе его лавров ещё не было Георгия 4-й степени, но Екатерина посчитала подвиг достойным более высокой награды и «перешагнула» через правила. Из-за этого казуса Суворову так и не удалось стать кавалером всех российских орденов всех степеней. Он получит все высшие степени орденов, а четвёртая степень Георгия ему так и не сверкнула…

Вдохновлённый победой, Суворов принимает самостоятельное стратегическое решение ударить по материальной базе Барской конфедерации: по соляным копям Величек. «Нет соляных денег, из чего возмутителю будет вербовать иностранных?» — пишет генерал Веймарну. Очень скоро в Величках и Бохне уже стояли русские войска, а у конфедерации возникли проблемы со снабжением и оплатой ратного труда волонтёров. В операции по охране соляных копей и запасов соли Суворов снова конфликтовал с полковником фон Древицем, который, чувствуя поддержку Веймарна, продолжал вести себя независимо, манкируя приказами генерал-майора Суворова. В специальном письме Древицу Суворов безуспешно пытается спрятать гнев в предложениях по поиску компромисса: «Рапорт вашего высокоблагородия от ч[исла] 16-го июня получил не первой, в котором усматриваю недостаточное наблюдение предпочтения старшего, по силе ее императорского величества воинских артикулов, но уповаю, что сие происходит или от недовольного знания языка или невежества писарского. Впротчем, что как я приказал, тогда ж местечко Величка не было занято, возмутители между тем воспользовались довольно грабежом соли, а первое искусство военачальника состоит, чтоб у сопротивных отнимать субсистенцию. Суздальская мушкетерская рота взята вашим высокоблагородием без моего приказания. Оная оставлена была в подкрепление Краковского гарнизона, а дозволил я вашему высокоблагородию ее употреблять в мое отсутствие для операциев к Ландскрону и к стороне Кракова, следственно в близости…» И так далее. Древиц предупреждениям не внял. Суворов был человеком настойчивым — и новый рапорт с жалобой на Древица послал Веймарну, который был уже несколько раздражён петушиными боями подчинённых. Но суворовские удары по благосостоянию конфедератов оказались весьма действенными. Генерал-майор прибрал соль к своим рукам — и в Варшаве оценили находчивость и энергию Суворова. Веймарну Суворов сообщал о «солевой» операции в подробностях — тем более что и здесь не обошлось без вооружённых

столкновений. Бдительность и быстрота — вот что потребовалось для сохранения контроля над польской солью. Именно этих качеств у Суворова было поболее, чем у любого из тогдашних генералов. Мы увидим, что и в будущем Суворов сумеет находить применение своим армейским талантам для административных, полувоенных проектов. По интенсивности вложенной в них энергии эти операции не уступали боевым. Веймарну Суворов писал: «Возмутители беспрестанно подбираются к Бохненской соли, ибо они в великой нужде; чего ради я не могу здесь долго быть, а выступлю в Висниц. Беспокойно нам будет, ежели они хорошею партиею отделясь, будут опять пробираться за Дунаец и Вислоку к Сону. Дабы отнять у возмутителей в Бохне приваду на соль, забрана оная, всех до тысячи трехсот бочек, и перевезена в Величку и из оной в Краков, уже до пятисот бочек, и запрещено оную в Бохне заготовлять, как и бочки; в Величке же работают, и також в Краков уже оттуда отправлено близ семисот бочек. По недостатку соляного грабежа все здешние возмутители не получали жалованья более месяца и терпят великую нужду, кроме обыкновенной субсистенции. Я подлинно известие имею, что возмутители занятием Величии и отнятием у них Бохны, с истинно отчаяния, хотят все товары и вины, кои в Краков из Венгрии и Австрийской Шлезии отправляются на тракте, так долго задерживать, пока множество сей город заплатит двадцать тысяч червонных контрибуции чистыми деньгами. Однако краковские купцы, усердствуя чужих благ, тех товаров из-за границы вывозить не хотят, о чем писать буду в австрийскую камеру…» Отрезав конфедератов от соли, Суворов упростил себе задачу истребления их отрядов.

До начала лета Суворов намеревался разбить отряд Казимира Пулавского, не теряя ни минуты, хотя некоторый отдых после активных действий при Кракове и Ландскроне его малочисленному, но испытанному огнём отряду был необходим. Пулавский намеревался пробиться в Литву, к новым ресурсам для пополнения отряда. Как пишет Петрушевский, «Суворов погнался за ним, разгоняя и сметая со своего пути встречные партии и совершая весь поход форсированными переходами». Суворову удалось настигнуть Пулавского при Замостье. Заняв с боем Старое Замостье, он писал Веймарну: «Вашему высокопревосходительству доношу. Выступя мы перед светом из Янова, вчера Арцыбашев (с передовыми казаками) а Горайце, в миле, по дороге на Замосць, разбил с передовыми казаками партию мятежников. Убито человек семь, взято в полон 12. Тако следуя, мы к Замосцю прибывши, в Шебрешин выступили пополудни в 10 часов прямо к Замосцю, где уже Пулавскому,

сказывают, Квашневский и комендант присягали. Тут, прорвавшись сквозь труднейшие дифилеи, с поражением мятежников обошли мы город по форштату: натурально! Пехота, шедши напереди, одержала оные и дала дорогу кавалерии. Наши три Санкт-Петербургских эскадрона на стоявшую их конницу в местечке по форштату ударили на палашах, потом на их лагери, и так мы их потрепали и распушили. Сие было пополуночи часов в шесть. Пленных при ротмистре и двух офицеров человек 40, убитых по правде, но лутчих людей больше ста. Накопившихся пленных человек 60 отправляю я в Красностав с ротою пехоты и пушкою, а сам гонюсь далее. Замосць освобожден, пулавцы рассеяны, убытку нам мало, по щастию вашего высокопревосходительства. Было ли чего в наш век труднее ». Суворов выделял героев этих сражений: Рылеева, Лемана. Устроив трёпку Дюмурье, с Пулавским Суворов состязался с особым азартом. Пулавский ускользнул — Суворов продолжал погоню. На излёте весны он сообщал Веймарну: «Пулавцы, перешед Дунаец, хотели остановитца отдыхать при деревне Верхославице, но услыша о нашем приближении, бежали день и ночь на местечко Чтувоякубку, Осошин, откуда драгуны пошли к местечку Лиманова. Гусары, почты и пушки пошли на местечко Тынбарк до деревни Добра, откуда потянулись к Ландскрону; намерение Пулавского есть, чтоб забрать миончинцев и тентовать опять счастье на Замосцье и в Литву. Около Ландскрона имеет над миончинцами команду Шиц, однако над всем главной командир консилиар Валевский. В Ландскроне комендантом Выбрановской, а в Тинце — Лабадий. Заремба был около Вислицы и Опатовца и потянулся к стороне Краковской. Из Кракова я никаких рапортов, ни писем не получал, хотя туда от себя уведомлял. Сего же числа выступлю я к Краковской стороне. Около здешних мест ни одного бунтовника не слыхать».

Именно тогда Казимир Пулавский, отступая, успешно применит военную хитрость, приведшую Суворова в восторг. После поражения при Замостье, где конфедераты потеряли более двухсот человек, Пулавский оставил мысли двигаться в Литву и отступал к венгерской границе — то бишь к границе, разделявшей Речь Посполитую и Священную Римскую империю. Казимир решил пожертвовать своим арьергардом в остроумном маневре: арьергард, по приказу Пулавского, медлил, оставаясь на глазах русской разведки, и отступал по прежнему пути. Суворов следовал за арьергардом конфедератов, а Пулавский тем временем обошёл русский отряд фланговым движением и оказался в тылу Суворова, в Ландскроне… Восхитившись таким изобретательным отступлением, Суворов послал Казимиру

Пулавскому свою любимую фарфоровую табакерку — в знак уважения одного солдата к другому, на память о честном соперничестве двух генералов. Ему — врагу, введшему непобедимого Суворова в заблуждение! Имя Суворова уже наводило ужас на поляков, но они же и уважали этого русского генерала за рыцарское благородство. Надолго запомнили поляки великодушие русского полководца, который, гоняясь по польским землям за маршалком Пулавским, «попался» на хитрый маневр последнего и принял оставленный Пулавским арьергард за всю армию маршала. А хитроумный поляк с главными частями своей уцелевшей армии уже отступал к Литве, обогнув войско Суворова… О Пулавских и пулавцах Суворов вспомнит не раз, это были достойные противники, которых русский воин уважал.

В начале сентября к конфедератам официально присоединился литовский великий гетман граф Огиньский, активизировавшийся ещё по прибытии Дюмурье. В июне и июле он вёл переговоры с полковником Албычевым, обещал покориться и распустить свой четырёхтысячный отряд. Однако в ночь на 30 августа отряд Огиньского нападает на русские позиции. Полковник Албычев был убит — этого русские, разумеется, стерпеть не могли. Суворов критически оценивал действия русских отрядов в Литве. Аналогичного мнения придерживался и русский посол в Варшаве К. Салдерн, доносивший Никите Панину в Петербург: «Наше войско в Литве — жалкий отряд, внушающий всем презрение; полковник Чернышев — человек совершенно без головы. Вообще воинский дух, за немногими исключениями, исчез. Оружие у наших солдат негодное, лошади — хуже себе представить нельзя, в артиллерии дурная прислуга» (3 сентября 1771 г.).

Суворов, несмотря на уже привычные колебания Веймарна, принял решение разгромить войско Огиньского, в котором уже было не менее 7000 солдат. Нельзя было допустить расширения армии Огиньского. Суворов из Люблина двинулся в поход. В Бяле Суворов сформировал «полевой деташемент», позаботившись об укреплении каждого поста в Люблинском воеводстве. 5 сентября Суворов с небольшим отрядом выступил из Бялы и в тот же день прибыл в Брест. В Несвиже к отряду Суворова должен был присоединиться отряд полковника Диринга. Войска Огиньского тем временем двинулись из местечка Мир к Столовичам. Суворов своевременно получал информацию о перемещениях войск гетмана.

Ставкой Огиньского стало местечко Столовичи, а это означало, что конфедераты расположились в тылу суворовского

отряда. Суворов принял решение изобразить продолжение марша к Несвижу, а сам отдал приказ ускоренно двигаться к Столовичам. Путь к Столовичам проходил по узким, малохоженым дорогам. Суворов писал: «Однако маршировало войско при мне с поспешением и прибыло ко оному местечку на самой тёмной заре». Так и настиг гетмана Огиньского боевой отряд Суворова — 822 человека при пяти орудиях, настиг неожиданно, к чему и стремился Суворов.

Внезапной ночной атакой поляков выбили из Столовичей. Суворов выстроил войска в две линии. В первой линии — пехота, разделённая на два крыла. Правым крылом командовал секунд-майор Карл Фергин, левым — секунд-майор Александр Киселёв. Между смежными флангами пехотных групп Суворов расположил артиллерию, которой командовал капитан Исаак Ганнибал. Выделил Суворов и резерв: неполные роты пехоты, карабинеров и тридцать казачков. Вся остальная кавалерия с казачьими отрядами на флангах расположилась во второй линии. Командовал ею премьер-майор Иван Рылеев. Войска первой линии начали наступление через болото, по узкой тропе. Поляки начали артиллерийский обстрел атакующих. Инициативу взял на себя премьер-майор Киселёв, атаковавший с левого фланга польские позиции. Солдаты Киселева заставили поляков отступить с подступов к Столовичам в сам городок. Тогда Суворов ввёл в бой вторую линию, конницу Рылеева. Кавалеристы провели мощную атаку, смели нестройные ряды защитников Столовичей, захватили несколько пушек. С рассветом большая половина войск Огиньского панически убегала из Столовичей. Главные силы Огиньского держали высоту поблизости. На рассвете Суворов повёл свой малочисленный отряд на армию Огиньского. Оставшиеся войска построились справа от Столовичей: 500 конников, 500 пехотинцев и оставшаяся артиллерия. Основная часть кавалерии Рылеева преследовала убегавших поляков. Но Суворов приказал Рылееву атаковать поляков на правом фланге. Для удара были сосредоточены минимальные силы: 70 кирасиров. Но стремительным набегом удалось потеснить неприятельскую конницу. Их преследовали несколько вёрст. Войска Киселёва, выйдя из покорённых Столовичей, двинулись на остатки неприятельских войск на правом фланге. Войска Фергина выбивали поляков из укреплённых предместий. Когда возвратившиеся после погони кавалеристы Рылеева примкнули к пехоте Киселёва, отряд Огиньского был окончательно рагромлен. Суворов так и не ввёл в дело резерв: четырёхтысячная армия (главные силы Огиньского!) была разгромлена силами 630 солдат. Даже до Фридриха Великого дошла молва об этой победе

— и прославленный император соизволили сказать о Суворове нечто одобрительное.

Русских пленников освободили. К одиннадцати утра армия, в 10 раз численно превосходившая суворовцев, была разбита. Огиньский в сопровождении нескольких гусар бежал. Как прокомментировал Суворов, «гетман ретировался на чужой лошади в жупане без сапогов, сказывают так!» Вся артиллерия и обозы достались победителям. Король Станислав-Август годы спустя так писал об этом сражении: «Огиньский направился в Столовичи Новогрудского воеводства, где его войска были остановлены и наголову разбиты Суворовым, который, чтобы нанести этот удар, мгновенно перебросил свой отряд из Краковского воеводства в Литву. Половина солдат Огиньского была убита, остальные были рассеяны, весь обоз захвачен. Огиньский и ещё двое спаслись, добрались до Данцига, где французский консул снабдил беглеца бельём, одеждой и дал ему и его спутникам денег на дорогу до Франции».

Вскоре Суворов занимает Пинск, захватив штаб и казну бежавшего гетмана. Деморализованные «конфедераты» уже не оказывали серьёзного сопротивления, сдав русским штаб своего лидера вместе с казной. Суворов распорядился не отнимать имений у провинившегося графа. Любопытно, что впоследствии императрица всё-таки передаст имения Огиньского Репнину. Но надменный Репнин проявит жалость к запутавшемуся польскому аристократу (Огиньский славился как поэт и композитор) — и из дохода имений выплачивал литовскому гетману недурной пенсион. Из Пинска Суворов возвратился в Люблин с чувством выполненного долга и в ожидании наград. В реляции Веймарну он пишет: «Божием благословением ее императорского величества войски команды моей под Столовицами разбили гетмана Огиньского. Потерял он всю свою артиллерию, обозы до последнего колеса, легионные все отбиты. На месте и в погоне легло по крайней мере больше трех, а около четырех сот, в полону возмутительской региментарь граф Пузина, от пехоты и кавалерии штаб и обер-офицеров пятнадцать, нижних чинов двести восемьдесят, взято две пары литавр, буздыхан один, двенадцать барабанов. Теперь у него осталось войска тысячи две. Шиферная азбука малого ключа, за подписанием вашего высокопревосходительства, найдена в отбитых его письмах, кои потом к вашему высокопревосходительству перешлю. С нашей стороны убито нижних чинов восемь, лошадей тридцать одна, ранено три офицера, нижних чинов тридцать пять. В атаке неведано кто друг друга перещеголяли, легионные или другие войски». Понимая, что Веймарн может придраться к слишком

далёкому походу Суворова за Огиньским, он добавляет в победной реляции: «Теперь пора мне туда, откуда пришел». Веймарн и впрямь желал бы ограничить действия Суворова строго подконтрольными перемещениями вокруг Люблина.

Веймарн был обескуражен самовольным — хотя и столь успешным — походом. Он всё ещё прилежно работал над планом подавления мятежа Огиньского и сетовал на несанкционированный поход Суворова из Люблина. Но его жалобы не возымели действия, да и не были справедливы: Суворов руководствовался приказом Веймарна действовать против Огиньского и информировал командующего о каждом своём шаге, не забывая оставлять посты для контроля над вверенным генерал-майору Люблинским воеводством. Всем был виден результат: в 1771 г. Суворов бил поляков в пух и прах при Ландскроне и при Замостье, а в сентябре 1772 г. под Столовичами разбил корпус гетмана Огиньского. Разве можно было судить такого победителя?

К радости большинства офицеров, командующим вместо Веймарна был назначен генерал Бибиков, человек отменно образованный и прозорливый, позволявший Суворову действовать свободнее. Бибиков считал себя ровней Румянцеву. Когда за десять лет до появления маркиза Пугачёва забурлил заводской люд в Оренбургской и Казанской губернии, именно Бибикова направили усмирять крамолу. Предъявляли свои требования властям лихие казаки, нашлись обиженные люди и среди крестьян. Сформировались отряды, пролилась кровь. Бибиков тогда не сплоховал. Причём проявил себя не просто эффективным усмирителем, но и миротворцем. Он воздержался от кровопролития, арестовал лишь сравнительно небольшую группу зачинщиков — и всё затихло. «Бибиков был остр, смел и забавен», — пишет Державин. Бибикова уважал Фридрих Великий — и русский генерал переводил с французского сочинения прусского монарха.

Императрица тем временем подписала грамоту на пожалование Суворову ордена Св. Александра Невского: «За оказанную Нам и отечеству отличную услугу совершенным разбитием восставшего противу наших войск литовского гетмана Огиньского, всемилостивейше жалуем вас кавалером нашего ордена Святаго Александра Невского, которого здесь включённые знаки, самим вам на себя возложа, носить повелеваем. Мы надеемся, что сие Наше Монаршее к вам отличное благоволение послужит вам вящим побуждением посвятить себя службе Нашей».

После победы при Столовичах конфедераты попали в отчаянное положение. Их главные боевые силы уничтожены. Русский экспедиционный корпус и королевские польские войска контролировали большую часть Речи Посполитой. Три потрёпанных отряда конфедератов всё ещё пытались оказать сопротивление: под Краковом действовал отряд Валевского, под Ченстоховой — отряд Пулавского, в Великой Польше — группировка Зарембы.

Оказавшись перед опасностью полного разгрома, конфедераты усилились новым французским контингентом во главе с генерал-майором бароном де Виоменилем, который в Бяле формировал новые отряды. Французы намеревались захватить древний Краков и провозгласить там новое правительство Польши. Бибиков поручает Суворову действовать в Краковском воеводстве — там, где ожидались основные события заключительного этапа войны. Суворов расположил в Кракове Суздальский полк во главе с Штакельбергом, который не внял требованиям Суворова проявлять бдительность. Конфедераты подкупили краковского трактирщика Залесского, с его помощью лазутчики Виомениля ночью пробили брешь в стене замка — и в ночь на 22 января 1772 г. полковник Шуази повёл войска на захват замка. Авангардный десант из пятидесяти человек уничтожил караульных, на судах к Кракову прибыл отряд из пятисот конфедератов с пятью орудиями. Им удалось овладеть Краковским замком. Штакельберг запросил помощи у подполковника Елагина, стоявшего с отрядом в Пинче. В ночь на 24-е Елагин занял позиции у Краковского замка, прикрывая его от новых возможных атак конфедератов со стороны Бялы и укреплённого монастыря Тынца.

Суворов, соединившись с верными короне польскими кавалеристами Браницкого, выступил в Краков, утром 24 января начав осаду замка. Под командованием Суворова граф Казимир Браницкий, самый влиятельный и удачливый из польских командиров, верных Станиславу-Августу, действовал успешно. Патрули Суворова перекрыли все пути к замку, рассеяли отряды конфедератов в окрестностях города. Во время осады Краковского замка огорчил Суворова капитан Иван Лихарев, командовавший отрядом из шестидесяти человек. Суворов писал о Лихареве: «Он, увидя вышедших не весьма большое число возмутителей, приступающих только к тому дому, не имея ещё от возмутителей ни сам, ни команда его вреда, пришед в позорную и предосудительную робость, не только на них нападения не сделал, но ниже регулярно поступал, не чиня отпору и не выстреля пяти раз, сказав команде своей, чтоб только всякий

спасал жизнь; сам, оставя пост, от них уехал, почему вся команда рассеялась и в бегство обратилась; и того посту не удержал, но при том случае убито у него мушкетёр два, ранено четыре человека… За что он, Лихарев, содержится под арестом». Трусости на поле боя Суворов не признавал, трудно было обосновать перед Суворовым даже минимальное отступление. Лихарева наказали вполне по заслугам.

Штурм Кракова Суворов планировал провести четырьмя колоннами с четырёх сторон — под командованием подполковников Эбшелвица, Елагина, Гейсмана и майора Гагрина. Но Шуази удалось отразить двухчасовой штурм 18 февраля: он надёжно укрепил брёвнами ворота, и их не удалось взорвать. Суворов убедился, что без тяжёлой артиллерии Краковского замка не взять. Воодушевлённые французы предприняли атаку со стороны Тынца. Конный отряд Сапеги оттеснили кавалеристы премьер-майора Нагеля, которым помогала польская королевская кавалерия. Суворов принял решение блокировать Тынц двумя отрядами — Браницкого и Ланга. 2 марта под Тынцем завязался бой с переправившимся через Вислу отрядом маршалка Зиберга. Получив известие о переправе и перестрелках поляков с казаками, Суворов незамедлительно прибыл на место действия. В трёхчасовом бою русским кавалеристам удалось разгромить этот отряд. Зиберг на пароме переправился к Тынцу.

Попытался прорваться к Кракову из Тынца и другой отряд, но его остановили и рассеяли конники графа Браницкого.

Гарнизоном Краковского осаждённого замка железной рукой командовал французский полковник Шуази, готовый к длительной блокаде. Суворов решил лишить конфедератов надежд на победу, уничтожив отряды в районе Бялы. Для поиска на Бялу был сформирован отряд под командованием Браницкого и премьер-майора И.И. Михельсона. 28 марта отряд вернулся в Краков с победой, приведя два десятка пленных, в том числе — французского полковника Мальцана. На следующий день возле Живца был разбит ещё один небольшой отряд конфедератов. В начале апреля Суворову удалось разгромить ещё несколько малых конфедератских отрядов. 12 апреля Шуази, осознавший бессмысленность сопротивления, отправил к Суворову парламентёра с условиями капитуляции. Суворов согласился с условиями Шуази, и 15 апреля русские войска вошли в Краковский замок, разоружив конфедератов. Пленных Суворов под конвоем отправил в Люблин.

Узнав о краковских событиях, разочарованный генерал Виомениль вместе с группой французских офицеров спешно

вернулся на родину.

Начиналась весенняя теплынь. Во второй половине апреля Суворов обосновался в Краковском замке. Тогда он рапортовал А.И. Бибикову из занятой польской цитадели: «Войском её императорского величества, состоящим под командою моею, 15 числа сего месяца занят Краковский замок, а возмутительской гарнизон всеми употребляемыми способы принуждён сдаться». Ещё не раз Суворову предстоит скрестить шпаги и с поляками, и с французами — кто знает, может быть, и именно с теми, пленёнными в Кракове…

За эту победу Суворова наградили тысячей червонцев (червонцы — это вам не ассигнации!) — и он энергично продолжил искоренять отряды конфедератов. Теперь было необходимо занять Тынец, где расположился гарнизон из шестисот не сложивших оружие конфедератов. Суворов запросил у командования артиллерию: 4 медные 12-фунтовые пушки и 6 мортир. Получив эти орудия, 9 мая Суворов начал осаду Тынца. Напротив мощной монастырской стены установили батарею, начали бомбардировать стену из 12-фунтовых орудий. В стене была пробита брешь. К этому времени — 22 мая — к русским войскам присоединились австрийцы, которым удалось выждать подходящий момент, наблюдая за взаимным ослаблением Польши и России. Австрийские войска генерал-майора Дальтана вошли в Тынец, не считаясь с мнением Суворова. Россия была вынуждена уступить союзникам часть лавров. Но Суворов продолжал побеждать. Был взят укреплённый город Затор, Суворов (хотя и мечтал служить на Дунае, под знамёнами П.А. Румянцева) планировал новые походы, новые поиски в воеводствах Речи Посполитой, но настало время договора о разделе Польши между Россией, Австрией и Пруссией.

Король Станислав-Август так вспоминал о действиях Суворова в войне с конфедератами: «Справедливо здесь отдать должное добросовестности господина Суворова: из всех русских командиров его менее всего можно было упрекнуть в чём-либо похожем на жадность или жестокость». Жаль, что эта оценка не учитывалась позднейшими польскими комментаторами истории последних 35 лет XVIII столетия.

Суворова переводят в Финляндию, где, вблизи Швеции, обстановка казалась предвоенной. Суворов объезжал укрепления, анализировал возможное развитие боевых действий. Но пробыл там недолго. После затишья 1772 г. активизировались боевые действия на Дунае. На этот театр военных действий Суворов рвался давно, и наконец, ему суждено было скрестить клинки с янычарами в армии графа Румянцева, в дивизии генерал-

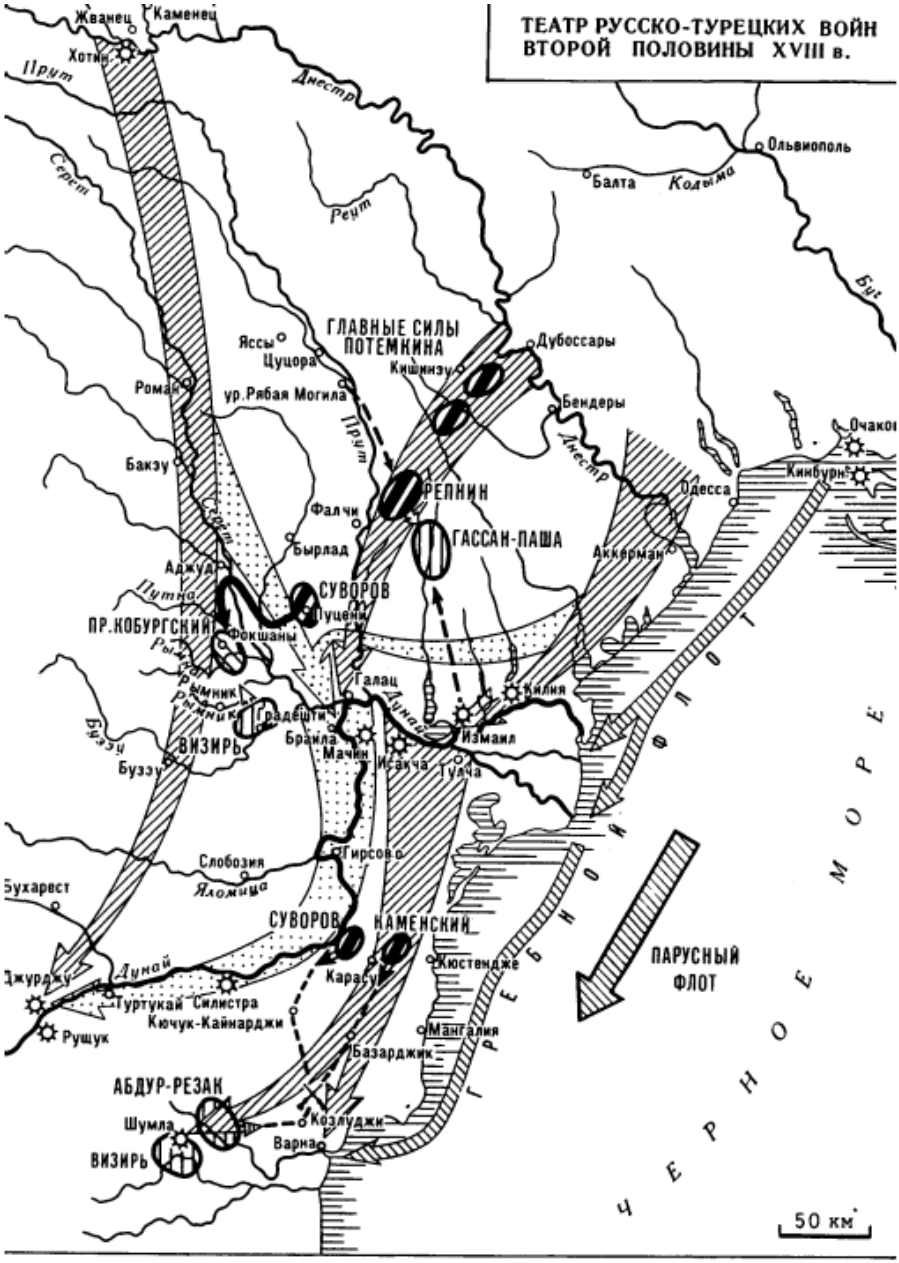
поручика И.П. Салтыкова.

О Суворове мало-помалу заговорили и в Европе, и в Петербурге — это было робкое начало мировой славы. Потому-то его, уже весьма уважаемого генерала, переводят в армию Румянцева, на фронт первой екатерининской Русско-турецкой войны. Суворов еще примет решающее участие в судьбе Польши — но через два с лишком десятка лет. А к тому времени боевые действия уже перешли за Дунай; Румянцев одержал над турками несколько блестящих побед, прежде всего упомянем Кагульскую…

Туртукайские победы

К Дунаю! Туда, где сражались две империи — Российская и Османская. Ещё полвека назад османы были для русских сильным, грозным соперником, который мог поставить вопрос «быть России иль не быть». Теперь ситуация изменилась. Россия продвигалась на юг, теснила турок. Османы огрызались, иногда проявляли агрессию, на которую Россия отвечала так, что дипломатам из Лондона и Парижа приходилось немало перьев сломать, чтобы остановить экспансию империи Петра Великого.

На юге, на рубежах военных споров с османами, обессмертил своё имя Румянцев, под чьим командованием теперь посчастливилось служить Суворову. Этого смолоду удачливого полководца после Ларги и Кагула поэты сравнивали с великими римлянами, которые не спрашивали, сколько врагов, а интересовались только: *где враг?* Империя приобретала батальный лоск, возрождала доблесть римских легионов в XVIII в. Уже совершал подвиги на турецком фронте генерал Вейсман, Отто Адольф Вейсман фон Вейсенштейн. Лучший воин из остзейских баронов на русской службе. Он, практически одновременно с Суворовым, создал новую тактику, по-новому вёл войну. Подчас в Вейсмане видят «несостоявшегося Суворова» — и действительно, гибель в 1773 г. прервала блестящую карьеру генерала, освоившего науку побеждать. Суворов видел в нём достойного брата по оружию; в некотором роде Вейсман, раньше Суворова начавший совершать громкие победы, был для Александра Васильевича примером. С завистью и уважением Суворов, находясь в Польше, читал о сражении при Тульче, за которое Вейсман получил Георгия второй степени.



Весной и летом 1773 г. Суворов дважды овладевает

Туртукаем. Быстрота и натиск, а также минимальные потери характеризовали первые победы генерал-майора над турками.

Это было время молниеносных действий и событий. В апреле Суворов получил новое назначение, А через месяц И.П. Салтыков был произведён в генерал-аншефы. Судьба благоволила сыну знаменитого полководца Семилетней войны, но к самостоятельной боевой деятельности Салтыков не был готов, предпочитая во всём следовать планам командования. А военная обстановка нередко требовала большей решительности. В Польше Суворов убедился, как важно на войне умение брать на себя ответственность, проявлять инициативу.

Между тем Суворов оставался в генерал-майорах, хотя по заслугам, по авторитету в армии новое звание — генерал-поручика — он заслужил ещё на польской земле. Во время сражения при Козлуджах задержка с произведением в генерал-поручики дорого будет стоить Суворову.

Но — обо всём по порядку. Суворов принялся действовать на турецком фронте уверенно и изобретательно, как будто эта местность давно была ему известна.

Получив от пленных сведения о четырёхтысячном гарнизоне Туртукая, Суворов быстро составляет знаменитую диспозицию, чтобы в ту же ночь атаковать Туртукай. В этом памятнике суворовского военного искусства — и точность, и страсть:

«1. *Переправа* будет ниже Туртукая верстах в 3-х. Прежде переправлятца пехоте по ее двум кареям одному за другим, потом резерву. Две пушки по причине неровного тамошнего местоположения должны оставатца при резерве и бить сначала сзади. При кареях командиры: в 1-м господин полковник Батурин, во 2-м подполковник Мауринов, в 3-м майор Ребок (резерв).

2. Господин полковник князь Мещерский командует на здешнем берегу и пол[ком] пехоты, что может быть останетца во 2-й транспорт — переправляет конницу, то-сть: прежде казаков, потом карабинер, однако, ежели будет благопоспешно, то при казаках несколько карабинер. Хорошо, ежели можно, люди на лотках, коней в поводах вплавь, а буде нет, то на лотках поелику то можно и нужда будет. С протчею кавалериею остаетца на берегу разделять оную и маскируя по его усмотрению, а казачьими пикетами Леонова тянет цепь к казакам Кашперова.

3. На здешнем берегу для закрытия наших судов и разбивания, как и поражения неприятельских, кои бы в переправу препятствовать покусились, — батарея: 2 единорога и 2 пушки (ядры бьют дале, а гранаты жгут). При сей батарее Кирилов. Пушки должны быть поставлены в способнейших местах и разделенно для крестных выстрелов и для оказания большого

числа артиллерии. Зависят от благоучреждения г[осподина] полк[овника] кн[язя] Мещерского. Пехоты при артиллерии надлежащая часть. На той стороне при выгрузке пехоты по рассмотрению.

4. За исправность судов и поспешность в переправе ответствует г. Палкин. Г. п. к. Мещерский всему благопоспешествует.

2

1. *Атака* будет ночью с храбростью и фуриею российских солдат. В разстройки, против правого неприятельского положения, где у них первой незнатной лагерь, потом, пробиваясь до пашинских палат, где у них лагерь поменьше, а наконец и версты 3 оттуда далее до их лагеря побольше. Батарея их при первом за рытвиною, при пашинских палатах и уповательно, что та батарея посильней, непременно надлежит ее сорвать, следуя до третьего их лагеря.

2. Благопоспешнее ударить горою один каре выше, другой в пол горы, резерв по обычаю. Стрелки на 2 половины каждая на 2 отделения. Первая с правого карея, другая с левого карея, с правого в пол горы, вперед и берегом; с левого, сбоку и спереди, стрелки алармируют и тревожат. Карей обходят рытвину или проходят чрез нее, где способно.

3. Переправляющаяся конница примыкает к резерву, казаки тоже и могут выезжать на тревоженье и шармицированье или примыкают к ближнему карею.

4. Резерв без нужды не подкрепляет, а действует сам собою как и оба карей.

5. Турецкие суда отрезывает и отбирает ближней каре или, буде ближе, то резерв и тот час их спустить в устье Аргиса, против Кашперова.

6. Пушки турецкие отводятца в резерв, чтоб карей в их быстроте ими задержаны не были. А тяжелые и неходкие остаютца до времени, особливо ежели можно, срываютца в воду. Заряды при пушках отвозятца також в резерв. Порох при пашинской квартире, ежели можно, отвозитца к нашим судам и переправляетца на сю сторону. Буде не можно, то срываетца в воду, дабы после от него не было вреда.

7. Как скоро г. майор Кашперов услышит первой выстрел, то переправляет пеших казаков на остров при командире и тревожит весьма поспешно и отводит.

8. Ежели г. полковник князь Мещерский за благо усмотрит переправить пеших карабинер на ту сторону для действия к Туртукаю, передаютца на его волю. А когда турки между тем

учинят на судах паче чаяния какую вылазку на сию сторону, то их рубить, колоть и отрезывать.

Сия есть генеральная диспозиция атаки. Прибавить к тому, что турецкие обыкновенные набеги отбивать по обыкновенному наступательно.

А подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости господ командующих.

1. *Возвращение* по сю сторону быть надлежит по окончании действия и разбития турок во всех местах.

2. Турецкую отбитую артиллерию сколько возможно ставить на суда и к тому времени можно подвесть наш паром, что у Кашперова будет в устье Аргиса. Впротчем топить.

3. Прежде переправляетца конница, карабинеры и казаки, а пехота стоит на выгодном месте для прогона турецких набегов.

4. Между тем Туртукай весь сжечь и разрушить палаты так, чтобы более тут неприятелю пристанища не было.

5. Весьма щадить жен, детей и обывателей, хотя бы то и турки были, но не вооруженные. Мечети и духовной их чин для взаимного пощажения наших святых храмов.

Потом переправляетца и пехота и да поможет Бог!»

К туртукайскому подвигу Суворов готовился вдохновенно, искренне желая закрепить репутацию, заработанную в Польше, придунайскими победами. Суворов начинал изучать психологию турок и понимал, что восточный люд восприимчив к легендам и боится противника, овеянного ореолом непобедимости. Пришло время продемонстрировать туркам этот ореол во всей красе, пришло время сеять панический ужас. Помогла первая стычка с турками — когда тысячный отряд напал на казачьи пикеты, выставленные Суворовым, на отряд есаула Сенюткина. Генерал послал на выручку казакам эскадрон карабинеров Астраханского полка с полковником Мещерским. Атака карабинеров рассеяла турецкую кавалерию — и, как писал Суворов, «неприятель, будучи прогнат до судов, с крайней робостью метался на оные, где потонуло немалое число». А в схватке было порублено 85 турок. О русских потерях Суворов сообщает досконально: они фантастически малы. При нападении турки убили двоих казаков, в дальнейшем ранили ещё пятерых карабинеров и двоих казаков. И это чистая правда, а точнее — результат тщательной подготовки и грамотного управления войсками. В плен попали Бин-паша, два аги и шесть рядовых. От них-то Суворов и получил сведения о туртукайском гарнизоне: свыше четырёх тысяч конницы и пехоты.

После такого сражения турки вряд ли рассчитывали на скорый штурм со стороны небольшого суворовского соединения.

Суворов без промедления начал готовиться к наступлению на Туртукай. Расчетливо устроил переправу через Дунай — и… Сам Суворов в итоговой, обстоятельной реляции Салтыкову так рассказал о сражении: «И как переправа началась, то неприятель с главной своей батареи делал беспрестанную стрельбу из пушек по лодкам и когда приближаться стали к берегу, то стоящие на супротивном берегу неприятельские пикеты произвели жестокую из ружей стрельбу по лодкам, но удержать не могли предприятия нашего. И как переправились на неприятельский берег, господин полковник Батурин с первою колонною прямо пошёл на упоминаемую их большую главную батарею, где было больших четыре пушки, бросился сам со всею колонною и ударил в штыки, несмотря на их жестокую пушечную и оружейную стрельбу, где я сам был и видел всё сие наших солдат мужественное происшествие. Батарея же была на вышине и обрыта валом, и крутизна того места была превеликая, где я и сам чрез то место лез и прямо он же, господин полковник Батурин, при мне, напав на первый стоящий их лагерь, который был позади их батареи, начал колоть и гнать. В то же время подполковник Мауринов, бросившись со своею колонною в левый фланг того лагеря и прошёл неприятельский лагерь, ударяя на их состоящую батарею на левом фланге лагеря, где было также 4 больших орудиев и обрыта большим рвом, взошёл на оную и, разив неприятеля, батареею овладел. В то ж самое время господин полковник Батурин, отрядя от себя подполковника Мелгунова с ротою гранадерскою, велел напасть на батарею, закрывающую суда на берегу реки Дуная, которую он, подполковник, сорвав и поразив неприятеля, взял; на ней было пушек три. Майора Ребока командировал я с резервом на левый фланг бывшего города Туртукая, к стороне Рущука, где была сделана батарея для прикрытия их третьего лагеря, а батарею неприятельскую сбил и стал на ней. Я ж господину полковнику Батурину приказал изо всех мест внутри города гнать неприятеля, где, что я сам видел, вышеписанное нападение во всех местах свой успех сделало с неустрашимым духом. Неприятель пришёл в отчаяние и страх, бежал, куда только глаза путь давали. Могу ваше сиятельство уверить: во вверенном мне корпусе как о штаб-, обер— и унтер-офицерах и солдатах, о их храбрости, что крайне страшна была неприятелю, хотя они и сами по батареям держалися долго, но противу быстроты нашего нападения держатца не могли, и урон с его стороны простираетца пехоты и конницы до полутора тысячи человек. Солдаты ж, рассвирепев, без помилования всех кололи, и живой, кроме спасшихся бегством, ни один не остался». Похвалил Суворов солдат и за то, что они стремились именно поражать

неприятеля, выполнять боевую задачу, а не зарились на его пожитки, на трофеи.

Мирных обывателей Суворов эвакуировал и, не мудрствуя лукаво, дотла сжёг городок. Весть об этом быстро распространилась среди турок, чего и добивался Суворов.

В разбитом Туртукае русский генерал чувствовал себя триумфатором: дело получилось, как он и предполагал, быстрое и победное. Подтверждался польский опыт, укреплялись суворовские воззрения на войну! В тот же день, в пылу сражения, карандашом начертал первую записку Салтыкову — подобные лаконичные первые рапорты в будущем победитель не раз будет отправлять Потёмкину: «Ваше сиятельство! Мы победили. Слава Богу, слава Вам!» (Известен и стихотворный экспромт Суворова: «Слава Богу, слава Вам! Туртукай взят — и я там!») А в следующей записке позволил себе пооткровенничать: «Милостивый государь граф Иван Петрович! Подлинно мы были вчера veni, vedi, vici, а мне так первоучинка. Вашему сиятельству и впредь послужу, я человек бесхитростной. Лишь только, батюшка, давайте поскорей второй класс». Речь здесь идёт, разумеется, о Георгиевском ордене второй степени — и в августе Суворов его получит. А слово «первоучинка» так и закрепится в истории за Туртукаем — за первой победой Суворова над турками. При штурме батарей и в бою за Туртукай было убито шесть суворовских солдат. Раненых оказалось около сорока. И это в бою с сильным четырёхтысячным гарнизоном! Состав суворовского корпуса был невелик: около пятисот астраханцев да двести конников (из них полсотни — казачки). От взрыва турецкой пушки Суворов получил контузию — и запросил у Салтыкова разрешения «съездить в Бухарест на день-другой попарицца в бане». Среди трофеев, кроме двенадцати пушек, имелась и речная флотилия из полусотни судов.

Турки не желали расставаться с Туртукаем: вскоре они снова стягивают туда войска и укрепляют разбитый лагерь. Суворов следил за их действиями, ставил в известность Салтыкова и ждал команды. В июне Суворов начинает готовить второй поиск на Туртукай, совершает удачную «разведку боем». Но военный совет отменяет новый поиск — и тогда Суворов пишет Салтыкову страстное, полное обиды письмо, в котором то сетует на лихорадку и другие несчастья со здоровьем, то требует разрешить штурм турецких позиций в сожжённом Туртукае! И снова Суворов смело противопоставляет паркетных генералов боевым — эта тема проявляется у него во всякой конфликтной ситуации, когда командование не проявляет компетентности. Как и в Польше,

Суворов стремился воевать на свой лад, тем более — будучи уверенным в успехе. Он не считал боевую задачу выполненной, пока в Туртукае существовал турецкий укреплённый лагерь с многочисленным войском. И видел важность нового поиска в контексте всей войны. В нескольких стычках кавалерия Суворова (в том числе — казаки) попробовала на прочность турок. Корпус чувствовал уверенность в собственных силах, готов был бить турок — и Суворов понимал, что упускать возможности на войне нельзя.

30 мая Суворов с воодушевлением рапортовал Салтыкову о победе над турками корпуса генерал-поручика Потёмкина. Это был не кто иной, как Григорий Александрович Потёмкин, в недалёком будущем — всесильный муж императрицы и администратор России. 27 мая большой отряд турок напал на пикеты Потёмкина. Генерал подкрепил их гусарами и запорожцами и отбросил противника к Силистре. Суворов и Потёмкин были в то время генералами-соседями, сражались с турками плечом к плечу, бдительно охраняя позиции. В конце донесения Суворов сообщает: «На супротивном берегу неприятельских действий и его вновь обращений моими пикетами в прошедшие сутки ничего не примечено, команда здешняя впрочем благополучна».

В то же время Суворову пришлось идти на жёсткие меры, утверждая в войсках дисциплину и субординацию. Герой первого туртукайского сражения полковник Батурин, с которым Суворов быстро коротко сошёлся по прибытии на Дунай, был на пять лет моложе Суворова. Ситуация была щекотливой: сначала Суворов доверил Батурину должность коменданта в Негоешти. Когда же комендант-полковник отпросился по болезни в Бухарест — надеясь на дружеские отношения с Суворовым, он отбыл с позиций, не дождавшись разрешения. Суворов понимал, что с таких нарушений дисциплины начинается разложение офицера, он сообщает о провинности Батурина Салтыкову, требуя учинить сатисфакцию. А потом получил подтверждение своим тревогам: во время болезни Суворова, в ночь на 8 июня, сорвалась попытка переправы астраханцев через Дунай. Приметив турецкие войска, Батурин проявил малодушие и отступил. Узнав об этом, Суворов пришёл в ярость. В очередном письме Салтыкову звучат отзвуки той бури: «Какой это позор. Все оробели, лица не те… Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся». Он просит отозвать Батурина — и прислать вместо него «смелых, мужественных офицеров». И всё-таки гнев Суворова не имел для полковника тяжёлых последствий, и за первый поиск на Туртукай он вскоре был награждён Георгием четвёртой степени.

За первые две недели лета Суворову удалось расширить свой отряд: теперь под рукой Суворова были два казачьих полка, а также — уже испытанные под Туртукаем астраханцы и апшеронцы, копорцы, ингерманландцы. Наступление поддерживала полевая артиллерия.

В ночь на 17 июня Суворов повёл войска в атаку на турецкий лагерь в разорённом Туртукае, следуя ордеру Румянцева от 6 июня «содействовать предпринятым им противу неприятеля намерениев». В известной степени это было самостоятельное решение.

Суворов совершенствует кольбергскую тактику Румянцева. Во втором поиске на Туртукай впереди трёх каре действовал рассыпной строй стрелков. В арьергарде шли апшеронцы — пехотный батальон секунд-майора Фишера. Во время приступа турки пошли в отчаянную, многолюдную контратаку. Тогда ударили переправившиеся через Дунай казаки, которые гнали отступившего противника пять вёрст. Потери турок были значительны: из семитысячного отряда — более тысячи человек одними убитыми. Погиб двухбунчужный паша Фейзула Сары, Даслан-паша бежал с поля боя с тяжёлым ранением. Суворов потерял шесть человек убитыми и 87 — ранеными.

И реляцию Суворов составлял обстоятельно, прибегнув к помощи соратников. Приведу только финал: «Неприятель, встречен пушками будучи, зачал бежать, а господин подполковник Шемякин и с ним майор Колычев, тотчас врубясь в неприятеля, совсем обратил в самое беспорядочное бегство, где казацкой полковник Леонов и есаул Сенюткин с казаками, последовав за сим и поколов оных немалое число, отбил трехфунтовую медную пушку, послал еще сих же казаков неприятеля далее преследовать, кои преследовав до нижнего их лагеря с подкреплением кавалерии, которая не довольно до лагеря, но и за оной от четырех до пяти верст гналася. Четыре ж роты мушкатер с капитаном Козловым-Угрениным, коему велено было следовать в неприятельской лагерь, которые, поражая неприятеля, привели до такой трусости, что оной, оставив почти весь лагерь с сильным окопным ретранжаментом и девять медных пушек, двадцать пять новых чаек, шесть судов с мачтами и четыре лодки, ушел».

Результаты поиска Суворов описал подробно, во многом — чтобы избежать новых упрёков в самоуправстве: «Паша же убит, что я сам мог приметить, находящимся при мне на ординарции сержантом Горшковым в то время, когда неприятельская конница делала атаку на ретранжамент, да сверх сего он же убил еще трех

и много других ранил. Хотя ж объявляют пленные, что их было в Туртукае не менее шести тысяч человек, однако я сего числа верно положить не могу, а как мог я сам приметить, то оных было от трех до четырех тысяч. С нашей стороны убито: сержант один, гранодер один, мушкатер два, карабинер один, казак один. Ранено: Астраханского карабинерного секунд-майор Гранкин контузией, корнет один, Астраханского пехотного капитанов три, порутчик один, сержантов два, капрал один, гранодер двадцать девять, мушкатер восемнадцать, Астраханского карабинерного вахмистр один, карабинер семнадцать, Ингерманландского карабинерного карабинер два, Апшеронского баталиона прапорщик один, гранодер два, мушкатер один, Копорского мушкатер девять, Донского войска сотник один, казаков пять, нововербованных два, Ингерманландского карабинерного строевых лошадей убита одна, ранено семь. В добычу получено пушек медных четырнадцать и один ящик, из коих одна по приказу моему за неудобностию брошена в средину Дуная. Конец же всей сей экспедиции совершился сим, что забрал неприятельские пушки и все вышепоказанное и, седши в суда, с божиею помощию возвратился на свой берег, куда прибыв, принес всемогущему богу благодарение и, сделав расположение, оставил Ингерманландского карабинерного полку господину полковнику Норову ордер в такой силе, чтоб он взял свой пост поблизости к Негоешту, надзирая Обилештской пост. Копорского ж полку секунд-майора графа Мелина оставил я при Негоештском укреплении с двусотою его командою рекрут, на некоторое время. Сим рекрутам должно отдать справедливость, что оные, будучи в первом еще действии против неприятеля, столь мужественными себя оказали, что заслуживают особую похвалу».

При дворе начала складываться легенда об удачливом, но диковатом чудаке — легенда, без которой суворовский образ непредставим.

Суворов не забывал заботиться о болгарском населении Туртукая, которое неизменно относилось к русским солдатам по-братски, но терпело военную разруху. Сначала Суворов переправил их на другой берег Дуная, о чём написал Салтыкову: «Живущие ж в Туртукае булгары все переправлены на сей берег числом семей 187, в коих мужеска полу 299, женского 364 души». Турки обращались с болгарами в лучшем случае пренебрежительно, а подчас — и жестоко. Болгарские крестьяне сразу почувствовали доброе отношение и русского солдатства, и генерала. Выбрав из числа болгар сильных, ловких, настроенных против турок мужчин, Суворов предложил создать из них гребную команду: «Гребцы ж способные выбраны из вышедших булгаров,

которых, снабдя хлебом, обнадёжил как заплатою за труды им денег, так и позволением поселиться, где кто по своему желанию захочет». Требовалось 550 гребцов. Проверив их на деле, Суворов увидел, что и самые физически крепкие из них (а болгары — народ атлетический!) изможднены, деморализованы отсутствием пристанища. Они уставали от тяжёлой работы, не было мочи работать вёслами. Пришлось отказаться от болгарской гребной команды… Суворов разговаривал с ними по-русски, по-турецки и, схватывая на лету, по-болгарски — и получил немало сведений о турках, об их местонахождении в Болгарии. Восторженная молва о русском генерале, который и турок побил, и с крестьянами дружбу водил, пошла по болгарским поселениям. Болгары изъявили желание «пользоваться высочайшей протекцией её императорского величества» — и Суворов направил обозы с переселенцами в Молдавию, под охрану российской короны и наших победительных войск. Забота о подпавших под турецкое иго православных народах давала и Суворову, и всему русскому воинству чувство морального превосходства, очень важное на войне. Балканские народы окончательно получат свободу гораздо позже и, разумеется, с помощью русской армии, с помощью потомков Суворова. Но будут помнить и о героях старых Русско-турецких войн, пришедшихся на времена куда более серьёзной военной силы Османской империи, будут помнить и о Суворове.

Тем временем на отдалённом от Суворова участке театра военных действий другое подразделение армии Румянцева попало в трагическое положение. Речь идёт о генерале Вейсмане. Главные силы Румянцева переправлялись у Гуробал. Вейсман отличился в этой операции, своими успешными атаками обеспечив переправу. Под Силистрией, в июне, Румянцев узнал о приближении двадцатитысячного корпуса Нуман-паши, который грозил отрезать русскую армию от переправ. Чтобы избежать ловушки, Румянцев прервал осаду Силистрии, армия спешно отступала на левый берег Дуная. Прикрывал отступления испытанный корпус Вейсмана.

С пятитысячным корпусом 22 июня генерал Вейсман атаковал Нуман-пашу у Кючук-Кайнарджи. Сражение принесло новую победу, был занят неприятельский лагерь с трофеями, но отважный генерал был смертельно ранен. «Казаки сказывали ещё не верно о Вейсмановой смерти в Гуробалах», — писал Суворов Салтыкову 25 июня. Но трагическая весть оказалась правдивой.

Памятны слова Суворова: «Вейсмана не стало — я остался один». А в письме И.П. Салтыкову Суворов рассуждает о трудностях военной службы на примере судьбы Вейсмана: «Бегать

за лаврами неровно, иногда и голову сломишь по Вейсманову, да ещё хорошо, коли с честью и пользою» (июль 1773). И в Италии, через много лет, в 1799 г., в письме А.К. Разумовскому Суворов вспоминал Вейсмана, сравнивая его — единственного в российской армии — с самим собой: «Вейсмана не стало, я из Польши один бью; всех везде бьют. Под Гирсовым я побил, сказал: «Последний мне удар!» То сбылось, я погибал». Трудно было забыть кампанию 1773-го — и гибель Вейсмана, и победы при Гирсове и Козлуджах, и обида после заключительной победы в той войне.

Мало что остаётся в исторической памяти народа. Вот и имя Вейсмана осталось где-то на третьем плане наших представлений об истории русской армии.

Это было критическое, самое жаркое лето войны. Годы спустя Державин напишет в оде «Водопад»:

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон, — что турок мнит?
Дрожит, — и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И росс в крови их по колени!

Суворов праздновал туртукайскую победу и молитвенно оплакивал боевых товарищей. За смелую инициативу Румянцев хотел примерно наказать Суворова, но молва преувеличила многократно масштабы наказания — чуть ли не до смертной казни! Существует легенда: будто бы именно тогда императрица изрекла: «Победителей не судят». Замечательное крылатое выражение, но к реальной судьбе Суворова оно не имеет отношения.

Гирсовская виктория

Осенью Суворов получает новый приказ Румянцева. Туртукайский победитель возглавляет русское укрепление в Гирсове и, отражая турецкий удар, громит превосходящие силы противника. Об этой замечательной победе стоит рассказать подробнее.

Тактика поисков, в ходе которых уничтожались турецкие части, не позволяла противнику сосредоточить в подбрюшье позиций российской армии многочисленное войско. Александр Васильевич был сознательным сторонником такой войны. Успехи Суворова в Туртукае позволили другим русским частям приступить к атакующим, истребительным операциям. Но кампания 1773-го не была для России безоблачной. Тот же генерал-аншеф Салтыков терпел чувствительные поражения. И Екатерина по достоинству оценила подвиг Суворова: он был награждён орденом Св. Георгия второго класса. Русские войска отступали на левый берег Дуная, приступая к оборонительным действиям.

Погибает в бою генерал Вейсман. Разбит и пленён полковник Репнин. Неудачи, отступления… Единственной цитаделью Румянцева на правом берегу оставался Гирсов (Гирсово) — важнейший пункт, вокруг которого во многом решалась судьба кампании. Румянцев вызывает Суворова к себе и в личной беседе поручает оборону Гирсова. Ордер о новом назначении генерал-майора Суворова был подписан 4 августа. «Делами вы себя довольно в том прославили, сколько побудительное усердие к пользе службы открывает вам путь к успехам», — писал Румянцев. На этот раз у Суворова были развязаны руки: Румянцев выразил надежду на искусство своего генерала.

Суворов прибыл в Гирсов и без промедлений принялся укреплять местный замок. Ежеутренне он объезжал окрестности, изучал местность. В отдалении от замка, в устье реки Боруя, на возвышении, строились шанцы. Это укрепление называлось «Московский ретраншемент» и прикрывало переправу через Боруй, которую освоили наши войска. Другие подходы к Гирсовскому замку отныне прикрывали редуты. В команду Суворова поступили Первый Московский и Выборгский пехотный полки, а также отряд казаков-запорожцев. Некоторое время Суворов держал укрепление с таким малочисленным отрядом. Румянцев был скуп на подкрепления, стремился достигать успеха наименьшими силами. И всё-таки он усилил соединение бригадой генерал-майора А.С. Милорадовича, поступившей в

командование Суворова (впрочем, сам Милорадович в те дни был нездоров, и его замещал полковник Д. Мачабелов). Два пехотных полка, три эскадрона гусар, артиллерия — неплохая подмога Гирсову. Эти войска Суворов разместил на правой стороне Боруя, создав своего рода маневренный резерв.

В начале сентября к Гирсову выступил десятитысячный турецкий отряд. Казачьи заставы отступали, огнём турок не встречали: Суворов заманивал противника ближе к укреплениям. Позже казакам было приказано оказывать туркам посильное сопротивление. Турки, уверенные в том, что основные силы русских сосредоточены в замке, подошли вплотную к редутам и к Московскому ретраншементу. Массированную атаку на ретраншемент отразила артиллерия полковника Бахметьева. Турки отступили. Тем временем Суворов сосредоточивал силы для наступления по левому берегу Боруя. В атаку с полковником Мачабеловым пошли Севский и 2-й Московский полк — из войск Милорадовича. После битвы Суворов выделял командира 2-го Московского полка Гагарина, который с берегов Дуная ударил во фланг турецких позиций. Турки были отброшены — и начали беспорядочное отступление. Суворов лично возглавил кавалерийский отряд преследования. Русская кавалерия добивала бегущего противника на протяжении тридцати километров. Осмотрительные действия Суворова в Гирсове, когда вся операция была проведена с образцовым хладнокровием, без преждевременной атаки и чрезмерного увлечения преследованием противника, опровергают представления о Суворове как о прямолинейном волевом генерале — «сорвиголове». Первым это понял Румянцев, внимательно следивший за положением дел в Гирсове.

Возвратившись в Гирсов, Суворов подвёл итоги дня: «совершенно приобретённая над неприятелем победа». Турки потеряли более тысячи только убитыми. В корпусе Суворова было 10 погибших и 167 раненых. Суворов не забыл упомянуть их по именам в реляции: «В плен взято до двухсот человек, но из них большая часть от ран тяжелых умерли, а 50 живых приведены. С нашей же стороны убиты: Венгерского гусарского полку капитан Крестьян Гартунг, вахмистр 1, капрал 1, гусар 6, мушкатер 1, лошадей строевых 25, казачьих 6; тяжело ранены порутчики: Андрей Каширинов и Гаврила Зилов, прапорщики: Василей Ладович и Георгий фон-Блюм, полковой лекарь Штейдель; сержант 1, гранодер 9, мушкетер 31, бомбардир 1, гусар 18, сотник 1, козак 1. Легко ранены: подпорутчик Федор Кусаков; прапорщики: Дмитрий Волженской и Алексей Исаков; гранодер 15, мушкатер 46, бомбардир 1, гусар 25, сотник 1, казаков 9,

лошадей строевых 38, казачьих 8». О раненых в гирсовском лагере заботились рачительно: так, Суворов отметил, что в отряде князя Мачабелова из ста раненых ни один не умер.

В журнале военных действий первой армии о Гирсовском сражении была сделана обстоятельная запись, достаточно точно отражающая обстоятельства сражения: «От генерал-майора Суворова об одержанной при Гирсове над неприятелем победе получен обстоятельной рапорт следующего содержания:

Сего месяца на 3-е число ввечеру, в расстоянии от Гирсова верст за 20, показалась на высотах неприятельская конница, которой по примечаниям было до трех тысяч, и расположилась тамо на ночлег, не чиня никакого препятствия и нападения на расставленные от Гирсова к Бабадам для сообщения с корпусом генерал-порутчика и кавалера барона Унгерна казачьи форпосты. А 3-го числа поутру в 7-м часу, оная неприятельская конница, сделав движение к Гирсову, начала приступать к отъезжим казачьим форпостам так близко, что оные принуждены были от своих постов податься к Гирсову. За сею конницею, по приближении к Гирсову верст за шесть, открылась неприятельская пехота, построенная в три линии, числом, по уверению пленных, более 4000, которой фланги и ариергард прикрываем был конницею, а между тем их кавалерия по нескольку, а всей до 6000 начала уже подходить к Гирсовскому укреплению и редутам на пушечной выстрел. Тогда генерал-майор Суворов, не открывая батареи, чтоб тем лучше заманить неприятеля между огней от оных, велел только находящемуся при казаках Выборгского пехотного полку капитану Нелюбову и прапорщику Венгерских эскадронов Ладовичу делать с неприятелем перестрелку и сколько можно его стремление удерживать. Но когда неприятель зачал усиливаться великою толпою пехоты с его артиллериею, то тотчас приказал он, Суворов, гирсовскому коменданту полковнику Думашеву, естли бы неприятель покусился на замок, защищаться, а между тем, стоящие за рекою Баруем бригады генерал-майора и кавалера Милорадовича полки, командовавшему на сей случай оными старшему полковнику князю Мачабелову построить в два карея с резервами и, сняв палатки, состоять к сопротивлению в готовности, також и Венгерским эскадронам. Неприятельская пехота приближалась уже к Гирсову версты за две, а как конница начала подъезжать под самые сделанные у замка редуты, в которых командовали: в 1-м — Выборгского пехотного полку секунд-майор Бутурлин, а на высоте в редуте, того ж полку секунд-майор Пасиет, при устье ж речки Баруя на большой горе с первым Московским полком в ретраншаменте был полковник

Бахметьев, то пехота неприятельская, не подходя к замку на пушечной выстрел, стала принимать вправо к высотам по берегу речки Баруя против ретраншамента, где заняв один пригорок и поставя свою артиллерию, открыла стрельбу по оному; часть же далкиличев (далкиличи — отборная турецкая лёгкая пехота, вооружённая только саблями. — *А.З* .) начала рассыпаясь подходить к оному ретраншаменту. В самое сие приближение неприятельской пехоты полковник Бахметьев открыл батарею и своими как пушечными, так и ружейными выстрелами учинил неприятелю великий вред, так что оной принужден, оставя более ста тел на месте, отступить, а между тем как полки Севской и второй Московской и гусарские эскадроны, переправившись на здешнюю сторону речки Баруя, состояли в готовности встретить неприятеля, то и велено им вступить в атаку, из коих второму Московскому приказал полковник Мачабелов следовать по дунайскому берегу между Гирсова и ретраншамента; полку первому Московскому — против неприятельского левого крыла, а сам с Севским полком и гусарскими эскадронами пошел вниз по речке Баруе в левую сторону ретраншамента лощиною на гору против неприятельского правого крыла, где самое было от неприятеля жестокое усиливание на ретраншамент. И как скоро полк Севской начал к той лощине подходить, то неприятель конницею и пехотою усиливался, производя жесточайшую ружейную и пушечную стрельбу, которою и препятствовал по трудной крутизне всходить нашей пехоте. Но означенной полковник князь Мачабелов, приметя сие, отрядил с резервом, состоящим из одной гранодерской и одной мушкатерской рот, оного ж полку премьер-майора Фаминцына и приказал ему, несмотря на сопротивление неприятеля и жестокую стрельбу, итти на гору вправо и ударить в штыки, которой, то исполняя, шел вперед с отличным мужеством и храбростию, подавая тем и подчиненным своим пример к преодолению трудностей и, получа еще в подкрепление две роты, неприятельскую пехоту опровергнув, привел в замешательство, а засим и сам полковник князь Мачабелов с полком пошел на гору влево, куда сильное неприятель нападение устремлял, чтоб тем поставить неприятеля: первое — между двух огней, а другое — чтоб можно было поскорее и полевую артиллерию взвести на гору, в чем артиллерии капитан Коцарев весьма и преуспел своим проворством и искусством. Сколь скоро означенной полк взошел, то не дал неприятелю, которой был уже на высоте и скрывался между кустов, подавая вид к атаке, нимало покуситься, а взвезши на гору полевую артиллерию, полковник Мачабелов приказал артиллерии капитану Коцареву по неприятеле стрелять и сбивать

с высоты, который сие и исполнил с точностию. Сам же он, Мачабелов, с пехотою пошел штурмовать гору, где неприятель находился, и оного из ущелин выгнал и с высоты сбил и тем в такое привел замешательство, что легко можно было приметить его колебание, отчего на высоте оставил он и свою батарею с орудием. Майор же Ширков, командированной на другую сторону речки Баруя с стрелками и двумя пушками для прогнания неприятеля, покусившегося конницею переправляться чрез сию речку, тотчас оного атаковал и прогнал.

Полковнику князю Гагарину со вторым Московским полком приказал он, Мачабелов, неприятеля атаковать от берегу Дуная и заходить во фланг, почему он тотчас встретил неприятеля пушечными и ружейными выстрелами с особливою храбростию и расторопностию и, приведши в замешательство, не дал оному воспользоваться авантажами, и хотя неприятель и старался скрываться в лощину, однако оную у него отрезал, и неприятель после того решился к бегству, которого, когда он выходить начал кучами из лощины, стоящей в редуте майор Пасиет, открыв свою батарею, поразил много.

В таком превозможении неприятель несколько раз искал еще остановиться, но, будучи предупреждаем всегда храбростию наших войск, не мог исправиться, а более приходил в замешательство. Генерал-майор Суворов, обозря сие, велел Венгерских эскадронов подполковнику барону фон-Розену в неприятеля врубиться, который оного атаковав, и своим ударом понудил тем больше к беспорядочному бегству. А затем генерал-майор Суворов, взяв бригаду из упоминаемых двух полков, пошел неприятеля гнать, а гусарские эскадроны с подкреплением стрелков и охотников при майоре Ширкове и капитане Яновиче, при двух полковых орудиях, послал пред собою для поражения бегущих. Пехота наша хотя и была близко и делала вред, но не могши большего в преследовании иметь дела, по причине, что неприятель наконец бежал во всю мочь и нигде не мог остановиться, быв сильно поражаем от подполковника и кавалера барона фон-Розена, которой с своими эскадронами рубил оного.

Сим образом гоним был неприятель до 30 верст, пехоту свою оставляя за собою острию меча…

Когда уже ночная темнота не позволила далее бегущих преследовать, то генерал-майор Суворов, свою пехоту остановя для отдохновения, велел, между тем, оставленному тут с казаками секунд-майору Завадовскому примечать неприятельское движение и сколь можно причинять ему вред и беспокойство, который точно сие и исполнил, поколов много бегущих, а он, генерал-майор Суворов, возвратился потом с войсками к

Гирсовскому укреплению.

Засвидетельствовал он в своем рапорте к господину генерал-фельдмаршалу, что сия совершенно приобретенная над неприятелем победа приносит всем вверенным ему подчиненным справедливую похвалу за мужество и их храбрость, что каждой из штаб-, обер— и унтер-офицеров старался доказать прямую свою к отечеству ревность и усердие. В сие сражение побитых с неприятельской стороны около редутов и ретраншаментов 301 человек на месте оставлено, да в погоне побито пехотою более тысячи, гусарами порублено 800, кроме тех, коих по сторонам и в бурьянах перечесть не можно. В добычь получено пушек 6 и одна мортира с их снарядами и одним ящиком, премного обоза, шанцового инструменту и провиант.

В плен взято до двухсот человек, но из них большая часть от ран тяжелых умерли, а 50 живых приведены. С нашей же стороны убиты: Венгерского гусарского полку капитан Крестьян Гартунг, вахмистр 1, капрал 1, гусар 6, мушкатер 1, лошадей строевых 25, казачьих 6; тяжело ранены порутчики: Андрей Каширинов и Гаврила Зилов, прапорщики: Василей Ладович и Георгий фон-Блюм, полковой лекарь Штейдель; сержант 1, гранодер 9, мушкетер 31, бомбардир 1, гусар 18, сотник 1, козак 1. Легко ранены: подпорутчик Федор Кусаков; прапорщики: Дмитрий Волженской и Алексей Исаков; гранодер 15, мушкатер 46, бомбардир 1, гусар 25, сотник 1, казаков 9, лошадей строевых 38, казачьих 8».

В укреплённом, обжитом Гирсове Суворов пребывал до зимы. Ретраншемент оставался неприступным для турок. После сражения, в конце сентября, снова были приняты меры к усовершенствованию укреплений. Неприятным эпизодом стал донос на Суворова, который-де оставил в Гирсове солдат без крова, сорвал постройку временных казарм. Характерно, что за гирсовскую победу Суворов не был награждён, хотя в Петербурге викторию отметили салютом…

Гирсов оставался для турок неприступным, а Суворов стал настоящим героем неудачной для России кампании 1773-го. В начале декабря Суворов получает отпуск: ему предстояла поездка в Москву, в родительский дом, и женитьба на княжне Варваре Ивановне Прозоровской. Сам фельдмаршал Румянцев стал родственником Суворова, он был женат на родной тётке Варвары Ивановны, урождённой княжне Екатерине Михайловне Голицыной. Впрочем, генеральное сражение личной жизни непобедимый полководец проиграет: брак окажется муторным, неудачным.

В новой кампании граф Задунайский намеревался перенести

действия на противоположный берег Дуная, гнать турок до Балкан и добиться выгодного для Российской империи мира. В ведении Суворова оставался Гирсов, а также Силистрия. Предстояло действовать совместно с корпусом генерал-поручика Каменского — отчаянного и честолюбивого военного вождя.

Заслуги Суворова в кампании 1773-го были вознаграждены очередным запоздалым повышением по службе. Лишь в начале марта 1774 г. его производят в генерал-поручики. Теперь, находясь в одном звании с Каменским, Суворов всё же считался «младшим» в их тандеме, так как Михаил Федотович Каменский стал генерал-поручиком ещё в 1773-м. Суворов был на восемь лет старше Каменского, имело значение и то, что Каменский ещё не был награждён орденом Св. Георгия второй степени, и то, что до злополучного производства Каменского в генерал-поручики он отставал от Суворова по генеральской иерархии. Но всё же более раннее произведение в генерал-поручики, по традиции, имело решающее значение. Эта полугодовая задержка в повышении (а Суворов, право слово, вполне заслужил его ещё польскими победами!) стала роковой в событиях вокруг Козлуджей.

Обманутый муж

Возвратимся к кратковременным радостям и постоянным мытарствам личной жизни Суворова. О желании Василия Ивановича породниться с Прозоровскими мы уже вспоминали. В конце 1773 г. эти слова в устах престарелого генерала звучали уже как последняя воля родителя. В отсутствие сына Василий Иванович долго выбирал для него невесту. Прозоровская подошла, главным образом, из-за титула…

Окутанный восторженными пересудами, победитель приезжает в Москву, в отцовский дом у Никитских — и, исполняя волю родителя, мечтавшего о продолжении рода, в январе 1774-го женится на Варваре Ивановне Прозоровской. Венчались они, предположительно, в московской Вознесенской церкви «что в Сторожах». Этот храм — Большое Вознесение у Никитских ворот — хорошо известен москвичам. Там венчался Пушкин, там отпевали актёров Малого театра Щепкина и Ермолову… Современное ампирное здание церкви построено в середине XIX в. А Суворов молился и венчался в храме, построенном в 1685 г. на средства царицы Натальи Петровны Нарышкиной, матери Петра Великого. От архитектуры суворовских времён осталась колокольня, восстановленная недавно по образцу XVII в. (отдадим должное современным архитекторам и строителям, восстановившим колокольню и уникальную церковную ограду во всём великолепии!). Предположение о том, что Суворовы венчались в Никольской церкви села Николо-Прозоровского, не кажется убедительным. Подмосковные экскурсоводы почему-то не любят вспоминать о том, что современный сельский храм с впечатляющей классицистической колоннадой был построен уже в 1792 г. по заказу нового хозяина, генерал-аншефа и будущего фельдмаршала Александра Александровича Прозоровского (не путать с генерал-аншефом И.А. Прозоровским, тестем Суворова!) … Прежняя деревянная церковь вряд ли вместила бы всех Суворовых и Прозоровских с их сановитыми гостями.

Союз с Прозоровскими породнил Суворовых и с Голицыными. Мать Варвары Ивановны была дочерью легендарного петровского фельдмаршала Михайлы Голицына-старшего, а её родной брат, дядя Варвары Ивановны Александр Голицын в 1770-е гг. занимал высокое положение при дворе, был аж вице-канцлером. Сразу после свадьбы А.В. Суворов обратился к новому родственнику с почтительным письмом, к которому его молодая жена сделала анекдотически безграмотную приписку: «астаюсь миластиваи гасударь дядюшка, пакорная и верная куслугам племяница

варвара Суворова». Сделаем скидку на XVIII век, когда к формальной грамматике было принято относиться спустя рукава. Но Варвара Ивановна действительно не была интеллектуалкой, здесь и спорить-то не о чем.

Начались мытарства семейной жизни, о которой Суворов вспоминал в печально известной челобитной 1779 г. Этот печальный документ, составленный уязвлённым седым солдатом, я привожу без купюр: «Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня, великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьёт челом генерал-поручик Александр Васильевич сын Суворов, а о чём моя челобитная, тому следуют пункты:

1

Соединяясь браком 1774 года генваря 16 дня в городе Москве на дочери генерал-аншефа и кавалера князя Ивана Андреева сына Прозоровского, Варваре Ивановне, жил я без нарушения должности своей честно, почитая своей женой по 1779 г., чрез всё то время была плодом обременена три раза, и от первого бремени только дочь осталась в живых ныне, а от прочих ради безвременного рождения младенцы измерли.

2

Но когда в 1777 году по болезни находился в местечке Опошне, сперва оная Варвара, отлучаясь своевольно от меня, употребляла тогда развратные и соблазнительные обхождения, неприличные чести её, почему со всякою пристойностью отводил я от таких поступков напоминанием страха Божия, закона и долга супружества, но, не уважая сего, наконец, презрев закон христианский и страх Божий, предалась неистовым беззакониям явно с двоюродным племянником моим С-Петербургского полка премьер-майором Николаем Сергеевым сыном Суворовым, таскаясь днём и ночью под видом якобы прогуливания, без служителей, а с одним означенным племянником одна по броворам, пустым садам и по другим глухим местам как в означенном местечке, равно и в Крыму в 1778 году, в небытность мою в квартире, тайно от неё был пускаем в спальню, а потом и сего года по приезде её в Полтаву оный же племянник жил при ней до 24 дней непозволительно, о каковых её поступках доказать и уличить свидетелями могу, а оная Варвара за отъездом из города Полтавы пребывает в Москве.

3

И так таковым откровенным бесчестием осквернила законное супружество, обесчестив брак позорно, напротив того я соблюдал и храню честно ложе, будучи при желаемом здоровье и силах

своих, то по таким беззакониям с нею более жить не желаю.

И для того, дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие моё прошение в славянской духовной консистории принять и по изъяснённым причинам о разводе моём с вышепрописанною женою и о дозволении в другой брак поступить, на основании правил св. отцов и вашего величества указов учинить рассмотрение.

Всемилостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сём моём прошении решение учинить. Сентября дня 1779 года. К поданию подлежит в славянскую духовную консисторию. Челобитную писал, за неимением гербовой, на простой бумаге генеральный писарь Алексей Ефимов сын Щербаков. К сей челобитной генерал-поручик Александр Васильев сын Суворов руку приложил».

Эта тяжба была для Суворова мучительной. И она отнюдь не завершилась в 1779 г. В консистории Суворов получит отказ, а до окончательного разрыва с Варварой Ивановной его ждало ещё немало испытаний. На некоторое время императрица примирит супругов. Примирение произошло в Астрахани. Суворов потребовал, чтобы покаяние Варвары Ивановны закрепилось церковным обрядом возобновления брака. В бедной церквушке они появились, одетые по-простецки: Суворов — в солдатском мундире, Варвара — в худшем из своих платьев… После публичного покаяния супругов священник прочитал им разрешающую молитву и отслужил литургию.

Александр Васильевич попытается забыть измену «с премьер-майором Николаем Суворовым». Но очень скоро возникнут новые подозрения. Сына Аркадия Суворов долго не признавал за своего… Брак распадётся. Дочку, любимую Наташу, Суворов оставит при себе, оградит её от материнского влияния.

Александр Васильевич сохранит настороженное отношение к женщинам, станет говорить о них: «Они украли у нас рай!» Впрочем, мы забежали вперёд. В январе 1774 г., оставив молодую жену в Москве, Суворов отбыл в армию и продолжил придунайские подвиги. Вскоре, в марте, Суворов был произведён в генерал-поручики. Поздновато…

Сражение при Козлуджах

В кампании 1774 г. генералам Суворову и Каменскому предстояло взаимодействовать, совместно противостоять крупным силам турок. Первоначальная боевая задача была определена в румянцевском ордере Суворову о наблюдении за турецкими войсками у Гуробал — в краях, где погиб генерал Вейсман: «…Видя весьма великое несходство мест положения на карте, что я имею, воображаю себе, что ваше превосходительство имеете лучшие и потому желал бы я получить от вас оную с одной стороны, хотя по Гуробал, с другой по Карач и по линии вашей связи с г. генералом-порутчиком Каменским, начиная от Гирсова или от Черных вод».

Поклонник прусской системы, да ещё и горячий, необузданный Каменский был не лучшим соратником для Суворова. А Александр Васильевич стремился подкрепить новое воинское звание очередной победой. В конце мая войска Суворова вышли в поход совместно с армией строптивого генерал-поручика Каменского.

Граф Михаил Федотович Каменский (1738–1809) — личность во многих отношениях примечательная. Суворов уважал его за знание тактики, за солдатскую храбрость. Многие современники отмечали бесстрашие Каменского… Особенно — император Павел Первый, к возмущению многих произведший Каменского в графы и возвысивший над генералами. В кампанию 1806 г. император Александр Первый назначит престарелого фельдмаршала главнокомандующим, но помериться силами с Наполеоном Михаилу Федотовичу не довелось. Накануне Пултусского сражения фельдмаршал покинул армию, сославшись на болезнь. Вот уж конфуз! Император прекрасно понимал, что дело не в физических недомоганиях, а в болезненном самолюбии Каменского, но простил старика. Отставной фельдмаршал удалился в деревню, где нашёл свою гибель 12 августа 1809 г. Полководец, никогда не кланявшийся пулям, не уберёгся от крестьянского топора… В заговоре против фельдмаршала участвовала его молодая любовница, которую тяготили отношения со стариком. На роль убийцы подобрали дворового, брат которого был забит розгами по приказу Каменского… Двум форейторам и лакею, сопровождавшим фельдмаршала в поездках, было строго-настрого запрещено оборачиваться. Этот приказ стал для Каменского роковым самодурством: его слуги зорко смотрели вперёд, на дорогу, когда убийца со спины рассёк барину череп… Молодой поэт Василий Жуковский написал прочувствованные

стихи «На смерть фельдмаршала графа Каменского»:

В сей таинственный лес, где страж твой обитал,
Где рыскал в тишине убийца сокровенный.
Где, избранный тобой, добычи грозно ждал
Топор разбойника презренный…

Но это в будущем, а будущее таится в тумане… В 1774 г. этот незаурядный генерал был ещё полон сил и амбиций. Суворов стал генерал-поручиком позже своего младшего по возрасту коллеги, это обстоятельство давало Каменскому формальное преимущество, право руководить операцией. Однако Суворов, отмахнувшись от правил, взял инициативу в свои руки и в нелёгкой битве разбил турок.

В жизни графа Каменского было немало контрастных взлётов и падений. Несмотря на несносный нрав, порой ему сопутствовало везение, и он попадал в фавор, узнав, между прочим, и милость графа Задунайского… Каменский в конечном итоге испортит отношения и с Румянцевым, и с Потёмкиным, и позже, с императором Александром Павловичем. Каменский считался исправным офицером, был храбр и стоек, но к числу лучших русских фельдмаршалов историки его не относят, и это справедливо.

Итак, два генерал-поручика съехались на военный совет, на котором было решено начинать совместное наступление на Базарджик и к Козлуджам. Каменский начал марш на Базарджик, Суворов должен был прикрывать его наступление со стороны Силистрии. Но Суворов, под предлогом ожидания полков, задержал наступление на два дня и изменил маршрут. Каменский не преминул пожаловаться Румянцеву на неподчинение Суворова, который «неизвестно где находится». Румянцев занял двусмысленную позицию. Можно подозревать, что он рассчитывал на эффективность самостоятельных действий Суворова и потому не подчинил его напрямую Каменскому. В свою очередь, Каменскому Румянцев рекомендовал брать инициативу и руководство в свои руки, не обращаясь к посредству командования главной армией…Ордер Каменскому русский Нестор князь Задунайский составил с дипломатическим красноречием: «…Я удивляюсь, что ваше превосходительство, имея мой ордер от 30 маия, в конце коего власть ваша ознаменена изражением, чтобы вы предписывали исполнять г. генерал-порутчику Суворову, да и прежде того в ордере моем от 21 маия сложил я на благоучреждение старшего предводителя по предстоящим случаям и по надобности разделить свои части из

обоих корпусов, уменьшая или прибавляя от одного к другому, как действия и самоположение для которой части того востребуют, вопрошаете еще меня о подчинении вам реченного генерала с его частью. Можно ли вам при таких предписаниях и, знав обряд военной службы, считать его боле независимым от себя?..

…Господин Суворов рапортовал, что он намерен напасть в Караче на стоящего там, по показанию пленных, с войском Осман Пашу. Если бы сие собылось, послужило бы, конечно, такое дело к умножению вящщему наших успехов и на облегчение достижения оных; но когда ваше превосходительство в соединенных силах пойдете к Шумле, то часть некоторую войск из резервного корпуса для наблюдения Силистрии не безнужно оставить, которая бы сообщалась и свое подкрепление иметь могла от двух полков пехоты и одного кавалерийского, которые я сей день предписал генерал-порутчику князю Репнину переправить за Дунай и расположить на сопротивном берегу при Гуробале, о чем он, я считаю, и сам вас уведомит, а между тем к достижению желаемых успехов и все полки, назначенные к операциям, переправятся у Гуробал…» Суворову Румянцев написал суровее: «Рекомендую вам вследствие того, по повелениям и учреждениям г. генерал-порутчика Каменского точно поступать тем образом, как долженствует генерал, один другому подчиненный. Я ожидал быть уведомлену в сем рапорте вашем, датированном от 30 числа из Рисоваты, о перемене вторичной вашего предположения, по которому вы расположили свой марш, и что вы о неприятеле открыть уже могли, как при подобных отправлениях о сем, яко главном пункте, то есть ссылаясь на прежние известия, ежели сверх оных ничего не прибавилось бы, или же какие вновь об оном имеете, должно всегда уведомлять». Старшинство Каменского всё же было чётко определено.

При соединении 8 июля у деревни Юшанлы дивизия Каменского состояла из двух гренадерских и одного егерского батальона, пяти пехотных полков, двух конных, одного гусарского и шести казачьих. Резервный корпус Суворова состоял из двух егерских батальонов, четырех пехотных полков, одного гусарского, одного пикинерного, одного казачьего полка и двух тысяч запорожских казаков. Корпус Суворова изначально численно превосходил дивизию Каменского (14 000 и 14 орудий против 10 850 при 23 орудиях). К тому же значительная часть дивизии Каменского не примет участия в бою, отстав при переходах. Итак, в Юшанлах войскам был дан отдых, а лёгкие кавалеристы из корпуса Суворова под командованием секунд-майоров Фёдора Козляинова и Василия Арцыбашева совершили

разведку боем. Они столкнулись с турецким отрядом, завязался бой, о котором тут же было доложено Суворову. Генерал-поручик немедленно послал подкрепление — кавалерию, с приказом биться до подхода пехоты. Превосходящие силы турок потеснили русскую кавалерию. Отступление конницы затрудняло марш пехотных батальонов. Судьба сражения висела на волоске, следовало немедленно перехватывать у турок инициативу. Суворов знал, сколь важна в бою скорость, набрав которую войско становится непобедимым.

Умение действовать быстро, опережая и ошеломляя противника, проявилось в тот день — 12 июня 1774 г. — сполна. Сражение началось в полдень. Вскоре к месту сражения подоспели три батальона — два егерских и гренадерский. Суворов с марша построил их в боевом порядке: в центре — гренадеры подполковника Х.И. Трейдена, на левом фланге — егеря подполковника И.Г. Рёка, на правом — егеря подполковника И.Е. Ферзена. Суворов отодвинул кавалерию под прикрытие батальонов. Турки попытались атаковать отступающую утомлённую боем кавалерию, но своевременный и точный огонь егерей Рёка остановил их. Русские пехотинцы отбили ещё две атаки, обратили турок в бегство. Тогда в атаку полетела кавалерия! Они преследовали и рубили отступавшего противника. В наступление пошла и пехота в четырёх каре: в первом — Суздальский и Севский полк под командованием бригадира Мачабелова, во втором — батальон Трейдена, в третьем и четвёртом — егеря Ферзена и Рёка. Испытанные суворовские чудо-богатыри. Батальон Рёка шёл во второй линии. Войско шло к турецкому лагерю, укреплённому на высоте у Козлуджей. Войска сближались. Турки открыли пушечный и ружейный огонь; русская полковая артиллерия ответила незамедлительно. Изучив расположение турецких войск, Суворов совершил неожиданный маневр: батальон Рёка из второго ряда был перемещён в первый, укрепив позицию между каре Трейдена и Ферзена. Турецкие атаки были отбиты шквальным трёхчасовым огнём. Когда же противник «приведён был в рассыпку», русские батальоны, при поддержке огня, начали организованную атаку. Новый бой окончательно обратил турок в бегство. Преследовать турок была отправлена кавалерия. Но эндшпиль выдался непростой — он не был похож на рубку за Гирсовом. Суворов писал: «Уже турки всюду бежали; но ещё дело кончено не было. За их лагерем усмотрел я высоту, которую одержать надлежало. Пошёл я сквозь оной с подполковником Любимовым и его эскадронами, кареи ж оной обходили и тем нечто замешкались; по занятию мною той высоты произошла с турецкой стороны

вдруг на нас сильная стрельба из больших пушек, и, по продолжению, приметил я, что их немного, то приказал от себя майору Парфентьеву взять поспешнее и скорее три Суздальских роты, их отбить, что он с крайней быстротою марша и учинил; всё наше войско расположилось на сих высотах, против наступающей ночи». Восьмичасовое сражение продолжалось до двадцати часов. Турки сражались не слишком упорно, избегали рукопашных столкновений — и потому убитых было сравнительно немного. Зато Суворов собрал богатые трофеи: знамёна, орудия, турецкий лагерь… Отмечалось, что среди трофеев были 23 «новые медные хорошие пушки». Такие отливались для турецкой армии усилиями французского барона Франсуа де Тотта.

Нет сомнений, что победы добились именно войска Суворова, ведомые своим генералом. Приказы Суворова, его вера в испытанных офицеров, наконец, суворовская тактика прицельного огня — вот причины славной победы при Козлуджах. Вся инициатива принадлежала Суворову: и первоначальная разведка Козляинова и Арцыбашева, и брошенные им на помощь войска, в составе которых сам Суворов возглавил сражение. О каком же «равном» участии войск Каменского и Суворова можно говорить, если в восьмичасовом бою Каменский попросту не принял участия?

Из Шумлы навстречу русскому корпусу выступила сорокатысячная турецкая армия (в её составе было до 15 000 конницы) под командованием рейсэфенди Абдул-Резака. 25-тысячный пехотный корпус возглавлял Янычар-ага.

В реляциях заслуги Суворова преуменьшались. Как-никак редактировал документ «старший» генерал Каменский. Он отметил «ревностные труды и оказанное мужество генерал-порутчика Суворова в сей победе, коим, яко бывшим впереди, управляема была атака и неприятель был трижды опрокинут».

Победа при Козлуджах оказалась решающей в кампании 1774 г. для всей нашей армии, наконец, для подписания славного Кючук-Кайнарджийского мира: для русской армии открывался путь к Шумле, к последнему турецкому бастиону. Но заслуги Суворова снова были недооценены, лишь с годами, в лучах новых побед Суворова, историческая справедливость восторжествовала. Итак, в июле 74-го был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, по которому Турция признала независимость Крыма, на который Россия уже имела виды — как дипломатические, так и военные. По договору Россия получала возможность свободного плавания по Чёрному морю, которое снова начинало оправдывать древнее прозвание «Русское море». Россия приобретала важные

приморские крепости — Азов, Керчь, Кинбурн, ставшие оплотами империи на южных рубежах. В пределы империи были включены долины Кубани и Терека, пространство между Бугом и Днестром. Султану пришлось выплатить и немалую контрибуцию. На вновь приобретённых землях и в Крыму начинался этап ответственных фортификационных работ. Окончив одну войну с Портой, Россия не переставала напряжённо готовиться к грядущим сражениям на юге.

Главнокомандующий, фельдмаршал П.А. Румянцев писал императрице: «Удар пехоты и артиллерии нашей, учинённый наступательно, решил победу». Но за чёткими строками победной реляции был скрыт конфликт генералов. Войска Каменского не приняли участия ни в первоначальной атаке, ни в длительном бою, ни в преследовании отступавших турок… В автобиографии Суворов не забыл сообщить, что по болезни «не отвечает» за реляцию Каменского Румянцеву, в которой Михаил Федотович всё-таки отметил «ревностные труды и оказанное мужество генерал-порутчика Суворова в сей победе, коим, яко бывшим впереди, управляема была атака и неприятель трижды был опрокинут». Любопытный факт: нередко в канун самых важных баталий Суворов попадал в конфликтную ситуацию или же ему изменяло физическое здоровье. Полководец как будто намеренно превращал ситуацию в критическую — и преодолевал себя молитвой и полководческой триадой (быстрота, глазомер, натиск).

Против речёного Емельки

Иногда история прошлых веков нам кажется тихой заводью по сравнению с бурной современностью. Но и в счастливом, победном XVIII в., который был для России временем расцвета молодой энергии, временем энтузиазма просветителей и богатырской славы воинов, общество не раз оказывалось лицом к лицу со смертельной опасностью. Государство в лице военачальников и дипломатов было вынуждено идти на жёсткие меры, действовать чётко и предусмотрительно, чтобы сохранить единство империи и упрочить её международное влияние. И Суворов — гений натиска — был убеждённым защитником интересов централизованной империи.

Екатерининская империя не была монолитом ни в культурном, ни в идеологическом смысле. Императрице удалось установить прочную по тем временам вертикаль административного управления. Но единство элиты и народа окончательно распалось. После Петровских реформ элитарная часть европеизированного дворянства и так разительно отличалась от народных масс, прочно связанных с русской крестьянской традицией. А после Указа о вольности дворянства и Жалованной грамоты поколебалась петровская система равенства всех перед государем и государством. Дворяне получили возможность не служить, не заслуживать свои привилегии. Права аристократии увеличивались, а обязанности — сокращались. И хотя Екатерине удалось реализовать управленческие и полководческие способности лучшей аристократической плеяды, в которую входили Румянцев, Панин, Потёмкин, Суворов, Безбородко, — получился ослепительный расцвет перед закатом. Начиналось разложение дворянства. Теперь между дворянином и крепостным, между барчуком и солдатом пролегла непреодолимая пропасть, им всё труднее было ощущать себя по одну сторону баррикад. Сплачивало ли православие? Лишь отчасти. Аристократ и мужик, по существу, не были братьями во Христе. Церковь в XVIII в. должна была либо подчиниться интересам государства и элиты, либо терпеть репрессии, как это было в годы правления Анны Иоанновны, и секуляризацию собственности, как это происходило на протяжении всего столетия. Сам принцип существования крепостнической аристократии, замкнутой в мире сказочных усадеб и рафинированных увлечений, был глубоко антихристианским. Можно ли вообразить картину, более чуждую евангельской идее, чем роскошный бал столичного крепостника? Как много

лицемерия и лжи таилось за золочёными фасадами золотого века Екатерины! Русский бунт, так ужасавший Пушкина, в этих условиях был неминуем. Так что же, вслед за историками школы Покровского, мы должны, не скрывая возмущения, наречь реакционной суворовскую миссию в борьбе с Пугачёвым? Нет! В XVIII в. интересы народного большинства в большей мере были связаны всё-таки с укреплением империи, а не с движением самозваного императора Петра III. Империя несла начатки Просвещения и защищала народ от иноземных поработителей. Крестьянская страна не могла сделать шаг к социализму. В России было недостаточно пролетариата для своего Бабёфа… И Суворов был истинно народным вождём, защищавшим интересы народного большинства. Крестьянского и солдатского. Для их просвещения, для их существования в лоне родной культуры, русского языка была необходима рука империи, а не пугачёвская смута. Путь Пугачева — тупиковый, хотя и пользительный как предупреждение изнеженной и безответственной элите.

Борьба с пугачёвщиной. Схема боевых действий

Называть пугачёвщину крестьянской войной можно лишь условно: скорее это был казачий бунт, всколыхнувший малые народы Повольжья и Прикамья, привлекший некоторых крестьян и солдат-дезертиров. Но и относиться к пугачёвщине как к обыкновенной уголовщине, как к беспорядкам — заблуждение. Это была гражданская война, в которой не существовало единого мятежного центра. Самозванец вскрыл недостаточную легитимность правления Екатерины и возродил в крестьянстве

дух смуты, дремавший больше ста пятидесяти лет.

После ярких побед при Туртукае и Козлуджи имя Суворова стало весьма популярным в армии и хорошо известным в России — и в августе того же года победителя турок посылают на Волгу, а потом, как предполагалось, к Уралу, для подавления восстания «реченого Емельки», как называл Пугачева Суворов в тогдашних письмах. Самые точные сведения о том суворовском походе мы получаем из пушкинской «Истории Пугачева» — бесценного источника, в котором один наш гений, один отец Отечества говорит о другом:

«…Между тем новое, важное лицо является на сцене действия: Суворов прибыл в Царицын.

Еще при жизни Бибикова государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который в то время находился под стенами Силистрии: но граф Румянцов не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова! По окончании же войны Суворов получил повеление немедленно ехать в Москву к князю Волконскому для принятия дальнейших препоручений. Он свиделся с графом Паниным в его деревне и явился в отряде Михельсона несколько дней после последней победы. Суворов имел от графа Панина предписание начальникам войск и губернаторам — исполнять все его приказания. Он принял начальство над Михельсоновым отрядом, посадил пехоту на лошадей, отбитых у Пугачева, и в Царицыне переправился через Волгу. В одной из бунтовавших деревень он взял под видом наказания пятьдесят пар волов и с сим запасом углубился в пространную степь, где нет ни леса, ни воды и где днем должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звездам. «…»

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачев был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и пошел на огни, раскладенные в степи ворующими киргизами. Суворов на них напал и прогнал, потеряв несколько человек и между ими своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачева. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачев сидел в деревянной клетке на двуколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во ста сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из

клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября.

«…» Совершенное спокойствие долго еще не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмиренных губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искореняя последние отрасли пресеченного бунта».

Предусмотрительность, точность, умение быстро сориентироваться в незнакомой среде — вот качества, которые проявил Суворов в пугачевском деле. Неотразимые качества! Он был защитником России от бунтов и смуты, видевшим в их усмирении, в успокоении мятежного народа, свой долг перед Родиной. Как награда за такие труды, летом 1775 г. у Суворова родилась дочь, Наталья Александровна, его любимица, «Суворочка». Позже Суворов говаривал: «Смерть моя для Отечества, жизнь моя для Наташи».

Пугачёвская кампания в суворовской биографии — на особом счету. В советское время, даже в годы повышенного интереса к суворовскому наследию, историю участия национального героя России в борьбе с «крестьянской войной» предпочитали замалчивать. Да и в дореволюционные годы исследователи демократической направленности относились к подобным операциям со стыдливым чувством. На наш взгляд, в контексте суворовской биографии пугачёвщину следует воспринимать в комплексе с тогдашними дуновениями международной политики, с историей войн.

Именно во время Русско-турецкой войны начался пугачёвский мятеж на Яике — одно из труднейших испытаний на прочность для екатерининской системы. Под угрозой оказалась не только спокойная жизнь одной-двух губерний. Речь могла идти и о большой крестьянской войне, которой могли воспользоваться и французы, давно действовавшие в Польше против России, и шведы, и вечные противники османы. Под угрозой мог оказаться и государственный строй, утверждённый отцом империи Петром Великим, и пребывание на троне императрицы Екатерины… Чтобы спасти устои государства от таких угроз, потребовались опытные генералы, знавшие толк в усмирении смут. Суворов проявил себя таковым в Речи Посполитой, во время войны против конфедератов. Он быстро и решительно разбивал вооружённые отряды противников и в отличие от многих других действовавших в Польше русских и австрийских командиров умел ладить с местным населением.

С конца 1773 по апрель 1774 г. операции против Пугачёва

возглавлял генерал Бибиков, также отменно проявивший себя во время борьбы с польскими конфедератами. Ему удаётся нанести мятежной армии несколько чувствительных ударов, но в апреле Бибиков умирает. Есть мнение, что именно от него исходила инициатива призыва Суворова на борьбу с мятежниками. В Польше Бибиков убедился в боевых качествах Суворова, в его способностях решать задачи быстро, выкорчёвывая «крамолу» в сложных условиях партизанской войны. На Яике и Волге предстояло столкнуться с чем-то похожим. Только служить там Суворову довелось не под командованием проверенного Бибикова: до окончания войны с турками Румянцев не отпускал своего генерала, и Бибиков не дожил до суворовского прибытия на Волгу.

Весной 1774-го Пугачев и не думал складывать оружия: у него выработалась собственная плодотворная тактика мобилизации новых сил. Волей, обещаниями привилегий он привлекал и казаков, и представителей приволжских национальностей, и беднейших крепостных. В Казани Пугачёву не удаётся штурм кремля, но в городе — а это был крупнейший форпост империи на Волге — его войска покуражились вволю. Под Казанью полковник Михельсон разбивает войско Пугачёва, но самозваный император переправляется на правый берег Волги и расширяет ареал мятежа, хозяйничая в обширных районах. В июле широкие полномочия по борьбе с пугачёвщиной получает генерал-аншеф граф П.И. Панин (под его началом хорунжий Емельян Пугачёв служил при осаде Бендер). В Петербурге уже нельзя было скрыть признаки паники, Пугачёва демонизировали, считали непобедимым, неуязвимым. После Кючук-Кайнарджийского мира Петербург получает возможность переправить в Поволжье проверенные в боях войска и, самое главное, решительного и авторитетного в войсках генерала. Выбор пал на Суворова.

Феномен Емельки, несомненно, занимал Суворова — и к этой миссии у генерал-поручика не могло быть механического отношения. Как и все современники, Суворов не мог отмахнуться от серьёзных размышлений о существе пугачёвщины. Пугачёв замахнулся на основы тогдашнего мироздания. По указу самозваного императора Петра Третьего все крестьяне, находящиеся в собственности помещиков, «награждаются вольностию и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей». Эдак можно разрушить всю государственную систему, экономику страны и армию, в которую Суворов был влюблён. И с дворянством Пугачёв намеревался поступать круто, насаждая новые порядки: «кои

прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах — оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян, всячески стараясь ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея к себе ни малейшего христианства, чинили с вами, крестьянами». И Пугачёв не ограничивался декларациями и угрозами: на его совести было уже немало расправ.

С «открытым листом» Суворов мчался в Царицын через Арамас, Пензу и Саратов. «Открытый лист» означал широкие полномочия генерал-поручика Суворова, которому должны были подчиняться губернские и уездные администраторы и воинские начальники, действовавшие на территории восстания.

25 августа Михельсону в 120 верстах от Царицына удаётся наголову разбить войско Пугачёва. Из 15 тысяч повстанцев живыми ушли с поля боя не более тысячи. Сам «император» бежал на левый берег Волги в сопровождении ста пятидесяти соратников. Об этой победе Суворов узнаёт в Саратове. Лавры победителя пугачёвского воинства были упущены, но предстояла не менее щекотливая задача — поймать мятежника. Чуть позже Суворов спешно прибывает в Царицын. Реальность гражданской смуты впечатлила генерала, прошедшего войны: разорение, стихийные казни, кровь… Суворов в те дни стремился примирять, утихомиривать, действовал осторожно, больше пряником, нежели кнутом, чем отличался от брутальной манеры Панина. Трудно судить, что думал Суворов о социальных причинах пугачёвского движения. Самозванчество и смуту генерал, несомненно, считал опасным злом для государства, веры и народа. И боролся с мятежниками с чистой душой, без интеллигентских рефлексов, которые кое-где уже проклёвывались в екатерининское время. Душой и воспитанием как-никак Суворов был обязан семёновским казармам, а не типографии Новикова…

Суворов действует, как в Люблине и Кракове, быстро и решительно, хотя уже не успевает за событиями, а если успевает — то, увы, к шапочному разбору: поздновато прибыл он на этот театр… Взяв из команды Михельсона отряд кавалеристов графа Меллина, он ринулся на Узени. По приказу Суворова цепи отрядов несли дежурство на берегах Волги, перекрывая маневр для Пугачёва. Шёл по следам Пугачёва и лихой казачий отряд атамана Алексея Ивановича Иловайского (1736–1797), чьи пути в будущем не раз пересекутся с суворовскими. Здесь же оказался и другой «верный» отряд донских казаков — Мартемьяна Михайловича Бородина. Узнав, как пишет Пушкин, в Узени «от пустынников», что Пугачёв арестован и находится во власти яицкого коменданта подполковника И.Д. Симонова в Яицком

городке, Суворов тут же пишет Панину: «Как-то кончитца? Однако призываю Бога! Беру смелость, поздравляю Ваше Высокографское Сиятельство! Рука дрожит от радости. На походе 60 верст от Яицкого городка. Спешу туда». По другим сведениям, весть об аресте Пугачева послал в Узень сам Симонов.

При походе в Яицк за 9 суток Суворов преодолевает 600 вёрст по разбитым дорогам.

В первые дни пребывания в бунтующих краях он получил сотни противоречивых сведений о последних сражениях с пугачёвцами. И сразу отметил расторопность поручика Державина, ранее Суворову неизвестного. 9 сентября, остановившись для краткого отдыха, Александр Васильевич написал рапорт Панину, в котором дважды упоминул будущего поэта: «Господин поручик лейб-гвардии Державин при реке Карамане киргизцев разбил». И — далее: «Сам же господин Державин уставясь отрядил 120 человек преследовать видимых людей на Карамане до Иргиза».

Суворов почувствовал в поручике родственную душу: гвардеец, задержавшийся в нижних чинах, судя по всему, остроумный и способный к быстрым, дерзким действиям. 10 сентября, с берегов речушки Таргуна Суворов обращался уже лично к Державину — в весьма уважительных тонах: «О усердии к службе ее Императорского Величества вашего благородия я уже много известен; тоже и о последнем от вас разбитии Киргизцев, как и о послании партии для преследования разбойника Емельки Пугачева от Карамана; по возможности и способности ожидаю от вашего благородия о пребывании, подвигах и успехах ваших частых уведомлений. Я ныне при деташаменте графа Меллина следую к Узеням на речке Таргуне, до вершин его верст с 60-ть, оттуда до 1 Узеня верст с 40. Деташамент полковника Михельсона за мною сутках в двух. Иду за реченым Емелькою, поспешно прорезывая степь. Иргиз важен, но как тут следует от Сосновки его сиятельство князь Голицын, то от Узеней не учиню ли или прикажу учинить подвиг к Яицкому городку.

Александр Суворов».

Знаменательный документ! Скорые переходы по бездорожью, в опасном бунташном крае — это подвиг.

Державин со своим отрядом тоже продвигался к Узени в поисках Пугачёва: лазутчики дали знать, что после поражения при Красном Яре самозванец скрылся в районе Узеней. Крестьянам из своего отряда Державин раздал по пять рублей и послал их врассыпную искать «злодея». Посланцы Державина увидели кострище, вокруг которого сидели сообщники Пугачёва,

предавшие своего императора. Державин опоздал: самозванца уже передали Симонову, коменданту Яицкого городка. И всё-таки посланцы Державина явились к поручику с пленником — то был пугачёвский полковник Мельников. Гаврила Романович допросил его и под надёжной охраной направил к князю Голицыну. То был далёкий путь — более ста вёрст. Князь припишет поимку Мельникова своим личным стараниям.

Обстоятельства встречи с Паниным в Симбирске и передачи пленённого Пугачёва Пушкин записал по воспоминаниям премьер-майора Рунича, который был тогда начальником конвоя: «Панин, заметя, что дерзость Пугачёва поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и выдрал у него клок бороды». В Москву Пугачёва везли уже с внушительным конвоем без участия Суворова. Приметим ментальное различие: Панин не может удержаться от расправы над пленником. Он презирает мужика, бунтовщика, душегуба. А Суворов с любопытством разговаривает с Пугачёвым, интересуется военным искусством самозванца. Пополняет свои тактические знания! Для него Пугачев — преступник, бунтовщик. Но и казак, оступившийся, но боевой товарищ. Ведь хорунжий Пугачев служил в армии, храбро бился в армии Чернышова в Семилетней войне — возможно, сражался рядом с Суворовым… В 1764-м вместе со своим полком был направлен в Польшу — ещё до войны с конфедератами. Потом — война с турками, ранение, тяжкая болезнь. Путь простого солдата, казака, на таких держалась воинская империя. Для Суворова воинское братство значило больше, чем для Панина. И в мужике он видел человека.

Короткий отпуск в Москве с женой — и снова Суворов прибывает на Волгу. Продолжается его миссия по искоренению мятежа. Суворов энергично добивал «остатки пугачёвских шаек» и боролся с башкирской смутой. (Любопытно, что отец героя башкирского восстания Салавата Юлаева в 1772 г. участвовал в боевых действиях русской армии против польских повстанцев. И Салават, и его отец оказались в рядах бунтовщиков, а в конце ноября 1774 г. были арестованы отрядом поручика В.Лесковского.) В разорённых войной областях начался голод. Панин и Суворов приняли меры к смягчению последствий бойни: были устроены провиантские магазины. Для пострадавших губерний — Нижегородской и Казанской — Панин на казённые деньги закупает 90 000 четвертей хлеба. Торговцев, повышавших цены на хлеб, считали мародёрами и строго наказывали, как в военное время — вплоть до смертной казни. Крестьянам простили недоимки — и начали взимать с них подати с сентября

1774 г. «с чистого листа». Если бы не эта деятельность Панина и Суворова — вряд ли пугачёвщина была бы искоренена. Ведь на место одного самозванца мог прийти другой — как это случалось в Смутное время XVII в. О предпосылках смуты немало рассуждал и новый знакомец Суворова — гвардии поручик Гаврила Романович Державин. Суворов был доволен его активностью в деле поимки Пугачёва, и образ мыслей просвещённого офицера пришёлся генералу по душе. В письме казанскому губернатору Державин прямо называет причину пугачёвщины — «грабительство или, чтоб сказать яснее, безпрестанное взятничество, которое почти совершенно истощает людей».

Свидетелем того, с каким почётом Панин принимал в Симбирске Суворова, был генерал-майор Павел Сергеевич Потёмкин — троюродный брат будущего князя Таврического, к тому времени — влиятельного противника панинской партии. Потёмкин не подчинялся Панину, в бунтарных краях установилось двоевластие. Проводя следствие по делу Пугачёва, П.С. Потёмкин посчитал за благо интерпретировать Екатерине события тех дней в невыгодном для Суворова духе. И никакого Андреевского ордена!..

Наконец, было решено провозгласить победителем Пугачёва полковника Михельсона (действительно разгромившего войска самозванца). Ценивший Суворова Г.А. Потёмкин всё-таки предложил императрице наградить старательного генерал-поручика. Сохранившийся письменный ответ императрицы был резок: «Голубчик, Павел (Павел Потёмкин . — *А.З.*) прав: Суворов тут участия более не имел, как Томас, а приехал по окончании драк и по поимке злодея». Сравнение с Томасом — комнатной собачкой Екатерины — было обидным. Острота императрицы, конечно, была подхвачена столичными кругами. Так была нанесена Суворову одна из придворных ран, которые, по признанию полководца, болели сильнее боевых… То были годы возвышения Григория Александровича Потёмкина — суворовского соратника по первым кампаниям Русско-турецкой войны, который будет смело выдвигать Суворова для великих дел.

Наградой за поволжскую кампанию для Суворова стало только милостивое письмо императрицы от 3 сентября — когда она получила известие о спешном появлении героя Туртукая в районе пугачёвского восстания. В письме Екатерина жаловала ему две тысячи червонцев. За службу верой и правдой в условиях гражданской войны это награда пустяковая…

Череда обидного непризнания заслуг Суворова продолжилась: Гирсов, Козлуджи, Пугачёв… И в 1781-м он будет

вспоминать эти печальные обстоятельства в письме к одному из самых доверенных своих корреспондентов, П.И. Турчанинову:

«Подобно, как сей мальчик Кам[енский] на полном побеге обещает меня разстрелять, ежели я не побежду, и за его геройство получает то и то, а мне — ни доброго слова, как и за Гирсов, место первого классу, по статуту, хотя всюду стреляют мои победы, подобно донкишотским. Не могу, почтенный друг, утаить, что я, возвратясь в обществе разбойника с Уральской степи, по торжестве замирения, ожидал себе Св. Ан[дрея]. Шпаги даны многим, я тем доволен! Обаче не те награждения были многим, да что жалко — за мои труды».

Вписаться в виражи придворных партий боевому генералу было нелегко: на этот раз в борьбе Паниных и Потёмкиных проиграл Суворов. А удалился генерал-победитель с берегов Волги уже после кончины отца — генерал-аншефа Василия Ивановича Суворова. Опасная и трудоёмкая работа в Поволжье была выполнена на совесть — и у Суворова снова осталось разочарование, что его обошли награды…

Крым, Кубань, Астрахань — на форпостах Российской империи. 1776–1783

Среди политических оценок Российской империи, увы, превалируют две крайности. Одни оценивают державу с позиций анархического морализаторства. «Тюрьма народов», «жандарм Европы», агрессор… Тёмная восточная сила, мешающая развитию европейской цивилизации, подавляющая всё свободное и живое. Другая крайность свойственна нашим патриотам. Многие из них искренне уверовали в исконный гуманизм России. Твердят, что Россия никогда не вела завоевательных войн, никого не притесняла, а все территориальные приобретения были последствием исключительно оборонительных действий. Оба стереотипа или откровенно лицемерны, или иллюзорны. Россия XVIII в. — воинская держава на пике пассионарности. Она стремилась на Запад и на Восток. Империи Петра Великого был чужд авантюризм мечтателей о мировом господстве. Сказывались старомосковские традиции: Россия умело рассчитывала силы и умела довольствоваться малым. Окажись на троне Екатерины Фридрих Великий или Наполеон — вряд ли в разделе Польши участвовал бы кто-либо, кроме России. И западные владения Ирана и Османской империи русский штык захватил бы без дипломатических маневров…

Россия медленно, но верно продвигалась к Закавказью, осваивала Сибирь, теснила Швецию, Польшу, Турцию. Сдержанно, но чётко стремилась к Константинополю, к заветным проливам. Империя стремилась к экспансии. Подчас провоцировала войны. Но никогда Россия не угнетала народы, не относилась с презрением к тем, кто присягал (пусть и под военным давлением!) империи. Не проводила, в отличие от Британской империи, истребительных карательных операций. Во многом благодаря имперской воле малые народы сохраняли самобытность, не исчезли в междоусобных распрях. Проводником именно такой политики был Суворов на Кубани.

Потёмкин доверял Суворову, видел в нём первую шпагу страны. Эту репутацию Суворову приходилось подтверждать там, где Российская империя нуждалась в твёрдой руке и неутомимой энергии.

Кючук-Кайнарджийский мир был великим достижением русской армии и потёмкинской дипломатии. Это — наша политическая классика золотого екатерининского века. Земли Северного Причерноморья уже получили название «Новороссия».

Генерал-аншеф Г.А. Потёмкин стал генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний.

Турки осознавали опасность усиления России в Причерноморье — и, в нарушение договора, продолжали вершить свою политику в Крыму. Друга России, крымского хана Сагиб-Гирея, свергли. На штыках десятитысячного турецкого отряда, который стоял в Феодосии, на бахчисарайский престол взошёл один из братьев отставленного Сагиба — Девлет-Гирей, ревностный сторонник Порты. Россия не могла оставаться безучастной. Петербург сделал ставку на другого брата Сагиба — Шагин-Гирея, которого следовало поддержать в борьбе за ханскую власть.

После службы в краях пугачёвского восстания, перед крымской экспедицией Суворов некоторое время командует 6-й Московской дивизией. Штаб командующего дивизией располагался в Коломне, но нередко Суворову приходилось бывать в Белокаменной, дышать её старосветским воздухом. Но на роль украшения столичных паркетов израненный генерал-поручик не годился. В ноябре 1776-го Военная коллегия принимает решение отправить полководца на юг империи, в Крым (туда уже были переброшены полки Московской дивизии), где стоял корпус князя А.А. Прозоровского, родственника Суворова со стороны жены. Суворов незамедлительно прибывает в Перекоп, в штаб Прозоровского. Вскоре, по причине болезни князя, Суворов временно принял командование над всем крымским корпусом. Ожидалось прибытие в Крым хана Шагин-Гирея, в воздухе витала тревога близких столкновений между русскими войсками и татарами — и Прозоровский почёл за благо дипломатически приболеть. Суворову он оставил ласковый письменный наказ: «Об искусстве ж и храбрости вашей всякому уже известно, в чём и я удостоверен, только извольте поступать по выше предписанному: прогнав неприятеля, далеко за ним не преследовать, ибо на то будет от меня особое учреждение, смотря по обстоятельству дел. Но только как ваше превосходительство не имели никогда дела с татарами, то я за должность почитаю сделать вам описание о роде их войны». В корпусе состояли пехотные полки: первый и второй Московские, Смоленский, Ряжский, Орловский и Днепровский. А также — понтонная команда с мастеровыми, 19 орудий и, наконец, шесть гренадерских батальонов.

Но военного конфликта не случилось, с появлением Шагин-Гирея боевые действия не начались. И выздоровевший Прозоровский вернулся к войскам. По планам Екатерины и Потёмкина, следовало утвердить дружественного России хана

Шагин-Гирея на посту главы государства, уже не являвшегося вассалом Оттоманской Порты и пока не вошедшего в Российскую империю.

Вооружённые отряды противников Шагин-Гирея сновали по Крыму. Это было своеобразное продолжение Русско-турецких войн. Стамбул стремился передать власть в Крыму Девлет-Гирею — брату ставленника России. Воцарение Шагин-Гирея было своеобразной военной операцией, в которой Суворов сыграл центральную роль. Прозоровский вверил Суворову крупное соединение — в него вошли Орловский и Ряжский полки, Ахтырский гусарский и Чугуевский казачий полки, два гренадерских батальона, сотня казаков-донцов, четыре орудия. С этим войском Суворов выступил в утомительный, но по-суворовски скорый поход из Перекопа к Крымским горам.

Девлет-Гирей с войском стоял в районе Карасу-Базара. Суворов продемонстрировал противнику свою силу, выслав к Карасу-Базару небольшой кавалерийский отряд. Психологический ход возымел действие. Отряд Девлета был рассеян от одного вида русских конников, а сам хан, ставленник Стамбула, бежал в Кафу (современная Феодосия). Из Тамани, вместе с русским отрядом генерала де Бальмена, в Еникале прибыл Шагин-Гирей. Мурзы, один за другим, переходили на его сторону. Суворов на берегу Булзыка объявляет Шагин-Гирея ханом, а затем очищает от враждебных сил крепость Кафу. На штурм крепости Суворов отрядил Ряжский пехотный полк под командованием полковника А.Я. Шамшева. Авангард майора Ушакова занял крепость 20 марта, действовали ряжцы быстро, проворно, выученно, с полуслова понимая своего командира. А на следующий день к двум ротам Ушакова присоединились другие части Ряжского полка.

И на этот раз Суворов обходится без кровопролития: войска Девлета, завидев передовые русские части, морем бежали в Турцию. Бежал и сам хан Девлет-Гирей. Шагин-Гирей занял Бахчисарайский дворец, верховный диван провозгласил его правителем, лишив власти Девлет-Гирея. Как и требовалось России, Шагин-Гирей попросил оставить в Крыму русский гарнизон, имея в виду, в первую голову, полюбившегося ему Суворова. В июне 1777-го Суворов уже считал службу в Крыму видом бездеятельного прозябания и просил Потёмкина о перемене места службы, даже съездил в Полтаву, в отпуск, для встречи с женой. В отпуске Суворов приболел, для лечения на месяц поселился в Опошне. Между тем обстановка и в Крыму, и на кавказском побережье складывалась непростая: на полуострове сохранялась опасность выступления протурецки настроенных

крымских мурз, а на Кавказе турки укрепляли крепости Анапу и Суджук-Кале.

29 ноября 1777 г. Суворов получает ордер Румянцева «ехать для принятия команды над корпусом на Кубани относительно дел татарских и взаимного сношения поступать».

Граница империи проходила на Кавказе по Кубани. Там, в Копыльском ретраншементе (позже — станица Славянская), он принял командование над Кубанским корпусом у генерал-майора И.Ф. Бринка, чьи неспешные действия вызывали ярость Румянцева. В Копыльском Суворов осмотрел войска и долго беседовал с Бринком о здешних делах.

На Кубани Суворов возьмёт за правило много ездить, перемещаться, изучая район, который прежние командиры знали главным образом по картам. Суворов лично, с небольшим казачьим отрядом, осмотрел границу по берегам Кубани и Азовского моря. Однажды отряд был обстрелян «закубанцами». Кочевавшие на Кубани орды ногайских татар в основном признавали власть Шагин-Гирея и относились к России дружественно. Заправляли в ногайских ордах братья бахчисарайского хана — Арслан-Гирей и Батыр-Гирей. Суворов встречался с ними и с другими вождями ногайцев, некоторые из них по личной инициативе являлись на поклон к русскому генералу. Суворов приметил двойную игру Батыр-Гирея, который ориентировался на Турцию, хотя в личных беседах уверял Суворова в приверженности России… В воздухе пахло порохом. В приграничных землях энергия Суворова нашла применение. Какое-то время Суворову пришлось бороться со слухами о смерти Шагин-Гирея. По требованию Суворова Шагин-Гирей прислал из Бахчисарая свои указы-фирманы в орды ногайских татар, удостоверяя свою власть.

Две укреплённые линии защищали границу — Моздокская (здесь стояли регулярные части) и Терская (на этой линии границу защищали казачьи войска). Суворов въедливо проинспектировал укрепления и пришёл к выводу о необходимости третьей линии — Кубанской, которая защищала бы границу к западу от Ставропольской крепости.

Весной 1778 г. в разгаре были фортификационные работы. Более энергичного строителя укреплений, чем Суворов, российское приграничье не знало. В двух «работных армиях» трудились 700 человек; они возвели десять крепостей и девятнадцать фельдшанцев. Ачуев, Темрюк, Тамань, Усть-Лабинский, Духовный — эти укрепления отныне защищали подходы к плодородной Кубани. Суворов — отец-основатель этих будущих городов и посёлков. Для эффективного управления

укреплениями Суворов разделил линию на шесть дирекций. Лично объезжал объекты, въедливо инспектировал строительство, вникая в мелочи. Он писал Румянцеву о кубанских укреплениях — о реализованных и предполагаемых планах: «Крепости и фельдшанцы по Кубане простирились нечто и за Тамишберг с неожидаемым успехом. Они столько неодолимы черкесским поколениям по их вооружению, что становились им совершенно уздою, были б они доведены в смычку Моздокской линии к Ташле к половине апреля. Коммуникационные ж полегче редуты внутрь земли кончились бы около половины мая и послужили б к содержанию ногайцев в приличности. Укрепления сил по Кубане, сильнее почти обыкновенных линейных, могли бы современем переименоваться в линию…». В каждой крепости, в каждом укреплении побывал Суворов, проверяя надёжность построек.

Тем временем в Крыму снова начались волнения. Татарские мурзы поднялись против Шагин-Гирея, желая заменить его Селим-Гиреем, сыном двуличного Батыр-Гирея, того самого, с которым Суворов познакомился на Кубани. Мятеж, с помощью Прозоровского, был подавлен. Но в Петербурге были недовольны нерасторопностью князя, которому присвоили очередное звание генерал-аншефа, и направили в спокойный Орёл генерал-губернатором. Такова была идея Потёмкина. 23 марта 1778 г. командующим Крымским корпусом был назначен генерал-поручик Суворов, который в то время уже пользовался безграничным доверием Потёмкина. Крым нужно было оборонять от турок: и Потёмкину требовался деятельный командующий, который бы объединил Крым и Кубань как единый оборонительный фронт. Строились крепости, ретраншементы, фельдшанцы. Обустраивались укреплённые казаками почтовые станции. Воинские посты располагались в трёх верстах один от другого. Казаков в Крыму было уже немало, несколько тысяч. Крым обрусевал. Следовало укреплять Кинбурн, защищавший Крым со стороны сильнейшей турецкой крепости — Очакова.

В бухте Ахтиар стояла турецкая эскадра — 14 вымпелов, под командованием Гаджи-Мегмета-аги. На судах обосновался десантный отряд из семисот янычар. Они должны были поддержать Селим-Гирея. Эскадра не ушла и после провала мятежа. Время от времени турки совершали дерзкие вылазки в Крым. Под Херсонесом был убит выстрелом в спину и ограблен донской казак. Суворов ответил на это строгим письмом Гаджи-Мегмету. Одними угрозами и ультиматумами Суворов не ограничился. На берегах Ахтиарской бухты русские солдаты начали фортификационные работы. Теперь турецкой эскадре угрожали батареи. Гаджи-Мегмет поступил благоразумно: отплыл

от крымских берегов и встал на якоря в трёх верстах от гавани. Началась переписка Суворова с Гаджи-Мегметом, в которой турецкий капудан-паша отстаивал право османского флота причаливать к берегам Крыма. Суворов был непреклонен, указывая на самостоятельность крымского ханства, которое при Шагин-Гирее фактически попало под власть Петербурга. В итоге Суворов перекрыл источник пресной воды турецкой эскадры — устье Бельбека. Вооружённый русский отряд теперь не пускал турок к источнику… Эскадра Гаджи-Мегмета ушла к турецким берегам, в Синоп.

Тем временем к Кафе приближалась более сильная эскадра во главе с Гассан-Газы-пашой. Они намеревались высадить в Кафе немалый десант, напрямую занявшись присоединением Крыма к Порте. Гасан-Газы послал русскому сераскиру ультиматум, запрещавший русскому флоту ходить возле крымских берегов. В противном случае турки обещали топить русские суда. Суворов ответил резко и воинственно, запретив туркам сходить на берег даже для пополнения запасов питьевой воды. Турецкая армада не решилась на десант и вскоре удалилась в Босфор. Решительность Суворова сераскиры Блистательной Порты знали…

Вскоре турецкий флот вернулся к берегам Крыма. Сотня кораблей встала на якоря в кафской бухте. В письме Суворову паши просили указать место, где можно было бы взять пресную воду. Суворов ответил резким отказом, воспользовавшись известием о чумной эпидемии в Турции. Суворов объявил в Крыму карантин — и не позволил ни одному турку сойти на берег, хотя у тех было немало самых разнообразных предлогов. Помня о сильном турецком десанте, Суворов привёл в боевой порядок укрепления. Русские войска демонстрировали туркам готовность дать отпор любой вылазке. И вторично турецкая армада отступила к Стамбулу.

Шагин-Гирей не внушал русским дипломатам серьёзного уважения. Было ясно, что это временный и зависимый союзник. Не раз презрительно отзывался о политических способностях Шагин-Гирея Потёмкин. Переселение христиан из Крыма в пределы Российской империи было первым шагом России против Шагин-Гирея, на перспективу аннексии Крыма. Эту операцию безупречно провёл Суворов. Местные христиане — в основном греки и армяне — занимались в Крыму торговлей и ремёслами, принося в казну Шагин-Гирея львиную долю доходов. Хан протестовал, но Суворов неумолимо выполнял волю Петербурга. Армян и греков переселяли в Приазовье. Греческое и армянское духовенство поддерживало эту операцию. Суворову помогали митрополит Игнатий и армянский архимандрит. И снова Суворов

учит офицеров действовать убеждением, держать войска в строгом повиновении, избегая мародёрства. Среди переселённых греков и армян — даже тех, кто не хотел покидать крымских берегов, — остались уважительные воспоминания о Суворове. Самой многочисленной колонией переселенцев были армяне — около тринадцати тысяч человек. Это они обосновались в Приазовье, где был основан армянский городок Нахичевань, ныне вошедший в границы Ростова-на-Дону.

В знак протеста Шагин-Гирей со свитой покинул Бахчисарай. В переписке с Потёмкиным Суворов уже предлагал заменить Шагин-Гирея на Казы-Гирея — его «закубанского» брата. Высказал Суворов и мысль, которая наверняка уже родилась и в сознании Потёмкина: о целесообразности присоединения Крыма к России. «Бесчисленные полезности таковая перемена при Божием благословении принесёт».

Выполняя деликатную крымскую миссию, Суворов находился в непосредственном подчинении у Румянцева, но идеологом мирной кампании был набравший небывалую силу Потёмкин. Суворов и Потёмкин поддерживали связь в обход Румянцева, который всё более неприязненно относился к будущему князю Таврическому. Так, к переселенческой операции Румянцев с самого начала относился скептически, обращая внимание на недовольство близкой Шагин-Гирею элиты и ропот крымских аборигенов. В письмах Потёмкину Суворов аллегорически жалуется то на Румянцева, то на собственное нездоровье. Душа полководца рвалась к более автономным действиям, но для этого нужно было капитально отличиться перед императрицей.

Весной 1779 г. Османская империя, наконец, признала независимый статус правителя Крыма, хана Шагин-Гирея. Миссия русских войск была окончена: Суворов оставил небольшие гарнизоны в крепостях Керчи и Еникале и вывел войска с Крыма. Суворов получает в командование Малороссийскую дивизию и лето 79-го проводит в Полтаве. А в конце года его вызывают в столицу. За крымскую и кубанскую службу императрица вручает Суворову орден Св. Александра Невского. Ожидаемого производства в генерал-аншефы Суворов в тот год не дождался. А ведь его выверенные действия в Крыму и на Кубани открыли для России путь к присоединению «полуострова чудес».

Новое поручение Потёмкина казалось многообещающим: речь шла о персидском походе, замысел которого держался в секрете. 11 января 1780 г. Потёмкин подписал тайный приказ Суворову с рекомендациями для подготовки похода на главный каспийский порт Персии — Рящу (Решт): «Вследствие сего немедленно должны вы отправиться в Астрахань осмотреть флотилию и

партикулярные суда, могущие служить для транспорта, и о числе и годности оных отрапортовать меня с нарочным.

Осведомиться, какие ближайшие и выгоднейшие дороги к Ряще по набережью и как согласить марш посуху идущих войск с флотом, и где назначить приставать оному, ибо я полагаю провиант везть, большую часть, водою.

Обстоятельства Персии, Грузии, Армении должны вы, узнавши, меня уведомить…»

Суворов прибывает в Астрахань и начинает изучать состояние каспийской флотилии: три фрегата, бомбардирский корабль и 8 ботов. Достраивалось и пополнение флотилии, к тому же Суворов имел в виду лёгкие купеческие суда, которые предполагали использовать для транспортировки артиллерии. К июлю 1780-го флотилия была готова к походу. Суворов провёл успешные переговоры с Гадоет-ханом — правителем Гилянской провинции. Суворовская дипломатия — особая, не кабинетного происхождения. Она замешена на воинском опыте и на кипучей любознательности генерала, который в каждой местности изучал обычаи, диалекты, говорил на языках противников и соратников — то по-турецки, то по-польски, то по-немецки. При этом Суворов не относился к тем русским аристократам, для которых увлечение Европой и иностранными языками заслоняло русскую сердцевину. И с восточными вождями Суворов находил общий язык на основе взаимного уважения. И властитель Гилянской провинции Гадоет-хан почёл за благо декларировать приверженность Российской империи. Он готов был вместе со своей провинцией перейти под власть всемилостивейшей императрицы. Посредником Суворова в переговорах с Гадоетом был житель Гянджи Никита Яковлев — армянский слуга российского престола. Гадоет-хан уже готовился переселиться в Астрахань до полного присоединения Гиляна. Багаж хана уже погрузили на русское судно, когда его настигла бдительная рука Измаил-хана, который силой возвратил прорусски настроенного вельможу в Рящ. Тогда же Никиту Яковлева арестовали люди шамхала Али-Магомета — и помощник Суворова оказался в тюремных застенках. Суворову удалось освободить Яковлева: он умел настаивать на своём в переговорах.

Суворов пробыл в Астрахани до конца 1781 г. — то готовясь к активизации действий, то разуверяваясь в реальности первоначальных амбициозных планов Потёмкина. Скепсис оказался оправданным: персидский поход не состоялся. «Обстоятельства оного дела приняли иной вид», — с сожалением написал Потёмкин, отзывая Суворова из Астрахани. В новом году Суворов принял командование дивизией в Казани. Снова —

учения, снова разговоры с офицерами и солдатами, головоломные суворовские вопросы, на которые полагается быстро давать находчивые ответы. Но вскоре ему предстояло снова возвратиться на юг России, а именно — к берегам Кубани. На 28 июня 1783 г., в годовщину восшествия Екатерины на престол, планировалось подписание манифеста о вхождении Крымского ханства в состав Российской империи. Русские полки снова стояли в Крыму — на этот раз под командованием генерал-поручика де Бальмена. И Суворов, конечно, был там, где провокации османов, недовольных крымской политикой России, были особенно опасны. Сначала русские войска возвратили Шагин-Гирея на бахчисарайский престол, усмирив его мятежных братьев, которые в итоге обосновались в Турции и будут ещё воевать против России. Но трон Шагин-Гирея был шаток, ему так и не удалось стать сильным правителем, не удалось остаться зависимым партнёром, но не вассалом России. И хитроумный Потёмкин уже уговаривает его отказаться от престола в пользу матушки императрицы. В марте — апреле 1783-го Шагин-Гирей сдался под напором неутомимого Григория Александровича. Но до поры до времени договорённость держали в секрете — до знаменательного дня 28 июня.

Осенью 1782 г. Суворов снова принял командование Кубанским корпусом. Ставка Суворова находилась в крепости Св. Димитрия. В начале июня Суворов находился в Ейском укреплении, пробуя на вкус настроения местных жителей перед попаданием в железные объятия империи. Опорой Суворова среди местной элиты стал «особливо преданный империи Всероссийской» Джан-Мамбет-мурза. Помогал Суворову и Халил-эфенди-ага, чьё усердие, полезное России, Суворов благодарно отмечал. Нужно было так спланировать этот день — 28 июня, чтобы ничто не омрачило праздника империи, чтобы исключить возможность провокации. Офицеры перенимали суворовское усердие и осознавали высокое значение момента. Рядом с ними были тени павших при Кагуле и Козлуджах, тень Вейсмана — ведь южное расширение границ империи было следствием той, первой екатерининской Русско-турецкой войны.

28 июня в Ейском городке Суворов, тщательно подготовив ритуал, принимал присягу ногайцев, входивших в состав России. Было устроено даже «великолепное праздненство по вкусу сих народов». Империалист Суворов приказывает солдатам обращаться с новыми подданными империи «как с истинными собратьями». По замыслу Суворова, после принятия присяги особо преданные России ногайские чиновники вместе с русскими офицерами должны были отправиться в аулы, приводить к

высочайшей присяге народные массы ногайцев. Зачитывались слова манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей стороны Кубанской под державу Российскую», подписанного Екатериной. Солдат империи исполнил свой долг.

Казалось бы, над Ейским городком установилась безоблачная летняя погода. Но очередной мятеж ногайских орд был неизбежен: столь крупные приобретения не могли обойтись империи дёшево. И турки, и вполне обоснованно обиженный старый приятель Суворова Шагин-Гирей просто обязаны были «мутить воду». Для Потёмкина и Суворова в этом не было ничего неожиданного.

Для политика и военачальника Г.А. Потёмкина Суворов был своим человеком — доверенным-проверенным. Потёмкин — управленец остроумный и проницательный — умел видеть в эксцентричном чудаке-генерале стойкого героя и своеобычную личность, хотя и не всегда понимал новаторской суворовской тактики. Суворовскому умению «воевать минутами» Потёмкин предпочитал осторожную стратегию медленной, но верной экспансии — не минутами, но годами, шаг за шагом. Твёрдая рука Суворова всякий раз была ему нужна, когда для достижения цели всё-таки следовало действовать энергично.

С 1777 г. активизируется эпистолярное общение Суворова с набравшим силу новым «полудержавным властелином» Г.А. Потёмкиным. Граф (в то время — ещё не светлейший князь) видел Суворова одним из главных действующих лиц в предприятии, которое принесёт Потёмкину громкую славу и титул Таврического. Речь шла о присоединении Крыма.

Мы видели, что на полуострове Суворов оказывается в эпицентре многослойной политической борьбы, от которой доселе был далёк. Но приходилось выполнять и более близкие к армейской практике задачи — переселение христианских семей, наконец, подготовку к неизбежной новой войне с Оттоманской Портой. Юг Российской империи был в те годы областью расширяющейся и перманентно прифронтовой. Суворов хорошо знал эти места и не упускал возможности лишний раз углубить свои знания Придунайских областей, Новороссии, Крыма, Кубани.

Войска Суворова с относительной лёгкостью громили многотысячные отряды ембулукских всадников мурзы Канакая Нураддина. Заметим, что аналогичные бои нередко не приносили успеха ни российским, ни британским войскам — и не стоит недооценивать кубанских побед Суворова, припоминая и мучительно тяжёлые кавказские войны XIX в., и спецоперации в горячих точках века XX.

К новым подданным Российской империи следовало

относиться бережно. Суворов распорядился переселить в Черкесск сотни ногайских семей, чьи отцы погибли в боях. Таким образом, были спасены от голодной смерти тысячи женщин и детей. Этого не вспоминают те, кто ныне обвиняет Суворова в истреблении ногайских семей. У сепаратистов длинные языки и хорошая фантазия на клевету…

За присоединение благодатной Кубани Суворов был награждён орденом Св. Владимира 1-й степени. Этот орден появился в годы расцвета суворовского военного гения.

Первыми кавалерами стали выдающиеся екатерининские «орлы» — самые могущественные вельможи, государственные мужи, фавориты. Они получили Св. Владимира в день учреждения награды: Потемкин, Безбородко, Панин, Бецкой, Репнин, Григорий Орлов… Суворов в то время, по обыкновению, был далек от высочайшего двора, находился при армии, поближе к приграничным очагам напряжения. Высокая награда во имя крестителя Руси, святого равноапостольного князя Владимира Святославича была учреждена к двадцатилетию правления императрицы Екатерины II. Девизом ордена были слова: «Польза, честь и слава».

В капитуле российских орденов 1892 г. статут ордена определялся так: «Императорский орден Св. Равноапостольного Князя Владимира установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы, и в воздаяние трудов, для пользы общественной подъемлемых». Известие о награждении Суворов получил в разгар боевых действий против ногайцев. В середине лета 1783 г. среди орд снова начались серьёзные волнения. Конники джанбулакской орды нападали на русские посты — на роту Бутырского пехотного полка, что стояла на Малой Ее, на команду подполковника Лешкевича… Вождь мятежа Мамбет Мурзабеков был арестован, его заточили в Азовскую крепость. Но Потёмкин предчувствовал, что от кочевий ногайских татар за Кубанью по-прежнему исходит опасность, — и приказал Суворову провести в тех краях военную экспедицию. Поход начинался от устья Лабы. С Суворовым выступили по пятнадцать пехотных рот и драгунских эскадронов с 16 полевыми орудиями. Привлёк Суворов и донские казачьи полки под предводительством А.И. Иловайского. Через Лабу переправлялись без наведения понтонов, перетягивая пушки тросами. 1 октября в Керменчике, на противоположных берегах Лабы русские войска разгромили ногайский лагерь. В тот же день, продвинувшись дальше, Суворов громит ногайцев у урочища Сарычигир. Пленных Суворов отпустил, а некоторых бросивших кочевье ногайцев было

разрешено записывать в казаки. Опасный для России степной союз распался. Суворов писал: «Были они нами за Кубанью и на реке Лабе на рассвете при Керменчике так супренированы, что потеряли множество народа и всех своих мурз, и того ж числа другой раз их и иные поколения равно сему разбиты были; одни сутки кончили всё дело». Закубанская операция завершилась блестящей и скорой победой. Турки, лишившись опоры на Кубани, 28 декабря 1783 г. в специальном соглашении с Россией признали линию реки Кубань границей между империями. Впрочем, Россия уже смотрела дальше на Кавказ, стремясь освободить христианские народы Закавказья от турецкого владычества. Кубанский плацдарм против турок был надёжно укреплён.

Расширение границ Российской империи Суворов всегда приветствовал и расчётливо продумывал имперскую тактику — на какой границе нынче уместнее дать волю экспансии? Заметим, что зрелое имперское сознание вовсе не было повсеместным явлением в российском дворянстве того времени. Суворов здесь воплощал одну из главных тенденций лучших екатерининских орлов — служить, дабы без ведома нашего ни одна пушка в Европе выстрелить не могла… Обыкновенно это высказывание связывают с именем Безбородко, но под ним могли бы подписаться и Румянцев, и Потёмкин, и Суворов. Охранители империи, умножившие её пространства и влияние. У могущественной империи, которая раскинулась от Дальнего Востока до Польши, всегда было немало горячих или тлеющих точек. В те годы, как известно, не было ни телефонов, ни радио, ни даже Интернета. И всё-таки Суворов и его современники всегда успевали подлатать там, где рвалось. Успевали, опережая скорости века.

С весны 1784-го до осени следующего года Суворов, командуя тихой Владимирской дивизией, вёл жизнь по преимуществу помещичью, объезжая свои имения. В сентябре 1785-го Военная коллегия публикует «Список нового генералитета Российской империи», в котором не нашлось место для знаменитого генерал-поручика. В «Росписи российских войск» Суворова не назначили ни в одну дивизию. Что это — случайность или опала? Суворов явился в Петербург. Его приглашали во дворец. Увидев императрицу, он повалился на колени: «Матушка, я прописной! Меня нигде не поместили с прочими генералами и ни одного капральства не дали в команду». Недоразумение исправили: Суворову вверили Первую — столичную — дивизию. Никакой опалы, напротив, Суворов — на виду и в чести.

Между тем Петербург уже намеревался удалить отставного

хана Шагин-Гирея с некогда подвластных ему территорий. Екатерина составила письмо Шагин-Гирею, в котором предлагала ему переселиться в Воронеж с годовым пенсионом в 200 тысяч рублей. Суворову было поручено вручить письмо-ультиматум бывшему хану и провести с ним переговоры по этому поводу. Суворов, пребывавший в крепости Св. Димитрия Ростовского, посчитал невозможным провести эту операцию самолично: после переселения греков и армян из Крыма Шагин-Гирей затаил обиду на Суворова, и эмоциональный фон переговоров мог оказаться неблагоприятным. В Тамани Шагин-Гирей пытался войти в сношения с ногайцами, цепляясь за остатки ханской власти. В Тамань, к Шагин-Гирею Суворов послал подполковника Нижегородского пехотного полка С.А. Булгакова, которого снабдил «довольными деньгами и надлежащим наставлением». Суворов продумал даже маршрут, по которому бывший хан должен был добраться до Воронежа: через Крым, чтобы не ехать по Кубанской степи, чреватой «случайными препятствами». Шагин-Гирей отреагировал на письмо Екатерины не без заносчивости: он потребовал высочайшей аудиенции в Петербурге, а сразу ехать в Воронеж отказался. В итоге его всё-таки вынудили спрятать гордость в карман и удалиться в воронежскую глушь. Судьба этого «слабого и лукавого властителя», которого Россия, по существу, задушила в объятьях, была печальна. Поселившись в Воронеже, он принялся просить императрицу отпустить его в Турцию, где пребывала его многочисленная родня. Но османы не забыли Шагин-Гирею многолетнего сотрудничества с Россией. Только его нога ступила на землю Оттоманской Порты — бывшего крымского хана арестовали и сослали на остров Родос. А в 1787 г., по указанию из Стамбула, задушили.

Незадолго до этой трагедии, осенью 1786 г. Суворова производят в генерал-аншефы — а это означало, что в грядущей войне с Турцией ему предстояло руководить крупными операциями. В списке генерал-аншефов он оказался лишь одиннадцатым: все те, кто получил этот чин раньше, уступали ему по воинским заслугам, многие при этом были моложе 56-летнего полководца. Но считались «старшими»! Впрочем, Суворову доверял Потёмкин — а это развязывало руки.

Служба генерал-аншефа Суворова проходила в малороссийских губерниях. Изредка он бывал при дворе. К этому времени относится и экранизированный (по заказу банка «Империал» — помните этот рекламный клип?) анекдот о «первой звезде», и записанный Пушкиным анекдот о Суворове и Потемкине (в нём, правда, Суворов по ошибке назван уже графом

Рымникским): «Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: «Видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре». Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней позже один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом, вздумал повторить самому Суворову: «Правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?» Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: «Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает». Пушкин любовался независимостью суворовского характера, любовался тем, как урезонил наш герой Сеньку-бандуриста, Семена Федоровича Уварова, отца С.С. Уварова, того самого министра народного просвещения. А сказануть Суворов умел — он владел словом притчевым, крылатым.

Во время знаменитого путешествия императрицы Екатерины по югу России Суворов в Кременчуге представил изумленным монархам масштабные показательные учения. То было триумфальное путешествие, подводившее итоги политике Потёмкина в период между двух Русско-турецких войн. Три месяца Екатерина прожила в Киеве, посетила Херсон, Кременчуг, Бахчисарай, Севастополь, Симферополь, Кафу. А возвращалась в Петербург через Полтаву и первопрестольную Москву. В Кременчуге Суворов прилежно готовил войска к высочайшему смотру, чтобы показать товар лицом не только всемилостивейшей императрице, но и многочисленным иностранным гостям во главе с императором Священной Римской империи Иосифом. На некоторое время Суворов отбыл из Кременчуга в Киев, где пребывал рядом с Потёмкиным на праздниках, которые во множестве устраивал князь Таврический. Незадолго до выезда Екатерины из Киева в Кременчуг Суворов вернулся к войскам. В Киеве состоялось знаменательное знакомство Суворова с французским полковником Александром Ламетом — будущим революционером и героем борьбы Соединённых Штатов Америки за независимость. Об их первом диалоге мы узнаём из воспоминаний графа Сегюра: «Когда Суворов встретился с Ламетом, человеком не слишком мягкого нрава, то имел с ним довольно забавный разговор, который я поэтому и привожу здесь. «Ваше отечество?» — спросил Суворов отрывисто. — «Франция». — «Ваше звание?» — «Солдат». — «Ваш чин?» — «Полковник». — «Имя?» — «Александр Ламет». — «Хорошо». Ламет, не совсем довольный этим небольшим допросом, в свою очередь обратился к генералу, смотря на него пристально: «Какой вы нации?» — «Должно быть, русский». — «Ваше звание?» — «Солдат». — «Ваш чин?» — «Генерал». — «Имя?» — «Александр

Суворов». — «Хорошо». Оба расхохотались и с тех пор были очень хороши между собою». Два своенравных, ершистых, мужественных воина нашли общий язык и дали повод современникам пересказывать исторический анекдот об их знакомстве.

В Кременчуге Потёмкин выстроил дворец, который принял высочайшую хозяйку 30 апреля. Смотр войск оказался бенефисом Суворова. Перед изумлённой публикой предстали войска, одетые с иголочки в лёгкую форму нового потёмкинского образца. Они бодро печатали парадный шаг, а потом с небывалой чёткостью продемонстрировали эффектные учения. Зарубежные гости императрицы говорили, что в жизни не видели таких армейских чудес, — и в этих дежурных комплиментах просматривалась большая доля искренности.

Именно тогда на вопрос Екатерины «Чем мне наградить вас?» седой генерал-аншеф ответил с дерзкой непосредственностью: «Награждай, матушка, других, у тебя и так, чай, доброхотов хватает. А мне за квартиру заплати: задолжал». О Суворове всё чаще говорила Европа, поражаясь мужеству и чудачествам российского героя.

Отличившийся генерал-аншеф сопровождал Екатерину в дальнейшем путешествии. Его представили императору Иосифу, который удостоил Суворова продолжительных разговоров на политические темы. Однако в Крым Суворов не поехал, поджидая путешественников в деревне Бланкитной, где устроил военный лагерь. Обратный путь до Полтавы Суворов снова разделил с Екатериной и Потёмкиным. В Полтаве были устроены маневры, воспроизводившие ход великой Полтавской битвы. Там императрица преподнесла Суворову табакерку со своим вензелем. Суворов ликовал, ощущая доверие государыни, предчувствуя скорую войну и новые подвиги. Известен его комментарий к тем триумфальным событиям из письма в имение, к управляющему: «А я за гулянье получил табакерку в 7000 рублей».

Не один Суворов чувствовал, что наступает время новых военных испытаний. Но именно Суворов готовился к подвигам. Именно к подвигам. Он был одержим подвигами. И это — на пороге старости, на пороге шестидесятилетия. Суворов — человек второй половины и третьей трети жизни. И под старость он оставался энергичным, амбициозным, страстным. И готов был побеждать виртуозно, блистательно — и не иначе.

Кинбурн

Нынче времечко военно,
От покоя удаленно,
Наша Кинбурнска коса
Открыла первы чудеса.

Из солдатской песни

Вторая екатерининская Русско-турецкая война, главным героем которой довелось стать Суворову, началась в 1787 г., когда Суворов был назначен командующим Кинбурнским отрядом в армии Потёмкина.

Да, первые чудеса героизма русской армии в новой войне связаны с кинбурнской косой. Кампанию Суворов начал уже заслуженным генерал-аншефом, пользуясь доверием императрицы и князя Г.А. Потёмкина. Тому немало способствовали и успешные кременчугские учения. В августе 1787-го Потёмкин поручает Суворову оборону Кинбурна и Херсона — именно на этом участке ожидалось наступление турок. Суворов находился в этих краях с начала лета, дотошно руководил строительством укреплений, отчитываясь перед князем Таврическим.

Кинбурн — кое-как оборудованная крепость на косе, заложенная ещё в XV в., располагалась напротив куда лучше укреплённого Очакова. В одном из писем Потёмкину Екатерина выразила надежду, что Александр Васильевич «возьмёт у них Очаков», но блистательный князь Тавриды роль покорителя Очакова отводил собственной светлости… Кылбурун — по татарски «тонкий, как волос, мыс». Полуостров-коса шириной в 8–10 километров, на 40 километров врезается в Чёрное море. Этот полуостров упоминает в своей «Истории» Геродот. Археологами уже в XX в. здесь было открыто поселение древних викингов. В военной истории XVIII в. Кинбурн упоминается не раз, но главные события связаны именно с Суворовым и с кампанией 1787 г. Стратегическая привлекательность укреплённой косы очевидна: здесь возможно эффективное взаимодействие пехоты, артиллерии и флота. Кинбурн служил базой русских войск, осаждавших Очаков, и прикрывал Херсон, защищая военно-морскую базу, прикрывал вход в обжитый русскими Днепровско-Бугский лиман. Овладев Кинбурном, турки получили бы ключ к Крыму, недавно присоединённому к Российской империи. Суворов контролировал оборонительную линию Кинбурн — Херсон с верфями и

редутами, расположенными от Кинбурна к Херсону, — Покровским, Марьинским, Константиновским, Александровским, а также усовершенствованным Збруевским ретраншементом. На южном берегу Кинбурнской косы использовались ещё три редута. Немалое военное хозяйство, поступившее в ведение Суворова, в кампании 1787 г. играло центральную роль.

Турецкий флот в составе 3 линейных кораблей, 4 фрегатов, 4-х бомбардирских суднов (плавучих батарей), 14 канонерских лодок в течение сентября 1787 г. тревожил русские позиции в Кинбурне. 20 августа турки обстреляли два русских корабля, несших вахту у Кинбурна, — фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Русские корабли обратили в бегство атаковавших турок, о чём Суворов и доложил Потёмкину, отличив капитан-лейтенанта А.А. Обольянинова. Поняв, что основной удар турок будет направлен на Кинбурн, Суворов устроил свою ставку в этой крепости, а командование войсками, расположенными на берегу лимана от Херсона до устья Южного Буга, возложил на своего надёжного помощника — генерал-майора И.П. Дунина-Барковского.

13 сентября турки отважились с моря напасть на крепость: пять кораблей, заняв удобную позицию, обрушили на русские укрепления артиллерийский огонь. Суворов был готов к такому повороту событий и ответил прицельным пушечным огнём с батарей. 54-пушечный линейный турецкий корабль потонул, на его борту было 500 человек. Тяжёлые повреждения получили и другие неприятельские корабли. Они отступили с серьёзными потерями, были потери и у русских: пять человек убитыми, десять — ранеными.

Самый крупный десант первых двух месяцев суворовского стояния в Кинбурне — 700 человек — был высажен 14 сентября. Они высаживались у урочища Биенки, где их встретил пальбой пост донских казаков. Без промедления на место сражения прибыли войска генерал-майора И.Г. Рёка, которому Суворов поручил оборону косы. Многих турок изрубили, других оттеснили с мыса. Потемкину Суворов докладывал: «Чрез полчаса турки были отбиты, при большом их крике, от берега с уроном». Суворов понимал, что этот десант — своего рода разведка боем, репетиция более многочисленного десанта, к которому должен был прибегнуть противник. Турки намеревались, высадившись на косе, закрепиться там, отбив атаки русских, — и начать наступление на Кинбурнскую крепость.

Суворов не в первый и не в последний раз совершенствовал укрепления Кинбурна — Потёмкин ещё до сражения докладывал императрице о стараниях Суворова в крепости. «Усердие Александра Васильевича Суворова, которое ты так живо

описываешь, меня весьма обрадовало. Ты знаешь, что ничем так на меня не можно угодить, как отдавая справедливость трудам…» — писала Екатерина Потёмкину. Суворов выделял мичмана Ломбарда, который на галере «Десна» неожиданно и успешно атаковал турецкие суда. Ещё недавно, во время путешествия императрицы по югу России, галера «Десна» в плавании по Днепру принимала высочайшую путешественницу. А теперь храбрец Ломбард, страстно желавший отличиться подвигом (в том числе — и персонально перед Суворовым), лёгкими штрихами придал галере вид брандера — и стремительно пошёл в атаку. Османы панически боялись брандеров — специальных судов, предназначенных для поджигания кораблей. На турок нашло затмение — и они приняли «Десну» за брандер, перепугались и два с половиной часа в бою не могли сопротивляться выходкам Ломбарда. В очередной раз сработало суворовское правило: «Кто испуган, тот побеждён наполовину. У страха глаза велики, один за десятерых покажется».

Доселе турки хозяйничали на море возле Кинбурна — и Суворова это обстоятельство озадачивало: «В сих водах турецких линейных кораблей превосходное число против остающей части. Прославил бы себя Севастопольский флот! О нём слуху нет…» Поэтому и был так важен подвиг Ломбарда, который с командой из 120 человек при семнадцати орудиях успешно атаковал турецкий флот. Суворов писал об этом бое Потёмкину: «Шевалье Ломбард атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей… И, по учинении варварскому флоту знатного вреда, сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами». Никто из русских гренадер, бывших на «Десне», не был даже ранен, только командир — Ломбард — как орденом, бравировал слегка покалеченным ухом. Командующий всей Лиманской флотилией адмирал Мордвинов прикажет отдать Ломбарда под суд за самовольство и нарушение дисциплины. Суворов возьмёт храбреца под защиту, по реляциям Суворова полюбит Ломбарда и Потёмкин. Мичман будет награждён за яркий подвиг, вошедший в историю русского флота. А Севастопольскому флоту, к глубокому разочарованию Суворова, прибыть к Кинбурнской косе помешал жестокий шторм.

Этот самый Джулиано де Ломбард (1762–1791) оказался одним из самых выдающихся смельчаков, которых доводилось встречать Суворову за полвека службы. Он бросался на турок очертя голову, с неукротимым авантюризмом. Суворов полюбил отчаянного мальтийца, однако подчас одёргивал его, боясь необдуманных авантюр. Практически в одиночку, на свой страх и

риск Ломбард устраивал набеги на осаждённый Очаков, бомбардируя турецкие позиции без приказа командующего. Турки будут предлагать за его голову немало золота. 5 октября 1787 г. Ломбард попадёт в турецкий плен. Батарея капитана 2-го ранга А.Е. Верёвкина, смело пронесшись, как писал Суворов, «сквозь оба турецкие флота с пальбою… ушла из виду». Батарею выбросило на мель у Гаджибея, где их и окружат турки. Мальтийца заточат в Семибашенный замок в турецкой столице. Когда речь шла о его репутации, безрассудный рубака Ломбард умел быть хитрым и расчётливым: ему удавалось даже из плена писать письма Потёмкину, в которых его, Ломбарда, подвиги превозносились, а вина за гаджибейскую катастрофу без тени смущения сваливалась на капитана Верёвкина… Суворов будет часто вспоминать о нём, специально прибережёт выхлопотанную высокую награду (Георгия 4-й степени) для «лейтенанта Ломбарда, что в полону», обрадуется вестям, что «мальчик Ломбард жив», будет следить за его злоключениями в плену, за попытками бежать. В 1790-м Ломбард, получив несколько ран, убежит из плена (скорее всего, предприимчивый и знаменитый волонтёр был выкуплен). Из Константинополя раненый моряк пробирается в Херсон, оказывается в ставке Потёмкина, получает по давнему уже представлению Суворова чин капитан-лейтенанта. Под стенами Измаила он, на скорую руку залечив раны, будет снова сражаться в армии Суворова, в составе всё той же Лиманской (Дунайской) флотилии, под началом де Рибаса. А в конце войны всё-таки погибнет. Истинно армейская судьба волонтёра — соратника Суворова. Такие судьбы запоминаются, и в царской России и много лет спустя после Кинбурна именем лейтенанта Ломбарда называли суда. Но вернёмся на Кинбурнскую косу.

Наконец, турки решились на штурм, на капитальную вылазку. Юс-паша досконально знал Кинбурн и его окрестности. Первого октября, на рассвете, он с пятитысячным войском высадился на лимане. В то утро Юс-паша был настроен решительно, не без фанатизма: победить или умереть. Перед штурмом он приказал отплыть перевозным судам, отрезав своим войскам пути на отступление, убив саму надежду на благополучное бегство с поля боя. Наступление началось с высадки десанта в двенадцати верстах от Кинбурнской крепости.

Как нам уже известно, весть о приближении многочисленного турецкого десанта застала Суворова в храме, на молебствии. Казак доложил о высадке многочисленного десанта. Суворов приказал не атаковать их, чтобы все благополучно высадились. Турки копали ложементы — аж пятнадцать линий окопов на пути к крепости располагались вблизи от цитадели, а русская

артиллерия молчала. Не было ни пехотных вылазок, ни кавалерийских контратак. Суворов приказал начать бой только, когда неприятель подойдёт на 200 шагов к крепости. Генерал-аншеф вознамерился уничтожить десант, дабы в один день предупредить позднейшие попытки турок овладеть Кинбурном. Обыкновенная суворовская стратегия, рискованная и действенная. Всё было рассчитано психологически: невозмутимость генерала передалась офицерам. В солдатской песне о Кинбурне сказано:

А Суворов-генерал тогда не спал, не дремал…

Суворов приготовил свои войска к сражению: в первой линии — Орловские и Шлиссельбургские полки. Во вторую — Козловский пехотный полк и два эскадрона Павлоградского и Мариупольского легкоконных полков. Три казачьих полка (полковника Орлова, подполковника Исаева, премьер-майора Сычёва) Суворов расположил на флангах. В 36 верстах от Кинбурна, в Александровском редуте располагался Санкт-Петербургский драгунский полк генерал-майора Исленьева. Несколько ближе, в десяти верстах, располагались основные силы Мариупольского и Павлоградского полков. Суворов приказал им спешить к Кинбурну, в сражении они должны были сыграть роль резерва, который с марша может броситься в бой. В крепости Суворов оставил четыре роты из полков, шедших в бой.

Наконец, в 15 часов заговорила русская артиллерия. Орловцы и шлиссельбуржцы резво пошли в атаку на турецкие окопы, не смущаясь встречным беспорядочным артиллерийским огнём. Сам генерал-аншеф бился в первых рядах Шлиссельбургского полка. Для усиления атаки Суворов бросил в дело Козловский пехотный полк подполковника Ираклия Моркова. Турки начали бомбардировать наступающие русские полки с судов. К этому времени, не выдержав атаки шлиссельбуржцев, орловцев и козловцев, турки оставляли ложемент за ложементом. Десять линий окопов находились уже в руках Суворова. Огонь морской артиллерии приостановил наступление. И снова против них удачно действует галера «Десна» под командованием предприимчивого Джулиано де Ломбарда и артиллерия Крупенникова. Им удалось потопить две турецкие шебеки. Турки усилились новым десантом и на некоторое время потеснили русскую атаку. Суворов был ранен картечью, но с поля боя не удалился. Нужно было перестроить войска, смешавшиеся в бою. Суворов приказал усилить наступление двумя свежими ротами шлиссельбуржцев, доселе остававшимися в крепости. Наконец,

подоспели и легкоконные полки — Павлоградский и Мариупольский. Им суждено было броситься в бой сразу после десяти пройденных на полном скаку вёрст.

Располагал Суворов, как мы знаем, и тремя казачьими полками, которыми со времён службы на Кубани генерал-аншеф умел управлять лучше всех иных неказачьих генералов. И никто из генералов екатерининского времени не ценил казаков так, как Суворов, поставивший во главу угла военного искусства быстроту и натиск. В казачьем окружении он чувствовал себя как рыба в воде, и донцы относились к Суворову «по-свойски». А ведь руководить вольнолюбивыми казачками было непросто!

В Кинбурне Суворов проявил мастерство своевременной кавалерийской атаки при обороне позиций. Помогли казаки. Полковник атаман Иловайский, в тот день перенявший от Суворова яростный боевой дух, стал одним из подлинных героев сражения. Получив два казачьих полка и два неполных эскадрона лёгкой конницы, он объехал крепость слева по берегу и лавой, со свистом обрушился на турок, шедших на приступ. В той сече был убит Юс-паша, выполнивший свою клятву, он не победил, но с честью погиб. Суворов с уважением отнёсся к этому противнику, отмечая доблестную ярость и храбрость турецкого десанта. Пасть в атаке на поле боя — достойный конец для боевого генерала. Вот перед нами откровенное письмо Суворова В.С. Попову от 7 октября: «Посмотри, голубчик, нашу адскую баталию на плане! Непонятно человеческим силам, как к тому приступить можно было! А от варваров какая прекрасная операция и какое прекрасное войско!.. А не начать, то бы нас всех здесь турки перерезали». А Потёмкину Суворов прямо написал: «Какие ж молодцы, светлейший князь, с такими я ещё не дрался». Суворов уважал тех, кому удалось дважды ранить его на косе, кто бесстрашно «летит на холодное оружие».

После гибели предводителя турки ослабили давление, но полной паники добиться не удалось: судьба сражения не была ещё решена. Турок поддерживала корабельная артиллерия. Одновременно с атакой Иловайского из крепости сделал вылазку Орловский пехотный полк, предводимый генерал-майором Рёком. Рёку удалось рассеять ряды турок, но самого генерала ранили в ногу. Ротмистр Шуханов с гусарами «вёл свои атаки по кучам неприятельских трупов. Все орудия у них отбил», — так писал в рапорте Потёмкину Суворов. Подоспел на поле боя Санкт-Петербургский драгунский полк, мощной атакой добивавший отступавшего врага. Привёл этот полк генерал-майор Пётр Алексеевич Исленьев, один из любимых соратников Суворова. Вечером, во время решающей атаки русских сил, когда турки

были выбиты из всех окопных линий, Суворов получает второе ранение — в левое плечо. По воспоминаниям генерал-майора Энгельгардта, «он потерял много крови, и не было лекаря перевязать рану. Казачий старшина Кутейников привёл его к морю, вымыл рану морскою водою и, сняв свой платок с шеи, перевязал ему рану. Суворов сел на коня и опять возвратился командовать».

Турок сбросили в море ближе к полуночи.

Из 5000 турецких «отборных морских солдат» спастись удалось немногим — они стояли по плечи в воде, ожидая спасительных шлюпок. Потери российской армии были куда ниже: 138 человек убитыми и 300 ранеными. 15 знамён отбил Суворов у противника.

Под Суворовым убили лошадь, он увидел солдат, державших под уздцы коней. В пылу сражения Суворов принял их за русских, приказал подать ему коня. Услышав русскую речь, турки бросились на генерала. Гренадер Степан Новиков грудью встал на защиту «батюшки Суворова». Двоих убил, остальных обратил в бегство. Суворов заметил, что сзади Новикову угрожает турецкая сабля, крикнул, гренадер повернулся, отбился.

После победы Суворов писал Потёмкину: «Позвольте, светлейший князь, донесть, что и в низшем звании бывает герой. Неприятельское корабельное войско, какого я лутше у них не видал, преследовало наших с полным духом; я бился в передних рядах. Шлиссельбургского полку гренадер Степан Новиков, на которого уже сабля взнесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого за ним, следующего застрелил и бросясь на третьего, — они побежали назад. Следуя храброму примеру Новикова, часть наших погналась за неприятелем на штыках, особливо военными увещеваниями остановил задние ряды сержант Рыловников, который потом убит. Наш фронт баталии паки справился; мы вступили в сражение и выгнали неприятеля из нескольких ложементов. Сие было около 6 часов пополудни».

Суворов всегда писал аллегорично. «И в низшем звании бывает герой» — кому, как не Суворову и Потёмкину, знать о мужестве русского солдата? С горькой иронией Суворов намекает на снобизм многих аристократов того времени, которые надменно относились к «мужикам», к своей Родине, да и в храме Божьем бывали нечасто. Потёмкин с полуслова понял Суворова и наградил Новикова как героя.

В первом, кратком рапорте Потёмкину Суворов пишет: «Турки на Кинбурнской косе, приближась от крепости на версту. Мы им дали баталию! Она была кровопролитна… Действие началось в 3

часа пополудни и продолжалось почти до полуночи беспрестанно, доколе мы их потоптали за их эстакад на черте косы самого мыса в воду и потом возвратились к Кинбурну с полною победою… Подробнее Вашей светлости я впредь донесу, а теперь я нечто слаб».

Награды на этот раз оказались щедрыми: пожилой генерал, дважды раненный, но не ушедший с поля боя и приведший войска к победе, вызывал всеобщее восхищение. Светлейший князь Таврический за Победу, закрывшую туркам путь в Тавриду, позволил Суворову «вручить, по Вашему рассмотрению, нижним чинам, отличившимся храбростию, препровождаемые здесь девятнадцать медалей с лентами и доставить ко мне для сведения именной список сих храбрых людей. Сверх же иных одною украшен уже солдат Нивиков (Новиков. — *А.З.*), здесь находящийся». Гренадер Степан Новиков, спасший жизнь Суворову, по-видимому, находился в то время уже в Екатеринославе, и Потёмкин, по настойчивому ходатайству Суворова, смог лично его наградить. Развивались петровские традиции русской армии. За Кинбурн, стараниями Суворова, было награждено немало нижних чинов.

О ходе битвы генерал-аншеф Суворов подробно рассказал в главной реляции Потёмкину: «При битве холодным оружием пехота наша отступила в крепость, из оной мне прислано было две свежие Шлиссельбургские роты, прибыли: лёгкий баталион, одна Орловская рота и легкоконная бригада. Орлова полку казак Ефим Турченков, видя турками отвозимую нашу пушку, при ней одного из них сколол и с последуемым за ним казаком Нестером Рекуновым скололи четырёх. Казаки сломили варваров. Солнце было низко! Я обновил третей раз сражение». Эти строки Суворов писал, превозмогая боль, раненый. Именно в Кылбуруне (так называли крепость турки) чудо-богатыри, восхитившие Суворова, стали ему настоящими братьями по оружию, с которыми он совершит чудеса на берегах Рымника и на стенах Измаила…

Ничуть не менее важным адресатом генерал-аншефа была в те дни Наташа Суворова, Суворочка. Для неё он сочинял письма сказочные, захватывающие: «Ты меня порадовала письмом от 9 Ноября; больше порадуешь, как на тебя наденут белое платье; и того больше, как будем жить вместе. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Ивановну; или она тебе выдерет уши, да посадит за сухарик с водицею. Желаю тебе благополучно препроводить Святки; Христос Спаситель тебя соблюди новой и многие годы! Я твоего прежнего письма не читал за недосугом; отослал к сестре Анне Васильевне. У нас были драки сильные, нежели вы деретесь за волосы; а как в

правду потанцевали, в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов чрез восемь отпустили в театру в камеру. Я теперь только что возвратился; выездил близь пятисот верст верхом в шесть дней и не ночью. Нам же весело на Черном море, на Лимане! Везде поют лебеди, ушки, кулики; по полям жаворонки, синички, лисички, а в воде стерляди, осетры: пропасть! Прости, мой друг Наташа, я чаю, ты знаешь, что мне моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту за веру и верность». «Смерть моя — для Отечества, жизнь моя — для Наташи» — это не пустые слова.

В те дни все любили Суворова — и он, кажется, любил всех. В пространном письме Екатерине Потемкин хлопотал о награждении Суворова, описывая впечатляющую битву в красках: «*На тесноте сперлось множество конницы и пехоты, и, смешавшись с неприятелем, сделали кучу, которую было уже трудно в строй привести. Он своим постоянным присутствием в первых всегда рядах удержал людей на месте. Солдаты сами повторяли бегущим: «Куда вы? Генерал впереди!»* Талантливейший администратор и реформатор армии, Потемкин смог по достоинству оценить Суворова после кинбурнской победы: «*Кто, матушка, может иметь такую львиную храбрость? Генерал-аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностью, как двадцатипятилетний…»* Императрица ответит благосклонно: «Победа совершенная, но жаль, что старика ранили». Через Потёмкина Екатерина послала Суворову и собственноручно написанный весьма лестный рескрипт. Особенно брали за душу слова монархини: «Чувствительны нам раны ваши». Старый солдат до слёз был растроган.

Благодаря эмоциональному представлению Потёмкина императрица «решилась к нему послать за веру и верность Св. Андрея» — высший орден империи, не считаясь со «старшинством» генерал-аншефов Долгорукого, Каменского и Миллера. Суворов благодарил Потёмкина в самых цветистых выражениях: «Цалую ваше письмо и руки, жертвую вам жизнию моею и до конца дней». Да и сам князь Таврический в те дни в переписке с Суворовым даже превысил меру галантного века, выражая свою благодарность: «Не нахожу слов изъяснить, сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу; я так молю Бога о твоём здоровье, что желаю за тебя сам лучше терпеть, нежели бы ты занемог».

После сражения, ранним утром, русские офицеры заметили

возле мыса Кинбурнской косы построенные в линию турецкие суда. Туда на шлюпках турки перевозили своих «живых и мёртвых». Суворов пишет Потёмкину: «Мы их поздравили рикошетами с 6-й и 7-й нижних батарей». На мыс Суворов послал казаков донского полковника Исаева, которые ещё раз показали туркам, что держат косу под контролем.

До весны 1788 г. Суворов жил-поживал в Кинбурне. Несколько раз на своём донском коне объезжал укрепления. Такие поездки занимали по шесть дней. Следил за подготовкой к зимним холодам («казаки своих лошадей берегут, и есть у них сено на морозы») и новым боевым действиям.

В декабре, в Кинбурне, Суворов пишет руководство для командиров частей, которое начал с указания на существенный недостаток, всё ещё присущий некоторым армейским частям: «В сражении регулярным войскам крик весьма неприличен и варвары того не чинят; он знак не храбрости, но больше робости, происходящей от недовольного в экзерцировании солдат и от того ненадёжность их на самих себя. Хотя в свете храбрее россиянина нигде нет, крик только опасен, что он один приносит военную расстройку, лишают послушания и уже не внемлят команды. Господам начальствующим в регулярных войсках солдатам крик крайне воспретить и толковать о вреде от оного во всех маневрах и эволюциях». Иное дело — слаженное молодецкое «Ура!» или излюбленная Суворовым барабанная дробь. Эти инструменты повышают боевой дух, сплачивают войско, а от беспорядочного разнобойного крика приходилось избавляться. Говорит Суворов и о конных стрелках, которых должно быть в каждом капральстве по четыре и в каждой казачьей сотне по десятку. Говорит и о вредной привычке «немилосердно убивать» сдавшихся турок, просящих «аман». Это нарушение воинской этики приводит в ярость «басурман» и наносит вред российской армии.

В июне, предваряя наступление турецких морских сил, Суворов приказывает выстроить на Кинбурнской косе две батареи. Их устроили в четырёх верстах от крепости, на самом мысу. И 17 июня батареи вступили в дело. Турецкая эскадра Гассана-паши возвращалась после неудачного для османов сражения с русской гребной флотилией (ею командовал уважаемый Суворовым принц Нассау-Зиген) на лимане. Гассан потерял тогда свой флагманский корабль, но сам спасся на шлюпке. Итак, Гассан выходил из лимана — и в 22 часа его эскадра попала под интенсивный огонь суворовских батарей. Семь кораблей поразили русские орудия! Командовал артиллерией форта майор Дмитрий Крупенников — умелый и

решительный суворовский офицер, ставший из капитанов майором за отличия в кинбурнском сражении. Поход Гассана окончился тяжёлым поражением при минимальных потерях с русской стороны. Ликовавший князь Потёмкин надеялся, что турки, обескураженные пальбой суворовских батарей и ловкостью гребного флота, сдадут Очаков. Эти надежды оказались преждевременными.

Артиллерия Крупенникова позже преградит путь Гассану, когда тот решит вернуться в лиман на выручку турецких судов, которые были атакованы русскими гребными судами. Суворов, находясь в Кинбурне, насколько это было возможно, внимательно следил за действиями русского и турецкого флота, понимая важность морских баталий для судьбы Очакова. В эти дни сделал ставку на морские силы и Потёмкин.

Из командиров лиманской эскадры мы уже упомянули контр-адмирала Карла Нассау-Зигена (1745–1808). Этот представитель владетельного дома германского княжества Нассау долгое время пребывал на французской службе, а в Россию был привлечён Потёмкиным аккурат в 1788 г. Потёмкин писал Суворову о Нассаусском: «В крайней прошу содержать тайне: гребными судами будет командовать князь Нассау под вашим начальством. Он с превеликою охотою идёт под вашу команду». С Нассау Суворов советовался, разрабатывая план штурма Очакова: русского генерала интересовал опыт осады Гибралтара, в которой Нассаусский участвовал. Нассаусский стал ярым приверженцем суворовской идеи быстрого штурма крепости. План штурма Очакова, в котором гребной и парусный флот должен был содействовать пехоте и кавалерии, Суворов представил Потёмкину, но реализовать эту задумку, увы, не удалось. Привлёк Потёмкин в лиманскую эскадру и ещё одного выдающегося деятеля — Джона Поль Джонса (1747–1792). Шотландец, долгое время живший в США, прославился в годы войны за независимость Штатов, храбро нападая на английский флот. Позже он жил в Париже, заслужив флотоводческим искусством высокую оценку генерала Бонапарта. Джонс восхищался Суворовым, который приятно удивил его своей осведомлённостью о «республиканской войне, хотя о ней очень мало печатали в Европе». Суворова он считал первым полководцем не только России, но и всей Европы. В свою очередь Суворов уважал в Джонсе смелого командира-новатора, о котором был наслышан ещё до временного поступления шотландца на русскую службу. Всей же Лиманской флотилией командовал руководивший Черноморским адмиралтейским правлением контр-адмирал Н.С. Мордвинов. Мордвинова Суворов не жаловал, считал его

рутинёром и армейским бюрократом, нерешительным в сражении. Возглавляемое Мордвиновым правление Суворов насмешливо называет «Херсонской академией». Скоро в его нерешительности убедится и Потёмкин, Мордвинов будет отправлен в отставку. Нелюбимый Суворовым Мордвинов всю жизнь будет активным недоброжелателем Ф.Ф. Ушакова.

18 июня Г.А. Потёмкин, находившийся в постоянной переписке с императрицей, приступил к непосредственной осаде Очакова, подтянув к крепости лучшие силы своей армии. В тот же день из Севастополя вышла в поход русская эскадра адмирала М.И. Войновича. Эскадра состояла из двух линейных кораблей, двух 50-пушечных, восьми 40-пушечных, одного 18-пушечного фрегатов, 20 более мелких парусных кораблей и двух брандеров. Потемкин поставил перед Войновичем задачу перекрыть Гассану возможности для помощи гарнизону осаждённого Очакова. Также следовало не допускать движения турецкой эскадры к берегам Крыма. Сильные ветра не позволили достичь берегов Очакова — Кинбурна в сжатые сроки. Только 29 июня эскадра Войновича подошла к острову Тендре. Там-то русские и заметили сильную турецкую эскадру: 15 линейных кораблей, 8 фрегатов, 3 бомбардирских корабля и более двадцати мелких парусников. Утром 30 июня Войнович начал сближение с турецкой эскадрой, не решаясь, впрочем, на стремительное нападение. Русская эскадра приготовилась к бою, ожидая нападения турок. На расстоянии 3,5 километра от русской линии в боевую линию выстроилась и турецкая эскадра. Штиль помешал противникам начать атаку. После часа дня ветер усилился, русские пошли на сближение. Тогда турки, чьи корабли были быстроходнее, ушли к румелийским берегам, избегая боя. Войнович преследовал их, пытаясь занять наветренное положение.

Следующая встреча эскадр произошла 3 июня возле острова Фидониси (Змеиный). Турецкая эскадра сохраняла выгодное наветренное положение. Русская эскадра выстроилась контргалсом по отношению к противнику. Шесть часов эскадры выжидали. В два часа дня турки, пользуясь благоприятным направлением ветра, стали наступать двумя колоннами. Первая — под командованием Гассана — атаковала русский авангард, предводимый бригадиром Ушаковым. Вторая колонна угрожала корде-баталии и арьергарду. По замыслу Гассана, эти корабли должны были отрезать авангард от русской эскадры. Расстановка сил говорила о том, что авангард Ушакова будет уничтожен. Ушаков располагал двумя линейными кораблями и двумя 50-пушечными фрегатами; против каждого русского корабля Гассан выставил пять турецких. Корабли Ушакова вели огонь метко и

быстро, что позволило отбить первоначальную атаку Гассана. Турки попытались отрезать и окружить два фрегата русского авангарда — «Борислав» и «Стрелу», но Ушаков, действуя расторопно и хладнокровно, не позволил этого. Прочувствовав момент, когда можно было действовать с суворовским натиском, он на флагманском корабле «Святой Павел» пошёл в контратаку, нарушая правила господствовавшей линейной тактики, по которой флагманский корабль должен был находиться в центре своей линии. Ушаков ринулся вперёд, показывая другим кораблям пример смелой атакующей тактики. В ближнем бою Ушаков повредил и заставил отступить флагманский корабль Гассана «Капудания». Другие корабли ушаковского авангарда поддержали атаку флагмана лавинным огнём, окончательно расстроив построение турецкой эскадры. В пять часов вечера турецкая эскадра с большими потерями оставила место сражения. Потери Ушакова были минимальны — пятеро убитых, двое раненых. Перестрелка второй турецкой колонны с остальными силами Войновича велась с солидного расстояния и носила вялый характер. Войнович не поддержал атаки Ушакова и не помог своему авангарду в преследовании панически отступающего противника. Так начиналась слава Ушакова, который завоёвывал репутацию *морского Суворова* . И Потёмкин, и Суворов высоко оценили подвиг авангарда русской эскадры. Бригадир Ушаков вскоре по представлению Потёмкина был произведён в контр-адмиралы.

У сражения при Фидониси был и эпилог: 5 июля турецкий флот вышел к Ак-Мечети, где был встречен русскими судами, принудившими турок к отступлению сначала к Херсонскому мысу, а с 6 июля — к румелийским берегам.

Теперь турецкий флот не представлял угрозы для Екатеринославской армии Потёмкина, осаждавшей Очаков и контролировавшей Кинбурн. Суворов был убеждён, что пришло время для штурма. Можно предположить, что после кинбурнской победы, осыпанный наградами и прочей царской милостью, когда казалось, что до фельдмаршальского жезла рукой подать, Суворов переоценил своё влияние на Потёмкина. После Кинбурна можно было поверить, что великий администратор Потёмкин считает Суворова, говоря условно, своим военным министром, который вправе навязывать собственную тактику. А Потёмкин — человек с немалым боевым опытом и сложившимися взглядами на стратегию и тактику войны. Личность амбициозная, он не выносил давления от подчинённых. И, возвышая до небес кого-либо из генералов после знаменательных побед, умел держать их на почтительной дистанции, зная свою цену второго человека в

государстве.

Очаковская оплошность

Кинбурнская победа позволила Потёмкину приступить к более активным боевым действиям у стен Очакова, активизировав «осаду Трои», как иронически называл очаковское стояние отодвинутый в тень Пётр Александрович Румянцев. Под Очаков прибыл и Суворов, уже составивший для фельдмаршала Потёмкина план генерального штурма. Суворову вверили четыре гренадерских батальона на левом крыле русских сил: не более 2500 человек. Кинбурнский победитель приступил к учениям, готовил гренадер к штурму. С утра до вечера они оттачивали мастерство штыкового боя. К нему приглядывались и русские офицеры, и иностранцы: знаменитость! Но стоять под Очаковом Суворову пришлось недолго. В одном из докладов генерал-аншефа Потёмкину содержался по-суворовски эмоциональный эскиз продуманного штурма: «Осада Очакова. 1. Формальная. Траншеи (лутше назад), параллели, контрмины, бреши, штурм. Ложемент — материалы. 2. Бить брешь с флота в нижнюю стену. Успех, штурм. 3. Соединяя оба, лучше прежде занять ретраншемент. Но — елико можно, без траншеи, ложементом! Выручка. На неё корпус в поле, примечательной. Бить!» Этот план предполагал уничтожение главных турецких сил, которые стянулись бы к Очакову, и штурм крепости с моря и с суши. Перед дерзким штурмом ослабленный очаковский гарнизон не смог бы устоять. Но нужно было выманивать и бить турок, истощая их силы в бою, а не осадой. Доводы Суворова выглядели вполне убедительно, и через несколько лет, когда нужно будет во что бы то ни стало приступом брать Измаил, Потёмкин вспомнит о возможностях Суворова. Но в 1788-м командующий Екатеринославской армией не думал торопиться, вёл секретные переговоры с турками, надеялся, что османы дадут слабину, и на крайний случай ждал более благоприятных условий для штурма.

Длительная осада продолжалась, очаковский гарнизон уже ощущал угрозу голода. Потёмкин медлил с решительными действиями, Румянцев его высмеивал, да и Суворов терял спокойствие. Тут-то Александр Васильевич и попал в беду. Отражая вылазку двухтысячного турецкого отряда в русский лагерь, Суворов с фанагорийским гренадерским полком, нарушая планы главнокомандующего, ворвался в позиции турок, надеясь на поддержку других русских войск, на штурм Очакова. Казалось, близка победа, но поддержки Суворов не дождался, атаку фанагорийцев турки отбили, и герой покинул поле боя с тяжелой раной: в шее застряла пуля. Рана воспалилась, Суворов тяжело и

долго болел: особенно болезненными были объяснения с Потемкиным, писавшим Екатерине об очаковском инциденте в откровенном личном письме: «…Перед приходом капитан-паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек…» А в солдатской памяти осталось мужество раненого героя, стремившегося на поле боя, несмотря на боль. Об этом была сложена песня «Суворов ранен»:

Да лежал русской больно раненой,
Вскричал да Суворов-князь:
«Ай-я, вы слуги, вы слуги мои,
Да слуги вы вот мои верные!
Ай вот вы подайте, вы слуги мои,
Да подайте пару вороных да коней!»

Полгода Суворов приходил в себя, залечивая раны, а в 1789 г. его перевели в армию фельдмаршала Румянцева. Вскоре Румянцев был отставлен, общее руководство осталось за Потемкиным, но Суворов продолжал отдавать рапорты и отставленному Румянцеву, проявляя ученическую верность и свободный дух.

Попытаемся восстановить перипетии этого драматического эпизода. Осадную дугу (окружить Очаков мешало море) Потёмкин разделил на три участка. Правым крылом командовал генерал-аншеф И.И. Меллер, который будет главным сподвижником Потёмкина в длительной осаде и штурме Очакова. Центр дуги контролировали войска генерал-аншефа Н.В. Репнина, а левым крылом командовал герой кампании 1787 г. генерал-аншеф А.В. Суворов. В ведении Суворова были четыре гренадерских батальона общим числом 2356 человек. В группировке Суворова действовал и казачий отряд полковника Петра Скаржинского, дежуривший ближе к стенам Очакова.

27 июля, в два часа пополудни турецкий отряд сделал вылазку из крепости и напал на казачий пикет. То были бугские казаки полковника Петра Скаржинского. Он располагал сотней спешенных казаков и шестью десятками конников. Из крепости на казаков вылетело полсотни всадников. Этот отряд прикрывал скрытно двигавшихся на Скаржинского пять сотен пеших янычар. Скаржинский смело атаковал турок — атака захлебнулась. Он перестроил свои скудные силы и напал вторично, но вынужден был отступить, теряя людей.

Получив сведения о турецкой вылазке, Суворов быстро послал на выручку казакам сотню фанагорийцев — и стал готовить атаку. За фанагорийцами на место сражения выступил

гренадерский батальон подполковника Фишера. Командовать русскими силами в схватке Суворов поручает генерал-майору И.А. Загряжскому, но сам бросается в бой. Силы были подтянуты с обеих сторон — и завязалось сражение, в котором с турецкой стороны приняло участие 3000 солдат. Во главе гренадер Фишера сражался сам генерал-аншеф — и гренадеры потеснили янычар. Вряд ли мы преувеличим, предполагая, что в этом бою Суворов думал о штурме Очакова — если бы его поддержали войска Репнина и Меллера, можно было ворваться в крепость и покорить её. В пылу схватки Суворова опасно ранили в шею, и он не мог продолжать баталию. Сказывали, что крещёный турок, сперва ходивший в денщиках у русских, а незадолго до вылазки бежавший в турецкий лагерь, указал туркам на знаменитого генерала — и янычары сознательно охотились за «Топал-пашой». Наконец, гренадеры-фанагорийцы штыковой атакой потеснили турок и те поспешили ретироваться. Потери русских были в 3 раза ниже турецких, но оказались тяжёлыми: 154 человека убитыми и 211 раненых… Потёмкин был категорически недоволен исходом боя. По версии противников князя Таврического, он боялся, что Суворов неожиданным штурмом Очакова отнимет у командующего лавры, и потому не дал генерал-аншефу подкрепления. Думаем, что резоннее иное объяснение — последовательный сторонник осторожной тактики, Потёмкин искренне считал авантюрный порыв Суворова вредным и разорительным для русской армии.

Суворов остро переживал очаковскую конфузию и ранение. Если нет виктории — то и раны болят сильнее, и жар сбивает с ног. Легенды о тогдашнем поведении Суворова пересказывали многие, в том числе и Казимир Валишевский: «Раненный сам при Очакове во время неудачного приступа, он заперся в палатку и отказывался от всякой помощи. На убеждения французского хирурга, посланного к нему Потемкиным, он отвечал только качанием головы, повторяя с видом отчаяния: «Тюренн! Тюренн!» Он признавал только трех великих полководцев в военной истории новейшего времени: Тюренна, Лаудона и себя. Доктор Массо, выйдя из терпения, сказал, наконец: «Так слушайте же! Тюренн, раненый, позволял делать себе перевязки!» — «А!» Он тотчас бросился на постель и покорно отдался в руки хирурга».

Суворов тяжело переживал гнев командующего, он отбыл на излечение в Кинбурн, где, конечно, снова занимался оборонными делами. В письме Екатерине Потёмкин не сдержал первоначального гнева: «У меня на левом фланге в 6 верстах [Суворов] затеял после обеда шармицель, и к казакам, соединив два баталиона, забежал с ними, не уведомя никого

прикосновенных, и без пушек, а турки его через рвы, каких много на берегу, отрезали. Его ранили, он ускакал в лагерь, протчие остались без начальника. И к счастию, что его ранили, а то бы он и остальных завёл». Екатерина отвечала: «Весьма жаль, что Александр Васильевич Суворов столько потерял людей и что сам ранен». Потёмкинское «после обеда» Екатерина поняла проницательно — и вездесущему секретарю Храповицкому сказала: «Он, конечно, был пьян. Не сказывай ничего о Суворове». О том, что Суворов после обеда был разгорячён Бахусом, писал и находившийся под Очаковом волонтёр Дама. Но никто из них, конечно, не мог знать, была ли в тот день превышена суворовская мера. Петрушевский убедительно всё рассчитал и доказал: Суворов обедал в девятом часу утра, за обедом умеренно выпивал, после чего следовал дневной сон. Бой начался после двух часов дня — и хмель (если он и кружил суворовскую голову после обеда) к тому времени давно рассеялся.

Взаимное раздражение Потёмкина и Суворова (ещё недавно их отношения были безоблачны!) под стенами Очакова нарастало несколько недель. Потёмкин бранился ещё и потому, что сам он в те дни вёл секретные переговоры с турецкими чиновниками, которые были готовы предать своего султана и сдать крепость. Эта затея Потёмкина не удастся: турки казнят своих предателей.

Отдадим должное дальновидности Григория Александровича: он всерьёз был зол на Суворова, но в официальной реляции императрице описал сражение в уважительных тонах: «Турки атаковали содержащих там пикет бугских казаков. Генерал-аншеф Суворов, на левом фланге командовавший, подкрепил оных двумя баталионами гренадер. Тут произошло весьма кровопролитное сражение. Число турков умножилось до трёх тысяч. Неудобность мест, наполненных рвами, способствовала неприятелю держаться, но при ударе в штыки был оный совершенно опрокинут и прогнан в ретраншемент. В сём сражении гренадеры поступали с жаром и неустрашимостию, которым редко найти можно примера».

Но размолвка между Потёмкиным и Суворовым произошла — и Александр Васильевич горько её переживал. Его объяснительное письмо от 10 августа было лишено подобострастия. Суворов говорит с Потёмкиным, не теряя достоинства, не изменяя своим принципам. Свою боевую тактику Суворов готов отстаивать даже перед бушующим начальником: «Знаете прочих, всякий имеет свою систему, так и по службе, я имею и мою, мне не переродиться, и поздно. Светлейший князь! Успокойте остатки моих дней, шея моя не оцараплена, чувствую сквозную рану и она не пряма, корпус изломан, так не длинные те дни. Я христианин, имейте человеколюбие. Коль вы не можете

победить вашу немилость, удалите меня от себя, на что вам сносить от меня малейшее беспокойство. Есть мне служба в других местах по моей практике, по моей степени; но милости ваши, где бы я ни был, везде помнить буду. В неисправности моей готов стать пред престол Божий». Суворов в Кинбурне залечивал раны — и страдал не на шутку. Бывшие при нём тогда соратники уже ожидали близкой кончины.

Ко всем неприятностям Суворова, 20 августа в кинбурнском арсенале взорвались боеприпасы. Погибло более двадцати человек, многие были ранены. Пришлось писать Потёмкину под Очаков, подробно оценивая обстоятельства трагедии.

С осени в русском лагере под Очаковом свирепствовали болезни — мор, как под Троей, у Гомера (всё-таки меткое сравнение дал Румянцев!). В начале декабря Потёмкин решился на штурм, написав в приказе: «Я решился брать её приступом и на сих днях произведу оный в действо». Приступ успешно состоялся 6 декабря, в морозный и ветреный (—23 градуса!) денёк. Потери русских при штурме составили менее 3000 убитыми и ранеными. За время длительной осады от болезней армия потеряла больше. Наверное, всё-таки прав был Суворов, давным-давно предлагавший быстрый штурм крепости. Впрочем, императрица осталась при своём мнении: «На этот раз он (Потёмкин . — *А.З.*) в полтора часа разбил турок и обезоружил тех, кто его осуждал. Теперь говорят, что он мог бы взять Очаков ранее; это правда, но никогда не мог бы он взять его с меньшею невыгодою!» — писала она принцу де Линю, который резко критиковал осторожную выжидательную позицию князя Таврического. 180 знамён, 323 орудия стали трофеями русских.

Суворов в штурме не участвовал, поздравил Потёмкина восторженным письмом, в котором напирал на международный резонанс долгожданной победы: «Перемена от Каира до Стокгольма, от Багдада до Филадельфии!..» Наверное, Потёмкину пришлись по душе эти слова, резко выделяющиеся из потока официальных поздравлений печатью суворовского темперамента. Да, Суворов не был при победном штурме Очакова. Зато отличились при штурме Очакова воспитанные Суворовым несгибаемые фанагорийцы. В начале 1789-го Суворов был вызван в Петербург, для участия в чествовании героев кампании 1787–1788. Как андреевский кавалер и победитель турок при Кинбурне, он по праву был одним из главных героев тех празднеств. Из Петербурга Суворов был направлен в Молдавию, для командования передовым корпусом. Ему предстояло снова сразиться с лучшими силами Оттоманской Порты.

Фокшаны — Рымник. Против Османа и Юсуфа

Что не сизый орёл на лебёдушек
Напускается из-за синих туч!
Напускается орлом батюшка,
На поганых, на турков-нехристей,
Сам Суворов свет батюшка.

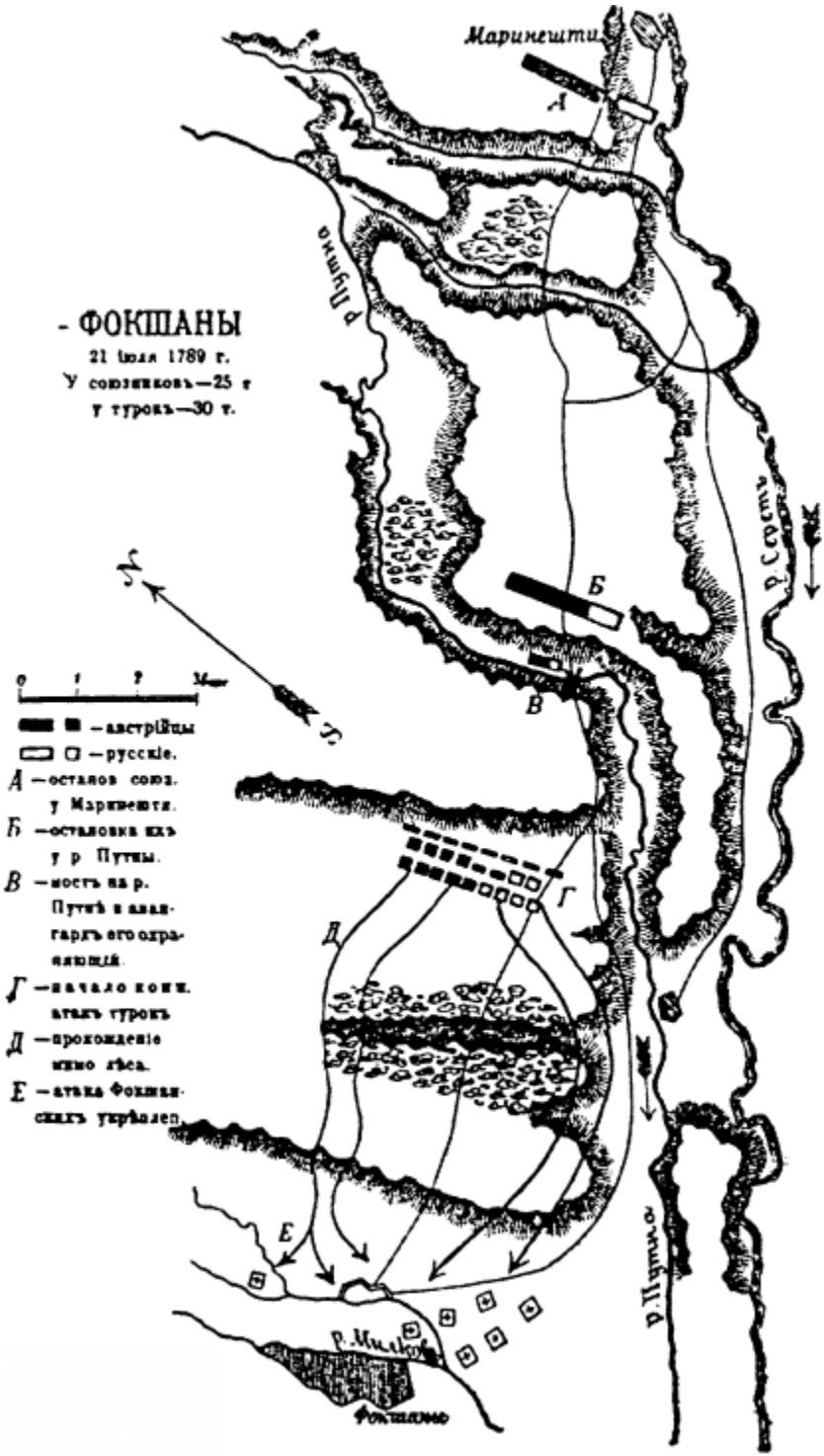
Из народной песни

Начиналась кампания 1789 г., в которой в войну с турками вступила ещё одна империя — Священная Римская. Но на севере России пришлось воевать со Швецией… Вместе с русскими войсками на Серете отныне действовал австрийский корпус фельдмаршала и принца Фридриха Кобурга. Дивизия Суворова размещалась по соседству — между Серетом и Прутом. В этой кампании Суворову было суждено энергично взаимодействовать с цесарскими войсками. Старинные военные традиции Священной Римской империи Суворов уважал, с детства зная о них по книгам. К боевым качествам современной австрийской армии Суворов, как новатор и автор собственной военной системы, относился со скепсисом. Теперь ему предстояло заслужить австрийские ордена и чины, предстояло воевать плечом к плечу с союзниками, среди которых найдётся несколько героев. Их Суворов будет уважать за храбрость, распорядительность и благородство. Своим другом Суворов назовёт неустрашимого венгра — полковника (позже, разумеется, генерала — по суворовской протекции) барона Карачая. К венгерской кавалерии Суворов вообще относился благожелательно, ценил мадьярскую храбрость. Австрийцы, в свою очередь, восхищались быстрыми переходами русских, выносливостью пехоты, техникой штыкового боя. А вот к русской кавалерии относились несколько скептически.

К лету 1789 г. Суворов определился с тактикой ведения боя против турок, изучив ошибки русских командиров в текущей кампании: «Храбрый Дедович переходит реку, располагает пикеты тактически; варвары обрушиваются на отряды, рубят их один за другим. Дедовича больше нет. Никогда не посылать ни такие отряды, ни крупные патрули, которые надо сменять; ничего кроме нескольких смельчаков, которые в случае чего могут отступить крупным галопом». Поспешная разведка, работа с агентами была

источником многих неверных решений. Суворов писал: «Сведения о неприятеле получают через других, более надёжных агентов. Надо уметь бить, а не царапать. Не будем терять на эти мелочи самых храбрых, которые в другом случае полили бы поля кровью варваров с более несомненной пользою. Аванпосты иметь сближенные, поменьше ночных караулов, но надёжных; не развлекаться мелкими стычками, наносить сильные удары, проходить массами через дефиле, атаковать стремительно, бить с быстротой». И у Фокшан Суворов будет бить, а не царапать — это принципиально важно!

Схема сражения при Фокшанах



В низовьях Дуная расположились многочисленные турецкие силы под командованием великого визиря Юсуф-паши. Тридцатитысячный корпус сераскира Мустафы-паши Юсуф-паша

двинул на Фокшаны, где располагались полки принца Кобургского. Австрийский фельдмаршал и принц отправил к Суворову гонцов с просьбой о немедленной помощи. Суворов со своей дивизией без промедления двинулся на соединение с австрийцами.

16 июля в 6 часов пополудни из Бырлада с Суворовым выступили следующие части: «Гренадерские баталионы 1,2,3 и 6; егерские 1, 3; мушкатерские 4 полков Ростовского и Апшеронского, от кавалерии Рязанского, Черниговского, Стародубовского по 3 эскадрона карабинер; казачьи Ивана армии подполковника и Григория Грековых; арнауты при премьер-майоре Соболевском и иных начальниках 800; при генерал-порутчике и кавалере Дерфельдене, генерал-майорах: князе Шаховском, Позднякове, бригадирах от кавалерии Бурнашеве и Вестфалене; от пехоты — Левашове». Если точнее — казачий полк Ивана Грекова присоединился к дивизии только через 10 вёрст похода, там, где казаки стояли на форпостах «при речке Тутове».

За 26 часов дивизия прошла около сорока вёрст, без потерь и проволочек форсировала Серет. 19 июля, под прикрытием отряда полковника Карачая, союзники выступили маршем: правую колонну вёл принц, левую — Суворов. При подходе к Путне казачий отряд инженер-майора Воеводского (восемьдесят сабель), посланный Суворовым на разведку, встретился с отрядом из двухсот турок. Первый бой в этом походе! Воеводский, отходя, дал возможность казачьему полку Грекова атаковать неприятеля. Казаки налетели стремительно — с гиканьем и посвистом. Турки отступили, получили подкрепление. Их атаковал полк другого казака Грекова — Григория, который гнал турок две версты.

Теперь перед войсками стояла Путна — и новые силы турок, предстояла схватка с трёхтысячным отрядом отборной неприятельской конницы под командованием двухбунчужного Осман-паши, решительного и честолюбивого полководца, в суворовском вкусе. Суворов подкрепил Грековых и Воеводского дивизионом австрийских гусар майора Кимеера — и сражение завязалось. Несколько атак турецкой конницы удалось отбить практически без потерь. Сперва — стойкость, а после — разящая атака. В итоге турок отбросили за реку и оттеснили к лагерям, в деревню Сасы. Осман попытался предотвратить наведение переправы, но авангард Карачая, поддержанный русскими егерями, прикрыл возведение понтонных мостов. Турецкий лагерь оказался в руках Суворова! Союзники захватили первые серьёзные трофеи. Авангардный бой турки проиграли. Мост был наведён — и ждал главные силы союзников. Первыми переправились русские войска, за ними — Кобург.

Командующий Мустафа-паша и двухбунчужный Хаджи-Сойтари-паша бежали, предчувствуя поражение. Тридцатитысячная армия перешла под командование Осман-паши, проявившего твёрдость. Ему предстояло столкнуться с 25 тысячами союзников. «Путня от дождей глубока. Тысячи две-три турок нам её спорили часа три. Побитых оставили на месте в полях… Особливо убито у них много чиновников. Мы потеряли против того почти сотую долю. Лёгкие войска поступали очень храбро и Барковы гусары. Путню переходили по понтонам. С сим происшествием имею честь Ваше Сиятельство поздравить», — напишет Суворов Потёмкину, докладывая и о пленных турках, коих было более двадцати. Потемкин с удовлетворением ловил сигналы малых и больших побед.

Накануне новых сражений Суворов, вспомнив службу в Люблине, когда от теоретизирований он быстро переходил к практике, пишет записку о способах ведения боя против турок, которая стала прямым руководством для офицеров: «Войска идут вперёд, не останавливаясь. Фланкеров и дозорных нет. Они (войска) приведены уже построенные. Командир (или кто-нибудь из младших офицеров) сам часто вне линии на возвышенности, чтобы обнаружить действия неприятеля». Записка Суворова и его диспозиция к сражению (о ней мы можем судить по аналогичной диспозиции к Рымникскому сражению) многим казались странными.

В 4 часа утра началось наступление от переправы до Фокшан, на 12 вёрст. И снова правое крыло возглавлял Кобург, левое — Суворов. В центре, по предложению Суворова, располагался отряд героя вчерашнего сражения Андрея Карачая. По ходу марша армия легко отразила несколько турецких набегов. Фланговые удары турок усилились за 8 вёрст до Фокшан. Армия неотвратимо продвигалась к Фокшанам. И в 10 часов утра вышла к полю. Из турецких укреплений начался артиллерийский огонь. Удар кавалерии рассеял правое крыло корпуса Османа. Генерал-поручик, барон Вильгельм Христофорович Дерфельден (прибалтийский немец, соратник Суворова во многих кампаниях) начал атаку на левое крыло, сосредоточив, по плану Суворова, пять русских батальонов и часть австрийской пехоты. Штыковая атака рассеяла турок. Остатки армии Османа укрылись в монастыре Святого Самуила. Монастырь, при поддержке артиллерии, взяли штурмом. В приступе религиозного фанатизма турки взорвали себя в пороховом магазине. Суворов описывал сражение: «Принц Кобург был в великой опасности, обретаясь близ стены при взрыве одного знатного порохового магазеина

внутри монастыря, отчего взлетело на воздух множество турков и щебнем повреждены легко: генерал-майор князь Левашов и подполковник Хастатов, премьер-майор Тауберт, секунд-майоры Дертен, Шахов, порутчики Белоглазов, Мазуров и Мишуров. Ранены пулею не опасно бригадир Вестфален и прострелена рука у артиллерии подполковника Воейкова, саблею капитан Косаговский». Последние не желавшие сдаваться турки были захвачены в монастырских стенах: «В монастыре Святого Иоанна, от Фокшан полторы версты, заперлись несколько десятков турков. Принц Кобург отрядил на них команду с пушками, по отчаянной обороне они сдались при аге 52 человека, и ещё много рассеянных оставалось». Несмотря на то что Суворов судил о военных талантах Кобурга несколько свысока, этот саксонский принц сразу показался русскому генералу надёжным соратником. Суворову льстило, что саксонский принц, не бравируя чинами, согласился следовать суворовскому плану и вообще смотрел на русского полководца с восхищением и удивлением. Это был их первый совместный бой. Через десятилетие, во время кампании 1799 г. Кобургский будет уже убеждённым поклонником суворовского гения, одним из тех европейцев, кто хорошо понимал загадочного чудака-полководца. В отличие от Карачая в военных действиях Кобургский тогда участия уже не примет. Но будет рядом с Суворовым душой и сердцем. И даже в конфликте Суворова с австрийским правительством и генералитетом Кобургский демонстративно примет сторону своего русского друга, спасшего честь Австрии и лично Кобурга при Фокшанах. Обаяние Суворова покорило принца.

Турки удирали по двум дорогам: на Браилов, форсируя Бузео, и на Рымник. Их преследовали казаки и австрийские кавалеристы, добивая отставших. Трофеями погони стали сотни повозок «с военною амуницией, множество палаток, разными припасами и вещьми, как и многое число скота. К сей добыче по монастырям и иным местам оставили они знатные провиантские магазейны».

Как всегда во всей красе показали себя «дежурные» Суворова — его адъютанты: «полковник Золотухин и майор Курис были неустрашимы и приказания мои относили с точностию во все опаснейшие места. Их особливым попечением толь нужная переправа на Путне для обеих союзных корпусов без малейшего медления устроена была». Дежурные были важным элементом военного механизма, позволявшим всем частям действовать слаженно и быстро. Их роль повышалась в таких сражениях, как Фокшанское — где с обеих сторон принимали участие крупные формирования. Скорость движения, скорость маневра — это язык

войны, на котором Суворов мог выражаться точнее противников благодаря таким помощникам, как Золотухин и Курис. Они будут при Суворове и в следующей — Рымникской — баталии.

Девять часов продолжалось сражение у Фокшан. Потери союзников были малы: у русских — 15 убитыми, 75 ранеными, у австрийцев — немногим более. Победа заставила австрийцев отказаться от планов сепаратного мира с турками. Австрия продолжила войну!

Всё развивалось быстро: уже 25-го под Бырлад возвратилась суворовская пехота и «лёгкие войски». На следующий день на позиции возвратились карабинерные эскадроны, а 29-го — обозы и «остальные мушкетёрские батальоны». Дивизия вернулась в Бырлад с минимальными потерями, не изнурённая переходами, и была готова к новым походам и сражениям.

Корпус Гассана-паши, изначально отвлекавший своим наступлением от провалившейся операции Мустафы, находился на левом берегу Прута. Суворов предлагал Репнину воспользоваться фокшанской победой и ударить по Гассану. «И отвечаю за успех, ежели меры будут наступательные. Оборонительные же? Визирь придёт! На что колоть тупым концом вместо острого? Правый бок чист: очистим левый и снимем плоды». Но Репнин, к раздражению Суворова, не решился на самостоятельные действия.

Герои фокшанской победы были щедро награждены и из Санкт-Петербурга, и из Вены. Суворову Екатерина пожаловала бриллиантовую звезду и крест ордена Св. Андрея Первозванного. Император Иосиф послал ему благодарственный рескрипт и роскошную табакерку с бриллиантовым шифром. Не забыл венский император и суворовского любимца полковника Золотухина, послал ему перстень. Принца Кобургского наградили большим крестом австрийского ордена Марии-Терезии, а Екатерина, по союзнической традиции, преподнесла ему табакерку.

При Фокшанах и Рымнике в корпусе Суворова сражался секунд-майор Рейнгольд Август (Родион) Каульбарс (1767–1846), представитель старинного дворянского рода, сын шведского генерал-лейтенанта, командора ордена Меча большого креста. Когда Эстляндия и Лифляндия вошли в состав Российской империи, ветвь рода Каульбарсов, владевшая там имениями, присягнула российскому трону. Родион Каульбарс служил с охотой, был вдумчивым офицером, изучавшим военное искусство. Поэтому чрезвычайно интересны записи из его дневника, который был обнаружен, переведён на русский язык и опубликован в начале XX в. А в особенности — запись о Фокшанском сражении:

«Наш боевой порядок в деле при Фокшанах был следующий. Первую линию составляли три каре. В середине — одно каре из двух егерских батальонов, второе — на правом фланге из 1-го и 6-го гренадерских батальонов, а третье — на левом фланге из 3-го и 4-го гренадерских батальонов. За ними в интервалах составили свои собственные каре оба пехотных полка — Ростовский на правой, Апшеронский на левой стороне. Карабинерные полки в свою очередь расположились на флангах пехоты. Рязанский на правом. Черниговский на левом, равняясь на задние фасы ближайших каре. Стародубовский полк занял интервал между двумя пехотными полками. Казаки и арнауты прикрывали фланги и тыл кавалерии — казачий Ивана Грекова полк на правом фланге за Рязанским, а казачий Григория Грекова полк на левом фланге за Черниговским полком. Арнауты прикрывали тыл Стародубовского карабинерного полка. Стычка вечером длилась от шести часов до часу ночи, возобновилась в пять часов утра и продолжалась до конца дела. У нас почти не было потерь, турки же потеряли более тысячи человек. Диспозицию для атаки неприятеля, присланную генералом Суворовым всем полкам за два дня до сражения, я списал и сохранил, так как она отличается своей странностью. Она вполне соответствует особенностям генерала Суворова, который, по словам людей, его хорошо знающих, очень похож по своему характеру и по своим отношениям к войскам на короля шведского Карла XII». После Рымника, учитывая заслуги секунд-майора Черниговского карабинерного полка в обоих сражениях, Суворов аттестует его для производства в премьер-майоры: «Между исправлением службы с ревностию, был в сражениях и у дела противу неприятеля 1789-го июля 20-го при Путне, 21-го на фокшанской баталии, оказывая мужественные подвиги, особливо при истреблении в укреплениях большого каменного монастыря Святого Самуила противящегося неприятеля. А сентября 11-го на генеральной баталии, при Рымнике, в разбитии турецких войск, верховным визирем предводимых, в завоевании трех лагерей и взятии всей артиллерии, он, Каульбарс, командуя эскадроном, поступал с отличностью, в чем за справедливость почитаю свидетельствовать». Он будет служить вплоть до 1793 г., когда по слабости здоровья уйдёт в отставку, чтобы, удалившись в эстонские имения, вспоминать о суворовских победах.

Показания пленных турок после Фокшан свидетельствовали о том впечатлении, что удалось произвести Суворову победным сражением: «До фокшанского разбития турки намерены были идти к Рябой могиле атаковать россиян, но известие о Фокшанах оное остановило и теперь сами (турки) опасаются, чтоб их не

атаковали и в великой трусости, а особливо простые турки находятся».

Однако Юсуф-паша в краткие сроки подготовил новое, усиленное наступление на лагерь Кобурга, выступив из Браилова со стотысячной армией. Османский полководец всё поставил на этот рейд. Новый турецкий лагерь был разбит у деревни Градешти. Кобург в отчаянии снова запросил немедленной помощи. Суворов и сам, от разведки, знал о новом турецком марше. И понимал, что столь внушительные турецкие силы необходимо рассеять и уничтожить.

В ночь на 8 сентября Суворов поспешил к австрийцам из Пуцени. В Пуцени Суворов перенёс лихорадку, и выздоравливать пришлось на трудном марше. Болен был в те дни и соратник Суворова, генерал Дерфельден. Из-за ливня и потопа переправа через Серет была задержана — Суворов, ненавидевший терять время, заметно нервничал. С помощью местных жителей, прикладывая нечеловеческие усилия, удалось навести мосты: первый понтонный мост был уничтожен поднявшимися водами. И всё-таки за шестьдесят часов по размытым дорогам корпус Суворова прошёл 85 вёрст. Ранним утром 10 сентября русская кавалерия, к ликованию австрийцев, соединились с лагерем Кобурга. Позже, с пехотой, прибыл и Суворов. Русский генерал быстро расположился в шатре, на охапке сена. Там, на сене, он тепло принял Кобургского, устроил импровизированный военный совет двух командующих. Суворов предлагал немедленную атаку, резонно замечая, что, если бы турки не ждали наступлений, они бы уже поторопились начать сражение. Австрийский принц не менее резонно опасался четырёхкратного численного превосходства турок… Суворов возражал афористично: «Турок не настолько много, чтобы заслонить нам солнце!» Такие высказывания произносятся неспроста: они становятся крылатыми и ободряют войска. В своих опасливых возражениях Кобург оказался упорен, и Суворов, поначалу встретивший его весьма радушно, раздражённо заметил, что готов атаковать турецкие позиции одними русскими войсками. Такой ультиматум подействовал: Кобург вручил свою судьбу в руки странного русского генерала. Общее командование над частями союзников принял Суворов.

Между тем 10 сентября князь Таврический в донесении императрице вздыхал: «Кобурх почти караул кричит, Суворов к нему пошел, но есть ли правда, что так неприятель близко, то не успеют наши придтить…» Право, быстрота Суворова ошеломляла не только противников!

«Топал-паша» (к тому времени турки уже уважительно называли Суворова *хромым генералом* — но это была не боевая рана, сказывают, что полководец просто наступил на иголку) без промедления, в сопровождении нескольких казаков, поскакал на рекогносцировку к реке Рымне. На 12 вёрст протянулось поле между реками Рымной и Рымником. Турецкие силы были рассредоточены в четырёх лагерях: Суворов решил воспользоваться этим.

Диспозиция к сражению при Рымнике 11 сентября 1789 г. была составлена в суворовском отрывистом, динамичном стиле. Снова приведу только финал: «На походе, встретясь с бусурманами, их бить! Построясь ордером баталии, вмиг перешед Рымну, идти храбро, атаковать при Тыргукукулуй, или всех встречающихся варваров лагери.

Один за другим.

До конца… Боже пособи!

Прежние сигналы.

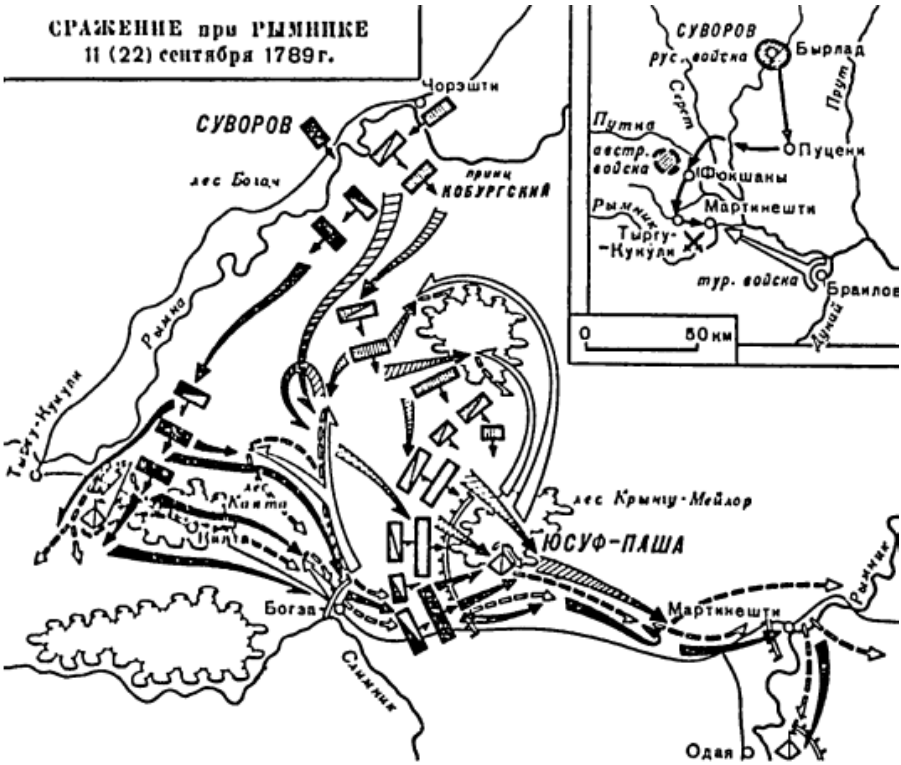
«Иосиф». «Екатерина».

Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная, дальняя погоня. За каждым артиллерийским ящиком иметь всегда по фашине, всюду заготовлять вагенбург в полном порядке, с приличным прикрытием, при Фокшанах.

Понтоны на Рымну и Бузео».

Войска начали наступление двумя колоннами с закатом солнца. Шли во мраке: в правой колонне — русские войска с двумя эскадронами австрийской кавалерии, в левой — войска Кобурга. Войска вброд перешли мелкую Рымну — и разделились. Русская колонна пошла вдоль берега Рымны, а колонна Кобурга — прямо. В углу, образовавшемся между колоннами, по замыслу Суворова, располагалось подразделение генерал-майора Карачая. Колонна Суворова по бурьянам двигалась к селу Тыргококукули, навстречу 12-тысячному турецкому отряду двухбунчужного паши Хаджи-Сойтари, который там располагался. Турецкие батареи открыли огонь по приближающемуся противнику. Путь русской армии затруднила лощина, из которой пролегала одна дорога, открытая турецкой артиллерии. Суворов, почувствовав замешательство первой линии своих войск, провёл дерзкую атаку: конница наступала, обойдя овраг, пехота — с фронта. Навстречу русской кавалерии турки бросили спагов с янычарами: на конях они восседали по двое. Им удалось остановить атаку русско-австрийской конницы и завязать бой с гренадерами. После первых столкновений опрометью бежали те турки (в корпусе Хаджи-Сойтари их было порядка пяти тысяч), которых привлекли

к новому походу из числа разбитого под Фокшанами корпуса Осман-паши. Они панически боялись русских, и оказались в тот день наименее боеспособными. Когда первая линия суворовцев миновала овраг, турки ударили по правому флангу, где шли гренадеры подполковника Хастатова. Два батальона Хастатова попали в тиски наступавших янычар. На выручку гренадерам выступили егеря подполковника Льва Рарога из центра каре. Они вели по наступавшему противнику прицельный ружейный огонь, подключили и артиллерию.



В кульминационный момент сражения за Тыргококукули Суворов отрядил в бой Рязанский и Стародубовский карабинерные полки и дивизион цесарских гусар Матяшовского. Командовал этим корпусом благословлённый Суворовым бригадир С.Д. Бурнашов. В схватке сказалась суворовская выучка русских войск: солдаты и офицеры значительно превосходили своих османских оппонентов даже физической силой. Суворов отмечал удаль вахмистра Рязанского полка Канатова, который со взводом кавалеристов окружил целый байрак турок (подразделение из сорока сабель), который «весь изрубил, сам взял первое знамя».

После получасового сражения янычары отступили — и турецкий лагерь был занят Суворовым. Первыми в лагерь

ворвались казачьи полки Ивана и Григория Грековых и арнауты Ивана Соболевского.

Тем временем Кобургу приходилось упорно выдерживать турецкие атаки, медленно продвигаясь в сторону леса Крынгу-Мейлор.

Турецкая конница попала под губительный перекрёстный огонь, превративший их наступление в паническое беспорядочное бегство. Суворов обогнал, опередил турецких военачальников во всём. Конные атаки турок на ряды русских каре не удались: под пальбой лошади отказывались скакать на стойкие ощетинившиеся ряды.

Заняв лагерь, Суворов не спешил с преследованием убегавшего врага. Он проявил выдержку, следуя изначальной дирекции: нужно было готовиться к удару по основному турецкому лагерю. Суворов снова построил свои войска в боевой порядок.

Австрийцы, ведомые принцем Кобургским, переправились через Рымну ниже русской колонны Суворова. Они вели наступление десятью пехотными каре в две линии с кавалерией в третьей линии. Войска союзников давили турок прямым углом, который сжимался с юго-востока. Однако диспозиция Суворова была нарушена на важном участке этого угла: между левым флангом русских сил и правым — австрийских образовалась довольно значительная брешь. Оказалось, что это непредвиденное обстоятельство только осложнило положение Юсуф-паши. Фронт наступавших был разорван — и туркам приходилось думать об обороне на два разных фронта, с юга и востока. И турецкий полководец принял решение крепко ударить по позициям австрийцев. Из лагеря у местечка Крынгу-Мейлор навстречу войскам Кобурга выступило двадцатитысячное войско. Они попытались обойти Кобурга с флангов. Австрийский принц приказал Карачаю прикрыть правый фланг, предупреждая маневр турок. Удалось Кобургу и грамотно перестроить войска для обороны. Принц выдвинул из второй линии пехотное каре, укрепил его двумя свежими дивизионами гусар, — на поддержку двух каре барона Карачая. Приняв ближний бой, австрийский полководец начал контратаку, отбросив турок. Кавалерия дралась отчаянно, каждым движением показывая своё превосходство над яростным и многочисленным противником. Суворов оценит стойкость австрийских рядов, проявленную в эти минуты: «Очевидна нам была и непрестанная врубка их кавалерии в неприятеля».

Русские войска Юсуф-паша намеревался атаковать у Маргинешти. Возглавил наступление разбитый Суворовым при

Фокшанах Осман-паша, горевший желанием отомстить русским и укрепить свои позиции в глазах султана и визиря. Вместе с османом бросились на корпус Суворова лучшие воины визиря.

На Рымнике суворовское умение опередить противника и мыслью, и действием проявилось в полной мере. Маневр турок — обойти русскую колонну с фланга, прорваться и ударить с тыла — Суворов разгадал.

Обстоятельства сражения против наступавших войск Осман-паши Суворов описывал в реляциях с видимым удовольствием: «…От Маргинешти из главного турецкого лагеря при речке Рымнике от 5 до 6 тысяч человек быстро поскакали на Смоленское каре при полковнике Владычине. Я послал полковника Шрейдера, чтоб Ростовской каре полковник Шерстнев, той же 2-й линии, принял вправо, сближаясь косою чертою для крестных огней. При сильном наступлении неприятель от пальбы и штыков знатно погибал».

Русские позиции атаковали отборные турецкие войска, которые лично возглавлял Осман, — их послал великий визирь из Мартинешти. Суворов был высокого мнения о храбрости янычар и арабских воинов, которых в группировке великого визиря было несколько тысяч. Атаке подверглись два батальона Смоленского мушкетёрского полка полковника И.К. Владычина. Они стояли на левом фланге второй линии русских войск. Суворов поддержал смолян двумя батальонами Ростовского мушкетёрского полка полковника И.К. Шерстнева, составлявшими соседнее каре второй линии. Они открыли перекрёстный огонь по туркам, не забывая и о штыковом давлении. Из кавалерии в сражении принимали участие эскадроны Черниговского карабинерного полка полковника Ю.И. Поливанова и австрийские гусары подполковника Гревена. В составе черниговцев сражался майор Курис — один из адъютантов Суворова, который, к удовлетворению генерал-аншефа, бился храбро, увлекал за собой солдат. Турецкие всадники спешивались для боя и сопротивлялись вполне упорно.

И всё-таки Осман не выдержал ответного удара — через час кровопролитного боя он приказал своим конникам отступать к походному лагерю, а затем, под ударами черниговских карабинеров, — к лесу. Сам Осман был смертельно ранен: дорого стоило ему соперничество с Суворовым у Рымника… Суворов через полмесяца составит беглую записку — эдакий узелок на память, черновик будущего подробного доклада об уже прославленной победе: «Проезжающий из Букарешти архимандрит чрез Берлад сказывал. Сверх Солиман Янычар-аги,

11 сентября, убит из пушки осман, лутчей их паша, что при начале сжал Смоленский каре и прежде дал сильной конной бой при Путне. Халат его у Соболевского». Не раз противники Суворова, командующие вражескими армиями, погибали в сражениях, и это производило сильное впечатление. Вот и гибель Османа турки запомнили надолго.

К полудню турки отступили к лесу и строили новые укрепления, готовясь к продолжению боя. В окопах были готовы к сражению 15 тысяч отборных пеших янычар, а основные силы кавалерии отступили к главному лагерю великого визиря.

Суворов принялся приводить войска в прежний порядок. Уставшим было дано полчаса на отдых. Следуя своей системе тотального уничтожения противника и стремясь очистить новые тылы своей армии, Суворов послал в Каятский лес два егерских батальона подполковника Л.Рагога, усиленные полевой артиллерией, — следовало уничтожить или разоружить турок, отступивших сюда после разгрома у Тыргжокукули. Тыл отодвинулся, а фронт отныне был обращён к лесу Крынгу-Мейлор. Наступление Суворов повёл единым фронтом, закрыв брешь между русской и австрийской колонной отрядом Карачая.

Юсуф-паша снова решил бросить основные силы на австрийцев, которые резонно считались слабым звеном союзной армии. Турки первыми возобновили сражение, обрушив на австрийцев более 35 тысяч войска. Предполагалось смять левый фланг австрийского корпуса — и смять его ударом с тыла. Атака на русские части была куда слабее и предназначалась для отвлечения русских сил от главного удара турок. Суворов спас корпус Кобурга, предприняв смелый, неожиданный удар. «Я поднялся с войском и, отбивая канонадой, держал марш параллельной вдоль черты принца Кобурга». Могучим ударом суворовцы смели турок, войска Юсуфа отступили с фланга, открыв перед русскими батареи у деревни Бокзы. Суворов попытался захватить турецкую артиллерию, но противнику удалось спешно отступить. Фронт глубже двинулся в лес, однако атаки на австрийскую колонну продолжались. Теперь основным объектом нападений превосходящих турецких сил стал отряд Карачая. Суворов послал на помощь венгерскому герою русских гренадер и мушкетёров Смоленского полка. Кобург тоже укрепил центр Карачая пехотным каре и одним гусарским дивизионом. Семь раз турки атаковали Карачая, семь раз захлёбывались контратаки венгерского барона. Наконец, турки показали слабину — и Суворов получил возможность организовать наступление на ретраншемент единым фронтом. От места боя до ретраншемента

— около трёх вёрст. Суворов принял новаторское решение штурмовать окопное укрепление кавалерийскими атаками. В первой линии к лесу шли шесть пехотных каре, во второй — кавалерия. Она должна была на подходе к окопам выйти вперёд и поскакать на штурм ретраншемента. Но сначала во весь голос заговорила артиллерия. Картечь накрыла линию окопов, которая перерезала внушительную лесную просеку. Турки не смогли дать достойный ответ из орудий. Часть турецкой кавалерии отступила глубже в лес, испугавшись артиллерийского напора. Наконец, кареи вплотную подошли к окопам — и пропустили вперёд кавалерию. Видавшие виды янычары пришли в ужас от одного вида всадников, несущихся на ретраншемент. Такого они не ожидали: вот уж действительно, удивить — значит, победить. Выдающуюся роль в атаке сыграл Стародубовский полк, который Суворов до сих пор берёг, дожидаясь кульминации сражения. «Не можно довольно описать сего приятного зрелища, как наша кавалерия перескочила их возвышенную ретраншемент и первый полк Стародубовский, при его храбром полковнике Миклашевском, врубясь одержал начальные четыре орудия и нещётно неверных даже в самом лесу рубили всюду. Мало пленных, пощады не давали, и хотя их несколько сот, но большая часть смертельно раненых», — писал триумфатор Рымника. В реляции Потёмкину Суворовым были отмечены, кроме прочих, «полковники от кавалерии Юрий Поливанов, Михайла Миклашевский и Григорий Шрейдер, из коих Миклашевский особливо оказал мужество, атакуя противников, а не меньше того и Поливанов».

Отборная турецкая пехота панически отступала — бедолаг догоняли русская кавалерия и австрийцы резвого Карачая. Наконец, твёрдым шагом через ретраншемент в лес вошли пехотные каре. Турки бежали по просёлочной дороге к Мартинешти, нарушая дисциплину, не слушая приказов пашей. Там, на берегу Рымника, располагался третий турецкий укреплённый лагерь с переправой и свежими силами. Там, в лагере, Юсуф-паша картечью пытался остановить бегущих турок. В тот день 11 сентября преследование велось до берегов Рымника. Из лагеря у Мартинешти турки переправлялись на другой берег реки, многие погибали в водах Рымника. На том берегу Юсуф-паша попытался собрать войска в четвёртом лагере — у селения Одай. Оттуда он продолжит отступление к своей ставке в Браилове. Суворов возобновит преследование противника на другом берегу Рымника с утра 12 сентября силами казаков и австрийских гусар. Но турки, бросив лагерь, уже отступили к реке Бузео. Отступая далее, у Браилова Юсуф-паше удалось собрать

только 15 000 израненного войска, побеждённого и физически, и морально… Важнейшее военное предприятие Османской империи сорвалось, а у Потёмкина, благодаря победам Суворова, на ближайшее время были развязаны руки для смелых военно-политических акций.

После виктории Суворов на глазах Кобургского обнял и расцеловал Карачая. Присутствовавшие при этом офицеры надолго запомнили эту картину: тщедушный старый генерал обнимает рослого, дородного венгра. Запомнили они и слова Суворова, которые были для Карачая дороже любого ордена: «Вот истинный герой! Больше всех он сделал для победы!» Карачай в тот день показал чудеса храбрости, потому что верил в полководческий гений Суворова. Суворов зажёг сердце венгерского героя. В часы молитвы на поле боя, когда отпевали павших, Карачай не отходил от Суворова, восторженно поглядывая на полководца. Рядом они сидели и за пиршественным столом. Братья по оружию!

На следующий день после победы на Рымникском поле отслужили молебен. Помянули павших, молились о здравии раненых, благодарили Всевышнего за победу. Суворову салютовали столицы союзников — Петербург и Вена. Кроме кавалеристов, в бою отличилась и артиллерия, явно переигравшая противника точностью залпов и быстротой работы. Майор-артиллерист Яков Гельрих, как напишет Суворов, «действовал столь отлично, что при каждом разе неприятелю делал сильный вред, таким же образом и артиллерии капитан Неронов». По традиции выделил Суворов и храбрецов-казаков, к которым многие участники войн второй половины XVIII в. относились пренебрежительно. И австрийские офицеры, и военные историки, и европейские публицисты того времени считали казачьи части слабым местом русской армии. Иван и Григорий Грековы, казачьи атаманы, вызвали восторг Суворова тем, что сами мчались в пекло, увлекая за собой воинственных казаков, первыми ворвавшихся в турецкий лагерь: «везде поражая противников с великою отличностию, оказывали собой пример подчинённым».

Многим известна величественная легенда о споре, возникшем между русскими и австрийцами при дележе трофейных пушек.

— Отдайте всё австрийцам, — махнул рукой Суворов. — Мы себе у неприятеля новые добудем, а им где взять?

Первый рапорт о Рымникской победе Суворов был вынужден направить Н.В. Репнину — с тайной надеждой, что новая виктория, наконец, положит конец главенству князя в их

соперничестве: «По жестоком сражении чрез целый день союзными войсками побит визирь! 8000 на месте: несколько сот пленных, взят обоз, множество военной амуниции, счётных 48 пушек и мортир. Наш урон мал. Варвары были вчетверо сильнее». Реляция Потёмкину будет куда подробнее. Суворов, честь по чести, расскажет и о подготовке к битве, и о героях сражения: «В продолжении дела оказывали храбрые и мужественные подвиги генерал-майор и кавалер Поздняков, не совершенно от болезни выздоровевший, исполнял всякие распоряжения не щадя своих сил… Особо находившиеся при мне с начала и до окончания дела приказания мои относили в опаснейшие места, и нужны были в направлениях разных препоручённостей дежурные полковник Золотухин и майор Курис. Сей, во время последней атаки Черниговского полку, был в рядах и поступал храбро… Таким же образом были полезны мне Фанагорийского гранодёрского капитан Мартин Лалаев, штаба моего обер-аудитор Андрей Сомов, Рязанского карабинерного корнет Василий Марков, поручики Смоленского Михайла Семёнов и Иван Дорохов…» О Золотухине и Курисе — ближайших соратниках Суворова — хочется сказать особо: подлинные герои, соль суворовской армии. В специальном кратком рапорте Суворов доложит Потёмкину о первых результатах победы, о преследовании врага («В закрытых местах тако же сыскиваются турки и погибают») и о трофеях, перечисление которых не было бахвальством, оно имело политическое значение.

Г.А. Потёмкин писал Екатерине: «Сей час получил, что Кобург пожалован фельдмаршалом, а всё дело было Александра Васильевича. Слава Ваша, честь оружия и справедливость требуют знаменитого для него воздаяния… Не дайте, матушка, ему уныть, ободрите его и тем сделаете уразу генералам, кои служат вяло. Суворов один… Он у меня в запасе при случае пустить туда, где и султан дрогнет». Фельдмаршальский жезл, на который, судя по всему, намекал в этом письме Потёмкин, и после Рымника остался для Суворова недостижимой мечтой. Но на этот раз честолюбие полководца было удовлетворено. Две империи — Священная Римская и Российская — возвели Суворова в графское достоинство. От Екатерины Великой он получил титул графа Рымникского, а также, по прямому представлению Потёмкина, орден Св. Георгия первой степени. «Графиней двух империй» отныне называл он в письмах свою Суворочку. Любовь к почестям объяснялась и извечной заботой Суворова о делах военных, о своём ремесле. Он говорил: «Титулы не для меня, но для публики потребны». Получая ордена и чины, Суворов получал и больше возможностей для реализации полководческих идей.

Будущий граф писал Потёмкину о сражении: «Союзные лёгкие войска были поутру отправлены на ту сторону Рымника, где верстах в 4-х нашли визирской лагерь со множеством палаток, разные вещи и припасы. Турков, тут оставшихся в небольшой числе, истребили. После переезжали вёрст 10, но никого не видели. В закрытых местах тако же сыскиваются турки и погибают. По настоящему исчислению пушек турецких вообще с союзными 80, знамён с ныне отысканными более пятидесяти. *Генерал Александр Суворов* ».

Это одна из последних реляций нетитулованного дворянина Александра Суворова. Вскоре после Рымникского сражения он будет подписываться уже графским титулом. Титул он взял с боем — и дорожил им безо всякой иронии. Граф Рымникский! За Рымникскую победу его наградили по достоинству. Суворов стал графом двух империй: Российской и Священной Римской германской нации. Принял полководец и бриллиантовые знаки ордена Андрея Первозванного, и шпагу, осыпанную алмазами, с надписью: «Победителю визиря»… Главной наградой был орден Св. Георгия первой степени. Это не кто иной, как князь Таврический настоял на таком признании заслуг Суворова. Императрица в те дни писала Потёмкину: «Хотя целая телега с бриллиантами уже накладена, однако кавалерьи Егорья большого креста посылаю по твоей просьбе, он того достоин». Суворов отреагировал на награды очень эмоционально. Биографы любят цитировать простодушно восторженное письмо новоявленного графа дочери — отныне «графинюшке двух империй»: «Слышала, сестрица, душа моя, ещё от великодушной матушки рескрипт на полулисте, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, первой класс св. Георгия. Вот каков твой папенька за доброе сердце! Чуть, право, от радости не умер!» Кому-то эти излияния покажутся донельзя сентиментальными. Но попытаемся освоиться в контексте.

У Суворова было много — не сосчитать! — серьёзных обид на судьбу, на придворную недооценку его боевых заслуг. И немало новых обид ждало его за очередными поворотами судьбы. Но он умел, как ребёнок, радоваться монаршим милостям, умел воспринимать награды и похвалы как карт-бланш на новые, ещё более весомые подвиги.

Через полтора века маршал Советского Союза Соколовский скажет о Рымникской победе: «В этом сражении наиболее полно проявились черты мастерства Суворова: всесторонняя оценка обстановки, решительность, быстрота действий, внезапность и неограниченное влияние полководца на войска».

Если бы союзные армии Потёмкина и Лаудона развили суворовские победы задунайским наступлением — войну можно было бы со славой завершить в том же году. Но главнокомандующие были далеки от суворовской стремительности. И всё-таки суворовские победы не пропали даром, изменив соотношение сил в войне. Теперь инициатива была в руках союзников. Можно вспомнить почти бескровное взятие русскими войсками Кишинёва, Аккермана и Аджибея, а австрийскими — Белграда и Бухареста. Эти успехи были прямым следствием Фокшан и Рымника.

Впрочем, идиллический роман двух империй оказался недолгим. В начале 1790 г. помер император Иосиф Второй; Суворов всегда почитал этого монарха. Преемник Иосифа на венском престоле — император Леопольд — не был сторонником энергичных боевых действий против Турции. Он затеял секретные переговоры с Пруссией, которая вместе с Британской империей находилась в тайном антироссийском союзе. Суворов зимовал в Бырладе, в бездействии, вникая в хитросплетения международной политики и упражняясь в дипломатии. Так, он на турецком языке завёл переписку с пашой, командиром Браиловского гарнизона. Под воздействием словесных маневров Суворова паша был готов сдать крепость после лёгкого формального сопротивления, согласился пойти на эдакий «договорный матч». Позже корпус Суворова был переведён на левый берег Серета, в Герлешти. В середине года Австрия вышла из войны. Прочувствованное прощальное письмо написал Суворову боевой товарищ — принц Кобургский: «Ничто не опечаливает меня столько при моём отъезде, как мысль, что я должен удалиться от вас, достойный и драгоценный друг мой! Я познал всю возвышенность души вашей… Судите сами, несравненный учитель мой, сколько сердцу моему стоит разлучиться с мужем, имеющим толикие права на особенное моё уважение и привязанность… Вы останетесь навсегда дражайшим другом, которого ниспослало мне небо, и никто не будет иметь более Вас прав на то высокое почитание, с коим я есмь…»

Так и останется их дружба в истории образцом воинского дружества.

Россия во многом была для Европы всё ещё «терра инкогнита». Совместные с австрийцами маневры и бои привлекли внимание европейских комментаторов к русской экзотике. Австрийский офицер, участник сражения при Рымнике, вспоминал о тех боях: «Как ни хороши наши люди, но русские ещё превосходят их в некоторых отношениях. Почти невероятно то, что о них рассказывают. Нет меры их повиновению, верности,

решимости и храбрости. К этому ещё присоединяется крайне воздержанный образ жизни этих людей. Непостижимо, какою пищею и в каком малом количестве питается русский солдат и как легко переносит, если не получает оной целый день. Это не мешает ему идти 12 и 14 часов кряду и, кроме того, переносить всякую невзгоду без ропота.

Пехота главным образом составляет силу русской армии. Особенность её составляет то, что она всегда чисто и щегольски одета и даже, можно сказать, убрана. Когда она идёт против неприятеля, то одета щеголеватее, чем наши войска на плац-параде. У каждого солдата галстух и манжеты чисто вымыты, и каждый из них смотрит щёголем. Но при атаке снова вполне делается скифом. Они стоят, как стена, и всё должно пасть пред ними. Атака малого лагеря (у Тыргококукули), которую генерал Суворов выпросил произвести со своими войсками, была произведена с ужасным, диким хохотом, каким смеются Клопштоковы черти. Слышать, как такой хохот подняли 7000 человек, было делом до того новым и неожиданным, что наши войска смутились, однако вскоре снова пришли в себя и с криками «Виват, Кобург!» и затем «Виват, Иосиф!» двинулись против турок.

Если наша пехота должна уступить преимущество русской, то русские, напротив, отдают предпочтение нашим гусарам перед своими казаками. Хотя казаки и крайне храбры, но атакуют не в сомкнутом порядке, как наши гусары, которые этим легче опрокидывают неприятеля. Поэтому Суворов всегда требовал от нас гусаров к своей пехоте»[1].

Это весьма лестное (хотя и не без эффектных мемуарных преувеличений) определение качеств русского солдата хорошо передаёт ощущение от сражений в районе Рымника. Пассаж об австрийских гусарах, которых ценил Суворов, несомненно, связан с подвигами Карачая, который при Фокшанах и Рымнике был неотразимым клинком в руках русского полководца. Русская же кавалерия, как известно, отнюдь не исчерпывалась казачеством. И были среди русских гусар — командиров легкоконных полков — герои, не уступавшие несгибаемому мадьяру, подданному Священной Римской империи. Картины разных сражений показывают нам и необыкновенную эффективность казачьих соединений. Оставим скепсис на совести австрийского офицера, столь благорасположенного к Суворову и к русской армии.

Кампания 1790-го вошла в историю Русско-турецких войн не только выходом из войны Священной Римской империи и даже не только беспримерным штурмом Измаила в конце года (об этой великой баталии речь впереди). Это был один из самых славных

годов в истории российского флота. Адмирал Чичагов на Балтийском море бил шведов — на Ревельском рейде и близ Выборга. Не удалось захватить в плен короля Швеции, но более пяти тысяч пленных Чичагов захватил, это было по-суворовски. Адмирал Ушаков на Чёрном море наносил неотразимые удары по турецким эскадрам, не считаясь с превосходящими силами противника. Победы флота стали подходящим фоном для наступательных действий армии, о которых мечтал Суворов.

Неприступный Измаил — слава и обида полководца

Я на все решусь, чтобы только еще иметь счастье видеть славу России, и последнюю каплю крови пожертвую ее благосостоянию…

А. В. Суворов

В середине 1790-го, когда Австрия вышла из войны, а со Швецией Россия, наконец, подписала мирный договор, главной твердыней султана Селима III на Дунае оставалась крепость Измаил. Осаду крепости русская армия вела с октября. Корабли речной флотилии генерал-майора Иосифа де Рибаса подошли к стенам Измаила. Начались бои с турками, которые пытались предупредить план Рибаса высадить десант и овладеть островом Чатал. К 20 ноября де Рибасу удалось устроить на острове артиллерийские батареи. Начался обстрел крепости и с острова Чатал, и с судов флотилии. Завязался бой, в ходе которого русский десант овладел башней Табией, после чего был вынужден отступить. Ответная атака турецкого десанта на Чатал была отбита. Турецкий флот близ Измаила удалось уничтожить; русские суда перекрыли Дунай. После 20 ноября под Измаилом наступило затишье. Осаду организовали не предусмотрительно: тяжёлой артиллерии не было, а полевой не хватало боеприпасов. В русских частях под Измаилом царила суматоха. К тому же старший по званию из русских генералов, съехавшихся к турецкой твердыне, генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович не пользовался достаточным авторитетом, чтобы добиться единоначалия. Генерал-поручик Павел Потёмкин и генерал-майоры Кутузов и де Рибас, в свою очередь, действовали несогласованно, ревниво поглядывая друг за другом…

Приближалась зима — и военный совет постановил снять осаду крепости, отправив войска на зимние квартиры. Подходы к Измаилу заполнила мёрзлая грязь, бездорожье затрудняло перемещение войск. Однако главнокомандующий — князь Таврический был настроен куда более решительно, чем его двоюродный брат генерал Павел Сергеевич Потёмкин или Гудович. Он понимал, что необходимо спасать положение, что пришла пора уничтожить турецкую твердыню на Дунае.

Еще не ведая о «волокитном» постановлении военного совета, Потемкин решил резко изменить ситуацию и назначил

командующим осадной артиллерией генерал-аншефа Суворова. Потёмкин в Суворова верил. Если речь шла о немедленном штурме — лучше кандидатуры, чем граф Рымникский, он не искал.

Императрица всё настойчивее требовала скорого и победного окончания войны — и Суворов был наделен весьма широкими полномочиями. 29 ноября Потемкин писал Суворову: «… предоставляю вашему сиятельству поступить тут по лучшему вашему усмотрению продолжением ли предприятий на Измаил или оставлением онаго». Лично Суворову Потёмкин написал: «Измаил остаётся гнездом неприятеля. И хотя сообщение прервано чрез флотилию, но всё же он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг!» Последний призыв Суворов предпочёл воспринять буквально — и два раза ему повторять не приходилось. Не сумевшего сплотить войска генерал-аншефа Гудовича Потёмкин отозвал из-под Измаила, направил его подальше от дунайских крепостей — на Кубань, где упорный генерал-аншеф успешным штурмом овладеет Анапой. Но разве можно сравнить гарнизон Измаила с жалким турецким отрядом, защищавшим Анапу?

Потёмкин ясно понимал, что после нескольких удачных кампаний для полной победы над турками следовало обрушить их цитадель, грозившую России османским могуществом — крепость Измаил, известную своим многотысячным гарнизоном и отважным вождем — полководцем Айдос-Мехмет-пашой. Этот опытный военачальник считался одним из лучших османских сераскиров (сераскир, сераскер — в турецкой армии командующий группой войск. — *А.З* .).

Крепость казалась неприступной: по существовавшим в те годы представлениям о войне для подобного штурма требовались невиданные ресурсы, которых не могло быть у России… Но Суворов переворачивал современные ему представления. По страницам поэмы Байрона «Дон Жуан» мы можем судить об изумлении, охватившем Европу после штурма Измаила. Этот штурм казался апофеозом современной войны, а Суворов — настоящим Марсом. Да, Байрон был противником екатерининского империализма и к Суворову относился неоднозначно, но и он не мог отрицать, что в лице графа Рымникского мир видит военного гения:

Суворов в этот день превосходил
Тимура и, пожалуй, Чингисхана:
Он созерцал горящий Измаил

И слушал вопли вражеского стана;
Царице он депешу сочинил
Рукой окровавленной, как ни странно —
Стихами: «Слава Богу, слава Вам! —
писал он. — Крепость взята, и я там!»

Конечно, такое понимание суворовского полководческого дарования обеднено предубеждением Байрона, ненавидевшего империализм екатерининской России, но показательно, что английский поэт одним из центральных эпизодов своей главной, итоговой поэмы делает взятие Измаила. Мы же помним *другого* Суворова — того, что прискакал к Измаилу на любимом донском жеребце и после великой победы отказался от лучших трофейных коней и покинул позиции верхом на том же дончанине. Мы помним Суворова, который после победы, побледнев, признавался: «На такой штурм можно пойти только раз в жизни». Гарнизон Измаила насчитывал более 35 тысяч человек, из них 17 тысяч — отборные янычары. В Измаиле хватало запасов продовольствия и вооружения — турки не страшились штурма — и при этом не страдали недооценкой противника, ведь Суворов их бил не раз.

Суворов осаждал крепость с тридцатитысячным воинством и намеревался решить дело приступом. Учитывая мощные укрепления турецкой твердыни и 250 орудий противника, «арифметически» штурм был обречен на провал. Но Суворов, прибыв под Измаил, не теряя времени, приступил к тренировке солдат в условиях, близких к боевым. Офицерам пришлось позабыть порядки Гудовича… Генерал-аншеф скрупулезно изучил донесения разведки по измаильским укреплениям и вскоре уже получил возможность послать туркам ультиматум с характерной припиской — лично от Суворова: «Сераскиру, Старшинам и всему Обществу. Я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышления для сдачи и — воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на рассмотрение». История запомнила и горделивый, но, как оказалось, излишне самонадеянный ответ Айдос-Мехмет-паши: «Скорее остановится течение Дуная и небо упадет на землю, чем русские возьмут Измаил». Между тем русские войска под руководством Суворова уже проводили тщательную подготовку штурма. С появлением Суворова под стенами крепости время как будто ускорило бег — так быстро менялась обстановка. После быстрых и эффективных учений армия поверила в свои силы.

Итак, уже 2 декабря Суворов прибыл к Измаилу — по

обыкновению, прибыл раньше полков, раньше Золотухина, вместе с небольшим казачьим отрядом, от которого Суворов оторвался в сопровождении единственного казака, выполнявшего функции ординарца. Быстрота и натиск — к этим словам нечего добавить! В войсках прибытие Суворова связывали со скорым решительным приступом. И, несмотря на риск кровопролития, солдаты говорили о штурме с воодушевлением: уважали батюшку Суворова.

«К Измаилу я сего числа прибыл. Ордер Вашей Светлости от 29-го за № 1757 о мероположении, что до Измаила, я имел честь получить и о последующем Вашей Светлости представлю» — это рапорт Потёмкину от второго декабря. На следующий день — новый рапорт. И мы видим, что стремительный генерал уже вошёл в курс дела весьма основательно: «Между тем Браилов должен пребывать на правилах, как его я оставил: в заботе, усыплении и недоумении…» (Суворов беспокоится за свой прежний рубеж, но главные его заботы уже об Измаиле). «По силе повелениев Вашей Светлости первоначально войски сближились под Измаил на прежние места; так безвременно отступить без особого повеления Вашей Светлости почитается постыдно.

У господина Генерал-Порутчика Потемкина я застал план, который поверял: крепость без слабых мест. Сего числа приступлено к заготовлению осадных материалов, коих не было, для батарей, и будем старатца их совершить к следующему штурму дней чрез пять, в предосторожность возрастающей стужи и мерзлой земли. Шанцовой инструмент по мере умножен. Письмо Вашей Светлости к *Сераскиру* отправлю я за сутки до действия. Полевая артиллерия имеет снарядов только один комплект. Обещать нельзя, Божий гнев и милость зависят от его провидения. Генералитет и войски к службе ревностию пылают. Фанагорийский полк будет сюда».

Любимые фанагорийцы под командованием испытанного при Фокшанах и Рымнике чудо-богатыря Золотухина Суворова не подведут.

Вслед за генералом из Браилова прибыл именно фанагорийский полк (Суворов лично выехал в степь их встречать) и вдобавок полторы сотни проверенных мушкетеров-охотников Апшеронского полка. Прибывали казаки и арнауты. К концу первой недели зимы под Измаилом сосредоточился вполне боеспособный корпус: до 31 тысячи войск и 40 орудий полевой артиллерии. При этом порядка семидесяти орудий насчитывалось в отряде хитроумного, как Одиссей, генерал-майора де Рибаса — он закрепился на острове Чатал напротив Измаила. Флотилия де Рибаса отменно проявила себя в недавних ноябрьских боях. К

этому необходимо добавить солидное подспорье в 500 судовых орудий: под Измаилом Суворов придавал большое значение флоту. С привычных, обжитых позиций артиллерия де Рибаса обстреливала Измаил уже не первую неделю — они поддержат армию огнём и при штурме. По распоряжению Суворова 6 декабря в хозяйстве де Рибаса заложили еще одну батарею из 10 орудий. Восемь батарей — это уже заметная сила, один из ключей к победе. Теперь по десять 12-фунтовых орудий было направлено соответственно на Бросские и Килийские ворота крепости. На этих участках, по планам Суворова, предстояла жаркая дуэль артиллерии.

С первых часов пребывания Суворова под Измаилом он постоянно совещается с инженерами, с войсковыми квартирмейстерами, вместе с ними анализировал особенности турецких укреплений и возводил учебные укрепления для армии.

Определимся с русскими силами, которые готовились к штурму под Измаилом: 33 батареи пехоты, 8 тысяч спешенных казаков, ещё 4 тысячи — казаков-черноморцев, 2 тысячи молдаван да 11 кавалерийских эскадронов и 4 донских казачьих полка. Всех войск под рукой Суворова было не более 31 тысячи человек. Главным образом — прославленная русская пехота. Кавалеристов и казаков набиралось лишь две с половиной тысячи.

Крепость располагалась на прибрежных высотах Дуная. Шесть с половиной километров надёжных укреплений! Глубокий ров, на основных участках заполненный водой, за ним — крутой земляной вал в 6–8 метров высотой и семь бастионов.

Цитадель с внушительным каменным Бендерским бастионом возвышалась на севере. На берегу Дуная крепость защищали артиллерийские батареи, делавшие невозможной атаку русской флотилии. С запада и востока крепость защищали озёра — Кучурлуй, Алапух, Катабух. Подступы к крепостным воротам (их названия остались в истории — Бросские, Хотинские, Килийские, Бендерские) простреливались артиллерийскими батареями. Фортификатор де Лафит-Клове знал своё дело. Крепость не зря считалась неприступной и благодаря ландшафтным условиям, и из-за продуманной фортификации, и из-за мощного гарнизона. Как-никак 35 тысяч войск, из которых половина — отборные янычары, прославленная элита турецкой армии. Не было недостатка и в артиллерии. Наверное, нигде в мире в то время не было сосредоточено столько орудий на метр земли — 265. Запасы снарядов и провианта были рассчитаны на весьма длительную осаду, и в декабре 1790-го никакого кризиса с этими необходимыми ресурсами в Измаиле не было. Комендант,

трёхбунчужный сераскир Айдос Мехмет-Паша имел репутацию неустрашимого и искусного воина, его авторитет в войсках сомнению не подвергался. Татарской конницей командовал брат крымского хана Каплан-Гирей, мстительно ненавидевший Россию, наголову разбивший австрийские войска под Журжей. Приказ султана Селима Третьего тоже заслуживает упоминания: сдавшихся в плен ждала смертная казнь. На помощь султану, как обычно, пришёл и религиозный фанатизм. Муллы умело поддерживали в войсках боевой дух. Что ж, османы бились за свою веру, за своего государя, за свою родину… Турецкие воины, многие из которых уже имели личные счёты к русским, были готовы драться до последней капли крови.

Нелегко воевать зимой, да ещё и в XVIII в., когда не только кавалерию, но и артиллерию, и продовольствие, и снаряды тащили на себе лошадки. Военные кампании редко затягивались до серьёзных заморозков, зимой война переходила в тихую стадию, и только с весенним солнышком возобновлялись серьёзные кровопролитные действия. Но в 1788 г. Потёмкин предпринял штурм Очакова в начале декабря. И неприступный Измаил нельзя было оставлять нетронутым до весны. Тут и тактика, и стратегия.

Промозглым утром 7 декабря 1790 г. Суворов составляет ультиматум паше и всему гарнизону крепости — вот он, грозный голос империи, которая пребывала в зените славы:

…

«Измаильским властям

7 декабря 1790 г.

от Генерал-Аншефа и кавалера Графа Суворова-Рымникского Превосходительному Господину Сераскиру Мегамету-паше Айдозле, командующему в Измаиле; почтенным Султанам и прочим пашам и всем чиновникам.

Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками, в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость, при том бываемую, даю знать чрез сие Вашему Превосходительству и почтенным Султанам! И требую отдачи города без сопротивления. Тут будут показаны всевозможные способы к выгодам вашим и всех жителей! О чем и ожидаю от сего чрез двадцать четыре часа решительного от вас уведомления к восприятию мне действий. В противном же случае поздно будет

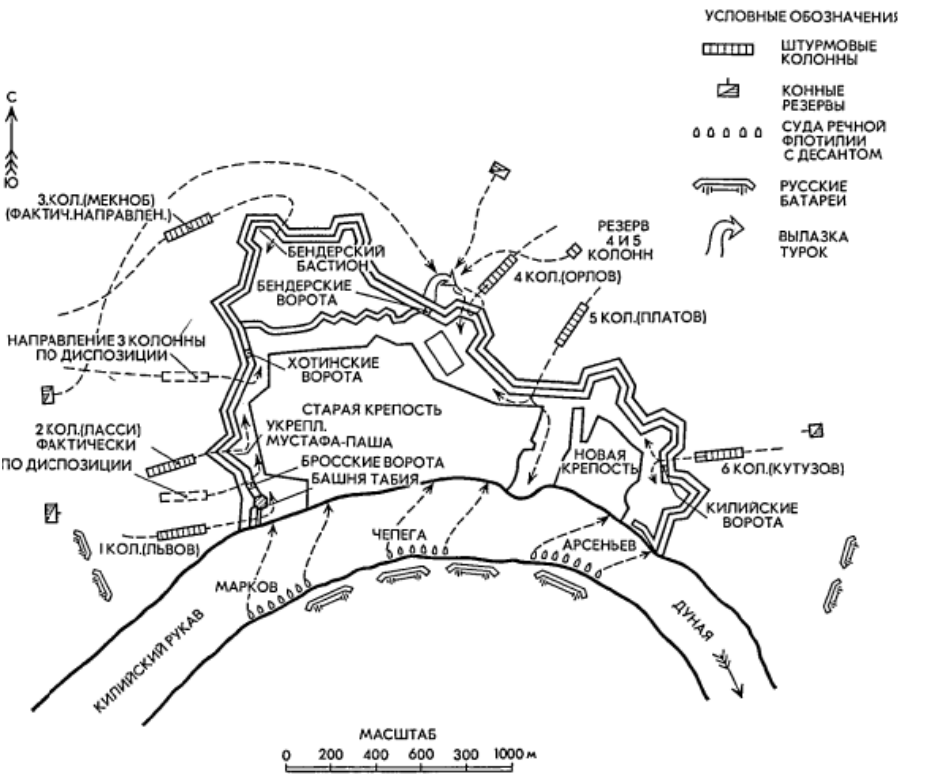
пособить человечеству, когда не могут быть пощажены не только никто, но и самые женщины и невинные младенцы от раздраженного воинства, и за то никто как Вы и все чиновники пред Богом ответ дать должны».

Суровые слова, ничего не скажешь. Суворов поставил противника в жёсткие условия, сразу исключая возможность бессмысленных затяжных переговоров — пустой потери времени. Вместе с этим ультиматумом комендант получил и письмо от русского главнокомандующего — Потёмкина. Написано оно было уже неделю назад, но Суворов, по договорённости со Светлейшим, приберегал его для решительного дня.

Суворов получил от Потёмкина полномочия «поступать по лучшему вашему усмотрению продолжением ли предприятий на Измаил или оставлением оного», но решил доверить судьбу штурма коллективному разуму соратников-генералов. Конечно, учитывая авторитет Суворова, военный совет превращался едва ли не в формальность, но полководец считал его психологически важным, сплачивающим фактором. Ведь многие из тринадцати на предыдущем военном совете высказались за снятие осады! Вечером 9 декабря военный совет собрался — тринадцать будущих героев штурма. Генералы восторженно выслушали пламенную речь Суворова — что и говорить, это был не Гудович… Первым, не мудрствуя лукаво, за штурм проголосовал младший — Матвей Платов. И этот факт вошёл в правдивую легенду о славном донском атамане: «Славим Платова-героя, победитель был врагам!.. Слава казакам-донцам!..» «Приближась к Измаилу по диспозиции, приступить к штурму неотлагательно, дабы не дать неприятелю время еще более укрепиться. И посему уже нет надобности относиться к его Светлости Главнокомандующему. Сераскиру в его требовании отказать… Отступление предосудительно победоносным Ея Императорскаго Величества войскам». Подписали постановление: бригадир Матвей Платов, бригадир Василий Орлов, бригадир Фёдор Вестфален, генерал-майор Николай Арсеньев, генерал-майор Сергей Львов, генерал-майор Иосиф де Рибас, генерал-майор Ласий, генерал-майор Илья Безбородко, генерал-майор Фёдор Мекноб, генерал-майор Борис Тищев, генерал-майор Михайла Голенищев-Кутузов, генерал-поручик Александр Самойлов, генерал-поручик Павел Потёмкин. Суворов старался перед роковой битвой («на такой штурм можно решиться один раз в жизни») прочнее скрепить своих командиров. Дрогнуть было нельзя. Сам Суворов сказал: «Я решился овладеть этою крепостию, либо погибнуть под её стенами!»

Казаки под командованием Суворова дрались бесстрашно и

усмиряли свой вольный дух: возможно, для них имело значение, что именно князь Рымникский уничтожил ногайские полчища. Другим генералам Платов казался неуправляемым, а Суворову он подчинялся неукоснительно — и не только из-за молодой робости.



Взятие Измаила 11(22) декабря 1790 г.

Под стенами Измаила Суворов проводил чрезвычайно спешные, но насыщенные и продуманные учения. Много говорил с войсками, вспоминал о прошлых победах, чтобы каждый проникся важностью измаильского штурма. Вот здесь понадобилась фольклорная репутация Суворова — как заговорённого колдуна, который и в воде не тонет, и в огне не горит. Который не может не победить…

На специально устроенных валах и во рву солдаты отрабатывали приёмы преодоления этих преград. Сорок штурмовых лестниц и две тысячи фашин подготовил Суворов к штурму. Сам показывал технику штыкового удара. Требовал от офицеров настойчивости в обучении войск.

Трудно сказать, почему турки не отважились атаковать растянутые русские позиции. Возможно, Айдос-Мехмет рассчитывал потянуть время, и Суворову удалось опередить

возможную атаку, быстро перейдя от рекогносцировок к приступу. Но Суворов был готов к отражению массированных турецких вылазок.

Стояли ясные, без морозов, южные декабрьские дни с холодными влажными утренниками. На заре 10 декабря артиллерия Ртищева начала обстрел крепости, с реки стрельбу вели с гребных судов. Турецкая артиллерия прицельно отвечала: так, была взорвана русская бригантина с двумя сотнями моряков на борту.

11 декабря, в три часа ночи, небо перерезала сигнальная ракета. Впрочем, из соображений конспирации в русском лагере уже несколько ночей запускались сигнальные ракеты, запутывая турок. Но в ту ночь Айдос-Мехмет от перебежчиков знал о начале штурма. Войска двинулись на штурм, согласно диспозиции. В половине шестого утра началась атака. Правофланговой группой командовал генерал-поручик Павел Потёмкин. Суворов психологически подготовил Потёмкина к штурму, внушил ему уверенность в своих силах. Тремя колоннами войска Потёмкина (7,5 тысячи человек) атаковали крепость с запада. Первая колонна генерал-майора Львова состояла из двух батальонов фанагорийцев (любимцы Суворова во всех баталиях шли впереди!), батальона белорусских егерей и ста пятидесяти апшеронцев. Колонне предстояло атаковать укрепление возле башни Табия. Впереди шли рабочие с кирками и лопатами: им предстояло ломать стены, расчищая дорогу армии. Вот кто не ведал страха, в лицо смотрел смерти! Во вторую колонну генерал-майора Ласси вошли три батальона Екатеринославского егерского корпуса и 128 стрелков. Третья колонна генерал-майора Мекноба включала три батальона лифляндских егерей и двигалась на Хотинские ворота. У каждой колонны был резерв, был общий резерв и у всего отряда Потёмкина: конные полки, которые должны были в свой черёд ворваться в крепость после взятия Хотинских и Бросских ворот. Левое крыло, под командованием генерал-поручика Самойлова, было самым многочисленным — 12 000 человек, из них 8000 — спешенные казаки-донцы. Тремя колоннами этой группы, атаковавшей крепость с северо-востока, командовали бригадиры Орлов, Платов и генерал-майор Кутузов. Первые две колонны состояли из казаков. В колонне Кутузова шли три батальона бугских егерей и 120 отборных стрелков из того же Бугского корпуса. В резерве у Михайлы Илларионовича Кутузова были два батальона Херсонских гренадер и тысяча казаков. Колонна направлялась на приступ Килийских ворот.

Третьей группой, которая наступала на Измаил с юга, с

острова Чатал, командовал генерал-майор Рибас. В войсках Рибаса насчитывалось 9000 человек, из них 4000 — казаки-черноморцы. Первой колонной командовал генерал-майор Арсеньев, ведший в бой Приморский Николаевский гренадерский полк, батальон Лифляндского егерского корпуса и две тысячи казаков. Колонна должна была помогать колонне Кутузова в бою за новую крепость. Второй колонной Рибаса командовал бригадир Чепега, в составе колонны бились пехотинцы Алексопольского полка, 200 гренадер Днепровского Приморского полка и тысяча черноморских казаков. Третьей колонной группы Рибаса командовал секунд-майор лейб-гвардии Преображенского полка Морков, который получит за штурм Измаила чин бригадира. С ним шли 800 гренадер Днепровского полка, 1000 казаков-черноморцев, батальон бугских и два батальона белорусских егерей. Ему предстояло десантом поддержать генерала Львова в бою за Табию.

По перевязанным лестницам, по штыкам, по плечам друг дружки солдаты Суворова под смертельным огнем преодолели стены, открыли ворота крепости — и бой перенёсся на узкие улицы Измаила.

При штурме особенно отличились колонны генералов Львова и Кутузова. Генерал Львов получил болезненное ранение. Ранили и его помощника — полковника Лобанова-Ростовского. Тогда командование штурмовой колонной принял командир фанагорийцев, любимец Суворова полковник Золотухин. Суворов и Кутузов, о котором Александр Васильевич говорил: «В Измаиле он на левом фланге был моей правой рукой», личным примером воинской храбрости вели за собой солдат.

В трудное положение при штурме бастиона Бендерских ворот попала колонна Василия Орлова. Шёл бой на стенах, а казаки по лестницам поднимались из рва, чтобы пойти на приступ бастиона, когда турки предприняли мощную контратаку. Крупный отряд турецкой пехоты, явившийся из растворённых Бендерских ворот, ударил во фланг казакам, разрезая колонну Орлова. Уважаемый Суворовым донской казак Иван Греков встал в первые ряды сражавшихся, ободряя их на бой. Суворов, несмотря на угар штурма, не терял нитей многослойной операции и вовремя получил сведения о событиях у Бендерских ворот. Генерал-аншеф понял, что османы здесь получили возможность потеснить атакующую колонну, прорвать русскую атаку, подкрепив свою вылазку свежими силами. Суворов приказывает подкрепить колонну Орлова войсками из общего резерва — Воронежским гусарским полком. К воронежцам он добавил и два эскадрона Северских карабинеров. Однако

быстрого прорыва не получилось: туркам удалось сосредоточить в районе Бендерских ворот и бастиона многочисленные силы, а казачьи части уже понесли немалые потери. Суворов был убеждён, что здесь необходим натиск, и снова проявил умение вовремя, в критический момент оценив риски, ввести в бой дополнительный резерв. К Бендерским воротам он бросает весь резерв левого крыла суворовской армии — это была кавалерия. К ним генерал-аншеф добавляет Донской казачий полк из общего резерва. Шквал атак, конский топот, горы раненых — и бастион взят.

Атаман Платов вёл на приступ пять тысяч солдат. С такой внушительной колонной казак должен был по лощине взойти на крепостной вал и под обстрелом ворваться в Новую крепость. В бою на крепостной стене был ранен генерал-майор Безбородко, командовавший двумя казачьими колоннами — Платова и Орлова. Командование принял Платов. Он расторопно отразил атаку янычар, разбил вражескую батарею, захватив несколько пушек. С боем казаки прорвались к Дунаю, где соединились с речным десантом генерала Арсеньева. Когда передовой батальон, в котором шёл и Платов, подошёл к крепости, казаки в замешательстве остановились перед затопленным рвом. Бригадир Платов, вспомнив уроки Суворова, первым вошёл в ледяную воду, по пояс в воде, под обстрелом преодолел крепостной ров, скомандовал: «За мной!» — и батальон последовал примеру командира. В тридцать лет он пребывал в расцвете физической силы и уже был умелым, обстрелянным казачьим атаманом. Чтобы такие чудеса становились былью — нужно огромное доверие войск командиру, авторитет офицера.

Предстояли уличные бои, в которых поймавший кураж Платов был всё так же удачлив. Немалую часть русских потерь при штурме Измаила составили погибшие и раненые казаки. Спешенные донцы были плохо экипированы для штурма. Но Суворов надеялся на их удаль, да и некем оказалось заменить казачьи силы, а приступ был необходим.

В распахнутые ворота крепости входила русская конница. Колонна Орлова совместно с колонной генерал-майора Мекноба очищала от турок важный северный участок укреплений Измаила. Теперь они действовали слаженно и могли отражать контратаки турок, продолжая занимать вершок за вершком неприступную твердыню — Измаил.

Под вечер последние защитники крепости молили о пощаде. Уникальный штурм крепости вылился в истребление вражеской армии. Турки сопротивлялись самозабвенно: они знали, что пощады не приходится ждать ни от русских, ни от султана.

Способный и сильный духом военачальник Каплан-Гирей повёл несколько тысяч спешенных крымчан в контратаку в сторону Дуная — против сил Рибаса, против русского десанта. Но эта попытка переломить ход сражения оказалась запоздалой: войска Каплан-Гирея были наголову разбиты и истреблены.

К часу дня почти весь город контролировали русские войска. Только в Табии, в мечети, да в двух ханах держались турки. В одном из ханов с двумя тысячами янычар и артиллерией оборонялся сераскир Айдос-Мехмет. Полковник Золотухин с фанагорийцами атаковал это укрепление. Артиллерийским залпом были выбиты ворота — и гренадеры ворвались в хан, закалывая штыками оборонявшихся турок. Тех, кто сдался, вывели на свет божий, чтобы разоружить. Среди них был и Айдос-Мехмет со свитой. Во время разоружения к сераскиру подскочил егерь и попытался вырвать у него из-за пояса кинжал. Янычар выстрелил в егеря, а попал в русского офицера… Этот выстрел русские оценили как вероломное нарушение условий капитуляции: ведь турки просили пощады. Новый штыковой удар уничтожил почти всех турок, погиб от ран и Айдос-Мехмет…

Наконец, сдались на милость победителя последние янычары во главе с Мухафиз-пашой, сражавшиеся в Табии. Последние защитники крепости капитулировали в 16.00. Приступ ожесточил войска, помнившие о двух неудачных штурмах Измаила. По военным традициям того времени Суворов на три дня отдал город на разграбление победителям. Увы, на этот раз офицерам не удалось удержать солдат от жестоких бесчинств. А в Измаиле было чем поживиться! Турки свезли в крепость купеческие склады из занятых русскими войсками близлежащих территорий. Особо удачливые участники штурма обогатились на тысячу-другую червонцев — фантастическая нажива! Сам Суворов отказался от трофеев, не принял даже отменного коня, которого привели к нему солдаты. Снова не обманули ожиданий Суворова фанагорийцы. Из них Суворов приказал составить главный караул покорённой крепости.

Да, на такой приступ можно пойти лишь раз в жизни…

Первая весть о Победе — конечно, главнокомандующему, молившемуся за Суворова и его воинов. Тому, кто поверил в Суворова и сенсационно назначил его под Измаил в надежде на штурм. Эти слова написаны на обрывке бумаги, как будто ещё под гром артиллерии и лязг сабель: «Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, падший пред Высочайшим троном Ея Императорского Величества кровопролитным штурмом! Нижайше поздравляю Вашу Светлость». Со знамёнами Суворов послал к Потёмкину «отменно отличного Золотухина,

имевшего импульсию и сподручность с дунайским героем Осип Михайловичем» (де Рибасом . — *А.З.*). Но не все захваченные знамёна попали в официальный реестр. Многие солдаты, вопреки стараниям офицеров, так и щеголяли, опоясанные турецкими знамёнами.

В жестоких боях погибло десять тысяч русских, в том числе 400 офицеров из 650, участвовавших в штурме. Красноречивые цифры — вот такое бесстрашие царило в сердцах учеников Суворова. Было уничтожено двадцать семь тысяч турок, остальные десять тысяч попали в плен. По легенде, лишь один турок остался живым и не попал в плен! Он нырнул в Дунай, ухватился за бревно — и, незамеченный, добрался до берега. Поговаривали, что именно он принёс турецким властям весть об измаильской катастрофе.

Да, для каждого участника штурма Измаила битва стала своего рода игрой в русскую рулетку, но Суворову все-таки ещё в преддверии штурма удалось предопределить результат казалось бы непредсказуемого предприятия. Бессонными ночами — недаром ведь ходили слухи о том, что перед важными боями Суворов неделями не смыкал глаз — он просчитывал стратегию победы. Отвага подкрепляла расчет. Штурмом Измаила была предопределена победа нашей Родины во второй Русско-турецкой войне.

В первом рапорте Потёмкину Суворов писал лаконично, ещё не остыв от битвы. Через десять дней, когда прошло опьянение победой, после молебнов, Потёмкину был направлен подробный рапорт, в котором упомянул десятки имён героев штурма. Не забыл Суворов и о самом молодом русском военачальнике: «Бригадир и кавалер Платов, поощряя подчинённых своих к порядку и твёрдости под сильными перекрёстными выстрелами, достигнув рва и нашед воду, в том только месте находящуюся, не только не остановился, но сам перешед оную, служил примером и с неустрашимостью влез на вал, разделяя на три части колонну, поражая неприятеля, овладел куртиною и пушками и много дал пособия с препоручённым ему войском к преодолению далее неприятеля и за соединением с колонною Орлова, вылазку, сделанную с Бендерских ворот, опрокинув, был он, Платов, сам повсюду примером храбрости». И так — о десятках генералов, полковников, майоров, поручиков… Умел Суворов запоминать и ценить подвиги своих «чудо-богатырей» и рассказывал о них в рапортах подробнее, чем это было принято. Конечно, благодарная армия такого отношения не забывала…

Сергей Иванович Мосолов — суворовский соратник, генерал-майор, проживший долгую жизнь, оставил воспоминания о

штурме Измаила, под стенами которого он сражался сорокалетним премьер-майором: «Штурм продолжался 8 часов, и некоторые колонны взошли было в город, опять выгнаты были. Я из своего баталиона потерял 312 человек убитых и раненых, а штаб— и обер-офицеры или ранены или убиты были, и я ранен был пулею навылет в самой амбразуре в бровь и в висок вышла и, кабы трубач меня не сдёрнул с пушки, то бы на ней и голову отрубили турки. На рампар я взошёл первый, только предо мною по лестнице 3 егеря лезли, которых в той амбразуре турки изрубили. Ров был так глубок, что 9-аршинная лестница только могла достать до берму, а с берма до амбразур; другую мы наставляли. Тут много у нас солдат погибло. Они всем нас били, чем хотели. Как я очнулся от раны, то увидел себя только с двумя егерями и трубачом. Протчие все были или перебиты или ранены на парапете. Потом стал кричать, чтобы остальные офицеры сами лезли с егерями из рва вверх, придавал им смелости, что турки оставили бастион. Тогда ко мне влезли поручик Белокопытов и подпоручик Лавров с егерями здоровыми. Мы закричали ура и бросились во внутрь бастиона и овладели оным. Но однако ж много егерей тут было изрублено и офицер один убит, а меня, хоть и перевязали платком, намочив слюнями землю, к ране приложил трубач, но всё кровь текла из головы: ослабел и пошёл лёг на банкете…» (банкетом называлось возвышение с внутренней стороны вала для ружейной стрельбы через бруствер . — *А.З.*).

После боя Александр Васильевич счёл необходимым обстоятельно рассказать о сражении боевому товарищу, соратнику по второй екатерининской Русско-турецкой войне, чьё имя в истории навсегда связалось с именем Суворова. Речь идёт, конечно, о принце Кобургском. Сколь ни критически Суворов оценивал воинские доблести принца — всё равно он гордился уважением столь титулованной особы. И писал ему не просто как союзнику, но как другу, подробно, цветисто, по-суворовски доверительно. Это письмо — один из наиболее интересных источников наших представлений о штурме Измаила:

«Гарнизон состоял действительно из 35 000 вооруженных людей, хотя Сираскир и получил провианту на 42 000. Мы полонили: трех-бунчужного Пашу Мустафи, 1 Султана, сына Сираскова, Капиджи Башу, множество Бим-Башей и других чиновников. Всего 9000 вооруженных людей, из коих в тот же день 2000 умерло от ран. Около 3000 женщин и детей в руках победителей. Тут было 1400 армян, всего 4285 христиан, да 135 жидов. Во время штурма погибло до 26 000 турок и татар, в числе коих Сираскир сам, 4 Паши и 6 Султанов. Нам досталось 245

пушек и мортир, все почти литые, 364 знамена, 7 бунчугов, 2 санджака, превеликое множество пороху и других военных снарядов, магазины полные съестных припасов для людей и лошадей. Добычу, полученную нашими солдатами, ценят свыше миллиона рублей. Флотилия турецкая, стоявшая под батареями измаильскими, совершенно почти истреблена так, что мало осталось из оной судов, которые бы можно было, вычиня, употребить на Дунае.

Мы потеряли убитыми в приступе: 1 бригадира, 17 штаб-офицеров, 46 обер-офицеров, да 1816 рядовых. Ранено: 3 генерал-майоров, граф Безбородко, Мекноб и Львов, около 200 штаб— и обер-офицеров, да 2445 рядовых». Суворов не скрывал, что штурм выдался кровопролитный: на этот раз боевая задача не позволяла избежать серьёзных потерь. Впечатление, произведённое турецкими потерями, хорошо передаёт известная легенда о единственном спасшемся янычаре, который-де бежал из крепости и на бревне переплыл Дунай.

После славной победы в Суворове, как это обыкновенно и случалось, проснулось литературное вдохновение. О штурме хотелось рассказывать и устно (на многочисленных праздничных застольях), и письменно. Мало совершить подвиг — нужно уметь о нём рассказать, приумножив не только признание в высших кругах, но и уважение армии. Ведь офицерство ревниво прислушивалось к пересудам: кого генерал-аншеф выделил в рапорте командующему, насколько внимателен к заслугам нижних чинов… На такое внимание благодарно отвечали преданностью. И несмотря на то что рапорт и письма Потёмкину не были предназначены для чужих глаз, в редуцированном варианте его содержание разошлось на легенды. Первое обстоятельное (написанное после краткого) донесение светлейшему из Измаила приоткрывало подробности штурма: «Легло наших героев сухопутных с флотскими за отечество до двух тысяч, а раненых больше. Варваров, получавших провиант, до 40 000, но числом менее того; в полону при разных пашах и чиновниках около трех, а всех душ до пяти тысяч, протчие погибли. Провианта у них оставалось с лишком на месяц. Военной амуниции и припасов множество. Пленные отправятся немедленно по партиям в Бендеры. Трофей — больших и малых пушек ныне около 200 и знамен до 200, должно быть больше. Победоносное войско подносит Вашей Светлости городские ключи», — эти слова генерал-аншеф начертал 13 декабря. Чуть позже, тем же днём, Суворов напишет Потёмкину: «Светлейший Князь! Милостивый Государь! Простите, что сам не пишу: глаза от дыму болят… Сегодня у нас будет благодарственный молебен у

нашего нового Спиридония. Его будет петь Полоцкий поп, бывший со крестом пред сим храбрым полком. Фанагор[ий]цы с товарищами отсюда пойдут сего числа домой…» Полоцкий поп — это не кто иной, как отец Трофим Куцинский. Молебен после Победы справлял именно он. В более позднем письме Потёмкину Суворов расскажет о его подвиге подробнее — и батюшка вполне заслужил такое внимание в переписке двух великих екатерининских орлов: «Полоцкого пехотного полка священник Трофим Куцинский, во время штурма Измаильского, ободряя солдат к храброму с неприятелем бою, предшествовал им в самом жестоком сражении. Крест Господен, который он, яко знамение победы для воинов, нес в руках, пробит был двумя пулями. Уважая таковую его неустрашимость и усердие, осмеливаюсь просить о пожаловании ему креста на шею». Речь, несомненно, шла о Георгиевском кресте. Но в статуте ордена о священниках не говорилось ни слова, и прецедентов подобного награждения не было! Да и статус полкового священника не был закреплён законодательно. Словом, случился юридический казус. И всё-таки императрица не оставила отца Трофима без награды, нашла, как мы бы нынче сказали, компромиссный вариант. Ему был пожалован наперсный крест с бриллиантами на георгиевской ленте. По ходатайству Екатерины священник Полоцкого пехотного полка был возведён в сан протоиерея. Пусть и с натяжкой, но его считают первым священником — георгиевским кавалером. И случилось это во многом благодаря отеческой внимательности Суворова к своим «чудо-богатырям». А уж перед священством Суворов и подавно благоговел. Ведь и вся суворовская наука побеждать была пронизана верой в победу, поскольку защита Отечества воспринималась как боговдохновенное служение: «Умирай за Дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший Дом! Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!» И после такой проповеди — азы солдатской науки: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твёрду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От Него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит, Он нам генерал!»

Длинный отчёт Потёмкину был, конечно, плодом коллективного труда Суворова и его ближайших помощников. Надо думать, князь Григорий Александрович на одном дыхании читал эти строки, описывавшие обстоятельства последнего великого триумфа правителя екатерининской России: «Таковой жестокий бой продолжался 11 часов… Жестокий бой, продолжавшийся внутри крепости, чрез шесть часов с половиною, с помощью божиею, наконец решился в новую России славу. Мужество начальников, ревность штаб— и обер-офицеров и

беспримерная храбрость солдат одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность, и в час пополудни победа украсила оружие наше новыми лаврами…

Таким образом совершена победа. Крепость Измаильская, столь укреплённая, столь обширная и которая казалась неприятелю непобедимою, взята страшным для него оружием российских штыков… Число убитого неприятеля до двадцати шести тысяч… В крепости Измаильской найдено двести сорок пять пушек, в числе коих девять мортир, да на берегу двадцать… В трофеи взято триста сорок пять знамён… Урон с нашей стороны в сей столь твёрдой крепости не более как убитых нижних чинов тысяча восемьсот пятнадцать, раненых две тысячи четыреста сорок пять…»

Суворов докладывал о штурме Потёмкину, светлейший, в свою очередь, императрице. У интерпретаторов истории возникло впечатление, что князь Таврический преуменьшил роль Суворова в штурме Измаила. В первом донесении Екатерине Потёмкин писал следующее: «Храбрый генерал граф Суворов-Рымникский избран был мною к сему предприятию. Бог помог! Неприятель истреблён; более уже двадцати тысяч сочтено тел, да с лишком семь тысяч взято в плен и ещё отыскивают. Знамён триста десять уже привезены и ещё собирают. Пушек будет до трёхсот. Войска ваши оказали мужество примерное и неслыханное. Обстоятельства донесу после; отправляюсь ради осмотра Дуная, а флотилия уже готовится на новые предприятия. Повергаю к освящённым стопам Вашего Императорского Величества командовавшего штурмом генерала графа Суворова-Рымникского, его подчинённых, отлично храброе войско и себя».

Во второй реляции Потёмкин, разумеется, тоже писал о Суворове: «Отдав справедливость исполнившим долг свой военачальникам, не могу я достойной прописать похвалы искусству, неустрашимости и добрым распоряжениям главного в сём деле вождя, графа А.В. Суворова-Рымникского. Его неустрашимость, бдение и прозорливость всюду содействовали сражающимся, всюду ободряли изнемогающих и, направляя удары, обращавшие вотще неприятельскую оборону, совершили славную сию победу».

Так писал Потёмкин о Суворове — разумеется, писал почтительно, но, может быть, князь не был достаточно восторжен и настойчив в просьбах по достоинству наградить Суворова. Такую настойчивость Потёмкин проявил после Кинбурна и Рымника, а после Измаила он почему-то не торопился произвести Суворова в фельдмаршалы. Да, Суворов не был «старейшим» из

действовавших на тот период генерал-аншефов, но напор Потёмкина позволил бы императрице нарушить принцип старшинства. Случай Измаила был исключителен и заслуживал исключительных наград.

Наступала пора награждений, комплиментарных афоризмов и велеречивых поэтических од измаильским победителям.

В именном указе Сенату императрицы Екатерины значились громкие слова, но содержание просматривалось скромное: «Наш генерал граф Суворов-Рымникский… быв употреблён в армии, под предводительством нашего генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического противу неприятеля имени христианского действующей, и оказав разные опыты искусства и храбрости в течение прошедшей кампании, заслужил новую честь и похвалу точным и наилучшим исполнением порученного ему от главного предводителя, наипаче же во взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением армии турецкой там находившейся… Всемилостивейше пожаловав его подполковником нашей гвардии Преображенского полку, повелеваем сенату Нашему на память отличных заслуг его вытеснить медаль с его изображением и заготовить к подписанию Нашему похвальную грамоту с означением его подвигов. *Екатерина* ».

Упоминание потёмкинского «предводительства» было традиционным, но в данном случае, пожалуй, слишком демонстративным, что могло раздражать Суворова. Именная медаль — регалия почётная, но она не была желанной наградой, которая развязала бы полководцу руки, гарантируя полководческую независимость. Суворов надеялся, что наградой за измаильскую победу станет фельдмаршальский жезл. Но Екатерина не решилась на такое выдвижение: поздновато Суворов получил чин генерал-аншефа, а быстрых прыжков императрица не любила. Суворова произвели в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка, полковником которого, по традиции, была сама императрица — эта великая честь, но её Суворов заслужил давненько. Повторим: в честь полководца была выбита золотая именная медаль, подобной чести удостоился Потёмкин за взятие Очакова. В то же время искушённым в политесе придворным хлопотунам удалось поссорить Суворова и Потёмкина. Полководец стал жертвой придворной войны Потёмкина и Зубовых.

Из книги в книгу кочует эпизод о послеизмаильской встрече Суворова и Потёмкина в Бендерах, в ставке командующего. По легенде, Суворов, уже видевший себя фельдмаршалом, резко ответил на вопрос Потёмкина «Чем я могу наградить вас?»:

«Меня, кроме Господа Бога и государыни, никто наградить не может!» Достоверность такой встречи сомнительна. Но исторический факт, что обиженного Суворова постарались отстранить от столичных победных празднеств. И в оде Державина «На взятие Измаила» Суворов не упоминался.

На грандиозном триумфальном представлении в Таврическом дворце, посвященном измаильской победе, Суворов отсутствовал. Стихи Державина, музыка Бортнянского и Козловского — всё это звучало не для него. И снова Державин не сумел упомянуть Суворова в стихах! Солдатский путь вёл героя в Финляндию, где Суворов укреплял границы с воинственной Швецией и подчас пребывал в меланхолии. Именно в Финляндию, в Роченсальм, Державин послал Суворову свои первые стихи, посвященные непосредственно великому полководцу. Они вызвали неоднозначную реакцию Александра Васильевича:

Се Росский Геркулес:
Где сколько ни сражался,
Всегда непобедим остался,
И жизнь его полна чудес.
Не всякий день мы зрим Перун небес,
Которым Божий гнев разит злодеев,
Но часто тучки лишь. — Почий, наш Геркулес,
И ты теперь среди твоих трофеев.

Тут речь идёт о той самой измаильской медали. Всё бы хорошо, но во втором четверостишии Суворову почудилась двусмысленность: не хочет ли Державин сказать, что слава великого полководца в прошлом? Старый стоик Суворов оказался в плену меланхолии, подчас граничившей с унынием. В одной из записок он не скрывает уязвлённого самолюбия: «Время кратко. Сближается конец, изранен, 60 лет, и сок высохнет в лимоне». Но мы видим, как этот сильный человек борется с чёрными мыслями и находит новые силы для борьбы и службы даже в самые печальные минуты, в минуты сомнений. В письме дочери, любимой Суворочке, он вздыхает: «И я, любезная сестрица-Суворочка, был тож в высокой скуке, да и такой чёрной, как у старцев королевские ребронды». В другом письме — снова жалобы: «Я умираю за моё Отечество чем выше возводит меня ея (императрицы . — *А.З.*) милость, тем слаще мне пожертвовать собою для нея. Смелым шагом приближаюсь к могиле, совесть моя не запятнана. Мне шестьдесят лет, тело моё изувечено ранами, но Господь дарует мне жизнь для блага государства».

Пройдут годы — целое десятилетие, полное побед и обид, но Суворов и тогда с грустью признается: «Стыд измаильский из меня не исчез». Зато в гору пошли соратники Суворова по Измаилу. Суворов с размахом ходатайствовал о награждениях. Самую высокую награду — Георгия второй степени — получил генерал-поручик Павел Сергеевич Потёмкин: «Во уважении на усердие к службе, ревностныя труды и отличную храбрость, оказанную им при взятии приступом города и крепости Измаила, с истреблением бывшей там турецкой армии, командуя правым крылом». Суворов ценил Павла Потёмкина, и у стен Измаила этот генерал действительно проявил себя героем, но мнительность разгоралась, и полководца раздражало повсеместное торжество Потёмкиных. Никогда Екатерина не была столь щедра в награждениях, как после Измаила. Тех офицеров, кто почему-то не был представлен к боевым орденам и золотому оружию, наградили специальными золотыми крестами — знаками «для ношения в петлице мундира на ленте с чёрными и жёлтыми полосами на левой стороне груди». Это был широкий жест императрицы и Потёмкина. Никто не был обижен, кроме командовавшего штурмом старого генерал-аншефа Суворова.

Каждый из генералов — участников штурма значительно упрочил свою репутацию и в войсках, и в верхах. Многие из них станут опорой Суворова в ближайших походах — прежде всего в Польше, а потом и в Италии и в Швейцарии. Нижние чины, славно проявившие себя при штурме, были награждены специальной измаильской медалью (она была отлита по образцу аналогичной Очаковской). Надпись на медали гласила: «За отменную храбрость при взятии Измаила декабря 11 1790».

Генералы измаильского закала были чтимым примером для будущих офицеров Наполеоновских войн, для героев 1812 г. Измаильский закал надолго останется великой школой — и об этом значении штурма неприступной крепости нельзя забывать.

Хлопоты

Разобиженного Суворова направили в Финляндию. Россия не воевала со Швецией, в августе 1790 г. державы заключили мир. Но нужно было создать укрепления на случай будущих столкновений с северным соседом. Противовесом шведской крепости Свеаборг стал русский Роченсальм, доведённый Суворовым до фортификационного совершенства.

Три года, которые генерал-аншеф протянет в трудах и службе до Польского похода, пройдут под знаком большой обиды — *стыда Измаильского* . Трудно будет утешиться — тем более что и в Финляндии, и позже, на южных рубежах империи, работая на нужды обороны, Суворов не раз столкнётся с бюрократическим прессингом…

Разное поговаривали об этой финской экспедиции, напоминавшей отставку от славы. Так и будут наши соотечественники из поколения в поколение толковать о несправедливой полуссылке на северо-запад империи. Считалось, что императрица и Потёмкин опасались, что на чествовании измаильских героев публика окажет Суворову более тёплый приём, чем князю Таврическому. Вероятно, у властей были основания для таких опасений. В дневнике А.А. Храповицкого 26 апреля 1791 г. появилась запись: «Граф Суворов-Рымникский послан осмотреть Шведскую границу. Недоверчивость к шведскому королю внушил князь. (имеется в виду князь Г.А. Потёмкин-Таврический . — *А.З.*). Говорят, будто для того, чтоб отдалить Суворова от праздника и представления пленных пашей». Вспоминал о том времени и о придворной ситуации и Г.Р. Державин в своих мемуарных «Записках». Вопрос чествования Суворова оказался связан с соперничеством Потёмкина и Зубова — двух фаворитов императрицы. Уезжая из действующей армии в Петербург, Потёмкин заочно грозил новому фавориту: «Нездоров, еду зубы дёргать». Державин продолжает: «Сие дошло до молодого вельможи и подкреплено было, сколько известно, разными внушениями истинного сокрушителя Измаила, приехавшего тогда из армии. Великий Суворов, но, как человек со слабостьми, из честолюбия ли, или зависти, или по истинной ревности к благу Отечества, но только приметно было, что шёл тайно против неискусного своего фельдмаршала, которому со всем своим искусством должен был единственно по воле самодержавной власти повиноваться. Державин в таковых мудрёных обстоятельствах не знал, что делать и на какую сторону искренно предаться, ибо от обоих был ласкаем». Если уж

«ласкаемому» Державину было непросто в войне могущественных фаворитов, то Суворову и впрямь приходилось солоно. Куда солонее, чем на фронтовом поле боя. И отношения со всегдашним благодетелем Потёмкиным необратимо омрачились — теперь уже вплоть до скорой смерти князя Таврического.

Суворов считал себя отстранённым на вторые роли и не мог побороть уныния.

Подоспели и семейные хлопоты. В марте 1791 г. Суворов занялся судьбой дочери. По окончании Смольного института («моим монастырем» называла Смольный Суворочка) Наталья Суворова вошла в стайку фрейлин императрицы. Суворов обеспокоился придворным будущим своей дочери и сразу после апокрифической размолвки с Потемкиным в письме Таврическому настаивал на устранении Наташи из дворца. Повреждённые нравы придворного общества не устраивали Суворова; побаивался он и влияния самого Потемкина, казавшегося Суворову отъявленным ловеласом. Вскоре Александру Васильевичу удалось исторгнуть Наташу из дворца; Суворочка поселилась в доме Хвостова, который пользовался безграничным доверием Суворова. Дмитрию Хвостову были посланы подробные предписания, как уберечь Наташу от дурных влияний, от мужского общества, как держаться на балах и т. п. Хлопоты Суворова по извлечению Наташи из придворного круга были восприняты в обществе как оскорбление императрицы. Но когда речь шла о принципиальных для Суворова вопросах морали, полководец не боялся показаться дерзким. Эта принципиальность стоила Суворову нескольких месяцев монаршего нерасположения, но придворную жизнь дочери полководец сравнивал аж с Бастилией… В переписке с Хвостовым скептическое отношение Суворова к дворцовым нравам выразилось во многих замечаниях, подчас — завуалированных, поданных в форме аллегорического намёка.

Тут нужно сделать небольшое отступление о Хвостове — как-никак ему адресованы самые откровенные письма Суворова! Дмитрий Иванович Хвостов — анекдотический персонаж истории русской литературы, и это по-своему почётная роль. Он — олицетворение метромании, страстной поэтической графомании. Когда у него случались крепкие строки — Воейков приговаривал: «Это он нечаянно промолвился!» Камер-юнкером он стал по протекции Суворова: острословы облюбовали реплику императрицы по этому поводу: «Если бы граф Суворов попросил — я бы его и камер-фрейлиной сделала!» Даже графский титул его вызывал улыбку: ведь это Суворов, освободитель Италии,

выхлопотал ему *Сардинского* . Хвостов был не просто родственником великого полководца, он стал его лучшим другом. И это уже не потешная история! Ни с кем Суворов не был так откровенен, как с Хвостовым. Обиды на Потёмкина после Измаила, несогласие с павловским опруссачиванием армии, отчаяние во дни жестокой опалы — всё это Суворов напрямки излагал в письмах Хвостову. Он и скончается в доме Хвостова на набережной Крюкова канала. Но даже Суворов не считал Хвостова истинным поэтом. Современники так огульно зашикали Хвостова, что после смерти метромана его практически не переиздавали.

Добродушного, неглупого Хвостова Суворов считал надёжным товарищем и доверил ему дочь. Наташе он настоятельно советовал держаться подальше от «подруг, острых на язык», от мужчин («отвечай на похвалы их скромным молчанием»). В другой раз Суворов — сам острослов — напутствовал дочь: «Избегай людей, любящих блистать остроумием, по большей части это люди извращенных нравов». Выбирая жениха, Суворов также обращает внимание на нрав соискателей, на свойственные им моральные установки. Скажем прямо, и в те времена в таких вопросах обыкновенно преобладал практический расчёт — и Суворов со своим поиском «благонравного жениха» выглядел чудаком. Правда, в итоге он согласился на выгодную партию. В 1794 г., в дни наивысшей славы Суворова при дворе, Наталья Александровна вышла замуж за графа Николая Александровича Зубова (1763–1805), получившего позже особую известность как активного соучастника убийства Павла I. В 1794 г. он казался Суворову человеком добропорядочным, да и авторитет его всесильного брата, фаворита Екатерины Платона Зубова, мешал отнестись к кандидатуре жениха с обычной суворовской взыскательностью. Однако вскоре Суворов охладел к своему зятю. Он отозвал из дома Зубовых своего сына Аркадия и отдал его на воспитание другому своему родственнику, Дмитрию Хвостову, будущему графу Сардинскому. Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835) ещё не раз возникнет в нашем повествовании. Суворов никому так не доверял в последние годы жизни, как мужу своей любимой племянницы Аграфены Ивановны (в девичестве — Гончарова).

Из финских городов Суворов пишет Хвостову всё более доверительные и язвительные письма, в которых саркастически комментирует действия «колоссов» Потёмкина и Репнина. Суворов просил Хвостова уничтожать эти письма. Но Дмитрий Хвостов был человеком литературным, известным и в XXI в. как «граф-графоман». Он гордился письмами Суворова, прекрасно

понимал их историко-литературную ценность и однажды довёл дело до скандала. Конспиратор из Хвостова вышел слабоватый: что знал будущий граф Сардинский — то знала и кошка. Хвостов ознакомил с письмами Суворова подполковника Корицкого — своего друга. Вскоре письма попали в руки Турчанинова, Державина, наконец, Платона Зубова. Сведения об этом дошли и до Суворова, который обрушился на Дмитрия Хвостова со всей своей горячностью: «Мошенник! Глупая нянька!» Только кротость и простодушие позволили Хвостову восстановить расположение и доверие Суворова.

Несмотря на неблагоприятный эмоциональный фон, миссия в Финляндии требовала кропотливой работы. В 1788–1790 гг. Россия провела малозаметную, довольно успешную войну со шведами, после которой Стокгольм жаждал реванша. «Я желаю, чтобы вы съездили в Финляндию до самой шведской границы для спознания положений мест для обороны оной», — наказывала императрица. Суворов отправился на Карельский перешеек, где по реке Кюммене и озеру Сайма проходила граница империи. Впечатляет контраст между праздником в Таврическом дворце и черновой периферийной работой генерала Суворова. Там — пышные славословия, роскошь парадных залов, блестящий поток наград. Русские области Финляндии обороняли от беспокойных соседей-шведов крепости Кексгольм (современный Приозерск), Нейшлот, Вильманстранд, Фридрихсгам, Давидов и Выборг. Суворов следовал от крепости к крепости по весенней распутице. «Здесь снег, грязь, озёра со льдом, проезд тяжёл и не везде», — жаловался он в письме Турчанинову. Работал чуть ли не круглосуточно, порой — вовсе без сна, вникая в состояние крепостей, в гарнизонную жизнь и механику укреплений. Доклад Суворова Екатерина одобрила уже 25 июня. По предложению графа Рымникского было решено строить несколько новых крепостных укреплений. Кроме того, планировалось отремонтировать все крепости, а также суда и постройки Саймской озёрной флотилии. Там, где Суворов, — нет места волоките. План будет реализован.

Генерал-губернатор Я.А. Брюс получил повеление во всём содействовать миссии Суворова. Словом, тем же летом под руководством будущего фельдмаршала началась постройка укреплений в Финляндии. Строительство шло по-суворовски быстро и качественно. Обжиг извести и производство кирпича Суворов наладил прямо на Карельском перешейке. Невиданное дело: из выделенного бюджета Суворову удалось сэкономить ни много ни мало 93 рубля 47 копеек. Императрицу удовлетворяла работа Суворова, устраивало её и нахождение прославленного

генерала поближе к шведской границе, подальше от столиц. И в начале июля, когда стало ясно, что строительство укреплений разворачивается споро, Екатерина поручила Суворову курировать строительство укреплений и порта в проливе Роченсальм. По старинной привычке вникая во всё (граф Рымникский вносил исправления в топографическую карту финских краёв), Суворов установил, что сообщение между крепостями Вильманстранд и Нейшлот отчасти проходит по шведским территориальным водам озера Саймы. В случае войны шведы могли бы в два счёта прекратить коммуникацию, поставив русские гарнизоны в отчаянное положение. И Суворов составляет проект строительства трёх небольших каналов, чтобы выйти из зависимости от шведских вод. Правительство поддержало проект Суворова и выделило ему 6000 рублей. В итоге было построено аж четыре канала, берега которых были укреплены не брёвнами, а надёжнейшим булыжным камнем «на мху». «Даст Бог, в будущее лето граница обеспечится лет на 100», — писал Суворов Турчанинову. На зиму Суворов остался в Карелии, готовясь к новому этапу строительства приграничных укреплений. Теперь он назывался «главнокомандующим Финляндской дивизией, Роченсальмским портом и Саймской флотилией».

В 1791 г. умирает Потёмкин… Боевой товарищ и покровитель Суворова, которого Александр Васильевич считал виновником последних своих бед. По дороге в Яссы ему сделалось дурно, он приказал остановить карету, вынести себя на воздух. Умер он под открытым молдавским небом, успев осениться крестным знамением. Это случилось 5 октября, а в столицу известие о смерти светлейшего пришло только через неделю. Прервали бал, экстренно созвали Государственный совет, в Молдавию для продолжения переговоров с турками был направлен Безбородко… Никакие меры не могли возместить утрату Потёмкина.

Секретарь императрицы Храповицкий так опишет реакцию Екатерины на смерть князя Таврического: «Слёзы и отчаяние. В 8 часов пустили кровь». После бессонных ночей в письме Гримму она писала: «Снова страшный удар разразился над моей головой. После обеда, часов в шесть курьер привёз горестное известие, что мой воспитанник, мой друг, можно сказать, мой идол князь Потёмкин-Таврический скончался в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена. С прекрасным сердцем он соединял необыкновенно верное понимание вещей и редкое развитие ума. Виды его были всегда широки и возвышенны. Он был чрезвычайно человеколюбив, очень сведущ, удивительно любезен, а в голове его непрерывно возникали новые мысли…» Эти слова

стали наилучшим некрологом великому человеку. Суворов узнал о смерти князя Таврического, разумеется, ещё позже. Известно ироническое, но уважительное высказывание Суворова о Потёмкине: «Великий человек! И человек великий (т. е. великий и ростом и как личность. — *А.З* .). он не походил на того долговязого французского посла в Лондоне, о котором лорд Бэкон сказал, что чердак обычно плохо меблируют».

В прохладной, периферийной Финляндии Суворов томился, читал любимого Д. Макферсона, русских поэтов, повесть Чулкова «Пригожая повариха»… Он скучал по великим делам. В столицу летели рапорты Суворова о состоянии финских крепостей. На случай войны со шведами Суворов составляет план оборонительных мероприятий в Финляндии. В сентябре Суворов уже рапортовал Екатерине об окончании постройки укреплений в Роченсальме, в то же время составляя на эзоповом языке записку, в которой личное перепуталось со служебным: «Пришёл из крепости: за палисадом не хорошо, будки спят, платформы храпят, солдаты в казармах, что ещё? У меня глаза болят…»

И всё-таки за зиму он полюбил эти края, которые поначалу глухо угнетали. Теперь Суворов восторгался плодами собственных усилий, любуясь красотой крепостных сооружений, мощью укреплений. «Нет красивее и прочнее сих пограничных крепостей». Второе финское лето Суворов провёл в военных учениях. Саймская флотилия производила крейсирование, флотские учения проводились и в озере, и в Финском заливе. Суворов был убеждён: если довелось командовать флотом — изучи морское дело. Во флотских делах он разбирался с крымских времён, а тут и вовсе решил стать «форменным моряком». Отсюда и пошла поучительная легенда о том, что Суворов сдавал экзамен на мичманское звание. Кто-то воспринял этот шаг как чудачество, другие говорили, что Суворов тем самым пытается пристыдить вельмож, пославших его на северную окраину… Но нельзя забывать, что после того слуха уважение к Суворову на флоте выросло многократно. И до нашего времени моряки преклоняются перед Суворовым, крепко помнят о том, что в шестьдесят лет он стал морским офицером! К тому же Суворов был сыном века Просвещения, и к учёбе, к экзаменам относился как к священнодействию. Вот вам и чудачество. Вот вам и легенда.

В работе «О плане оборонительных и наступательных действий в Финляндии» Суворов рассчитал все возможные нюансы будущей войны со шведами. Сами шведы к суворовской активности отнеслись внимательно: в их рядах наблюдалось даже

паническое ожидание завоевательного похода русской армии под командованием Суворова. Не поступил бы он со шведскими крепостями, как с Измаилом… Между тем строительство укреплений было завершено — и Суворов считал свою здешнюю миссию исполненной. Летом 1792-го он просился в Польшу, обещая с любым отрядом вступить в бой с войсками Барской конфедерации. Буквально умоляет бросить в бой: «Во всю мою жизнь я был всегда в употреблении; ныне, к постыдности моей, я захребетник!» Ответ великой монархини известен: «Польские дела не требуют графа Суворова. Поляки просят уже перемирия, дабы уложить как впредь быть. Екатерина». Ответ императрицы передал Суворову старый друг, выдвинувшийся в царские статс-секретари, — П.И. Турчанинов.

Не пришло ещё время для похода на Варшаву. Стареющий генерал-аншеф был опечален высочайшим отказом. К тому же и любимый соратник Суворова, полковник-фанагориец Золотухин, погибнет в Польше в 1792 г. Василий Иванович Золотухин (1758–1792) отдал жизнь в единственной екатерининской войне с поляками, в которой Суворов не принял участия. Хотя и просился в бой. Золотухина Суворов любил сердечно, даже способствовал его знакомству с дочерью, Наташей Суворочкой, — а это было знаком редчайшего доверия. Перед Измаилом, из Бырлада, Суворов в письме близкому к Потёмкину В.С. Попову охарактеризовал Золотухина: «Служба его непорочна, должности с трудами их в его должности замыкались, и храбрость его надлежала быть ограждена не одной смелостью, как часто в частных, но руководствуема искусством и мужеством… Жизнь краткая, наука длинная, и последнее откуда он лутче почерпнёт, как от меня, ему привязанного, и до истинного мирного времени на что ему полк? Не слушайте его, как молодого человека, ещё гибкого к льстивым советам без разбору, будьте ему покровитель!» Суворов как будто чувствовал, что нельзя Золотухина отпускать от себя. Отлепившись от Суворова, полковник Фанагорийского полка, герой Фокшан, Рымника и Измаила погибнет.

В Финляндии Суворов проявлял себя не только как генерал-инженер, строитель крепостей, но и как стратег, готовящийся к возможному нападению шведов. Суворов просчитал несколько возможных вариантов действий агрессора и определил даже количество войск, необходимых для ведения оборонительной войны со Швецией: 28 батальонов пехоты, 6 эскадронов драгун и гусар, четыре казачьих полка. Если бы необходимо было вести войну наступательную, предпринимая наступление на

территорию противника, потребовалось бы пополнение в составе 3–4 пехотных полков и 9 драгунских и гусарских эскадронов. Это минимальные силы для решения таких задач. В этих расчётах Суворов проявил себя весьма рачительным, экономным хозяином. Казне такие операции обошлись бы сравнительно недорого. Когда в 1808–1809 гг. России придётся вести войну со Швецией, командование обратится к наследию Суворова, к его соображениям о войне со шведами. И советы Суворова помогут его преемникам через 16 лет…

Внимание старого солдата не ослабляется ни на минуту — даже в выполнении нежеланного задания Суворов работает не за страх, а за совесть, не жалея сил. В окружении Екатерины многие отнеслись к финляндской службе Суворова с опаской: энтузиазм генерала казался непомерным, а отчёты — туманными. Чиновникам не по душе пришлось суворовское стремление к бесконтрольности, да и нагрузки, к которым Суворов приучал своих солдат-строителей, воспринимались как чрезмерные.

Укрепив северные границы империи, Суворов снова отправился на юг, где разработал систему оборонительных сооружений Причерноморья, создал план возможной войны с Турцией. Суворову поручили заняться строительством и ремонтом укреплений — но в Петербурге опасались, что генерал-аншеф слишком рьяно возьмётся за дело и изнурит войска на строительных работах.

Суворов осмотрел Еникольскую и Фанагорийскую крепости, занялся их переустройством. Прибытие Суворова на границу с Турцией не осталось не замеченным в Европе. Русский представитель в Стамбуле писал ему: «Один слух о бытии вашем на границах сделал и облегчение мне в делах, и великое у Порты впечатление; одно имя ваше есть сильное отражение всем внушениям, кои от стороны зломыслящих на преклонение Порты к враждованию нам делаются». Между тем Суворову приходилось восстанавливать в застоявшихся войсках дисциплину. В памяти офицеров остались мудрые меры Суворова: узнав о распущенных нравах в Ряжском пехотном полку, где нижние чины то торговали рыбой, то пьянствовали, он потребовал, чтобы каждый в полку наизусть затвердил суворовский военный катехизис. А свободное время солдат он занял интенсивными учениями. Полк пришёл в божеский вид. И — практически без «палочек»!

Интересуют Суворова и вопросы медицинского освидетельствования солдат, а в апреле 1793 г. он пишет Н.И. Салтыкову о гнилом провианте в полках… Завязалась переписка с Военной коллегией, в которую вмешалась и просвещённая императрица. Екатерина прислала в коллегию записку,

звучавшую весьма грозно: «Белевского и Полоцкого полков полковников, карасубазарского магазейна провиант кто подрядил, кто в смотрении имел, провиантского штата провиантмейстера или комиссионера — прикажите судить и сделайте пример над бездельниками и убийцами, кои причиной мора ради из воровства и нерадения, и прикажите сделать осмотр прочим магазейнам в той стороне, и на каторгу сошлите тех, кои у меня морят солдат, заслуженных и в стольких войнах храбро служивших. Нет казни, которой те канальи недостойны». Разумеется, к Суворову прибыл решительно настроенный ревизор из Петербурга, и вместе с генералом, которого выбрал для комиссии Суворов, он занялся осмотром провиантских складов. Карасубазарская мука была признана негодной. Суворов торжествовал: маленькая, но победа! Карасубазарский магазин находился в ведении генерал-поручика Андрея Григорьевича Розенберга, который в то время командовал войсками Таврической области и подчинялся Суворову. Уже тогда в отношении Суворова к Розенбергу был заметен холодок. В 1799 г. Розенберг — к тому времени генерал от инфантерии — примет участие в Итальянском и Швейцарском походах, и не всегда будет находить общий язык с Суворовым.

Положение с больными в южнорусских полках оказалось бедственным. Суворов создаёт специальные комиссии, выяснявшие причины болезней. Комиссии работали в полках по-суворовски, от зари и до зари. Нужно было решительно исправлять положение дел с санитарным состоянием армии — и Суворов энергичными действиями за несколько месяцев выправил ситуацию. Немало внимания уделяет Суворов институту ротных фельдшеров. Он давно вник в работу армейских лекарей. Зрелые представления Суворова об устройстве военно-медицинской службы и наиболее эффективных методах её работы отражены в приказе от 31 октября 1793 г. — в этом памятнике военной мысли фельдмаршал коснулся всех мелочей, вплоть до пития кваса.

Профилактику заболеваний Суворов считал более важным делом, чем стационарное лечение. Командиры-суворовцы вместе с фельдшерами должны были приноравливаться к климатическим условиям, принимать меры для предупреждения эпидемий, заботиться о чистоте, которая, как известно, *залог здоровья* . Суворову удалось найти единомышленника в лице штаб-лекаря Белопольского, который под влиянием своего генерал-аншефа составил «Правила медицинским чинам». Суворов и в отношении к медицине был оригиналом. Считалось, что и здесь он действует не по правилам, но внимание к гигиене и условиям труда было курсом, опережающим время. И от результатов совместной

работы Суворова и Белопольского командование не могло отмахнуться: полки стали здоровее, боеспособнее.

Вплотную занялся Александр Васильевич и строительством портовых укреплений в Севастополе. Ещё в годы правления Шагин-Гирея Суворову полюбились эти края: «Подобной гавани не только у здешнего полуострова, но и на всём Чёрном море другой не найдётся», — писал он об Ахтиарской бухте за десять лет до основания Севастополя. Тогда, по инициативе Суворова, там были построены первые укрепления. В XVIII в. город назывался то Ахтиаром (Ахтияром), то Севастополем. Есть все основания считать Суворова основателем этого удивительного крымского города.

Город — «гордость русских моряков» на заре своего существования запомнил крепкую руку Суворова. Генерал-аншеф прибыл в Севастополь 8 февраля 1793 г. Инженер Франц Павлович Деволан представил Суворову план строительства береговых укреплений и смету затрат. Граф Рымникский с удовольствием утвердил этот план, превративший только что основанный Севастополь в укреплённую «цитадель Тавриды». Ведь эти бухты Суворов облюбовал ещё в начале 1780-х! С Деволаном Суворов сперва не нашёл общего языка, они спорили. Однажды во время спора русский француз в отчаянии выпрыгнул в окно. Эта выходка понравилась Суворову, он выпрыгнул вслед за Францем Павловичем. После этого они подружились и сообща работали над строительством укреплений. В ноябре именно Деволану Суворов продиктует свой план войны с Турцией — войны, которая должна была раз и навсегда покончить с опасным геополитическим соперником России, с Османской империей, потому Суворов и называл этот план «окончанием вечной войны с турками». Над ним Суворов работал весь 1793 год. Планы покорения Константинополя, освобождения Греции и восстановления Восточной Римской империи во главе с Екатериной Великой были солью российского православного империализма последней четверти XVIII в. С такими планами носились многие «екатерининские орлы», но Суворову, который имел основания готовиться к скорой войне с Портой, удалось создать проект, учитывающий реальное соотношение военных сил и боевую подготовку войск. С надеждами на столь знаменательную кампанию будут связаны колебания Суворова на первом этапе войны с Польшей, когда генерал-аншеф поначалу не торопился включаться в польские события, готовясь «воевать турка».

Но не все инициативы Суворова встречали понимание в Петербурге. Проекты строительства укреплений в Севастополе и

Кинбурне в последний момент не были утверждены. А ведь работы уже шли! Суворов подписал векселя, резонно рассчитывая на государственную казну. Но императрица решила обождать со строительством, и правительство отнесло эти затраты на счёт Суворова. Не помог и старинный друг П.И. Турчанинов, имевший немалое влияние на решение таких вопросов. Суворов вёл с ним и в эти дни достаточно откровенную переписку, но всё не впрок. 21 июня Суворов, загнанный в угол, обращается к Хвостову с просьбой занять 20 000 золотом. Если занять не удастся — Суворов был готов продать новгородские деревни. Но после таких унижений Суворов не считал возможным продолжать службу в Отечестве. Он писал Хвостову: «И не столько оскудение жалко, сколько по оному принуждённо волонтёрство, ибо как после сего глаза казать России?» Но к июлю императрица смилостивилась, написала директору Заёмного банка П.В. Завадовскому: «Отпустите по получении сего 250 тысяч из банка графу Суворову-Рымникскому». С долгами удалось расплатиться, но бездействие в ожидании денег приводило Суворова в ярость. И не всё из намеченного удалось построить… Разочарованный Суворов писал Хвостову: «Истинно не моё дело инженерными миллионами править. Какой бы малой корпус ни был, всё мне лучше быть в поле…» Но, пока не было сражений с картечью, штыковыми атаками и кровопролитием, приходилось тянуть лямку, заботясь о границах империи, возводить крепости, воевать с бумажной волокитой и, конечно, заниматься воспитанием войск.

Императрица, войдя в положение неутомимого генерал-аншефа, решила вознаградить его за нервотрёпку с векселями. Ко второй годовщине Ясского мира Суворов был награждён похвальной грамотой с описанием его военных подвигов и заслуг в постройке «оборонительных зданий и укреплений». Чтобы поправить финансовое положение Суворова, императрица добавила к грамоте драгоценный эполет и перстень с алмазом.

Снабжение армии и нужды военного строительства были в те годы территорией мздоимства, взаимного шантажа купцов и чиновников… Столкновения Суворова с коррупционной системой не добавляли полководцу вдохновения.

1794-й. Суворов и гибель польской государственности

Для начала — приведу выдержки из недавней статьи в польской газете «Nasz Dziennik», наделавшей шуму в нашей стране:

«…Между тем Россия чтит генерала Александра Суворова — человека, устроившего резню в Праге. Перед своей поездкой в Нью-Йорк на сессию ООН во время визита в Швейцарию президент России Дмитрий Медведев возложил цветы к памятнику Суворову, произнеся при этом соответствующую речь во хвалу российского оружия…

Россия традиционно почитает Суворова, который в нашей истории отличился с самой худшей стороны, и это не единичный случай. Для нас Суворов является чрезвычайно негативной фигурой, однако в современной истории есть много персонажей с обагренными кровью руками, от которых Россия не отмежевалась, так как это потребовало бы от нее пересмотра собственной истории», — считает Мачей Мачейовский (Maciej Maciejowski), член городского совета от партии PiS. Он скептически оценивает молчание варшавского руководства: «У меня нет сомнений, что они, скорее всего, не придут. В противном случае они бы уже ответили на приглашение. Стоит добавить, что до сих пор нет соответствующего монумента в память жителям Варшавы, ставшим жертвами резни, имевшей признаки геноцида, им поставлен лишь скромный крест». «При этом в Варшаве продолжают стоять памятники Красной Армии и советским солдатам», — добавляет Павел Лисецкий (Paweł Lisiecki), другой член городского совета района Прага-север от партии PiS. Инициатива должна принадлежать органам самоуправления, которым нужно было бы принять специальное постановление, но окончательное решение о возведении памятника и месте его размещения должен принять Отдел по архитектуре, подчиняющийся Городскому управлению. «Пусть сначала примут постановление, потом можно будет говорить о разрешении», — отвечают чиновники.

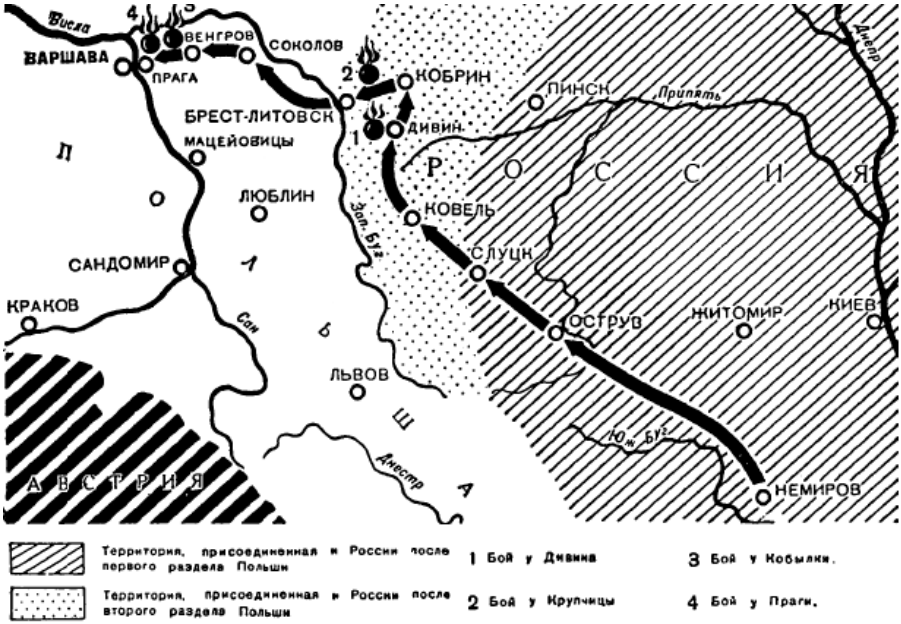
Лисецкий заявляет, что он готов внести такое предложение на очередном заседании районного совета. По мнению историков, действия России имеют целью распространение ее варианта исторической политики. «Россияне стремятся к тому, чтобы собрать воедино различные события, формирующие фундамент их имперской политики, которую они декларируют как полезную

и верную. Они часто играют на антипольских струнах, а все для того, чтобы подчеркнуть военное превосходство современной России», — говорит историк Мечислав Рыба.

Истребление мирного населения варшавской Праги имело место 4 ноября 1794 г., когда российские силы под командованием генерала Александра Суворова сломили сопротивление польской обороны. В результате длившейся несколько часов волны убийств погибло около 20 тысяч человек. Эта атака подавила левый берег Варшавы и склонила столицу к капитуляции. Тогдашний британский посол в Варшаве назвал убийство мирных жителей отвратительным варварством, а царица Екатерина II в честь победы учредила орден — Крест за взятие Праги».

Такую политически заострённую версию событий предлагают в современной Польше. Польский поход 1794 г. долгое время был малоизвестным подвигом Суворова: наши обязательства перед партнёрами по Варшавскому договору и СЭВ требовали говорить о той кампании без подробностей. Мы можем глубже вникнуть в ход тех событий.

Суворов участвовал в польской войне 1768–1772 гг. Крепко бил конфедератов. Память о Суворове среди поляков после Ландскроны и Кракова стала легендарной. Русский генерал, хозяйничавший в Люблине, разбивший Дюмурье, Пулавских и Огиньского, заставил себя помнить и уважать. Громкие победы русского генерала над турками сделали его имя в Польше общеизвестным — и оно действительно наводило ужас на противников России. Из русских генералов, воевавших в Польше в 1770–1780-е, Суворов отличался бережливым отношением к мирным обывателям и рыцарским уважением к таким благородным врагам, как Пулавские. Но к девяностым годам политическая ситуация существенно изменилась, изменился и принцип взаимоотношений России и Польши. Причина метаморфозы — фактор Великой французской революции.



Военные действия в Польше в 1794 году.

Речь Посполитую раздирали конфедерации. В неразберихе конкуренции политических группировок страна потеряла единство управления. Этот самоубийственный угар шляхты, перекинувшийся и в массовый обиход, продолжался несколько десятилетий, а французская революция дала польским бунтарям новый сильный импульс. Позволю себе отступление: на взгляд из XXI в. пятидесятилетие распада Речи Посполитой удивительно напоминает современную ситуацию на Украине — разумеется, если брать в расчёт только внутреннюю политику. Славянские страны с противоречивым отношением к могучей соседке-России. Калейдоскоп политических витий, использующих народные волнения для борьбы друг с другом, непримиримые противоречия между регионами и много громких, пьянящих слов — свобода! Родина! Европа! И вечный Майдан. Польский «оранжад» три века назад привёл страну к катастрофе. Конечно, различий здесь не меньше, чем сходства, но историческая аналогия просматривается.

Разумеется, у польских несчастий есть и другие причины. Славянские народы не могли ужиться под варшавской короной из-за религиозной и национальной розни. Не справлялась Речь Посполитая с политическим освоением обширных православных и грекокатолических (униатских) областей. Украинцы, белорусы, сильная еврейская прослойка — эти факторы стали для Польши тяжким многонациональным бременем.

К 1794 г. в ослабленной, зависимой от Петербурга Польше начались брожения. Польские патриоты не могли примириться с

униженным положением отечества — а тут ещё и якобинский хмель ударил в головы. Революция вызревала в тайне, а наружу прорвалась, когда русский генерал Игельстрём, командовавший войсками империи, пребывавшими в Польше, начал роспуск польских войск. Игельстрёму не хватало дипломатических дарований, но польское свободолюбие и без внешних раздражителей рвалось из теснин государственного кризиса. Генерал Антоний Мадалинский не подчинился, выступил из Пултуска со своими кавалеристами. К нему присоединялись другие отряды. Мятежный корпус напал на русский полк, затем — на прусский эскадрон, разбил их и с триумфом отошёл к Кракову. Тут же в Польшу, в Краков явился Тадеуш Костюшко, признанный вождь революции. На рыночной площади Кракова он произнёс свою клятву и был избран главным начальником восстания: это событие навсегда останется культовым в истории Польши. Военный инженер по образованию и революционер по призванию, он уже воевал против русских в рядах Барских конфедератов, после чего сражался за океаном, в армии Джорджа Вашингтона, от которого получил генеральское звание. В 1794-м, на волне революции, он примет звание генералиссимуса — за пять лет до Суворова!

Чтобы разобраться в природе тогдашнего русского отношения к Костюшко, достаточно процитировать екатерининский рескрипт Суворову от 24 апреля: «Граф Александр Васильевич! Известный вам, конечно, бунтовщик Костюшко, взбунтовавший Польшу, в отношениях своих ко извергам Франциею управляющим и к нам из верных рук доставленных, являет злейшее намерение повсюду разсевать бунт во зло России». Не в первый раз назревала слаженная международная кампания против России: кроме Польши удар могли нанести турки и шведы. Очередная война с турками месяц за месяцем назревала. Надо думать, решительность Костюшко укреплялась этими обстоятельствами (как и золотом «Парижской конвенции»).

Костюшко стремился привлечь к восстанию широкие слои крестьянства, превратить революцию из офицерской в народную. Манифесты — *универсалы* Костюшко пугали шляхту, были, может быть, слишком радикальны. Участники восстания освобождались от панщины, получали личную свободу. Польша — не Франция, и решающим в событиях 94-го был всё-таки националистический, а не социальный фактор. Офицеры были готовы вести свои отряды за свободу от русских и немцев, а не за конституционные права, не за республику. Король Станислав-Август в этой ситуации занял двусмысленную позицию. Он был многим обязан Екатерине, всем была известна его пророссийская позиция, но в роковые дни

король не мог занять откровенно антипатриотическую позицию. Да-да, это был всё тот же Станислав Понятовский, блестящий любовник молодой Екатерины. Тот Понятовский, которого только русское оружие (и лично Суворов!) защитило от Барской конфедерации.

Восставшие не могли забыть, как безропотно король следовал высокомерным предписаниям Репнина, как превращался в марионетку. Теперь Станислав-Август пытался сотрудничать с Костюшко, не искал контрреволюционных тайных связей с русскими и пруссаками. Тем временем в Варшаве говорили о традициях французской революции, действовали якобинские клубы, с кафедр возносилась хвала Робеспьеру. Король в такой ситуации не мог чувствовать себя комфортно. Но Костюшко не стал разжигать антимонархический костёр; борясь с иноземцами, он искал компромисса в отношениях с королём-поляком. Революционный Верховный совет, переборов презрение, оказывал Станиславу-Августу знаки почёта. В то же время Костюшко заключил короля в своеобразную блокаду, контролируя его переписку и передвижения. Когда Станислав-Август посетил строительство пражских укреплений на подступах к Варшаве, горожане оказали ему весьма холодный приём. Кто-то даже бросил дерзкую фразу: «Лучше уйдите отсюда, ваше величество, всё, за что вы берётесь, заканчивается неудачей». Борясь против польской армии, против инсургентов, русские генералы, а в первую голову — Суворов, к королю относились с подчёркнутым почтением. Традиция и реальность в этой истории существовали как будто в параллельных реальностях. Уничтожая польскую государственность, русские монархисты, ненавидевшие революцию и республику, склоняли голову перед Станиславом-Августом, не припоминая ему заигрывания с генералиссимусом Костюшко…

Игельстрём пребывал в Варшаве с восьмитысячным корпусом, тем временем Костюшко успешно сражался с русскими армиями Тормасова и Денисова под Рославицами. Бурлила и Варшава. Инсургенты решили атаковать русских воинов в Страстную субботу. Для Игельстрёма такой поворот стал неожиданностью. Это был трагический день для русской армии, величайшее потрясение екатерининской России. Четыре тысячи солдат и офицеров было убито, остальные с потерями отступили из Варшавы к Ловичу. Прискорбные подробности того дня возмутили русское общество: говорили, что один из батальонов Киевского пехотного полка перерезали в православном храме, во время службы. Король (напомню, всем обязанный Екатерине и России!) попытался сгладить ситуацию, предлагал выпустить

русских из города, но в тот день его не слушала даже собственная гвардия. 6 апреля 1794 г. осталось в истории как варшавская Варфоломеевская ночь.

Побоище русского гарнизона случилось и в Вильне. Гарнизон генерала Исленьева был перебит и пленён: многих поляки застали врасплох во сне. Части гарнизона удалось выбраться из города: эти войска добрались до Гродно, на соединение с отрядом генерала Цицианова. Этому неунывающему, решительному и изобретательному воину удалось предотвратить аналогичный погром в Гродно: Цицианов пригрозил при первой попытке восстания ударить по городу артиллерией. Угроза возымела действие. Не случайно Суворов порой ставил в пример офицерам храбрость Цицианова. Но гродненский эпизод был редким успехом русских в первые месяцы восстания…

Петербург принимал меры. После второго раздела Польши (1793) на присоединённых территориях был образован пятнадцатитысячный корпус бывших польских войск, принятых на русскую службу. Под влиянием событий в Варшаве в этих войсках разгорелось восстание. И императрица, разумеется, издала указ о расформировании бывших польских войск: «Худая их верность сказалася уже побегом многих из них и явными признаками колеблемости».

И.П. Салтыков настойчиво просит Суворова помочь ему войсками в борьбе с польским восстанием: просит сначала перевести в Польшу казачьи полки, а затем и более серьёзного подкрепления. Суворов из Очакова отвечает Салтыкову вежливыми отказами: не имея высочайшего повеления, Суворов отказывается двинуть полки в присоединённые губернии — Брацлавскую и Изяславскую. Рескрипт Екатерины пока что лишь ожидался, а Суворов беспокоился, что после экспедиции в Польшу «некомплект весьма обессилит границы здешних пределов», а от Турции в 94-м снова ожидали агрессии. Наконец, 8 мая, получив императорский указ, Суворов включился в разгорающуюся польскую кампанию, принялся разоружать польские части в Брацлавской губернии. Но основные силы Суворова всё ещё были обращены на турецкую границу.

За две недели до этого указом Екатерины главнокомандующим войсками, расположенными на границе с Турцией и Польшей, был назначен П.А. Румянцев. Итак, часть суворовских войск двинулась в Брацлавскую губернию: Черниговский карабинерный полк, Херсонский гренадерский, Старо-Ингерманландский и Полоцкий пехотные, Острогожский легкоконный, Стародубовский карабинерный, Переяславский конноегерский, два белорусских егерских батальона и пять

казачьих полков.

Заниматься фортификацией, укреплениями и подготовкой к возможной войне с Портой, когда в Польше уже говорила картечь, Суворову было невыносимо. В планах генерал-аншефа — быстрое усмирение Польши и возвращение на юг для отражения возможной турецкой агрессии. В этом раскладе Суворову слышались трубные звуки новой славы. И он обращается к Румянцеву с просьбой: «С турками тогда война, как они армию по сю сторону Дуная, и близка, как они собиратца станут на черте Шумлы. Ныне обращаюсь я в ту ж томную праздность, в которой невинно после Измаила. Сиятельнейший граф! Изведите меня из оной. Мог бы я препособить окончанию дел в Польше и поспеть к строению крепостей». В доверительном письме своему вновь обретённому влиятельному родственнику П.А. Зубову Суворов осуждает «начальников наших» в Польше, которые пребывают в «роскошах» и «невежественной нерешимости».

Дела союзников в Польше шли прескверно. Костюшко превосходно организовал оборону Варшавы — и осада окончилась для русско-прусского корпуса провалом. Уничтожение небольших польских отрядов, суетливые марши по окраинам Речи Посполитой не приносили успеха. И дипломатия, и военные в Петербурге пребывали в растерянности: польская проблема представлялась критической, и залечить эту кровоточащую рану, казалось, было нечем. Авторитет империи был поколеблен энтузиазмом Костюшко и польским католическим национализмом — и горячие головы уже проводили аналогию с французскими событиями, а тут уж для Северной Паллады было недалеко и до сравнений с судьбой несчастного Людовика…

Затянись война — и в случае турецкой агрессии Россия оказалась бы в отчаянном положении. Общее командование разбросанным по городам русским 50-тысячным корпусом осуществлял князь Н.В. Репнин, давний проводник русской воли в Речи Посполитой. Довести до ума намерение уничтожить революцию ему не удавалось — и Репнина уже бурно критиковали и царедворцы, и офицеры. Потому-то Екатерина и обратилась к старому испытанному полководцу и дипломату, к графу Задунайскому. Можно предположить, что именно Румянцев посчитал эффективным использовать в Польше Суворова — генерала, перед которым поляки трепетали. Любопытно, что польские патриоты, чтобы ослабить гипноз суворовского имени, ещё в 1790-м пустили слух, что генерал-аншеф Александр Суворов, граф Рымникский, погиб при штурме Измаила. Тогда русская миссия в Варшаве даже выступила со специальным опровержением, но слух утвердился. И теперь поляки утешались

иллюзией, что у границ Речи Посполитой расположился с войсками не тот Суворов, а его однофамилец. Только после гибели корпуса Сераковского сомневающихся в Польше не осталось: Суворов снова был тот самый!

8 июля Суворов с небольшим отрядом прибывает в город Немиров. Он помогает войсками русским частям в Польше, но сам никак не может дорваться до боевых действий. Война с Турцией никак не начиналась… В бурной послереволюционной обстановке даже непродолжительное бездействие казалось Суворову роковой потерей времени. От отчаяния он пишет прошение императрице (кроме того, аналогичное письмо Суворов посылает влиятельному Платону Зубову): «Вашего императорского величества всеподданнейше прошу всемилостивейше уволить меня волонтёром к союзным войскам, как я много лет без воинской практики по моему званию». Письмо это не встретило понимания — и Суворов так и не стал в 1794 г. грозой революционных армий. Екатерина ответила воодушевляющее: «Ежечасно умножаются дела дома, и вскоре можете иметь тут по желанию вашему практику военную… почитаю вас отечеству нужным, пребывая к вам весьма доброжелательна».

Тем временем Петербург убедился в том, что на турецкой границе в ближайшее время сохранится мир, а польские дела требовали более серьёзного вмешательства. Широкий размах восстания отвлёк силы союзников от Франции и непосредственно угрожал западным окраинам Российской империи. Наконец, Суворов был назначен командующим армией, направляемой в Польшу. В письме Суворову Румянцев прямо определил мотивацию назначения: «Видя, что ваше имя одно, в предварительное обвещение о вашем походе, подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи». Румянцев в отличие от Репнина умел видеть кратчайший путь к победе.

14 августа Суворов выступает из Немирова с небольшим 4,5-тысячным корпусом в сопровождении лёгкого обоза — с этого-то дня и начинается знаменитая польская кампания 1794 г. К сражениям Суворов готовится, скрупулёзно просчитывая варианты развития событий, составляя пространный Приказ войскам, находящимся в Польше, о боевой подготовке. Весь опыт прежних кампаний — и польской, и турецких, и кубанской — отразился в этом блестящем руководстве. «При всяком случае сражаться холодным ружьём. Действительный выстрел ружья от 60-ти до 80-ти шагов; ежели линия или часть её в подви€ге (т. е. в движении . — *А.З.*) на сей дистанции, то стрельба напрасна, а

ударить быстро вперёд штыками. Шармицыли не нужны, наша кавалерия атакует быстро и рубит неприятельскую саблями. Где при ней казаки, то они охватывают неприятеля с флангов и тылу». Коснулся Суворов и армейской этики, которая в партизанской войне имеет особое значение: «Во всех селениях вообще, где неприятель обороняться будет, естественно должно его кончить в домах и строениях. Крайне остерегаться и от малейшего грабежа, который в операции есть наивреднейшим; иное дело штурм крепости: там, по овладении, с повеления, несколько времени законная добычь: склонно к тому, что до неприятельского лагеря, по его овладению. Обывателям ни малейшей обиды, налоги и озлобления не чинить: война не на них, а на вооружённого неприятеля».

Суворов движется к Бресту, соединяясь с новыми вверенными ему корпусами. В Ковеле 28 августа к армии присоединился корпус генерала Буксгевдена. На марше из Ковеля на Кобрин к Суворову должны были присоединиться войска генерал-майора Ираклия Моркова, который не раз надёжно выполнял боевые задания Суворова — в том числе и в критической ситуации, на Кинбурнском мысе и под Измаилом. Суворов, как правило, сохранял уважительные отношения с генералами-соратниками, которых видел в деле, которыми был доволен. Увы, в случае с Морковым это правило не подтвердилось. 30 августа Суворов написал Моркову резкое письмо, отчитав его за трансляцию неверных сведений о противнике: «Доносили вы, будто неприятель из Люблина подсылал свои партии под самый Луцк, не именовав в сём доношении сих вестовщиков. Я вам замечаю сие как непростительное упущение, по чину и долгу вашему требую от вас разъяснения. А то сии курьеры, неизвестно от кого отправлены были и вами пересказываемое слышали, видя, что подобные тревожные известия от неприятеля нередко рассеиваются». Суворов с раздражением увидел в поступке боевого генерала бабью склонность к сплетне и не сдержал гнева. Возможно, у Суворова были и иные претензии к Моркову. После такой головомойки 44-летний генерал почёл за благо сказаться больным и отпросился у Суворова долой с театра боевых действий.

В конце августа случились первые стычки казаков (в авангарде шёл отряд казачьего бригадира Исаева) Суворова с передовыми польскими отрядами, 4 сентября суворовский авангард разбивает крупный отряд конницы Сераковского, а 6 августа поляки дали Суворову первое серьёзное сражение кампании — при Крупчицах.

Войска Сераковского заняли удобную позицию с Крупчицким

монастырём в тылу; пять хорошо укреплённых батарей прикрывали фронт. Бой с Бржеским корпусом генералов Мокроновского и Сераковского продолжался более пяти часов. Поляки потеряли убитыми до трёх тысяч из 17-тысячного корпуса и в беспорядке отступили, как писал Суворов, к Кременцу Подольскому, а обосновались в Бресте. Потери русских убитыми и ранеными не превышали 700 человек.

Через два дня Суворов настигает 16-тысячное войско Сераковского у Бреста. Цель Суворова проста и ясна: уничтожить, рассеять, показать остальным противникам, что сопротивляться российской армии бесполезно. В час ночи 8 сентября суворовцы перешли вброд речку Мухавец, а в пятом часу утра — Буг — в обход польских позиций. Пехоту Суворов расположил в центре, по флангам — конницу: правое крыло — под командованием Шевича, левое — Исленьева. Центральной колонной командовал Буксгевден. Дежурным генералом при Суворове был координировавший общее командование генерал Потёмкин — глаза, уши и правая рука Суворова в брестском сражении.

Сераковский ждал нападения со стороны Тересполя. «Неприятель быстротою наших движениев был удивлён», — пишет Суворов. Русские полки шли через болота, выполняя приказ: «Патронов не мочить». Преодолев сумятицу, Сераковский меняет направление фронта; он выстроил свою пехоту в три колонны, артиллерию расположил между ними. Русская атака, как обычно, не смутилась артиллерийским огнём и потеснила колонны Сераковского. Три польские колонны организованно отступили к более удобным позициям: они заняли высоты за деревушкой Коршином. Идти на приступ высот было затруднительно. С левого фланга ударила конница Исленьева. Две атаки полякам удалось отбить, с третьей Исленьев захватил несколько орудий и нанёс сильный урон польской пехоте. Подоспела и быстрая атака егерей. Сераковский предпринял отступление к лесу. С правого фланга, под артиллерийским и ружейным огнём, в атаку пошла кавалерия Шевича. Целая батарея неприятелей была изрублена. Сильно потрепал Шевич и соседнюю батарею. Исленьев, в свою очередь, успешно атаковал лесную батарею и завязал бой с третьей колонной Сераковского. Подоспевшие егерские батальоны довершили разгром.

Поляки сражались стойко, к бегству прибегли слишком поздно — и потому на поле боя пали едва ли не все. Пали с честью.

Суворов остался доволен стараниями своих войск и генералов. Его восхитила кавалерия, уничтожившая плотные колонны Сераковского — лучших польских солдат. «В первый раз

по всеподданнейшей моей… более 50-ти лет службе сподобился я видеть сокрушение знатного, у неприятеля лучшего, исправного, обученного и отчаянно бьющегося корпуса — в поле! На затруднительном местоположении», — живописно докладывал Суворов Румянцеву. Особенно выделял он за Крупчицы и Брест генерал-майора Исленьева и генерал-поручика Потёмкина. «Генерал-майор Исленьев, отправляя должность при мне главного дежурного, с отличными трудами и похвалою, особливо в обеих баталиях при Крупчиц и Бржесце, пособил весьма победам его благоразумными распоряжениями. Сей беспримерной храбрости генерал с левым крылом нашей кавалерии тотчас в карьере пустился в атаку, изрубил часть задней колонны и конницы, её закрывающей, с содействием казаков под толь неустрашимым бригадиром Исаевым, бывши в двух огнях между колонн и пехотной засады с пушками, которая вся изрублена. Напоследок дорубили и докололи они её, паки устроенную за деревнею Коршин» — это об Исленьеве. «Генерал-порутчик Потёмкин был всеместной директор атак! Сей муж великих талантов превзошёл себя в сей знаменитый день» — это о Потёмкине. Сражение продолжалось девять часов — до трёх часов дня. В тот день погиб практически весь корпус Йозефа Сераковского — спастись удалось сотне поляков, включая бежавших с поля боя генералов Сераковского и Понятовского. Третий генерал — Красинский — погиб. Следующие два дня казаки добивали в лесах неразоружившихся. «Недорубленный лес снова вырастает». Вся артиллерия Сераковского — 28 орудий с зарядными ящиками — оказалась в руках Суворова. Путь на Варшаву был открыт.

В рескрипте императрицы говорилось о награждении за победы при Крупчицах и Бресте: «Посылаем вам алмазный бант к шпаге, жалуя при том три пушки из завоёванных вами». В послужном списке Суворова вместо «банта к шпаге» фигурирует «бант к шляпе». По-видимому, здесь в высочайший рескрипт вкралась ошибка.

Убитыми и ранеными русские потеряли под Брестом около тысячи человек. Суворов 10 сентября на панихиде, по традиции, произнёс слово о павших, затем в Бресте обошёл раненых.

После Бреста Суворову непосредственно подчиняют три доселе самостоятельных русских корпуса, действовавших в Польше, — Ферзена, Дерфельдена, Репнина. Теперь армия Суворова насчитывала около 30 000 человек.

Тем временем корпус Ферзена, шедший на соединение с Суворовым, при Мацеевицах был встречен польскими войсками. Костюшко стремился не допустить соединения русских войск. Решающий удар полякам нанёс казачий отряд генерал-майора

Ф.П. Денисова, о чём Суворов с удовольствием отписал Румянцеву и Рибасу: «томная» деятельность Ферзена и Дерфельдена в кампании вызвала нарекания Суворова, и Денисова он выделял с дальним прицелом. Девятитысячный польский корпус был наголову разбит войсками Ферзена у Мушковского замка. Пленниками Суворова стали и Сераковский, и Каминский, и — главное — тяжело раненный Тадеуш Костюшко. Знатных пленников Суворов приказал под конвоем отправить в Киев.

Приустав от недолгого отдыха, 7 октября Суворов выступил из Бреста маршем на Варшаву, оставив в городе бригадира Дивова и около 2000 человек под его командованием — для контроля над областью и прикрытия обозов. В тот же день Пётр Александрович Румянцев рапортовал императрице о Суворове и суворовских победах, несколько запаздывая со сведениями — впрочем, такие опоздания в век отсутствия современных информационных технологий были неминуемы.

К походу Суворов готовился весьма основательно, с учётом возможных неожиданных партизанских движений противника. Только с надёжным тылом можно было отправляться в наступление. Особыми распоряжениями Суворов предупреждал возможные конфликты с мирным населением. После пражских и виленских событий многие солдаты были настроены озлобленно, дух мести витал над армией. Но Суворов не допускал войн с безоружными. На местное население — в особенности на православных белорусов — Суворов в походе опирался. С католическим польским крестьянством было сложнее, но и с ними русская армия обходилась без мародёрства и карательных акций.

К Варшаве повёл свой корпус и Дерфельден. В Станиславове к армии Суворова присоединяются войска генерала Ферзена. Тучи над польской революцией сгустились неумолимо. У Кобылки авангард Суворова сталкивается с пятитысячным польским отрядом генерала Мокрановского. Суворов лично идёт в атаку с кавалерией, как и под Брестом, отрядив на фланги Исленьева и Шевича. Бой продолжился в перелесках, затруднявших движение конницы. Суворов приказывает кавалеристам спешиться, начинается сеча. Сабельная атака спешенных кавалеристов (их поддерживал единственный батальон егерей!) была предприятием поразительным. Переяславский полк при поддержке казаков обходит польские позиции, пробирается через болота и ударяет неприятелю в тыл. В итоге Суворов получил возможность без обиняков написать в рапорте: «Неприятель весь погиб и взят в полон».

У Кобылки Суворов останавливается, разбивает лагерь. Владелец Кобылки — пожилой граф Унру — был настроен пророссийски и давно почитал Суворова. Казаки, приняв графа за действующего польского генерала, под конвоем привели его к Суворову. Суворов обнял его как старого товарища. В усадьбе графа Унру состоялся совместный дружеский обед русских и пленных польских офицеров. О тех днях сохранился милый исторический анекдот, пересказанный Денисом Давыдовым. В Кобылке «Суворов спросил у графа Кенсона: «За какое сражение получили вы носимый вами орден и как зовут орден?» Кенсона отвечал, что орден называется Мальтийским и им награждаются лишь члены знатных фамилий. Суворов долго повторял: «Какой почтенный орден!» Потом обращался к другим офицерам: «За что вы получили этот орден?» Они отвечали: «За Измаил, за Очаков и т. п.». Суворов саркастически заметил: «Ваши ордена ниже этого. Они даны вам за храбрость, а этот почтенный орден дан за знатный род».

В Кобылке 19 октября к Суворову присоединяется корпус Дерфельдена. Вся тридцатитысячная армия теперь собрана в кулак. Суворов уже решил судьбу Варшавы, откуда недавно ретировалась армия прусского короля Фридриха-Вильгельма… Начинаются насыщенные учения, в приказе Суворова говорилось: «Экзерцировать так, как под Измаилом». Для штурма заготовлялись плетни, фашины, лестницы. Правой рукой Суворова при подготовке штурма становится верный боевой товарищ и ученик Илья Алексеевич Глухов (1762–1840), в то время — инженер-капитан. После победы, с подачи Суворова, о нём вовсю заговорят на высочайшем уровне. Илья Глухов был настоящим суворовским чудо-богатырём, таких Суворов привечал и расхваливал громогласно и цветисто, чтобы стали они высокими маяками для других. Под Измаилом он был поручиком — и Суворов настойчиво хлопотал перед императрицей о награждении умелого и расторопного инженера, вникая в его судьбу даже из пасмурной Финляндии. Тогда, под стенами грандиозной турецкой крепости, Глухов был неустанным помощником главного квартирмейстера Петра Никифоровича Ивашева, произведённого в секунд-майоры за храбрость и расчётливость, проявленные при штурме Измаила. Рядом с Суворовым и Ивашевым был Глухов и при подготовке штурма пражских укреплений. В реляции Румянцеву «О штурме прагских ретранжаментов» Суворов укажет: «Пункты, на которые приступ вести надлежало, и пункты, где колонны для атаки начального сигнала ожидать должны были, поручено было указать правым четырём колоннам генерал-порутчику Потёмкину, и левым трём

колоннам генерал-порутчику Ферзену, по прожекту инженер-квартермистра Глухова». Ивашев под Прагой был уже подполковником, а в финале похода 1794 г. он получит полковничий чин. После пражской виктории Суворов так рьяно ходатайствовал за своего любимца Глухова, что Екатерина заметила в письме Гриму: «Граф двух империй расхваливает одного инженерного поручика, который, по его словам, составлял планы атак Измаила и Праги, а он, фельдмаршал, только выполнял их, вот и всё». Это о Глухове. Если Суворов так высоко ставил его искусство и не жалел красок для выражения восторгов — значит, он всерьёз считал Глухова незаменимым, доверял ему. А что может быть важнее при серьёзном штурме, чем доверие полководца инженеру! Во время Итальянского похода инженер И.А. Глухов носил уже чин полковника, он отличится при штурме Александрии. А закончит службу, как и Пётр Ивашев, в высоком для инженера чине генерал-майора. После штурма Праги Глухов получит Георгия четвёртой степени с почётной формулировкой: «За особливое искусство, доказанное снятием плана Прагского ретранжамента для устроения батарей, тако ж и за отличное мужество, оказанное при приступе». Судьба Глухова — как судьба всей российской армии — нерасторжимо связана с подвигами Суворова. И показательно, что ученик Суворова Глухов оставался одним из лучших русских военных инженеров и в годину Отечественной войны.

Штурм Праги — дело архиодиозное. Европейская пропаганда именно на основании пражских событий представляла Суворова людоедом и мясником. На этой идее сходились непримиримые противники: французы-республиканцы и англичане-монархисты. Антироссийский мотив всегда ложится лыком в строку, это мы знаем и на примерах из XX, да уже и из XXI в. Постараемся подробнее, на основании документов, разобрать этот — решающий! — эпизод войны 1794 г.

Суворов в Польше действовал самостоятельно, но советы Румянцева не были излишними. 29 октября Задунайский писал Рымникскому: «…Я рассматривал с многой прилежностию мне присланной план, по которому Прага, хотя бы и слабо, но двойным укреплением обведена, из которых, по мнению искусства знающих мужей, при взятии одного останавливаться не должно и удерживаться вовсе не можно; и я оканчиваю сие с тем удостоверением, что все уже учинено, что только в способах и в возможности находится и что ваше сиятельство еще один раз и то пред вашим приближением к Праге, испытали союзных по крайней мере так далеко подвигнуть, что каждой от своей

стороны хотя бы доказательствами неприятеля пугал, коему никакой надежды ко спасению и действительно не остается, разве в своем ускорении той или другой державе».

Так беседовали два полководца, хорошо понимавшие друг друга, умевшие обращаться с противником, как повар с картошкой, поворачивая его в нужном для России направлении.

Преемником Костюшки Верховный народный совет избирает Томаша Вавржецкого, который прибывает в Варшаву с курляндской границы. Вавржецкий был сторонником мирных переговоров: крепкой веры в успех революции у него не было. Но он был вынужден укреплять Прагу, стягивать в Варшаву силы и готовиться к отражению штурма. В спасительность пражских укреплений Вавржецкий, принявший новую должность «с отвращением», не верил, говорил, что «Прага погубит Варшаву». Но отказаться от тактики Костюшки он не мог. На что могли рассчитывать поляки в столь отчаянном положении? Считалось, что русская армия упустила наиболее подходящее для быстрого штурма летнее время. На блокаду Варшавы сил у Суворова не было, поляки это прекрасно знали. Осень размыла подступы к городу. Осадной артиллерией Суворов не располагал, и это тоже было известно командирам варшавского гарнизона. Кроме того, в Варшаве с апреля томились 1400 русских пленных. Их судьба могла стать важным предметом переговоров.

Прага была еврейским предместьем Варшавы на правом берегу Вислы. Ныне это давно переваренный большим городом восточный район польской столицы. С Варшавой её соединял длинный мост, прикрытый укреплением. Вся Прага была обнесена старинным земляным валом, а перед ним располагался вырытый по приказу Костюшки длинный ретраншемент. На укреплениях находилось более ста крупнокалиберных орудий. Предполагалось, что при отражении штурма их поддержат батареи с другой стороны Вислы.

В приказе по Азовскому мушкетёрскому полку (аналогичные приказы Суворова получили и другие подразделения) попунктно значилось:

«1. Взять штурмом прагский ретраншемент. И для того:

2. На месте полк устроится в колонну поротно. Охотники со своими начальниками станут впереди колонны, а с ними рабочие. Они понесут плетни для закрытия волчьих ям пред пражским укреплением, фашинник для закидки рва и лестницы, чтобы лезть из рва через вал. Людям с шанцевым инструментом быть под началом особого офицера и стать на правом фланге. У рабочих ружья через плечо на погонном ремне. С нами егеря Белоруссцы и Лифляндцы; они у нас направо.

3. Когда пойдём, воинам идти в тишине, не говорить ни слова, не стрелять.

4. Подошед к укреплению, кинуться вперёд быстро, по приказу кричать ура.

5. Подошли ко рву, — ни секунды не медля, бросай в него фашинник, опускайся в него, ставь к валу лестницы; охотники стреляй врага по головам, — шибко, скоро пара за парой лезь. Коротка лестница? Штык в вал — лезь по нём другой, третий. Товарищ товарища обгоняй. Ставши на вал, опрокидывай штыком неприятеля и мгновенно стройся за валом.

6. Стрельбой не заниматься, без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, споро, храбро — по-русски. Держаться своих, в середину; от начальников не отставать. Везде фронт.

7. В дома не забегать. Неприятеля, просящего пощады, щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать; малолеток не трогать.

8. Кого из нас убьют — Царство Небесное; живым — Слава, Слава, Слава».

Суворов донёс до нас состояние тех дней: «20 и 21 заготавливали плетни, фашины и лестницы. 22 числа все войски трёх корпусов тронулись тремя колоннами, вступили в назначенные лагерные места, от передовых окопов подале пушечного выстрела, при барабанном бое и музыке и тотчас разбили свой стан». Из соображений конспирации Суворов в первую же ночь пребывания перед Прагой приказал строить батареи. Со стороны центрального корпуса генерала Потёмкина — на 16 орудий, со стороны правого крыла, корпуса генерала Дерфельдена — на 22 орудия, с левого крыла, где располагался корпус генерала Ферзена, — на 48 орудий. Именно столько пушек и было в каждом из корпусов. Суворов писал: «Батареи были построены для того токмо, чтобы отвлечь неприятеля чаять приступа».

Нечасто бывает, чтобы столь детальный план был воплощён при штурме, в угаре жестокой битвы. Но в данном случае Суворову удалось продирижировать армией, как слаженным оркестром. Суворов был убеждён, что дело решит расчетливо направленная штыковая атака. Физическая подготовка армии позволяла на это надеяться. Так и случилось. В очередной раз суворовская пехота атаковала батареи, не боясь картечи, и штыковым ударом опрокинула противника. А конница Шевича и Грекова с криками «ура» и гиканьем вовремя изобразил отвлекающую атаку, прикрывая наступление пехоты на батареи.

В пять часов утра, по знаку сигнальной ракеты, войска

двинулись на Прагу.

Центральный корпус, в котором пребывал сам Суворов, формально возглавлял Потёмкин, первый помощник командующего в сражении, правое крыло — Дерфельден, левое, наступавшее с восточной стороны, — Ферзен. На штурм шли семью колоннами: у Дерфельдена — колонны Лассия и Лобанова-Ростовского; у Потёмкина — колонны Исленьева и Буксгевдена; у Ферзена — колонны Тормасова, Рахманова, Денисова.

На штурм с севера первыми пошли колонны Лассия и Лобанова-Ростовского. Они преодолевали волчьи ямы, забрасывая их плетнями, прошли ров и бросились на вал, наткнувшись на войска сторонника отчаянной обороны генерала Ясинского. В бою польский генерал был смертельно ранен, перебили и большую часть его солдат. В колонне Лассия шли три батальона гренадер любимого Суворовым Фанагорийского полка, батальон егерей Лифляндского корпуса, а в резерве — Тульский пехотный полк и три эскадрона Киевского конноегерского полка. В колонне полковника Дмитрия Лобанова-Ростовского шли два батальона Апшеронского и один батальон Низовского мушкетёрского полка, батальон егерей Белорусского корпуса, а в резерве колонны — другой батальон Низовского полка и три эскадрона спешенных Кинбурнских драгун.

В составе пражского гарнизона воевал недавно сформированный полк еврейских гусар (легкоконный полк) под предводительством недавно произведённого в полковники Берека Йоселевича. Пять сотен гусар-иудеев в польской армии ревностных католиков, не чуждых антисемитизма, — это, конечно, явление экстравагантное, достойное специального упоминания. Колонна Буксгевдена атаковала еврейских гусар в штыки, возле укреплённого пражского зверинца. Дрался полк Йоселевича храбро, но не был готов к серьёзному сопротивлению штыковым атакам суворовцев. Едва ли не все полегли в пражской крепости, бегством спасся только сам полковник, которому ещё было суждено биться в рядах победителей при Аустерлице и пасть при Коцке, в бою с венгерскими гусарами, дав жизнь поговорке «Погиб, как Берек под Коцком». В отличие от Тадеуша Костюшко Берек Йоселевич встанет под знамёна Наполеона, борясь за права и свободы для своего рассеянного по Европе и миру народа.

Фукс много лет спустя расскажет: «Встретив однажды жида, Суворов остановился и сказал своим спутникам: «Вот и с еврейским пятисотным полком сражался я под Прагою и положил всех на месте, кроме осторожного их полковника Гиршко, который весьма благоразумно оставался в Варшаве и оттуда командовал. Жив ли он? — спросил Суворов, обратясь к жиду, но,

не дождавшись ответа, поскакал, присовокупив: — Напрасный вопрос. Я знаю, что он животолюбив». В этом анекдоте — отголоски пражской схватки.

Ваврженкий приказал разрушить мост, но исполнить приказ командующего под огнём русских егерей поляки не сумели. Зато аналогичный приказ Суворова будет выполнен. Польский генерал был удивлён, что русская армия не продвигалась по мосту, не стремилась к Варшаве. Напротив, был выставлен заслон, закрывший переход через Вислу. Разрушение Варшавы не входило в планы Суворова. Он рассчитывал штурмом взять Прагу и уничтожить войско противника. Беззащитная Варшава сама должна была сдаться на милость победителя. А разрушение столицы, неизбежные новые жертвы среди обывателей, новые взаимные счёты поляков и русских — всего этого Суворов намеревался избежать.

В колонне суворовского любимца генерал-майора Исленьева, которая шла в среднем корпусе Потёмкина, сражался батальон егерей Лифляндского корпуса, четыре батальона гренадер Херсонского полка, а в резерве — батальон мушкетёров Смоленского полка, пять эскадронов спешенных Смоленских драгун и конный резерв, три эскадрона Переяславских конных егерей. В соседней колонне генерал-майора Буксгевдена шли на штурм третий батальон егерей Белорусского корпуса, четвёртый батальон егерей Лифляндского корпуса и два батальона Азовского мушкетёрского полка. В резерве Буксгевден располагал пятью эскадронами спешенных Смоленских драгун и тремя эскадронами конницы — Ольвиопольских гусар.

В наиболее многочисленном корпусе Ферзена, наступавшем левым крылом, шли колонны генерал-майора Тормасова, генерал-майора Рахманова и генерал-майора Денисова. В составе колонны Тормасова шли два батальона Курского полка, один батальон егерей Екатеринославского корпуса и один батальон егерей, «сформированный из рот». В резерве Тормасова пребывали по одному мушкетёрскому и гренадерскому батальону и три эскадрона Елисаветградских конных егерей.

Хотя Суворову удалось избежать больших потерь, многое говорит о том, что сражение вышло ожесточённым. Смерть ходила рядом с генералами, мужественно шедшими в атаку. Под Исленьевым убило лошадь, сам он едва избежал тяжёлого ранения. Ранен в плечо Исаев… Об этом писал Суворов Рибасу: «Храбрец Ласси ранен. Потеряли мы здесь вчетверо меньше, нежели под Измаилом. Всё кипит, и я в центре. Теперь около полуночи. У нас тут тысяча и одна ночь».

Подробные воспоминания о штурме Праги оставил всё тот же

славный суворовский ветеран Сергей Иванович Мосолов. Он был одним из тех самых чудо-богатырей-начальников, которых Суворов в своём приказе призывал не отставать от солдат: «К штурму Праги я уже пошёл с своим одним баталионом 3-м, а 2-й остался со своим командиром Штарманом у прикрытия генерала Зубова, ибо у него нога была отстрелена ядром, а потом отпилена в деревне Поповке, в которой он раненый лежал. К Праге все корпусы собрались, куда приехал и граф Суворов. Взял все корпусы в свою команду: сперва обыкновенно по его манеру теоретически штурмовать. В лагере пили и ели довольно и пели песни, а потом подошли близко к Праге Варшавской. Я тут попался уже в команду генерал-майора Лассия, у коего в колонне и на штурме был. Накануне штурма, 23-го октября 1794 года, господин Дерфельден велел делать брешь-батарею, думаю, для того, чтоб поляков уверить, что мы ещё не скоро пойдём брать ретраншемент Прагской; но сия фос-батарея дала мне знать: тут с одним баталионом прикрывал оную, как строил оную артиллерии капитан Бегичев, а я был впереди на чистом месте, чтоб вылазка не случилась. Но вылазки я не боялся, а из четырёх батарей с переднего фасу из укрепления да во фланг из-за реки Вислы пять батарей все по мне стреляли ядрами, ибо мы делали брешь днём, — так жестоко, что я принуждён весь баталион рассыпать по лугу и велел егерям лечь, а сам один остался на коне, арабском жеребце, на котором и в Хелмском сражении был и на прочих потычках. Не стоял ни секунды на одном месте, разъезжал, чтоб не сделать цели, и притом подъезжал ближе, желая осмотреть, где у них есть ворота. И так, сколько полякам ни хотелось меня убить, но Бог сохранил меня, а я своих егерей таким порядком спас, с коими во главе колонны в следующую ночь и на штурме был 24 октября (17)94 года, и с ними овладел бастионом, на коем были больших 6 пушек. За мною и все уже взошли, тут ров был неглубок, почти все по штыкам влезли, то есть — штыки в вал затыкали и на них егери ногами становились, ибо вал был земляной. Только много в волчьих ямах наших попадало, как были в гласисе вырыты; даже до самого мосту поляков кололи, а как они в улицах в домы скрылись, то тут и егерям досталось потерять жизнь. Во всю штурму Праги убито и ранено было у меня не более 46 человек. Хвосту колонны больше досталось потерять от картечь, ибо они спали, как я привёл колонну к главному гласису. Я ж и колонновожатый был. С рампару часовой спрашивает по-польски: «Кто идзе?», а я отвечал: «Свои, мой коханый», также по-польски, и тотчас закричал на штыки и лезть велел на вал и бастион. Спасибо, егери боялись меня и любили: этим могу похвалиться. И так я последнее

сражение с ними имел, а после штурма Праги господин Дерфельден велел мне по повелению графа Суворова собрать все отбитые у неприятеля пушки, коих я нашёл 110 разного колибра и почти все новые. С ними отправили меня в город Киев и ещё для прикрытия прислали конный полк бригадира Сабурова, Острогорский. Егерский баталион сдал я старшему по себе, на дороге, секунд-майору Мельникову, во всём сполна, в чём взял и квитанцию и к команде отрапортовал, а сам вступил в командование над баталионом 1-м Новгородского пехотного полку, и с сим баталионом, явившись к бригадиру Сабурову, я прикрывал 110 пушек и 1600 человек пленных, взятых в разные времена. Однако с дороги граф Суворов из них лучших, по просьбе польского короля, отпустил 500 человек, в том числе 1 генерал-майор Мейн, которого я взял во время штурма в плен, и довольно штаб, и обер-офицеров…» Мосолов, как и многие его соратники-суворовцы, умел брать на себя ответственность, умел терпеливо исполнять приказ. Как любил говорить Суворов, он *воевал по-русски* .

Ворвавшись в Прагу, сломив первоначальное сопротивление поляков, русские войска принялись добивать противника — тех, кто не сдавался. В кровавой суматохе поляки перебирались через Вислу. До поры до времени — по мосту, потом — и вплавь. Солдаты преследовали их ожесточённо, многие защитники Праги погибали в водах. Висла в районе Праги кишела мёртвыми телами. Это избиение поляков в занятой Праге очень быстро стало легендарным, его пересказывали с впечатляющими добавлениями: у страха глаза велики, а у ужаса — ещё больше. Суворовский солдат, столетний старец Илья Осипович Попадичев вспоминал уже в середине XIX в. о кровопролитных часах рокового дня Варшавы. Он ворвался в Варшаву в колонне Ферзена, в составе Смоленского драгунского полка, которым командовал полковник (в будущем — генерал-лейтенант) Василий Николаевич Чичерин. Полковник Чичерин при штурме Праги проявил чудеса храбрости. Драгуны шли на укрепления спешенными. Пять эскадронов повёл Чичерин на польскую батарею. Смелой атакой, грудью на орудия, они захватили батарею и взяли в плен несколько сотен поляков. О характере уличных боёв вспоминает Попадичев: «На переулке встретился с поляком. Крикнул: «Ура» и ударил его штыком. Поляк отвёл удар, а штык мой вонзился в деревянную стену. Я тащить назад… нейдёт, я туда-сюда! Казалось, что бы стоило поляку заколоть меня? А он стоял как вкопанный и приклад опустил на землю, я успел вывернуть ружьё из штыка и тут же выстрелом повалил поляка. За что б мне было его убивать? Поверишь ли, как человек

на штурме переменится? Тут себя не помнишь, только стараешься и бегаешь — так и ищешь, кого бы уходить. Летаешь как на крыльях, ног под собой не слышишь. Тут, бывало, из-под куртки и рубаха выскочит, да и то не смотришь. Ох, штурмы, беда! — и ни себя, ни других не узнаёшь!» Поляки потерпели одно из жесточайших поражений в своей истории: из тридцатитысячной армии спаслось не более восьмисот человек, из четырёхтысячного ополчения — восемьдесят.

Ужасы пражского боя происходили на виду у варшавской публики — и это имело решающее психологическое влияние на события ближайших дней, когда поляки предпочли капитуляцию новой бойне.

Для полной победы и занятия пражских укреплений русским войскам понадобилось три часа — действительно, летели как на крыльях в ярости атаки. И не преувеличивал Суворов, когда сообщал в реляции: «Дело сие подобно измаильскому». К спорам об ожесточении русских войск (и о взаимном ожесточении) при штурме Праги можно добавить и свидетельство самого генерал-аншефа Суворова, который к тому времени повидал немало и редко живописал кровавые картины в реляциях: «Все площади устланы были телами, последнее и самое страшное истребление было на берегу Вислы в виду варшавского народу. Сие пагубное для них зрелище привело в трепет, а подоспевшая наша к берегу полевая артиллерия столь успешно действовала, что многие домы повалила, и одна бомба, пущенная, пала посреди заседания так называемой наивысшей их рады, от чего присутствующие в ней разбежались и черепом одним, когда она лопнула, убит секретарь сей рады. Итак, будто громовой удар, разразив, разрушил тут заседание сего беззаконного судилища. От свиста ядр, от треска бомб, стон и вопль раздался по всем местам в пространстве города. Ударили в набат повсеместно. Унылый звук сей, сливаясь с плачевным рыданием, наполнял воздух томным стоном. В Праге улицы и площади были устланы убитыми телами, кровь текла ручьями. Висла обагрённая несла стремлением своим тела тех, кои, имев убежище в ней, потопали. Страшное позорище видя, затрепетала вероломная сия столица».

Итоги пражского сражения впечатляли: 104 пушки, три пленных генерала (Мейн, Геслер, Крупинский), 500 пленных офицеров. Генералы Ясинский, Корсак, Квашневский и Грабовский погибли в бою. Добыча у солдат была не та, что в Измаиле: местные евреи оказались бедноваты. Захватили немало лошадей, которых потом пришлось сбывать за бесценок тем же пражским жителям.

Илья Осипович Попадичев, суворовский солдат, вспоминал о

словах, с которыми обратился командующий к армии на победном смотре после пражского сражения: «Благодарю, ребята! С нами Бог! Прага взята! Это дорогого стоит. Ура! ребята, ура! Нам за ученых двух дают, мы не берем, трех дают — не берем, четырех дают — возьмем, пойдем да и тех побьем! Пуля дура — штык молодец. Береги пулю в дуле на два, на три дня, на целую кампанию. Стреляй редко, да метко! А штыком коли крепко! Ударил штыком, да и тащи его вон! Назад, назад его бери! Да и другого коли! Ушей не вешай, голову подбери, а глазами смотри: глядишь направо, а видишь и влево».

Да это же из «Науки побеждать», ещё не созданной, славный солдатский катехизис. Суворов уже практиковал его.

24 октября Суворов пишет Румянцеву одно из своих самых известных кратких и выразительных донесений: «Сиятельнейший граф, ура! Прага наша». Даже в письме императрице Румянцев одобрительно припомнил лаконический стиль будущего фельдмаршала. На следующий день Суворов составил «Условия капитуляции Варшавы» — ультиматум для потрясённых поляков, не все из которых были сломлены кровопролитной битвой. «1-е. Оружие сложить за городом, где сами за благо изобретут, о чём дружественно условиться. 2-е. Всю артиллерию с её снарядами вывести к тому же месту. 3-е. Наипоспешнейше исправя мост, войско российское вступит в город и примет оный и обывателей под своё защищение. 4-е. Её императорского величества всевысочайшим именем всем полевым войскам торжественное обещание по сложении ими оружия, где с общего согласия благорассуждено будет, увольнение тотчас в их домы с полною беспечностию, не касаясь ни до чего каждому принадлежащего. 5-е. Его величеству королю всеподобающая честь. 6-е. Её императорского величества всевысочайшим именем торжественное обещание: обыватели в их особах и имениях ничем повреждены и оскорблены не будут, останутся в полном обеспечении их домовства и всё забвению предано будет. 7-е. Её императорского величества войски вступят в город сего числа пополудни или по сделании моста рано завтре». На обед после боя, по традиции, Суворов пригласил пленных неприятельских офицеров, с которыми приветливо говорил по-польски.

Ночью 25-го на лодках из Варшавы к Суворову прибыли парламентёры — три депутата магистрата с посланием от короля Станислава-Августа. Король надеялся на Суворова, чью доблесть высоко ценил ещё по давней войне с конфедератами: «Господин генерал и главнокомандующий войсками императрицы Всероссийской! Магистрат города Варшавы просил моего посредничества между ним и Вами, дабы узнать намерения Ваши

в рассуждении сей столицы. Я должен уведомить Вас, что все жители готовы защищаться до последней капли крови, если Вы не снабдите их в рассуждении их жизни и имущества. Я ожидаю Вашего ответа и молю Бога, чтобы Он принял Вас в Своё святое покровительство». Парламентёры выслушали суворовские условия сдачи Варшавы, которые зачитал им Исленьев: восстановить мост, по которому русские войска войдут в Варшаву, разоружить армию, которую русские готовы распустить по домам с гарантией безопасности, оружие и снаряды вывести за город, честь по чести вернуть русских пленных. Поляков не на шутку растрогали столь мягкими условиями. После взятия Праги любые условия казались мягкими… Условия были сообщены вождям революции и королю. Королю Суворов изложил их в почтительном личном письме, в котором, в ответ на сомнения короля, гарантировал «жизнь и имущество жителей» Варшавы. Станислав-Август сразу согласился на условия Суворова (в которых особо говорилось: «королю — всеподобающая честь»!), но к Вавржецкому вернулся боевой дух: он желал сохранить армию и даже говорил о возможностях сопротивления. Переговоры затягивались. Суворов раз и навсегда назвал срок окончания перемирия и переговоров — 28 октября. Вавржецкий пытался тайно вывезти оружие, не сдав его русским. Горожане, не желавшие штурма, весьма агрессивно ратовали за условия Суворова, и Вавржецкий был вынужден передать диктаторские полномочия королю. Магистрат, боясь беспорядков, ратовал за скорейшее вступление русских войск в Варшаву. Суворов, стараясь держать руку на пульсе варшавских процессов, послал к королю князя и полковника Апшеронского полка Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского. Посылая к королю князя, представителя старой аристократии, Суворов тем самым ещё раз подчёркивал своё уважение к короне. Этот родовитый русский офицер передал королю новое письмо Суворова. 28 октября русские пленные были переданы Суворову, а польская армия начала разоружение. Горожане в порыве энтузиазма строили мост через Вислу.

В Варшаву, по приказу Суворова, армия входила с незаряженными ружьями — в восемь часов утра, 29 октября. Было приказано даже не отвечать на возможные провокационные выстрелы из домов. Русские колонны входили в польскую столицу под громкую музыку, с развёрнутыми знамёнами. В хвосте первой колонны ехал Суворов. Представители городского магистрата вручили ему ключи от города и хлеб-соль. Суворов поцеловал ключи, возблагодарил Бога, что в Варшаве не пришлось проливать кровь, и передал ключи Исленьеву, своему дежурному

генералу. Он целовался с панами из магистрата, многим пожимал руки, был взволнован и радушен. Вот так и уничтожаются государства — после стремительных походов, кровопролитных сражений, после муторных переговоров и жарких рукопожатий с поцелуями.

Рассуждая о моральном состоянии суворовских войск (а эта проблема относительно Праги и Варшавы поднималась на щит оппонентами России аж с 1794 г.!), Денис Давыдов писал: «Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших местью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов. Суворов, вступая в Варшаву, взял с собою лишь те полки, которые не занимали этой столицы с Игельстрёмом в эпоху вероломного побоища русских. Полки, наиболее тогда потерпевшие, были оставлены в Праге, дабы не дать им случая удовлетворить своё мщение. Этот поступок, о котором многие не знают, достаточно говорит в пользу человеколюбия Суворова». Это правда, пражское кровопролитие произвело на Суворова такое впечатление, что солдат не желал повторения кровавого избиения поляков. По многим свидетельствам, Суворов не раз высказывал удовлетворение бескровным занятием Варшавы и даже со слезами на глазах указывал на руины Праги, не желая повторения подобного.

Комендантом Варшавы был назначен отличившийся в бою быстротой напора генерал Фёдор Фёдорович Буксгевден — впрочем, с этой миссией Буксгевден справится не лучшим образом.

Пражское кровопролитие предотвратило бойни в Варшаве, в том числе и погромы тех самых обывателей, которые были очень даже возможны, давайте уж учитывать патриотический экстаз поляков и мстительные чувства многих русских, помнивших судьбу корпуса Игельстрёма. Суворов опасался перерастания войны в бойню — об этом свидетельствуют специальные пункты многих его приказов того времени. Да, после победного штурма Праги в силу вступило понятие «святая добыча». В той или иной степени, по военным традициям того времени, взятый город всегда отдавался «на разграбление». Первая ночь после штурма принадлежала солдатам победившей армии. Можно осуждать этот обычай, но армия привыкла к нему за время Русско-турецких войн, и в революционных войнах Европы наблюдается то же самое. Но этот процесс имел свои временны€е и моральные рамки, и Суворов как предусмотрительный полководец, держащий свою армию на высоком уровне боеспособности, железной рукой на следующий день восстанавливал дисциплину.

Отношение Суворова к пленным после пражского штурма

резко контрастирует с аналогичными прецедентами того времени. Известно, что после кровопролитного штурма Яффы в 1799 г. генерал Бонапарт приказал расстрелять сдавшихся в плен янычар — их было около трёх тысяч. В те же годы англичане в Индии действовали ещё мстительнее. Герцог Веллингтон, покоряя Майсурское княжество, после победы уничтожал всех, кто с оружием в руках противодействовал англичанам, — таких оказалось не менее тридцати тысяч. Суворов, уничтожив армию противника, не поднимал руку на пленных. Пленных поляков освобождали, с ними намеревались сотрудничать.

29 октября Суворов снова доносит Румянцеву о победе — на этот раз о бескровном взятии Варшавы. «Её императорского величества к освящённейшим стопам Варшава повергает свои ключи. Оные вашему сиятельству имею щастье поднести и вручителя их, генерал-майора Исленьева, в высокое покровительство поручить». Исленьев справедливо слыл любимцем Суворова, и столь почётное выдвижение не было случайностью. В рескрипте Румянцеву Екатерина помянула и Исленьева: «Генерала графа Суворова-Рымникского при самом получении известия пожаловали мы генералом-фельдмаршалом, а присланного генерала-майора Исленьева — генералом-порутчиком. Пребываем в протчем вам благосклонны *Екатерина».*

Не отставали и союзники, для которых Суворов, покоривший Польшу, сам того не желая, сделал немало полезного. Король Пруссии Фридрих-Вильгельм наградил русского полководца орденами Красного Орла и Большого Чёрного Орла. Император Священной Римской империи прислал Суворову свой портрет, усыпанный бриллиантами. И весьма комплиментарное письмо, в котором назвал австрийских генералов «старыми учениками и товарищами по оружию» Суворова.

Разумеется, о взятии пражских укреплений, ещё до занятия Варшавы, доложил императрице и Румянцев, никогда не забывавший утвердить собственную роль в истории.

Теперь и Суворову приходилось вспоминать уроки дипломатии и политической мудрости, на которые щедр был мудрый полководец, переговорщик и администратор Пётр Румянцев.

Полководец, привыкший к быстроте армейских маршей и маневров, без промедления начал вникать в социальную и экономическую реальность Польши. Уже 17 ноября, только обтерев пот битвы, Суворов пишет Румянцеву рапорт об отношении к русским в Варшаве: «Сиятельнейший граф! Сей Орловский, доброй и достойной человек, имел как бывший комендант большое попечение о наших пленных; они его

благодарят. Тож Закржевский, которой единожды при народном волновании избавил благомысленных магнатов от смерти с опасностию своей жизни. Мокрановский по прибытии из Литвы в Варшаву сложил с себя начальство.

Всё предано забвению. В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцов не любят. Нас обожают.

Биллер поехал в Санкт-Петербург; в должности министра (ныне без дела) барон Аш.

Его величество король в крайней скудности. Писал снисходительно к её императорскому величеству.

Коммерция и все привозы отверсты, о том писал я к Гарнонкурту и королю прусскому. Его величество Прагою был восхищен, но гневен за несодействие на своих генералов». Суворов умел восхищаться людьми: он нашёл, кем восхититься и среди поляков.

Знаменитый рескрипт Екатерины, в котором она сообщала Суворову о присвоении ему фельдмаршальского звания, овеян многими легендами. В реальности формула была такая: «Господин генерал-фельдмаршал граф Александр Васильевич. Поздравляю вас со всеми победами и со взятьем прагских укреплений и самой Варшавы. Пребывая к вам отлично доброжелательна, *Екатерина* ». 1 декабря Суворов составляет новый знаменательный документ — гуманный приказ по войскам о взаимоотношениях с польским населением. Непростая миссия легла на Суворова. В очередном рескрипте императрицы значилось: «Справедливо в некоторое наказание городу Варшаве за злодеяния против российских войск и миссий, произведённые вопреки доброй веры и трактатов, с республикою польскою существовавших, и в удовлетворение убытков взять с жителей сильную контрибуцию, расположа оную по лучшему вашему на месте усмотрению и дозволяя собрать оную, елико возможно, деньгами, а отчасти вещами и товарами, наипаче для войск потребными. Для скорейшего и точного исполнения сего и военною рукою понуждать можете». Было в этом рескрипте и немало других строгих мер, принятие которых сделало бы миссию Суворова чрезвычайно непопулярной среди поляков. Непросто было полководцу читать эти строки. В письме Хвостову Суворов заявил, что ему «совестно» быть проводником новых карательных мер против обезоруженной Польши. Фельдмаршал был уверен, что после кампании это государство уже не представляло опасности для России, и хотел отнестись к ослабленному врагу милосердно.

Разумеется, Суворов не был ненавистником Польши и поляков. Не было у него подобной эмоциональной мотивации.

Приписывать русскому полководцу националистический антипольский угар в пропагандистских целях начали ещё при жизни Суворова, но особенно глубоко эти стереотипы укоренились в польской литературе XIX — начала XX в., когда уже и понять-то было трудно имперскую этику екатерининских времён. Небылицы о расправах над пленными, об отрубании кистей рук у польских аристократов — в самую нелепую ложь люди охотнее всего верили задолго до доктора Геббельса.

Суворов с уважением, а иногда и с восторгом пишет о польских воинах, которые достойно смотрели в лицо смерти. Сказалась суворовская любознательность и в изучении польского языка, народных традиций, в подчёркнутом уважении православного генерала к католическим святыням. К пленным полякам, не проявлявшим фанатической ненависти к русским, в армии Суворова относились уважительно. Кормили наравне с русскими солдатами, можно сказать, делились скудным пайком. Репрессий против мирного населения Суворов не допускал. Незадолго до штурма Праги, узнав о мародёрстве нескольких солдат из армии Дерфельдена, Суворов едва ли не устроил показательное дело, отчитав почтенного генерала: «Вилим Христофорыч, караул, разбой!» Дерфельден строго наказал провинившихся: их прогнали сквозь строй погонными ружейными ремнями.

Комендант Варшавы Йозеф Орловский — польский просветитель, к которому Суворов питал уважение, — писал пленному Костюшке: «Вас могут утешить великодушие и умеренность победителей в отношении побеждённых. Если они будут всегда поступать таким образом, наш народ, судя по его характеру, крепко привяжется к победителям». В первую очередь великодушие проявлялось в заботе о раненых поляках и дисциплинированном поведении солдат с мирными варшавянами. Иоанн Готфрид Зейме рассуждал о Суворове: «Один из знатных казацких офицеров в Варшаве насильственно похитил к себе на квартиру польскую девушку. Была ли она весталка или нет, не в этом дело; по крайней мере, она не была публичной особой известного класса, чем казак мог бы оправдать подобный поступок. Она нашла случай на публичном параде передать фельдмаршалу бумагу и просить его об удовлетворении за позорное насилие. Полячки одарены грацией и умеют пустить её в ход в общении. Девушка была прекрасна, без чего казак и не сделал бы её своей добычей. Она говорила с увлечением и плакала. Старый Суворов поднял её, выслушав рассказ о позорном поступке, пришёл в сильный гнев и сам заплакал. Это происходило на открытой площади перед Литовскими казармами.

Он позвал губернатора, генерала Буксгевдена, которого управлением жители Варшавы не очень были довольны, и горячо говорил с ним: «Государь мой! Какие неслыханные вещи происходят под глазами у вас и почти под моими! Может быть, станут обвинять меня в том! Разве вы не знаете, что ваша обязанность наблюдать за общественною безопасностью и спокойствием? Что станется с дисциплиной, когда солдат будет видеть и слышать подобные примеры?» Тут Суворов пригрозил ему, что если случится по вине его хотя малейший беспорядок, то он отправит его в Петербург и донесёт государыне». Скептик решит, что эта взбучка Буксгевдену, как и старческие сентиментальные слёзы — лишь демонстрация человеколюбия ради популярности у поляков, ради восхищённых пересудов в европейских гостиных. Не исключено, что и подобный расчёт был в действиях Суворова, хотя XVIII век не был эпохой пиара и информационных технологий, когда каждый шаг политика взвешивается «на резонанс». Но ни одного суворовского приказа, который хотя бы косвенно можно считать провокацией мародёрства, не существует! Допусти Суворов подобную вольницу, ослабь дисциплину — и очень скоро сотни крепостных солдат стали бы примаками, дезертирами, беглыми. Между тем в армиях Суворова такого дезертирства всегда было «по минимуму».

Необходимо сравнение судеб Варшавы и других крупных городов, покорённых во время революционных и колониальных войн того времени.

Обратимся и к свидетельствам с польской стороны. Сохранились записи Збышевского о пражских и варшавских событиях:

«Ещё в воскресенье началась атака шанцев, но частый с них огонь из пушек заставил москалей отступить. В понедельник Кемпа (остров . — *А.З.*) напротив Золиборжа, особенно же Сасская, были атакованы с необыкновенною яростью, однако москали были вытеснены с обеих Кемп с значительною потерею. Во вторник, около 5 часов, москали, пользуясь густым туманом, начали атаку разом на все батареи. Наши дезертиры выдали пароль. Но всё-таки ещё мы держались. Окопы у Яблонны, занятые литовским войском, предводимым всегда несчастливым Ясинским, были защищены менее часа, после чего левое крыло, всё состоявшее из литвинов, оставив батареи и орудия, отступило к Висле и переправилось через неё вплавь. Многие в ней потонули. Были бы счастливее, если бы потеряли жизнь в мужественной обороне. Московские пушки пробрались из-за окопов при Висле к дому Бугоцкого. Поставивши их у Вислы, на

Тамке, открыли из них по Варшаве частый огонь. Однако наши орудия с террасы замковой и дворца князя Нассау, особливо кадетские, тотчас принудили их замолчать.

Находившиеся на Праге войска, будучи обойдены с тылу, должны были пробиваться, большая часть их отступила по мосту в Варшаву. Правое крыло держалось долее, а затем, после мужественной обороны, повернуло за Грохов, и что там с ним и с его орудиями сделалось — неизвестно… Президент Закржевский и главнокомандующий Ваврженкий дали доказательство величайшего присутствия духа и мужества. По первым выстрелам из пушек они устремились на Прагу и побуждали всех к бою. Бедный Закржевский положительно надорвал себе грудь, а тут ещё, суетясь по Праге то туда, то сюда. Упал с лошади и сильно ушибся. Едва его спасли от неприятельских рук… Печальное состояние Варшавы увеличивал вид несчастной Праги. Как только вышли из неё наши войска, разъярённый москвитянин начал её грабить и жечь. Были вырезаны все без разбора. Даже в Варшаве были слышны вопли избиваемых и роковое московское ура. Пожар начался от соляных магазинов, потом загорелось предместье у Бернардинов, наконец, запылал у моста летний дом Понинского. Всё это, вместе с воплями наших и яростью москалей, представляло ужаснейшую картину… были беспощадно умерщвлены, кроме тысячей других, мостовые комиссары: Уластовский, Дроздовский и проч. Нашлись, однако, некоторые сострадательные московские офицеры, которые хотели защитить невинных жертв, хотели остановить пожар, но все их усилия не были в состоянии сладить с разнузданными солдатами, коим был позволен грабёж.

Смотрела сердобольная Варшава на показанный на Праге страшный измаильский пример, видна была вся ярость этого варварства». Характерно, что Збышевский пытается принизить воинскую доблесть штурмующих, указывает на отступление основных польских сил в Варшаву и ничего не пишет об их разгроме в Праге. Память избирательна. Это вполне естественно.

Плетьми наших исследований не перешибёшь нынешней польской ненависти к Суворову. Граф Ф.Г. Головкин приводит в своих записках ответ Суворова клеветникам и ненавистникам. Этот монолог Суворов произнёс в разговоре о ложных репутациях: «Очень трудно исполнять свой долг; меня считали за варвара, при штурме Праги убито было 7000 человек. Европа говорит, что я чудовище; я сам читал это в печати, но я хотел бы поговорить об этом с людьми и узнать от них: не лучше ли кончить войну гибелью 7000 человек, чем тянуть дело и погубить 100 тысяч? Столько людей, которые гораздо умнее меня; очень бы желал,

чтобы кто-нибудь потрудился объяснить мне это!» Сработал всегдашний тактический принцип Суворова: единовременное кровопролитие лучше продолжительного, даже если оно кажется на первый взгляд излишним. Что же касается вражеской пропаганды — с нею Суворов умел разбираться. Когда в Швейцарском походе Суворову покажут пасквиль с карикатурой на русского фельдмаршала — он прикажет размножить эту бумажку, чтобы каждый мог прочитать и убедиться в подлости хулителей.

Перед устройством зимних квартир Суворов намеревался выкорчевать революционную крамолу в Польше до основания. Ваврженкий бежал из Варшавы в ночь на 29-е, перед входом русских войск в город. Бежал, прихватив с собою скромный золотой запас революции. По всей Польше капитулировали и сдавали оружие отряды инсургентов. Корпус Ферзена проводил последнюю военную операцию кампании. Всё было кончено 7 ноября: казачьим отрядом Денисова были разоружены последние части польской армии вместе с главнокомандующим Ваврженкий, что позволило Суворову выдохнуть: «Кампания окончена». Он пишет в инструкции Ферзену: «Ура! — конец! Бог милостив!.. не упускать ни одного; на то казаки! Его превосходительству Фёдору Петровичу (Денисову. — *А.З.*) моё братское целование. Нарочно не пишу, право, недосуг». В кампании 94-го года казаки в руках Суворова снова показали себя эффективнейшей стихией войны.

В Пруссии, в Вене, даже в Константинополе о штурме Праги говорили с восхищением. От Суворова ждали новых решительных действий против революции — предполагалось, что только такой генерал может покарать бурлящую Францию. Казаки доставили Ваврженкого к Суворову в Варшаву. Суворов был готов с миром отпустить сложившего полномочия польского командующего, если тот даст реверс. Гордец Ваврженкий, поборов колебания, сохранил лицо для будущей борьбы за Польшу, реверса не дал, и был под конвоем отправлен в Киев, откуда Румянцев направил его на берега Невы. Заметим, что все польские пленники, подписавшие реверс, получили паспорта и были отпущены с правом свободного проживания где угодно. Но далеко не все исполнили обязательства реверса не поднимать оружия против России. Генерал-лейтенант Ян Генрик Домбровский, прибывший вместе с Ваврженкий, реверс выдал, но потом воевал против Суворова в Италии, во французской армии. Личность легендарная. О том, насколько эти личности и эпизоды важны для польского народа, для его патриотической версии исторических событий, можно понять, освежив в памяти историю гимна Польши «Jeszcze Polska nie zginęła» (ещё Польша не

погибла). Ведь эта песня — марш Домбровского, написанный Юзефом Выбицким в 1797 г., когда генерал, с благословения генерала Бонапарта, формировал в Италии польские легионы. И вся Польша подхватила в патриотическом запале:

Марш, марш, Домбровский,
От Италии до Польши…

И конечно, «всё, что взяли вражьи силы, — саблями вернём». В Польше Суворову довелось скрестить сабли с мужественным и патриотически настроенным противником. Победа над такими выдающимися генералами будущих Наполеоновских войн, как Ян Домбровский, стоит дорого. Суворов ещё разобьёт корпус Домбровского при Треббии в 1799-м. Позже были бои 1812 г., при Березине Домбровский был ранен. Сражался он и под Лейпцигом, в Битве народов. А в 1814-м император Александр примет заслуженного генерала, столь часто воевавшего с Россией, на русскую службу, Домбровский получит звание полного генерала. Это был символически важный шаг. Он будет одним из организаторов армии царства Польского в составе Российской империи. Недолго прослужил на этом посту, но для успокоения поляков этот акт был полезен.

Нечего и говорить, что последний польский монарх был личностью куда менее яркой и пассионарной, нежели революционные генералы. И роль его в решающих событиях истории Речи Посполитой нельзя не назвать противоречивой. Суворов и Станислав-Август простились со слезами взаимной грусти: оба видели плачевность дальнейших перспектив Польши. И Суворов не воспринимал этот факт как стратегическую победу России. Польская государственность лежала у ног ведущих монархий континентальной Европы; история Польши трагически прервалась. У российского фельдмаршала были свои основания для недовольства: он не одобрял усиления Пруссии и Вены с помощью русских штыков. Разделённая и обозлённая на Россию Польша становилась опасным соседом на Западе: государственность этот сосед потерял, но польский народ оставался, и не считаться с ним было нельзя. Да и вообще, как убеждённый монархист, к королям относился с особым пиететом. Король остался доволен эксцентричным полководцем, который как рыба в воде чувствовал себя среди ужасов войны, но к королевскому величеству относился с восторгом, от которого Станислав-Август успел поотвыкнуть. Они вспоминали войну с конфедератами, когда Суворов отважно, отчаянно защищал корону Станислава-Августа. Оба они были в известной степени

«екатерининскими орлами». Отец Суворова участвовал в гвардейском перевороте, добывал корону для Екатерины. Позже Екатерина добыла корону для Станислава Понятовского… Польский король и русский граф в непринуждённой манере вели политические разговоры.

Раздел Польши монархи Пруссии, России и Австрии подписали в октябре 1795 г. Это случилось, когда ситуация в Европе для России не была безоблачной. Бывшие союзники соблюдали собственный интерес, противоречащий магистральной политике Российской империи. Суворов никогда не верил в слаженность русско-прусско-австрийского оркестра… Король прусский Фридрих-Вильгельм заключает сепаратный мир с французами, что расценивалось Веной и Петербургом как вероломство. Антироссийская линия «Париж — Варшава» снова просматривалась. Суворов, вопреки репутации бесхитростного рубаки, не интересующегося тонкостями международной политики, в хитросплетениях постреволюционной Европы разбирался гроссмейстерски. И охранительскую, спасительную, оптимальную для России линию видел, как опытный лоцман в самых бурных водах. В оценке политической ситуации он столь же резко опережал современников, как на бранном поле. И вот, освоившись на новых западных рубежах Российской империи, он пишет императрице:

«Карманиольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг и на Вислу. Союзный Король Прусский, помирившийся с ними против трактата 1792-го года, для своих выгод им туда, особливо чрез Саксонию, может быть, препятствовать не будет. Всемилостивейшая Государыня! Я готов с победоносными войсками Вашего Императорского Величества их предварить…»

Эти слова Суворов начертал императрице в конце 1796 года, когда смысл кампании 1796-го уже был ясен полководцу. Армия победительного генерала Бонапарта с победами шествовала по Северной Италии. Армии Ж.В. Моро и Ж.Б. Журдана хозяйничали на Рейне. Англо-австрийская коалиция теряла Европу и надеялась на военную поддержку России.

В письме Хвостову Суворов продолжает свои прозорливые рассуждения: «Принятца за корень, бить французов… От них она родитца; когда они будут в Польше, тогда они будут тысяч 200–300. Варшавою дали хлыст в руки Прусскому Королю, у него тысяч 100. Сочтите турков (благодать Божия со Швециею): России выходит иметь до полумиллиона; ныне же когда французов искать в немецкой земле надобно, на все сии войны только половину сего». С этой идеей Суворов будет честно носиться до последних дней. То, чего опасался Суворов, случится в 1812-м.

Незадолго до смерти Екатерина упоминает о перспективах европейского похода под командованием Суворова. Императрица к таким грандиозным предприятиям всегда относилась опасливо, не желая рисковать интересами империи. Столкновения с Францией было не избежать, и Екатерина основательно и осторожно готовилась к войне, которая должна была стать триумфом фельдмаршала Суворова. Но восшествие на престол Павла лишило Суворова возможности ещё в 1796 г. проучить Бонапарта, предвосхитив агрессию с Запада. Позже дипломаты антинаполеоновских коалиций не раз вздыхали по потерянному времени, осознавая, что в первые годы правления Павла была упущена возможность додавить французскую республику и, по крайней мере, значительно ослабить армию Бонапарта. Потерянное время аукнулось в Аустерлице, под Смоленском и при Бородине — и Суворов не ошибся, анализируя возможный ход событий.

В октябре 1795-го Суворова вызвали в столицу. Ему предстояло проехать по Польше, по местам недавних сражений. Приближенный к Суворову офицер-квартирмейстер П.Н. Ивашев оставил воспоминания о той поездке: «Переехав Вислу и проезжая по Прагскому Предместью, приметно было, с каким удовольствием замечал он, что прошлогодние наши следы заростали лучшими и правильными зданиями; улыбаясь сказал: «Слава Богу! кажется, уже забыто все прошедшее.» — Выезжая из укрепления, часто обращался на то место, где на валу, по окончании штурма, поставлена была для него калмыцкая кибитка и где он принимал варшавских депутатов с предложением о сдаче столицы; перекрестясь, сказал мне: «вон где ты ко мне подводил их; *а волчьи ямы еще не заросли и колья в них живут еще до времени;* милостив Бог к России, разрушатся крамолы и плевелы исчезнут».

После этих замечательных слов он долго, с закрытыми глазами, погружен был в задумчивость. Из разговоров открывалось, что мысли его сильно были заняты раздумьем о новых предначертаниях, готовящихся ему Высочайшею волею. Носились уже слухи о предполагаемой войне с Персиею; он обсуживал выгоды и невыгоды этого предприятия, потом говорил мне: «Как ты думаешь о этой войне? тебе, может-быть, очаровательными кажутся тамерлановы походы? Бараньи шапки не кавказские удальцы; оне никому не страшны; оне ниже Стамбульцев, а эти слабее Анатольцев; не на оружие их должно обращать внимание, а страшат важнейшие нашим неприятели: фрукты воды и самый воздух, убийственны для детей севера. Великий Петр попробовал и завещал убегать их».

Вторую станцию проехали вечернею темнотою, от безпокойной замерзшей грязи выбитой дороги и заровненной снегом. Граф от непривычки при каждом наклонении в старом дормезе, боясь, что экипаж изломался и падает, часто от страха вскрикивал и после над своею трусостию смеялся. По приезде на станцию, фельдмаршал был очень-рад отдохнуть в приготовленной чистенькой хате, с разведенным на передпечье огнем и со взбитою постелью из мягкаго сена; он провел тут ночь до 6-ти часов утра. На другой день нашего путешествия фельдмаршал очень жаловался на безпокойный экипаж и на дурно проведенную ночь; но потом привык и на следующих переездах мог уже предаваться сну очень-покойно». В воспоминаниях Ивашева мы видим человека, который и в ореоле власти и величия не стал циничным завоевателем. Очень человечные воспоминания о Суворове оставил его соратник по Измаилу и Праге! Но, как видим, не забыл припомнить и суворовские оценки военно-политических тем.

В Петербурге фельдмаршала встречали как триумфатора. Сперва он остановился в Стрельне, затем провёл день в Зимнем дворце, и, наконец, его резиденцией стал Таврический дворец. По приказу императрицы по Петербургу Суворов передвигался в дворцовой карете, а видные вельможи жаждали встречи с героем. Но придворная жизнь пришлась не по нраву солдату: экстравагантными чудачествами он дал это понять Екатерине. Несмотря на мороз, пожилой фельдмаршал не покрывал головы и брезговал шубой.

В Таврическом всё было загодя устроено по суворовскому вкусу. Зеркала занавешены, в гранитной ванне — ледяная вода, в спальне — постель из свежего сена. Это постарался гоф-курьер Евграф Кирьяков со своей командой, подготовившие дворец для триумфатора. За эксцентрическое поведение при дворе граф Воронцов окрестил Суворова «блажным».

В марте 1796 г. фельдмаршал Суворов был назначен командующим крупнейшей европейской армией, стоявшей в Новороссии. В цветущем Тульчине, в армейской штаб-квартире, Суворов проводил учения и работал над главным своим литературным трудом, в будущем названным «Наукой побеждать». К тому времени Антинг, служивший некоторое время при Суворове, уже опубликовал первый том жизнеописания фельдмаршала и готовил второй том. Суворов лично вносил правку в текст и советовал С.Ивашеву строже относиться к творчеству Антинга: «Во второй части Антинг скворца дроздом встречает, много немогузнайства и клокотни: тебе лучше

известно, куда пуля, когда картечь, где штык, где сабля; исправь, пожалуй, солдатским языком…» Нет сомнений, что, несмотря на замечания, труд Антинга льстил Суворову. Это был своеобразный реванш за годы пребывания на второстепенных ролях.

«Наука побеждать» — это, конечно, жемчужина суворовского литературного наследия. План тактическо-строевого учения войск, представленный Суворовым, выражен энергичным, полным динамизма языком. Языком, который вполне выражает характер автора, его неповторимую индивидуальность. Сама история этого памятника военной дидактики поучительна. Широко известное название «Наука побеждать», столь точно отразившее суворовский стиль, направление всей суворовской системы, было вброшено «в народ» после смерти полководца, когда суворовское наследие обобщали издатели и исследователи. Через шесть лет после смерти А.В. Суворова, когда Европу разрывали Наполеоновские войны, подвижник сувороведения М.И. Антоновский опубликовал «Науку побеждать» как актуальнейшее наставление всей России. Знаменательно, что учёному удалось осуществить публикацию суворовского шедевра в 1806 г., когда российское общество училось произносить проклятые слова — Аустерлиц и Тильзит. Так уроки поражений заставляют вспомнить о победителе.

В двух частях «Науки побеждать» — «Вахт-параде» (более раннее название «Учение разводное») и «Разговоре с солдатами их языком» Суворов методично и подробно описывает технику боя, используя старинный военно-учебный принцип «делай, как я». Вот Суворов прописывает сценарий действий солдата: «Для пальбы стреляй сильно в мишень. На человека пуль двадцать; купи свинцу из экономии, немного стоит. Мы стреляем цельно; у нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда…» Это говорит человек, досконально изучивший, почём фунт лиха в солдатской жизни. Суворовские «руководства к действию» помогли многим в тогдашней армии. Как помогли и громогласные похвалы непобедимого генерала, щедрого на награды истинным героям. Он завершает «Три воинские искусства» вдохновенной здравицей, которая поднимала боевой дух не хуже доброй чарки: «Чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа. Слава, слава, слава!» Сотни тысяч солдат, офицеров и унтер-офицеров российской армии нескольких поколений знали суворовский «Разговор с солдатами» наизусть. Советы Суворова были подлинной наукой побеждать, выручавшей на поле боя, спасавшей от гибели. Истоки суворовской стилистики — в фольклоре, в речах героев Древней Руси. По прочтении «Науки

побеждать» вспоминаются слова князя Святослава: «Да не посрамим земле Русские, но ляжем костьми, мёртвые бо срама не имам». Суворов учился у истории своего народа. Прямым предшественником Суворова был, разумеется, Пётр Великий. Мощное влияние этой личности испытывали все, без исключения, наши деятели XVIII в. Слог и идеи петровского «Устава воинского», хорошо известного Суворову, сказались в положениях «Науки побеждать». Суворов проникся духом петровских правил. Мы читаем у Петра: «Ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда, которой пример суть дети в воле без наказания и страха возращён— ные, которые обыкновенно в беды впадают… Тако и в войске командующий суть отцом оных, которых надлежит любить, снабдевать, а за прегрешения наказывать. А когда послабит, то тем по времени вне послушания оных приведёт и из добрых злых сочинит и нерадетельных и в своём звании оплошных. Итако себе гроб ископает и государству бедство приключит». Суворов смолоду сердцем воспринял эти слова об ответственности командира-воспитателя.

Собственно говоря, вся вторая часть «Науки побеждать» предназначалась для регулярного чтения вслух перед солдатской аудиторией. Таким образом, правила усваивались способом «прямого внушения», постепенно становясь первейшим привычным сведением солдата. Суворов ставил перед собой цель выработать в солдатах привычку к регулярному прослушиванию рекомендаций «Науки побеждать» — по аналогии с церковной практикой. Нет сомнений, что Александр Васильевич, не дожидаясь публикации своего труда, использовал его в воспитании армии. Разговоры с солдатами их языком звучали в Тульчине вовсю. Новоявленный фельдмаршал наслаждался славой, властью, новыми возможностями… Ловил восторженные взгляды, осваивался в атмосфере прижизненной славы, не забывая укреплять её яркими выходками, странностями, причудами. «Не он ли был предметом восхищений и благословений, заочно и лично, всех и каждого? Его таинственность в постоянно употребляемых им странностях наперекор условным странностям света; его предприятия, казавшиеся исполняемыми как будто очертя голову; его молниелетные переходы, его громовые победы на неожиданных ни нами, ни неприятелем точках театра военных действий — вся эта поэзия событий, подвигов, побед, славы, продолжавшихся несколько десятков лет сряду, все отзывалось в свежей, в молодой России полной поэзией, как все, что свежо и молодо», — рассуждает Денис Давыдов, мальчишкой знавший Суворова.

Суворов любил ставить собеседников в недоумение: удивил

— значит, победил, так ведь бывает не только на поле боя. Его странные высказывания имели смысл притчи: он, как юродивый или пророк, пытался раскрыть тайную подоплёку событий, второй план. В людях Суворов более всего ценил находчивость и остроумие. Потому и ненавидел расхожий ответ: «Не могу знать». В качестве ответа он готов был принять любую ахинею, но не терпел инертного замешательства. Вошло в русскую речь суворовское словцо: «Немогузнайка». То есть — нерасторопный солдат, от которого «много беды».

Немного омрачил суворовскую жизнь в Тульчине лёгкий конфликт с Рибасом. Суворов был разъярён высокой смертностью среди солдат в районе строящейся Одессы. Суворов писал Хвостову: «Сердце моё окрававлено в Осипе Михайловиче». Надёжный соратник по Измаильской операции в мирное время ещё более явно проявлял свою хитрость, обогащаясь на провиантских поставках в войска. За взятки умерших солдат записывали живыми, а потом снова записывали их в мёртвые. Эти комбинации Рибаса могли тяжело отразиться на репутации Суворова. Состоялось объяснение с Рибасом. Командовавший войсками в Одессе генерал-майор Ф.И. Киселёв по требованию Суворова был отстранён. Вскоре Суворов уверился, что порядок восстановлен и подготовка войск в хозяйстве Рибаса идёт удовлетворительно.

К тем идиллическим тульчинским дням относится известное воспоминание Александра Столыпина, служившего при Суворове адъютантом, об образе жизни фельдмаршала: «Просыпался он в два часа пополуночи; окачивался холодною водою и обтирался простынею перед камином; потом пил чай и, призвав к себе повара, заказывал ему обед из 4-х или 5-ти кушаньев, которые подавались в маленьких горшочках; потом занимался делами, и потом читал или писал на разных языках; обедал в 8 часов поутру; отобедав, ложился спать; в 4 часа пополудни — вечерняя заря; после зари, напившись чаю, отдавал приказания правителю канцелярии, генерал-адъютанту Д.Д. Мандрыке; в 10 часов ложился спать. Накануне праздников в домовой походной церкви всегда бывал он у заутрени, а в самый праздник у обедни… По субботам войскам, стоявшим в Тулъчине, ученье и потом развод; перед разводом фельдмаршал всегда говорил солдатам поученье: «Солдат стоит стрелкой; четвертого вижу, пятого не вижу; солдат на походе равняется локтем; солдатский шаг — аршин, в захождении полтора; солдат стреляет редко, да метко; штыком колет крепко; пуля дура, штык молодец; пуля обмишулится, штык никогда; солдат бережет пулю на три дня…» Многие прозрения армейского катехизиса, «Разговора с солдатами…», вертевшиеся в

те дни на суворовском языке, припомнил Столыпин.

К заграничному походу фельдмаршал Суворов готовил свою армию рьяно и последовательно. Близ Тульчина возвели укреплённый городок, Суворов называл его Пражкой, памятуя о крепости, которая принесла ему фельдмаршальский чин. Войска, меняясь ролями, защищали и штурмовали Пражку, упражняясь в точном исполнении наставлений Суворова. Армия Суворова состояла в 1796-м из двух дивизий — генералов М.В. Каховского и Г.С. Волконского. В двух дивизиях, под непосредственным командованием Суворова, было 24 пехотных полка, 13 кавалерийских, 13 казачьих и две пешие казачьи команды. Суворов был уверен в боеспособности этих войск, в их готовности сражаться с сильнейшей в мире — французской — армией. Среди генералов, офицеров и солдат насчитывалось немало ветеранов Измаила и польского похода. Многие из них были проверенными единомышленниками Суворова.

Травля старого фельдмаршала

В середине девяностых годов Суворов как никогда был готов к великим делам, к искоренению опасных для России волнений в Европе. Суворов имел все основания отводить себе роль военного вождя грядущей контрреволюции. Помимо защиты европейских монархий и христианства грядущая кампания должна была значительно усилить военно-политические позиции России на континенте. Но… В 1796 г. умирает Екатерина Великая, обрывается золотой век екатерининской России. Суворов горько сожалел об утрате «матушки», по легенде, приговаривая: «Если бы не было матушки Екатерины, не видать мне ни Кинбурна, ни Рымника, ни Варшавы». Русский Гамлет, император Павел, был лично известен Суворову задолго до смерти Екатерины. Надо думать, Суворов быстро разобрался в сложном характере цесаревича, о котором воспитатель Порошин вынес едва ли не пророческое суждение: «При самых лучших намерениях он возбудит ненависть к себе». Увлечённая, страстная личность, Павел каждое своё устремление доводил до абсурда, демонстрируя болезненную самоуверенность закомплексованного молодого человека. Разбираться в советниках, выбирая наиболее способных специалистов, он не умел. В своих оценках опирался на чувства, на оскорблённое самолюбие… Желал восстановить петровские принципы правления, ограничить свободы растленной аристократии — а в итоге усилил власть временщиков, интриганов вроде графа Палена, умело игравших на струнах нервической души императора.

Первый жест государя считался демонстративно дружественным по отношению к Суворову: великий екатерининский фельдмаршал был назначен шефом Суздальского пехотного полка. Это был знак монаршей милости. Первый рескрипт Павла Суворову в Тульчин — от 15 декабря 1796 г. — был на редкость тёплым. Зная эксцентрический нрав полководца, Павел писал ему с аллегориями и поговорками: «Граф Александр Васильевич. Не беспокойтесь по делу Вронского. Я велел комиссии рассмотреть, его же употребить. Что прежде было, того не воротить. Начнём сначала. Кто старое помянет, тому глаз вон, у иных, правда, и без того по одному глазу было. Поздравляю с новым годом и зову приехать к Москве, к коронации, естли тебе можно. Прощай, не забывай старых друзей. *Павел* ». И только в постскриптуме таилась угроза: «Приведи своих в мой порядок, пожалуй». Это письмо — очень откровенное и яркое. Павел не скрывал своей ненависти к екатерининскому наследию и в не

чуждой Суворову манере казарменного юмора прошёлся по одноглазому князю Таврическому. Вспомнил о прежних встречах с Суворовым, назвал его старым другом. Павел ждал от самого популярного в армии полководца ответных шагов и, возможно, рассчитывал сделать его своей опорой в армии. Этим перспективам мешал «мой порядок» — то есть павловский прусский армейский устав. Что касается «дела Вронского», которое упомянул император — здесь речь шла о стараниях одного сутяги, секунд-майора Вронского, который в 1795 г., в Варшаве, подал Суворову жалобу на злоупотребления провиантских служб. Первоначально Суворов относился к Вронскому уважительно, даже симпатизировал этому офицеру. Оказалось, «пригрел змею». Суворов начал следствие, наказал виновных, а Вронскому, как доносчику, была уплачена солидная сумма — более 15 тысяч рублей. Но Вронский на этом не успокоился, принялся вмешиваться во все финансовые дела армии, начал разоблачать офицеров суворовского штаба в сношениях с прусскими шпионами (при этом сам Вронский водил сомнительного свойства дружбу с прусским майором Тилем). К пруссакам Суворов в то время относился с явным раздражением, в том числе и потому, что считал несправедливым их участие в разделах Польши, оплаченное русской кровью. К тому же, несмотря на полученные деньги, Вронский влез в долги и даже пытался бежать из Варшавы. Он был задержан русскими постами. В конце концов его принудили вернуть долги и выслали из Варшавы по месту службы. Вронский возбудил новое дело — и после смерти Екатерины Павел приказал возобновить следствие. В письме Суворову император призывал Суворова не беспокоиться, но на самом деле уже через месяц фельдмаршалу пришлось писать Павлу пространное письмо с объяснениями по делу Вронского. Это дело стало первой ласточкой среди многочисленных процессов, прямо или косвенно бивших по Суворову в дни его опалы.

Павел ненавидел екатерининскую элиту, екатерининский стиль правления. Придворная жизнь — это как мировая война, в которой интересы разных людей и группировок беспорядочно перемешались. В пользу Суворова в 1796 г. говорило то, что он уже несколько месяцев не скрывал раздражения Зубовыми — самой влиятельной придворной партией последних лет правления Екатерины. Суворов находился с Зубовыми в близком родстве и некоторое время пользовался поддержкой влиятельнейшего Платона (хотя безоблачными взаимоотношения Суворова и Зубова не были никогда). Но примерно за год до смерти Екатерины их отношения испортились окончательно.

«Князь Платон Александрович царя в голове не имеет», — сказанул Суворов. Для Павла после смерти Потёмкина и отстранения Орловых не было злейших врагов, чем Зубовы. И он с удовлетворением замечал, что и знаменитый фельдмаршал, осенённый ореолом побед, превратился во врага Зубовых ещё при жизни императрицы. Этот факт открывал возможности для плодотворного сотрудничества двух эксцентрических чудаков — Павла и Суворова. Но камней преткновения оказалось поболее.

Важнейшим недостатком противоречивого царствования нового императора Павла Петровича была ориентация русского воинства, доказавшего свой потенциал двадцатилетием блестящих побед, на прусские образцы. Суворов откликнулся на павловские нововведения (по существу, уничтожившие сделанное великими реформаторами русской армии Потёмкиным, Румянцевым и Суворовым) не только едким экспромтом: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, сам я не немец, а природный русак!», но и аргументированной критикой прусских традиций, сохранившейся, прежде всего, в переписке с Д.И. Хвостовым. Хвостов так и не приобрёл благоразумной привычки уничтожать бумаги… Впрочем, самые ретивые царёвы слуги читали письма Суворова прежде всех адресатов.

Всё в стране пытались привести к прусскому знаменателю, всё переустраивалось по иноземному образцу. Даже мосты и будки были, как вспоминал А.С. Шишков, «крашены пёстрой краской» — точь-в-точь как в Пруссии.

О реакции на павловские реформы русских офицеров расскажет служивший в те годы А.С. Пашкевич, который «на своей шкуре» перенёс скороспелые преобразования первых же недель царствования Павла: «Прекрасные наши мундиры, украшающие и открывающие человека во всей природной его стройности, заменили каким-то нескладным мешком, делающим и самого прекрасного мужчину безобразным привидением; оный состоял из тёмно-зелёного толстого мундира с лацканами, отложным воротником и разрезными обшлагами кирпичного цвета и белыми пуговицами; длинного камзола и короткого нижнего платья самого жёлтого цвета. Головы наши спереди остригли под гребёнку, облили вонючим салом; к вискам привесили огромные пукли, аршинную косу прикрутили вплоть к затылку и осыпали мукою; шляпу дали с широкими городами серебряным галуном, такою же большою петлицею и с чёрным бантом «…»; фланелевый чёрный галстук в два пальца шириною перетягивал наши шеи до самой невозможности. Ноги наши обули в курносые смазные башмаки и стянули за коленами чёрными суконными штиблетами с красными вдоль всей ноги пуговицами; вместо булатной,

висящей на бедре сабли, наносящей врагу страх, воткнули в фалды наши по железной спичке, удобной только перегонять мышей из житницы в житницу, а не защищать жизнь свою. «…» В таком карикатурном наряде я не смог равнодушно видеть себя в зеркале и от доброго сердца захохотал, несмотря на головную боль, происходящую от стянутия волос, вонючего сала и от крепко стянутой галстуком шеи». Таких свидетельств немало. Армия павловских реформ не приняла. Ведь с натёртыми салом головами нужно было не только дефилировать перед императором и высшим светом в столице, но и воевать и служить в отдалённых областях России, ходить походами, проводить учения… Суворов понимал, что таким образом сводится на нет весь опыт переустройства армии екатерининской эпохи, который значительно повысил боеспособность русского воинства. И старался, пока это возможно, отстаивать свою правоту, не избежав эмоциональных перехлёстов. Теперь он вспоминал о Потёмкине только ностальгически: князь Таврический писал когда-то: «Завиваться, пудриться, плесть косу — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всякий должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдата должен быть таков, что встал — и готов. Если б можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет!» — под этими словами полудержавного властелина Суворов готов был подписаться. При Павле Потёмкина проклинали.

Дискуссия полководца и императора продолжалась недолго. В январе 1797 г. Павел предоставил Суворову последний шанс личным письмом: «С удивлением вижу я, что вы без дозволения моего отпускаете офицеров в отпуск, и для того надеюсь я, что сие будет в последний раз. Не меньше удивляюсь я, почему вы входите в распоряжение команд, прося предоставить сие мне… Рекомендую во всём поступать по уставу». По традиции, фельдмаршал должен был смириться, покаяться, но Суворов считал этот устав «найденным в углу развалин древнего замка на пергаменте, изъеденном мышами». В письме Хвостову Суворов обнаружил невиданную запальчивость: император затронул самую заветную струну в душе полководца, крепко обидел старого солдата. Вот и Суворов писал как никогда резко: «Государь лучше Штейнвера не видал. Я — лучше прусского покойного великого короля: я, милостью Божиею, баталии не проигрывал». Павел чувствовал разочарование: «Удивляемся, что Вы, кого мы почитали из первых ко исполнению воли нашей,

остаётесь последними». По этому известному высказыванию видно, что изначальное уважение Павла к суворовским сединам имело место быть.

Суворов резко критиковал павловский «Опыт полевого воинского искусства», заимствованный из книги «Тактика или дисциплина по новым прусским уставам» (1767). Старый фельдмаршал называл этот «Опыт» «воинской расстройкой». Сначала Павел практиковал положения «Опыта…» в гатчинских войсках, а взошедши на престол, превратил эту книгу в «Записной устав о полевой пехотной службе». В «тактических классах» приглашённые прусские офицеры обучали русских коллег новому строю. Тяжко было сносить такие унижения, покорители Измаила и Праги морщились, подчинялись, но не смирялись в душе. А Суворов и не молчал.

К началу 1797 г. фельдмаршал чувствовал себя в тупике, в западне. Терпеть торжество пруссачества в армии не было мочи. В начале января Суворов подаёт государю рапорт с просьбой отправить его в годичный отпуск «в здешние мои Кобринские деревни», для восстановления сил. Павел ответил отказом. Через месяц, 3 февраля, Суворов направил в Петербург прошение об отставке. И получил удивительно быстрый ответ — от генерал-адъютанта его императорского величества Фёдора Ростопчина: «Государь император, получа донесения вашего сиятельства от 3 февраля, соизволил указать мне доставить к сведению вашему, что желание ваше предупреждено было и что вы отставлены ещё 6-го числа сего месяца».

Молва сохранила императорский комментарий к отставке, брошенный им на разводе полков столичного гарнизона: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы». Суворов был отставлен без почётного права ношения фельдмаршальского мундира.

Суворов ещё полтора месяца прожил при армии, в Тульчине, ожидая разрешения на отъезд из армии. Наконец, сдал командование Екатеринославской дивизией генерал-лейтенанту А.А. Беклешову — и отбыл в Кобрин. Но в кобринском имении Суворова ждал новый императорский указ, который доставил печально известный, благодаря этой миссии, коллежский асессор Николев: царь запрещал Суворову оставаться в Кобрине. Ему предписывалось поселиться в Кончанском — в своём далёком северном имении. Это напоминало арест. Николев исполнял полицейскую обязанность надзора за отставным фельдмаршалом.

Государь отстранил Суворова от армии, отправив героя в

отставку и ссылку. Суворов прощался с армией. Эти драматичные часы отразились во многих легендах, подчеркнувших суворовское умение подчиниться приказу, даже если приказ кажется несправедливым. Генерал А.П. Ермолов рассказывал: *«Однажды, говоря об императоре Павле, он* (Каховский. — *А. З .) сказал Суворову: «Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу». Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховскому: «Молчи, молчи, — сказал он. — Не могу. Кровь сограждан!»* Суворов не пошел на расшатывание армии и государственности, не пошёл на смуту. Свой долг он видел в пресечении крамолы, а не в устройстве потрясений ради собственного честолюбия. В этом Суворов отличался от другого великого полководца того времени, младшего современника нашего героя, Наполеона Бонапарта… Скверно учились у Суворова государственнической дисциплине и некоторые наши неудачливые наполеоны XX века… А боевой полковник А.М. Каховский — родной дядя будущего декабриста П.Г. Каховского — был разоблачён как заговорщик в 1798 г., лишён дворянства и пожизненно заключён в Динамюндской крепости, что в устье Западной Двины. В 1799-м Суворов хлопотал за героя Измаила и Праги перед государем. Но амнистировали Каховского только после гибели Павла.

…Итак, отставка. Оскорбительная, приперчённая павловским самодурством. Граф Ф.В. Ростопчин в письме С.Р. Воронцову предусмотрительно критикует Суворова: «Нельзя достаточно удивляться снисходительности государя ко всем глупостям, резкостям и сальностям, которые позволял себе этот человек со времени восшествия на престол». Царедворцы прекрасно понимали, что письма, подобные суворовским письмам Хвостову (хотя бы и частные), были равносильны публичному выступлению…

Суворов последовал в свое северное имение, в Кончанское, под надзором властей, проще говоря — под арестом. 20 сентября фельдмаршал пишет поздравительное письмо императору: «Всемилостивейший Государь! Ваше Императорское Величество с Высокоторжественным днём рождения всеподданнейше поздравляю. Сего числа ко мне коллежский советник Николев. Великий монарх! Сжальтесь: умилосердитесь над бедным стариком. Простите, ежели в чём согрешил. Повергая себя к освященнейшим стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейший граф А. Суворов-Рымникский». Это письмо было, может быть, даже излишне верноподданническим. Но только современное сознание увидит в этом унижение

полководца. Суворов был искренним и ревностным монархистом, видел в служении государю своё предназначение, служил, в лучших традициях, не щадя живота своего — и коленопреклонённая просьба царской милости в критический момент была для Суворова естественной. Он доверял самому царскому имени и не стеснялся преувеличенно патетических оборотов.

Коллежский советник Николев… Сначала предполагалось, что надзор будет осуществлять городничий Боровичей (город, близлежащий к Кончанскому) Вындомский, но тот отказался от позорной миссии, сославшись на скверное здоровье. Местый помещик Долгово-Сабуров также не проявил рвения. Тогда вспомнили про ретивого службиста Николева, который приказов не обсуждал… В рекомендациях Николеву предусматривался каждый шаг Суворова: «Когда бы он, граф Суворов, вознамерился куда-нибудь поехать в гости, или на посещение кого-либо, то представлять ему учтивым образом, что, по теперешнему положению его, того делать не можно». В этой особой инструкции Николеву было немало пунктов и каждый пункт ограничивал свободу графа Суворова. По донесениям Николева мы можем судить об образе жизни Суворова в преклонном возрасте, на излёте седьмого десятка. Писал Николев и о первоначальной реакции Суворова на его шпионскую миссию: «Графа нашёл в возможном по летам его здоровье. Ежедневные его упражнения суть следующие: встаёт до света часа за два, напившись чаю, обмывается холодной водою, по рассвете ходит в церковь к заутрене и, не выходя, слушает обедню, сам поёт и читает; опять обмывается, обедает в 7 часов, ложится спать, обмывается, служит вечерню, умывается три раза и ложится спать. Скоромного не ест, но весь день бывает один и по большой части без рубашки, разговаривая с людьми. Одежда его в будни — канифасный камзольчик, одна нога в сапоге, другая в туфле. В высокоторжественные дни — фельдмаршальский без шитья мундир и ордена; в воскресенье и праздничные дни — военная егерская куртка и каска… По свидании со мной встретил меня печальным видом, спрашивая, откуда я приехал. Я сказал, что проездом в Тихвин заехал, на что он мне сказал: «Я слышал, что ты пожалован чином, правда, и служба твоя большая, всё служил, выслужил…» Улыбаясь, повторил: «Продолжай этак поступать, ещё наградят». Я в ответ ему сказал, что исполнять волю монаршую — первейший долг всякого верноподданного, он на сие мне отвечал: Я бы сего не сделал, а сказался бы больным» (написано 22 сентября 1787 г.). Неблагонадёжные разговоры вёл

Суворов с Николевым. И прекрасно знал, что говорит с доносчиком.

В мае 1797 г. непосредственно началась почти двухлетняя опала боевого фельдмаршала. Особенно жестоким испытанием был первый год царской немилости. Своего надзирателя — Николева — Суворов поселил в очень скромной избушке: он умел быть надменным с негодяями. Николеву пришлось провести несколько месяцев в лишениях, зато карьера его после «кончанской» миссии пойдёт вверх… Ссыльный Суворов пел в церкви, крестил ребятишек, продолжал свои ежедневные спартанские тренировки с холодной водой и утренними пробежками… Но главное — Суворов следил за ходом политических событий в Европе, главным героем которых был генерал Бонапарт, ставший впоследствии императором Наполеоном. Незадолго до отставки, в письме А.И. Горчакову, Суворов дал Бонапарту красноречивую характеристику и даже, как показала история уже XIX в., напророчил крах гениального французского авантюриста: «Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, — он погибнет».

Нарушая установленный властями порядок, почитатели Суворова искали встреч с ним. Имеются свидетельства о визитах боевых соратников, переодетых мужиками (об этом вспоминал С.А. Талызин).

В столице продолжались интриги недоброжелателей опального фельдмаршала. Сразу с нескольких сторон недруги принялись атаковать Суворова. Начались тяжбы. Сначала — дело майора И.Ф. Чернозубова, отчаянного храбреца, командовавшего казачьим полком. Майор Чернозубов спасовал перед бумажными орудиями 6 мая — и выступил с претензией Суворову, который-де удержал крупную сумму, которую Чернозубов, по устному распоряжению полководца, израсходовал на фураж. Павел приказывает президенту военной коллегии Н.С. Салтыкову удержать с Суворова «восемь тысяч двадцать один рубль… за счёт его имения». Суворов именно по этому поводу раздражённо писал Хвостову: «Обманет меня всякий в своём интересе, надобна кому моя последняя рубашка — ему её дам, останусь нагой». Взимали с Суворова и другие суммы, истраченные командирами на провиант: так, пришлось фельдмаршалу платить и по счетам покойного полковника Шиллинга.

В то же время от Суворова требовали увеличить пенсион давно чужой ему супруги. Фельдмаршал отвечал горделиво: «Мне

сие постороннее». Кто-то грамотный написал от имени Варвары Ивановны письмо, переданное Суворову: «…воспитывала нашего сына в страхе Божием, внушала почтение, повиновение, послушание, привязанность и все сердечные чувства к родителям, надеясь, что Бог приклонит и ваше к добру расположенное сердце к вашему рождению; что вы, видя детей ваших, вспомните и про их несчастную мать». Она жаловалась, что скитается по углам, что брат её разорён и у самой ныне 22 тысячи долгов… За годы, проведённые врозь, Суворов выплачивал жене сначала полторы тысячи ежегодного пансиона, а в последние годы — три тысячи. Увеличивать эту — вполне солидную — сумму он наотрез отказался. Прозоровские жили не по средствам, угробили огромное состояние и не научились беречь копейку, находясь на скромном попечении бывшего мужа. По совету Куракина Варвара Ивановна дала делу официальный ход. Было повелено увеличить ежегодное содержание до восьми тысяч, а также передать бывшей жене дома в Москве и Рождествене с убранством и прислугой. Варвара Ивановна просила Куракина и о выплате 22-тысячного долга за счёт Суворова, но этот вопрос не решался в два счёта, а со временем закончилась царская опала и тут же отпала необходимость в разорении графа Рымникского.

Наиболее циничными были требования возместить польским магнатам убытки, причинённые во время войны, которую Суворов вёл по высочайшим приказам, от имени России… Об одном из таких дел подробно рассказывает А.Ф. Петрушевский:

«В декабре состоялось высочайшее повеление о новом взыскании. В последнюю войну войска Суворова проходили чрез гор. Брест-Литовский; здесь был сложен в сарае поташ, а в плотах на р. Буге находился корабельный лес, — то и другое справлялось к Данцигу. Суворов приказал приставить к амбару и плотам караул и велел потом бригадиру Дивову эту военную добычу продать. Купил один еврей и получил от Дивова удостоверение на бумаге в том, что лес и поташ действительно ему проданы, а деньги за них получены. Цифра полученных денег не была в расписке обозначена, и таким образом продажная цена осталась неизвестной; вероятно она была ниже 700 червонцев, потому что еврей вскоре перепродал лес и поташ другому, взяв с него именно эту сумму. В июне 1797 г. бывший литовский подстолий, граф Ворцель, подал прошение, объясняя, что лес и поташ принадлежали ему, стоили 5628 червонцев, а потому просил взыскать понесенный им убыток с Суворова, как главнокомандующего. Надо заметить, что Ворцель был в это время по горло в долгах, кредиторы его с каждым днем становились настойчивее, и подав им некоторую надежду на

уплату, он приобретал хоть временное спокойствие. Прошение свое он написал в самых общих выражениях и цифру претензии не подкрепил ничем. Должно быть это обстоятельство кидалось в глаза, потому что взыскание с Суворова не последовало тотчас же, а было приказано князю Репнину привести в ясность обстоятельства дела. Репнин употребил на это немало времени, а разъяснял очень не многое; приведенное выше изложение дела есть результат не только репнинского исследования, но и розысков суворовского управляющего, Красовского, который собирал справки в Данциге, Варшаве и других местах, и добыл копию с расписки Дивова. Не был спрошен даже этот последний, хотя все дело на нем вращалось. Черный год Суворова взял верх, и в декабре приказано взыскать с него 5628 червонцев (по тогдашнему курсу около 28 000 рублей бумажных), опять без предварительного его спроса о справедливости принесенной на него жалобы». Это было одно из нескольких дел подобного рода — а уж замыслов против Суворова у обиженной шляхты было не счесть, на все вкусы…

Вот в январе 1798 г. майор Выгановский, воевавший в армии Костюшко против России, против полков Суворова, подал прошение взыскать с Суворова 36 тысяч рублей за… разорение родового имения Выгановских во время кампании 1794 г. Дом Выгановского сгорел, когда суворовская артиллерия била по отступавшим войскам Сераковского. Претензии Выгановского казались абсурдными, но следствие завязалось… И показало, что за год до войны имение было заложено за 6000! А уничтоженный русскими снарядами ветхий деревянный дом стоял без мебели…

В трудную годину Суворова неблаговидно повёл себя и историограф Антинг, досаждавший близким Суворову людям настойчивыми просьбами материально вознаградить старания биографа. Он писал и камердинеру Прошке, и Хвостову, жалуясь, что так и не был одарён за честную службу Суворову. Между тем за несколько лет нахождения при фельдмаршале Антинг получил от Суворова не менее шести тысяч рублей…

От финансовых взысканий и угроз рачительный, экономный Суворов приходил в ужас. И впрямь было недалеко до полного разорения. Лишь одни кобринские имения должны были приносить пятьдесят тысяч в год, но в условиях опалы весь годовой доход Суворова не превышал сорока тысяч. Между тем у Суворова накопилось уже 55 000 долгов, а ещё — обязательства перед зятем Зубовым, перед бывшей женой… Пришлось сократить даже содержание сыну с 2,5 до двух тысяч. На собственное содержание прославленный фельдмаршал и граф отводил скромные 3–4 тысячи. Давно сказано: по одёжке протягивай

ножки. Оставался другом Суворова верный Хвостов, взявший на себя обязанности воспитателя молодого графа Аркадия Александровича Суворова. Ссыльный Суворов ограничивался лаконичными рекомендациями по воспитанию сына, которые приписывал к письмам Димитрию Хвостову: «Аркадию — благочестие, благонравие, доблесть. Отвращение к экивоку, энигму, фразе; умеренность, терпеливость, постоянство».

В письмах Хвостову ссыльный полководец не только негодует по поводу бесконечной сутяжнической травли, но и не боится снова и снова критиковать прусскую систему, демонстрируя редкое мужество и принципиальность. Письма внимательно читал Николев, изучали их и в Петербурге. Друзья в Петербурге знали, что Суворов стоически переносит невзгоды, но не сдаётся. И не зря Державин написал тогда строки, ставшие пророческими, о неугасимой «звезде Суворова». И не один Державин. Многие в России видели в Суворове всенародного героя, сочувствовали ему. Пожалуй, это был самый мощный в XVIII в. молчаливый протест русских офицеров, которые, перебарывая вассальскую верность, не одобряли своего монарха. Даже бироновщина не вызвала в просвещённых кругах такого осознанного сопротивления. За границей арест и ссылка всемирно известного фельдмаршала произвели нежелательное для Павла впечатление. Уже в феврале 1798-го, через год, император попытался исправить положение дел. Николева отозвали из Кончанского для новых деликатных поручений, а Суворову отныне разрешалось выбирать место жительства. Опального полководца настоятельно приглашали в Петербург. Павел посылает в Кончанское князя Андрея Гончарова — родственника Суворова и будущего боевого адъютанта. Суворов выдерживал характер, не сразу согласившись на далёкую поездку, но всё-таки прибыл на берега Невы. Император немедленно пригласил Суворова для аудиенции, которая продлилась более часа. Он осторожно предлагал Суворову вернуться к службе, а гордый полководец намекал, что не приемлет прусской павловской системы и не желает служить в *такой* армии. Император явно ждал, что Суворов повинится, рассыплется в покаянных фразах. Но старик шутовством прикрывал неутихшую обиду. Суворов обижался не только из-за травли, которую устроили ему усилившиеся недруги и сутяги. Павловский фанатизм муштры больно бил по суворовским (их, по справедливости, нужно назвать также и румянцевскими, и потёмкинскими) традициям в армии. Как раз незадолго до суворовского вояжа из Кончанского в Петербург случилась трагедия с подполковником Фёдором Лёном. Это был тот самый

Лён, который отличился под Измаилом в должности обер-квартирмейстера. Суворов восхищался его острым умом, образцовой распорядительностью и отвагой и не забыл отличить офицера в реляции Потёмкину: «Обер-квартирмейстер Фёдор Лён рекогносировал крепость с лучшим узнанием всех мест. Был под картечными выстрелами, с неустрашимостью выбрав удобные места для заложения демонтир батарей, и, при открытии оных на правом фланге, под канонадою успевал повсюду с отличным успехом и расторопностью, за что заслуживает отличного воздаяния». В январе с подполковником Лёном случилась беда. Преданный Павлу и ценимый императором генерал-майор Аракчеев, недавно произведённый в бароны, был в то время главой штабной службы российской армии, генерал-квартирмейстером. Дабы штабным офицерам служба мёдом не казалась, он приказал им по двенадцать часов в сутки перечерчивать старые военные планы. Механистический труд, по мнению Аракчеева, был наилучшим упражнением для офицеров штаба. Однажды, спустившись из своей резиденции в Чертяжную залу, где офицеры занимались священнодействием копировки, Аракчеев в присутствии целой группы офицеров обрушился на заслуженного подполковника Лёна с грубой бранью. Молодой успешный службист срамил георгиевского кавалера, крещённого огнём и водой Измаила. Лён молча выслушал генерал-майора и в положенный час покинул место службы. Офицер, человек чести, не стерпел оскорбления. Вечером он с двумя пистолетами отправился к Аракчееву, но не застал барона дома. После чего, вернувшись на квартиру, Лён написал короткое письмо Аракчееву и застрелился. Павел ценил Лёна и, узнав о самоубийстве, потребовал его предсмертное письмо. Письмо указывало на виновника самоубийства — на Аракчеева. 1 февраля вышел приказ императора: «Генерал-квартирмейстер барон Аракчеев увольняется в отпуск до излечения». Через полтора месяца, 18 марта Аракчеев был уволен из армии без прошения об отставке. Это была серьёзная опала, сдобренная царской милостью, которая казалась тогда прощальной: перед отставкой Аракчееву было присвоено звание генерал-лейтенанта. Павел был лёгок на опалу, но нередко отходчив по отношению к своим любимцам. Через полгода, 22 декабря 1798 г., Аракчееву возвратили пост генерал-квартирмейстера, а в мае был «пожалован графом за отличное усердие и труды». Будучи в Петербурге, Суворов наверняка обсуждал с Хвостовым и другими соратниками гибель Фёдора Лёна и, конечно, одобрял временную опалу Аракчеева.

Некоторое время Суворов ещё поразвлекал двор Павла своими вольностями и чудачествами, а потом взял да и вернулся

в обжитое Кончанское, проведя в столице лишь три недели. Отныне он жил там как свободный отставник, принимал гостей, вёл безнадзорную (насколько это возможно) переписку. Открыл в Кончанском школу для крестьянских детей, с которыми порой упоённо играл на улице в бабки. В Кончанском Суворов разрабатывал стратегию будущей войны с Наполеоном, войны, в которой Россия должна была спасти Европу от французских смутьянов. Итогом этих раздумий стали надиктованные в сентябре 1798-го генерал-майору Ивану Ивановичу Прево де-Люмиану (именно Ивану Ивановичу — Суворов любил называть этого генерала на русский манер) пункты плана новой большой европейской кампании: «Австрийцы должны держаться, не опасаясь за Рагузу, ни даже за Триест, даже в том случае, если бы и был поставлен вопрос о 30-летней войне. Обстоятельства меняются, так же как меняется и оружие, что я не могу сказать про себя, будучи сторонником холодного оружия. Англичане слабы на суше, но не слабы в отношении обороны своих берегов. Но какой перевес на море! Не высаживая десанта во Франции, они не должны прекращать занятий колоний. Они слишком распыляют свои силы на канале и на Средиземном море, действуя оборонительно, между тем как их силы обязывают к наступательной тактике. Они должны действовать настойчиво. Саксония должна оставаться нейтральной, чего нельзя сказать про Баварию и прочих принцев империи до Ганновера. Даже турки, теряя Грецию, будут тем самым еще более вынуждены вступить в войну, под призрачными обещаниями возврата Крыма и прочего, что лишь явится объектом для освобождения в дальнейшем. Россия встретится с некоторыми затруднениями со стороны Персии, но эта последняя слаба. Постараются поднять против нее Кабарду, а также и черкесов. Против Швеции она должна иметь 24 000 человек хорошо вооруженных и подвижных. На море она гораздо более сильна, сокрушит шведский флот и передаст излишки судов англичанам. Дания более выиграет, схватившись со шведами, чем если будет рисковать в другом месте. Самым же лучшим для нее будет нейтралитет, и если она не будет помогать англичанам. В интересах прусского кабинета усилить ослабление Австрии и повергнуть русскую гидру. Король будет с французами. Обе державы на него легко нападут с 10 000 человек каждая, если он не будет на их стороне или если останется нейтральным.

Со времени последней войны у турок не хватает людей и, если только их не поддержит Франция, Россия победит их с 60 000 или 30 000 резерва. Ее флот имеет стоянкой Севастополь. Австрийцы и русские будут действовать против Франции со 100

000 человек каждые, имея в принципе:

Только наступление. Быстрота в походе, горячность в атаках холодным оружием.

Никакой методичности при хорошем глазомере.

Полная власть генерал-аншефу.

Атаковать и бить противника в открытом поле. Не терять времени на осаду за исключением, например, Майнца, как основного пункта; иногда действовать обсервационным корпусом, блокадой, брать скорее крепости штурмом и сразу живой силой; так имеешь меньше потерь. Никогда не распылять силы для сохранения различных пунктов. В случае если противник их минует, это тем лучше, ибо он приближается, чтоб быть битым. Итак, нужен только обсервационный корпус на Страсбург, еще подвижный корпус на Люксембург; его острие продвинуть с беспрерывными боями до самого Парижа, как главного пункта, не останавливаясь в Лодане, если не считать установления наблюдения за ним при помощи некоторого количества войск, чтобы иметь свободным тыл, но не для отступления, о чем никогда не думать, но для обозов. И никогда не следует перегружаться тщетными комбинациями для контрмаршей и для так называемых военных хитростей, которые хороши только лишь для академика (мыслимы лишь только в теории), Италия, Нидерланды легко последуют за Парижем; король сардинский выскажется; имеется еще достаточно горячих голов в Италии, а остальное на благо общества. Неаполитанский король воспрянет, англичане очистят Средиземное море, никаких отсрочек, ложной предосторожности и зависти — головы Медеи, а в Министерстве Евгений Мальборо на положении Суворова и Кобурга».

Итак, Суворов был убеждён, что только овладев Парижем, союзники сумеют сломить наступление французских армий. Италия и Нидерладны — режимы, насаждённые французами, — рухнут как карточный домик, если союзники войдут в Париж. Суворов рассуждал здесь по-наполеоновски. Между тем противники Бонапарта в те годы мыслили иными категориями, стараясь избегать решительного сосредоточения сил на одной — центральной, ключевой! — цели.

Суворов острым глазом следил за международной обстановкой, за баталиями, не отставал от быстрой рысцы нового времени. Но случались часы, когда помыслы опального фельдмаршала обращались к области, далекой от политики и военного искусства. Суворов хотел продолжить свои дни в монастыре, в письме из Кончанского просил императора отпустить его в Нилову пустынь… Но серьезное осмысление европейской политики убедило Суворова, что его долг — спасать

Россию от надвигающейся с Запада опасности. И когда Павел, внявший просьбам союзников, предложил Суворову возглавить русско-австрийскую армию, призванную освободить от французов север Италии, Александр Васильевич принял на себя этот крест. Принял, своими чудачествами предварительно вынудив Павла разрешить Суворову вести войну по-суворовски, а не по-прусски.

В молчаливом противостоянии кончанский отшельник преодолел упрямство императора. Победил стоическим терпением и сосредоточенным на славе России, полным смирения, умственным трудом. Павел отправил Суворова в Европу «спасать царей», разрешив ему отступление от новых военных порядков: «Воюй по-своему, как умеешь». В феврале 1799 г. Суворова восстанавливают на русской службе в чине генерал-фельдмаршала, а в марте — назначают главнокомандующим союзной армией в Италии.

Появился в окружении Суворова и новый сотрудник — Егор Борисович Фукс. Ловкач и литератор, воспитанный в окружении хитрющего дипломата Безбородко. Фукс стал правителем канцелярии Суворова и находился при главнокомандующем неотлучно. Суворов знал, что Фукс — доносчик и шпион, и надеялся, что при этом у него нет злых намерений. Как бы то ни было, благодаря Фуксу, мы узнали немало достоверных и столько же выдуманных эпизодов из жизни Суворова.

Итальянский поход

В едино лето взял полдюжины он
Трой…

А. С. Шишков

Воевать предстояло в Италии. Соперник — достойнейший. Одолеть в честном бою армию, которая показала чудеса храбрости в первых революционных войнах, — что может быть заманчивее для Суворова, верившего в свою звезду даже во дни беспросветной опалы. Место действия — Италия, священная античная земля, навевавшая воспоминания о Юлии Цезаре и Ганнибале, перед которыми Суворов преклонялся с детства. Суворов никогда не путешествовал. Не был беспечным странником. У него не было времени для познавательных досугов. Вся жизнь прошла в учениях и боях. Он впервые направлялся в Италию — в страну, о которой мечтал в отрочестве. В страну Плутарха и Корнелия Непота, Тита Ливия и Цицерона. Политическое значение войны с французами, по мнению Суворова, ничуть не уступало смыслу Пунических войн. Италия была для Суворова вратами в мировую историю. Он переходил Рубикон. В одном из писем он так и обмолвится — Рубикон. Суворов сожалел, что на первом этапе кампании ему не удастся скрестить шпаги с Бонапартом. Но кто знал заранее — что случится после Адды? Суворов намеревался спасать царей, вторгнуться во Францию. Наверняка рассчитывал урезонить и Бонапарта — достойнейшего из противников.

Известно, что о войне с революционной Францией Суворов размышлял давно, с екатерининских времён, планируя покончить с «гиеной» несколькими решительными ударами. Ближе к кампании 1799 г., в ссылке, опальный фельдмаршал внимательно следил за боевыми действиями в Европе, анализировал политическую ситуацию. Всё чаще в сферу суворовского внимания попадает генерал Бонапарт, чей целеустремлённый характер, подкреплённый новаторским военным искусством, чрезвычайно занимает русского полководца. В феврале 1797 г. Суворов пишет русскому послу в Вене А.К. Разумовскому: «Бонапарте концентрируется. Гофф-кригс-рехт его мудро охватывает от полюса до экватора (вот замечательный образец суворовской иронии, проявившейся в критике австрийской военной тактики!. — *А.З.*). Славное делает раздробление, ослабевая массу. Не только новые, но и старые войски штык не

разумеют, сколько гибельной карманьольской не чувствуют. Провера пропала, святейший и отец в опасности. Альвинций к Тиролю, дрожу до Мантуи, ежели эрцгерцог Карл не поспеет. Но и сему не надобно по артиллерии строиться, а бить просто вперёд. Коль Гунинген бриллиант, а Дуссельдорф был солид, он (Карл . — *А.З.*) командовал ключом Люксембурга и Парижем; о, хорошо!

Ежели б это при встречах внушали. Вирсбург (город Вюрцбург . — *А.З.*) мне приятнее всех славных дел сего принца. Тем он потряс Нидерланды и Францию. Я команду сдал, как сельский дворянин. Еду в Кобринские деревни в стороне Литовского Бржеста. После сего очень я порадован вашим письмом от 31-го генваря. Слава Богу, вы здоровы, покорнейше благодарю ваше сиятельство». Дипломату было непросто продираться сквозь заросли суворовской иронии. Но за словесными выкрутасами Суворова можно было разглядеть точное, осмысленное понимание геополитических перспектив.

Суворову предстояла ссылка в Кончанское, новые взлёты и падения во взаимоотношениях с императором Павлом. Но уже в письме 1797 года старый фельдмаршал во многом предвосхитил дух 1799 г., когда самому Суворову довелось сыграть центральную роль на одном из этапов революционных войн.

Наступил 1799 г., решающий в судьбе Суворова. 4 февраля император Павел составляет рескрипт:

«Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мой корпус Розенберга и Германа идут. И так по сему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезду в Вену…»

Рескрипт доставил в Кончанское флигель-адъютант государя Семён Иванович Толбухин.

На этот раз Суворов без промедлений согласился вернуться на службу. Он услышал звуки боевой трубы! Суворов быстро отслужил молебен и дал весьма оригинальный приказ: «Час собираться, другой отправляться. Поездка с четырьмя товарищами. Я в повозке, они в санях. Лошадей осьмнадцать, а не двадцать четыре. Взять денег на дорогу двесьти пятьдесят рублей. Егорке бежать к старосте Фомке и сказать, чтоб такую сумму поверил, потому что я еду не на шутку. Да я ж служил за дьячка, пел басом, а теперь я буду петь Марсом!» Да, деньги на дорогу пришлось занимать у Фомки…

Через неделю с лишком в очередном рескрипте Павел оговаривает особые условия взаимоотношений нового главнокомандующего войсками союзников с русским императором: «Отправляя вас по требованию верного союзника нашего римского императора, и сходственно с желанием нашим, для предводительства войсками под начальством эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского, назначенными в Италии действовать против французов, предоставляем вам право, когда вы нужным признаете, требовать умножения числа и войск наших, относясь лично к нам. Впрочем, подвиги ваши, усердие и вера всем известны. Продолжайте с Богом, и враг блага общего вами же поражён будет.

Пребываем к вам благосклонны *Павел*».

Эрцгерцог Иосиф вскоре сдаст командование войсками непосредственно Суворову.

Несколько раньше, с июля 1798 г., начался средиземноморский поход русской эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова в составе 7 линейных кораблей, 7 фрегатов и нескольких мелких судов. Ионические острова были заняты французами. Республика намеревалась прочно утвердиться в Средиземном море, включив в зону своего влияния и Турцию. Стамбул не был согласен с таким развитием событий и потому приветствовал своего нового союзника и бывшего противника Ушакова с восторгом и восточными изъявлениями почтения. По договору все турецкие порты и арсеналы при них оказывались в ведении Ушакова. Под командование Ушакова перешла турецкая эскадра во главе с адмиралом Кадыр-беем. Объединённая русско-турецкая эскадра двинулась к Ионическим островам. Первым был освобождён остров Цериго.

Самым богатым и укреплённым был остров Корфу с первоклассной крепостью, в которой располагался гарнизон из 3700 человек при 650 орудиях. Руководили гарнизоном французский губернатор Ионических островов генерал Шабо и генеральный комиссар Дюбуа. Перед походом на Корфу Ушаков получил подкрепление — два новых линейных корабля, которые пришли из Севастополя. Перед штурмом вице-адмирал Ушаков располагал 12 линейными кораблями, 13 фрегатами, 7 вспомогательными судами. Численность десантного войска не превышала 4000 человек. Корабли Ушакова стали на якорь ночью, образовав полукольцо перед крепостью со стороны пролива. На флангах русские суда были готовы отбить атаку в случае появления вражеских кораблей. Перед крепостью Ушаков приказал выстроить батарею на тридцать орудий, чтобы атаковать мощные укрепления Корфу с суши, прямой наводкой.

Начал Ушаков с интенсивного обстрела крепости, отменно работала вновь устроенная батарея, а в семь часов утра 20 февраля 1799 г. повёл штурм всеми силами — одновременно с моря и с суши. Силу истинно суворовского натиска французы не вытерпели: они начали сдаваться. К вечеру Шабо и Дюбуа заявили о капитуляции.

На борту русского флагманского корабля были подписаны условия капитуляции: союзникам оставалась вся артиллерия, арсеналы, запасы продовольствия и разное военное имущество. Сложившему оружие французскому гарнизону позволили эвакуироваться на родину. Ушаков на некоторое время остался на Корфу, чтобы подремонтировать суда и установить на Ионических островах обновлённую государственность — независимую республику под временным покровительством двух империй, России и Турции. Ушаков дал новой республике конституцию, в которой гарантировал немало свобод. Местное православное население встречало русских моряков восторженно. Англия и Австрия, рассчитывая на политику жёсткого империализма, посчитали конституцию Ионических островов нежелательным прецедентом. А Суворов восхищался молодецким штурмом крепости. И под Измаилом Суворов практиковал штурм с суши и с воды, активно использовал флот Рибаса. Теперь торжествовал заочный ученик Суворова.

Суворов поздравил Ушакова восторженным письмом: «Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю самому себе: зачем я не был при Корфу хотя мичманом!» Суворов вспоминал слова Петра Великого, «по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнёс: «Природа произвела Россию только одну — она соперниц не имеет!» Победы Ушакова заставили Суворова вспомнить эти громкие слова первого русского императора. Мы нисколько не преувеличим, если предположим, что победы Ушакова психологически подготовили Суворова к согласию принять, после многих месяцев кончанского бездействия, командование над союзной армией.

После героического взятия Корфу Суворов начал переписку с флотоводцем, которого давно уважал: он доверительно полагался на Ушакова в морских делах и никак не пытался обозначить свою власть над ним (хотя имел такую возможность). Ушаков во всех данных им морских сражениях (а он не знал поражений) руководствовался суворовской формулой военного искусства: быстрота, глазомер, натиск. Отношение Ушакова к качествам русского матроса было сродни суворовскому отношению к солдату. Они знали, что достоинства русского воина позволяют с блеском реализовать принцип «натиска» в кульминационный

момент сражения. В столкновениях с лучшей в Европе — французской — армией десантники Ушакова первыми показали преимущество суворовской воинской выучки над прусской и австрийской «рутиной». Побеждать раскрепощённых, полных молодой полководческой энергией французов можно было только быстротой, глазомером и натиском!

Австрия уже в 1796 г. оказалась перед пропастью, в которую могли столкнуть эту европейскую империю войны с революционными армиями. Император Франц настойчиво просил Екатерину о военной поддержке. Императрица медлила, сколачивая союз также с Пруссией и Англией. А Павел, взойдя на престол, прервал начинания матери и намеревался дать России продолжительный отдых от войн. Победы Бонапарта над австрийцами были подтверждены Леобенским перемирием, которое Вена была вынуждена подписать.

В мае 1798 г. французы заняли Мальту — остров, принадлежавший рыцарскому ордену Св. Иоанна Иерусалимского, великим магистром и рьяным покровителем которого был русский император Павел Первый. Новую антифранцузскую коалицию составили Австрия, Россия, Англия, Турция, Неаполь. В ноябре 22-тысячный русский корпус генерала от инфантерии Розенберга уже стоял на Дунае, готовились к походу ещё два корпуса — генерала Германа (11 000 человек), следовавшего к Неаполю и Мальте, и генерала Нумсена (вскоре его заменят Римским-Корсаковым), который должен был расположиться в Германии. Генералу Ивану Ивановичу Герману (1744 — после 1801) Павел поручит поначалу следить за Суворовым, «иметь наблюдение, когда он будет слишком увлекаться своим воображением, заставляющим его иногда забывать обо всём на свете». Русский генерал-лейтенант, саксонец по рождению, служивший с Суворовым в Астрахани, не откажется от бесславной шпионской миссии и даже поблагодарит государя за доверие, попутно помянув Суворова с пренебрежением. Герману не придётся ни воевать вместе с Суворовым в Италии, ни вести наблюдение за своим командующим. Ему было суждено испить горькую чашу военного поражения в Голландии. В апреле Ивана Германа сменил любимец Суворова, старый генерал-лейтенант Максим Ребиндер, по-суворовски быстро взявший корпус в свои руки. Ребиндер был любим солдатами за воинский опыт, простодушие и необыкновенную богатырскую силу.

Фактическим главой австрийского правительства был в 1799 г. барон Иоанн Амадей-Франц Тугут де Паула (1734–1818) — пожилой, властный, самоуверенный аристократ, который

с трудом приноравливался к политическим и иным переменам. Долгое время Тугут занимался внешней политикой империи, был с 1794 г. министром иностранных дел. С 1799 г. он председательствовал также и в гофкригсрате, сосредоточив в своих руках немалую власть. Теперь и дипломатия, и армия Священной Римской империи подчинялись барону. К России он относился свысока, но обстоятельства толкали его в союз с пылким, переменчивым императором Павлом. Приходилось сотрудничать и со своенравным старым фельдмаршалом, крушившим турок и поляков.

Барон Тугут был вынужден смириться с кандидатурой хорошо известного в австрийской армии Суворова, на которой к тому же настаивала Англия. Да, это был компромисс для Вены, но император Франц понимал, что приглашение главнокомандующим Суворова — это гарантия того, что русские приведут в Европу сильные корпуса и не вернут их в пределы Российской империи вплоть до решения боевой задачи. А для Суворова Тугут очень скоро — в первую неделю его пребывания в Италии — станет олицетворением рутинёрства и лицемерия австрийской штабной политики, олицетворением всего худшего, что было в союзниках.

Когда Суворов вторично приехал в столицу из Кончанского, Павел повелел поселить фельдмаршала в Шепелевском дворце, лично проверил, чтобы в парадных покоях не было зеркал, а ложе устроили из соломы. Но Рымникский остановился в доме Хвостова на Крюковом канале. Столичная публика, включая высшую знать, устроила ему восторженный приём. Явился к Суворову и Николев… Фельдмаршал не сдержал мстительной иронии: назвал своего недавнего надсмотрщика благодетелем, выставил его на смех, посадив на «подобающее» высокое место — стул, водружённый на диван. По просьбе Суворова, был восстановлен на службе штабс-капитан Семён Христофорович Ставраков (1763–1819) — сын обрусевшего грека, боевого офицера, поселившегося в Кременчуге. Он долго служил в нижних чинах, приобретая уникальный боевой опыт. Участвовал в Польском походе 1794 г., в штурме Праги. Суворов приблизил его к себе в 1796 г., сделал своим ординарцем и, предположительно, именно ему диктовал в Тульчине «Науку побеждать». Когда Суворов был уволен из армии, Ставраков оказался в числе тех офицеров, которые в знак протеста подали прошения об отставке. Вскоре он был арестован и заключён в крепость в Киеве, но держался молодцом и не дал показаний против Суворова. В трудные дни опалы Суворов назначил «честному человеку Семёну Христофоровичу Ставракову с юными братьями» ежегодный

пенсион в 300 рублей «по смерть». И вот теперь штабс-капитан Ставраков вошёл в штаб фельдмаршала, которому предстояло действовать в Италии и Швейцарии. Сохранился любопытный рассказ о том, как император, проверяя компетентность офицеров суворовского штаба, спросил Ставракова: «Какими языками владеешь?» Ответ был простодушный до казусности, зато честный: «Великороссийским и малороссийским!» Когда Павел попросил Суворова заменить «этого дурака», фельдмаршал то ли в шутку, то ли всерьёз ответил: «Помилуй Бог, это у меня первый человек!» За шутовством и на этот раз скрывалось счастливое прозрение: отныне Ставраков стал своеобразным талисманом российской армии и её штаба. Он не только прошёл рядом с Суворовым все сражения Итальянского и Швейцарского походов, вернувшись в Россию майором и кавалером, но и в 1805–1814 гг. участвовал едва ли не во всех сражениях Наполеоновских войн, в которых принимала участие Россия. В армии даже возникла поговорка — шутливая, но лестная для заслуженного ветерана: «Без Ставракова воевать никак нельзя». Несгибаемый офицер суворовской школы — и счастье, что Суворов не забыл про него в февральские дни 1799 г., какой человек был бы потерян для нашей армии!

А возглавил адъютантскую команду Суворова подполковник (затем, после Нови — полковник) Сергей Сергеевич Кушников (1765–1838), офицер из числа тех, кто невозможное делал возможным. Надёжный, бесстрашный исполнитель приказов полководца, который не раз скакал под огнём от генерала к генералу, с приказами Суворова. Племянник Н.М. Карамзина, выпускник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, Кушников был не только отважным, но и просвещённым человеком. После смерти Суворова полковник Кушников перешёл на статскую службу, при императоре Александре I некоторое время был гражданским губернатором Санкт-Петербурга, а окончил службу в высоком чине действительного статского советника. Суворов Кушникова ценил, среди дежурных офицеров он выделялся политическими способностями и образованностью. В письме Ростопчину после Новийского сражения Суворов охарактеризует своего адъютанта: «Кушников храбр, бодр, говорит языками и всё знает». Именно Кушникова после Нови Суворов пошлёт в Петербург с донесением о победе. Столь почётные поручения фельдмаршал давал только за храбрость, проявленную в бою. Вестник победы будет произведён в полковники.

Из Петербурга фельдмаршал выехал в Европу в конце февраля. В Вильне Суворов встретился с фанагорийцами,

испытанные гренадеры (история сохранила фамилию Кабанова) просили его взять их с собою в Италию. Суворов обещал просить о том государя, но тщетно: дорога Фанагорийского полка не лежала через Италию… Им предстояло под командованием генерала И.И. Германа воевать в составе экспедиционного корпуса в Голландии. Но то был бесславный поход, окончившийся несколькими поражениями — в том числе в большом сражении при Бергене и пленением самого Германа, которого Павел в гневе уволит из армии. По иронии истории, Германа, который должен был приглядывать за Суворовым в Итальянском походе, Россия выменивала на пленных французских генералов Периньона и Груши.

14 марта 1799 г. Суворов прибыл в Вену, встречавшую его как героя. Въезжая в Вену, по легенде, Суворов изо всех сил кричал: «Да здравствует Иосиф! Да здравствует Иосиф!» Когда же его прервали и объяснили, что императора зовут Францем, старик изобразил удивление: «Видит Бог, что я этого не знал». Стремительному фельдмаршалу было не до мелочей.

И всё-таки ему пришлось потратить драгоценное время на аудиенцию у императора Франца, на светские беседы с императрицей и французскими принцессами… Приёмов могло бы быть значительно больше, но Суворов отказался от них, сославшись на Великий пост. Зато встретился со старыми боевыми друзьями — принцем Кобургским и бароном Карачаем. Последнего, пребывавшего к тому времени в отставке, Суворов уговорил вернуться в армию и снова сражаться рядом с русскими, как при Путне, Фокшанах и Рымнике. Неоднократно Суворов встречался с русским посланником графом Андреем Кирилловичем Разумовским, с которым он считал возможным говорить откровенно на самые мудрёные темы. Суворов знал, что Разумовский был деятельным посредником между союзниками и Павлом и сыграл чуть ли не первую скрипку в назначении Суворова главнокомандующим. Заслуги чрезвычайного посла в создании коалиции Павел Петрович щедро оценил орденом Андрея Первозванного. Рядом с Разумовским, по распоряжению Павла, работал Степан Алексеевич Колычев — тайный советник при русском посольстве в Вене. С ним Суворов также сошёлся, нашёл общий язык, упражняясь в умении вести многозначительные политические беседы.

Ко времени пребывания Суворова в Вене относится любопытная легенда: Суворова-де пригласили на оперу великого Моцарта (назовём без особого умысла, к примеру, «Волшебную флейту»). Иногда рассказывают: «Дирижировал сам композитор!»

На самом деле Моцарт до 1799-го не дожил. После представления Суворов высказался: «Хорошо играют. Но наш полковой оркестр звучал и получше!» Пробыл он в Вене 10 дней и на прощание получил от императора Франца инструкции по ведению первого этапа кампании. Речь шла о защите австрийских владений от французов с постоянной оглядкой на гофкригсрат. Главная задача — оттеснение французов подалее от австрийских владений. Суворов не мог согласиться с такими планами, не для этого он оставил Кончанское. Свою стратегию он выработал ещё в Кончанском — она запечатлена в плане, продиктованном И.И. Прево-де-Люмиану. Новая стратегия, предполагавшая разгром неприятеля. Но — то ли из легкомысленности, то ли из высшей мудрости — не соглашаясь с австрийцами, он не настоял на документальном утверждении своих более широких планов. Что ж, принцип «главное — ввязаться в драку» при запутанных обстоятельствах иногда бывает верным, но в Вене были заложены основы будущих противоречий Суворова и Тугута, России и Австрии. Суворов направился по маршруту Вена — Верона. На пути в Верону, в Виченце, к Суворову присоединился генерал-квартирмейстер армии маркиз Шателер. Он принялся со схемами и картами в руках рассказывать о расположении войск. Когда же спросил Суворова о планах кампании — услышал в ответ рассеянное «Штыки, штыки…». Суворова беспокоило невеликое умение австрийцев побеждать штыковыми атаками, а делиться более подробными планами с Шателером он не считал нужным. К тому же не нова истина: «Война план покажет». Когда же австрийцы представили Суворову свой план кампании, итогом которой должно было стать оттеснение французов к реке Адде, Суворов сказал:

— Кампания начнется на Адде, а кончится, где Богу будет угодно…

В Вероне его приветствовали генералы и войска. Он перебросился словами с Багратионом, Розенбергом, Милорадовичем. Розенберга испытал неожиданным приказом: «Дайте мне два полчка пехоты и два полчка казаков!» Генерал, не знавший повадок Суворова, ответил вполне серьёзно, что вся армия в распоряжении командующего. На следующий день Суворов повторил свою странную просьбу, Розенберг снова не сумел ответить остроумно. Выручил Багратион: «Мой полк готов, ваше сиятельство». Суворов был вполне доволен таким находчивым ответом: Багратион прочувствовал, что Суворов говорит о подготовке авангарда. Вопросы «на находчивость» не были пустой блажью фельдмаршала. Таким образом Суворов

воспитывал в генералах и солдатах дух смелой инициативы. У Суворова воюют личности, а не механизмы, и он любил, чтобы личность проявлялась в гротескном виде.

По обыкновению, он много общался с нижними чинами, вспоминая о прошлых сражениях, пошучивая, поощряя молодых… В первые дни Итальянского похода проявилась особенность Суворова, которую ценил Денис Давыдов: «Прежние полководцы, вступая в командование войсками, обращались к войскам с пышными, непонятными для них речами. Суворов предпочёл жить среди войска и вполне его изучил; его добродушие, доходившее до простодушия, его причуды в народном духе привлекали к нему солдат. Он говорил с ними в походах и в лагере их наречием. Вместо огромных штабов он окружал себя людьми простыми, так, например, Тищенкой, Ставраковым». Вот вам и разгадка, почему именно Суворова армейская и крестьянская молва прочно выделила из ряда русских полководцев, прославленных громкими победами.

Новую главную квартиру устроили в Валеджио. В марше на Валеджио авангардом командовал князь, генерал-майор Багратион, который прославится авангардными боями в течение всей кампании. В корпусе Багратиона шёл вверенный грузинскому князю 6-й егерский полк, сводный гренадерский батальон неустрашимого подполковника Ломоносова и полк казаков майора Поздеева. Суворовская инструкция авангарду стала принципом Багратиона на всю кампанию: «Голова хвоста не ждёт. Как снег на голову». Суворовский солдат, Илья Осипович Попадичев, вспоминал уже в глубокой старости о том марше: «Отсюда с Багратионом мы сделали три перехода вольно, при нас ехал Суворов. Тут вдруг последовал от него приказ, чтобы штыки были у всех востры. Для чего это он велит вострить штыки, думали мы, потому что они у нас были остры, как шилья. После уж узнали, что Суворов, объезжая полки, попробовал рукой штык у одного солдата и нашёл его тупым — вот и отдал приказ, чтобы все навострили штыки». Прелюдия сражений прошла под знаком внимания к штыку.

Суворов стремился «взорвать ситуацию» в Италии. Его не устраивали медлительные действия французов в марте и начале апреля, когда многотысячная австрийская армия медлительно двигалась по берегам реки Минчо, позволяя французам действовать в Италии.

В Валеджио, ожидая отстававшие русские войска (дивизия генерал-лейтенанта Повало-Швейковского подошла только 7 апреля), Суворов начинает подготовку войск с обучения

австрийцев премудростям штыковой атаки. Получилось очень доходчивое и чёткое руководство: «В строю становиться по локтю. Повороты и деплоирование в обыкновенных случаях делать скорым шагом. Движение производить в колоне повзводно, справа или слева. Шаг в аршин, при захождении — полтора. Фронт выстраивать захождением — повзводно. Готовься к атаке! Тут пальба взводами недолго. По команде «Готовься!» люди задней шеренги отскакивают в сторону, вправо и становятся в две шеренги, а потом вскакивают опять на прежние места. Всем этим заниматься недолго. По сигналу «Марш! Вперёд!» линии двигаются полным шагом и живо. Ружьё в правую руку! Штыки держать вкось без помощи ремня. Как дойдёт до рукопашного, если на кавалерию, то колоть штыком в лошадь и человека; если на пехоту — то штык держать ниже и ближе обеими руками. На 80 саженях картечный выстрел из больших орудий — пехота пробежит вперёд до 15 шагов; то же самое на 60 саженях, когда картечь из малых пушек. Неприятельская картечь летит поверх головы. Когда линия в 60 шагах от неприятеля — офицеры с флангов выбегают вперёд: «Ура, Франц!» Рядовые вперёд — и неприятеля колют… Тут уж только кровь…»

Не одной штыковой атаке обучал Суворов войска, но штык считал ключом к победе над французами: «Штыком может один человек заколоть троих, где и четверых, а сотня пуль летит на воздух». Важно было воспитать армию в атакующем духе. В одном из руководств Суворов заметил: «Не худо сказать солдатам какую-нибудь сильную речь». Говоря о высоком боевом духе, Суворов имел в виду единство армии от командующего до новобранца. Каждый должен проникнуться стихией атаки, верой в неизбежную победу. «Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный». Эту истину Суворов изрёк именно на итальянской земле, в первые дни кампании. Учение проходило не гладко. В первом крупном и тактически насыщенном сражении — после форсирования Адды — австрийские войска разочаруют Суворова. Их неготовность к быстрому способу ведения боя не позволила развить успех и наголову разбить отступавшие дивизии Моро.

Уроки Суворова воспринимались австрийскими офицерами с ревнивым неудовольствием. Титулованные европейские аристократы и воины не бывают лишёнными заносчивости — это и не грех даже, просто яркая краска офицерской жизни. Несмотря на громкие победы периода Семилетней войны и екатерининских войн, рыцари Священной Римской империи относились к русской армии свысока. Замечали изъяны в образовании офицеров, в знании военной науки. Говорили об отсутствии штабной

культуры. Да и сам Суворов, трезво оценивая возможности отечественной армии, интендантскую службу целиком поручил австрийцам, не отстаивая здесь русских приоритетов. Но боевого приоритета он не отдавал никому! Выносливость войск, решительность и стойкость офицеров, прекрасное владение приёмами штыковой атаки — эти козыри на полях сражений били любую австрийскую науку. Как психолог-педагог, Суворов осыпал преувеличенными комплиментами храбрость австрийских генералов и солдат (прежде всего — смышлёного и хваткого генерала Края), но при этом демонстрировал презрение к штабному способу ведения войны, прибегая подчас к шутовским артистическим приёмам. Он видел неудовольствие австрийцев, но штыковых учений не отменил. Нужно было физически превосходить французов в рукопашной, а рисковать успехом кампании Суворов не мог. Лучше уж малость пощекотать самолюбие союзников.

В Валеджио Суворов собрал армию в 66 500 человек. 7 апреля прибыли последние русские части — и Суворов без промедления начал наступать. 10 апреля авангард Багратиона подошёл к крепости Брешии. Французский гарнизон крепости оказал упорное сопротивление, не прекращая артиллерийского огня в течение двенадцати часов. Под Брешией собирались части союзной армии, но судьбу крепости решил всё тот же авангард. Егеря Багратиона ворвались в город со штыковой атакой, сломив сопротивление французов. Прав был Суворов: «Штыки! Штыки!»

11 апреля фельдмаршал двух империй уже рапортовал Павлу о взятии крепости Брешиа, выделяя командиров союзного авангарда: «Генерал-майора князя Багратиона, подполковника Ломоносова и майора Поздеева похваляю расторопность, рвение и усердие, при завладении крепости оказанные». Багратион и впрямь начал поход «за здравие», но, вопреки поговорке, не оплошал и в конце похода. Генералу Краю, который руководил штурмом, Суворов написал от всей души как старому другу: «Брешиа занята благодаря вашей храбрости. Предлагается вам оставить там в качестве гарнизона одного дельного полковника с тремя батальонами и одним эскадроном из состава дивизии Цопфа или Отта». Край пришёлся по душе Суворову уже при первом знакомстве в Валледжио. И первое впечатление оказалось прозорливым: то был действительно едва ли не храбрейший австрийский генерал.

В Брешии в плен удалось захватить французского полковника, 34 офицера и 1230 солдат. Добавим 46 трофейных пушек. Несмотря на старания французской артиллерии, со

стороны атакующих не было ни убитых, ни раненых. Так начинались суворовские боевые чудеса в Италии. Занятая Брешиа стала базой для войск, осаждавших Мантую и Пескиеру. Суворову было известно, что в Брешии действовали оружейные предприятия. Он требовал наладить их работу на благо союзной армии: «Оружейные заводы заставить работать на нас!..»

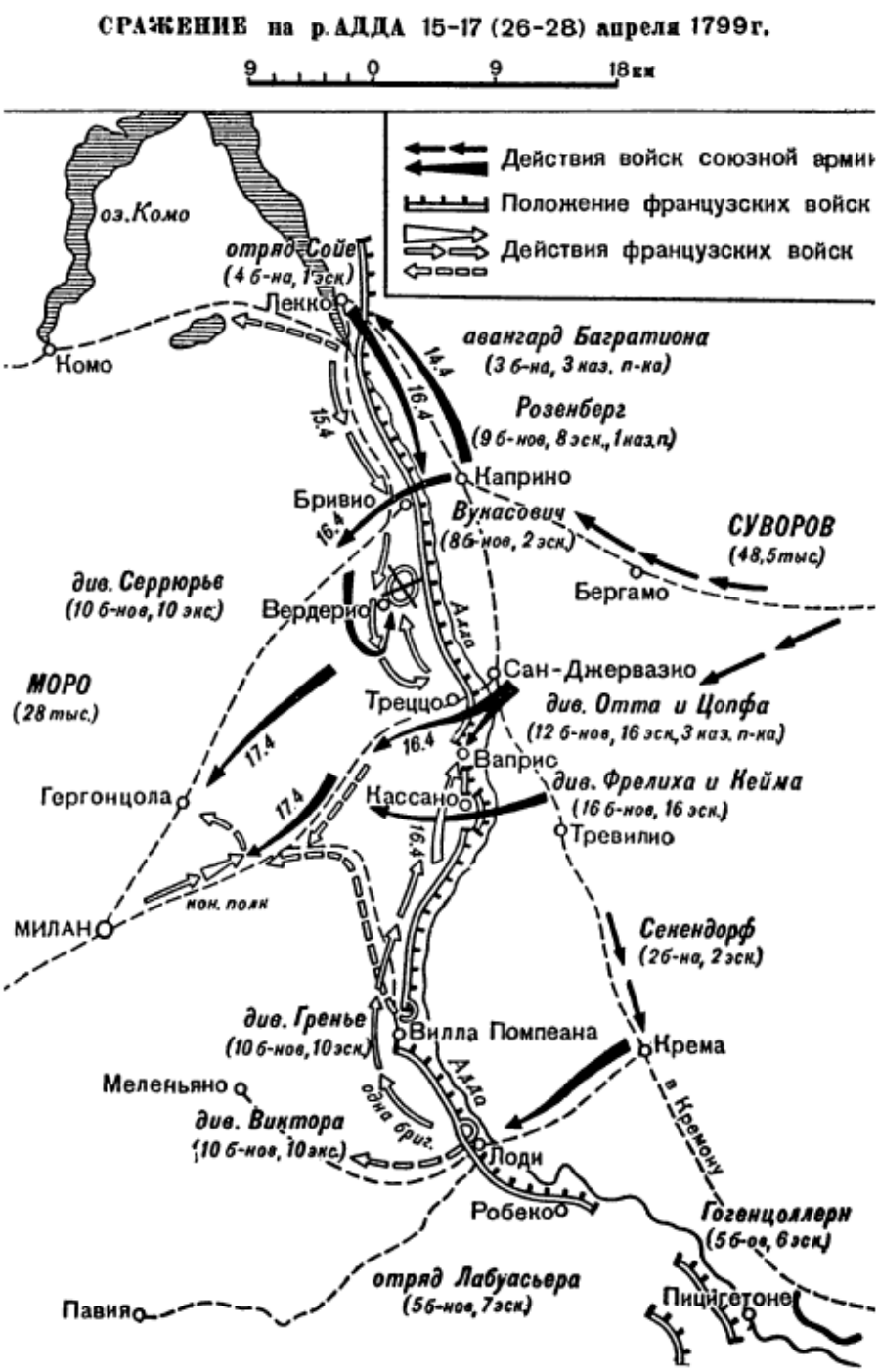
Тем временем основные силы союзников (43 500 человек) двигались маршем к Адде. На берегах этой реки Суворов намеревался молниеносно решить судьбу первого этапа кампании. Фельдмаршал приучал и австрийцев к своим быстрым переходам. Командующим австрийскими войсками в союзной армии был фельдмаршал-лейтенант, барон Михаил Фридрих Бенедикт Мелас (1729–1806), закончивший свои дни во главе гофкригсрата в чине генерал-фельдмаршала. Мелас был опытнейшим генералом суворовского поколения, но неукротимая энергия Суворова пугала его. Из уважения к возрасту Суворов называл его «папой Меласом». Медлительность и осторожность Меласа в бою будут вызывать в Суворове ярость, до поры до времени — сдерживаемую.

Узнав, что Мелас приостановил наступление, чтобы дать отдохнуть и обсохнуть своим войскам, угодившим под ливень, Суворов разразился язвительным письмом: «До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода. Переход был сделан на службу могущественному монарху. За хорошею погодою гоняются женщины, щёголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет, как эгоист, отстранён от должности. В военных действиях следует быстро сообразить — и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тот пусть и остаётся позади. Италия должна быть освобождена от ига безбожников и французов. Всякий честный офицер должен жертвовать собою для этой цели. Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают. Глазомер, быстрота, стремительность! — на сей раз довольно». Достаточно резкая эпистолярная выволочка, хотя и сдобренная типично суворовскими аллегориями. Гнев Суворова был искренний, не наигранный, а письмо стало любопытным воспитательным актом, который Суворов считал не менее важным, чем обучение цесарских солдат штыковой атаке. Барон Мелас, что вовсе не удивительно, болезненно реагировал на резкости Суворова. В письме эрцгерцогу Карлу он жалуется: «Фельдмаршал принимает только те сведения за безусловно верные, которые льстят его собственным идеям… Я нахожусь в ужаснейшем положении в моей жизни: должен безнаказанно пропускать беспорядки,

вызываемые свыше, и видеть, как у меня вырывают из рук блестящие победы, чреватые последствиями». В гофкригсрат Мелас доносит: «Я совершенно не в состоянии приобрести доверие господина фельдмаршала графа Суворова… Марш слишком быстрый, совершенно без всякого военного расчёта». Союзничество неминуемо превращалось в подковёрное соревнование честолюбий, в конкуренцию политических и экономических интересов. Строгое, раздражённое письмо Суворова было направлено на укрепление авторитета командующего. Суворов понимал, что пожилой, высокомерный Мелас может стать для него опасной оппозицией, и грубоватым окриком сразу ставил его на место.

Пока суд да дело, казачий полк Грекова, преследуя отряд французов, занял Бергамо, ворвавшись и в укреплённую цитадель города. Больше сотни французов попали в плен к казакам, а 49 орудий стали их трофеями. Суворов послал Мелассу предписания об использовании трофейных орудий — возможно, кроме прямого назначения этих предписаний имелся и подтекст: фельдмаршал хотел напомнить «папе Меласу» о подвигах Края, Багратиона и Грекова.

На правом берегу Адды располагались части французской Пьемонтской армии — 28 000 человек. Генерал Б.Шерер готовился к обороне рубежей, растянув силы от озера Комо до впадения Адды в реку По.



Французская армия отступала к Адде тремя колоннами. Дивизия Серрюрье шла на Лекко, дивизия Гренье — на Кассано и дивизия Виктора — на Лоди.

Диспозиция уже была продумана: Суворов собирался форсировать Адду, чтобы уничтожить Пьемонтскую армию.

Растянутые силы французов Суворов собирался атаковать тремя разветвлёнными ударами: у Треццо, у Кассано, у Лекко. На Треццо были направлены главные силы: дивизии Отта, Цопфа, Вукасовича и Швейковского (общий состав — 26 000 человек). Дивизии австрийских генералов Фрелиха и Кейта (13 000 человек) Суворов бросил на Кассано. Русский авангард князя Багратиона должен был овладеть мостом и уничтожить французскую группировку у Лекко, после чего ему надлежало по правому берегу Адды спуститься к Треццо и содействовать переправе основных сил. Багратион двигался быстро, применяя остроумные задумки: так, он приказал посадить егерей на казачьих лошадей, которые выдерживали двоих всадников. И Багратиону удалось настичь силы Серрюрье у Лекко. Два полка гнали превосходящие силы французов до самого Лекко, на подступах к которому заняли позиции.

У Лекко французских войск оказалось куда более ожидаемого — и Суворов вынужден был отменить переправу главных сил 15 апреля и послать войска Вукасовича, Швейковского и Милорадовича на помощь Багратиону. Там завязался упорный бой с раннего утра 15 апреля, когда Багратион атаковал французов у Лекко. Мост через Адду уже оказался разобранным, и французы пытались артиллерией затруднить переправу для наступавших русских. За каменной стеной Лекко укрепился гарнизон генерала Сойе: четыре пехотных батальона и один кавалерийский эскадрон. Первую атаку Багратиона французы отбили, со второго раза русские ворвались в Лекко. Французы сосредоточили трёхтысячный отряд к северу от Лекко и вскоре начали новую атаку русских позиций в городе — с горных склонов. Багратион был готов к ожесточённому сопротивлению, действовал быстро. Цепью из трёх рот егерей Багратион контратаковал французов. За егерями шла рота гренадер. В штыковом бою русские взяли верх. «И самое малое количество спаслось из оных бегством в ущельи», — писал Багратион Суворову об атакующих французах. Отбил Багратион и вторую атаку французов на Лекко — на этот раз их вёл сам Серрюрье. Третья атака производилась сразу с севера и запада. Артиллерия Багратиона почти молчала: не хватало боеприпасов. Французам удалось ворваться в город с севера. Суворов решил подкрепить войска Багратиона батальонами из корпуса Розенберга.

Решающий вклад в победу внёс неустрашимый и изобретательный Милорадович, взявший с собой гренадерский батальон подполковника Дендрыкина. Милорадович переправился вместе с гренадерами на подводах и неожиданной атакой в 16.00 смял ряды защитников Лекко. Отличившись в бою,

граф Милорадович благородно уступил пальму первенства Багратиону, уступавшему ему по старшинству присвоения звания генерал-майора. Багратион первым атаковал Лекко — ему и кончать дело, а старшинством мериться нам не вместно, — примерно так рассудил «солдатский генерал». Этот поступок Милорадовича Суворов выделил, упомянув его даже в письме императору. Вслед за Милорадовичем достигли Лекко два пехотных батальона во главе с генералом Повало-Швейковским. Сражение продолжалось до восьми часов вечера, когда генерал Сойе с остатками гарнизона отступил на западный берег Адды. Русские войска потеряли убитыми и ранеными 385 человек, французы — около 2000.

Союзники наступали на Адду в следующем порядке: войска Розенберга и австрийцы Вукасовича двигались к Каприно, дивизии Отта и Цопфа обосновались в Сан-Джервазио, напротив Треццо. Дивизии Фрелиха и Кейма подтянулись в Тревилио, что напротив Кассано. Войска Секендорфа оказались западнее Крема, соединение Гогенцоллерна — в Пицигетоне. Войска численностью 48,5 тысячи человек оказались на берегах Адды — от Лекко до Кассано берега были крутыми, высокими, ниже Кассано — пологими и болотистыми. Перейти вброд эту реку было нельзя, а мосты у Лекко, Кассано, Пицигетоне и Лоди французы контролировали. Вечером 14 апреля Суворов был уже на берегу Адды.

Шерер колебался, безуспешно пытаясь угадать направление главного удара суворовских войск. В революционной армии им были недовольны. Тогда же, 15 апреля Шерера на должности главнокомандующего сменил знаменитый генерал Жан Виктор Моро.

Суворов давно следил за трудами и днями генерала Моро, имел представление об этом талантливом полководце. Моро заслуживал самого пристального внимания. Заслугами, талантом, авторитетом в армии он уступал только одному французскому полководцу — Бонапарту. Был вторым в блестящей плеяде революционных генералов. В 1799-м ему шёл тридцать седьмой год. По меркам революции это был возраст мудрости и расцвета. Он прославился в 1793-м, в Голландии. Возглавил знаменитую Северную армию. В 1794-м под Туркуэном разгромил союзную англо-австрийскую армию. О нём тогда заговорили не только в Париже, но и в России… В 1796-м Моро возглавляет Рейн-мозельскую армию. В той кампании он всё лето бил австрийцев. А когда австрийцы разбили вторую французскую армию, действовавшую в Священной Римской империи, отступил к Рейну. Этот сорокадневный марш на Рейн укрепил славу искусного

полководца. И вот его возвратили в Италию (несколько месяцев назад Моро уже воевал на Апеннинах) сражаться против Суворова. Старик обрадовался такому противнику. В истории сохранилась суворовская острота: «Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть!»

Из уважения к прославленному полководцу Суворов решил оглоушить Моро быстрым перемещением войск. Переправа у Треццо началась на рассвете 16 апреля, когда Моро стягивал силы с флангов для отражения удара на участке Ваприо — Кассано. Ему удалось сосредоточить там 10 500 человек из дивизий Гренье, Виктора и Серрюрье. На помощь Цопфу и Отту от Багратиона были переброшены казачьи полки. Усилившиеся французы пошли в атаку — и только удар казаков атамана и полковника Адриана Карповича Денисова (именно они первыми переправились через Адду в тот день) и венгерских гусар на левый фланг заставил французскую пехоту отступить к Поццо.

Генерал Мелас вёл атаку на Кассано, которой Суворов придавал большое значение. Меласу удалось занять Кассано, после чего он двинулся в тыл отступивших из Ваприо французов. Потери войск Моро в три раза превышали потери союзников. Но Суворов был недоволен, что утомлённые 12-часовым боем австрийские войска не смогли преследовать противника после победы при Ваприо — Кассано. Добивать недорубленный лес отправились лишь казачьи части.

Отдадим должное мастерству генерала Моро: ему удалось прочувствовать и выдержать темп сражения, спешно отступить с берегов Адды широким фронтом, выдвигая части в расходящихся направлениях — таким образом, преследование было затруднено. Суворов по достоинству оценил мастерство французского генерала. Одна только дивизия Серюрье попала в суворовскую западню. На берегах Адды Суворову окончательно стало ясно, что французская армия по способности к тактическому разнообразию не уступает русской и превосходит австрийскую.

Семитысячный корпус генерала Вукасовича переправлялся через Адду у Бривио. Там союзникам удалось разрезать войска генерала Серюрье, главный трёхтысячный корпус которого оказался в отчаянном положении. Он принял бой с войсками Вукасовича, но при приближении полков Розенберга перед перспективой полного уничтожения капитулировал. Это был самый зримый и впечатляющий успех сражения при Адде. В плен было взято 250 генералов и офицеров, включая самого Сюрюрье, а также 8 орудий и до 2700 нижних чинов. Офицеров Суворов отпустил по домам, во Францию, взяв с них обязательство не

поднимать оружия против союзных войск до конца кампании.

При походе от Адды к Милану Суворову пришлось заняться восстановлением дисциплины. Суровое наказание шпицрутенами (прогнание провинившихся сквозь строй) Суворов применял только в исключительных случаях. Мародёрство, «позор русского имени» как раз было такой исключительно тяжкой провинностью. Не теряя времени, при походе, нескольких мародёров прогнали сквозь строй. Реагируя на новые жалобы обывателей, Суворов приказывал: «Суд короткий… Старший в полку или батальоне прикажет обиженному всё сполна возвратить, а ежели чего не достанет, то заплатит обиженному на месте, из своего кармана; мародёра — шпицрутенами по силе его преступления, тем больше, ежели обиженного налицо не будет». Генералу Розенбергу Суворов писал: «Андрей Григорьевич, Бога ради учредите лучший порядок; бесчеловечие и общий вред впредь падают на особу вашего высокопревосходительства». Роль генерала Розенберга в кампании 1799 г. с самого начала была значительной, но Суворов сперва относился к нему настороженно, а за дело при Басиньяно грозился даже предать военному суду. Но простил — и в Швейцарском походе Розенберг оправдает доверие фельдмаршала, блестяще проявив себя в бою в Муттенской долине. Зато не повезёт Розенбергу с советскими историками 1940–1950-х гг., которые внесут немалый вклад в сувороведение, но немецкую фамилию Розенберга будут замалчивать. В годы борьбы с космополитизмом «Розенбергов» на русской службе было принято только критиковать. Анализируя безукоризненные арьергардные бои в Муттенской долине, они будут уклончиво писать: «арьергард Суворова», а генерала не упомянут. А жаль.

Двигаясь к Милану, Суворов оставил против гарнизонов Мантуи и Пескьеры небольшие отряды, а гарнизон Орцинови смело оставил в тылу, не потратив на осаду ни роты.

Весело и шумно 17 апреля авангард Суворова вступил в Милан — крупнейший город Северной Италии. На следующий день навстречу Суворову выехал епископ с большой делегацией миланцев. Наступало Светлое Христово Воскресенье. Пасха! Миланцы и русские встретились на дороге. Суворов спешился, принял благословение архиепископа. Встреча растрогала Суворова. Вместе с итальянцами Суворов направился к Милану. У городских ворот его встречал Мелас. Суворов, не слезая с коня, раскрыл перед ним объятья. Мелас в ответ потянулся к Суворову, но… потерял равновесие и слетел с лошади. Миланцы встречали Суворова торжественно, с искренним восторгом, с цветами и

иллюминацией. Правда, три года назад не менее блестящий приём они устроили генералу Бонапарту… Итальянцев изумляли русские традиции: троекратные поцелуи, необыкновенная набожность (Суворов и его товарищи крестились у каждого храма). Суворова поселили в богатом доме, в котором в своё время квартировал генерал Моро. Революционная Цизальпинская республика прекратила существование. В Милане после сражения при Адде бурлили антифранцузские настроения: 2400 солдат революционной армии заперлись в цитадели. А сам город был взят союзниками практически бескровно: в стычке с французами был убит один казак и двое — ранены.

В награду за победы при Адде Павел послал Суворову бриллиантовый перстень с собственным портретом: «Примите его в свидетели знаменитых дел ваших, и носите на руке, поражающей врага благоденствия всемирного».

В Милан Суворов въехал поутру 18-го, в Светлое Воскресенье. На следующий день Суворов, как триумфатор, в золотой карете, ехал в собор на молебствие. Знатных горожан, австрийских и даже пленных французских генералов Суворов пригласил к себе на обед, где христосовался со всеми. Когда за обедом пленённый генерал Серюрье принялся рассуждать о том, что русские с излишней поспешностью и храбростью атаковали при Лекко, Суворов иронически заметил: «Что поделаешь, мы, русские, не знаем ни правил, ни тактики. Я ещё из лучших!» Что ж, французы не первыми объясняли свои поражения «неправильным» военным искусством противника. Доселе австрийцы говорили нечто подобное о революционных французских генералах-выскочках, которые ломали рутину военной теории. Суворов был счастлив, что молодой Багратион, пробивавшийся к Лекко, воюет с суворовской «излишней поспешностью». В Милане Суворов пробудет менее пяти суток, но сочтёт это времяпровождение чуть ли не преступным бездействием.

Суворов воспринимал войну в Италии как освободительную — против гиены революций. Об идеологии той кампании свидетельствует воззвание Суворова к итальянскому народу: «Вооружитесь, народы италийские! Стремитесь к соединению под знамёна, несомые на брань за Бога и веру; и вы победоносно восторжествуете над враждебными их сонмами. Для защиты святой веры, для восстановления ваших законных правительств, для возвращения собственности вашей сражается и проливает ныне кровь свою союзное воинство двух августейших монархов». И филиппика против революционного правления получилась убедительной: «Не обременили ли вас правители Франции безмерными налогами? Не довершают ли они вашего разорения

жестокостию военных поборов? Все горести, все бедствия изливаются на вас под именем свободы и равенства, которые повергают семейства в плачевную бедность, похищают у них сынов и против воинства ваших государей, ваших возлюбленных отцов, защитников святой веры, принуждают их сражаться. Да облегчится скорбь ваша, народы италийские: есть Бог, вам покровительствующий; есть воинство, вас защищающее!» Более внятной, последовательной, благородной, но не истеричной монархической позиции революционная Европа не знала.

Следовало спешить: Суворов не собирался откладывать разгром революционных армий даже на неделю. 19 апреля 1799 г., в Милане, старый фельдмаршал составляет диспозицию к походу союзных войск на реку По и далее — навстречу армии Макдональда. Он бы предпринял форсирование По ещё раньше, ускорив погоню за ослабленными французскими армиями, но хвалёное австрийское интендантство не обеспечило своевременно продовольствием, да и понтонов не хватало (пользовались трофейными).

Для блокады Миланской цитадели и содержания порядка в городе оставались войска генерала Латтермана.

По плану Суворова 36-тысячная главная союзная армия (в составе 18 000 русских и столько же австрийцев) должна была перейти По и Тичино и дать генеральное сражение армии Макдональда, разбив которую, следовало наступать на Турин, чтобы уничтожить Пьемонтскую армию. Тем временем осадная армия Края должна была осаждать крепости, лишая французов укреплённых оплотов. Гофкригсрат не утвердил казавшийся рискованным план Суворова, но русский фельдмаршал выступил на По, не дождавшись ответа из Вены. И в этих действиях Суворова не было наивности: он предполагал отрицательную резолюцию австрийского императора. Вена запрещала наступательные действия, не помышляла о генеральном сражении и только позволяла «овладеть какой-нибудь из крепостей, лежащих на правом берегу По в недальнем от неё расстоянии». Суворов воспринимал такие резолюции как издевательство над военным искусством, как предательство стратегических интересов антифранцузской коалиции. Необходимо было уничтожить революционные армии, тем самым пошатнуть власть Директории в Париже, поддержать монархическое движение в очагах революции. Наконец, нужно было освобождать Италию. Двусмысленность суворовского положения проявилась: отныне он будет всячески маневрировать вокруг да около повелений Вены… Австрия вскоре будет наказана за непонимание суворовской стратегии генералом Бонапартом и

императором Наполеоном. А покуда за деревьями мелких интересов они не видели леса Истории.

К войскам 26 апреля под именем графа Романова прибыл молодой великий князь Константин Павлович, которого отец-император прислал для прохождения школы у Суворова. Теперь в армии находился представитель российского царского дома — таким образом, война во имя монархии воспринималась русским воинством как патриотический долг, который приходится осуществлять в необычных условиях европейского юга. В свите Константина Павловича прибыл к Суворову и его старый, многократно проверенный соратник по турецким и польским делам, герой Фокшан и Праги генерал Вилим Христофорович Дерфельден.

Французы отступали, оставляя войскам Суворова берега Тичино. Багратиона Суворов послал к Тортоне, где, по противоречивым сведениям, французский гарнизон ожидал подкрепления из Генуи. Тем временем Моро обосновался на стрелке рек По и Танаро, между крепостями Валенцей и Александрией. Там этот талантливый и властный революционный генерал приводил войска в порядок, готовясь к обороне. Основной корпус русских войск стоял в Павии. Действовал авангард под командованием генерал-майора Багратиона и авангардный отряд корпуса Розенберга, которым командовал генерал-майор Чубаров. 28 апреля Суворов приказывает Розенбергу занять Валенцу. Но там оказались сосредоточены многочисленные силы французов. Наступило время разведок боем, выяснения обстановки. Багратион двинулся к Нови, далеко опередив основные войска. Суворову удалось занять центральное положение между армиями Макдональда и Моро. У Борго-Франко, в семи верстах ниже Валенцы, генерал-майор Николай Андреевич Чубаров переправился через По. Здесь он, действуя небольшими казачьими отрядами, занял речной остров и деревню Басиньяно. Но французы стянули в Басиньяно превосходящие силы — и воинам Чубарова пришлось отступить на остров. На первое мая была назначена усиленная атака на Басиньяно, в которой принял участие и великий князь. Великий князь взялся командовать атакой, отодвинув в сторону Розенберга. Этим фактом и объясняют неудачу наступления. Сначала Чубарову удалось с боем занять деревню, но потом пришлось с потерями отступить. Два орудия достались французам, ранен был генерал Чубаров. Во всей операции принимали участие 2500 человек под командованием генерала Розенберга (разумеется, Розенберг не делил ответственность с великим князем), действиями которого уже были недовольны и Суворов, и император, предлагавший

заменить Розенберга Дерфельденом. Суворов двинул войска на выручку Розенбергу, но водная преграда — река Танаро, разлившаяся после дождей, — помешала поспеть вовремя. К вечеру французские войска сосредоточились у Александрии, русские — у Борго-Франко. Суворову Розенберг писал, пытаясь оправдаться: «Как подчинённый, я виноват без оправдания. Но ежели Ваше Сиятельство примете труд исследовать поведение моё в предприятии занять Валенцию, ибо я повеление ваше о присоединении к армии получил, вошедши уже в дело, — то уверен, что прав буду совершенно». Генерал намекал на великого князя…

Розенбергу Суворов гневно пригрозил военным судом, а спасшего положение Милорадовича расхваливал: «Мужественный генерал-майор Милорадович, отличившийся уже при Лекко, видя стремление опасности, взявши в руки знамя, ударил на штыках, поразил и поколол против стоящую неприятельскую пехоту и конницу и, рубя сам, сломил саблю: две лошади под ним ранено. Ему многие последовали и наконец все, между ним, разные батальоны, переправясь, сзади соединились. Сражение получило иной вид, уже неприятель отступал, россияне его храбро гнали и поражали, победа блистала…» Но и тут, по мнению Суворова, командование повело себя не лучшим образом: «Как сзади себя слышат в барабан отбой и сбор, кобы в какой экзерциции, что последнее и там не нужно по исправности войска. Сии герои отступают, преследуемы неприятелем гораздо превосходнее их, и строятся у сигнала. Начинается пальба с прибавлением из-за реки войск, на которой множество гибнет людей». Участник сражения вспоминал о подвигах Милорадовича при Басиньяно: «Тут, кроме общей от картечи и пуль опасности, которою генерал Милорадович пренебрегал, разъезжая всегда впереди под выстрелами, смерть угрожала собственно ему, когда французский стрелок нацелил по нём в трёх шагах из-за куста и неприятельский офицер, наскакав, взмахнул уже саблею, чтобы разрубить ему голову, но Провидение оказало ему в сей день явное покровительство своё. Три лошади убиты под ним, четвёртая ранена. В сём-то сражении, видя общее замешательство войск, он схватил знамя и, закричав: «Солдаты! Смотрите, как умрёт генерал ваш», — поскакал вперёд…»

Строго осудил Суворов и демонстрационный маневр, ставший, на взгляд фельдмаршала, причиной окружения: «Императорско-королевской корпус, стоящий возле Казале, для демонстрациев, переправил на противной берег, в близости неприятеля, несколько пехотных рот, яко на жертву». Строгий,

беспощадный отлуп устраивает Суворов за такие маневры: «По крайней неосторожности суда расплылись, ту пехоту неприятель окружил большими силами и едва треть оной спаслось. Демонстрация — игра юно-военных. Обыкновенно они или пустые, утруждающие войски, или наносящие им вред. Занятие многих постов их разделяет и даёт способ неприятелю иметь над ими поверхность по подробности. Нужны разъезды и обвещательные посты от конницы, разве в ущельях гор пехота употреблена быть может и то с великою осторожностию, чтоб отрезана не была. Иначе военной суд разбирать будет». Определённо Розенберг и великий князь Константин Павлович в Басиньяно не проявили суворовского гармонического ощущения «глазомера, быстроты, натиска». Суждение Суворова о демонстрациях и рейдах на территорию, контролируемую превосходящими силами противника, очень любопытно: русский фельдмаршал был уверен, что только конные отряды в этих делах способны действовать в должном темпе. …Итак, гнев Суворова обрушился на Розенберга.

Узнав об инициативах великого князя, о нарушении субординации, Суворов наедине поговорил с ним почтительно, но жёстко. А свите Константина Павловича пригрозил даже военным судом. Урок получился резонный: в дальнейшем великий князь старался не нарушать армейскую дисциплину. В письме Багратиону Суворов поведал о несчастье при Басиньяно и приказал авангарду сближаться с основными силами на случай концентрированного наступления армии Моро. Но Моро после Басиньяно проявил пассивность, выжидал — и Суворов отменил приказ, оставив войска Багратиона и Карачая у Нови, на путях возможного движения Моро к Генуе. Теперь Суворову следовало забыть о неудаче при Басиньяно и продолжать привычно гнуть свою линию.

Суворов в те дни писал Багратиону: «Генерал-майор князь Багратион! Хороша прежняя операция, мне жаль, что я Вас тронул из Нови… Между прочим, Ваш друг Милорадович колол штыками конницу, и иные последовали примеру». «Никто лутче не выполнит желаемого, как Ваше Сиятельство. Христос с вами!» (22 мая 1799 г., из Турина). Он не скрывает восторга перед молодецкой удалью Багратиона — и лукаво подзадоривает его рассказом о подвиге не менее доблестного Милорадовича. Пущай соревнуются! Надо ли говорить, что ответная преданность Багратиона и Милорадовича Суворову границ не имела. Так на всю жизнь они и остались учениками Суворова, и оба погибли, защищая Отечество.

Революционные армии достойны добрых слов историка. Полководческое искусство и солдатская доблесть в революционных войнах поднялись на невиданную ранее высоту. Точнее — на виданную лишь в войсках русских полководцев Румянцева и Суворова. Не случайно только Суворов и его ученики смогли оказать успешное сопротивление экспансии революционных полководцев наполеоновского поколения. Над другими европейскими армиями они возвышались, как Альпы над старым континентом. Суворов высоко оценил силу революционного пассионарного взрыва. Ещё в 1795-м он говорил маркизу Дюбокажу — французскому роялисту: «У них есть твёрдость и непреклонность воли. А вы не умеете желать». Что может быть важнее для полководца, чем развитая сила воли? Увы, французские учёные, воздавая должное своим героям, редко вспоминают о новаторских талантах русских генералов, о непобедимом духе русской армии. Не будем же брать с них пример: признаем, что в кампании 1799 г. Суворову противостояли лучшие войска Европы, которые сражались стойко и изобретательно. За Басиньяно император отправит генерала Чубарова в отставку и отзовёт в Россию. Но вскоре на свой страх и риск Суворов сменит первоначальный гнев на милость, оставит генерала в армии — и в битвах при Тидоне, Треббии и Нови он проявит себя героически. Одновременно шли осады крепости Пичегетоне, Александрийской, Миланской и Тортонской цитаделей. Было принято решение бросить главные силы на Турин. Заняв этот город, Суворов подведёт черту под освобождением северной Италии. 7 мая фельдмаршал выступил на Турин из Маренго. У Меццана-Корти Суворов с войсками формировал По, после чего соединился с корпусом Розенберга. Они двигались на запад, занимая крепости Казале и Валенцу. В Валенце Суворов отрядил корпус генерала Швейковского на Александрию, где пребывал немалый французский гарнизон. Со стороны Тортоны на Александрию наступали войска австрийского генерала Секендорфа. Часть александрийского гарнизона сложила оружие, другая часть, по примеру миланцев, заперлась в цитадели. Миланская крепость к тому времени пала. Держалась цитадель Тортоны, хотя в городе хозяйничали союзные войска. Оплотом революционных армий в Пьемонте оставалась лишь крепость Мантуя, взятие которой австрийцы считали главной целью кампании. Для австрийцев вообще, как мы видим, взятие крепостей было главной целью кампании. А Суворов ещё в надиктованном генералу де Люмиану плане определял утомительные осады как потерю драгоценного времени. Цель Суворова — уничтожение армий в генеральных сражениях.

Русский фельдмаршал намеревался лишить революцию железных шеренг её защитников. Революционные генералы умели отменно мобилизовывать всё новые и новые силы, Суворов уже изучил этот их талант и понимал, что со сражениями следует торопиться.

Войска Шателера осадили Турин, где пребывал генерал Фиорелла с 3,5-тысячным гарнизонным войском. На предложение сдать город Фиорелла ответил отказом. Из Турина, когда осада цитадели была ещё в разгаре, Суворов писал А.К. Разумовскому: «Моя система, иначе — или 30-летняя война, или Кампоформидо, хуже её, с юным Бонапартом. Сею мог бы нам открыться наипозже, в будущую кампанию, Париж. Адда — Рубикон. Мы её перешли на грудях неприятеля при Кассано… слабейшею колонною разбили его армию, что отворила нам путь в Милан… Пора помышлять о зюйдовой черте. Недорубленный лес опять вырастает. Выгрузившийся при Сестрии неприятель пошёл на воздух; место того тамо вгружал багажи для отправления в Геную, куда, видно. Макдональ и Монтришард… намерены прогуляться; откроет время». Попытки предугадать планы противника не всегда оказывались удачными. Французы умело маскировали передвижения войск и распространяли лживые слухи. Суворов раздумывал, как отрезать французов от Франции, надеясь на союзников и флот.

15 мая Суворов передаст Розенбергу диспозицию к взятию Турина, к осаде и штурму Туринской крепости: «Город Турин ещё не сдался, и оной должно к тому принудить». Были устроены батареи, Суворов готовился к штурму. Императору Павлу Суворов напишет: «15 мая в 3 часа пополудни даровал нам всемогущий Бог город Турин!» В Турине Суворова встретили ещё более восторженно, чем в Милане. В городских стычках французы потеряли до 1000 убитыми, ранеными и больными. Фиорелла из цитадели начал бомбардировку города, наказывая таким образом горожан за измену интересам пьемонтской армии. Пальба по безвинным обывателям прогневила Суворова, который ультиматумом добился прекращения огня (иначе Суворов грозился поставить под обстрел пленных французов). И сам не открыл огонь по цитадели, жалея город. За такое великодушие городское начальство благодарило Суворова в специальной грамоте. Тем временем войска союзников взяли Александрию и, наконец, овладели миланской цитаделью.

Осадных орудий не хватало. А идти на приступы без сильного артиллерийского огня Суворов не привык. Силы союзников, вопреки аланам Суворова, были раздроблены осадами крепостей, на которых настаивала Вена.

Генерал Фиорелла, уже поразивший Турин отчаянной

яростью, оказался упорным противником, готовым к долгому и изнурительному сопротивлению — настоящий пассионарный революционный военачальник. Осаду он выдерживал с героической стойкостью. Покидая Турин для встречи с армией Макдональда, Суворов оставил в городе корпус генерала Кейма (38 000 человек). Серьёзные осадные работы начались 28 мая. Город был настроен против гарнизона Фиореллы. Но только во время важнейшего сражения при Требби, 9 июня, Суворов получит весть о капитуляции Туринской цитадели. Дело было так. Во время форсированного, ошеломительного марша навстречу армии Макдональда, второго июня Суворов, как всегда в кульминационные дни, желая ускорить события, начертал две записки. Первую — уже прощённому генералу А.Г. Розенбергу: «Новейшие известия. Французы как пчёлы и почти из всех мест роятся к Мантуе… Нам надлежит на них спешить. Где это вас застанет, отдохнувши сколько надлежит, поспешайте к нам в соединение. Мы скоро подымемся. Они сильны. С нами Бог!» Вторую — австрийскому генералу Кейму, осаждавшему Туринскую крепость: «Любезный мой генерал Кейм! Я отправляюсь в Пиаченцу: иду разбить Макдональда. Возьмите скорее цитадель Туринскую, чтоб я не пел благодарственного молебна прежде вас». Истинно суворовская записка, в которой уверенность в победе сочетается с быстрым яростным натиском. Старик Кейм, наверное, был немало удивлён темпераментом не менее старого фельдмаршала, который так и выпрыгивал из записки — такой непривычной для австрийского военного обихода. И Кейм принялся засучив рукава исполнять приказ странного русского командующего. Заработала союзная артиллерия. Не выдержав бомбардировки, несгибаемый Фиорелла сдался, не дожидаясь жестокого штурма.

Получив рапорт от Кейма, Суворов напишет императору весьма подробный рапорт: «…началось сильное бомбардирование из 117 пушек на Туринской цитадель под дирекциею искусного инженера российского полковника Гартинга. Сие бомбардирование нам учинило великий вред в подорвании многих с вещами там магазеинов и одного порохового погреба. Сие принудило гарнизон поспешить к сдаче. По капитуляции на рассвете 9-го июня Фиорелла и другой генерал, Ланс, вышли с 2790 человеками, и генерал Кейм, командующий в Турине, ввёл вместо их. Нижние чины на размен препровождены к бывшим французским постам, генералы и офицеры на размен же, но остались в плену нашем в ручительстве за прочих. С нашей стороны при осаде убито 20, ранено 29 человек, в числе последних легко сам Гартинг». В Вене взятие цитадели было

воспринято с большим воодушевлением, чем куда более выдающиеся победы при Тидоне и Треббии. Генерал Конрад Кейм (1731–1801) заслужил уважение Суворова: он был лишь на год моложе русского фельдмаршала, и принимал участие в походе в чине фельдмаршал-лейтенанта. Когда при Суворове кто-то из австрийских аристократов свысока отозвался о низком происхождении Кейма, граф Рымникский резко сказал, что готов именоваться кузеном смелого генерала, овладевшего Туринской цитаделью.

Исполняя приказ императора Павла, Суворов предупреждал австрийские поползновения на Сардинию. Россия аккуратно следовала идее восстановления Сардинского королевства, и Суворов с воодушевлением способствовал этой монархической стратегии. Суворов начал формировать войска Сардинского королевства. Под патронажем русской армии вооружались итальянские ополченцы — «милиционеры». В короткий срок удалось завербовать и вооружить 26 000 таких милиционеров.

Уже на этом — раннем — этапе кампании проявилась ещё одна претензия русских к австрийцам: цесарцы скверно организовали снабжение армии, а это входило в их обязанности. Продовольствие подвозили с опозданиями, что порой вынуждало русских к нежелательному давлению на местное население. Генерал Багратион, измотанный ожиданием продовольствия, однажды приказал силой овладеть чужими подводами: его солдаты несколько дней не получали горячей пищи. Суворов в таких случаях не скрывал негодования.

Новичка кампании, командира Тирольской армии Бельгарда, Суворов проинструктировал в своём духе: «Спешите, ваше сиятельство. Деньги дороги, жизнь человеческая ещё дороже, а время дороже всего». Бельгард с недовольством воспринимал поучения, но волей-неволей проникался манерой Суворова.

Суворовская демонстративная уверенность в победе вызывала у австрийцев то восторг, то ужас. Некоторые фразы из приказов тех дней стали легендарными: «Неприятельскую армию взять в полон». Это из приказа по казачьим полкам перед Тидоной, от 4 июня: «Взять неприятельскую армию в полон. Влиять твёрдо в армию, что их 27 000, из коих только 7000 французов, а протчие всякой сброд реквизионеров. Казаки колить будут; но жестоко бы слушали, когда французы кричать будут «пардон» или бить шамад. Казакам самим в атаке кричать «балезарм, пардон, жетелезарм», и сим пользуясь, кавалерию жестоко рубить и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить. Казакам, коим удобно испортить на реке Таро мост, и тем зачать отчаяние. С пленными быть милосерду, при ударах делать большой крик и крепко бить в

барабан, музыке играть где случится, но особливо в погоне, когда кавалерия будет колоть и рубить, чтобы слышно было своим. Их генералов, особливо казаки и протчие примечают по кучкам, около их кричать пардон, а ежели не сдаются — убивать». И попробуй ослушайся.

Генерал Макдональд сошёл с Апеннинских гор и закрепился на линии Болонья — Веццано. Французы лелеяли план соединения армий Макдональда и Моро в Тортоне. Без личного участия Суворова австрийцам было трудненько тягаться с революционной армией. Макдональд, усиленный переброшенной из армии Моро дивизией генерала Виктора, успешно атаковал австрийский авангард генерала Гогенцоллерна, взяв в плен полторы тысячи человек, захватил 3 знамени и 8 орудий. Под командованием Макдональда было до 40 000 человек, а в противостоявших ему отрядах Отта, Кленау и Гогенцоллерна — не более 12 000. Победа далась непросто: в бою при Модене сам Жан-Стефан Макдональд был тяжело ранен. Войска Гогенцоллерна отступили к Мантуе, где внушительный корпус Края проводил блокаду. Первая реакция Суворова была решительной: нужно немедленно ударить по дивизиям Макдональда ближайшими войсками. Он приказал Краю оставить для осады Мантуи небольшой отряд, а самому с основными силами двинуться на соединение с основной армией для решительных действий против Макдональда. В ответ генерал Павел фон Край прислал Суворову копию приказа гофкригсрата. Тугут аж из Вены намеревался руководить боевыми действиями в Италии и настрого запрещал Краю выводить войска из-под Мантуи. Суворов впадал в ярость, убеждаясь в диктате гофкригсрата — к тому же из ответа Края он понял, что сражаться придётся с превосходящими силами противника. Узнав о смелых, блестящих действиях генерала Домбровского в составе армии Макдональда при Модене, Суворов позволил себе впечатляющее воспоминание: «Домбровский? Ах, как я рад. Это знакомый. В польскую войну сей мальчик-красавчик попался в полон. Я его тотчас отпустил к маменьке, сказав: беги скорей домой — и мой поклон; а не то русские тотчас убьют. Как бы я хотел возобновить с ним знакомство!» За возобновлением знакомства дело не стало.

Основные силы союзников форсированным маршем шли от Турина к Александрии. За 2,5 суток было пройдено более 100 километров по размытым дорогам, после сильных ливней. Европа уважительно следила за перипетиями этого похода. Суворов лично благодарил войска за проворные марши.

Макдональд пошёл в наступление и 5 июня рассеял у Пьяченцы дивизию Отта. Блестяще проявила себя в бою дивизия

старого суворовского знакомца, польского генерала Домбровского. Именно его умелый обходной маневр поставил австрийцев перед необходимостью спешного отступления. Суворов, расположившийся с войсками в лагере под Александрией, приказал Меласу идти на выручку медленно отступавшему Отту. Макдональд не предпринял мер к разгрому и уничтожению дивизии Отта, дав отдых войскам после сражений. Он знал о сосредоточении суворовских войск под Александрией, поступали сведения и о движении Суворова. Но французский генерал не ожидал приближения Суворова ранее 9 июня.

Меж тем Суворов уже распространил в войсках своё наставление, данное в самом начале похода Макдональда, когда Суворов ещё не знал, где состоится генеральное сражение, но был уверен, что такое сражение будет: «Неприятеля поражать холодным оружием, штыками, саблями и пиками. Артиллерия стреляет по неприятелю по своему рассмотрению, почему она и по линии не расписывается. Кавалерии и казакам стараться неприятелю во фланги ворваться. В атаки не задерживать. Когда неприятель сколон, срублен, то тотчас его преследовать и не давать ему время ни сбираться, ни строиться. Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие. При атаке кричать, чтоб неприятель сдавался, о чём и русские войска известить. Ничего не щадить, не взирать на труды; преследовать неприятеля денно и ночно до тех пор, пока истреблён не будет. Котлы и прочие лёгкие обозы чтоб были не в дальнем расстоянии при сближении к неприятелю, по разбитии же его чтоб можно было каши варить, а впрочем победители должны быть довольны взятым в ранцах злебом и в манерках водою. Кавалерия должна о фураже сама пещись». Эти слова вселяли дух победителей, дух наступательной войны, в которой каждый шаг продвижения вперёд нужно завоёвывать с боем. И на берегах Тидоны и Треббии многое из наставлений Суворова стало свершившимся фактом: как, например, отчаянные фланговые атаки казаков и австрийских драгун.

Макдональд перешёл Тидону, а дивизия Отта расположилась у Сен-Джиовани. Туда уже подходил Мелас. Против семитысячного австрийского отряда Макдональд выдвинул дивизии Виктора, Сальма, Домбровского и Руска — всего около 20 000 человек. Из Модены на поле боя двинулись ещё две дивизии — генералов Оливье и Монришара. Диспозиция Макдональда на 6 июня была следующей: впереди двигалась дивизия Виктора, которую вёл генерал Шарпентье (сам Виктор подменял Макдональда на посту командующего, пока тот отдыхал в Пьяченце), которая должна была обойти дивизию Отта

с фланга севернее Пьяченского шоссе. Бригада генерала Сальма поддерживала дивизию Виктора, следуя в резерве. Дивизия Руска наступала на Сармато. Дивизия Домбровского обходила силы австрийцев с правого фланга, достигая местечка Моттацианы, откуда в кульминационные минуты сражения должна была атаковать на Сармато. Дивизия Ватрена оставалась в Пьяченце, контролируя союзные войска на левом берегу По. Дивизию Шарпентье встретили на берегах Тидоны егеря батальона Стефана Михайловича, в котором служили сербы и словенцы, включая знаменитого героя Карагеоргия. Завязалась перестрелка, в ходе которой французы пытались форсировать обмелевшую Тидону. Только при поддержке дивизии Руска батальонам Шарпентье удалось пойти в успешное наступление.

У Сармато австрийцы (в дивизии Отта было 7 тысяч, вместе с отрядом Меласа их насчитывалось 9,5 тысячи) оказались под угрозой окружения и уничтожения. Пехотные батальоны Руска прорвали оборону венгерского полка Надасти и ворвались в Сармато. Последний резерв Отта — авангард Доллера — был брошен в бой. И гренадеры не выдержали атаки французской кавалерии на сарматские высоты. Отт был вынужден оставить деревню Сармато, 300 австрийцев не спаслись от плена, немало потерь было убитыми и ранеными.

Суворов же, получив тревожные известия от Отта, почуял решительный момент и тут же лично поскакал к Тидоне в сопровождении Багратиона, с казачьими полками и венгерскими драгунами молодого Карачая. Оставшиеся войска русского авангарда временно перешли под командование великого князя. Именно появление Суворова с четырьмя казачьими полками спасло ситуацию. Прискакав на донском коне в Сан-Джиованни к трём часам дня, Суворов тут же послал два казачьих полка (атаманов Грекова и Поздеева) на правый фланг, против польской дивизии Домбровского. К ним присоединились драгуны Карачая. 2,5-тысячный отряд возглавил Багратион. Суворов быстро оценил уязвимость положения 3,5-тысячной дивизии Домбровского, который, разворачивая фронт, подставлял под удар тыловые позиции. Атаку казаков на левый фланг возглавил Горчаков, племянник Суворова, поведший казачьи полки Молчанова и Семёрникова. Время было выиграно, убийственное для Меласа и Гогенцоллерна наступление революционной армии прервалось. Тем временем к полю боя прибывали основные части русского авангарда, ведомые «графом Романовым» — великим князем Константином Павловичем. Пехотные батальоны, после прибытия которых в рядах союзников стало 15 000 человек. Суворов приказал начать общее наступление. Колебался даже

решительный Багратион, сетовавший, что в ротах у него лишь по сорок человек. Ответ Суворова воодушевил молодого генерала: «У Макдональда нет и по двадцати. Атакуй, с Богом!» И Суворов самолично повёл авангард Багратиона в атаку.

На берегах Треббии и Тидоны Суворов, несомненно, испытывал особое вдохновение от воспоминаний и впечатлений, которые лелеял с детства. Речь идёт, конечно, о походе Ганнибала — одного из любимых полководцев Суворова, — который здесь, на берегах По и Треббии, в 218 г. до Рождества Христова разбил римские легионы… Писатель и суворовед Н.А. Полевой записал рассказ старого солдата Сидора Карповича, который на берегах Тидоны и Треббии служил в авангарде Багратиона. Впечатляет его рассказ о встрече с Суворовым: «Все мы стояли в строю, и я глаза проглядел — так хотелось увидеть этого отца солдатского, и я представлял его себе ещё выше нашего Багратионова. Вот и слышу, ревут: «Ура!» И мы крикнули, и едет… Ах, ты Господи Боже! Из див диво: стариченцо, худенький, седенький, маленький, в синей шинели, без кавалерий, на казацкой лошади, поворачивается в седле направо, налево, а за ним генеральства гибель. Но как он подъехал, как заговорил, так я и узнал, отчего солдаты его любят. Все поняли мы, о чём говорил он, и так сладко, и так умильно говорил он, что, когда он снял шляпу, начал молиться Николаю Чудотворцу, мы готовы были и плакать, и смеяться. Подавай по десяти на одного! Уж не по приказу, а от души кричали мы: «Ура!»[2] Конечно, в этом рассказе есть элементы беллетристической стилизации. И всё-таки подобные рассказы старых ветеранов — ценный источник наших знаний о Суворове, о моральном духе армии. Сам ход многодневных сражений при Треббии жарким июнем 1799 г. подтверждает суть рассказа Сидора Карповича. Без бурного морального подъёма вряд ли подвиги армии тех дней были бы возможны. Начиная с боя авангардов, в те дни пассионарность Суворова проявилась во всей непобедимой красе. И старческий вид фельдмаршала с наружностью, которая соответствовала преклонному возрасту, контрастировал с доблестными подвигами, полководческим вдохновением и офицерской удалью Суворова в Италии. Он был яростен и быстр, ориентировался в сражении, как рыба в океане, опережал талантливых и резвых противников.

Войска Макдональда, не выдержав удара, спешно отступили, отхлынули на 7 километров от Тидоны, к Треббии. Сам командующий, несмотря на недомогание, прибыл из Пьяченцы и принял решение отступить. Причиной этого блестящего успеха военные историки основательно считают быстроту движения от Александрии к Тидоне, когда войска, преодолев 80 вёрст, с марша

бросились в бой (редчайший случай в истории войн того времени!) и опрокинули достойного противника. После боя авангардов у Тидоны союзники получили 1200 пленных и, что гораздо дороже, закрепили в войсках ощущение непобедимости. То, чего добивался Суворов со дня прибытия в Италию. Только наступившая темнота помешала ему организовать преследование французов.

Первоначальный успех Суворова на Тидоне объясняется невероятной быстротой движения вверенных ему войск. Милютин писал: «Движение Суворова от Александрии к Тидоне можно считать одним из самых редких, самых замечательных военных действий: 36 часов после переправы через Бормиду, войска являются на Тидоне в 80 верстах от Александрии — и вместо отдыха вступают прямо в бой; несмотря на изнурение, дерутся несколько часов сряду и наконец одолевают все усилия превосходного числом противника. Без сомнения, тут есть чему подивиться!»

До прибытия двух дивизий из Модены на берегах Треббии под рукой Макдональда находилось 22 000 человек. Ждал Макдональд и приближения корпуса Лапуапа и армии Моро, которые должны были ударить соответственно во фланг и в тыл армии Суворова. На левом берегу Треббии расположились авангардные войска Макдональда: у С.-Николо, на главной дороге в Пьяченцу — бригада Сальма, у Казалиджио — дивизия Домбровского, у Граньяно — несколько кавалерийских эскадронов. На правом берегу, напротив Казалиджио и Граньяно, расположились главные силы французов — дивизии Виктора и Руска. Дивизия Ватрена — резерв Макдональда — стояла у Пьяченцы. Французский командующий дожидался прибытия дивизий Оливье и Монришара, надеялся также на удар в тыл Суворову отряда Лапуапа и армии Моро.

Суворов же намеревался нанести по силам Макдональда чувствительный удар. Теперь он ощущал близость противника, о силах которого в течение последних недель получал противоречивые и ложные сведения от двойных агентов. Суворов немного запутался в лицемерных плетениях разведки. Время шпионских игр прошло: Макдональда можно было бить, а сражение при Тидоне показало, что армия Макдональда способна к смелому наступлению, но отнюдь не неуязвима под ударами русских штыков. В ночь на 7 июня Суворов составил диспозицию, по которой предполагалось наступление тремя колоннами. В правой колонне шли русские войска генералов Багратиона и Повало-Швейковского. В центре — русская дивизия генерала Ферстера, слева — австрийская Отта. В резерве оставалась

дивизия Фрелиха. Правая колонна должна была ударить французам в левый фланг, обойти с тыла и, при поддержке двух других колонн, прижать войска Макдональда к По. Общее командование правой и средней колоннам осуществлял Розенберг, левой и резервом — Мелас.

Путь правой колонны следовал от Брего-Ново. Ниже Ривальты войска Багратиона и Швейковского переправлялись через Треббию и, разбив левый фланг противника, должны были двигаться в направлении Сен-Джорджио. Средняя колонна должна была опрокинуть авангардные части Макдональда за Граньяно. Левая колонна Отта направлялась на Монтале, где ей противостояли части генерала Сальма. Резерву предстояло усилить атаку правого фланга.

Сражение было намечено на равнине между По и отрогами Апеннин. Три реки — Тидона, Треббия и Нура — к июню уже обмелели, их нетрудно было перейти вброд. Наступление чётко по суворовскому плану началось 7 июня в 10 часов утра. К 14.00 авангардные войска правой колонны, предводимые Багратионом, подошли к Казалиджио, где атаковали дивизию Домбровского. Поляки отступили. Макдональд усилил свой левый фланг, бросив на подкрепление Домбровскому дивизии Виктора и Руска. Создав немалое численное превосходство, Макдональд намеревался отрезать и уничтожить войска Багратиона. Но свежим дивизиям французов пришлось столкнуться с войсками Швейковского. Тем временем средняя колонна Ферстера решительной атакой рассеяла войска противника и заняла Граньяно.

К этому времени дивизии Монришара и Оливье подоспели на выручку к Макдональду и соотношение сил у Треббии изменилось. Теперь французские силы в полтора раза превосходили союзников. У Граньяно Макдональд с марша бросил в бой войска Монришара. Генералу Ферстеру удалось, атакуя всеми силами, потеснить и дивизию Монришара. Французы отступили за Треббию.

На левом фланге союзники изначально имели солидное численное превосходство. Дивизия Отта быстро потеснила за Треббию войска Сальма, взяв 700 пленных. Макдональд укрепил фланг пришедшей дивизией Оливье и остановил продвижение левой колонны союзников. К полуночи боевые действия прекратились. Противник отступил на правый берег Треббии и, усиленный подкреплением, не терял надежды на победу. С утра Макдональд планировал наступление.

Суворов на восьмое планировал наступление за Треббию, к Нуре. Перед этим он успел побеседовать с пленным польским капитаном. Пленные, по петровской традиции, делили с

Суворовым трапезу. Он обратился к капитану по-польски, поднимая рюмку: «Теперь мы будем хорошими друзьями». Победили — значит, можно и подружиться.

На рассвете 8 июня Суворов выехал на правое крыло союзных сил, чтобы лично провести рекогносцировку французских позиций. Он быстро определил сосредоточение сил противника на французском левом фланге. С ними предстояло схлестнуться самым проверенным войскам — авангарду Багратиона, который Суворов планировал усилить. Старший адъютант Суворова подполковник Кушников передал генералу Розенбергу распоряжение командующего: «Его сиятельство господин фельдмаршал приказал вашему высокопревосходительству дать знать, что как неприятель идёт в горы на наш правый фланг, то туда всем и обратить своё внимание и как можно вспомоществовать господину генерал-майору князю Багратиону».

Наиболее сильным оставалось левое крыло французской армии: в дивизиях Домбровского, Руска и Виктора было до 14 000 человек. В состав дивизии генерала Домбровского входили два пехотных батальона первого польского легиона, остатки разгромленных третьего, стрелкового и гренадёрского батальонов первого польского легиона, второй батальон 8-й лёгкой полубригады, два неполных эскадрона польской кавалерии. Дивизию усилили два батальона из дивизии Руска — около 1300 человек. Поддерживали Домбровского, находясь в ходе предполагаемого сражения под командованием польского генерала, два батальона дивизии Ватреня — ещё около 1300 человек.

У генерала Домбровского было своё, вполне резонное мнение по поводу сражения 8 июня. Он не начал наступления через Треббию в девять утра, ожидая подкрепления из дивизии Руска. И вообще считал наступление широким фронтом на сильные русские позиции малоперспективным. Он предлагал наступать единым усиленным кулаком через Боббио, где можно было получить поддержку дивизии Лапуапа и двигаться на соединение с армией Моро, после чего можно было действительно разгромить армию Суворова. Но ему приходилось выполнять приказ Макдональда.

Около 10 часов 8 июня Домбровский перешёл Треббию у Ривальты и начал обходить правый фланг суворовской армии. Он намеревался оттеснить Багратиона к Туне, где его ждали войска Руска. Битва у Туны дала бы возможность Домбровскому обойти русские позиции и ударить с тыла. Одновременно началось наступление французских колонн по всему фронту. Впереди рассыпным строем двигались стрелки, кавалерия располагалась

между колоннами. С правого берега атаку поддерживала артиллерия. Бой против дивизии Домбровского принял авангард Багратиона: два казачьих полка, шесть пехотных батальонов и шесть эскадронов австрийских драгун. Домбровскому удалось создать численное превосходство на своём участке фронта: в его батальонах на поле боя двинулось около 4000 человек. Бой проходил с переменным успехом: сначала Багратиону удалось разбить правый фланг Домбровского, затем польско-французские части заставили русских отступить. Казаки и драгуны снова атаковали Домбровского с флангов, а пехотные батальоны двигались по центру. Багратион ударил стремительно — и домбровцы не выдержали атаки. Они отступили за Треббию, а Багратион захватил 400 пленных, 3 знамени и пушку. В бою генерал Багратион был легко ранен в плечо. Это был крах дивизии Яна Домбровского, которая больше не участвовала в наступательных движениях. К чести польского генерала, отступая, он раз за разом восстанавливал боевые порядки поредевших войск и оказывал сопротивление наступавшим силам Багратиона. Дважды под ним убивали лошадь, были и ранения, но польский генерал не покидал поле боя и не впадал в панику. Не случайно при отступлении с берегов Треббии именно Домбровскому, как отлично проявившему себя в сражениях генералу, Макдональд и Виктор поручили ответственное командование арьергардом. На том же участке боя, в районе Казалиджио, дивизии Виктора и Руска атаковали войска генерала Швейковского. Пятнадцать французских батальонов сражались с пятью русскими. Под палящим солнцем изнурённый полк Розенберга попал в окружение и бился из последних сил. Генерал Розенберг прискакал к Суворову, моля об отступлении. Суворов лежал в тени большого валуна, отдыхая от жары. Известны слова полководца: «Видите этот камень? Попробуйте его сдвинуть. Не можете? Вот так и русские не могут отступить!» Привычный приказ Суворова — ни шагу назад — следовало исполнять. Прискакал к главнокомандующему и Багратион. Его доблестные войска были до крайности утомлены боем с Домбровским. До половины войск не могли продолжать сражение. Суворов потребовал коня и вместе с Багратионом сам поскакал к войскам. Милютин пишет: «Лишь только солдаты увидели старого фельдмаршала — вдруг всё преобразилось; ружья начали стрелять; затрещал беглый огонь; забили барабаны; откуда взялись силы у людей!»[3]. О присутствии Суворова в рядах авангарда вспоминал и солдат-долгожитель Попадичев: «Здесь между нашими колоннами частенько вертелся сам Суворов и направлял полки, где было более опасности, и везде подавал

помощь. Трудился и старался не хуже нашего!»

Внезапный удар ведомых Суворовым войск Багратиона во фланг и тыл дивизий Руска и Виктора решил судьбу боя. Французы отступили, план массированного наступления на левом фланге сорвался.

На центральном участке дивизия Монришара схлестнулась в штыковом бою с колонной Ферстера. В разгар схватки во фланг французам ударила прибывшая австрийская конница Лихтенштейна. Монришар отступил и закрепился на правом берегу, под защитой артиллерийских батарей.

На левом крыле наступление вели французские дивизии Сальма и Оливье. Предпринял Макдональд и отвлекающий маневр, двинув дивизию Ватрена через Треббию на Календаско. Это движение должно было отвлечь войска с левого фланга союзной армии.

Мелас считал, что его войска будут не в силах сдержать наступление трёх французских дивизий. На донесение Меласа с вопросом «Куда отступать?» Суворов ответил парадоксально и непреклонно: «В Пьяченцу». Значит, даже о временном отступлении не было и речи. Если уж удалось опрокинуть наиболее сильную группировку французов на фланге Багратиона, то на левом фланге Суворов нисколько не сомневался в успехе. После разгрома дивизии Монришара с центра были перемещены хорошо проявившие себя в бою эскадроны князя Лихтенштейна. В эти дни кавалерия Лихтенштейна и русские казаки действовали окрыленно. Лихтенштейн атаковал левый фланг дивизии Оливье, чем привёл французов в панику. Вслед за Оливье за Треббию отступила и дивизия Сальма. Но попытку форсирования Треббии и пехотной атаки, которую предпринял Мелас, французы отбили. Началась перестрелка войск, стоявших на противоположных берегах Треббии.

Рейд дивизии Ватрена, которому удалось на время занять Календаско, также провалился. Генерал Отт встретил его небольшой группировкой (один гусарский полк и один батальон). Узнав об отступлении других французских сил, Ватрена тоже последовал за Треббию, оставив Отту 300 пленных… К 18 часам вечера наступление французов было отбито по всему фронту. Несмотря на утомление войск, Суворов намеревался биться до победы. Наступление было назначено на пять часов утра 9 июня. Но ещё ранее Макдональд провёл военный совет, на котором было принято решение отступать. Сам генерал Макдональд, несмотря на незалеченную моденскую рану, предлагал сражаться до последней капли крови, чтобы победить или умереть. Но на военном совете он остался в одиночестве. Из тринадцати

дивизионных и бригадных генералов одиннадцать страдали от ран: особенно тяжёлое ранение получил Руска, а генералу Оливье пришлось ампутировать ногу. К тому времени Суворов свёл на нет все успехи похода Макдональда: усиленные войска Гогенцоллерна и Кленау снова заняли Модену, Парму, Реджио… Госпитали были переполнены ранеными: их в армии Макдональда было не менее 10 000. Немало потерь французская армия понесла убитыми и пленными. На исходе были и артиллерийские снаряды. Армия не верила в успех. Ночью неаполитанская армия начала общее отступление во главе с авангардом генерала Монришара. Они двигались к реке Нура. Суворов понял, что наступление, назначенное на пять утра, потеряло актуальность — и уже в четыре часа началось преследование отступавших войск. Суворов наставлял: «По переправе чрез реку Треббию сильно бить, гнать и истреблять неприятеля холодным ружьём; но покоряющимся давать пардон подтверждается»[4].

Войска Макдональда отступали двумя колоннами. По направлению на Понтенуру их преследовали утомлённые австрийские войска, не достигшие значительных успехов. Русские части, в которых находился и Суворов, гнали французов по направлению на Сен-Джорджио, и настигли части дивизии Виктора, которую удалось наголову разбить. Более тысячи пленных, знамёна, пушки, обоз — всё говорило о победе. Австрийские войска Гогенцоллерна и Кленау не смогли перекрыть Макдональду пути отступления.

В письме Суворов делился впечатлениями о трёхдневном сражении с эрцгерцогом Павлом: «Это сражение было самым жарким. Вся река Треббия была в огне, и только высокая храбрость нашей армии могла победить противника, дравшегося с отчаянным сопротивлением». Пройдёт много лет — и заслуженный маршал Франции Макдональд скажет в Париже российскому послу графу П.А. Толстому: «Хотя император Наполеон не дозволяет себе порицать кампанию Суворова в Италии, но он не любит говорить о ней. Я был очень молод во время сражения при Треббии. Эта неудача могла бы иметь пагубное влияние на мою карьеру. Меня спасало лишь то, что победителем моим был Суворов». Не думаю, что это признание Макдональда объяснялось одной дипломатической необходимостью.

«Довольно возить изображение этого странного чудака по войскам, чтобы они сделали самые необыкновенные подвиги», — говорил после Треббии Дерфельден ловкачу Фуксу.

В победной реляции, представляя своих генералов к наградам, Суворов вкратце охарактеризовал боевые заслуги каждого из них при Треббии. Генерал граф Милорадович — «командуя двумя батальонами, атаковал неприятельскую пехоту, опрокинул её и гнал за реку Треббию, поражая штыками». Генерал князь Багратион — «мужественно отличавшийся во многих случаях». Генерал-лейтенант Повало-Швейковский — «поражавший неприятеля храбро». Генерал Чубаров, «который во время погони за неприятелем весьма отличился расторопностью, мужеством и рачительностью… отбил пушку и знамя». Да, это была настоящая битва генералов, когда личное мужество военачальника проверяется в пламени боя. Любимец Суворова, казачий атаман Адриан Денисов, бывший с Рымникским и под Измаилом, и в Варшаве, отличился и на берегах Треббии. За это сражение храбрец-казак, к удовлетворению Суворова, был произведён в генерал-майоры.

За несколько дней от 35-тысячной Неаполитанской армии Макдональда в строю не осталось и половины. Теперь Суворову следовало приступить к разгрому Итальянской армии генерала Моро, которая так и не успела помочь Макдональду. Моро начал наступление из Генуи, потеснив войска генерала Бельгарда юго-восточнее Александрии. Суворов находился во Фиоренцоле, когда он получил сведения о наступательной операции Итальянской армии Моро и написал Краю: «Моро делает попытки против графа Бельгарда на Бормиде; я пойду встретить его, так же как встречал Макдональда». Старик Суворов превосходил своих противников в энергии, и после напряжённой трёхсуточной операции на Тидоне и Треббии он был готов к новым сражениям без промедления. Недаром вспоминал об итальянских переходах старый солдат Старков: «Войска Суворова не шли, а бежали. Июньское итальянское солнце стояло высоко. Под палящим солнцем люди выбивались из сил, падали от изнеможения, и многие из упавших уже не вставали. Страшный след обозначал движение армии, но жертвы были необходимы для выигрыша времени, которое было до крайности дорого». Мы уже вспоминали, что новобранцу кампании генералу Бельгарду 31 мая Суворов писал: «Спешите, ваше сиятельство! Деньги дороги, жизнь человеческая ещё дороже, а время — дороже всего!» Этот афоризм был всегдашним принципом Суворова. Для войн послереволюционного времени не было ничего важнее умения «воевать минутами», быстро принимать решения, приноравливаясь к изменчивой ситуации.

Современные военные историки сформулировали отношение к сражениям на берегах Тидоны и Треббии: «Трёхдневное сражение на Тидоне и Треббии является наиболее важным

моментом в деятельности Суворова как тактика. Значение его объясняется прежде всего тем, что это было одно из самых крупных сражений, данных Суворовым; при этом противником его были лучшие в Западной Европе войска, и на их стороне был крупный численный перевес, умноженный слабостью австрийцев и условиями местности»[5].

После побед на Тидоне и Треббии Суворову пришлось ещё раз прибегнуть к суровым мерам, восстанавливая армейскую дисциплину. В Пьяченце, в госпитале, выхаживали раненого пленного французского генерала Сальма. Несколько офицеров, деморализованных после тяжёлых боёв, ограбили раненого Сальма… Узнав об этом, Суворов пришёл в ярость, тут же разжаловал их в рядовые, после чего приказал наказать палками. И всё-таки знаменитый французский словарь «Лярусс» называл Суворова «генералом, лишённым гуманизма и угрызений совести». Для Суворова патриотизм никогда не выражался в шулерском покрывании «своих» — увы, многие наши современники, ослеплённые фанатизмом, не поймут этой черты Суворова. Когда речь шла о нарушителях дисциплины, о грабителях и негодяях, никаких «прибежищ» для Суворова не существовало. Следовало строгое наказание. «Строгость требует величайшего наблюдения воинских правил», — писал Суворов.

Но отличившихся было больше, чем провинившихся. Все генералы знали об указании Суворова: представлять ему солдат, совершивших какой-либо яркий подвиг. Их он жаловал из своих рук чаркой водки, по душам разговаривал, целовал. После Треббии ему рассказали о солдате полка Ферстера по фамилии Митрофанов. Этот Митрофанов добыл в бою троих пленных. Они отдали ему свои деньги и ценности. Митрофанов принял трофеи, но кое-что вернул пленным на пропитание. Подбежали другие солдаты, захваченные яростью боя: они хотели изрубить врагов. Но Митрофанов защитил французов: «Нет, ребята, я дал им пардон. Пусть и француз знает, что русское слово твёрдо». Солдата Митрофанова подвели к Суворову. О дальнейшем рассказывает Егор Фукс: «Митрофанов был тотчас представлен и на вопрос Суворова: «Кто тебя научил быть так добрым?» отвечал: «Русская азбука: С, Т (слово, твёрдо — буквы, расположенные по соседству, образующие житейское правило) и словесное Вашего сиятельства нам поучение: солдат — христианин, а не разбойник». С восторгом обнял его фельдмаршал и тут же на месте произвёл в унтеры».

После недолгого отдыха 12 июня союзная армия выступила от Арды навстречу армии Моро, в направлении Александрии. Спасаясь от смертоносной итальянской жары, двигались от

первого часа ночи до десяти утра одной растянутой колонной. Марш был скоростным: уже 14-го числа авангард достиг берегов реки Скриви, а на следующий день, когда основные силы закрепились на реке Орбе под Александрией, авангард Багратиона уже выдвинулся к Нови. Моро, получивший подробные сведения о сражении при Треббии, начал отступление к Ривьере. Марши Суворова в эти десять июньских дней произвели на Моро сильное впечатление. Впоследствии он назовёт их шедевром военного искусства, но уже по действиям в районе Нови видно уважительное отношение Моро к русскому полководцу, что, пожалуй, отрицательно сказалось на судьбе революционной Итальянской армии. К середине июня в руках французов оставалась лишь Генуэзская Ривьера. Пути к ней преграждали три крепости — Серравалле, Кони и Гави. Продолжалась блокада Мантуи, за которой внимательно следили в Вене: эту операцию проводил тридцатитысячный корпус Края. Боеспособные французские гарнизоны оставались в цитаделях Александрии и Тортоны. Силы итальянской союзной армии — 108 человек — были весьма рассредоточены. Главные силы, испытанные в боях, находились вместе с русским фельдмаршалом в лагере под Александрией — 48 000 человек. На ходе кампании сказывались и скептически оцениваемые Суворовым действия 78-тысячной армии эрцгерцога Карла, стоявшей на берегах Рейна и в Швейцарии. Суворов был недоволен тем, что Вена наделила генерала Меласса политическими полномочиями, которые он осуществлял порой в обход Суворова. А у Суворова были свои планы кампании: освободив Генуэзскую Ривьеру, он собирался перенести театр военных действий во Францию и уничтожить республиканское правление. У гофкригсрата на этот счёт было иное мнение: австрийские штабисты не допускали нового наступления. Суворов стоял под Александрией и занимался осадой Мантуи и Александрийской цитадели. 11 июля Александрийская цитадель капитулировала: около 2700 человек, в числе которых было 200 офицеров, сдались в плен. Через неделю, 17 июля, была взята Мантуя, после чего Суворова уже нельзя было удержать от новой наступательной операции. Он писал Краю, вызывая его из-под стен Мантуи к Александрийскому лагерю: «Падение Мантуи и увеличенные благодаря тому силы армии не дозволяют никакого дальнейшего отлагательства в предположенном приближении к Ривьере». В Мантуе, по планам Суворова, был оставлен пятитысячный гарнизон под командованием Цопфа. С падением Мантуи Вена начинает терять интерес к активным боевым действиям. Гофкригсрат становится новым проклятием Суворова. Кажется, только он и верил, что

следует сломать хребет всей Французской республике.

24 июля наш фельдмаршал составляет диспозицию к наступлению на Генуэзскую Ривьеру.

Новое наступление потребовало согласованных действий с морскими силами. Суворов настоятельно рекомендовал Ф.Ф. Ушакову держать под контролем морское побережье, не допуская доставку боеприпасов в армию Моро. Аналогичные письма от Суворова получили союзные адмиралы Нельсон и Сен-Винцент.

Уже 27 июля пришло отрадное известие от верного Багратиона: его отряд овладел крепостью Серравалле. 36 часов русские войска бомбардировали это солидное укрепление — и, наконец, небольшой по численности, но отлично снабжённый гарнизон сложил оружие. Багратион захватил 14 пушек и склады боеприпасов. Было ясно, что авангард Багратиона готов к наступлению. Наконец, 30 июля в Александрийский лагерь прибыл из-под стен Мантуи корпус Края.

Тем временем республиканцы пытались исправить ситуацию. Остатки разбитой неаполитанской армии Макдональда присоединили к Итальянской армии Моро. Сам Моро потерял доверие Директории в качестве наступательного генерала — и революционные власти заменили его Бартоломео Жубером. Перед армией была поставлена задача вытеснить Суворова из Пьемонта. В Жубера верили: этот тридцатилетний полководец снискал славу одного из талантливейших революционных генералов. Великий Бонапарт после победного итальянского похода 1796–1797 гг. дал лестную характеристику молодому генералу: «Неустрашимый Жубер по храбрости настоящий гренадер, а по знанию дела и способностям воинским — настоящий генерал». В нём видели второго Бонапарта. Жубер принял командование армией 4 августа. Моро остался при армии в качестве помощника нового командующего. Было решено наступать на позиции союзников двумя крыльями: правое под командованием генерала Сен-Сира двигалось на Нови, левое, возглавляемое Периньоном, — на Акви. Они двигались по узким горным дорогам. Суворов приказал аванпостам не атаковать превосходящие силы противника, а лишь разведывать сведения об их наступлении и, не захватывая пленных, атаковать слабые отряды. «Так как цель наша — выманить неприятеля на равнину».

План Жубера не был секретом для Суворова: французский генерал намеревался двумя мощными армейскими группировками «съесть» рассредоточенные по отрядам союзные войска. «Юный Жубер пришёл учиться. Дадим ему урок», — сказал Суворов. Однако положение союзных войск было и впрямь не идеальным. Сильный корпус Розенберга (не менее 13 000

человек) вёл продолжительную блокаду Тортоны. Самый многочисленный в союзной армии корпус Края (27 000) располагался северо-западнее Нови. У Ривальты располагались русские полки генерала Дерфельдена, который, наконец, получил полномочия непосредственного командующего шеститысячным корпусом, и австрийские Меласа (порядка 9000 человек). Севернее Нови, у Поццоло-Формигаро, врага поджидали привычные к самым ожесточённым боям войска генералов Багратиона (5700 человек) и Милорадовича (3700). Но, как мы видим, надежды Жубера на роковую рассредоточенность союзных войск были преувеличенны: Суворов добился компактности расположения отрядов, которые могли быстро объединиться в мощный кулак. Как-никак Суворов успел приучить союзную армию к скорым маршам.

Отслеживая наступление войск Сен-Сира, Суворов приказывает Багратиону оставить Нови: вся союзная армия была сосредоточена на равнине севернее этого итальянского городка. Перед вступлением в Нови французы уже заняли Серравалле. У стен этой крепости 3 августа расположился двухтысячный отряд неутомимого генерала Домбровского, который снова воевал, не считаясь с ранениями. В Нови расположились дивизия Лабуасьера и бригада Колли. Южнее — дивизии Ватрена и Герена. Войскам генерала Периньона (18 000 человек) Жубер приказал также двигаться из Пастураны к месту предполагаемых сражений. Наиболее уязвимым казалось положение дивизий Ватрена и Домбровского, которые можно было обойти. Зато на высотах у Нови Жубер занял практически неотразимые позиции.

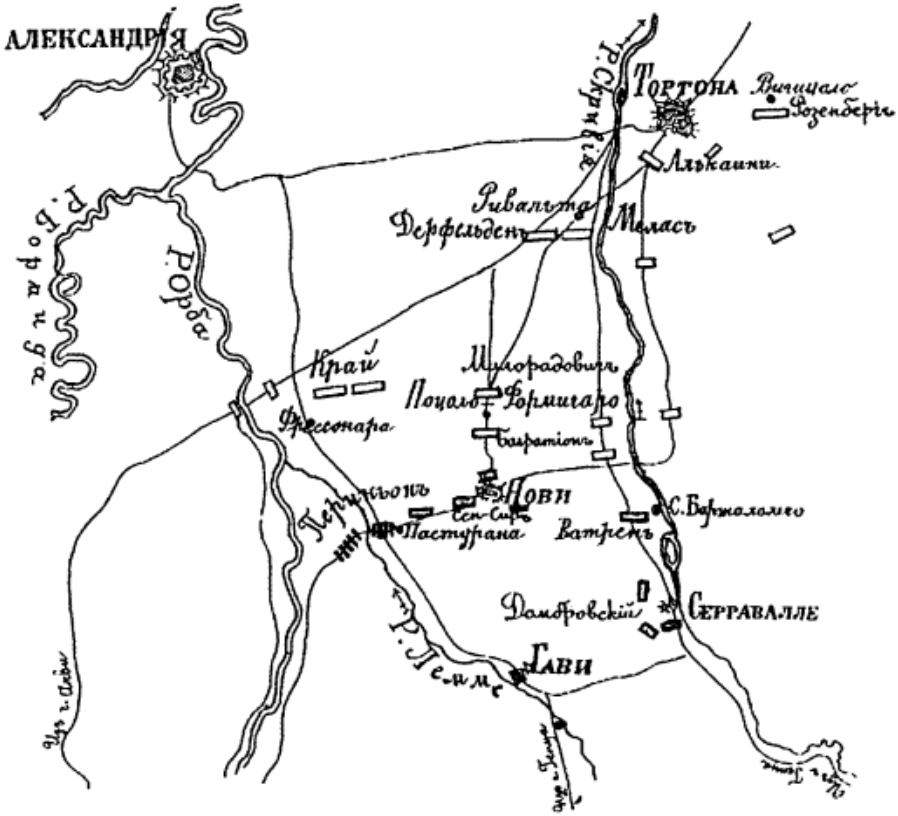
В центральной позиции, напротив Нови, в Поццоло-Формигаро, располагались войска Багратиона и Милорадовича. Из Фрезонары войска Края выдвигались на позиции генерала Периньона. Первый удар после рассвета 4 августа приняли на себя дивизии Груши и Лемуана. Войска Края атаковали левое крыло французской армии. Жубер спешно направился на этот участок, чтобы самолично поднять войска в атаку, и был смертельно ранен в самом начале боя. Последнее слово Жубера оказалось суворовским по духу: «Вперёд!» Командование армией принял генерал Моро. Периньон получил подкрепление — и двухчасовая битва не принесла войскам Края успеха.

Наконец, около 9 часов Суворов приказывает Багратиону, при поддержке войск Милорадовича, начать фронтальную атаку Нови. Под артиллерийским огнём Багратион овладел предместьем Нови и, не решившись на штурм стен (укрепление считалось неприступным), решил обойти крепость с запада. Атака не принесла успеха: гарнизон Нови (бригада Гарданна) сражался

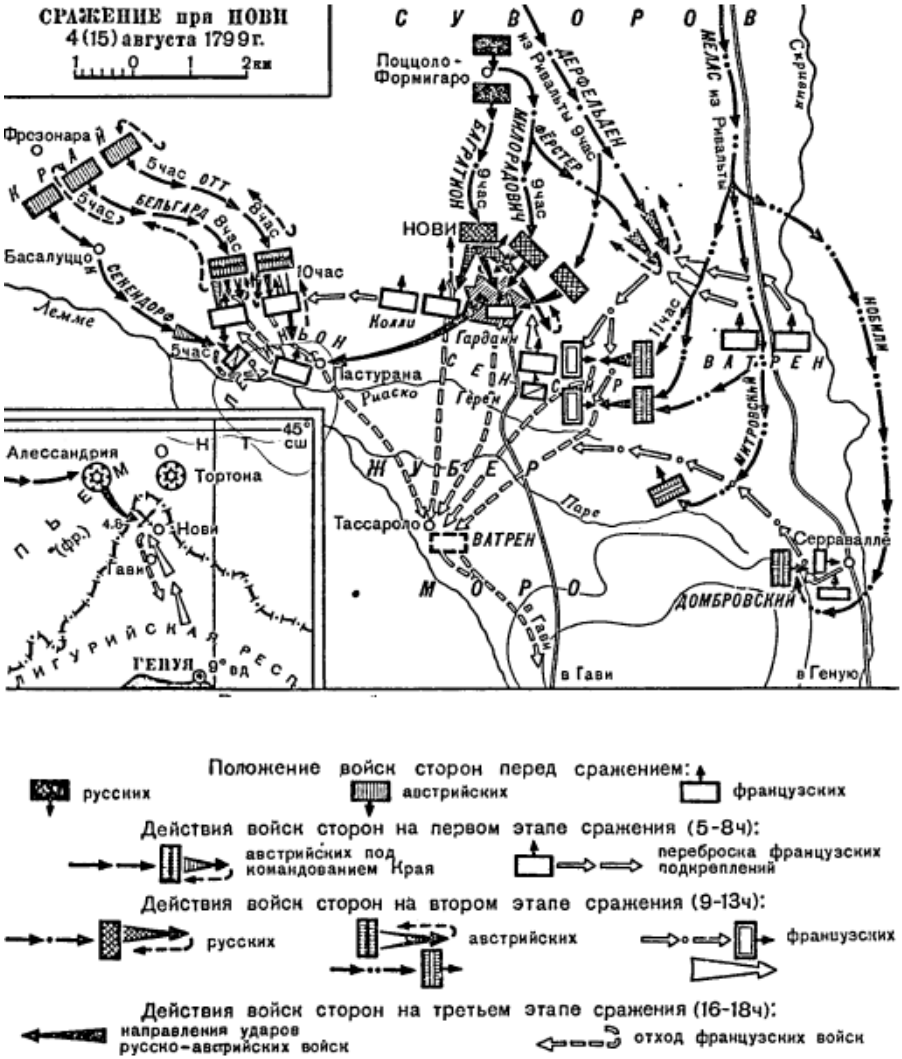
стойко и предпринял смелую вылазку в левый фланг войск Багратиона. С востока к Нови двинулась дивизия Ватрена, временно создав здесь численное превосходство над войсками союзников. Бой с этими войсками принял отряд Милорадовича, а Суворов уже приказал Дерфельдену двинуть свой корпус к Нови, против дивизии Ватрена. С марша бросившись в атаку, смявшую французские позиции, войска Дерфельдена заставили Ватрена отступить.

На правом фланге, где корпус Края бился с дивизиями Периньона, французы, отчаянно сопротивляясь, ввели в бой все войска.

В четвёртом часу дня Суворов предпринял наступление по всему фронту. Справа войсками командовал Край, по центру — Дерфельден, слева — Мелас, чьи войска вступили в бой позже остальных и сохранили свежесть. Австрийский полководец осмотрительно медлил с наступлением. Непросто было командовать этим хладнокровным генералом, который более отчитывался перед Тугутом, чем перед Суворовым. Русский фельдмаршал не в первый раз был недоволен действиями Меласа. До сих пор ему удавалось соблюдать дипломатизм, но в критический момент битвы при Нови Суворов посылает к Меласу графа Комаровского со вторичным требованием наступать. На случай невыполнения приказа Суворов угрожал Меласу расстрелом! Нужно заметить, что наступление было вполне обоснованным. Последние движения дивизии Ватрена дали понять Суворову, что севернее Серравалле у Моро войск нет. В таком положении оставлять корпус Меласа у Ривальты было бы легкомыслием. Милютин писал: «Суворов только тогда решился ввести в дело войска барона Меласа, когда удостоверился окончательно, что все силы противника находились на позиции у Нови». Свежая австрийская колонна (три бригады из четырёх, имевшихся у Меласа) двинулась вперёд, на обход правого крыла французов — и участь сражения решилась. Теперь Суворов имел значительное превосходство в силах — и сокрушал противника.



Сражение при Нови. Расстановка сил



Войска Багратиона, Дерфельдена и Милорадовича ворвались в неприступные укрепления Нови и заняли город, когда французы ещё не окончили спасительное отступление из Нови. Бригада Гарданна, оборонявшая Нови, не выдержала штыкового удара и отступила к Тассароло. Русские войска двинулись к Пастуране, стремясь устроить окружение левому крылу французов.

Около шести часов пополудни по всему фронту союзные войска прорвались, сминая противника. При отступлении наилучший порядок удалось сохранить генералу Ватрена и вообще войскам правого крыла французов (к дивизии Ватрена здесь следует добавить правофланговые части дивизии Лабуасьера). Две бригады, отряженные Меласом для обхода этих сил французов, Лаудона и Митровского, с помощью глубокого обходного маневра Митровского сломили сопротивление Ватрена

(при том первый натиск бригады Лаудона французы осилили). Но наголову разбить французов им не удалось. Домбровский, бросивший Серравалле, отступая, соединился с Ватрена, снова проявив стойкость и выдержку. Этим частям французов после отступления и удалось организовать оборону за Гави.

На левом крыле и в центре французские дела оказались куда плачевнее. Беспорядочное отступление в районе деревни Пастурана превратилось в избиение французов. Артиллерия и обозы оказались в руках союзников. Командующий левым крылом французов Периньон угодил в плен.

Преследовать противника был послан корпус Розенберга. При Гави русские настигли арьергард противника. Французы заняли оборонительную позицию на высотах, открыли ружейный огонь. Розенберг отрядил на бой казачий полк Курнакова, полк генерал-майора Ферча, егерей генерал-майора Кашкина и батальон Ребиндера. Они прорвались сквозь передовые посты французов, ударили в штыки, обратили неприятеля в бегство. Суворов писал в реляции: «Неприятель потерял убитыми свыше 200, в плен досталось при 3-х офицерах 127 рядовых; с нашей стороны убитых 5, раненых 17». Всё же от преследования Розенберга в русской армии ждали большего.

Общие потери французов (убитыми, ранеными, пленными, дезертирами) составили 20 000. Армия прекратила своё существование. Погиб командующий, генерал Жубер. Погибли генералы Ватрен и Гаро. В плену оказались генералы Периньон, Груши, Колли, Партоно. Потери войск Суворова составили 6000 человек, из них 1300 — убитыми. Был контужен хорошо проявивший себя в бою генерал-майор Горчаков, в голову ранен генерал-лейтенант Тыртов, в ногу — генерал-майор Чубаров, о котором Суворов писал с восхищением: «Он теснил и поражал неприятельские колонны так храбро и неустрашимо, что малая только из них часть спаслась бегством; причём и ранен». Ранение помешает Чубарову вместе с Суворовым пройти тропами Швейцарского похода. Получил ранение и прославившийся в Итальянском походе полковник Ломоносов, ведший в бой гренадер. Среди погибших в бою Суворов отмечал храброго майора Корфа. По численности войск с обеих сторон сражение при Нови было крупнейшим, после Рымника, из всех сражений Суворова.

Отличился в бою старый солдат, ровесник Суворова Фёдор Васильевич Харламов. С 1776-го, с Крыма, он служил под командованием непобедимого полководца. Он отличился при штурме Праги, за Польскую кампанию получил золотое оружие. Рослый, неустрашимый, закалённый в боях Харламов только

после Нови получил генеральское звание. На таких стариках и держалась русская слава XVIII в.

Такую победу следовало развить решительными действиями, что и подтверждала диспозиция Суворова на 5 августа. Следовало преследовать противника, планомерно наступая на Генуэзскую Ривьеру. Но этот план Суворова был сорван австрийцами, не подготовившими вьючный обоз и запасы продовольствия для наступления. Вскоре император Франц и вовсе отменит суворовский план наступления на Генуэзскую Ривьеру. Великую победу при Нови союзники не сумели использовать с наибольшим эффектом — так, как планировал Суворов. В рескриптах императора Франца ещё с конца июля звучали умиротворённые ноты. Австрия вернула утраченное и не собиралась далее утомлять собственную армию решительными действиями. Он писал Суворову: «Я должен при этом случае повторить, что на нынешнюю кампанию не должно и помышлять о каком-либо вторжении во Францию или о переходе за границу Италии к стороне Вара, а ещё менее к Савойе; и потому всё, что клонилось бы к подобному предприятию, должно быть совершенно исключено из плана действий». Крушение надежд!

А ведь именно после Нови Европа затрепетала, чувствуя руку непобедимого полководца. Взятие Парижа Суворовым воспринималось как вполне вероятная перспектива. В пространной реляции Павлу Суворов говорил о результатах сражения: «Таким образом продолжалось 16 часов сражение упорнейшее, кровопролитнейшее и в летописях мира по выгодному положению неприятеля единственное. Мрак ночи покрыл позор врагов; но слава победы, данная Всевышним оружию Твоему, великий государь! озарится навеки лучезарным немерцаемым светом… Главнопредводительствовавший генерал Жуберт вскоре по начатии сражения ранен и умер в Нови. Сей произвёл пьемонтскую революцию, и Бонапарт при отправлении его наименовал своим наследником… Всё воинство вашего императорского величества от каждого генерала до последнего солдата подвизалось в сём сражении единым духом храбрости, мужества, неутомимости и неустрашимым величеством к ним ниспосылаемыми, и охотно приносили на жертву служению престолу и живот, и кровь свою». С гордостью Суворов писал о новийской победе и адмиралу Ф.Ф. Ушакову. Что касается умения русских войск воевать не щадя живота своего — Суворов нисколько не преувеличивал. Позже Мелас, не желавший понимать намерений Суворова, списывал неудовольствие русского фельдмаршала планами Вены на то, что фельдмаршал

был огорчён тяжёлыми потерями русских при Нови. Да, самому Меласу при Нови удалось сберечь войска — но он и вступил в сражение позже других частей, и не сумел разбить дивизии Ватрена и Лабуасьера. Оттеснив противника, Мелас считал задачу выполненной. Намеревался «царапаться», а не «бить». Ясно, что тактика русских требовала большего напряжения атак и влекла большие потери. Но задачи, поставленные Суворовым, стоили таких жертв, тем более что русские потери были куда ниже французских. А Мелас своими комментариями к новийскому сражению ещё раз показал, каким неудобным союзником для Суворова был он, опытнейший австрийский генерал «папа Мелас».

Тем временем Ушаков, вдохновлённый письмами великого Суворова, бросил якорь в Лазурной бухте Палермо, в Сицилии. В Палермо он встретился с союзником — прославленным британским адмиралом Нельсоном. Нельсон приглашал русского флотоводца на свой корабль, но Ушаков, утверждая своё старшинство, принял союзника в каюте «Святого Павла», флагманского корабля русской эскадры.

9 августа неаполитанские войска вместе с 500 русскими вошли в Рим. Это был русский десант из эскадры адмирала Ушакова, из отряда контр-адмирала Пустошкина, которым командовали полковник Скипор и лейтенант Балабин. Боевой путь русской эскадры у берегов Италии подходил к концу. Как пишет Милютин, «в продолжение всего этого похода эскадра имела убыли только 400 человек. С такой малой потерею русский флот совершил в Средиземном море много славных подвигов: Ионические острова освобождены от французов и получили независимое правление; в Неаполе восстановлена власть королевская; в Риме водворено спокойствие». Павел присваивает Ушакову чин адмирала. Осыпают его наградами и союзники. Но, конечно, всех генералов и адмиралов кампании 1799 г. затмила невероятная слава Суворова.

На самом взлёте своей европейской славы Суворов окончательно испортил отношения с Веной. Осторожная, недальновидная и, как писал Суворов, «корыстолюбивая» стратегия Тугута была несовместима со смелыми планами контрреволюционной войны, которые Суворов лелеял уже почти десятилетие. Полководец ждал поддержки из Петербурга, прибегая в письмах то к прямым жалобам, то к сложным аллегориям. 5 августа из Нови Суворов писал Фёдору Ростопчину: «Ещё новую победу Всевышний нам даровал. Новокомандующий генерал Жуберт, желая выиграть доверенность войск своих, выступил 4-го числа августа из гор с армиею свыше 30 000, оставя

Гави в спине.

Соединённая армия его атаковала и по кровопролитному бою одержала победу.

Всё мне не мило. Присылаемые ежеминутно из гофкригсрата повеления ослабевают моё здоровье, и я здесь не могу продолжать службу. Хотят операциями править за 1000 вёрст; не знают, что всякая минута на месте заставляет оную переменять. Меня делают экзекутором какого-нибудь Дидрихштейна и Тюрпина… Прошу Ваше Сиятельство доложить о сём Его Императорскому Величеству, как равно и о том, что после Генуэзской операции буду просить об отзыве формально и уеду отсюда. Более писать слабость не позволяет…»

За победу при Нови Суворов получил от Павла княжеский титул. Император Франц II из Вены слал Суворову высокопарные благодарственные письма: «От всего сердца поздравляю вас с новою победой над неприятелем, одержанною при Нови. Блистательные события, кои под вашим предводительством ознаменовали настоящую кампанию, утвердят на вечные времена достославную память ваших решительных, великих свойств и геройского духа».

Рескрипт Павла после новийской победы отличался особой задушевностью: «Князь Александр Васильевич! Вчерашний день я получил из Вены… известие о знаменитой победе вашей над упокоенным вами генералом Жубертом. Рад весьма, а тем более что убитых немного и что вы здоровы. Не знаю, что приятнее? Вам ли побеждать, или мне награждать за победы? Но мы оба исполняем должное: я как государь, а вы как первый полководец в Европе.

Отличие, сделанное вам его величеством королём Сардинским, я от всего сердца позволяю вам принять. Чрез сие вы и мне войдёте в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию, потому что владетельные особы между собою все почитаются роднёю…

Посылаю награждение за взятие Серраваллы, а вам, не зная, что уже и давать, потому что вы поставили себя выше награждений, определил почесть военную, как увидите из приказа, вчера отданного. Достойному достойное.

Римский император, мой брат, намерен, когда вы, оставя Италию, перейдёте командовать в Швейцарию, вознаградить вас орденом Марии Терезии большого креста. Я вас о сём предупреждаю заранее для предохранения, зная, что радость непомерная имеет опасные следствия!

Прощайте, князь! Живите, побеждайте французов и прочих, кои имеют в виду не восстановление спокойствия, но нарушение

оного». Речь шла о невиданной привилегии: отныне, даже в присутствии государя, Суворову надобно было отдавать воинские почести «подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества».

К середине сентября уже и в Петербурге об австрийцах говорили в резком тоне. Ростопчин в письме Суворову от 16 сентября называл Тугута «гнусной неверной канальей», критиковал самого императора Франца и даже бранился: «Смерть и презрение цесарцам!» А в письме к Воронцову от 9 октября Ростопчин высказал предвидение, оказавшееся резонным: «Австрийская ненависть к этому удивительному воину (к Суворову. — *А.З.*) не знает предела… Я почти уверен, что не пройдёт и двух лет, как римский император тщетно станет искать себе убежище, преследуемый неприятелем, который будет хозяйничать у него в столице». Но двусмысленная ситуация длилась: Суворов продолжал командовать союзной армией, в которой большую часть составляли войска Священной Римской империи, научившиеся победно воевать под началом Суворова. Нельзя было не считаться и с интересами венского императора, хотя Суворов уже уверился в том, что Вена не понимает смысла постреволюционной ситуации в Европе.

27 августа Суворов завершает Итальянский поход. Он сдал командование армией Меласу, в последнем обращении к австрийским частям поблагодарил их — своих боевых товарищей — за «доверенность и любовь, воинов победоносных, соделавших и меня победителем».

Уже никто не вспоминал, что ещё полгода назад именно австрийцы требовали у русского императора предоставить им Суворова для командования союзной армией!

Тогда, летом 1799 г. было ещё больше оснований планировать успешный поход на Париж. После итальянских побед само имя Суворова наводило ужас на противников. Суворов предвидел, что умелая интервенция может предотвратить большую кровь в Европе, да и прямое столкновение французов с Россией полководец считал необратимым. История показала правоту князя Италийского. Но союзники помешали русскому герою продолжить победное шествие. Суворова чествовали как победителя, но не давали его планам политической поддержки. Титулы и награды сыпались на героя как из рога изобилия. Та атмосфера сохранилась в мемуарах графа Е.Ф. Комаровского (который, заметим, несколько преждевременно называет главнокомандующего генералиссимусом): «Князь Эстергази привез от императора Франца две ленты военного ордена Марии Терезии: одну великому князю, а другую князю Суворову; два

ордена на шею: князю Багратиону и Милорадовичу, и несколько орденов в петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить по его усмотрению на тех, которых он признает более отличившимися при освобождении от неприятеля Италии. Нельзя более было показать уважения к услугам князя Суворова и к нему самому.

В то же почти время и король Сардинский прислал генералиссимусу цепь военного ордена Св. Лазаря и Маврикия, несколько орденов на шею и в петлицу; из сих последних и я получил. Даже камердинер князя Суворова, Прошка, получил золотую медаль с изображением короля для ношения на зеленой ленте на шее». Благодарный Суворову король Сардинии Карл-Эммануил присвоил русскому фельдмаршалу звания великого маршала пьемонтских войск и гранда королевства, с потомственным титулом принца и кузена короля… Дальше — больше. На любую награду для Суворова был готов и император Павел, пославший в поход, под суворовское крыло, своего сына Константина. 8 августа был подписан указ императора Павла: «Для сохранения памяти в предъидущих веках великих дел генерал-фельдмаршала нашего графа Суворова-Рымникского […], и в знак признательности нашей пред целым светом жалуем ему […] знаменитое достоинство князя Российской империи с титулом Италийского, распространяя оное на всех его потомков мужского и женского родов, повелевая ему быть и писаться князем Италийским, графом Суворовым-Рымникским». П.В. Завадовский — опытный царедворец, уважавший Суворова, не сдержался от комментария, в котором можно рассмотреть и оттенок зависти: «Удовольствовано честолюбие российского Аннибала досыта. […] Проименование сие распространено на все его потомство, чего ни Румянцов, ни Сципионы не имели». Французская революция переменила многие правила в Европе. По особой мерке нужно было награждать и контрреволюционеров. Но и в этой истории не обошлось без противоречий. Дело в том, что Суворов не был князем Священной Римской империи, с рымникских времён оставаясь её графом. В указе о пожаловании в князья Российской империи А.А. Безбородко Павел отметил: «с титулом светлости». Безбородко был князем Священной Римской империи… Сетуя на неполучение «священного» княжеского титула, Суворов писал Разумовскому: «От Венского двора щедро меня за Лодомирию, Галицию и Краков в князь Платоне Зубове наградили». Павел был почитателем и рабом этикета: он не мог дать Суворову титул светлости прежде австрийцев. Титул всё равно «явочным порядком» закрепился за Суворовым — и Павлу пришлось разослать предписание о том, «что его императорское

величество, сведав, что от некоторых чиновников в письмах употребляется титул, не принадлежащий князю Италийскому графу Суворову-Рымникскому, его светлости, высочайше повелеть соизволил, чтобы впредь сего указом неутвержденного титула не давалось».

Суворов любил награды, ему льстило быть признанным *кузеном короля,* но анекдоты донесли до нас и ироническое восприятие некоторых регалий. Так, когда король Сардинский прислал Суворову знаки ордена Св. Маврикия и Лазаря, Суворов наградил ими худших офицеров, когда же Суворову указали, что он награждает плохих офицеров, старик ответил: «Так ведь и орден-то плох!» К тому же времени относится исторический анекдот иного свойства, в котором подчёркивалось русофильство Суворова. Суворов спросил австрийского офицера, присланного адмиралом Ушаковым с известием о взятии острова Корфу: «Здоров ли мой друг Федор Федорович?» Последовал ответ: «Господин адмирал фон Ушаков здоров». Суворов осерчал: «Возьми себе своё «фон», а победителя турецкого флота на Черном море, покорителя Корфу, потрясшего Дарданеллы, называй Федор Федорович Ушаков!»

Разговаривая с английским представителем, лордом Бентинком, Суворов то и дело поправлял якобы спустившиеся чулки. Таким образом он не без издёвки намекал, что неплохо бы наградить русского союзника орденом Подвязки.

Стараниями союзников никаких материальных, ощутимых политических завоеваний победы Суворова в Италии России не принесли. Клаузевиц писал: «Как Англия, так и Австрия не хотели, чтобы русские приобрели в Италии опорные точки для завязывания политических отношений. Англия боялась, как бы русские не овладели Генуей, поскольку император Павел, состоявший в тесной связи с Мальтийским орденом, заявил о своём решении овладеть Мальтой; да и другие порты на итальянском побережье могли тоже легко достаться русским войскам, находившимся в Адриатическом море. Таким образом, русские могли бы стать в этих водах гораздо более твёрдою ногой, чем это соответствовало бы английским интересам». Мальтийский подтекст в политике императора Павла был весьма ощутим, и приходится признать, что Петербургу не удалось взять под покровительство ни освобождённые Суворовым области Италии, ни острова.

Швейцария: две недели сражений

Дороги и сражения Швейцарского похода стали лебединой песней и апогеем судьбы Суворова. Вот ведь какой парадокс: кампания 1799 г. завершалась не лучшим образом для союзников и для Российской империи. Франции удалось сыграть на противоречиях между Британией, Австрией и Россией, удалось свести на нет победы Суворова в Италии, удалось избежать разгрома, не допустить перенесения боевых действий на территорию Французской республики. Из критического положения лета 1799 г. революционная Франция вышла с наименьшими потерями. В этом контексте Швейцарский поход Суворова можно было бы воспринимать как «хорошую мину при плохой игре». Можно было бы, но удивительные обстоятельства похода, подвиги всех его участников от солдата до генералиссимуса, тактический гений Суворова, проявленный на краю гибели, — всё это мешает нам относиться к Швейцарскому походу даже с долей пренебрежения.

До выступления из Италии армии Суворова союзных войск в Швейцарии насчитывалось 46 000 человек. В русском корпусе генерала А.М. Римского-Корсакова — 24 тысячи, в австрийском генерала Фридриха Готце — 22 тысячи. Французы могли выставить против них более 70 тысяч войск под командованием талантливых генералов Массены, Лекурба, Сульта. Суворов лелеял план наступательной войны против революции, по которому союзные войска «в ноябре были бы в Лионе — Новый год в Париже». Но согласия в союзниках не было… Узость австрийских интересов уже не была секретом ни для Суворова, ни для русских дипломатов и политиков. Не были прямыми, как клинок, и британские планы. Англичане стремились установить господство на Средиземном море: этой экспансионистской цели служили все успехи адмирала Нельсона. «Правь, Британия!» Успехи Суворова и Ушакова могли только помешать этим планам. И англичане, и австрийцы стремились удалить русские войска и военный флот подальше от Италии — от Средиземного моря и вновь приобретённых австрийцами областей. Планировалось выдвижение Суворова в Швейцарию, где он возглавил бы, кроме уже имеющихся войск, корпуса Конде, Римского-Корсакова и Готце (впрочем, судьба корпуса Готце была неочевидной — Вена вряд ли всерьёз намеревалась передать его под командование фельдмаршала Священной Римской империи Суворова). Предполагалось, что, действуя порознь, союзники избегнут досадных противоречий, проявившихся в Итальянском походе.

Среди доводов, к которым прибегли дипломаты, был и климатический: Швейцария отличалась наиболее прохладным климатом, и русским войскам пребывание в этом краю показалось бы комфортнее итальянского лета. Новая армия должна была вторгнуться во Францию через Швейцарию. Выдвижение русских войск под осенними ливнями в горную страну, где действовали превосходящие силы противника, было рискованным шагом. Но император Павел скрепя сердце согласился с планами союзников, в рыцарской честности которых уже серьёзно сомневался. В ту пору союзники планировали и открытие нового театра военных действий в Голландии, где должен был высадиться сорокатысячный десант. Это предприятие было исключительно выгодно Лондону, стремившемуся взять под контроль порты Голландии. Но следует признать, что для мятежной Франции сильная вражеская группировка в Голландии создала бы новые острые проблемы.

Тщательно изучив обстановку, Суворов составляет план Швейцарского похода — уникальный памятник военной мысли. Как пишет об этом документе И.И. Ростунов, «до Суворова ни один полководец в мире не предусматривал объединённых единым замыслом согласованных действий отдельных войсковых групп на различных направлениях». Суворов приступил к написанию плана после изучения соображений генерала Готце и полковника Штрауха. Суворов назвал его «План общей атаки на выступившего в малые швейцарские кантоны неприятеля и продолжения операций по удачном первом разбитии». Спервоначала Суворов определился с возможностями неприятеля в Швейцарии и с общей расстановкой сил: «Массена, главнокомандующий всех неприятельских войск в упомянутой земле, находится с большею частью своих сил, около 30 000, между Лимат и рекою Нижнею Рус; его левый фланг упирается к реке Аар при Брюгге, а правой к реке Альбис. Дивизионный генерал Шамброн с 10 000 человеками занял кантон Швиц и Гларис и имеет фронт к реке Линт и озеру Валштетер. Дивизионный генерал Лекурб обороняет вход из Италии в Швейцарию чрез Готгартс-берг и стоит в кантонах Унтервальд и Ури тоже с 10 000 человеками. Дивизионный генерал Лорже занимает горы Нифнер и Симпельберг и верхнюю часть Ронской долины, или Вализерланд, с 8000 человеками. Против знатного неприятельского распространения стоят 33 000 российских войск под командою генерал-лейтенанта Корсакова между Цюрихом и нижнею частью реки Лимат, то есть против самой главной силы неприятеля.

21 000 австрийских войск под командою генерал-

фельдмаршал-лейтенанта Готце стоят между озёрами Валштетера и Цюрихера вдоль правого берега реки Линт и распространяют свой левой фланг чрез Сарганц и Маенфельд до Дизентиса в долине, называемой Рейнталь.

Напоследок находятся 20 000 российских войск под главным предводительством генерал-фельдмаршала князя Италийского графа Суворова-Рымникского, кои из Италии вступают против горы Готгартс-берга и стоят теперь в Таверне, 8 миль не доходя Белинцона».

С расстановкой сил было решено. Предстояло поставить задачи и найти кратчайший путь к их решению. В первую очередь Суворов намеревался освободить Малые кантоны, а уж потом развивать успех с наибольшим эффектом: «К тому первым правилом надлежит принять то, что все вышесказанные соединённые силы и назначенные к сему предприятию части должны с мужеством войти во фрунт и в тыл правого неприятельского фланга и тем в кратчайшее время великое намерение с возможною вероятною удачностию достигнуто быть может, которого бы чрез обходы и чрез изыскиваемое с трудностию соединение тем менее обрести можно, поелику невозможно многочисленному войску в продолжительное время иметь продовольствие, покуда не овладеем Луцернским озером». Итак, быстрое объединение любой ценой трёх союзных группировок в единый кулак Суворов не считает лучшим выходом из положения. Значит, предстоит длительное согласованное действие разрозненных частей на разных фронтах и ряд важных маневров и сражений до предполагаемого соединения войск. Когда-то Суворов (под командованием которого в те времена находились лишь малочисленные отряды) уже пытался наладить согласованные действия разобщённых отрядов на территории противника — в Люблинском воеводстве, под Ландскроной, под Краковом, мешали только самонадеянность и злой нрав таких подчинённых командиров, как полковник фон Древиц, да и командующий генерал-поручик Веймарн не всегда поддерживал инициативы Суворова. И Суворов определяет движения союзных корпусов в Швейцарии, обнаруживая недурное знание географии в отсутствие реального знания местности. Анализируя карту, Суворов полагался на рассказы австрийцев и собственные умозрительные заключения: «Из идущих из Италии российских войск выступает корпус генерала от инфантерии Розенберга, силою 6000 человек, … сентября из Белинцоны того же дня идёт до Донгио 14 миль, до Сента-Мария 12 миль, до Таветш 14 миль, и нападает при Урзерне и Тейфельс-брюке на неприятельской левой фланг при долине Рустальи и тыл Готгард-берга.

2000 австрийских войск, под командою генерала Ауфенберга становятся таким образом против Дизендиса в Мадеранер-таль, чтобы одним маршом могли также вступить в Амштейг и в Обер-Русталь. Корпус российской генерала от кавалерии Дерфельдена выступает из Белинцона и идёт в Гиорнико 14 миль, прибудет в Айроло с войсками полковника Штрауха, которые тоже 14 миль отдалены. Полковник Штраух и генерал Дерфельден выступают вперёд к Готгард-бергу. Первой держится тогда влево против Бедретто и закрывает левой фланг атакующего корпуса генерала Дерфельдена, которой поднимается на Готгард-берг и тотчас по северной стороне оной горы спускается до Тейфельс-брюка, чтоб с генералом Розенбергом соединиться; последний же в тот вечер или ночь, как скоро генерал Дерфельден к Тейфельс-брюку прибудет, к генералу Ауфенбергу до Амштейга (8 миль вперёд) сближается, дабы оной от неприятеля со стороны Альтдорфа не потерпел и дабы мы же точно во владении долины Амштейг оставались.

Генерал Дерфельден посылает тотчас от Урзерн, а позже от Гешенен и Вазен по весьма дурным горным дорогам около двух тысяч пехоты вслед за рассеянным и бегущим неприятелем до Енгельберга в кантон Унтервальден. Также должны пионеры (сапёры . — *А.З.*) тотчас от высоты горы Готгард-берга к Урзерн вперёд спешить, чтоб мост, называемой Тейфельс-брюке, буде бы оной неприятелем был испорчен, тотчас из крышек ближайших строений выправить.

Полковник Штраух остаётся на Готгард-берге и старается проход от Вализерланда в Русталь обеспечить.

Идёт генерал Ауфенберг и Розенберг к Альтдорфу 6 миль. Генерал Дерфельден следует чрез Вазен и Амштейг тоже вслед туда, которое расстояние составляет 18 миль; но посылает от зада своей колонны от Ертсфельден ещё около двух тысяч человек до Енгельберга, дабы дальнейшее следование к Швицу не было с тылу обеспокаиваемо. При всём том не должны все от Урзерна, Гешенена, Вазен и Ертсфельден за неприятелем следующие войски идти без повеления и также не оставаться на месте, но беспрестанно повсюду неприятеля беспокоить. Выступает вся колонна российская от Альтдорфа до Швица и идёт тот же вечер 14 миль далее.

Того же (числа) выступает генерал Готце с большею частью своих сил от Утшенах до Ейнзидельн в кантон Швиц; прежде соединяет он к себе 5000 человек корпуса генерал-лейтенанта Корсакова и одну часть генерала Линкена от Койре чрез Флимс и чрез малую долину, называемую Линт-таль до Швандена, и другой чрез Сарганц, прямо до Гларис, и оба потом вдоль озера

Кленталера до Ейнзидельн к себе присоединяет, к чему вышеречённой генерал расстояние и нужное время исчисляет, дабы вместе все в Ейнзидельн вступить могли. Как скоро генерал Готце в Ейнзидельн вступил, посылает он сильное отделение кавалерии на половину дороги к Швиц вперёд, которую российская колонна от Швиц на половину дороги к Ейнзидельн тож предпринимает, чрез что оба корпуса на кратчайшей дороге и без малейшей потери времени об обоих их вступлении в Ейнзидельн и Швиц извещать будут и генерал Готце ударяет от Ейнзидельн до Альбис 8 миль в правой фланг главной позиции неприятеля и там с корпусом генерал-лейтенанта Корсакова чрез Цурих соединяется и продолжает атаку.

Российской корпус из Италии пробирается от Швица между озёрами Цюгер и Люцерн до города Люцерн, к которому времени и прочие силы из Обер-Рус-Таль до Енгельберга (преследовать) бегущего неприятеля посылаемые войска, к левому берегу озера Люцерна до города Люцерна сближаются.

Таким образом может вся российская и австрийская армия от Люцерна вдоль правого берега Рус до впадения оного в Аару поставлена быть, чрез что не токмо большая часть Швейцарии завоёвана будет, но вероятно также, что после сего неприятель на левом берегу реки Рус остаться не может, потому что чрез Люцерн его правой фланг обойти можно. Почему с военною утвердительностью надеяться можно, что он чрез потерю своей прежней позиции при Альбис за Аару отступить должен будет.

Продовольствие следуемых из Италии российских войск будет от Белинцона таким образом учреждено, чтоб всякой солдат на 3 дни на себе имел, а на другие 4 на мулах возить; хотя они опорожненные мулы могут быть обратно назад посланы, но не можно на дальнее доставление точно надеяться, частью в рассуждении отдалённости, частью в рассуждении возможности, что дивизионный генерал Лорже полковника Штрауха может прогнать назад, и транспорты и коммуникационные дороги от Белинцоны чрез Готгард-берг не мог бы пересечь, и для того весьма нужно, чтоб запас на 4 дни для 20 000 человек, от стороны генерала Корсакова или Готце при Раперсвейлер был бы в готовности, дабы при первом соединении с нами в Швиц доставить оной.

Наконец напоминается всем, что обозы казённые, как и партикулярные, ни под каким видом не могут отсюда далее следовать, а должны возвратиться с орудиями по прежней диспозиции, то-есть артиллерия до Комо, а обозы до Вероны.

От казацких полков следует только к первой атаке один полк, а протчие остаются до дальнего повеления здесь, но посылают

партии между Айроло, Мугадино, Белинцона, Вареза, Новара, Арона и Граведона, именно позади корпусов полковника Штрауха и полковника Виктора Рогана, дабы в Обер-Вализерланде с 8000 человеками стоящей неприятель чрез своих доброжелателей извещаем был непрестанно о прибытии новых войск и тем бы приведён был в заблуждение и опасался всегда бы нечаянного нападения».

Под напором Суворова штабы работали в немыслимо ускоренном режиме. Это был далеко не единственный план из представленных союзниками в те дни, что дало повод Клаузевицу утверждать: «Чрезвычайно сложный стратегический план союзников становится причиной больших бедствий».

Тогда же, в начале сентября, Суворов пишет странные заметки, в которых политические впечатления переплелись с планами будущей кампании и размышлениями о ведении войны в Альпах. Но, пожалуй, главное в этой записке — грустное элегическое настроение, усталый и мудрый взгляд на жизнь: «Первое. Англичане верны. От природы поверхностны и поспешны, хорошие морские герои, плохие сухопутные рыцари.

Второе. Пещерная гидра умножает свои отрубленные головы, следовательно, ныне она ещё далека от своего конца.

А) Через Кони и т. д., на службе общего блага, как единственное неоспоримое средство, мы должны завоевать остальную Италию и обеспечить полную безопасность завоёванного, прежде чем нам можно будет думать о чём-либо другом.

Срок 2 месяца.

В) Если из общего целого этого важного дела будут оторваны хотя бы некоторые куски, то весь спектакль провалится.

С) В Швейцарии надо лучше знать устройство мостов, три минуты пастушьего часа дороги, но унтеркунфтс-бештимтзаген гофкригсрата, 3 потерянных месяца ещё дороже.

Около 100 000 австрийцев и русских должны наискорейшим образом покончить со всей Швейцарией, чтобы сообща проложить твёрдую дорогу для задушения гидры, что особенно нужно для помеченного в пункте «а».

1. Маккиавельская моя тайна.

Благодарность — большое бремя, пусть убирается прочь.

2. Тогда для кабалистов (здесь — интриганов. — *А.З.*) наступает свобода действий, возможно, даже вместе с некоторыми якобинцами.

3. Итак, опасность обманывает надеждой, неосведомлённость прикрывается осторожностью, а неудача совпадает с несчастьем».

Расчёты нового похода переплетались в сознании полководца

с философским настроем.

На излёте лета, в расцвет жаркого итальянского бархатного сезона, 28 августа армия Суворова двумя колоннами (ими командовали генералы Розенберг и Дерфельден) выступила из Ривальты и Асти в направлении Таверно. Узнав о наступлении частей Моро на Тортону и Серравалле, Суворов предпринял новый маневр: колонны повернули назад и через сутки были в Тортоне и Александрии. Моро произвёл разведку — и на него произвели впечатление сведения о нахождении русских частей в Пьемонте. Французы отступили на юг, избегая сражений.

В Таверно, по приказу Суворова, союзники заготавливали мулов и вьюки. Только Мелас исполнил этот приказ Суворова неудовлетворительно. Под Тортоной Суворов получил лишь малую часть мулов для нужд горной артиллерии, а остальные 1430 обещанных мулов должны были ждать русскую армию в Таверно. Но, прибыв в Таверно, мулов Суворов не увидел… Не кто иной, как великий князь Константин Павлович предложил использовать под вьюки казачьих лошадей — тем более что в горной войне спешенные казаки представлялись полезнее кавалеристов. Для горной войны казачьи лошади были «рыбой на безрыбье». Надо заметить, что казаки ревностно дорожили своими лошадьми и вряд ли рискнули бы своей главной собственностью, если бы не авторитет Суворова. В гневном письме императору Францу Суворов сетовал, что по австрийской вине он потерял преимущества «быстроты и стремительности нападения», потерял инициативу, потерял время. Ростопчину Суворов писал по-свойски, очень язвительно и откровенно: «Пришли в Белинцону, но нет лошаков, нет лошадей, а есть Тугут, и горы, и пропасти… Тугут везде, а Готце нигде». Шли дни. Мелас церемонно изливал извинения — и, наконец, доставил русской армии мулов. Но в проволочках прошло пять суток! Расставались Суворов и Мелас, как и знакомились, со взаимной неприязнью: «была без радости любовь — разлука будет без печали». Одно скрашивало пребывание Суворова в Таверно: знакомство с Антонио Гамбой, хозяином дома, где остановился Суворов. Они сошлись, подружились — и 65-летний Гамба вызвался быть проводником Суворова в Альпах. Он выступил в поход с русской армией, и вплоть до Кура постоянно находился при Суворове. Гамбу называли «живой русской прокламацией», настолько бросалось в глаза дружественное отношение к русским этого уважаемого пожилого швейцарца.

В Белинцоне Суворов определяет состав колонн, готовых к началу горной войны. Авангард генерал-майора князя Багратиона (ему, как мы снова видим, Суворов доверял особо, по существу,

приравняв к старшим по званию генералам), как и оставшиеся три колонны, состоял из 8 батальонов с пятью орудиями: два батальона Егерского полка самого Багратиона, два батальона Миллера, батальоны гренадер Ломоносова и Дендрыгина, батальоны Санаева и Калёмина. В дивизии Швейковского состояли по два батальона из гренадерского полка Розенберга и мушкетёрских полков самого Повало-Швейковского, Каменского и Барановского. При дивизии состояло шесть орудий. В дивизии генерал-лейтенанта Ферстера состояло по два батальона мушкетёров Милорадовича, самого Ферстера, Тыртова и Велецкого. Орудий при дивизии Ферстера насчитывалось также шесть. В дивизии полного генерала Розенберга шли два батальона егерей Кашкина, по два батальона Ребиндера, Мансурова и Фертча. Дивизия Розенберга двигалась в арьергарде, и, кроме шести положенных орудий, при ней было два резервных орудия. Кроме указанного количества орудий и снарядов к ним каждая дивизия получала по десять мулов для запаса ружейных патронов. Колонны должны были идти сосредоточенно, в тесноте, да не в обиде. А между колоннами предполагался интервал в двести шагов. В основу тактики горной войны Суворов ставит сочетание колонн с рассыпным строем — румянцевское нововведение, которое он использовал и развивал начиная с Туртукая: «Для овладения горою, неприятелем занимаемою, должно соразмерно ширине оныя, взводом и ротою или и более рассыпаясь лезть на вершину, прочие же батальоны во сто шагах следуют… Единою только твёрдою и непоколебимою подпорою колонны можно придать мужество и храбрость порознь рассеянным стрелкам, которые ежели бы по сильному неприятельскому отпору и не в состоянии были идти дальше, то должна колонна, не сделав ни одного выстрела, с великим стремлением достигнуть вершины горы и штыками на неприятеля ударить». Эти правила, разработанные накануне похода, очень точно описывают реальную тактику Суворова, это была действительно наука побеждать. Особое значение в «Правилах» Суворов придаёт маневрам охватов и обходов: «Не нужно на гору фрунтом всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно». В Альпах Суворов будет сочетать фронтальное давление с глубокими обходными маневрами, подчас внезапными для изощрённых противников. «Если неприятель умедлит овладеть возвышениями гор, то должно на оные поспешно влезать и на неприятеля сверху штыками и выстрелами действовать», — этими словами Суворов завершал свои правила ведения военных действий в горах — первые подобные правила в истории русской армии и, по мнению некоторых исследователей, первые столь

точные наставления по тактике горной войны в истории военного искусства Нового времени. Новаторство Суворова проявилось в решении вести в горах наступательную войну крупными дивизиями. Жомини объяснял это нарушение принятых законов войны невероятной силой суворовской воли. Он не собирался в горах отказываться от принципа «натиска» — наивысшего напряжения сил в решающий момент боя — как правило, это проявлялось в штыковых атаках.

Рядом с Суворовым в этом сложнейшем походе были старики — Дерфельден, Ребиндер, и молодые генералы — Багратион, Милорадович, Каменский. Мы незаслуженно мало упоминали подвиги одного из железных суворовских генералов Максима Владимировича Ребиндера (1730–1804). Он всегда был олицетворением надёжности, а в Швейцарском походе шеф Азовского мушкетёрского полка, израненный в боях генерал-лейтенант, через все испытания Альп прошёл с нечеловеческой выносливостью. А ведь он — ровесник Суворова — тоже был в 1799-м по понятиям того времени глубоким стариком. Суворов называл его, как и молодого Багратиона, по имени. Очень уж любил своего Максима. В походе генерал-лейтенант Ребиндер лишился подошв. Он прикажет укрепить сапоги сукном и в таком виде продолжит командовать своими азовцами.

Швейцарский поход начался 10 сентября, когда русские части выдвинулись из Таверно на север. Сам Суворов следовал к Белинцоне в составе корпуса Дерфельдена. У Бьяски к ним присоединилась австрийская бригада Штрауха. Первый бой войскам Суворова французская бригада Лекурба готова была дать у Сен-Готардского перевала. Начиналась горная война, невиданная по напряжению и чудесам воинской стойкости. И «старый скиф» Суворов в новых для себя условиях действовал отнюдь не прямолинейно, умело манипулируя небольшими, подвижными корпусами своей армии. Корпус Розенберга шёл отдельно от Суворова, по реке Тичино. А войска Дерфельдена после быстрых переходов остановились в Дацио, за десять вёрст до Айроло, где находились французские войска. Подходы к Сен-Готарду прикрывали французские бригады Гюдена и Луазона общей численностью 9000 человек. Атаковать их в горах было немыслимой задачей, на которую Суворов решился.

На штурм Сен-Готарда русские пошли тремя колоннами: центральная шла на французские позиции в Айроло, левая должна была прорубаться к верховьям реки Тичино, а правой, которой командовал Багратион, было суждено сыграть в сражении решающую роль. Войска Багратиона должны были обойти левый фланг французов, пройдя по крутым вершинам. В

диспозиции Суворов писал: «Первая или правая колонна, состоящая из авангарда князя Багратиона и дивизии генерал-лейтенанта Швейковского, выступив в 3 часа пополуночи, пойдёт по большой дороге до Валь-ди-Ведро и оттуда уже возьмёт вправо к Маддерана и чрез Балле атакует во фланг неприятельскую позицию при Боско. А как в этой позиции может быть не более 3 баталионов неприятельских, то упомянутая колонна с половины дороги к Боско должна отрядить 4 баталиона ещё правее, прямо к Госпису, на вершине С.-Готарда, чтобы отрезать совсем отступление неприятелю из позиции при Боско».

Появление Багратиона на высотах в кульминационный момент битвы и заставило французов спешно отступить. Суворов занял Сен-Готард. На одной из высот Сен-Готарда располагался странноприимный дом, хоспис, который содержала небольшая община. Приор радушно встретил Суворова, и после благодарственного молебна по случаю победы общинники угощали русских картошкой и горохом.

Войска Дерфельдена неотступно преследовали французов, спускаясь с вершин Сен-Готарда. На новых позициях французы были подкреплены прибывшими войсками Лекурба и собирались перейти в наступление. Но тут пришло известие о приближении войск Розенберга; французы испугались удара в тыл и заняли оборону у селения Госпиталь. Из Госпиталя французские батальоны удалось выбить только с наступлением темноты. Надо сказать, что во время сражения за Сен-Готард судьба войск Розенберга была неизвестна Суворову. У этой русской колонны в те дни был свой славный путь.

Авангард корпуса Розенберга, которым командовал неунывающий Милорадович, трое суток теснил французские аванпосты. Героически проявил себя в те дни старый соратник Суворова, Фёдор Васильевич Харламов, седовласый испытанный богатырь, недавно произведённый в генерал-майоры. Французы встретили русский авангард на вершине горы Криспальт. Милорадович атаковал неприятеля с левого фланга, полковник Мансуров — с правого, а по центру — Харламов с избранными им 170 храбрецами. Смелым броском они выбили французских стрелков с удобных позиций; неприятель спустился с горы и отступил в селение Урзерн, в долину. В Урзерне Лекурб оставил и резервы: французы готовились к нешуточному сопротивлению. Но и там русский авангард атаковал неприятеля; тихо скатившись с горы, он неожиданно с могучим «Ура!» бросился на не успевшего осмотреться врага. Дважды был ранен в этом бою генерал Харламов, но продолжал теснить французов. В Швейцарии ярость

русских штыковых атак возросла: в критической ситуации богатыри умели сметать любую преграду. И для старика Харламова это был звёздный час перед закатом. Третье ранение — картечью — остановило его, оказалось роковым. Русский генерал умирал в доме сельского священника, простившись с боевыми товарищами: «Дети, прощайте; служите Богу и царю по-прежнему». В реляции о Швейцарском походе Суворов напишет кратко, сперва — в описании боя: «Генерал-майор Харламов был в сие время впереди, оказал свою храбрость двукратным нападением в штыки и получил тяжёлую рану в плечо», а уж потом — перечисляя раненых: «Харламов в плечо навылет пулею». Это была тяжкая потеря для Суворова.

В Урзерне французы потеряли 220 человек убитыми и пленными, оставили победителям три орудия, немало боеприпасов и запас провианта, которого корпусу Розенберга хватило на сутки. Розенберг подумывал о преследовании врага. Но на горы пал туман, темнело — и погоня по неизученной местности представлялась слишком рискованным предприятием. Если бы он знал о положении войск Суворова и Дерфельдена — новая атака на французов принесла бы русской армии решительную победу. Лекурбу было бы не просто избежать полного уничтожения.

Войска Суворова расположились для ночного отдыха в районе деревни Госпиталь, откуда недавно отступили французы. Небольшой отряд под командованием генерал-майора Каменского Суворов спозаранку послал идти тихим маршем на левый берег Рейса, к Цумдорфу и Гешенену. В Гешенене отряд Каменского оказывался в тылу у французов, преграждавших дорогу армии Суворова у Чёртова моста. От воинов Каменского требовалась в тот день колоссальная выдержка, требовались упорство и выносливость, чтобы после трудного, скрытого перехода обрушиться на позиции противника, рассеять их и пуститься в преследование. Да, это был Архангелогородский мушкетёрский полк. Ему предстояло отличиться в бою за Чёртов мост. Молодой генерал Николай Михайлович Каменский был сыном старинного суворовского знакомца, графа Михаила Федотовича, с которым полководец так и не поделил победу при Козлуджах. К сыну недруга Суворов относился вполне уважительно, считал его храбрецом и героем, достойным великих дел. Рядом с фельдмаршалом сражался и его сын Аркадий — наконец-то отец его приблизил, проверив в боях.

В 6 часов утра с основными силами выступил из Госпиталя и Суворов. С Розенбергом он соединился в районе Урзерна. Войска двинулись вниз по реке Рейсе. Вскоре идти пришлось по туннелю

Урнер-Лох (урзернская дыра), пробитому в скалах, после чего узкая дорога по краю скалы проходила по Чёртову мосту, переброшенному через глубокую пропасть. Это впечатляющее сооружение состояло из двух арок общей длиной порядка тридцати метров. Первыми шли в наступление войска Розенберга и, раньше других — авангард Милорадовича. За ним — остальные войска Розенберга, а во вторую очередь — дивизия Дерфельдена. Бой начался при вступлении в туннель Урнер-Лох — три сотни французов с одной пушкой контролировали выход из туннеля. Сопротивление французов было преодолено с помощью фланговых движений: трёхсот героев, охотников славного полковника Трубникова, командовавшего батальоном в Орловском мушкетёрском полку Мансурова, послали в горы над Урнер-Лохом, других двухсот во главе с майором Тревогиным — через Рейсу, для угрозы тылу французов. Они пройдут по пояс в холодной воде, преодолевая сильное течение, — и, карабкаясь и спускаясь по неприступным скалам, окажутся на левом берегу обрыва, во французском тылу. Вслед за отрядом Тревогина Суворов послал батальон полковника Свищова. В этом сражении Суворов применил три обхода различной глубины — с помощью отрядов Трубникова, Тревогина — Свищова, Ауффенберга и, наконец, Каменского, который со своими архангелогородцами раньше других выступил в поход.

Завидев на склонах колонну Трубникова, французы, находившиеся по ту сторону обрыва, в панике принялись разрушать мост — теперь было очевидно, что с этим они припозднились. Охотники Трубникова пробрались по отвесному склону, закрепляясь на редких расселинах. Сработала суворовская система обучения!

Французы занимали оборону на левом берегу реки. Там находилось два батальона из числа отступивших от Урзерна. Передовой отряд французов оказался отрезанным от основных сил — и это использовал Милорадович. Его солдаты, прорвавшись через туннель, бросились на них в штыковую, всех перекололи либо столкнули в пропасть. Подойдя к мосту, Милорадович увидел, что малая арка, возвышавшаяся над левым берегом, была разрушена. Началась перестрелка с противоположных берегов обрыва.

Тем временем войска австрийского генерала Ауфенберга спустились с Дисентиса и показались во французском тылу. А архангелогородцы графа Каменского, посланные Суворовым в наиболее далёкий обход, обрушились на французов, а после отступления организовали их преследование.

Суворов, готовясь к сражению, предполагал, что мост придётся латать. Русские спешно принялись восстанавливать мост. Разобрали избу, натащили брёвен, перекинули их через обрыв. Славный майор князь С.В. Мещерский, безукоризненно служивший под началом Суворова в польскую кампанию 1794 г., первым связал брёвна собственным офицерским шарфом. Его примеру последовали многие. В 16 часов мост был построен. Первым ступив на бревенчатый мост, брат майора Мещерского Мещерский 3-й был смертельно ранен шальной пулей. По преданию, последними его словами было обращение к соратникам: «Друзья, не забудьте меня в реляции!» Подвиг майора Мещерского Суворов не забудет. Уже смертельно больной, в феврале 1800 г. Александр Васильевич будет ходатайствовать перед Ф.В. Ростопчиным о производстве героя в следующий чин, припомнив и о шарфе.

Австрийский 2,5-тысячный отряд Ауфенберга, сперва рассеявший французские посты у Амштега, не сумел остановить отступавшие войска Лекурба и Луазона. Французы, уступавшие австрийцам в численности, сумели опрокинуть войска Ауфенберга в Маддеранскую долину и отступить, занимая новые выгодные позиции на пути армии Суворова.

Войска прошли по Чертову мосту и остановились на ночлег в деревне Вазен. Суворов снова послал вперёд Милорадовича — его отряд к ночи оказался у деревни Вайлер, в трёх километрах от французского лагеря в Амшеге. И авангард превосходно проявил себя 14–15 сентября, с боями пробившись к Амшегу, где незадолго до этого войска Лекурба потеснили австрийскую бригаду Ауфенберга, наступавшую из Дисентиса.

В долине Рейса потрёпанные в бою австрийцы соединились с войсками Милорадовича, и они сообща двинулись к Альтдорфу, атакуя арьергард Лекурба. У Альтдорфа французы готовились к бою, шеститысячный корпус Лекурба занял позиции за рекой Шахеном. Под ударом подоспевших основных сил корпуса Розенберга французы отступили к берегам Люцернского озера. Русским войскам удалось одновременно ударить с фронта и флангов. Альтдорф был занят, там Суворов расположился на кратковременный отдых. «Среди долины ровныя» было куда комфортнее, чем в скалах — здесь зеленели луга и пашни, легче было найти фураж для лошадей и хлеб-соль для солдат. Армия нуждалась в существенной передышке. Роптание солдат вынудило бы любого командующего остановиться в Альтдорфе на несколько дней. Враг не мешал Суворову остановиться в Альтдорфе на продолжительный срок. Лекурб, уже не раз изведавший силу русского удара, не отважился бы здесь атаковать армию Суворова.

Это был не первый кульминационный и критический момент кампании. Не первый, но, как оказалось, решающий. Дорог по берегам Люцернского озера, о которых сообщали Суворову австрийцы, не существовало. Теперь-то полководец об этом знал наверняка. В Альтдорфе Суворов принял решение идти через горный хребет Росток, спуститься в Муттенскую долину, откуда шла прямая дорога к Швицу. Об этом решении Суворова восторженно писал Милютин: «Нужна была воля железная, чтобы решиться из Альтдорфа идти к Швицу; нужна была притом неограниченная уверенность в свои войска, чтобы избрать подобный путь. Суворова не испугало и самое расстройство, в котором находилась его армия: после семи дней тяжкого похода войска были утомлены до крайности; обувь изношена, провиант истощён»[6]. Это было решение истого максималиста — идти самым трудным и опасным путём, не теряя времени, уже на следующее утро после прибытия в Альтдорф. Самый хладнокровный из комментаторов суворовского похода — Карл фон Клаузевиц — и тот писал весьма эмоционально: «То, что Суворов потребовал этого от своей армии в том истощённом состоянии, в котором она прибыла в Альтдорф, свидетельствовало о невероятной силе воли полководца, и то, что он добился этого от неё, было свидетельством замечательной власти Суворова над духом своих войск. Осторожный полководец, если вообще можно себе представить такого полководца в подобном положении, остановился бы, а потом повернул бы вспять. Но Суворов чувствовал себя слишком сильным, чтобы отступать перед подобными трудностями, и слишком гордым, чтобы допустить даже мысль, что по собственной вине он не прибудет на тот сборный пункт борьбы, который сам назначил своим генералам. Ему не терпелось прибыть на этот сборный пункт, не теряя ни мгновения, и он его не потерял. Уже на следующее утро он выступил к Муттену».

В авангарде должен был идти отряд Багратиона — испытанного железного генерала. За ним — корпус Дерфельдена и бригада Ауфенберга. В арьергарде шёл корпус Розенберга, готовый отражать удары с тыла. Два таких удара Лекурб предпринял ещё в районе Альтдорфа. Атаки были отбиты с большими потерями для французов — и больше не повторялись. В ходе второй атаки Лекурб имел перед Розенбергом значительное численное превосходство, но русскому арьергарду удалось сберечь даже вьючных животных, умело отбивая все атаки, уничтожая противника. Этот умело организованный переход и арьергардные бои — одно из несомненных суворовских чудес. Лекурб умело маневрировал, помогая природе уничтожить

суворовскую армию на переходах, но от смелой наступательной тактики ему пришлось отказаться. Розенберг показал себя несгибаемым генералом, мастером ожесточённых арьергардных боёв.

В пять часов утра 16 сентября войска Багратиона по узкой тропинке побрели по скалам хребта Росток. Камни осыпались под шагами солдат; подчас подошвы скользили по глине. На вершинах хребта утомлённые войска шли сквозь облака, как во сне. Переход продолжался двенадцать часов. В 17 часов авангард уже спускался в Муттенскую долину. Получив сведения о небольшом французском отряде, который дислоцировался в деревне Муттен, Багратион решил разбить его, расчищая путь для основных сил армии. Ему удалось окружить французов. Сам Багратион с егерями наступал с фронта, с левого фланга шли казаки, с правого — гренадеры. После короткой атаки русских французы сложили оружие: 150 пленных доставил Багратион своему командующему. В арьергарде суворовской армии шёл корпус Розенберга, успешно отбивший у Альтдорфа атаки Лекурба. Войска Розенберга спустились в долину вслед за вьючным обозом — и французы опасались атаковать русский арьергард.

Но чаемое соединение со свежими русскими и австрийскими частями в Муттенской долине сорвалось — и уж конечно не по вине Суворова и его генералов. 14–15 сентября войска Массены на берегах реки Лимата, близ Цюриха, нанесли корпусу Римского-Корсакова чувствительное поражение. Давненько русские войска не терпели таких поражений! Остатки корпуса отступили к Шафгаузену. В то же время австрийский корпус Готце был разбит дивизией Сульта у реки Линт. В бою погиб сам Готце. Теперь французы намеревались окружить в Муттенской долине и уничтожить армию Суворова. Массена публично обещал в течение нескольких дней пленить легендарного Суворова. Кто знает — насколько силён был в этом утверждении политический подтекст. Кандидатов на вакансию диктатора, которую вскоре прочно возьмёт в свои руки генерал Бонапарт, в те дни было ещё не мало. И молодой, энергичный, авторитетный Массена не был чужд политических амбиций. До Суворова дошли сведения о громких высказываниях французского генерала, а не замечать брошенных перчаток русский фельдмаршал не привык.

Что же случилось под Цюрихом с войсками Римского-Корсакова? В многочисленных биографиях Суворова этому событию (как и личности генерала Римского-Корсакова) обычно уделяют немного внимания: бесславное поражение, которое

Массена нанёс не великому русскому полководцу, а заурядному генералу Римскому-Корсакову. Но Цюрих стал поворотным пунктом Швейцарского похода, после него вся война приняла угрожающий для России и суворовской армии оборот, и рассказывать о цюрихском крахе мы будем подробнее. Тем более что генерал Массена проявил себя в те дни как талантливейший и энергичный тактик — так и хочется сказать, перегибая палку, *как генерал суворовской школы* . У французов, разумеется, была и своя достойная школа.

Как мы уже знаем, русским корпусом в районе Цюриха командовал генерал-лейтенант Александр Михайлович Римский-Корсаков (1753–1840). Это был испытанный в боях с турками и шведами 46-летний генерал, давно уже действовавший в Европе против революционных сил. Начал службу Римский-Корсаков в лейб-гвардии Преображенском полку, в 25 лет был произведён в подполковники и с Черниговским полком принял участие в польских кампаниях 1778–1779 гг. Во второй екатерининской Русско-турецкой войне он отличился, сражаясь поначалу в союзнической австрийской армии принца Кобургского — рядом с Суворовым. В 1789 г. полковник Римский-Корсаков под командованием В.Х. Дерфельдена участвует в сражениях при Берладе и Галаце. Именно его Дерфельден пошлёт в Петербург с известиями о победах. Императрица наградит Александра Михайловича сразу чином бригадира, орденом Св. Георгия 4-го класса и престижным званием секунд-майора лейб-гвардии Конногвардейского полка. В 1793 г. отличившийся в кампании 1790 г. против Швеции Римский-Корсаков был произведён в генерал-майоры. С этого времени он принимает участие в европейских делах, защищая престолы монархий. Генерала Римского-Корсакова направили в Англию с деликатной миссией пребывать при герцоге Д`Артуа — будущем французском короле Карле X. В 1794 г. русский генерал запросился волонтёром в армию союзников, Австрии и Пруссии, которая воевала против революционной Франции. Тугут принял Римского-Корсакова в армию союзников, и русский генерал участвовал во фландрийских сражениях с французами — при Турне и Флеруссе. Когда союзникам пришлось оставить Фландрию, Римский-Корсаков ринулся на восток Европы, где Суворов сражался с революцией на польской земле. Римский-Корсаков немного запоздает к штурму Праги, но присоединится к армии Суворова. В 1796 г. генерал-майор Римский-Корсаков примет участие в Персидском походе графа Валериана Зубова. После смерти императрицы Екатерины вступивший на престол Павел назначит Римского-Корсакова инспектором по инфантерии. Служа в

столице, генерал проявит себя перед императором, заслужит высочайшее доверие. Его производят в генерал-лейтенанты. Летом 1799 г. Павел направляет корпус Римского-Корсакова в Европу, в Швейцарию, на помощь силам союзников. В июле Римский-Корсаков уже пребывал в Чехии, в Праге. В середине августа, после ухода войск эрцгерцога Карла из Швейцарии, Римский-Корсаков расположился в районе Цюриха, взаимодействуя с Суворовым и со стоящим на реке Линте австрийским корпусом Готце.

Был у Римского-Корсакова недостаток, проявившийся у многих офицеров победного екатерининского века: он с пренебрежением относился к противнику. Так, невысокого мнения держался о французских генералах. Высокомерие было жестоко наказано под Цюрихом 14–15 сентября 1799 г.

Следуя распоряжению Суворова, Римский-Корсаков отрядил пятитысячный отряд из своего корпуса для усиления армии Готце. Цюрихскую операцию французы продумали на совесть. Массена атаковал русские позиции под Цюрихом четырьмя дивизиями: Мортьё, Лоржа, Менара и Клейна общей численностью 32 000 человек. Дивизия Лоржа и часть дивизии Менара, образовав 15-тысячный корпус, должны были форсировать Лимат в районе Дитикона, разбить русские войска на правом берегу Лимата и подойти к Цюриху. Дивизии Клейна и Мортьё (18 000) начинали действовать против главных сил Римского-Корсакова, стоявших под Цюрихом. Ключевым пунктом начала сражения стал Дитикон. Это был наиболее удобный район для переправы: высота южного берега здесь господствовала над северным берегом, течение было несильным, а вогнутая на юг дуга реки и вовсе делала Дитикон предпочтительным пунктом переправы через Лимат. Дитикон находился под контролем русского отряда генерал-майора Маркова — около 1800 человек. Аванпосты Маркова располагались неподалёку от места переправы французов. Но войскам Лоржа и Менара удалось, соблюдая конспирацию, подготовить переправу через 110-метровый Лимат почти на глазах у противника. В ночь на 14 сентября на место переправы прибыл сам Массена. Авангард генерала Газана был переправлен через Лимат при мощной поддержке артиллерии. Постам Маркова не удалось нанести урон французской переправе, и вскоре неприятелю удалось навести понтонный мост. Марков занял позиции в лесу, на него двинулся авангард Газана. Это был один из храбрейших французских генералов — Оноре Теофиль Газан де-ла-Пейрьер, он ещё проявит себя как командир корпуса в Великой армии Наполеона. Газан двигался решительно, уничтожая преграды. Впечатляюще быстро

переправлялись и главные силы французов: за час — около 6000 человек. Марков построил свои три батальона в каре. Русская артиллерия — семь пушек — вела отчаянный огонь, но неприятеля было уже не остановить. Пользуясь численным превосходством, французы обошли позиции Маркова и разбили его отряд, захватив артиллерию. Сам раненный в бою, генерал Марков попал в плен.

К девяти часам утра Массена сумел без существенных потерь переправить через Лимат 15-тысячный корпус, командование которым он поручил своему начальнику штаба, генералу Удино. Генерал Менар с одной бригадой из собственной дивизии, по замыслу Массены, осуществлял отвлекающую, демонстративную переправу у Фрейденау. Генерал-майор Дурасов, в распоряжении которого было около 6000 войск, двинулся к Фрейденау, не придя на помощь к Маркову. Менар даже перевыполнил задачу: ему удалось переправиться и на весь день отвлечь силы Дурасова. Именно на генерала Дурасова обрушится гнев Суворова: его полководец назовёт главным виновником тяжёлого поражения при Цюрихе: «Поелику занят будучи одной лишь канонадой и угрожением переправы, не поспешал соединиться с прочими войсками, в бою бывшими». Конечно, такая картина подкреплялась донесениями Римского-Корсакова, которому всё-таки удалось сохранить остатки суворовского расположения. Император в рескрипте от 14 октября выскажет мнение, что Корсаков ошибся, не поддержав войсками отряд Дурасова, и попросит Суворова проанализировать действия Корсакова и других русских генералов в роковые цюрихские дни. Александр Васильевич Суворов, в душе имевший немало претензий к Корсакову, перед императором будет защищать хорошего друга своего приятеля принца Кобургского… Но вернёмся к обстоятельствам невесёлого русского бабьего лета под Цюрихом.

Когда Удино принимал командование над переправившимися через Лимат и уже почувствовавшими вкус победы войсками, генерал Римский-Корсаков со своими основными силами (до 13 000 человек) находился у реки Зиль. Он принял решение расширить фронт, отослав пятитысячный отряд генерала Горчакова в район Воллисгофена. Там Горчакову противостояла бригада генерала Друэ, выдвинутая Мортьё. Друэ удалось быстрым наступлением рассеять русские аванпосты, но превосходящие силы Горчакова оттеснили его, заставили спешно ретироваться. Друэ был отброшен через Зиль, а войска Горчакова преследовали его до горы Ютли. Массена бросил на поддержку отступавших сил Мортьё дивизию Клейна. Атака Горчакова захлебнулась, ему пришлось отступить за Зиль и примкнуть

обратно к основным силам Римского-Корсакова. А войска Удино почти беспрепятственно наступали к Цюриху со стороны Цюрихской горы — и это наступление было для Римского-Корсакова олицетворением неумолимого рока. Русский генерал послал войска через Цюрих к горам, но удержать наступления Удино не успел.

К вечеру Римскому-Корсакову приходилось подумывать уже об отступлении с минимальными потерями. От Готце вернулись посланные ранее к нему Римским-Корсаковым русские батальоны, а вместе с ними — и войска Бахмана, отряженные Готце в помощь русским. Французы отступили с гор, оставаясь на правом берегу Лимата. Массена направил к Римскому-Корсакову парламентёров с предложением капитулировать, которое русский генерал с жаром отверг. Римский-Корсаков получает известие о поражении австрийцев при Линте и собирает военный совет. Генерал-лейтенант барон Остен-Сакен, не уступавший Корсакову ни в звании, ни возрастом, предложил держаться до прибытия войск Суворова, который, как это было известно в Цюрихе, пробивался через Сен-Готард. Но командующий Корсаков принял решение оставить Цюрих и двигаться к берегам Рейна, сохраняя возможности маневрировать против Массены.

Ранним утром 15 сентября русские войска атаковали позиции французов на правом берегу Лимата. Им удалось оттеснить непрятеля, расчистив дорогу на Винтертур и Эглизау. Массена тем временем перестраивал свои войска для занятия Цюриха. Его войска были разобщены, и следовало опасаться прорыва главных сил Римского-Корсакова. До полудня шёл бой русских частей с войсками Удино. Римский-Корсаков начал общее отступление армии, которая ещё не была раздроблена новым наступлением французов. Отступление фланговым маршем на глазах у неприятеля было мероприятием рискованным до самонадеянности. Во главе колонн отступающего корпуса шла пехота, за ней — кавалерия, а замыкали движение обозы. Артиллерия (не менее ста орудий, по оценке Клаузевица, 60 — по оценке Милютина) двигалась параллельной колонной, прикрывая пехоту и кавалерию от настойчивых атак противника. Многие указывали на оплошность Римского-Корсакова: приняв решение об отступлении, он не отослал обоз рано утром, чем значительно облегчил задачу атакующих французов… Пожалуй, это можно объяснить только сомнениями генерал-лейтенанта, который не исключал возможности переменить решение и в случае удачного исхода сражений остаться в Цюрихе. Артиллерию, которая прикрывала отход войск, Римский-Корсаков отдал в жертву противнику, заслужив язвительный комментарий Клаузевица:

«Армия, теряющая всю свою артиллерию, тем самым как бы бросает знамёна своей части в растоптанную грязь по дороге своего бегства». Будущий граф Милютин уточняет Карла фон Клаузевица: была потеряна не вся артиллерия, а 26 орудий из 60 также весь зарядный ящик, весь обоз и палатки. В любом случае приходится признать, что атаки французов весьма эффективно перерезали колонны отступавших: врезавшись в колонны, они сделали невозможным продвижение артиллерии и обозов.

Когда Римский-Корсаков с основными силами уже отступал через Бюллах на Эглиазау, французы ворвались в Цюрих. Это случилось после часа пополудни. В городе оставалось до 600 человек русских солдат — караульных и отставших. Они приняли бой — и все были перебиты либо пленены. Не менее восьми тысяч человек убитыми и ранеными потерял под Цюрихом Римский-Корсаков. Современный исследователь интересно рассказал о семи потерянных под Цюрихом знамёнах, за которые русские герои дрались не щадя живота своего: «Мушкетерские Генерал-лейтенанта Пржебышевского (Курский) и Генерал-майора Измайлова (Шлиссельбургский) полки потеряли по 1 ротному (цветному) знамени обр. 1797 г., мушкетерский Генерал-Майора Тучкова 1-го (Севский) — 2, а мушкетерский Генерал-майора Маркова 1-го (Муромский) — 1 полковое (белое) и 2 ротных (цветных) знамени обр. 1797 г. 14-го числа 1-я мушкетерская рота Муромского полка с белым полковым знаменем тщетно пыталась пробиться сквозь неприятельские ряды. Один знаменщик был убит, его сменил унтер-офицер Деликамов, но и он, тяжело раненный, вскоре свалился без чувств; знамя взял прапорщик Тихановский 1-й, который также был ранен в голову, и передал полковую святыню рядовому Емельянову; последнему удалось незаметно скрыться со знаменем в соседний лес. В пути на него, безоружного, напал французский солдат, но в то время, как враг уже занес над мушкетером штык, Емельянов ударил его древком по голове с такой силой, что француз свалился замертво. Оторвав от древка полотнище и спрятав его на груди под кафтаном, Емельянов отправился разыскивать своих, но, не зная местности и языка, он около двух недель бродил по лесам и полям, питаясь овощами и кореньями, пока не попал в руки французского патруля. Отправленный военнопленным во Францию, Емельянов более года хранил знамя у себя на груди, затем в 1801 г., по освобождении из плена, представил знамя в полк. За этот подвиг он был произведен в прапорщики. Остальные два знамени попали в плен. На следующий день знамёна потеряли прочие полки. Известны имена французских солдат, взявших в плен русские знамена: лейтенант Жан-Ноэль Кошеле из 102-й линейной

полубригады и марешаль де ложи Анри Стеффен из 17-го драгунского полка».

Рядом с позором и трагедией живут и подвиги. Массена в реляции указывал, что русские в этом сражении проявили изумительную стойкость. По свидетельству Петрушевского, офицеры говаривали тогда, что «их побил не неприятель, а собственный генерал». Мужественный генерал-лейтенант Остен-Сакен с пулевым ранением в голову попал в плен, но разве можно бросить камень в генерала за такое пленение? Полковник Павел Энгельгардт прорвался со своим полком из окружения и, один из немногих, заслужил за Цюрих награду — очередной чин генерал-майора. С оставшимися десятью тысячами войск Римскому-Корсакову удалось отступить, с боями пробиваясь сквозь французские войска, и занять новые позиции у Шафгаузена. Контролировать его дальнейшие действия Массена поручил корпусу Удино, а сам с дивизиями Мортьё и Клейна (мало потрёпанными в боях при Цюрихе) двинулся навстречу Суворову.

Против утомлённой боями и переходами суворовской армии французы бросили несколько формирований: в Альтдорфе стояла усиленная свежими силами дивизия Лекурба, в Клентале, на пути к Гларису — бригада Молитора. У Швица выход из долины преграждала дивизия Мортьё, которую удалось быстро привести в порядок после действий под Цюрихом.

Донесение генерала Линкена о поражениях союзных войск Суворов получил 18 сентября. Самые пессимистические сведения, поступавшие от местных обывателей, подтвердились, а слухи о победе генерала Линкена развеялись как дым перегорелого костра. Линкена бодро теснили войска Молитора. На военном совете Суворов был как никогда резок, открыто назвав австрийскую политику предательской. Роковой и злонамеренной оплошностью Вены Суворов считал пятидневную задержку войск в Таверне. Именно эта задержка помешала Суворову вовремя прибыть к Швицу и выручить Римского-Корсакова.

Суворов изначально опасался, что его блестящий план наступательной операции в Швейцарии не будет реализован из-за австрийских перестраховщиков. Но к такому удару он вряд ли был готов. Армия Суворова оставалась непобедимой, но обстоятельства не давали ей завершить кампанию решительной и полной победой. Теперь Суворов был убеждён, что у Швица Массена встретит его армию превосходящими силами, и это предположение оказалось верным.

Речь Суворова на том военном совете была записана «старым воином» Я.М. Старковым со слов генерала Багратиона. Это

уникальный, хотя и не вполне достоверный источник. Вполне вероятно, что Суворов говорил в тот вечер что-то подобное: «Корсаков разбит и прогнан за Цюрих! Готц пропал без вести, и корпус его рассеян. Прочие австрийские войска… шедшие для соединения с нами, опрокинуты от Гларис и прогнаны. Итак, весь операционный план для изгнания французов из Швейцарии исчез!.. Теперь идти нам вперёд на Швиц невозможно. У Массены свыше 60 тысяч, а у нас нет полных и 20-ти. Идти назад стыд! Это значило бы отступать, а русские и я никогда не отступали!.. Мы окружены горами; мы в горах! У нас осталось мало сухарей на пищу; а менее того боевых артиллерийских зарядов и ружейных патронов. Мы будем окружены врагом сильным, возгордившимся победою… победою, устроенной коварною изменою!.. Помощи теперь нам ожидать не от кого; одна надежда на Бога, другая — на величайшую храбрость и величайшее самоотвержение войск, вами предводимых. Это одно остаётся нам. Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире! Мы на краю пропасти!.. Но мы русские!»[7]. Эти слова трудно позабыть. Они сохранились в легендах.

В отчаянном положении Суворов предложил пробиваться к Гларису, следуя на северо-восток от Муттенской долины, через гору Брегель. По плану Суворова первой вступить в бой с французами следовало бригаде Ауфенберга, которая немедленно должна была занять гору Брегель, сбив неприятельские посты. Следующим утром в дело должны были вступить авангард Багратиона и дивизия Повало-Швейковского. Важная роль отводилась и арьергарду Розенберга и Ферстера, прикрывавшему смелый марш-маневр основных сил армии.

Бригада Ауфенберга успешно выполнила боевое задание, разбив батальон, оставленный Молитором у Брагельберга, и расположилась на ночлег не доходя до Клёнтальского озера. На рассвете 19 сентября выступили войска Багратиона и Повало-Швейковского, а за ними и основные силы Суворова. К 15 часам они спустились в долину. Молитор всё ещё преследовал отряд Линкена, но, узнав о продвижении Ауфенберга, вернулся к Брагельбергу. Утром французская дивизия Молитора атаковала войска Ауфенберга. Австрийская бригада отступила — и готовый капитулировать Ауфенберг уже вступил в переговоры с французами. Лишь завидев приближение войск Багратиона, он отбросил колебания и отказался от капитуляции. Багратион с марша бросил войска в бой: атаковал Молитора двумя батальонами с фронта, четырьмя — с правого фланга, а егерским полком — с левого. Атака утомлённым, ожесточённым солдатам Багратиона удалась на славу. Французы были отброшены, несли

немалые потери.

Отступив, Молитор расположил войска на восточном берегу Клёнтальского озера. Он занял неприступную позицию по горному откосу, за каменной церковной оградой. Багратион несколько раз атаковал это укрепление, но опрокинуть войска Молитора до наступления темноты не удалось. Тогда Багратион предпринял обходной маневр, застрельщиком которого стал командовавший егерским полком граф Цукато. Ночью он с правого фланга обошёл позиции Молитора. За егерями шли шесть батальонов. С фронта атаковать Молитора были готовы оставшиеся силы авангарда. На рассвете французы заметили приближение противника и открыли огонь. Но энергичная атака с тыла и с фронта заставила Молитора отступить.

Новую позицию Молитор занял между рекой Линт и горной грядой, у деревни Нефельс. Быстрой атакой Багратион и здесь опрокинул войска Молитора, заняв Нефельс. Войска Молитора, усиленные подкреплением (к нему подоспели войска генерала Газана), вернулись к Нефельсу — и завязался упорный бой. К вечеру 20 сентября авангард Багратиона выполнил боевое задание: дивизия Молитора оттеснена на север, и Клёнтальская долина была открыта для армии. В Нефельсе продолжалось сражение, когда Суворов приказал Багратиону двигаться к Нетшталлю. По плану Суворова Молитора целесообразно было оставить в Нефельсе, а русские войска расположились в Нетшталле и Гларисе.

Что касается корпуса Римского-Корсакова, ему Суворов предписал двигаться к Линдау, куда и сам направлялся с боями. Разбитый Массеной генерал-лейтенант стремился загладить свою вину, стремился отличиться, хотя и был удалён от основных событий второй половины сентября, расположившись лагерем в Шафгаузене. У Констанца стоял трёхтысячный отряд принца Конде — армия французских эмигрантов-монархистов, подкреплённая австрийцами и русскими. Бои Корсакова и Конде проходили с переменным успехом. Основные события развернулись 26–27 сентября. Римский-Корсаков намеревался соединиться с Конде, заняв Констанц. Его корпус выдвинулся в поход, дважды сталкиваясь с французскими отрядами, предупреждая их наступление на Шафгаузен — 26 сентября у деревень Шлат и Диренгоф. У Шлата пехота Римского-Корсакова стремительно атаковала дивизию Менара, отбросив французов до Андельфингена. Массена подкрепил Менара резервами, и им удалось контратакой выбить Римского-Корсакова из Шлата, после чего русские дважды отражали атаки французов на укрепления

возле моста. Массена отступил, а Римский-Корсаков продолжил наступление. Как писал Суворов в реляции императору, стремясь всё-таки создать более-менее благоприятное впечатление о действиях генерала, который вот-вот попадёт в заслуженную опалу, — неприятель «наконец был разбит и прогнан до реки Тур. Урон его состоит: убитыми более тысячи, но пленных только пятьдесят и отбито две пушки. С нашей стороны убито мушкетёрских полков графа Разумовского полковник Нечаев, Тучкова — порутчик Перцов, гренадерского Сакена — подпорутчик Пивоварович и Воинова кирасирского — корнет Богуш; нижних чинов 266, ранено обер-офицеров 17, нижних чинов 477». В руках Римского-Корсакова и после Цюриха оставались значительные силы — а как нужны были эти люди в Муттенской долине, где за поредевшими походными колоннами Суворова плелись обозы и раненые, где каждая пара солдатских рук была на счету. Атаковали французы и позиции принца Конде в Констанце. Суворов сообщал в Петербург: «Принц Конде извещает меня, что 27 сентября атакован он был французами в Констансе, где против превосходного вдвое неприятеля держался 7 часов и напоследок принуждён был уступить, потеряв убитыми до 200 человек, да без вести пропавшими за 50 и 4-х офицеров; ранено у него до 500 человек; сам у неприятеля убил более 300 и пленил при 2-х офицерах 30 рядовых и отбил одно знамя». Суворов чувствовал приязнь к Конде не только из-за прославленной фамилии, об истории которой наш полководец, несомненно, читал и в детские годы. К французам-роялистам Суворов вообще относился сочувственно, как к попавшим в беду, как к аристократам, преданным собственным народом. Боевые же качества французов — что противников, что союзников — у Суворова вызывали прочное уважение.

19 и 20 сентября, когда авангард Багратиона сражался в Клёнтальской долине, корпус Розенберга вёл арьергардные бои в Муттенской долине. Семитысячный корпус Розенберга принял бой с пятнадцатитысячным отрядом во главе с самим Массеной. В этом бою Розенберг, уже прошедший суворовскую школу, переиграет французов диспозицией и прикажет действовать штыком, не теряя времени на пальбу. Первый удар французов принял на себя полк Белецкого, который, отбиваясь, отступил к левому флангу, заманивая неприятеля в долину, где его встретили построенные в боевом порядке войска Розенберга. Широкой линией русские бросились в штыковую атаку. Суворов писал об этом в общей реляции императору о Швейцарском походе: «Полки: Ферстера, Белецкого, Мансурова и егерский Кашкина на бегу не преставали поражать его, а баталион Ферча,

усмотря оное, також бросился вслед и продолжал делать то же». 19 сентября русские войска отбили несколько атак Массены, отбросили французов к самому Швицу. Русские дрались храбро, а французский генерал опрометчиво не побеспокоился о контроле над высотами долины. В рядах полка Мансурова сражался герой недавних боёв за Сен-Готард и Чёртов мост полковник Трубников. Он был смертельно ранен. Героями двухдневного боя были генералы Ребиндер и Милорадович. 19 сентября, отбивая атаки французов, азовцы Ребиндера браво кололи врага и забирали пленных. На них наступала дивизия Мортье — будущего наполеоновского маршала и военного губернатора Москвы. На следующий день Массена предпринял решительную контратаку, лично возглавив наступление, но корпус Розенберга снова выстоял и мощной ответной контратакой разбил противника. Отменно командовал штыковыми атаками Милорадович. 5 орудий и 1000 пленных захватил Розенберг в этих боях — включая одного генерала и пятнадцать офицеров. Солдаты захватили богатую добычу: съестное, деньги, ценности. Главной добычей был генерал… Лакур. Розенберг в реляции Суворову назвал его Лакургом. А в реляциях Суворова Лакург превратился в Лекурба — так было привычнее, имя знаменитого генерала вертелось на языке, а в пылу сражений ошибку не заметили. Вот и заговорили историки и комментаторы о пленении знаменитого французского генерала, не раз бившего австрийцев — и до Альп, и после.

Родилась даже легенда о пребывании Лекурба в русском плену: несколько недель спустя, отпуская Лекурба из плена, Суворов, по преданию, подарит ему цветок для молодой жены. Этот цветок Лекурб будет хранить как реликвию. Может быть, в истоках этой легенды — история, произошедшая с генералом Лакуром? Реальный же Лекурб, продолжая сражаться под командованием Массены, и впрямь в те дни и недели проникся уважением к Суворову, о котором благоговейно вспоминал и через годы. Но в Муттенской долине Лекурб в плен не попадал!

Клаузевиц, кратко описывая успешную контратаку Розенберга, отбросившего превосходящие силы противников за Швиц, о пленении Лакура предпочитает умалчивать… Клаузевицу, подробно описавшему кампанию 1799 г., можно послать ещё один упрёк: описывая победы русских, он почему-то забывает о своей манере детально описывать сражения и практически даже не упоминает таких заметных русских генералов, как Милорадович, Ребиндер, Денисов… О сражении в Муттентальской долине Суворов с гордостью вспоминал в последние месяцы жизни: прославленные французы были

посрамлены, хотя их положение в Муттенской долине никак нельзя назвать невыгодным. Массена отказался от намерения разбить русских в Муттенской долине и направился на соединение с бригадой Молитора и дивизией Газана. Уходя из долины, Розенберг послал в Швиц приказ о заготовке продовольствия на целый корпус солдат. Узнав об этом, французы готовились к новому нападению русских из Муттенской долины. А Розенберг тем временем и не думал оставаться в долине. Его войска, прославленные победами в арьергардных боях, уже следовали за главными силами Суворова к Гларусу.

Суворов не составит об этих боях привычной подробной реляции: для этого не было времени. Сражения сменялись новыми боями и переходами. Только в письме эрцгерцогу Карлу, написанном в Паниксе, в смертельном утомлении Суворов кратко расскажет о славных делах: «Между тем генерал Розенберг выгнал 19–20 сентября из долины Мутен самого Массену. 20–21 напал на войска, пришедшие к его подкреплению, и принудил их бежать обратно в Швиц с потерей генерала Лекурба, более тысячи пленными и такового же числа убитыми и ранеными. Розенберг восстановил спокойствие». Вообще переписка с Карлом становилась всё резче, немало взаимных оскорблений нанесли друг другу разгорячённые корреспонденты. Позже эрцгерцог издаст книгу «История кампании 1799 г. в Германии и Швейцарии», в которой охарактеризует военное искусство Суворова как «стоящее на стадии детства». О русской армии он напишет: «Их достоинство основывалось, главным образом, на чувстве их физической силы, играющей решающую роль в единичных битвах и в рукопашных боях».

Это уникальное сражение, его исход только и можно объяснить суворовским определением: «чудо-богатыри». Выстоять в отчаянном положении, победить в меньшинстве, в ожесточённой драке свежего, сытого врага — и доставить командующему пленных. Чудо, истинное чудо. Великая победа русского штыкового удара, несгибаемого духа.

В ночь на 21-е арьергард покидал Муттенскую долину. Тяжелораненых оставили в Муттене с фельдшерами и запиской французскому командованию. Война не была тотальной: противники имели основание полагаться на великодушие друг друга. Записку французам передал штабс-капитан Сенявин, который в 1800 г. вернётся в Россию с ответным документом, где французы свидетельствовали об исполнении рыцарского долга.

В горах выпал снег, и переход через Брегель затянулся. Пришлось ночевать в горах, а в Гларис Розенберг прибыл только 23 сентября. Итак, все войска Суворова расположились в Гларисе,

и выход из окружения в Муттенской долине завершился успешно. В Гларисе, благодаря трофеям и помощи местного населения, солдатам выдали пшеничных сухарей и по фунту сыра. Великий князь Константин Павлович, который в Италии многому научился у Суворова и у других героев, блеснул благородством, расплатился с местными крестьянами за продовольствие, чтобы все знали, что русский солдат — не грабитель. Сыр русским солдатам не пришёлся по вкусу: гниль какая-то, да и только. Зато уж офицеры вдоволь, до оскомины полакомились швейцарским сыром. Великий князь в Альпах держался молодцом, смело пробивался в авангардном отряде Багратиона, не считаясь с лишениями небывалого похода. И ещё одно вынес великий князь из суворовских походов: презрение к австрийцам, доходившее до нескрываемой ненависти. По указанию отца Константин Павлович возвращался в Россию, минуя Вену. По собственной инициативе он избегал контактов с австрийцами, не бывал с ними под одной крышей и не раз требовал, чтобы цесарцы покинули помещение, куда входил великий князь. Только для одного родовитого австрийца он сделает исключение — для принца Кобургского. Константин Павлович даже заедет в Кобург с приветом от Суворова. Старый боевой товарищ передаст ответное письмо через великого князя. Член императорской фамилии, по-рыцарски вступивший в войну, имел право чувствовать себя оскорблённым лицемерной политикой Вены. Но на Кобурга — старинного, проверенного друга России — раздражение не распространялось.

Ощущалась острейшая нехватка боеприпасов. В том же письме эрцгерцогу Карлу Суворов признавался: «В этих упорных сражениях мы истратили все свои заряды и потому принуждены были избегать новых сражений».

Учитывая это обстоятельство, Суворову предстояло выбрать маршрут для выступления из Гларис. Северный путь лежал через Нефельс и Моллис. Там предстояли встречи с превосходящими силами французов. И Суворов избрал более гористый, суровый, но свободный от французов путь через хребет Паникс (Рингенкопф).

Можно ещё раз изумиться быстроте суворовской мысли и вере в неутомимость войска: армия в полном составе пребывала в Гларисе менее суток — и ринулась в новый опасный поход. Последний горный переход суворовской армии начался в ночь на 24 сентября. В авангарде шёл отряд Милорадовича, в арьергарде остался Багратион, сменив утомлённые войска Розенберга. Снова выпал снег — и весь день 25 сентября армия медленно двигалась через хребет. К вечеру авангард Милорадовича вышел к деревне

Паникс. Основные войска провели ночь на вершинах хребта, обледеневая на морозе. С утра Суворов приказал спускаться — остались воспоминания о тех часах похода: «Глаза мои встречали нашего неутомимого вождя, бессмертного Суворова. Он сидел на казачьей лошади, и я слышал сам, как он усиливался вырваться из рук двух шедших по сторонам дюжих казаков, которые держали его самого и вели его лошадь»[8].

Массена попытался организовать преследование русской армии. Но переход через Паникс надёжно прикрывали ощетинившиеся войска Багратиона. У Гларис семитысячный французский отряд атаковал Багратионов арьергард. Ожесточённая штыковая атака отбросила французов. Багратион приказал преследовать их до Гларис — это была победа, вырванная зубами, на отчаянии. Ни артиллерии, ни патронов у Багратиона не было. Стремительная атака охладила пыл французов: дальнейших попыток преследования не было. Суворов и в сложнейшем положении, когда главной задачей стали сбережение войска и уход от смертельной опасности, оставался приверженцем войны наступательной, он смело бросает свои войска на неприятеля и по-прежнему использует «фурию» штыковой атаки. И в Альпах подтвердилась мысль Дениса Давыдова: «Он предал анафеме всякое оборонительное, ещё более отступательное действие в российской армии и сорок лет сряду, то есть от первого боевого выстрела до последнего дня своей службы, действовал не иначе как наступательно».

В авангарде пробивался по узкой дороге через хребет Рингенкопф (Паникс) отряд Милорадовича, за ним медленно — отнюдь не привычными солдатскими шагами — шли остальные части, шёл Суворов, изображавший для солдат неунывающий вид. Разобравшись с противником, брёл вслед армии арьергард Багратиона. Шли весь день 24 сентября. В ночь на 25-е Суворов основные силы расположил в деревушке Эльм — на краткий беспокойный отдых. В 2 часа ночи армия продолжила поход, чтобы 25-го встретить последние нечеловеческие испытания.

Спуск с вершин хребта был кульминацией последнего перехода и очередным страшным испытанием. Погибали последние лошади и мулы. Люди оказались крепче лошадей, крепче металла. Много лет спустя в русской армии ходили рассказы о том, как Суворов, увидев своих голодных солдат, хлебающих ложками воду из горной речки, спросил у них: «Что, братцы, хлебаете?» «Альпийский суп», — хмуро ответили старики. Тогда фельдмаршал достал свою ложку и присоединился к ним, нахваливая альпийский суп. После этой трапезы Суворов с таинственным выражением лица прижал палец к губам и

прошептал: «Ребята, тут в двух переходах от нас французишки засели. У них там всего напечено и наварено. К утру там будем — всё наше будет. Только чур — молчок!»

Израненные полки продвигались вперёд. В Альпах были минуты, когда уныние охватывало даже видавших виды чудо-богатырей. Тогда, вспомнив свою капральскую службу, Суворов весело пел: «Что девушке сделалось? Что красной случилось?..» Русская песня взметнулась над Европой.

Милорадович с авангардом был в Паниксе в ночь на 26 сентября. Все войска сосредоточились у деревни Паникс к концу дня. Перед этим главные силы Суворова заночевали на холодных вершинах. После короткого отдыха армия двинулась к Иланцу, где расположилась на ночлег. В Иланце войскам удалось обогреться, обсушиться после горных переходов и кое-как подлатать платье и давно обветшавшую обувь. 27-го Суворов был уже в городе Кур, где наконец дал израненным войскам двухдневную передышку. Получив кое-какой провиант, армия двинулась по рейнской долине и 1 октября прибыла к городу Фельдкирху. Под Фельдкирхом Суворов приказал разбить лагерь. Этот день считается окончанием Швейцарского похода. «Русский штык прорвался сквозь Альпы». «Орлы русские облетели орлов французских» — всё так.

Один из первых письменных рассказов о походе предназначался не кому-либо из влиятельных столичных вельмож, а косвенно подчинённому… Флотоводец Ушаков в Италии не только разбивал неприятеля на море, но и применял десант, по-суворовски штурмовавший вражеские укрепления. По указанию Суворова в марте — апреле 1799 г. адмирал Ушаков отправил в поход отряд из восьми кораблей под командованием контр-адмирала П.В. Пустошкина. Отряд действовал в районе Анконы, блокируя действия французских и итальянских корсаров, а также десантными операциями освободил от французов несколько местечек на северо-восточном побережье Италии. Отряд Пустошкина блокировал с моря Геную, лишив французов возможности снабжать армию за счёт морских перевозок. Суворов чувствовал поддержку флота и проникался всё большим уважением к Ушакову. В октябре 1799 г. Суворов в знак особой приязни послал адмиралу Ф.Ф. Ушакову подробный письменный рассказ о Швейцарском походе: «Выступя из Италии, проходили мы неприступные места чрез швейцарские горы, где всюду неприятеля поражали, и даже когда Массена атаковал задние войски наши, был от Розенберга разбит, потеряв разноместно в горных сражениях убитыми: генерала Легурье, разных чинов свыше 4000, да в плен нам доставшихся: генерала Лекурба, троих

полковников, 37 штаб— и обер-офицеров и нижних чинов 2778, 11 пушек и одно знамя. Ваше высокопревосходительство о сём извещая, посылаю полученные мною на имя ваше пакеты и всевысочайший рескрипт, при котором препровождается сабля турецкому капитану Зеллеру, другой со вложением именных высочайших грамот и три из Государственной военной коллегии указа». Извечные противники Суворова, турки, в той кампании были союзниками России. Напомним читателям, что фамилия Лекурба упомянута Суворовым по ошибке, вместо другого пленённого французского генерала.

Длинная (хотя и весьма беглая: сражений за две недели похода было немало!) реляция Суворова о Швейцарском походе была читана в высочайшем присутствии при благодарном молебствии.

Из России приходили лестные для Суворова новости. Павел повелел: «В благодарность подвигов князя Италийского графа Суворова-Рымникского … гвардии и всем Российским войскам даже в присутствии Государя отдавать ему все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества». Этот указ стал предвестием нового производства — в генералиссимусы. 28 сентября 1799 г. Суворов получает этот высший воинский чин. Военная Коллегия получила Высочайшее Повеление вести переписку с генералиссимусом «сообщениями, а не указами»; Высочайше повелено в храмах Российской империи провозглашать «многие лета» генералиссимусу сразу вслед за «многие лета» императорской фамилии. Вот она, кульминация суворовской славы. Павел объявил конкурс на прижизненный памятник генералиссимусу Суворову (итогом конкурса стала работа скульптора Козловского, установленная на Царицыном лугу, увы, после смерти Суворова и гибели Павла, в 1801 г.).

В истории России и Советского Союза было пять генералиссимусов: А.С. Шеин, Антон-Ульрих Брауншвейгский, А.Д. Меншиков, А.В. Суворов и И.В. Сталин. В этом ряду Суворов выделяется истинно солдатской биографией. Впрочем, «военная косточка» отличает Суворова из всего длинного списка генералиссимусов, от Абдул-Керима до Якова Йоркского. В этом списке есть выдающиеся полководцы — Евгений Савойский, Веллингтон, Монтеккокули, есть видные политики, проявившие себя и на полях брани — Ришелье, Мальборо, Франко, Чан Кайши. Многие получили высшее военное звание случайно, заодно с громким титулом или вместе с любовью того или иного щедрого монарха. Израненный в боях Суворов стал генералиссимусом, потому что снискал звание непобедимого. Павел писал в своём рескрипте: «Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов

Отечества, недоставало вам одного рода славы — преодолеть и самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх: поразив ещё злодеев веры, попрали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистью против вас вооружённых».

Граф Ростопчин в письме Суворову от 29 сентября писал: «Да спасёт Господь Бог вас за спасение славы Государя и Российского войска. Я так много терпел в это время, что теперь болен и с трудом мог читать реляцию вашу, но никому не хотел уступить. Государь вас произвёл в генералиссимусы и мне изволил сказать: «Это много для другого, а ему мало; ему быть Ангелом!» Что скажут злодеи ваши и злодеи геройства? — Казнён язык их молчанием. Я всё велел напечатать, и реляцию и Рескрипт; пусть все читают и поют хвалу Богу, и молят Его за здравие ваше: вы новою и невиданною ещё до сих пор славою покрыли оружие Российское». Ростопчин, найдя нужный тон для письменных и устных бесед с Суворовым, не преминул сообщить и о награждении Егора Фукса Аннинским орденом второй степени и чином действительного статского советника.

Скрупулёзный Д.А. Милютин приводит такое свидетельство о французских потерях в сражениях с войсками Суворова в Альпах: «Дедон слышал от самого генерала Удино (начальника штаба армии Массены), что, по всем собранным справкам, потеря французов за весь Швейцарский поход, т. е. в течение 15 дней, достигала до 6000 человек убитых, раненых и пленных». Судя по количеству пленных, доставленных русскими, — 1400 (а конвоировать в условиях трудных переходов было проблематично) — эта цифра не кажется преувеличенной.

В Швейцарии о Суворове сохранилась добрая память. В отличие от генерала Массены он не стремился к личным трофеям, не обижал обывателей грабительскими поборами. Скажем, после победы над корпусом Римского-Корсакова Массена реквизировал в Цюрихе всё, что нашёл — хлеб, зерно, вино, быков. И выходило, что «французские солдаты жили в домах местных жителей и забирали всё, что им хотелось. Современники рассказывают, что, в то время как швейцарцы испытывали большую нужду в мясе, солдаты кормили им собак» (Ж. Дюплен, швейцарский историк). Куда умереннее вели себя суворовские чудо-богатыри, не говоря уж о самом фельдмаршале, который, будучи слугой монархов, всегда довольствовался царскими наградами и чурался трофеев.

После того как 28 октября 1799 г. император пожаловал Суворову звание генералиссимуса всех российских войск, многое изменилось в привычном армейском обиходе Суворова. Отныне

военной коллегии было велено вести переписку с Суворовым не указами, а сообщениями. Несмотря на награды, Суворов не считал кампанию оконченной. Ещё 26 сентября, из Паникса, он писал эрцгерцогу Карлу: «Если ваше королевское высочество сделаете нужные распоряжения о снабжении меня съестными припасами и муницией, о чём отнёсся я к генералам Линкену, Елачичу и Петрашу, то я мог бы в соединении с войсками генерала Петраша двинуться к реке Тур. Но сказать о сём точнее можно будет не прежде, как по вступлении моём в Майенфельд или Фельдкирхен, если при том в течение трёх или четырёх дней, потребных для этого, не переменятся обстоятельства». Суворов был готов продолжить уничтожение французской группировки. Он собирался ударить из Фельдкирхена на Винтертур, по «крепкому стану армии Массены». В этой операции Суворов намеревался задействовать войска принца Конде и Римского-Корсакова и просил о содействии эрцгерцога Карла. Но Карл не был готов к решительным действиям, к ожесточённой войне. Ответ Карла пришёл с задержкой. В нём австрийский полководец предлагал собственный план, более осторожный, нацеленный на медлительные действия. Выяснив, что Карл намеревался подкрепить армию лишь двадцатью тысячами из своих войск, Суворов понял бесперспективность операции. На военном совете 7 октября резолюция Суворова была резкой: «Кроме предательства, ни на какую помощь от цесарцев нет надежды, чего ради наступательную операцию не производить». Десять дней армия отдыхала от маршей в Линдау. Суворов осмыслял перипетии Швейцарского похода и раздумывал о новых боевых действиях против революционных армий, против «атеев» (этим коротким словом Суворов называл безбожников-атеистов). В письмах октября 1799 г. князь Италийский жаловался на вероломство союзников, на их лицемерие, но отдавал должное австрийцам, честно служившим общему делу. «Коварные замыслы барона Тугута везде более и более обнаруживаются, как и стремление его к новым завоеваниям ко вреду общей пользы видны в Пиемонте» (из письма С.А. Колычеву), «Различием веры, нравов и обычаев Союзных армиев — правило со многими я зделал давно ложным, доказавши то и в сию кампанию. Все начальники мерсенеры и для хлеба Тугутовы шпионы, были долгом службы и дружбою мне толь нелицемерно привержены, что от того родились сии и мне невероятные победы и завоевания» (из письма к А.К. Разумовскому).

Горькая истина Швейцарского похода состояла в том, что раненые русские солдаты достались французам. Да, Суворов привёл с собой около полутора тысяч пленных — и можно было

обоснованно надеяться на возвращение русских пленных, на обмен. Но сам факт оставления израненных солдат, которые погибли бы при транспортировке через горы, производил и производит гнетущее впечатление. Суворов, конечно, не забывал о своих раненых солдатах, оставшихся в горах, как и о захваченных в плен под стенами Цюриха, из корсаковского корпуса. В январе 1800 г. в Грудиме он пишет письмо вице-канцлеру Степану Алексеевичу Колычеву, который был сперва тайным советником русского посольства в Вене, а в октябре принял дела у провинившегося перед Павлом чрезвычайного посла в Вене графа А.К. Разумовского. В переписке с Колычевым Суворов уже высказывал резкое недовольство политикой Тугута, от Колычева полководец ждал энергичных действий по вызволению русских пленных. Суворов писал этому предприимчивому дипломату: «Поелику ныне я с войсками обращаюсь к пределам России, то вашего превосходительства покорнейше прошу исходатайствовать о скорейшем размене: при переходе гор в Клариссе за ранами оставленных 780, в Цюрихе захваченных за 3000 и разноместно 200. Всего за 4000 человек; також и о вывозе в Россию наших раненых из Павии и 8 пушек из Вероны, по неимению лошадей там оставленных, равно и четырёх в Александрии за разбитием лафетов». Колычев откликнется — и Суворов специальным ордером поручит испытанному генералу Розенбергу при посредстве Колычева заняться разменом пленных.

В Кобрине, в марте, Суворов прокомментирует Швейцарский поход уже пред тенью гроба, в основательном письме рейхсканцлеру фон Гримму: «Нам потребовалось 15 дней, чтобы очистить Италию, но меня прогнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить. Эрцгерцог при приближении нового русского корпуса, хотя и располагал армией на одну треть сильнее русской, всё же представил ей удерживать все занятые пункты и хладнокровно ушёл, не помышляя о возвращении. Тогда неприятель, благодаря перевесу в силах, добился блестящих успехов. Я был отрезан и окружён; день и ночь мы били врага и в хвост, и в гриву, брали у него пушки, которые бросали в пропасти за неимением транспортов. Враг потерял в 4 раза больше нас. Мы везде проходили с победой и соединились в Куре. Оттуда выступили через Брегенц и Линдау к Констанцскому озеру. «…» Итак. Гора родила мышь. Наш мудрый первоначальный образ действий в Пьемонте сильно повлиял (на жителей) вплоть до Лиона и даже на Париж, за который я отвечал бы в день Богоявления. Не владея искусством ни ведения войны, ни установления мира, кабинет, погрязший в лукавстве и коварстве, вместо Франции, заставил нас всё бросить и отправляться по

домам». Суворов не смущался говорить нелицеприятные вещи архитектору австрийской внешней политики. В том же письме он разъяснял Гримму, что считает возможным возвращаться на фронт только во главе стотысячной армии, разъясняет и то, что Австрия после сражений 1799 г. стала сильнее и получила немало козырей для войны с Францией даже без помощи России, в союзе с Британией.

Наконец, в Линдау к Суворову присоединились войска Римского-Корсакова и принца Конде. Суворов холодно, не без нарочитого сарказма, принял Римского-Корсакова — и публично, и в беседе один на один. Ещё Милютин, рассказывая о встрече Суворова с принцем Конде, сетовал, что о встрече с Римским-Корсаковым не осталось никаких известий — а была ли она в Линдау? Конечно, ходили легенды о взбучке, которую устроил Суворов разбитому генералу, но их достоверность сомнительна. И только в 1870-е гг. была напечатана запись А.В. Висковатого рассказа Леонтия Фёдоровича Трефурта. Трефурт в 1799-м служил секретарём при Суворове. По его рассказу, в приёмной комнате, перед встречей с Римским-Корсаковым, Суворов устроил целый спектакль, приговаривая: «Помилуй Бог! Александра Михайловича надобно принять чинно: он сам учтивец, он придворный человек, он камергер; он делает на караул даже неприятелям и в сражении». Продолжим цитату по записи Висковатого: «Вошёл Корсаков с рапортом в руке, бледный и, по-видимому, сконфуженный. Ему неприятен был приём при всех; он желал и надеялся быть принятым один, в кабинете. Суворов приветствовал Корсакова лёгким поклоном и, принимая от него рапорт, стоял минуты две, зажмурив глаза. Вдруг он будто пробудился от сна и сказал громко: «Александр Михайлович! Что мы?.. Треббия, Тидона, Нови… сёстры… а Цюрих?» «…» Повторив это ещё раз, он спросил случившийся в комнате офицерский эспантон и, делая им приёмы, сказал Корсакову: «Александр Михайлович! Как вы отдали честь Массене? Так, эдак, вот эдак?.. Да вы отдали ему честь не по-русски, помилуй Бог, не по-русски!»

После этой педагогической экзекуции Суворов позвал Корсакова в уединённую комнату и, как пишет Висковатый, после тихой часовой беседы «Корсаков вышел как убитый, на нём лица не было». Если представить себе ещё раз подробности суворовского похода, яснее станет психологическая мотивация серьёзных претензий к Корсакову, «проспавшему» Цюрих. Проигранное сражение при Цюрихе сломало ход кампании, стало в своём роде решающим: после него для Суворова война превратилась из наступательной в оборонительную. Болезненный

и унизительный удар — его трудно было простить. И даже хорошие впечатления от Корсакова, которые остались у Суворова после кампании 1789 г., после 1794-го, когда генерал в патриотическом порыве явился к Суворову в Варшаву, уже не смягчали оценок цюрихского позора.

Указом императора и генерал-лейтенанта Римского-Корсакова, и генерал-майора Дурасова, и троих генералов, попавших во французский плен, включая Остен-Сакена, отставили от службы. Римский-Корсаков бесславно распрощался с войсками и отправился в Россию, где в деревенской тиши засел за мемуары о Швейцарской кампании. На службу его возвратит новый государь, Александр I, который уже в 1801 г. присвоит Римскому-Корсакову высокое звание генерала от инфантерии. В годы Наполеоновских войн он будет военным губернатором Литвы. Скончается он уже в годы правления Николая I, членом Государственного совета, немного недотянув до девяноста лет. Мало кому из русских генералов досталась столь долгая и бесславная жизнь.

Войска Римского-Корсакова перешли под командование старика Дерфельдена и Розенберга. Суворов разделил всю свою 35-тысячную армию на два корпуса, командование над корпусами возложил на испытанных генералов Дерфельдена и Розенберга. 19 октября, вместе с Дерфельденом, Суворов покинул Линдау. Был ли он разочарован и растерян? Судя по переписке тех лет и по расстроенному здоровью генералиссимуса, Суворов как трагедию воспринимал невозможность уничтожения Французской республики. Но, будучи человеком эмоциональным, он не мог отмахнуться и от громких почестей, которыми величал Суворова весь мир после Итальянского и Швейцарского походов. К горечи от австрийского предательства (а Суворов иначе и не называл маневры гофкригсрата) примешивались гордость за непобедимую русскую армию и ощущение кульминационного взлёта личной славы. Как-никак он стал одним из немногих истинно заслуженных генералиссимусов в истории армий (нередко это звание доставалось титулованным особам не за военные заслуги).

Не прошло и десяти дней — и к суворовским регалиям генералиссимуса Павел добавил окончательный разрыв с коалицией. 29 октября Суворов получил рескрипт Павла от 11.10. с приложением копии письма императору Францу. Павел назвал причиной разрыва преждевременный вывод из Швейцарии войск эрцгерцога Карла, не поддержавшего корпус Римского-Корсакова. Этот вопрос уже давно был камнем преткновения всего Швейцарского похода: кто должен был противостоять французам в Швейцарии перед тем, как эта страна должна была стать базой

русских войск. Суворов с самого начала был убеждён, что бороться с французами в Швейцарии следовало только вместе с войсками эрцгерцога Карла. Петербург же поздновато стал во весь голос отстаивать перед союзниками идею своего полководца. Поздновато, зато в категоричной громогласной форме: «Вашему величеству должно быть уже известно о последствиях удаления из Швейцарии Вашей армии под начальством эрцгерцога Карла — совершившегося вопреки всех причин света, по коим оная оставалась там до соединения фельдмаршала князя Италийского с генерал-лейтенантом Корсаковым. Видя войска мои оставленные и таким образом преданные неприятелю, политику — противную моим намерениям, и благосостояние Европы, принесённое на жертву, имея совершенный повод к негодованию на поведение вашего министерства, коего побуждений не желаю знать. Я объявляю вашему величеству с тем же чистосердечием, которое заставило меня лететь на помощь к вам и споспешествовать успехам вашего оружия, что отныне общее дело прекращаю, дабы не утвердить торжества в деле верном…» — писал император Павел. Зимние квартиры в Европах отменялись; теперь Суворову следовало готовить армию к возвращению в пределы Российской империи. Судьба контрреволюции после этого решения просматривалась в густом тумане. Суворов не отказался от стратегической идеи уничтожения Французской республики. Но теперь добиться этого можно было только в условиях усовершенствованного военно-политического союза, к которому европейские монархии ещё должны были подтолкнуть только новые серьёзные обстоятельства. Но сколько времени должно было пройти для этого? Месяц, год? И хватит ли у старика сил на новый поход через месяцы или годы?

Патриотизм Суворова был имперским, а не периферийным. Он считал целесообразным активное участие России в европейских и азиатских делах, когда сильной рукой предваряются возможные агрессивные поползновения соседних и далёких держав. И заграничные походы, направленные, по существу, против экспансии революционного режима, Суворов считал необходимостью. Сильной державе должна соответствовать передовая, мощная армия. Увы, далеко не всегда патентованные стратеги разделяют с Суворовым это убеждение. Сказано Суворовым: «В кабинетах врут». Вот и в современной России есть так и просящиеся на суворовское саркастическое перо два стратега — Храмчихин и Шаравин, руководители солидного (судя по вывеске) института. Первому очень нравятся военные операции ельцинского времени: Абхазия, Чечня, Приштина. Много крови, никаких капиталовложений в армию, которая на

глазах превращалась в босоногую и «рабоче-крестьянскую», — зато какие перспективы для политиков и бизнеса! Второй запомнился очень сурьёзным заявлением: «Сегодня увеличивать или укреплять ядерный щит страны не имеет смысла. Это в большей степени лозунг: нам не от кого этим щитом загораживаться. Мы ведь заявляем, что США и НАТО для нас партнеры. И мы понимаем, что никакого ядерного нападения с их стороны на нас быть не может». Не слишком-то убедительное оправдание деградации. Эта стратегия надолго превратит армию в полицейскую структуру баронов. Есть такой институт — ИПВА. Их много открылось в девяностые, институтов демагогии и мониторинга, вместо технических НИИ. Горлопаны и пистолеты вместо учёных и ракет. С такими стратегами России и Тугут не нужен. Сами себе гофкригсрат. Легко сказать «зачем нам ракеты», а вот когда без ракет любой политик любой страны сможет всласть пропагандировать распад и ликвидацию России — поздно будет советоваться с Шаравиным. Интересно, висит ли портрет Суворова в этом досточтимом институте? Уместнее там было бы всё-таки парадное изображение Тугута или Мазепы.

В те дни Суворов собирал лавры европейских монархий. Его награждали немецкие монархи, король Сардинский, император Священной Римской империи… Прославленный адмирал Горацио Нельсон писал Суворову: «В Европе нет человека, который любил бы вас, как я. Все восхищаются вашими великими и блистательными подвигами. Это делает и Нельсон. Но он вас любит и за ваше презрение к богатству… Нынешний день сделал меня самым гордым человеком в Европе. Некто, видевший вас в продолжение нескольких лет, сказал мне, что нет двух людей, которые бы наружностию своей и манерами так походили друг на друга, как мы. Мы непременно друг другу родня, и я вас убедительно прошу никогда не лишать меня дорогого наименования любящего вас брата и искреннего друга». И это не просто галантное письмо старшему коллеге. Последние походы Суворова действительно изумили весь мир.

Суворов размышлял о новой кампании против революционной Франции и начал свою записку с философского тезиса: «Мой учитель Юлий Цезарь говорит, что тот не сделал ничего, кто не закончил дела полностью». О своих недавних победах Суворов пишет скромно, ощущая, что главное впереди: «Италия — это прелюдия. Идти до Геркулесовых столпов, подобно англичанам, только что покончившим с Типу-Саибом. Вечность принадлежит только Господу Богу. По желанию нужно дать проект; проект требует плана. Уже из Турина я намеревался идти

через Гренобль в Лион, а оттуда — до Парижа, но прежде только покончив с Италией. Мне же в разгар моих военных операций мешает педантизм Вены, которая по своему невежеству видела одну только Мантую, являющуюся для меня ничтожным объектом вместе с обманчивой Полезиной, занималась проволочками, чтобы довести дело до позорного Кампо-Формио, и совершенно ослабила мою армию». Суворов уже не сумел успокоиться. Из головы не выходили мысли о соотношении политической и военной конъюнктуры, он рассуждает о политиках и полководцах: «Таковы планы кабинетов. Разумно, что они знают, например, министры Великобритании, какие из завоёванных островов должны ей принадлежать, но искусство завоёвывания других принадлежит лишь генералу повыше квартирмейстера, который выше любого писаки. Не всегда можно найти Питтов, Кауницев, Паниных, но менее редки Тугуты, которые жертвуют наследственными владениями для незаконных вторжений в чужие страны под предлогом окружения — метеоры, которые не могут долго существовать, как несправедливость». Любопытно, что как пример разумного, дальновидного русского политика Суворов упоминает Панина, а не Потёмкина, с которым срабатывался, будучи генерал-аншефом. О своей судьбе в кампании 1799 г. Суворов восклицает: «Произошла потеря могущественного союзника и почти разгром генерала в разгаре его порыва, лишь бы не обратиться к его совету».

Суворов предлагает две операции против Франции: через Турин, наступлением на Лион и через Франш-Конте.

Генералиссимус видел тактику победной кампании иначе, нежели министры союзников: «Не надо методизма, посредничества, демонстраций, соперничества: всё это лишь детские забавы». Он много думал о том, как примут интервенцию сами французы, знал особенности отношения к революции разных областей этого государства. «Не надо десантов (если только не в прославленной Вандее), когда та или иная армия на пути к Парижу». Ключевой Суворов обоснованно считал борьбу за столицу Франции. «Вот единственный план генерала, в общих чертах; подробности зависят от обстоятельств, хозяином которых должен быть он. Примерные планы кабинетов существуют лишь для проформы, поскольку они никогда не были выполнены, как, например, последняя кампания должна была закончиться на Адде, а окончилась в Милане». Под этими словами Суворова подписался бы генерал Бонапарт. Как и под требованием независимости для главнокомандующего. Но все планы будущих антифранцузских кампаний теперь оставались на бумаге и в бурном воображении Суворова. А российская армия возвращалась

на родину, двигалась на восток.

Три русских корпуса — Розенберга, Дерфельдена и Повало-Швейковского — двигались из Аугсбурга на восток. 5 декабря Суворов с армией прибыл в Пльзень, 9-го — в Прагу. Мирные чехи встречали Суворова с восторгом, как славянского героя. Восторженно приветствовали на улицах, приглашали, зазывали… Особенно тёплая встреча ждала русского триумфатора в Золотой Праге. В Праге Суворов провёл январь 1800-го. Когда Суворов появился в театре, на спектакле труппы знаменитого Гвардасони, зал устроил ему овацию: шумели, как артиллерия на поле боя. Не успел Суворов оглянуться, как над сценой появилось приветствие: «Да здравствует князь Суворов!» Суворов перекрестил зал — и все с благоговением приняли благословение старца-генералиссимуса.

Тогда вся Европа судачила про русских воинов — и, конечно, множились небылицы. Когда во французском «Обозрении военных событий» Суворов в очередной раз увидел поклёп на русскую армию — он сначала пришёл в ярость, а потом изрёк:

«У этого наемника историка два зеркала: одно увеличительное для своих, а уменьшительное для нас. Но потомство разобьет вдребезги оба, а выставит свое, в котором мы не будем казаться пигмеями».

Будем в это верить! Но… В 1800 г. в Париже и Амстердаме вышла книга, рассказавшая европейцам о России и русском герое: «Суворов был бы всего-навсего смешным шутом, если бы не показал себя самым воинственным варваром. Это чудовище, которое заключает в теле обезьяны душу собаки и живодера. Аттила, его соотечественник и, вероятно, предок, не был ни столь удачлив, ни столь жесток… Ему присуща врожденная свирепость, занимающая место храбрости: он льет кровь по инстинкту, подобно тигру… Его деяния в Польше — это подвиги разбойника… Павел отставил его по восшествии на престол. Ропот солдат вынудил его потом снова призвать Суворова. Говорят, он намерен воспользоваться им как бичом для наказания французов…» Читаю эти строки и невольно вспоминаю пропагандистскую волну, охватившую Германию, Францию и Великобританию весной 2005 г., накануне 60-летия Победы. «Русские солдаты насиловали всех немок в возрасте от 8 до 80. Это была армия насильников», — кричали газетные заголовки.

Впрочем, в Богемии вроде бы ничто не омрачало настроения: русские, по выражению Суворова, «купались в мёде и масле». Даже обмороженные на вершинах Паникса воины отдохнули и были готовы к новой кампании.

В былые годы полководец не боялся холода, никогда не кутался в шубы, предпочитая для любых холодов лёгкий плащ. А

во время Швейцарского похода он начал ощущать студёные дуновения, кашлял от сквозняков. Признаки старости, болезни… Суворов уже чувствовал смертельное недомогание, то и дело простужался, хворал, но на публике в Праге держался бодро, даже танцевал на балах и присутствовал на праздниках, которые устраивала в его честь пражская знать. Армия была готова, передохнув в Праге, снова идти на французов, воевать Бонапартия. В Праге Суворов посетил могилу австрийского генералиссимуса Лаудона, воевавшего против пруссаков в Семилетнюю войну. Пышное надгробие с пространной надписью не пришлось по вкусу Суворову, который мечтал о куда более лаконичной солдатской эпитафии.

В январе Суворов на славу повеселился в Праге. Встречали его с невиданными почестями — как монарха. Он удивлял пражан набожностью, но дал волю и своему артистизму. Играл в жмурки, в фанты, веселился, как ребёнок. И в Италии, и в Вене, и в Праге Суворов устраивал любопытную забаву: заставлял иностранцев выговаривать сложные русские слова. Вовсю пропагандировал русский язык, а заодно и потешался заусенцам произношения! Он посетил могилу фельдмаршала Лаудона в городе Нейтингене (Нови-Йичине), к которому относился с уважением, — и печально всматривался в длинную эпитафию с перечислением чинов и титулов австрийского полководца… «К чему такая длинная надпись?» — Суворов пустился в рассуждение о лаконизме эпитафий. Его уже тянуло к могилам, к разговорам о вечности, о памяти…

В Праге Суворов был как никогда окружён ажиотажным женским вниманием. И он принимал его снисходительно, без своей обычной суровости. Как пишет Петрушевский, «дамы всех слоёв общества, особенно высшего, фигурировали во главе, оказывая Суворову самую разнообразную и неистощимую любезность; они как бы оцепляли его своим очаровательным кругом, снисходительно вынося все его дурачества». На святки сам устроил праздник для пражан, затевал игры в жмурки, фанты, устраивал шуточные гаданья, танцевал и пел. Ему понравилась вдова герцога Курляндского и две её красавицы-дочери. На одной из них он решил поженить пятнадцатилетнего сына Аркадия, и едва не устроил этот брак при содействии императора. Только скорая смерть полководца расстроила свадьбу. Суворовского сына армия боготворила: ореол великой фамильной славы делал своё дело, к тому же этот офицер, а позже — молодой генерал был писаным красавцем и шумным весельчаком. Он не унаследовал от отца ни аскезы, ни практического ума: быстро промотал доставшееся по наследству состояние, более всего на свете

увлекался карточной игрой, которая сгубила немало аристократов того времени. Одним князь Аркадий Александрович напоминал отца: отвагой, которая придавала многим его деяниям оттенок истинно солдатского благородства. Император Павел тоже поступил благородно, послав своего сына и сына Суворова в Италию, учиться у прославленного героя. Там Суворов сошёлся с сыном и, как мы видим по его предсвадебным хлопотам, полюбил Аркадия. Жизнь в Праге была переполнена светскими приёмами. Никогда Суворов не вёл такой насыщенной светской жизни — беззаботной и лёгкой. Лёгкой, если бы не болезнь. Как в Таврическом дворце после польской кампании, Суворов купался в лучах славы. На этот раз — всемирной.

Часто принимал гостей, но не забывал посещать и церковь, всякий раз выстаивая службу до конца: здоровье ещё позволяло. В Швейцарии и Чехии Суворова встречали как героя-победителя. Одно из последних своих «политических» писем Ростопчину Суворов начал с сообщения: «В Праге меня очень любили» — и перешёл к эзоповым атакам на козни австрийцев. Суворов утешался одним: Европа убедилась в силе русского оружия. Всем было ясно: наш генералиссимус доказал бессилие любого захватчика перед Россией. На каждого найдётся укорот. Граф Ростопчин — изрядный острослов, бывший и хитрым царедворцем, и бурным мистификатором, оставил нам немало рассказов о Суворове, по которым можно судить об афористическом стиле и живом уме Суворова. Умелый царедворец, Ростопчин превратился во влиятельную фигуру с первых дней правления Павла. Был редактором ненавистного Суворову «прусского» армейского устава. Во время опал сношений с Суворовым сторонился, но с видимым удовольствием общался с Суворовым в дни царской милости. Некоторые рассказы Ростопчина о полководце весьма остроумны и любопытны. Так, когда Ростопчин попросил Суворова назвать трёх самых смелых людей, Суворов назвал Курция, Долгорукова и старосту Антона. Первого, потому что тот прыгнул в пропасть, второго — за то, что говорил царю правду, а третьего — так как тот ходил один на медведя. На просьбу назвать самых лучших полководцев и наиболее интересные военные сочинения Суворов загадочно проскандировал: Кесарь, Аннибал, Бонапарт, «Домашний лечебник», «Пригожая повариха». Известен и такой анекдот, рассказанный Ростопчиным: «Сидя один раз с ним наедине, накануне его отъезда в Вену, разговаривал о войне и о тогдашнем положении Европы. Граф Александр Васильевич начал сперва вычитать ошибки цесарских военачальников, потом сообщать свои собственные виды и намерения. Слова текли как

река, мысли все были чрезвычайного человека: так его говорящего и подобное красноречие слышал я в первый раз. Но посреди речи, когда я был весь превращен в слух и внимание, он сам вдруг из Цицерона и Юлия Кесаря обратился в птицу и громко запел петухом. Не укротя первого движения, я вскочил и спросил его с огорчением: «Как это возможно!» А он, взяв меня за руку, смеючись сказал: «Поживи с моё, закричишь курицей».

Войска возвращались на родину — а императора Франца лихорадило. Он надеялся, что Павел поменяет решение, и армия Суворова вернётся к театру военных действий. Суворов задержался в Богемии, ожидая нового политического решения. Павел колебался, выдвигал Францу условия для возобновления коалиции. То было время сомнений. Время, благоприятное для колоссальных амбиций генерала Бонапарта, которому удалось воспользоваться смятением и лихорадкой в рядах европейских монархистов. Суворову было нелегко постоянно держать руку на пульсе переменчивой, ветреной политики. Не пришло ещё время для спаянной, решительной антифранцузской коалиции. Решительности им придадут только новые блестящие победы Бонапарта — когда его имперский размах станет угрожающе очевидным для Лондона и Санкт-Петербурга. А пока одинокий рыцарь монархической идеи, генералиссимус Суворов был готов и к новому наступлению на запад и к возвращению в родные края, на восток.

Следует учитывать, что 29 октября 1799 г. вошло в историю как 18 брюмера — день знаменательного переворота во Французской республике. Возвратившийся из египетского похода Бонапарт воспользовался победами Суворова и смятением в Директории, да и взял власть в свои руки. Он стал первым из триумвирата консулов Франции. Павел внимательно следил за французскими событиями и предпочитал не торопиться с действиями. Суворов тем временем убеждался в корыстных намерениях союзников — не только австрийцев, но и англичан. В переписке с Ростопчиным к концу 1799 г. Суворов всё чаще откровенничал и прибегал к колоритному слогу: «Английское намерение это больше докажет. Один прошлый год от галлионов имеют 6 миллионов и от Типо-Саиба 7 миллионов функтов стерлингов. Господа морей — им должно их утвердить на десятки лет изнурением воюющих держав, паче Франции, и хотя бы тогда дать ей паки короля! Вот система Лондона и Вены…» (из письма Ростопчину от 20.01). Да, Суворов считал необходимым для России вмешательство в европейские дела в борьбе против «атеев» и революции. Но он не мог позволить русскому солдату

превращаться в пушечное мясо для англо— и германоязычных монархов. Приходилось искать неуловимый баланс между этими стратегическими интересами.

27 декабря в новогоднем послании Суворову Павел рассуждал категорично: «Во Франции перемена, которой оборота терпеливо и не изнуряя себя мне ожидать должно. Идите домой непременно». В то время император предполагал, что консулы уничтожат революцию, сумеют пересмотреть антимонархические и антиклерикальные идеи якобинцев. В этом отношении Павел оказался прозорлив, но не приметил главного: идея экспансии молодого послереволюционного государства при консулах только укрепилась. Государство генерала Бонапарта было ещё опаснее для соседей и для далёкой России, чем республика времён якобинцев и Директории. Пожалуй, лучше всех в далёкой России чувствовал душу Бонапарта и читал в его планах Александр Васильевич Суворов, давно приметивший французского собрата и страшащийся его амбициозного нрава. Суворов видел в Бонапарте и родственную душу — полководца, хорошо чувствующего свои войска и управляющего армейским натиском. И непримиримого оппонента — властного авантюриста-завоевателя.

Последний парад

С политикой Священной Римской империи Суворов имел дело с Семилетней войны, когда прославился австрийский полководец Лаудон, а Суворов познал радость первых батальных побед. В 1789 г. и в начале 1790-го Суворов буквально олицетворял союз России и Австрии в войне с Турцией. Войска Суворова дислоцировались тогда по соседству с австрийскими, и Суворов стал связующим звеном между российской и австрийской армиями. Совместные победы под Фокшанами и Рымником стали фундаментом вечного боевого братства русского полководца и принца Кобургского.

В эффективность союза с Австрией Суворов уже вовсе не верил. Но, возвращаясь из похода, он не мог представить, что его роль в революционных войнах подошла к финалу. В воздухе витала атмосфера скорого раздела Европы. Наполеоновские войны только заваривались, только начинались. И Суворов непрестанно строил планы, намереваясь всё-таки покончить с мятежной Францией, не дожидаясь наступления французов на Россию, не дожидаясь создания мощного антироссийского военного союза.

Суворов то и дело припоминал австрийцам уход войск эрцгерцога Карла из Швейцарии, когда корпус Римского-Корсакова был поставлен под удар. Напоминал настойчиво, может быть, даже перегибая палку. Австрийский автор в «Дневнике похода русских под командованием фельдмаршала Суворова из Пьемонта через Сен-Готард в Швабию» так рассуждает на эту тему: «Сильным является упрёк: его высочество эрцгерцог Карл покинул Швейцарию, чтобы принести в жертву русский армейский корпус генерал-лейтенанта Корсакова. Это утверждение фельдмаршала было доведено до последнего русского. Его высочество своим уходом из Швейцарии этому генералу обеспечил поражение, он должен был быть разбит… Доказательством обратного может быть всем известное: его высочество получил чёткий приказ двора для своей армии о переводе её из Швейцарии в район нижнего Рейна, где Германия взывала о помощи в уничтожении вклинившегося через Майнц противника, то есть так необходимая немецкой армии и осуществлённая эрцгерцогом победа под Некарау и Мангеймом была одержана. Наконец, сам генерал Корсаков, когда в Аугсбурге ему был поставлен вопрос об этом князем Эстергази в присутствии полковника Вейротера, высказался насчёт этого несправедливого утверждения. Его высочество многократно

желало покончить с такими заботами генерала. Его высочество при этом вновь заверило: «Он (эрцгерцог Карл) будет, конечно, противостоять противнику, и его высочество надеется, как можно быстрее, объединившись с русскими, напасть на Францию»[9]. А ведь Суворов ещё 23 августа молниеносно отреагировал на выступление Карла из Швейцарии в донесении императору Павлу: «От цесарской стороны дошло мне без смысла крушительное известие: *Эрцгерцог Карл выступил из Швейцарии, оставил у генерал-лейтенанта Корсакова 21 000 при генерале Готце, который расположил свои войски оборонительно* , хотя он должен был ведать, что такая позиция их делит, а неприятель силою бьёт в слабые пункты и принадлежит только крепостям, вместо того, что цесарцы с российскими близ 55 000 должны были почти им равного Массену атаковать. Эрцгерцог здоровьем слабой опочивал больше 3-х месяцев по указу, и своё правило в наследство оставил». Многое предвидел Суворов, научившийся читать в планах достойного, талантливого противника.

В хитросплетениях взаимных объяснений разобраться непросто. Но Суворову было очевидно то, что вскоре докажет сама История: победно сражаться с революционной армией можно лишь в условиях профессионального единоначалия. И резонно требовал от эрцгерцога Павла подчинения своей, суворовской, стратегии. Без Суворова же участь высокородных австрийских и немецких полководцев в войне с Бонапартом оказалась печальной. За борьбу высокородных честолюбий их накажет величайший честолюбец в истории человечества, который в первую голову сумел обеспечить себе свободу действий. Суворов предвидел это, чувствовал закономерности нового века. А эрцгерцог Карл, по большому счёту, искал оправданий собственной нерасторопности, подчас переходя в наступление.

Пришло время подведения итогов. Медленно и триумфально возвращаясь из Линдау в Россию, Суворов поражал собеседников философскими рассуждениями, то и дело формулируя своё кредо. Многим известен следующий монолог Суворова, включённый в сборник «Анекдоты князя Италийского…», изданный Е.Б. Фуксом: «Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворе надо мною смеялись. Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, утомлял буйных врагов Отечества.

Если бы я был Кесарь, то старался бы иметь всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороков». Слова, в реальность которых так хотелось бы верить… Каждый биограф Суворова тайком мечтал о том, чтобы историческая достоверность этого монолога подтвердилась документально. Но легенда не нуждается в документальном подтверждении; важно, что таким — по-рыцарски преданным Отечеству и Истине — Суворова запомнили те соотечественники, кому удалось понять загадочного полководца.

Заканчивался XVIII век. Суворов чувствовал рубежный смысл нового 1800 г.: именно его он считал первым для накатившего XIX столетия. К Новому году он написал императору: «Исчезает и истекает осьмнадесятое столетие, но блаженство обширнейшего царства, сооружённое отцем Отечества, гром побед оружия, подъятого им на поражение восставшея противу вселенныя гидры, сии, человечество милующие, подвиги, запечатлевшие конец прошедшего века превыше всех веков, торжествуют над тленностию быстротечного времени». Под старость лет течение времени и смена вех ощущается явственнее, как будто Суворов уже видел себя и свои деяния в зеркале истории. 14 января 1800 г. армия Суворова двумя колоннами двинулась из Богемии к границе Российской империи. Генералиссимус разделил армию на две колонны. Первая шла через Краков и Люблин к Брест-Литовскому, вторая — через Краков и Замостье к Владимир-Волынскому.

В Кракове, в феврале 1800-го, генералиссимус сдал командование армией генералу Розенбергу. Здесь, в старинной польской столице, под стенами замка, Суворову когда-то доводилось воевать. Нынче было не до сражений. Из Кракова Суворов писал Хвостову: «Кашель меня крушит, присмотр за мною двуличный… Как раб, умираю за Отечество и как космополит — за свет». Этот суворовский афоризм очень точно толкует В.С. Лопатин — лучший комментатор эпистолярного наследия генералиссимуса: «Как сын своей Родины — умираю за неё, как Человек (слово «космополит» в то время имело значение высокой гражданственности) — за весь мир». Уходил великий патриот, чьё значение вышло за пределы России, а судьба пересеклась с судьбами Европы. Рыцарь монархии, понятой в религиозном аспекте. Новатор и консерватор.

Суворов возвращался в Россию. Только сейчас, когда долг перед Родиной был исполнен, тяготы последних походов дали о себе знать во весь голос. Старый генералиссимус заболел. Ему было не привыкать к недомоганиям, к горячке, которая сопровождала, кажется, все подвиги Суворова… Но на этот раз не

было сил преодолевать болезнь. Медики были бессильны, Суворов, как и Потёмкин в предсмертные недели, уже составлял Канон Господу, готовился встретить смерть, рядом с которой всю жизнь ходил в боях. Суворов составлял Канон в феврале 1800 г. Вместе с XVIII веком завершался и суворовский земной век. Из памяти смертельно больного Суворова не исчезал покаянный Канон преподобного Андрея Критского, многие ирмосы которого на пороге смерти Александр Васильевич повторит слово в слово, а кое-что смиренно добавит от себя. Слова Канона выводила слабеющая, некогда крепкая, рука полководца: «*Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Виждь, Господи, смирение мое, виждь сокрушение сердца моего, у Тебе единаго очищение, у Тебе единаго избавление есть. Помилуй недостойное Твое создание и не допусти до пагубы душу мою».*

Увы, снова сказался и переменчивый характер императора: Павел сменил милость на гнев, поверил наветам царедворцев, и смерть Суворову пришлось встречать в опале.

Генералиссимуса уже невыносимо мучил кашель, на теле начинались нарывы. По обыкновению, Суворов лечился диетой, голоданием. Свою болезнь он называл древнегреческим словом — фликтеной. Так называют гнойный нарыв на коже. «Фликтена с кашлем», — говаривали о болезни Суворова. И это — при полном физическом и нервном истощении. Привычные народные методы не помогали.

Планировалась встреча в столице с императором — и Суворов спешил в Петербург, опережая движение армии. В Кобрине он сделал вынужденную остановку: ожесточилась болезнь. Впервые Суворов согласился некоторое время посвятить лечению. Суворов даже просил Хвостова прислать драгоценную аптечку — подарок императрицы Екатерины. Вообще-то Суворов не доверял «латинской медицине» и никогда не пользовался аптечкой, но в канун смерти пожелал видеть подарок государыни «для памяти». Он согласился принять врачей, их приехало несколько человек — из Бреста и Тересполя. Особенно Суворов доверился местному энтузиасту медицины Кернисону, для которого даже выпросил у Павла чин титулярного советника. При Суворове остались сын Аркадий и генерал Багратион. Павел оказал честь своему генералиссимусу: послал в Кобрин придворного медика И.И. Вейкарта. К середине марта болезнь отступила: казалось, что лечение пошло на пользу. Суворов продолжил следовать в Петербург, где ему готовили торжественную встречу. Предполагался истинный триумф с царскими военными почестями! Все граждане, включая самого

государя, должны были выйти из экипажей, приветствуя Суворова.

Тем временем в кругах, близких императору, созревала новая интрига против Суворова. Царедворцы по разным причинам боялись появления рядом с Павлом столь сильного, любимого в армии и в народе, увенчанного лаврами деятеля. Близкий к Павлу граф Пален был недоброжелателем Суворова, не раз поднимался вопрос о двуличии суворовского секретаря Егора Фукса, который писал донесения генерал-прокурору о политических брожениях в армии. Донесения, впрочем, были вполне лояльные по отношению к Суворову, а в позднейшие годы Фукс прославится сборниками восторженных воспоминаний и анекдотов о Суворове. И всё-таки шпионская деятельность Фукса вызывает вопросы и подозрения. По отзыву дипломата барона А.Я. Булера, известному со слов его сына, Фукс производил впечатление как человек «весьма деятельный и полезный; но он пришёлся не по душе Суворову, который его не жаловал, считая его (быть может, совершенно несправедливо) соглядатаем, приставленным к нему Павлом I». За работу при Суворове Павел произвёл Фукса в действительные советники. Кстати, именно Фукс, по повелению нового государя Александра Павловича, возглавит в 1812 г. походную канцелярию Суворова. Власти безгранично доверяли этому балагуру с лёгким пером.

Нельзя умолчать и о ещё одной возможной причине последней опалы Суворова. Речь идёт о столкновении разных воззрений на армию. Е. Шумигорский в статье об императоре Павле Русского биографического словаря писал: «Негласною причиною немилости можно предполагать возбуждённое недоброжелателями Суворова самолюбие Павла, оскорблённого признанием Суворова, что артиллерийская, квартирмейстерская и провиантская части находились в австрийской армии в лучшем состоянии, чем в русской. В Суворове он опять увидел екатерининского генерала, противника его преобразований, а между тем недоброжелатели Суворова при дворе вовремя напомнили государю, что он был в родстве с Зубовыми, находившимися в опале». При этом эффектно и слаженно работавшие австрийские провиантские службы несколько раз подвели армию накануне решающих событий — и Суворов не просто сообщал, а кричал об этом. Суворов за эффектами не гонялся, стремясь обеспечивать победу любым способом. Если привычный хаос в квартирмейстерской части не мешал победам — Суворов не старался привести его в немецкий порядок. Павел же, ненавидевший армейский «натурализм» екатерининского времени, хотел видеть российскую армию более немецкой, чем

любая немецкая. Суворов был скверным помощником на таком пути.

Павлу не раз докладывали, что в походах Суворов постоянно нарушал армейский порядок, заведённый императором, держал при себе дежурного генерала. Забыв о том, что дал Суворову право воевать, «как умеешь», Павел впал в ярость. Торжественная встреча была отменена. Суворов ещё в дороге узнал о новой опале — и болезнь снова обострилась. Медленно ехала карета с больным полководцем по прибалтийским краям, к Петербургу — через Ригу и Вильно. Повсюду Суворова сопровождал народный восторг. В Риге больной полководец с трудом надел мундир и отправился под Светлое Воскресенье на пасхальную службу, после чего разговлялся в доме генерал-губернатора. После этого всплеска активности Суворову стало хуже, передвигаться ему было нестерпимо трудно. Надо думать, что и слухи о новых придворных интригах разбередили старые раны. Заканчивался последний поход Суворова — возвращение из Европы. 20 апреля, прохладным весенним вечером, экипаж Суворова въехал в Петербург. Никакой триумфальной встречи не было: Суворова приветствовали только друзья и родственники. Он и поселился не во дворце, а на Крюковом канале, в доме Дмитрия Хвостова, который стараниями Суворова стал после Итальянского похода графом Сардинским. Сам генералиссимус так и не обзавёлся домом в Северной Пальмире. Да и московский дом из-за сложной семейной ситуации, по существу, утратил. Впрочем, Суворов не слишком нуждался в постоянной столичной резиденции: вся жизнь прошла в учениях, походах и боях. Полвека питался Суворов солдатским хлебом!

Знал ли Суворов, что имя его Россия не забудет и в XXI в.? Знал ли, что останется символом русской доблести, отцом армии? Во всех сражениях он «непобедим остался» — это не вызывало сомнений. Но победить Наполеона, предотвратить большую войну на территории России ему не удалось. Политический расклад не позволил… Всенародными героями становятся спасители отечества, борцы за свободу, сражавшиеся с захватчиками — Димитрий Донской, Александр Невский, Минин, Пожарский и Гермоген… Суворов не вписывается в этот ряд: он принимал участие только в войнах, направленных на сохранение и расширение империи, сверхдержавы. Но время показало, что это — лучший способ защиты. Он — герой русской экспансии. Мы не представляем себе большую Россию без Кубани, без Крыма, без Дуная… Все эти земли политы кровью Суворова. Он передал ученикам воинскую державу, готовую сдержать напор Наполеона. Готовую расширять своё влияние на Западе и на Востоке.

Экспансия не истощает державу, это при распаде империй народ киснет. Суворов — герой русских амбиций, в его размахе — весть о том, как красива и благородна участь великой державы. Какие тут возможности для самосовершенствования, для воплощения мечтаний. Поистине — поприще широко. Именно поэтому в доме на Крюковом канале умирал счастливый человек. Он сверкал и сверкает, он не погаснет.

В «Рассказах старого воина» есть интерпретация воспоминаний Багратиона о последней болезни Суворова: «Я застал Александра Васильевича в постели; он был очень слаб; впадал в обморок; тёрли ему виски спиртом и давали нюхать. Пришедши в память, он взглянул на меня; но в гениальных глазах его уже не блестел прежний огонь. Долго смотрел он, как будто стараясь узнать меня; потом сказал: «А! Это ты, Пётр, здравствуй!» — и замолчал. Минуту спустя он опять взглянул на меня…»[10]. Последний год жизни Суворова был скрашен боевой дружбой с любимым учеником, который остался с ним и в дни неизлечимой болезни. Прожил он в Петербурге, в доме Хвостова, немногим более двух недель. Победы Суворова создали славу императору Павлу, мы и сегодня вспоминаем его недолгое царствование чаще всего именно в связи с Итальянским и Швейцарским походами. И всё-таки в дни болезни, в Петербурге, император не оказал чести герою, которого ещё недавно величал ангелом… Своими действиями в последние недели жизни Суворова Павел фактически дезавуировал данные полководцу привилегии. По павловскому уставу дежурного генерала полагалось иметь только императору. Но ведь Павел обещал своему генералиссимусу императорские почести! А теперь гневался на него из-за пресловутого дежурного генерала, к функциям которого Суворов привык за екатерининские годы. Павел написал Суворову сдержанно резкое письмо, контрастировавшее с дружескими посланиями последних месяцев: «Господин генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский. Дошло до сведения моего, что во время командования войсками моими за границею имели вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех моих установлений и высочайшего устава. То удивляяся оному, повелеваю вам уведомить меня, что побудило вас сие сделать. *Павел*».

В доме Хвостова к Суворову явился «вестник богов» князь Долгорукий с посланием от императора: «Генералиссимусу князю Суворову не приказано являться к императору». Несколько дней спустя император мстительно прикажет отозвать от

генералиссимуса всех положенных ему по чину адъютантов. Приказ прозвучал неумолимо: «Адъютанты генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полковник Кушников и подполковник барон Розен определены по прежнему в полки, первый в гренадерский Розенберга, а последний в мушкетёрский графа Ланжерона, майорам же Румянцеву и Ставракову и капитану Кригеру состоять при армии». В те дни каждый новый жест монарха был ударом по слабеющему здоровью полководца.

На старых ранах — полученных при Козлуджах, Кинбурне, Очакове — открылись язвы. Ноги опухли. Суворов метался в лихорадке, повторяя в бреду заветные слова: «Генуя! Сражение! Вперёд!» Порой болезнь на шаг отступала — и Суворова поднимали с постели, усаживали в кресло, которое на колёсах бережно катали по комнате. Порой он даже возобновлял занятия турецким языком, тренируя память; и беседовал с близкими о политике. При этом память отказывала ему в разговорах о самом недалёком прошлом: об Итальянском и Швейцарском походах. Узнав о трагическом положении Суворова, переменчивый, страстный Павел решается на дружелюбный жест: он посылает к Суворову князя Багратиона с изъявлением царского участия. Ненадолго Суворов ожил, произнёс несколько осмысленных слов, но вскоре начал бредить. По нескольку раз в день Суворова посещал знаменитый доктор Гриф. Больному льстило, когда Гриф объявлял, что прислан императором. Но есть и такая легенда: когда к умиравшему Суворову прибыл от Государя граф Кутайсов (Суворов высмеивал его путь от камердинера до графа во многих анекдотах) с требованием отчета в действиях генералиссимуса, Суворов сказал: «Я готовлюсь отдать отчет Богу, а о Государе я теперь и думать не хочу».

Воля к жизни не оставляла Суворова — и он не сразу согласился исповедаться и причаститься святых тайн, он ещё надеялся победить болезнь, как побеждал любого противника на поле боя… Он до последних минут оставался в Петербурге, в доме Д.И. Хвостова на Крюковом канале. Прощаться с еще живым Суворовым приходили любимые соратники, ученики: Державин, Багратион… Сейчас полководец мог вспомнить свои слова, написанные когда-то в автобиографии: «**Потомство мое прошу брать мой пример: всяко дело начинать благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славу чрез истину и добродетель** ».

Главные слова были излиты. Великие дела стояли за плечами героя. Временами Суворовым овладевала жажда жизни, жажда

деятельности. Полководец не оставлял попыток побороть болезнь.

Во втором часу дня 6 мая 1800 г. сердце Суворова остановилось. Комнату обтянули чёрным, тело набальзамировали. Воинских почестей, равных императорским, не получит Суворов и после смерти. Его хоронили как фельдмаршала — не как генералиссимуса. Без гвардейских полков.

Похороны сперва назначили на 11 мая. Но Павел, боясь лишнего ажиотажа, неожиданно перенёс их на 12-е. Распорядителем похорон был новоявленный граф Сардинский Хвостов. Церемонии обошлись наследникам Суворова в значительную сумму: более 20 000 рублей. Никто не скупился, каждый чувствовал себя в долгу перед графом Рымникским и князем Италийским. Хоронили Суворова всем миром. Предназначение солдата шире сословных рамок. Когда при погребении катафалк не проходил в двери Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, кто-то из несших гроб воинов воскликнул: «Вперед, ребята! Суворов везде проходил!» И катафалк прошел в двери.

Когда гроб с телом Суворова опускали под землю в Александро-Невской лавре, у Павла нашлись занятия поважнее: он принимал смотр кавалерии столичного гарнизона. Гвардии было приказано не участвовать в похоронах генералиссимуса. О кончине Суворова, в нарушение правил, не говорилось в приказе по армии и при пароле. На похоронах Павел не присутствовал. Вряд ли можно доверять воспоминаниям адмирала и академика Шишкова, который явно сложил идиллическую легенду, оправдывавшую монарха: «Сам Государь простым зрителем выехал верхом; и Сам при мне рассказывал, что лошадь Его окружена была народом, и две женщины, не приметя, кто на ней сидит, смотрели, облокотясь на его стремена». Зато духовенства было много. Павел позволил придворному хору певчих участвовать в службе. Многие запомнили, как звучал в тот день 90-й псалом на музыку Бортнянского. Пожалуй, это были первые похороны в истории Российской империи, которые всколыхнули народную душу, подняли подданных и граждан отдавать последний долг великому человеку. Сегодня принято говорить о национальной идее как о неком гомункулусе, который выводят в пробирках высоколобые политтехнологи. Те, у кого перехватывало дыхание на похоронах русского архистратига, чувствовали душой патриотическую идею Отчизны. После 1991-го у нас принято рассуждать о национальных героях — скорее всего, здесь налицо калька с американского выражения. Однако англо-американское national скорее идентично русскому слову *народный*

. Только слово «народ» и производные от него не популярны у современной российской элиты: наверное, от него слишком пахнет классовыми боями. Но Суворов был истинным всенародным героем, и современный американский контекст для него тесноват.

В страшные дни Ленинградской блокады, когда героические защитники города, советские люди, стояли насмерть, знаменитые монументы северной столицы были спасены от бомбежек. Их сняли с постаментов и закопали. Но полководцам не след бегать от опасности. И памятник Суворову остался на высоком постаменте, он гордо возвышался над площадью и смотрел в глаза врагу. Он не прятался от немецких бомб. И Ленинград выстоял, ибо говорил Суворов: «**Тщетно двинется на Россию вся Европа: она найдёт там Фермопилы, Леонида и свой гроб** ».

Поэты, художники, кинематографисты о Суворове

Начнём с того, что Суворов и сам немало баловался сочинительством. Художественная натура! Впечатлительный, порывистый творец, он изливал на бумагу обиды и восторги. И документальное исследование о Суворове, и суворовская легенда во всех её воплощениях, и какой-нибудь позднейший анекдот о полководце — всё это окажется опресненным, если не говорить о Суворове и поэзии, Суворове и творчестве. Суворов был талантливым литератором, без его эпистолярного наследия и «Науки побеждать» наше представление о русской прозе XVIII в. было бы неполным. В своих письмах Суворов предстаёт замечательно одаренной личностью, подстраивающей под свой богатырский талант и литературные стили, и эпистолярный этикет. Именно по эпистолярному наследию полководца мы можем судить и о Суворове-поэте. Известно, что, начиная с царя Алексея Михайловича, в России стихотворчеством занимались все: железнодорожники и спортсмены, цари и председатели КГБ, генсеки и полководцы, министры и инженеры. Таков уж русский язык: напевный, полный рифм и аллегорий. Суворова можно назвать одним из наиболее самобытных и знаменитых русских стихотворцев-дилетантов. Его безжалостная по отношению к князю Г.А. Потемкину пародия на державинские «Хоры» звучит афористично, сразу и надолго врезается в память:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет,
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенны берега.

Это образец суворовской иронии — иронии, произрастающей из фольклора, перемешанной с самоиронией. Смеясь над Потемкиным, Суворов воздерживается от глумления — его усмешка направлена на уничтожение пороков, на исправление необузданного князя. Читателю этой эпиграммы хочется, чтобы её герой не «разил друга», чтобы он исправился. Это конструктивная критика и ирония, служащая созиданию — в противовес иронии разрушительной — усмешке ради усмешки, ради любопытства или — всего хуже — для удовлетворения авторского честолюбия. Суворов был честолюбив, умел радоваться наградам и новым чинам, порой сокрушался по поводу собственной

недооценённости (матушка, я прописной!), но на высших ступенях суворовской душевной иерархии находились категории, не подверженные ни девальвации, ни игре судьбы; категории, неуязвимые для придворных недругов. И в то же время история написания эпиграммы «Одной рукой он в шахматы играет…» переносит нас в мир политических интриг екатерининской России, заставляет разбираться в перипетиях взаимоотношений Суворова и Потемкина… Начнем с того, что державинские «Хоры», от фанфарного строя которых отталкивался в своей эпиграмме Суворов, были написаны для того самого праздника в Таврическом дворце, на котором отправленный в Финляндию подлинный покоритель Измаила не присутствовал. Графу Рымникскому не пришлось тогда услышать под сводами Таврического стихи Державина и музыку О. Козловского. Главным героем торжества, конечно, стал Г.А. Потемкин — политик и полководец, честно прославивший свое имя в войнах и политических преобразованиях, проходивших на южных рубежах Российской империи.

Историк В.С. Лопатин, исследовавший как эпистолярное наследие Суворова, Екатерины Великой, Потемкина, так и собственно историю взаимоотношений А.В. Суворова и Г.А. Потемкина, следующим образом трактует конфликт, послуживший поводом к написанию пародии на «Хоры». Суворов запутался в движениях придворных партий, и одна из этих партий — зубовская — использовала великого полководца в своей интриге против Потемкина. Все недоразумения, возникавшие между Потемкиным и Суворовым, со временем разрешались. Суворов и Потемкин — старые боевые друзья, и их переписка сохранила немало обоюдных уверений в дружбе и взаимной симпатии. О суворовском разочаровании партией Салтыковых и Зубовых говорит следующее стихотворение, написанное Суворовым в августе 1791 г.:

Бежа гонениев, я пристань разорял.
Оставя битый путь, по воздухам летаю.
Гоняясь за мечтой, я верное теряю.
Вертумн поможет ли? Я тот, что проиграл…

В.С. Лопатин пишет: «Да, он проиграл, поддавшись посулам Салтыковых и им подобных. Но можно не сомневаться, что Потемкин сумел бы восстановить отношения с «другом сердешным». Потемкин, умевший подмечать таланты, смело выдвигавший таких людей, как Ушаков, Платов, Кутузов, знал настоящую цену Суворову. Его последний отзыв о Суворове

говорит о многом. Но Потемкин скоропостижно скончался в разгар переговоров. Ясский мир, подведший итоги войны, заключил А.А. Безбородко, а Суворов надолго застрял на строительстве укреплений в Финляндии».

Добавим, что, конечно, демонизация образа Потемкина в суворовской литературе всех времен была по большому счету явлением спекулятивным и зряшним. Но признание этой несправедливости не уменьшает принципиальных различий между суворовским и потемкинским феноменами. Потемкина не назовешь ни скромником, ни аскетом, ни постником, ни богомольцем, ни народным героем. Талантливый администратор, энергичный государственник, он обладал весьма ограниченными полководческими способностями. И не был отчаянным героем! Не случайно в народной памяти боевые друзья Потемкин и Суворов остались антагонистами; первый представляется в окружении «роскоши, прохлад и нег» (Державин наградил этими «атрибутами» князя Мещерского, но они подходят и для Потёмкина), второй — на соломе, в худом «отцовском плаще». Отметим, что любовью к искусствам и поэтическими способностями отличались оба — это вообще характерно для российских героев. Опираясь на зыбкое народное ощущение, историки и писатели создали миф о «злом гении» Потемкине, отравившем Суворову жизнь, много лет державшем Суворова в нижних чинах, завидуя полководческому гению Александра Васильевича. В.С. Лопатин убедительно доказал несостоятельность этого мифа. Значение Суворова для современной России таково, что сейчас и Потемкин, и Кулибин, и даже сам Державин могут восприниматься как люди, окружавшие великого полководца. Суворова.

Как впечатлительная натура, как художник, Суворов зачастую откликался на те или иные исторические события или события собственной частной жизни то поэтическими строками, то не менее яркими зарисовками в прозе. На первый взгляд некоторые вспышки суворовского писательского таланта кажутся бессмысленными, лишенными логики, но, вникая в хитросплетения судьбы великого полководца, начинаешь понимать высокую логику каждой строки, накрепко связанной с неординарной личностью автора. 1769 год. Бригадир, недавний полковник Александр Суворов мечтает о подвигах, которые можно совершить в большой войне с Турцией (ещё один вечный российский вопрос — будет ли война с Турцией…). Суздальский пехотный полк, которым Суворов тогда командовал, совершил переход из Новой Ладоги в Смоленск. С какой иронией в суворовском стихотворении того времени передается это чувство,

чувство голода по великим свершениям. Суворов пишет из Смоленска своему приятелю А.И. Набокову:

Султана коли б я с его престола сбил
И девушек его всех вкупе попленил,
Прислал бы дюжину к тебе на утешенье
Или с Ефремовым я в Меккую слетал
И Магометов гроб там быстренно достал:
Довольно б было мне такое награжденье!

Налицо перекличка с позднейшим державинским анакреонтическим «Шутливым желанием» — «Если б милые девицы…» — знакомым современным любителям оперы по «Пиковой даме». Но у Суворова немудреное стихотворение 1769 г. упрямой рукой вписано в печальные страницы славной биографии. Кажется, не было в нашей истории ничего томительнее суворовского ожидания побед, ожидания подвигов, ожидания чинов, дающих возможность проявить себя, изменить к лучшему судьбу Родины… А в шутливом стихотворении «Султана коли б я с его престола сбил…» Суворов в излюбленном аллегорическом ключе рассказывал о своих будничных перемещениях и завершил письмо прямой просьбой к А.И. Набокову: «Сработай, сколько можешь, чтоб меня отсюда поскоряе и туда — чтоб уж хотя перепрыгнуть с одного света на другой, да уж не по-пустому. Особливости… здесь жить весьма весело. Нежный пол очень хорош, ласков, еще дадут пряслицу в руки».

Переписка А.В. Суворова с дочерью Натальей — с его Суворочкой — прочно вошла в суворовскую легенду как образец нежности солдата. Мы же обратим внимание на художественную состоятельность писем Суворова Н.А. Суворовой. Вспомним известное послание 1789 г. из Берлада: «У нас стрепеты поют, зайцы летят, скворцы прыгают на воздухе по возрастам: я одного поймал из гнезда, кормили из роту, а он и ушел домой. Поспели в лесу грецкие да волоцкие орехи. Пиши ко мне изредка. Хоть мне недосуг, да я буду твои письмы читать. Молись Богу, чтобы мы с тобой увиделись. Я пишу к тебе орлиным пером: у меня один живет, ест из рук. Помнишь, после того уж я ни разу не танцевал. Прыгаем на коньках, играем такими большими кеглями железными, насилу подымешь, да свинцовым горохом: коли в глаз попадет, так и лоб прошибет. Прислал бы к тебе полевых цветков, очень хороши, да дорогой высохнут. Прости, голубушка сестрица, Христос Спаситель с тобою».

В другом письме Суворов писал дочери: «Ай да ох! Как же мы

потчевались! Играли, бросали свинцовым большим горохом да железными кеглями в твою голову величины; у нас были такие длинные булавки, да ножницы кривые и прямые: рука не попадайся: тотчас отрежут, хоть голову. Ну, полно с тебя, заврались!» Давно замечено, что внешне Суворов чем-то был похож на Ханса Кристиана Андерсена. Двух великих стариков объединяет также сила религиозного чувства. И не беда, что отец Андерсена воевал в наполеоновских войсках и только по случайности не принял участие в боевых действиях против российской армии… Как и Андерсен, Суворов на всю жизнь был впечатлён сказочным фольклором — и умел находить общий язык с детьми, как и с солдатами.

Психология ребенка, круг девичьих интересов дочери — всё было известно Суворову, любящему отцу своей «Суворочки», «сестрицы», «матушки»… Оставшись одиноким после смерти родителей и разрыва с женой, Суворов намеревался посвятить жизнь своей Наташе. В другом — уже легендарном — обращении к Наташе Суворов описывает свои польские подвиги 1794 г.

Нам дали небеса
24 часа.
Потачки не даю моей судьбине,
А жертвую оным моей монархине.
И чтоб окончить вдруг,
Сплю и ем, когда досуг.

А чего стоит другое легендарное стихотворение Суворова, также обращённое к Наталье Александровне и также связанное с кампанией 1794 г.? М. Алданов, описывая в романе «Чёртов мост» сочинительство Суворова, использовал последние два стиха этого стихотворения как привычную суворовскую концовку, уже надоевшую требовательному к своей музе полководцу:

Уведомляю сим тебя, моя Наташа:
Косцюшко злой в руках: Ура! Взяла наша!
Я всем здоров: только немножко лих
На тебя, что презрен избранный мной жених.
Коль велика дочерняя любовь к отцу,
Послушай старика, дай руку молодцу.
А впрочем никаких не хочешь слышать (в)здоров.
Нежнейший твой отец, граф Рымникский Суворов.

В Финляндии, стремившийся на войну, в Польшу, Суворов

писал грустные стихи, полные как разочарования, так и тайной надежды. Полководцу вспомнился миф о Фаэтоне. Суворов посылал новые стихи Д.И. Хвостову — своему самому близкому, самому доверенному корреспонденту:

На что ты, отче, дал сию мне колесницу?
Я не могу везти вселенныя денницу.
Кичливо вознесясь, я пламенем сожжен.
Низвержен в стремнину и морем поглощен.

Зачастую стихи Суворова оказывались не менее загадочными, чем его аллегорические письма. Таков был стиль полководца — стиль дельфийского оракула. В октябре 1791 г. Суворов пишет П.И. Турчанинову о своем «диком стоичестве», образы Кинбурна и Очакова проносятся в этом письме и соседствуют с новым стихотворным ребусом:

Загадчику угад отдайте самому.
Узнаете! сколь мудр или сколь глуп родился,
Под завесой какой намекою он скрылся,
Какое качество судьба дала ему.

Ребус? Загадка? Ещё один суворовский штрих в создании образа гениального чудака? Суворов прибегал к стихотворчеству в самые трудные минуты разочарований (и ещё — во дни триумфов) — поэтому так много поэтических отрывков связано с его деятельностью в Финляндии:

Как в Бакховом соку Тразибул утопясь,
Как в креслах висковых сэр Ионсон углубясь,
Как бабочка весной летит из роз в лилеи —
Так форты, Роченсальм, мне ложи и постели.

Это четверостишие Суворов послал Хвостову из Кюменгорода — угрюмой музыкой звучали для полководца названия финских городов. Там же, в Финляндии, обиженный Суворов написал и не самую удачную из своих эпиграмм — эпиграмму на гетмана-Потемкина, так и не доверившего своему Марсу — великому Суворову — поход на Константинополь, на вечный Царьград (вспомним, еще бригадиром сорокалетний Суворов с долей иронии мечтал о пленении самого султана и о взятии Мекки). Эта эпиграмма, конечно же, полетела к Дмитрию Ивановичу Хвостову:

Поди сюда, гетман,
Язык твой на аркан.
Mars пошлет Геркулеса,
А ты пошлешь Зевеса.
Ты Терзиту подобен.
И Царь-Град вам покорен.

Суворов кое-как писал стихи и по-французски, и по-немецки, подбадривая союзников, внушая страх завистникам. Стихи были еще одним оружием Суворова, занимавшим своё место в его системе, в его стратегии. В стихах Суворов мог написать и приказ, и реляцию. Самые знаменитые поэтические рапорты Суворова — апокрифические:

Слава Богу, слава вам!
Туртукай взят — и я там!

Байрон использовал это двустишие применительно к Измаилу — «Крепость взята — и я там». У Байрона Суворов таким образом отписывает императрице. Вошло в нашу речь и шутливое двустишие:

Я на камушке сижу,
На Очаков я гляжу.

Двустишие, которое должно было излечить нерешительность русского командования под Очаковом. Всероссийскую известность получили и суворовские стихотворные колкости в адрес императора Павла. Прежде всего, это яркое:

Пудра не порох,
Букли не пушки.
Коса не тесак,
Я не немец, а природный русак.

«Русак не трусак», — говаривал Суворов, рассмотрев в пылу споров остроумную и осмысленную рифму. И, наконец, приписываемое Суворову:

Не венценосец ты в Петровом славном граде,
А деспот и капрал на плац-параде.

Если сравнить эти поэтические отрывки с письмами Суворова того времени, то мы заметим сходство мысли и стилевое единство. В поэзии Суворова привлекал чёткий ритмический рисунок. Особенно ценил полководец стихи остроумные, афористические, которые легко запоминаются. Их можно скандировать про себя в походах. Всё-таки Байрон был несправедлив к русскому полководцу, упрекая его за армейские каламбуры… Сам лорд-поэт прекрасно знал, как нужна солдатам песня, как даже порабощённые народы передают из поколения в поколение заветные строки героического эпоса. Солдаты перенимали ритмы суворовского стиля в песне, написанной под впечатлением постулатов «Науки побеждать»:

Штык, штык не велик,
А посадишь трёх на штык,
А закатишь пулю в дуло,
Да ура! Да на врага!
Пуля-дура — проминула, —
Поднесёшь ему штыка.

Есть известный анекдот, записанный Фуксом, свидетельствующий о суворовской симпатии к поэтам. За трапезой молодой офицер сел поближе к Суворову, в нарушение субординации. Суворов отчитал было невежу, но тут кто-то заявил, что этот офицер — поэт и, вероятно, желает получше рассмотреть фельдмаршала, чтобы воспеть его. Суворов мгновенно сменил гнев на милость и обласкал офицера: полководец — герой анекдота — считал, что к поэтам нужно относиться с исключительной снисходительностью.

Суворов с благодарностью и интересом относился к поэтам, воспевавшим его дела. В главе, посвященной истории взаимоотношений Суворова и Державина, приведено стихотворение, которое полководец посвятил поэту в ответ на оду последнего. Не менее благодарное письмо было отправлено Ермилу Кострову — поэту, первым воспевшему Суворова. Поэту, для которого Суворов был меценатом. Ермилу Кострову Суворов также ответил стихами:

В священный мудрые водворены быв лог,
Их смертных просвещать есть особливый долг;
Когда ж оставят свет, дела их возвышают,
К их доблестям других примером ободряют.
Я в жизни пользуюсь, чем ты меня даришь,
И обожаю все, что ты в меня вперишь.

К услугам общества, что мне не доставало,
То наставление твое в меня влияло:
Воспоминаю я, что были Юлий, Тит,
Ты к ним меня ведешь, изящнейший пиит.
Вергилии, Гомер, о! естьли бы возстали,
Для превосходства бы твой важный слог избрали.

В этих суворовских стихах — самое точное выражение читательского отношения к роли поэта, которое было свойственно веку Просвещения. Костров в своих одах учил Суворова, воспитывал в нем представления об идеале, к которому полководец теперь стремится.

Суворов и поэзия… Для Российской империи поэзия стала таким же «краеугольным» искусством, как для «доимперских» русских государств — иконопись и храмовое зодчество. Когда приходила беда в Киевскую Русь или Московию — прерывалось и развитие зодчества… Дело здесь вовсе не в политической роли искусства, здесь мы имеем дело с гораздо более загадочной и трудно поддающейся исследованию связью. Суворов, как национальный герой Российской империи, просто обязан был писать стихи и оказывать почтение поэтам. О любви Суворова к поэзии сложено немало легенд — от диогенообразного заявления: «Если бы я не был полководцем, то стал бы поэтом» до взаимоотношений с Ермилом Костровым. Народ облюбовал именно такого героя — сочиняющего стихи, разбирающегося в поэзии, цитирующего Ломоносова и Державина, руководствующегося их поэтическими формулами в минуты колебаний и неуверенности. Так и создаются массовые представления о национальном герое: из впечатлений, охватывающих все пристрастия, все черты и черточки характера. Легенда требует полного проникновения в психологию героя. Легенда должна отвечать на любой вопрос, касающийся Суворова, даже самый досужий.

Значительное место в художественном наследии Суворова занимают язвительные стихотворные и прозаические отрывки, посвященные князю Николаю Васильевичу Репнину (1734–1801), известному генералу, произведенному в генерал-фельдмаршалы Павлом Первым. Репнин был одним из самых влиятельных недоброжелателей Суворова, тактику которого он свысока называл «натурализмом». Можно предположить, что именно Репнину принадлежит авторство легенды о Суворове как о невежественном, но удачливом полководце. Суворов мучительно пытался осмыслить феномен Репнина, который казался великому

полководцу то злым гением, то запутавшимся в новомодных духовных учениях греховодником, то бездарным мошенником, фальсификатором собственных побед. Крупнейшим успехом Н.В. Репнина было сражение с турками под Мачином летом 1791 г. Репнин действовал тогда по-суворовски… В 1792 г. находившийся в Финляндии Суворов отреагировал на самую известную военную победу князя Репнина в доверительном письме Д.И. Хвостову: «Странствую в сих каменномшистых местах, пою из Оссиана. О, в каком я мраке! Пронзающий темноту луч денного светила дарит меня. Перевод с аглицкого:

Оставших теней всех предтекших пораженьев
Пятнадцать тысяч вихрь под Мачин накопил.
Герой ударил в них, в фагот свой возопил!
Здесь сам Визирь, и с ним сто тысяч привиденьев».

Наш пересмешник явно намекает, что Репнин преувеличил число разбитых турок, присоединив к ним «привидения». В другом письме тому же Д.И. Хвостову Суворов снова иронизирует по поводу мачинской победы Репнина: «Безумен Мачинский, как жаба против быка, в сравненье Рымника».

В марте 1792 г. Суворов создаёт прозаический отрывок, посвященный тому же князю Репнину, отрывок, известный как «Записка о Н.В. Репнине». Это образец суворовской сатирической прозы:

«Один меня недавно спросил: Qui a plus d`audace ou de dissimulation, que к/нязь/ Репнин? (Кто наглее и скрытнее князя Репнина (франц.) . — *А.З.*)

Мне С. Андрея — «Ежели расточать милости, что останется при мире?»

П/ринц/ Де Линь — «Ежели так откладывать, у нас никто служить не будет».

Я ранен. — Поносит меня громогласно… и умирающему мне отдает благодушный кондолеанс.

Я под Измаил. — Простодушно: «Право, не его дело крепости брать. Увидите»…

Софизм: J`ai pense toute ma vie au service, il est tems que je pense a mon ame. (Всю жизнь я думал о службе, время подумать мне о душе (франц. — *А.З* .).

— «Оставляете Суворова: поведет армию в Царьград или сгубит! Вы увидите».

С г/рафом/ Ник/олаем/ Ив/ановиче/м меня сплел жених/ом/. Стравил меня со всеми и страшнее.

Это экстракт.

Я ему зла не желаю, другом его не буду, разве в Шведенберговом раю».

Быстрота образной мысли, умение найти единственные в своём роде эффектные определения — «Это экстракт», «Швенденберговый рай». В набросках художественной прозы полководца отразились его страстная натура, могучий темперамент, сложный жизненный опыт. Да и образ Репнина, созданный в стихах, письмах и вышеприведенной записке, оказывается рельефным, сложным, многомерным. Это и водевильный интриган, и бездельник-сибарит, напоминающий героя державинской оды «Вельможа». И масонство Репнина, его увлечение модной философией, раздражало Суворова, всегда видевшего в подобных блужданиях духа «гиену», разложение и смерть. Репнин, каким его создал Суворов, не соответствует народным представлениям об идеале, о национальном герое. Он — противник такого героя. И Суворов своей «репнинской эпопеей» обогатил собственную легенду новыми идеологическими оттенками.

Еще один суворовский прозаический отрывок — так называемая «Записка о пребывании в Петербурге», датируемая последними месяцами 1791 г. Этот отрывок — литературное предчувствие образа Санкт-Петербурга у русских писателей XIX — XX вв. Под пером Суворова возникает город-миазм — неосознанная перекличка со многими литературными произведениями, включая позднейшее замечательное стихотворение Я.П. Полонского «Миазм», кажется удивительной. У Александра Васильевича Суворова:

«Здесь по утру мне тошно, с вечеру голова болит!

Перемена климата и жизни.

Здешний язык и обращения мне незнакомы.

Могу в них ошибаться.

Потому расположение мое не одинаково:

Скука или удовольствие.

По кратковременности мне неколи, поздно, охоты нет иному учиться, чему до сего научился.

Это все к поступкам, не к службе!

Глупость или яд — не хочет то различать.

Подозрения на меня быть не может: я честный человек.

Бог за меня платит.

Безчестность клохчет, и о частном моем утолении жажды.

Известно, что сия умереннее, как у прочих.

Зависть по службе! Заплатит Бог! Выезды мои кратки.

Ежели противны, и тех не будет».

Санкт-Петербург уязвлял Суворова, возбуждал его подозрительность. Ещё во время командования Суздальским

полком он болел в Петербурге, жаловался на невскую воду… Суворов «не верил Невскому проспекту» и не случайно свои жалобы уязвленного самолюбия поместил в городское пространство Петербурга, города, где «поутру мне тошно, с вечеру голова болит». И снова поводом к написанию прозаического отрывка (и подоплёкой нескольких туманных намёков) стала обида человека, впутанного в жестокую интригу и проигравшего. В 1791 г. Суворов получил самые серьезные «раны при дворе», которые, как известно, болели сильнее, чем солдатские раны полководца.

* * *

Поиски истоков мировой поэзии и музыки приводят нас к сюжетам древности. К тем временам, когда поэзия и музыка зарождались в истории человечества. Первые чувства, выраженные первой поэзией — это любовь, это удивление величием мироздания и патриотическое прославление героев. В VII в. до н. э. в древней Элладе жил поэт Тиртей. Он слагал лаконичные боевые песни и марши — эмбатерии. Высокой легендой отозвалось представление современников о роли Тиртея во 2-й Мессенской войне. Дельфийский оракул велел спартанцам призвать военного советника из Афин. Афиняне, словно в насмешку над всегдашними соперниками, послали в Спарту хромоногого Тиртея, школьного учителя и поэта. И поэтическая героика Тиртея внесла перелом в ход войны, воодушевив спартанцев:

> Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья,
> Родину-мать от врагов обороняя в бою…
> *(перевод О. Румера)*

Героическое начало проявляется и в жизни, и в искусстве, определяя течение истории. Можно ли переоценить роль чтимой Суворовым «Илиады» и «Махабхараты», русских былин и «Песни о Роланде» в истории цивилизаций?.. Мы могли бы долго перечислять образцы высокой героики в музыке, театре, в романистике, в обычаях и поступках людей. Вечная эстафета искусств невозможна без героических образов. Нигде с такой полнотой не выразился народный характер, как в героическом эпосе — фольклорном фундаменте всех литератур. Ещё один классический сюжет античной истории, сыгравший решающую роль в судьбах мировой и русской поэтической героики, — это

эпопея Александра Великого. Молодой македонский царь, покоривший Восток и Запад, стал героем популярнейшего средневекового романа, подарил собственное имя величавой поэтической форме — александрийскому стиху. Империя Александра стала главной из социальных предпосылок поворота духовной истории человечества от язычества в сторону мировых религий. Перемешивая Восток и Запад, полководец создавал ареал для грядущего христианства. Эта история с метафорической убедительностью показывает взаимосвязь героики и духовности. И не разобрать — где кончается документ и начинаются Пушкин или Державин. Всё слито воедино, в монолит народной культуры, где и «тьмы низких истин», и «нас возвышающий обман».

Русская литература кровно связана с историей страны, ее народа, государственности — и особенно явно эта связь проявляется в героическом эпосе и литературной героике. Современный историк культуры пишет: «Русская мысль, начиная со «Слова о законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона и до последних сочинений М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева — то есть за девять с половиной столетий, — создала ценности, которые выдержат сравнение с достижениями любой духовной культуры мира. При этом необходимо сознавать, что духовное творчество не рождается на пустом месте: его порождает бытие страны во всей его целостности». Литературная героика является одним из наиболее выразительных отражений национального характера, исторических представлений о разных проявлениях бытия, свойственных той или иной культуре на том или ином этапе развития. Истоки героической поэзии — в культурной мифологии. По мнению Шеллинга, «мифология есть необходимое условие и первичный материал для всякого искусства». Суворов, а вместе с ним и целое поколение русских героев XVIII в. в поэзии были уподоблены мифологическим героям греческого золотого века, троянского цикла, историческим героям периода Греко-персидских войн, наконец, героям поколения Александра Македонского, также имевшим историко-литературное значение, ставшим эталонами героических образов для мировой поэзии (сподвижники Александра — Гефестион, Кратер, Неарх, противники — Мемнон, Спитамен, Пор). Отметим постоянное влияние представлений об Александре Македонском на русскую культуру, ощущавшееся, по наблюдениям академика Б.А. Рыбакова, и в древности, в сложной взаимосвязи с культовыми образами Даждьбога, а позже и в осмыслении Христианства. В историческом контексте образ Суворова оказался для поэзии куда важнее, чем для самого героя. В реальной биографии Суворова

взаимоотношениям с поэтами было присуще психологическое напряжение, о котором речь впереди. Не случайно даже самые сухие статьи и монографии, посвящённые Суворову, не обходятся без поэтических цитат. Поэзия была увлечением полководца при жизни, она сыграла важную роль и в посмертной судьбе Суворова.

Солдаты, безымянные авторы народных песен, прославили Суворова в своих бесхитростных стихах прежде всех столичных служителей муз. Так и должно было случиться с полководцем, остающимся в истории российского общества неразрешимой загадкой. Ни первые подвиги Суворова в Польше, ни славные победы при Туртукае, Козлудже, Гирсове, Фокшанах, Рымнике не были воспеты одописцами екатерининского века, если не считать суворовского друга и родственника Д.И. Хвостова, который в своём кургузом стихотворном послании Суворову сподобился лишь на несколько стройных строк:

О, ты, сияющий у Рымника брегов,
Герой, России честь и страх её врагов!
В тебе Ахилла дух и Аристида нравы,
Завиден чистый луч твоей бессмертной славы!

Но у Хвостова — одна из худших репутаций в истории русской литературы. И Суворов, ценивший его как друга, конечно, не был поклонником хвостовской музы. К счастью, мнительный граф Рымникский не знал злой эпиграммы М.В. Милонова, который писал о Хвостове уже после смерти полководца:

Прохожий! Не дивись, на эту рожу глядя,
А плачь и горько плачь: ему Суворов дядя.

Словом, Хвостов — не в счёт, а другие поэты Суворова до поры до времени не замечали, хотя Александр Васильевич был в добрых отношениях и с Державиным, и с Херасковым, и с Рубаном. Можно вспомнить лишь беглое упоминание Суворова в «Храме Марсовом» М.Н. Муравьёва:

Готовит Панин стен проломы,
Репнин, Каменский — бранны громы,
Суворов — быстротой орел.

Даже вот такие беглые упоминания были редкостью! Кстати,

князя Репнина Муравьёв в стихотворениях периода первой екатерининской Русско-турецкой войны упоминает трижды… А солдаты уже пели, противопоставляя своего любимца другим генералам:

Князь Румянцев генерал
Много силы истерял.
Вор Потёмкин генерал
В своём полку не бывал.
В своём полку не бывал,
Всю-то силу растерял,
Кое пропил-промотал,
Кое в карты проиграл;
Которая на горе —
Стоит по-груди в крове;
А котора под горой —
Заметало всю землёй.
А Суворов генерал
Свою силу утверждал,
Мелки пушки заряжал —
Короля во полон брал.

В годы первой екатерининской Русско-турецкой войны, после побед при Туртукае и Козлудже Суворову посвящает стихотворение поэт Василий Иванович Майков (1728–1778). В.И. Майков был товарищем Суворова по Семёновскому полку (поэт служил там в 1747–61 гг.). Он откликнулся на подвиги однополчанина поэтическим посланием «Стихи А.В. Суворову»:

Кто храбрость на войне с искусством съединяет,
Тот правильно число героев наполняет;
Суворов, ты в себе те качества явил,
Когда с немногим ты числом российских сил,
На превосходного напав тебя злодея,
Разбил его и так, как вихрем прах развея,
К Дунайским гнал брегам, упорной сей народ
Прогнал и потопил в струях кровавых вод…

Конечно, Суворову, ценителю поэзии, было приятно получить такой стихотворный подарок. Но каноны классицизма требовали, чтобы герою посвящались торжественные оды, а Майков написал дружеское послание… Од не было ни после покорения Крыма, ни после Кинбурна, ни после Фокшан… Гораздо позднее у читающей

публики создалось впечатление, что Суворов всегда был излюбленным героем Державина и Петрова. Нам, помнящим державинского «Снигиря», трудно представить, что великие победы при Фокшанах и Рымнике, принесшие Суворову мировую славу и графский титул, не нашли своего одописца… А в своей знаменитой оде «На взятие Измаила» Гаврила Романович, оставшийся в истории как друг и литературное alter ego Суворова, не упомянул Александра Васильевича — тогда уже графа Рымникского — ни разу. И только честнейший Ермил Костров, в том же 1791 г. посвятивший Суворову свой перевод «Оссиана, сына Фингалова, барда третьего века…», восславил тогда Суворова в эпистоле «На взятие Измаила», да всем своим положением обязанный Суворову легендарный графоман Дмитрий Хвостов восславил дядьку своей жены в «Стихах на отъезд Его Сиятельства Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского по взятии Измаила в Санкт-Петербург из Москвы 1791 г. февраля «…» дня». Хвостов, по своему обыкновению, в том же 1791 г. за свой счёт издал сие творение, — но Суворов ждал чего-то иного, ждал своего Оссиана, который восславит военные подвиги измаильского героя достойными стихами.

Ермила Кострова Суворов ставил высоко — но этот поэт был также человеком суворовского круга. Суворов, как меценат, помогал Кострову рублишком. Между тем Александр Васильевич ждал откликов от литераторов, не обязанных ему ни материальным благополучием, ни положением в обществе. Признание властителей дум пришло к Суворову не сразу, великий полководец задержался в безвестности, чтобы уже старцем сделаться героем лучших военных од своего века, а после смерти остаться тайной за семью печатями, которую и поныне разгадывают философы и поэты, историки и политики. После Измаила, пребывая в финляндской меланхолии, Суворов получил ещё один привет от поэта «второго ряда» Павла Ивановича Голенищева-Кутузова (1767–1829) — «Его сиятельству графу А.В. Суворову-Рымникскому, на взятие Измаила»:

> Отечества краса, России слава, честь —
> Суворов! Я тебе дерзаю дар принесть.

До пражской победы и взятия Варшавы было написано ещё одно любопытное стихотворение — «Ода его сиятельству графу А.В. Суворову-Рымникскому, в проезд его через Белгород» (1792 год). Автором оды предположительно был архиепископ Курский и Белгородский Феоктист (1732–1818, в миру — Фёдор Васильевич Мочульский), в прошлом — законоучитель Сухопутного

кадетского корпуса. Один из лучших проповедников того времени, святитель и учёный, белгородский архиерей молился за Суворова:

О, Боже! Благо россам строя,
Храни Суворова-героя
Во славу россам, страх врагам;
Храни его заслуги верны;
Труды отечеству усердны;
Храни его любовь к трудам.

Пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать эпизоды торжества российского военного могущества в европейских столицах. Семилетняя война, Наполеоновские войны, Вторая мировая… Психологическое значение польской кампании 1794 г., блестящих побед при Кобрине, под Брестом, наконец, пражской виктории, было велико: не дикие турки, а прежние теснители Московии поляки, да ещё хворые французской болезнью, были наголову разбиты полным генералом Суворовым. Уже после брестской победы Василий Григорьевич Рубан (1742–1795) засел за песнь Суворову, а Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), к удивлению друзей, начал свою оду вместо привычных «безделок»: «На победу графа Суворова-Рымникского, одержанную над польскими войсками, когда он в три дня перешёл семьсот вёрст». Поэт восклицал: «Се ты, о Навин, наш Суворов! Предмет всеобщих днесь похвал!» Дмитриев не случайно в заглавии намекнул на быстроту Суворова: полководец успеет занять Варшаву раньше, чем стихотворцы завершат оды на взятие Бреста…

«Ура! Варшава наша!» — писал императрице полководец в известной легенде. Эти слова определили начало нового витка суворовской легенды — с этого времени каждое слово Александра Васильевича, каждый его жест будут рассматриваться современниками как нечто многозначительное и символичное. В этой легенде нашлось местечко и для императрицы Екатерины Великой. «Ура! Фельдмаршал Суворов!» — конечно, нам хочется верить, что именно так отписала Северная Семирамида своему воинственному старцу. И началось. Костров торжествовал вместе с Суворовым «Эпистолой на взятие Варшавы» и обещал в новых стихах воспеть новые подвиги фельдмаршала:

Но, муза! Опочий. Коль вновь Суворов грянет,
Твердыни ужасов враждебны потрясет,
Пусть дух твой в пламени рожденном вновь воспрянет,
И нову песнь ему усердье воспоет.

Сочиняя почти наперегонки с Ермилом Костровым, посвятил Суворову оду Иван Дмитриев — как известно, поэт очень миролюбивый, тонкий стилист, один из талантливейших наших сентименталистов. Современники сомневались — уж не Державин ли написал эту оду «Графу Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы»?

Кто Росс — и ныне не восплещет,
От радости не вострепещет,
Сердечных чувств не прилиет
И не сплетёт венка герою?..

В 1831 г. успевший постареть и послужить министром Иван Иванович Дмитриев сочинит другому поэту, В.А. Жуковскому, послание «По случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы»:

Была пора, питомец русской славы,
И я вослед Державину певал
Фелицы мощь и стон Варшавы, —
Рекла и бысть — и Польши трон упал.

Другая, сомнительной славы, война, иного рода патриотизм — воинствующий, предполагающий существование оппозиции, тех, кого новый «стон Варшавы» не восхищает и не умиляет. Ода «с мнимым противником»:

Взыграй же, дух! Жуковский, дай мне руку!
Пускай с певцом воскликнет патриот:
Хвала и честь Екатерины внуку!
С ним русский лавр цвесть будет в род и род.

В 1794 г. Ивану Дмитриеву, а вместе с ним и Гавриле Державину, не требовалось дискутировать со своими соотечественниками. И если Дмитриев и тогда озаглавил своё стихотворение «Глас патриота», то как разнятся высокий патриотизм 1794 г. и неловкий поклон в сторону императора Николая Павловича — впрочем, последний заслуживал и уважения, и прославления.

Но вернёмся в 1794 год. На взятие Варшавы откликнулись и

Ермил Костров, и наконец Гаврила Романович Державин. Первый — «Эпистолой Его Сиятельству Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на взятие Варшавы», второй — «Песнью Ея Императорскому Величеству Екатерине Второй на победы Графа Суворова-Рымникского 1794 года». Впрочем, судьба державинского стихотворения не была счастливой: «Песнь…» была напечатана в 1794 г., но в свет не вышла. Следующие стихи показались тогда политически некорректными:

Трон пред тобой, — корона у ног, —
Царь в полону!..

Тираж отпечатанной оды — три тысячи экземпляров — уничтожили.

Стихотворение наконец увидело свет только в 1798 году. Державин был громоподобен, как никогда:

По браням — Александр, по доблестям — стоик,
В себе их совместил и в обоих велик.

Преклонявшийся перед поэзией Суворов искренне благодарил поэтов, прославлявших его победы, посылал им комплиментарные письма, а Ермилу Кострову и Гавриле Державину в ответ на их стихотворные приношения сам полководец посвятил по стихотворению.

Писал в те дни Суворову и любимец покойного Потёмкина Василий Рубан:

Ты лавры приобрёл, я слёзы проливаю
И подвиги твои иройски лобызаю.
За труд Отечество тебя благодарит,
И слава дел твоих Вселенную дивит.

Восхищение суворовской победой было подлинным и неуязвимым патриотизмом. Иные победы требуют деликатного приёма, а Суворов у нас был и есть один. Замечательно, что в нашем веке авторы художественного фильма «Суворов» (об этой кинокартине речь впереди) намучились с польским вопросом. Прославлять захватнические и контрреволюционные войны Российской империи мастерам советского «нового искусства» не следовало, и в первоначальном варианте фильма польской кампании внимание не уделялось. Но рукопожатие Молотова и

фон Риббентропа сразу изменило ситуацию, конъюнктура перевернулась с головы на ноги или — кому как нравится — наоборот. Нужно было озвучить и исторически оправдать антипольские настроения советского правительства — и фильм в своём окончательном варианте начинался с бравурного изображения суворовских побед в Польше. В конечном счете это сыграло с Григорием Пудовкиным — режиссёром киноромана — злую шутку. Очень скоро поляки стали для СССР братьями по соцлагерю и фильм — один из самых интересных в советской кинобаталистике — старались не замечать. В опалу угодила и ода Ивана Ивановича Дмитриева. Её старались по возможности не включать в новые издания стихотворений поэта, как и соответствующие оды Державина.

Между тем решительное наступление Суворова и суворовской темы на фронтах русской поэзии началось после победной польской кампании 1794 г. 15 декабря 1795 г. Суворов наконец-то прибыл в Петербург. Императрице не терпелось наградить своего героя — к тому же в Варшаве Суворов проводил слишком гуманную и самостоятельную политику.

В Петербурге Суворова встречали как триумфатора. Поселился фельдмаршал, как мы помним, в Таврическом дворце — там, где полтора года назад проходил Измаильский праздник, на котором для него не нашлось места… Каждый стремился засвидетельствовать своё почтение покорителю Варшавы. И тут начался спектакль, в котором Державин сыграл не последнюю роль.

«Во второй день граф не желал никого принимать, кроме избранных лиц; первого он дружески принял Г.Р. Державина в своей спальне; будучи едва прикрыт одеждою, долго с ним беседовал и даже удерживал, казалось, для того, чтоб он был свидетелем различия приемов посетителям; многие знатные особы, принадлежащие двору, поспешили до его обеда (в Петербурге назначен был для обеда 12-й час) с визитом, но не были принимаемы: велено было принять одного кн. П.А. Зубова. Зубов приехал в 10 часов; Суворов принял его в дверях своей спальни, так же точно одетый, как бывал в лагерной своей палатке в жаркое время; после недолгой беседы он проводил князя до дверей своей спальни и, сказав Державину «vice-versa», оставил последнего у себя обедать.

Чрез полчаса явился камер-фурьер: императрица изволила его прислать узнать о здоровьи фельдмаршала и с ним же прислала богатую соболью шубу, покрытую зеленым бархатом с золотым прибором, с строжайшим милостивым приказанием не приезжать к ней без шубы и беречь себя от простуды при

настоящих сильных морозах. Граф попросил камер-фурьера стать на диван, показать ему развернутую шубу; он пред нею низко три раза поклонился, сам ее принял, поцеловал и отдал своему Прошке на сохранение, поруча присланному повергнуть его всеподданнейшую благодарность к стопам августейшей государыни.

Во время обеда докладывают графу о приезде вице-канцлера графа И.А. Остермана; граф тотчас встал из-за стола, выбежал в белом своем кителе на подъезд; гайдуки отворяют для Остермана карету; тот не успел привстать, чтоб выйти из кареты, как Суворов сел подле него, поменялись приветствиями и, поблагодарив за посещение, выпрыгнул, возвратился к обеду со смехом и сказал Державину: «Этот контрвизит самый скорый, лучший — и взаимно не отяготительный».

В те дни они сдружились, и Суворов открывался перед Державиным как эксцентрик, как мыслитель. Разговаривая с поэтом, он снимал маску чудака — и Державин рассмотрел в нём загадочного, непостижимого мудреца. Тогда-то и появились первые настоящие стихи Державина о Суворове:

Когда увидит кто, что в царском пышном доме
По звучном громе Марс почиет на соломе,
Что шлем его и меч хоть в лаврах зеленеют,
Но гордость с роскошью повержены у ног,
И доблести затмить лучи богатств не смеют, —
Не всяк ли скажет тут, что браней страшный бог,
Плоть Епиктетову прияв, преобразился,
Чтоб мужества пример, воздержности подать,
Как внешних супостат, как внутренних сражать.
Суворов! страсти кто смирить свои решился,
Легко тому страны и царства покорить,
Друзей и недругов себя заставить чтить.

Это стихи «с портретным сходством» и «с психологией». Наконец-то он увидел Суворова не в латах, не в львиной шкуре, не в античной тоге. В стихах блеснули горящие глаза Суворова! Державин первым понял, что главная победа Суворова — над самим собой, над искушениями, над «внутренними супостатами». Отныне Суворов стал любимым героем Державина. Отныне поэт воспринимал полководца не как символ победы, не как величественную функцию — он пытался найти слова, которые раскрыли бы сложный образ воина-подвижника, неожиданного, необыкновенного в каждом жесте.

С 1794 по 1800 г. поэты (ярчайшим из них был великий

Державин) подняли Суворова на подобающую ему высоту. В общем хоре звучал и голос старейшины российской словесности — вышедшего из моды А.П. Сумарокова:

Сей, лавры все пожав, с природою сражался,
Героев древности далёко превзошёл;
Ко славе тесным мир ему наш показался,
В страны неведомы с бессмертьем перешёл!
(«К портрету Суворова»)

Именно в эти годы общественное мнение России, уже почти руководимое стихотворцами, избрало Суворова своим героем, противопоставляя русского генералиссимуса сначала генералу Бонапарту, позже — императору Наполеону. Старик Болконский — герой толстовского романа — был в числе тех, кто в последнее пятилетие XVIII в. убедился в гениальности Суворова и накрепко уверился в уникальности дарования русского полководца.

Суворов совсем не был похож на классического «екатерининского орла». Это сейчас нам трудно представить себе блестящий век Екатерины без его enfant terrible. Со своей невзрачной внешностью, с почти домостроевским нравом, исключающим галантную ветреность, Суворов стал бы для современников настоящим посмешищем, если бы не воспользовался маской посмешища мнимого. Державин в «Снигире» заметил, что наш полководец низлагал «шутками зависть, злобу штыком». К тому времени Гаврила Романович Державин хорошо изучил нрав Суворова. К такому человеку общество должно было привыкать и привыкать. И привыкало до 1794 г. Это длительное ожидание признания было мучительным и для Суворова, и для общества. Александр Васильевич, поздно получивший по заслугам, долгое время то принимался считать себя неудачником, то стоически переносил государственную неблагодарность, как и невнимание поэтов. Державин — ярчайший представитель тогдашнего просвещенного общества — на закате своих дней, конечно, стеснялся уже упомянутого мною исторического и литературного факта: в измаильской оде не был прославлен Суворов. Не только политическая ангажированность не позволила замечательному нашему поэту воспеть попавшего тогда в потёмкинскую полуопалу Суворова. Позволю себе предположение, что тогда — после Фокшан, Рымника и Измаила — Державин не разглядел ещё в Суворове гениального полководца. Помешала и репутация удачливого и горячего дикаря, закрепившаяся за Суворовым в близких Державину столичных кругах, и возможные мысли об ординарности

дарования Суворова: честный, чудаковатый, искушённый в поэзии и экстравагантный в поступках генерал побил турок. Наблюдавшему за той войной из Петербурга Державину эти подвиги не могли ещё показаться доказательством гениальности, а уж когда «…шагнул — и царства покорил…» — и чудаковатость, и честность показались приметами величия.

Когда началась самая долгая опала Суворова — Державин не отступился, то и дело сетовал в стихах на удаление фельдмаршала. Но вот Суворова возвращают в армию и вверяют ему масштабную миссию — «спасать царей». Державин по этому случаю пишет оду «Орёл», а после известий о победах при Адде и Требии — оду «На победы в Италии».

Но самой величественной и многословной вышла ода «На переход Альпийских гор». Державин придумал для неё мудрёный эпиграф: «Великий дух чтит похвалы достоинствам, ревнуя к подобным; малая душа, не видя их в себе, помрачается завистию. Ты, Павел! равняешься солнцу в Суворове; уделяя ему свой блеск, великолепнее сияешь». Этот эпиграф, по признанию Державина, написан «с намерением, дабы Павел познал, что примечено публикою его недоброжелательство к Суворову из зависти, для чего сия ода холодно и была принята». Император никому не позволял себя поучать. Он ожидал не советов, не сомнений, а подчинения и славословий. Зная об этом, Державин вычеркнул из оды весьма удачную строфу:

Великая душа лишь знает,
О Павел! дать хвалу другим;
Душ малых зависть помрачает
И солнце не блистает им.
Монарха блеск, светила мира,
Чрез отлияние порфира
Прекрасней нам своим лучом.
Он от морей, от капль сверкает,
Сияньем взоры восхищает:
Так ты — в Суворове твоём.

Почувствовал поэт, что Павла эти рассуждения оскорбят. Но император не принял оду и в отредактированном варианте. Ко времени её публикации он снова разочаровался в Суворове.

Поэтам и мыслителям, озадаченным суворовским феноменом, было нелегко найти определения для русского гения, национального героя, лишенного ярмарочной удали и кабацкого молодечества. Суворов — солдат и богомолец, пунктуально выполнявший ставившиеся перед ним задачи. Этот Суворов педантично эвакуировал из Крыма греков и армян, с поразившей

Пушкина аккуратной самоотверженностью уничтожил последствия пугачевского мятежа, наконец, вытеснил врага с Крыма и с Кубани. Этот Суворов был грозой бунтарей не из-за жестокости и отчаянности, а благодаря своему умению ставить задачи и, взвесив всё, раньше других их выполнять.

В XIX в., конечно, Суворов для многих превратился в почтенный реликт екатерининского века (именно екатерининскому веку посвящено замечательное стихотворение Аполлона Майкова «Менуэт»), но были и среди творцов того времени люди, увлечённые Суворовым: художник Василий Суриков и светило военной науки генерал Драгомиров, литератор Николай Полевой и всем известный историк Василий Осипович Ключевский… Сложным было достойное отдельного рассказа отношение к Суворову другого национального гения России — Александра Сергеевича Пушкина. На первый взгляд, удивительно, но великий охранитель России от потрясений и бунтов, убеждённый монархист Александр Васильевич Суворов был кумиром для многих декабристов, о чём также рассказ впереди.

Подвиги последних походов Суворова воспеты не только Державиным. Василий Петров (1726–1800) в своей оде 1799 г. обратился не к Суворову, а к его спутнику — великому князю Константину Павловичу. Немало писали об Итальянском походе М.Л. Магницкий (1778–1844) и В.В. Капнист (1757–1824). Капнист, поэт державинского круга, талантливый сатирик, в баталистике был, по большому счёту, эпигоном своего приятеля по лейб-гвардии Преображенскому полку:

Сбылось предсказанное мною,
Сбылось — и росский Геркулес
На Гидру наступил пятою,
Чрез Альпы ногу лишь занес…

На смерть Суворова Державин отозвался сразу несколькими стихами. Сокрушённый, он возвратился на Фонтанку с похорон героя, думы о Суворове не оставляли его. «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа». Только через пять лет в «Друге просвещения» выйдет стихотворение «К снигирю. По кончине князя Суворова», с примечанием: «Сия пьеса прислана от неизвестного». Многим уже было знакомо это сочинение Державина — и всё-таки «от неизвестного»:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?

С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Достойное начало — трагические аккорды. Но дальше — главное:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов;
С горстью россиян всё побеждать?

Император ещё при жизни полководца приказал установить ему памятник в Петербурге. Павел был хозяином своему слову: захотел — дал, захотел — забрал обратно. И всё-таки скульптор Михаил Козловский, к тому времени уже смертельно больной, работал над монументом герою. Он изобразил Суворова в виде римского бога войны — Марса. Сходство находили только в стремительной позе. 5 мая 1801 г. на Марсовом поле — через год после смерти Суворова, через два месяца после гибели Павла — военные и штатские с ликованием встретили открытие памятника. Римский бог на поле своего имени! А у Державина получился не Марс со щитом и мечом, а подлинный чудак и полководец времён Екатерины и Павла, современник, начальник и приятель поэта. Другое стихотворение надолго осталось потаённым, его даже от имени неизвестного опасно было публиковать:

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дал
Непобедимому герою,
Который в тысящных боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

И дальше — главное:

Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть «…» сразила:
Венцедаятель, славы бог
Архистратига Михаила
Послал, небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного,
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого…

Тайну десятой строки этого стихотворения разгадать несложно: «Не смерть … сразила». Конечно же — Суворова. Державин побоялся напрямую вписать эту фамилию в тетрадь: тогда бы прояснилась антипавловская направленность незавершённой оды… В нашем представлении император Павел превратился в жертву — да он и был жертвой заговора. Но современники (в особенности — дворяне) считали его «деспотом и капралом на плац-параде», не более. Суворов не отпускал Державина. Снова и снова он писал о нём:

Окончи, вечность,
Тех споров бесконечность,
Кто больше из твоих героев был.
Окончи бесконечность споров.
В твое святилище вступил
От нас Суворов.

Державин придумал для могилы Суворова эпитафию величественную и лаконичную, вполне в духе великого героя. «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ СУВОРОВ» — и Александр Васильевич, по легенде, горячо одобрил эту идею. Кто в России не знает своего защитника, старого солдата? Но не так просто сложилась судьба эпитафии… На могиле Суворова в Александро-Невской лавре выбили надпись подлиннее: «Здѣсь лежитъ Суворовъ. Генералиссимусъ Князь Италійскій Гр. Александръ Васильевичъ Суворовъ Рымникскіий, родился 1729го г. Ноября 13го дня, скончался 1800го года Мая 6го, Тезоименитство его Нояб.24го». Так оно привычнее, но и банальнее. Воля Суворова и Державина была выполнена только через пятьдесят лет после смерти. Это внук полководца, Александр Аркадьевич Суворов, в 1850-м восстановил справедливость. С тех пор в Александро-Невской лавре, в нижней Благовещенской церкви, у левого клироса, на могильной плите выбита самая яркая из русских эпитафий: «Здесь лежит Суворов».

Ещё одна, подобная «Снигирю», вершина суворовской поэзии — стихотворение адмирала А.С. Шишкова, подобно Державину, входившего в знаменитую «Беседу…» и оставшегося в истории русской литературы идеологом консервативного направления в отечественной словесности начала XIX в… Шишковская эпитафия Державину хорошо известна зрителям пудовкинского кинофильма «Суворов». В этом фильме сам полководец в Кончанском декламирует шишковскую эпитафию:

Остановись, прохожий!
Здесь человек лежит, на смертных непохожий.
На крылосе в глуши с дьячком он басом пел,
И славою как Петр иль Александр гремел.

Ушатом на себя холодную лил воду,
И пламень храбрости вливал в сердца народу.
Не в латах, на конях, как Греческий герой,
Не со щитом златым, украшенным всех паче,
С нагайкою в руках и на козацкой кляче,
В едино лето взял полдюжины он Трой.
Не в броєню облечен, не на холму высоком,
Он брань кровавую спокойным мерил оком,
В рубахе, в шишаке, пред войсками верхом,
Как молния сверкал, и поражал как гром.
С полками там ходил, где чуть летают птицы.
Жил в хижинах простых, и покорял столицы.
Вставал по петухам, сражался на штыках;
Чужой народ носил его на головах.
Одною пищею с солдатами питался.
Цари к нему в родство, не он к ним, причитался.
Был двух Империй вождь; Европу удивлял;
Сажал царей на трон, и на соломе спал.

В суворовской эпитафии адмирал Шишков превзошел себя: это, бесспорно, самый выдающийся образец его поэтического творчества. Мифологизированное противостояние столичной «Беседы…» и московского «Арзамаса», шишковистов и карамзинистов, не было борьбой бесталанного и талантливого, серого и яркого. В русской литературе остались и «арзамасцы» — Пушкин, Жуковский, Вяземский, многие другие — и участники «Беседы…»: Крылов, Державин, молодые Грибоедов, Катенин и Бобров. Хвостовское графоманство и литературная воинственность благородного Шаховского не затмевали в «Беседе…» державинских традиций. Суворовская эпитафия Шишкова, выполненная в державинских традициях и с оригинальным талантом учёного и адмирала, была написана ещё до «Беседы…» и стала самой популярной эпитафией Суворову. Шишков прочувствовал фактуру суворовского чуда — в его эпитафии присутствует солдат-богомолец, стоик и любимец славы. Ключом к разгадке суворовского феномена у Шишкова становится «непохожесть» полководца на других смертных, контрастные образы, царапающие читательское воображение. Каждая строка стихотворения раскрывает новую грань этой «непохожести». Думаю, что создатели кинобиографии Суворова в своей фактической неправоте оказались правы психологически: Суворову бы понравилось шишковское стихотворение, он поставил бы его в ряд со своими любимыми творениями Державина, античных поэтов и макферсоновского Оссиана, которого Суворов любил по переводу Ермила Кострова.

Заслуживает внимания и шишковская «Надпись к памятнику Суворову на Царицыном лугу» (заметим, что Хвостов после установки памятника Суворову написал ни много ни мало оду скульптору Козловскому):

Для обращения всея Европы взоров
На образ сей, в меди блистающий меж нас,
Не нужен стихотворства глас;
Довольно молвить: се Суворов!

В литературных кругах авторитет Суворова оставался высоким и через много лет после смерти полководца, во времена новых героев, прежде всего — героев 1812 г. К лучшим страницам истории Суворова обращался Семен Бобров, не забывал своего великого друга граф Хвостов, самим своим сардинским графством обязанный Суворову. Еще при жизни Суворова Хвостов отзывался на все победы знатного родственника пространными стихами. Уже в «Беседе…» Хвостов не расставался с образом Суворова, и, может быть, полуслучайные упоминания полководца в поздних стихах Хвостова представляют больший интерес, нежели его пространные ранние оды суворовским победам.

Именно в письмах Хвостову Суворов был наиболее открытым и прямым, именно Хвостов был первым читателем большинства стихотворений Суворова. Воспоминания о друге, запечатленные в поздних стихах Хвостова, стали скромным литературным монументом полководцу. Перед европейской кампанией 1799 г. Суворов жил в петербургском доме Хвостова, в котором позже и умер. И Хвостов имел право написать:

Премудрости рукой водя, как на войне,
Герой участие в сих тайнах вверил мне.
(«Живописцу моему», 1812 г.)

Это чистая правда: Суворов доверял Хвостову и «вверял участие в тайнах». В послании «Николаю Михайловичу Языкову» (1827) Хвостов снова припоминает славного героя:

Новграда бард, не медли боле!
Представь премудрость на престоле,
Греми Екатерины меч;
На Альпы стань, когда Суворов,
Герой молниеносных взоров,
Вещал устами грома речь!

Громкие слова, тяжеловесные риторические фигуры — зерно наивного хвостовского стиля. Графоманы любили Суворова, а некоторые и вовсе использовали в своих целях генеральскую любовь к поэзии. Кто сейчас помнит плодовитого писателя, поэта и подполковника Фанагорийского полка Иринарха Завалишина, написавшего в 1795 г. героическую поэму «Суворияда», немало польстившую Суворову. Нам остается вчитываться в строки злой державинской эпиграммы на Завалишина:

Сей рифмотворческой, безсмысленной чухой
Геройский звук побед в потомство не промчится:
По имени творца, в пыль тотчас завалится,
И вечно будет жить Суворов сам собой
Или достойною его гомеровской трубой.
Вот вид на эту книгу мой.

Лирическую по авторскому определению и лирико-эпическую по сути поэму «Александр Суворов» написал поэт Степанов (1821) — от восьми песен этого памятника искренней любви к полководцу остались полные динамизма реплики Суворова:

О, Грязев! Чрез твою могилу
Прибавишь россам ты венец!
Ты с малым здесь пребудь отрядом,
Займи кусты с конца в конец!
Сражайся с смертию и с адом,
Греми, грози, зови на бой!
Будь Леонид! Друзья, за мной!

Конечно, поэзия Хвостова, Степанова и Завалишина не была той гомеровской трубой, что может увековечить великого героя. Суворов и сам прекрасно понимал и видел все несовершенства их графомании (см. анекдот о предсмертном совете генералиссимуса Хвостову). Понимал несовершенства, но ценил внимание стихотворцев. Суворов был снисходителен к поэтам. Не в продолжение разговора о графоманах, но в связи с завалишинской разработкой жанра героической поэмы напомню, что узбекский стихотворец второй половины XIX в. Фиркат создал «Суворoэму», ещё одну героическую поэму о Суворове. Суворoведы любят цитировать фиркатовский пассаж о кончанской ссылке полководца:

Он жил угрюмо в сельском заточеньи,
С людьми простыми запросто дружа;
Оттуда видя всей земли волненье,
Орлом полдневным над землей кружа.

В народных русских песнях Суворова сравнивали с соколом, узбекский поэт уподобил великого старца орлу. И — ещё одна подробность — в кончанском заточении утешением Суворова были стихи. Стихи, в которых отразились его прошлые подвиги. В ноябре 1798 г. Суворов пишет Хвостову из ссылки: «А/лександру/ С/еменовичу/ Р/умянце/ву поручено от меня между пр/очим/ привесть с собою из С/анкт/-П/етер/б/ург/а «Суворияду», оду на Измаил Д. Хвостова, на Варшаву оду Кострова, на Варшаву песнь Г. Державина, то ж, коли есть иные, коих не знаю; томик — перевод Оссиана Кострова. Ежели Р/умянцев/ в чем по тому неизправен, я вас прошу изправить и ко мне перевесть. Деньги возмещу». А с деньгами у Суворова тогда было плоховато: опала, наветы, иски… Но на стихи он не жалел, ценил и внимание поэтов и возможность читать стихи о собственных славных делах.

Ещё один миф, имеющий документальные подтверждение, — предание о Терентии Черкасове. По легенде, староста одного из имений Суворова, скрывая своё расточительство и воровство, зная генеральскую слабость, отписывал барину неумелыми стихами. Терентий Черкасов не был деревенским старостой — он был юристом, юриспрудентом, вел дела Суворова и заслужил следующее высказывание Александра Васильевича: «Терентий вместо дела упражняется только в поэзии». Терентий Черкасов посвящал Суворову стихи:

Буди силен и красен,
Почтеньем превознесен.
И что злобной супостат ни деет,
Моя преданность не оскудеет.
И как светло блистает звезда,
Тако соделывается от источника правоты мзда!

Суворову везло на графоманов, тысячи тонн словесной руды посвящали они добродушному полководцу. А может быть, полководец осознанно окружал себя хорошими и разными поэтами, образовывал героическую, зовущую на подвиги, атмосферу. Мифологизировал собственное существование, вырываясь из будничных хлопот в мир стремительных переходов, доведенной до совершенства тактики, в мир шутливых обменов

стихами и громких поэтических голосов. Суворов знал, что такое быть национальным героем. Поэзия — и даже немудреные вирши плутоватого Терентия Черкасова — была важной составляющей и будничной жизни полководца, и его праздников. А праздником для Суворова и для окружавших его поэтов была — победа. Незадолго до смерти, получив от поэта А.П. Брежинского очередной стихотворный панегирик, смертельно больной Суворов растрогался, как некогда в Варшаве, когда прочитал державинскую оду. Из Праги Суворов салютовал Брежинскому ответными стихами:

И в холодном краю света
Есть к наукам пылкий жар!
Благодарность для поэта
Вместо лавров будет в дар.
Пусть в Отечестве любезном
Он Гомером прослывёт,
Будет гражданин полезной,
В дружбе с лирой да живёт.

Щемящую эпитафию Суворову написал брат суворовского адъютанта А.А. Столыпина Николай Александрович, трагически погибший в Севастополе в 1830 г.:

Стой, Росс! И омочи слезами камень сей!
Здесь прах лежит того великого героя,
Кто не щадил для нас ни жизни, ни покоя;
Россией был любим, почтен вселенной всей.

Выделялась из общего ряда и эпитафия М.Н. Муравьёва, много лет искренне восхищавшегося Суворовым. Свои стихи он написал под влиянием главной эпитафии — «Здесь лежит Суворов»:

Величие души, заслуги, добродетель,
Военно счастие, которым мир гремит, —
Всё смерти покорил вселенныя содетель.
Смиритесь, смертные: Суворов здесь лежит.

* * *

Следующая волна поэтических отражений Суворова тесно связана с Отечественной войной 1812 г., с героикой первых десятилетий XIX в. Поэты — будущие декабристы и вельможи — клялись именем Суворова, учились у Суворова, вспоминали о великом Суворове. Из некоторых воспоминаний вышли всем известные поэтические шедевры. Василий Андреевич Жуковский — поэт, «в наследие» которому оставлял лиру Державин, — в «Певце во стане русских воинов», между прочим, писал:

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров…
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.
«…»
Гордитесь, ваш Державин сын!
Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин, —
Державин грянет в струны.

«Певец во стане русских воинов» — самое известное стихотворение времен Отечественной войны 1812 г. и последовавших за ней европейских кампаний. В то время «Певцом…» Жуковского зачитывалась вся Россия. Символично, что в легендарном стихотворении, посвященном воинам 1812 г., нашлось место и для полководца прежних лет. Для Суворова. Этот факт показывает силу суворовской легенды, её значимость для России и в Отечественную войну и позднее. Суворов был вдохновителем и учителем не только генералов и офицеров, но и солдат русской армии, воспитанных на рассказах лермонтовских «стариков» о суворовских походах. Генералы делились воспоминаниями о престарелом победителе французов, офицеры пересказывали анекдоты о Суворове, а солдаты — пели песни о старом фельдмаршале. Впрочем, и офицеры пели суворовские песни, а солдаты слагали о «батюшке Суворове» легенды и анекдоты.

Былинным исполином из народной исторической песни

предстаёт Суворов в «Певце во стане русских воинов». Овеянный духом северных преданий, Суворов, как воплощение защитника Родины, преподносится Жуковским в связи с державинской одой «На победы в Италии». Старый заступник России пригодился и через двенадцать лет после своей кончины. Он усмирил Бонапарта силами своих детей-учеников. И не случайно у Жуковского в печальной перекличке павших героев встречается обращение «отец Суворов». Да, наш генералиссимус к тому времени стал уже поэтическим символом, вроде Леля, Северной Пальмиры, Брута, Аспазии, Семирамиды… И — русским воплощением Александра Македонского.

Для поэтов пушкинского золотого века суворовская тема не была первостепенной. Они — дети первых десятилетий XIX в. — были воспитаны на трёх последних кампаниях Наполеоновских войн, прежде всего — на Отечественной войне. Ученики Суворова — князь Багратион, князь Кутузов, казак Платов — символизировали для них то, что для Державина, Кострова, Дмитриева символизировал Суворов. Доблесть, славу, патриотизм. Это не означает полного исчезновения суворовской темы в русской поэзии — просто с первого плана генералиссимус переместился в сторону от главных событий эпохи романтических эгоистов. Суворова вспоминали как «отца», патриарха русской армии, как национального гения — таковыми в то время считались Пётр Великий, Екатерина да Михайло Васильевич Ломоносов. Вызывали интерес и даже почитались также Александр Данилович Меншиков, писатели Гаврила Романович Державин и Иван Андреевич Крылов, талантливейшие из «екатерининских орлов» — Потёмкин, Румянцев, Панин, Безбородко. В этом ряду удостоившихся «гражданской канонизации» очень скоро оказались и полководцы-герои 1812 г., и Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, М.И. Глинка — тайновидцы отечественной культуры века XIX. Суворов занял достойное место в пантеоне прославленных «отцов нации». Именно как один из отцов нации выступает Суворов в патриотической поэзии, посвященной событиям 1812–1815 годов, в поэзии декабристов и их современников. Суворова упоминали Е.А. Баратынский и П.Н. Вяземский. Поэтическую надпись «К портрету Суворова» составил ещё в 1802 г. автор популярных в 1812 г. воинских патриотических песен И.А. Кованько:

Се образец вождей, победы князь, сын славы,
Кумир для ратников, прямой восторг пиит,
Враг неги, гордости, честь Росския державы,
Перун бунтовщиков; монархов, мира — щит.

Вообще героическая эпоха противостояния России и гиены началась с суворовских походов 1799-х и завершилась (чтобы затем возобновиться) крахом наполеоновских Ста дней и Венским конгрессом 1815 г. Кондратий Рылеев — один из повешенных декабристов — в 1813 г. написал оду «Любовь к Отчизне», в которой нас интересует следующая строфа:

Суворов чистою любовью
К своей Отчизне век пылал,
И, жертвуя именьем, кровью,
Ее врагов он поражал:
Его поляки трепетали,
Французы с турками дрожали.
Повсюду завсегда с тобой
Любовь к Отчизне, россиянин,
А с нею, с ней велик граждаєнин,
Ужасный для врагов герой.

В этой строфе угадываются тени задуманной, но так и не написанной Рылеевым думы «Суворов», которая могла бы занять достойное место в ряду рылеевских дум о Державине, Иване Сусанине, Ермаке… Трудно говорить об идеологическом единстве декабристов, но в Суворове их поколение привлекало многое. Дух сильной личности, патриота, великого русского человека. Засилье иноземцев угнетало и Рылеева, и Пестеля, и Муравьева, и Фёдора Глинку, а Суворов был для них примером подлинно русского героя. В 1806 г. поэт Василий Васильевич Попугаев пишет стихотворение «К согражданам» — темпераментное обращение к россиянам, борющимся с воинством Бонапарта. В 1806 г., как и в 1812-м, и в 1941-м, имя Суворова было важным знаком в отечественной патриотической лирике. Суворовым похвалялись перед французами и толстовские воины в романе «Война и мир». В стихотворении члена Вольного общества, ученика А.Н. Радищева, Василия Попугаева Суворов выступает грозным для французов напоминанием побед русского оружия, а с другой стороны — как пример для русских воинов, пример героя, постигшего науку побеждать. Суворов для поэтов попугаевского поколения был лучшим олицетворением героя-победителя, защитника Отечества. Именно таким героем предстал Суворов в виде петербургского монумента работы Козловского, монумента, в 1806 г. уже известного всей России. В стихотворении «К согражданам» Попугаев по-державински обращается к Россу:

Тебе ли выю горделиву
Под иго чуждо наклонять,
Судьбу германцев несчастливу
И цепь позорну разделять?
Любовь к Отечеству святая,
Тебя на подвиг возбуждая,
Ужель угаснет пред врагом?
Тебе ль, страшившему Вселенну,
Быть суетным врагом сраженну,
Тебе ль его не презреть гром?
Давно ли, славою венчанный,
Суворов Галлов поражал?
Давно ли супостат попранный
Ему победу уступал?
Ужели Россы пременились?
Когда сердца их сокрушились,
Коль голос славы слышен был?
Нет, — Россы, в броню облекайтесь,
Как тучи бурны устремляйтесь!
Вас Галл еще не позабыл.

Очень важны для нас обращения Александра Сергеевича Пушкина к суворовскому образу. Размышляя об образе Суворова в русской поэзии, нельзя пропустить пушкинские стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» 1814 и 1829 гг., «Бородинскую годовщину»… В легендарном, прочитанном перед Державиным на лицейском экзамене «Воспоминании…» 1814 г. Пушкин пишет:

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам, страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громкозвучных лир.

Через пятнадцать лет, в «Воспоминании…» 1829 г. образы как будто оттаяли, памятные очертания размылись, но чувства к ним потеплели. Пушкин пишет:

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,

Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полуночного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

В «Бородинской годовщине», прославляя Паскевича, Пушкин осеняет его «венком суворовского лавра», и гордясь усмирением поляков, завершает стихотворение непременной для «имперского» стихотворения суворовской строфой, обращенной к Паскевичу:

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

Да, Паскевич послал в столицу донесение о победе с внуком великого Суворова, проскакавшего и Прагу — место славной победы деда. Об Александре Аркадьевиче Суворове (1804–1882) стоит сказать несколько слов. Его отец — Аркадий Александрович Суворов — утонул в водах Рымника. Об этой горькой иронии истории были сложены стихи:

Где славой русский Марс — Суворов увенчался
И где она клялась ему предтечей быть,
Там сын его безвременно скончался,
Горевши рвением Отечеству служить.

Гвардеец-юнкер, князь Италийский А.А. Суворов был арестован в декабре 1825 г. По показаниям ряда декабристов, он входил в Северное общество. Но после допроса был освобождён по высочайшему повелению. Молва повторяла легендарный вердикт императора Николая Павловича: «Внук великого Суворова не может быть изменником Отечеству». Александр

Аркадьевич был послан на Кавказ. Позже он был и командиром суворовского Фанагорийского полка, и генерал-губернатором Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, и последним генерал-губернатором Санкт-Петербурга (должность упразднили после каракозовского покушения на государя Александра II). А.А. Суворов считался человеком мягким и сговорчивым, однако в своих либеральных убеждениях он умел и проявить твёрдость. Так, в 1863 г. князь Италийский отказался подписать приветственный адрес грозному усмирителю виленских волнений М.Н. Муравьеву. Для А.А. Суворова Муравьёв был «людоедом». Поклонник великого Суворова Ф.И. Тютчев заступился за Муравьёва в эмоциональном послании внуку полководца:

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..
Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему…
Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе —
Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленью,
Назло, увы, и пошлостям родным.
Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

После серии покушений на царя А.А. Суворов убедился в резонности тютчевских упрёков. Тютчев был искренним охранителем, государственником, верным идеалам А.В. Суворова. Чем консервативнее были убеждения русских поэтов, чем большими государственниками они становились, тем дороже было для них имя Суворова. И конечно, Н.М. Языков не был исключением. В известном послании Д.В. Давыдову он писал:

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;

Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.
(1835)

Суворов как символ смелости, мужества и благородного аскетизма стал героем стихотворения К.Н. Батюшкова «Сравнение» (1810). Эта лаконичная поэтическая шутка определённо выражает распространённое в 1810-х гг. отношение к суворовскому феномену. Суворов был для Батюшкова (1787–1855) героем из недалёкой, но уже легендарной, почти как золотые века Античности, старины. Константин Николаевич Батюшков пишет:

«Какое сходство Клит с Суворовым имел?»
— «Нималого!» — «Большое».
— «Помилуй! Клит был трус, от выстрела робел
И пекся об одном желудке и покое;
Великий вождь вставал с зарей для ратных дел,
А Клит спал часто по неделе».
— «Все так! да умер он, как вождь сей… на постеле».

Стихотворение это не было включено Батюшковым в книгу «Опытов в стихах и прозе». Вечный спор двух философствующих оппонентов — А и В — кажется здесь малость принуждённым. Важная для Батюшкова мысль о бренности всего земного (и великий стоик Суворов, и трусоватый эпикуреец Клит получают в итоге постель и смерть) здесь выражена робко. Читателю может показаться, что стихотворение попросту высмеивает несостоятельность логики оппонента А, утверждающего, что между Суворовым и Клитом имеется большое сходство. Современного человека, несомненно, заинтересует понятие «великий вождь» — такое знакомое, краснознамённое — встретившееся у Батюшкова: оппонент В так величает Суворова.

Революционный культ молодости, характерный для максималистов-мыслителей, действовавших в переломные для России эпохи, конфликтовал с суворовской культурой. Этот конфликт отразился в записках Юрия Карловича Олеши — как и многие поляки, он был суворовским недоброжелателем. Юрий

Олеша пишет: «Самое привлекательное для моего внимания за всю мою сознательную жизнь была оглядка на существование за моей спиной Наполеона. Чем так привлекает эта судьба? Она есть не что иное, как символ человеческой жизни с ее молодостью, устремлением в будущее и концом, все еще устремленным куда-то — в закат, в даль острова Святой Елены. Еще мальчиком, при переходе из одного класса в следующий, я получил в качестве награды книгу, которая называлась «Чудо-богатырь Суворов». Это была толстая, дорогая книга в хорошем, красивом переплете, почти шелковом, с изображением, в котором преобладал кармин, какого-то мчащегося воина с пикой, казака. Она мне очень понравилась, эта книга. По всей вероятности, она была составлена в патриотическом духе, снижающем французов — Массену и Макдональда, и других молодых героев — и поднимающем жестокого старика Суворова. Миром управляют старики. Был прорыв в этом смысле, когда появился Наполеон. Чудо молодости осветило историю необыкновенным светом альпийских гор, короны Карла Великого, которую император сам надевает на свою голову, героических поступков, красивых слов, умных мыслей, научных открытий. Именно старик — Суворов — при появлении этого света мечется по долинам Италии, стремясь потушить его. Перешедший на сторону старости, предатель молодости, Александр Первый решает со стариками дела Венского конгресса…»

И далее — в том же революционном духе. Как силён этот агрессивный запал! Любимые герои Олеши — мятежники, сражающиеся поодиночке или всей сворой с традиционным миром, конечно, не могут ужиться с Суворовым. С усмирителем бунтов и мятежей. Сочувствие Наполеону даже в устах талантливого Олеши выглядит по-смердяковски. «Молодые» дважды в XX в. обрушивались на стариков, уничтожая старый мир во имя нового. Дважды «старорежимные» манеры воспринимались как нечто враждебное — после семнадцатого и после девяносто первого года. Молоды были большевики, и даже Сталин на заре индустриализации по-олешински обмолвился, что Россию «били польские паны… за отсталость». С 1936 г. тот же Сталин уже не вуалировал своего уважительного отношения к истории России, и в пудовкинской кинобиографии Суворова показано, как, к неудовольствию Юрия Олеши, польских панов бьёт русский полководец. В конце 1980-х молодые снова обрушились на стариков, прокляли их дело, а в конце концов оставили собственных дедов без гроша, превратив родных «гренниз» в попрошаек. Молодое правительство молодого Гайдара на свой лад продолжило дело Наполеона. Слишком молодые генералы

сделали нашу военную историю последнего десятилетия трагической. Что же до Олеши, стоит ли осуждать писателя за такое отношение к Суворову, к России, к Наполеону, заслужившему репутацию антихриста… Важнейший критерий творчества — свобода самовыражения. Если бы космополит Олеша маскировался под патриота-государственника, скажем, писал бы героические драмы про Суворова, это выглядело бы отвратительно. Мы не можем согласиться с предложенной Ю. Олешей трактовкой суворовского феномена. Но заметим: это мнение характерно для критически относящегося к истории России космополита. Олеша выразил свою точку зрения честно, ярко, талантливо. Враждебный, но пристальный взгляд на Суворова объясняет многое во взаимоотношениях суворовской легенды и русской советской культуры.

О бренности земного величия задумывался Нестор Кукольник. Всё проходит, не проходит только слава Суворова — такие мысли приходят в кладбищенской тиши:

Великолепием и блеском ослеплён,
Кладбища гость живой между могил таится:
Читает надписи, — и верит, — и дивится…
Кто ж эти дивные?… Не разберёт имён!
Их время строгое с потомством рассудило;
И лести, и делам поверку навело;
Из памяти людей их память истребило
И с меди, с мрамора их имена снесло… —
Но вот — густой травой закрытая от взоров
Могила. Нет на ней ни одного стиха!
Простая, белая доска
А на доске написано:
СУВОРОВ.

Для Михаила Юрьевича Лермонтова Суворов был образцом «слуги царю, отца солдатам». Поэт, на личном опыте познавший, что такое армейская служба, придавал особенное значение охранительным подвигам Суворова в Польше и на Кавказе. В то же время Лермонтов, как и Байрон, был поражен величием измаильской победы. Легенда о взятии Измаила, конечно, присутствует в творческом наследии Лермонтова. В 1830 г. Лермонтов, как и Пушкин, стихами отозвался на польские события. И, подобно Пушкину, шестнадцатилетний поэт вспоминает Суворова:

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

Загадка этого стихотворения состоит в том, что его можно связать не только с польскими событиями тех месяцев, но и с революцией 1830 г. во Франции, и с кавказскими восстаниями того же времени. И во всех случаях упоминание Суворова оказывается уместным. В том же 1830-м, но несколько ранее, Лермонтов уже поднял суворовское знамя охранительства противу «знамени вольности кровавой» в известном стихотворении «Предсказание», в XX в. воспринимающемся как и впрямь пророческое:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь…

Лермонтов был восприимчив к силе суворовской легенды. В известной «нравственной поэме» «Сашка» Лермонтов снова обращается к образу Суворова — покорителя Польши:

Когда Суворов Прагу осаждал,
Её отец служил у нас шпионом…

В повести 1834 г., известной под названием «Вадим» (авторское название повести не установлено), Лермонтов вводит образ Суворова во взволнованный внутренний монолог молодого героя: «Между тем заботы службы, новые лица, новые мысли победили в сердце Юрия первую любовь, изгладили в его сердце первое впечатление… слава! вот его кумир! — война, вот его наслаждение!.. поход! — в Турцию… о, как он упитает кровью неверных свою острую шпагу, как гордо он станет попирать разрубленные низверженные чалмы поклонников Корана… как счастлив он будет, когда сам Суворов ударит его по плечу и молвит: молодец! Хват… лучше меня! Помилуй Бог!.. о, Суворов

верно ему скажет что-нибудь в этом роде, когда он первый взлетит, сквозь огонь и град пуль турецких, на окровавленный вал и, колеблясь, истекая кровью от глубокой, хотя бездельной раны, водрузит в чуждую землю первое знамя с двуглавым орлом! — о, какие поздравления, какие объятия после битвы…» Из этих слов ясно, каким кумиром был Суворов для лермонтовского юноши — кумиром, способным затмить первую любовь романтика. Суворов здесь выступает как деятельный романтический герой, заражающий всех своей энергией, зовущий на подвиги. Можно подумать, что это было не только чувство молодого героя повести, но и до некоторой степени чувство самого Лермонтова — может быть, юного, шестнадцатилетнего, более юного, чем автор «Вадима»… Для Лермонтова в то время Суворов был байроническим героем — мужественным и отверженным; одновременно и мятежным, и карающим мятежников.

Суворов стал героем и романтической героической драмы Сергея Глинки «Антонио Гамба, спутник Суворова на горах Альпийских». С. Глинка исследовал и литературное наследие Суворова. Из множества романов и лубочных историй о Суворове, ходивших в XIX в., обращает на себя внимание курьёзная комедия Н.Куликова «Суворов в деревне, в Милане и в обществе хорошеньких женщин». В наследии А.Н. Майкова мы находим яркое стихотворение «Менуэт. Рассказ старого бригадира», написанное предположительно в 1873 году. Это талантливая поэтическая зарисовка екатерининского века; и пусть не Суворов, а Потемкин является в апофеозе этого стихотворения, я считаю это стихотворение одним из самых «суворовских» в нашей поэзии. Право, удивительно, что О.Э. Мандельштам, если верить воспоминаниям Н.Я. Мандельштам, порывшись в поэзии Майкова, не нашел там ни одного замечательного стихотворения. Впрочем, литераторские попытки воссоздания искусственной объективности — когда иной автор пытается разом восхититься всеми стихотворениями, скажем, Велимира Хлебникова и Ивана Бунина, приносят литературе куда больший вред, чем честная субъективность несправедливого к Майкову Мандельштама. Читаем «Менуэт»:

Да-с, видал я менуэтец —
О-го-го!.. Посылан был
В Петербург я раз — пакетец
К государыне возил…
Спросишь, например: «Кто это?»
— «Граф Орлов-Чесменский». — Он?..

Ну-с, а там?» — «Суворов» — «Света
Преставленье! Чисто сон!»

Есть в этих строках настоящий суворовский порыв, славный солдатский победный дух. Стихотворение «Менуэт» впервые было опубликовано в 1874 г. Ранее поэт не раз обращался к легендам русского XVIII в., дух екатерининских орлов был для Майкова прекрасным выражением высокого славянского духа. Известное стихотворение «Ломоносов» (1865, 1882 гг.) поэт завершил знаменательной строфой:

Ты дал певца Екатерине,
Всецело жил в ее орлах,
И отблеск твой горит и ныне
На лучших русских именах!..

Упоминание екатерининских орлов содержит и стихотворение «Сон королевича Марка» — майковский гимн славянству, опубликованный в горячем 1870 г.:

Этот гул — был гром полтавских пушек.
Марков сон с тех пор тревожен стал.
Вот летят орлы Екатерины,
По Балкану трепет пробежал —
Мир, лишь в песне живший, словно вышел
Из земли, как был по старине:
Те ж гайдуки, те же воеводы,
Те ж попы с мечом и на коне!

Образ парящих в исторических небесах екатерининских орлов в поэзии обретал таинственную многозначительность в эпоху освобождения славянских народов из-под османского ига. Таинственность, удивление, узнавание — на этих тонких ощущениях строится историческая поэзия Аполлона Майкова.

Классическое стихотворение «Кто он?» — поэтический миф о Петре Великом — есть образец исторической загадки в литературе. Интересующее нас стихотворение «Менуэт» также выражает чувства восторженного узнавания любимых героев, только на этот раз — екатерининских орлов. И здесь, конечно, находится местечко и для Суворова; старый бригадир — наш рассказчик — не мог забыть о встрече с великим полководцем, кумиром тогдашнего российского офицерства.

Восхищавший Майкова парад екатерининских орлов, при прытком желании, может представиться и в уничижительных тонах язвительной сатиры: распутная императрица и сонм ее фаворитов. Это оборотная сторона блестящего екатерининского мифа, о ней невозможно забыть и современному читателю восторженного Аполлона Майкова. Один лишь чудак Суворов не вписывается в сию развеселую картинку.

Читатель майковского «Менуэта» должен сознавать, что перед ним стилизация рассказа старого бригадира — и поэт воссоздает характерную для ветерана екатерининских войн интонацию. Начиная с разухабистого, горделивого: «Да-с, видал я менуэтец…» и завершая просторечным, со «словами-паразитами», двустишием:

> Образ, так сказать, России,
> И видна над всей толпой.

Нам хочется исправить поэта, вместо потешного «так сказать, России» написать: «образ матушки России». И упоминание «матушки» в стихотворении о Екатерине Великой было бы кстати. Несомненно, Майков не включил бы разговорное «так сказать» в стихотворение, написанное от имени лирического героя поэта. Но старый бригадир, по Майкову, выражался именно так: «Так сказать». Как и Алексей Константинович Толстой, Майков питал склонность к поэзии исторических мифов, преданий, легенд. Его Екатерина, его Петр Великий, его сербы вышли именно из «устного народного творчества». Поэт Майков неохотно подвергал своих исторических героев испытанию критикой: Аполлон Майков не спешил становиться аналитиком. И стихотворение «Менуэт» интересно как памятник чувствам, связанным с историей екатерининского века. Чувствам, которые питали к легендарной истории наших «орлов» и их матушки императрицы поэт Майков и его герой, старый бригадир.

Появление Суворова в обществе екатерининских вельмож, на балу, при исполнении «менуэтца», конечно, не случайно. Майков мог забыть о Румянцеве-Задунайском, о Репнине, Сиверсе или Безбородко, но Суворов необходим для любого рассказа о екатерининском времени, о русском XVIII в. И реакция молодого офицера, позже ставшего «старым бригадиром», на явление Суворова («Света преставленье! Чисто сон!») весьма органична.

В 1840 г. в «Отечественных записках» была опубликована «Песнь инвалида» поэта И.П. Клюшникова (1811–1895), быстро ставшая популярной в народе. Эти бесхитростные стихи напоминали строй солдатских песен:

Был у нас в былые годы Знаменитый генерал: Я ребёнком
про походы И про жизнь его читал.
Был русак — Россию нашу
Всей душою он любил.
Был солдат — ел щи и кашу,
Русский квас и водку пил.
«…»
Перед строем сам молитвы
Богородице читал.
Лев в сраженьи — после битвы
Дома, петухом кричал.
«…»
И теперь, когда на битву
Русские полки идут —
Он за них творит молитву:
Про него они поют.

Это стихи о народном генерале, о солдате и богомольце, каким он остался в памяти народа. Схожие мотивы мы встречаем в стихотворении А.С. Цурикова «Дедушка Суворов», ведущем свою генеалогию от солдатских песен В.А. Жуковского. Эти стихи высоко ценил архимандрит Леонид (Кавелин), настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, в прошлом — офицер. Это стихотворение, понятное и взрослым, и детям, так и просится в хрестоматию. Однако его не публиковали уже около ста лет, да и последние дореволюционные публикации грешили несуразными опечатками. А это бодрое, простое, как походный марш, стихотворение, право, заслуживает прочтения… Поэтому мы приводим полный вариант «Дедушки Суворова»:

Расскажи-ка, дядя, нам,
Добрым русским молодцам,
Как наш дедушка Суворов,
Ростом мал, душой удал,
Безо всяких разговоров
Бил поганых наповал.
Вспомни нам про те походы,
Где от старца воеводы
Пал навеки басурман;
Где суворовские брани
Утвердили наши грани,
К пользе братьев христиан.
Братцы! Дело не в безделье,
Не в гордыне, не в похмелье;

Дар победы — Божий дар!
Надо Богу помолиться,
Надо сердцем отрезвиться,
Чтоб врагу нанесть удар.
Сила войска не в громадах,
Не в воинственных нарядах,
Сила в духе и в сердцах!
Тысяч двадцать пять, не больше,
В Турции, Крыму и Польше
Царства разгромили в прах.
Чудотворец воевода
Не рассчитывал похода, —
Брал победу в небесах.
Правды муж творил без шуму,
В Бога думал крепку думу —
И прославлен в чудесах.
«День молиться,
День поститься,
Взять на третий Измаил»,
Он сказал — и наши рати
Чудом Божьей благодати
Взяли штурмом Измаил.
«Друг мой, — пишет принц Кобургский,
Окружён я силой турской;
Жду сраженья каждый час.
Тысяч тридцать и не боле
Можем вывести мы в поле;
Двести тысяч против нас.
Я погибну без сомненья…
Нам не выдержать сраженья;
Друг, спеши ко мне скорей».
Он в ответ: «Иду. Суворов».
Взял без дальних разговоров
Тысяч семь богатырей.
«Братцы, нынешние сутки
Нам придутся очень жутки.
Сотни вёрст и лютый бой!»
— Рады до конца стараться,
Рады с миром целым драться,
Рады умереть с тобой!
Он махнул, и наши рати
Чудом Божьей благодати
Сотню вёрст прошли зараз.
В бой вступили без привала;

Штык вперёд — врага не стало,
Сеча длилась только час.
Вот каков наш был Суворов!
Средь бесчисленных походов
Старых боевых времён
Наповал его ребята
Всюду били супостата, —
Он нигде не побеждён!
Жизнию монах примерный,
Духом чист от всякой скверны,
Потому непобедим!
Он из храма шёл на битву,
С боя снова на молитву,
Словно Божий херувим.
С виду старец юроди€вый,
Невысокий, некрасивый,
Духом грозный исполин!
Он на кляче, под рогожей,
Всё-таки был воин Божий,
Дивной рати властелин.

Во второй половине XIX в. появилось ещё несколько стихотворений о Суворове. Правда, они получили известность лишь в армейских и гимназических кругах: «Суворов на Сен-Готарде» А. Шаржинского, «На вершине Сен-Готарда…» В. Калинина… Василий Калинин в 1892 г. сетовал, что

На вершине Сен-Готарда,
В царстве вечных облаков,
Тлеют кости авангарда
Горсти русских храбрецов!

Именно тогда, в 1890-е гг., русские энтузиасты во главе с князем С.М. Голицыным добивались установки надгробного памятника русским солдатам у Чёртова моста. Останки солдат были погребены в скале — и началась работа по установке памятника. Монумент в виде креста, высеченного в скале, открыли 15 сентября 1898 г. Под крестом бронзовыми буквами написано: «Доблестным сподвижникам генералиссимуса фельдмаршала графа Суворова-Рымникского, князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году». Дополняет композицию бронзовый меч с лавровым венком. С Божьей помощью, призыв В. Калинина не остался безответным. В 1900–

1915 гг. не было в русской армии более популярного человека, чем «отец кадет» великий князь Константин Константинович, выступавший на литературном поприще под псевдонимом К.Р. Он посвятил кадетам несколько напутственных стихотворений — и едва ли не наибольшую известность получил сонет «Суворов»:

Не только тем велик и дорог он,
Что бранной славой жизнь его богата,
И что нигде он не был побеждён —
Нет: верой в Родину была объята
Его душа. Той верою силён,
Он полюбить умел меньшого брата,
И светлый образ русского солдата,
Наш чудо-богатырь, в нём воплощён.
Молитвою готовился он к бою
И, глазомер венчая быстротою
И натиском, врага шёл поражать.
Сразив, его щадил он милосердно:
Вот отчего Россия чтит усердно
Создателя науки побеждать.

В четырнадцать строк К.Р. как будто вмещает конспект учебного курса суворoведения. В годы Первой мировой поэты снова обращаются к образу непобедимого генералиссимуса. В самом начале своего творческого пути, в 1915 г., Эдуард Багрицкий написал стихотворение «Суворов», ставшее образцом для целого течения в русской поэзии. Суворов Багрицкого стар и величествен:

В серой треуголке, юркий и маленький,
В серой шинели с продранными локтями,
Он надевал зимой теплые валенки
И укутывал горло шарфами и платками…
Когда вдалеке звучал рожок почтовой кареты,
На грязных окнах подымались зеленые шторы,
В темных залах смолкали нежные дуэты,
И раздавался шепот: «Едет Суворов!»

Суворов у Багрицкого — герой фольклорный, сказочный и эпический. Ему пишет заискивающие письма императрица (не император, а именно легендарная матушка Екатерина), он преображается, когда пробивает час подвига. Он стар, не любит быстрой езды, боится холода — но, надев мундир, превращается в

«Суворова учебников и книжек», который легко переносит огонь и стужу, совершает стремительные переходы, крепкой дланью указывая путь отставшим. Багрицкого интересовал сказочный момент перевоплощения «по призыву». Суворов — герой патриархальной сказки — подобно Святогору-богатырю, лежащему на печи Илье или армянскому пахлевану Мгеру Младшему, является на выручку, когда его Родине невмоготу. Мягкая ирония длинных повествовательных строк делает образ Суворова ещё обаятельнее.

* * *

После Гражданской войны к образу Суворова, как к имперской святыне, обращаются публицисты и поэты русской эмиграции. В первую очередь здесь следует упомянуть замечательного казачьего поэта, открытого в последние годы благодаря стараниям исследователя Виктора Леонидова и президента Российского фонда культуры Никиты Михалкова. Это — Николай Туроверов (1899–1972). Донской казак, чей предок воевал с Суворовым, сам участник Гражданской войны, он был одним из лучших поэтов русского зарубежья. Влюблённый в Суворова, на чужбине он то и дело возвращался к образу героя — и в стихах, и в прозе (новелла «Конец Суворова»), и в исторических исследованиях. Образ Суворова у Туроверова — очень тёплый. Так пишут о самых родных людях:

Всё ветер, да ветер. Все ветры на свете
Трепали твою седину.
Всё те же солдаты — любимые дети —
Пришедшие в эту страну…
«…»
Ты понял, быть может, не веря и плача,
Что с жизнью прощаться пора.
Скакала по фронту соловая кляча,
Солдаты кричали: «Ура!»
Кричали войска в исступлённом восторге,
Увидя в солдатском раю
Распахнутый ворот, на шее Георгий —
Воздушную немощь твою.

Кто знает, откуда это чувство солдатской идиллии — из реального армейского прошлого, или из мечты казака Туроверова? Позже, после Великой Отечественной, Туроверов

напишет ещё одно стихотворение о Суворове — «Треббия» (1947):

Треббия. Италия. А где-то
Есть Кончанское — родной порог.
Нет конца, и края нет у света
Для солдатских полусбитых ног.
Нет суровее солдатских разговоров:
Об увечьях и о смерти, наконец.
— Александр Васильевич Суворов
Не фельдмаршал, а родной отец.

Яркое стихотворение «Суворовское знамя» посвятил нашему герою поэт Арсений Несмелов (1889–1945), самый яркий поэт русской эмиграции в Китае, трагически закончивший свои дни, воюя за неправое дело… Арсений Иванович Несмелов (настоящая фамилия Митропольский) писал:

Отступать! — и замолчали пушки,
Барабанщик-пулемет умолк.
За черту пылавшей деревушки
Отошел Фанагорийский полк.
В это утро перебило лучших
Офицеров. Командир сражен.
И совсем молоденький поручик
Наш, четвертый, принял батальон…
И тогда, — клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг! —
Сам генералиссимус Суворов
У седого знамени возник.
Был он худ, был с пудреной косицей,
Со звездою был его мундир.
Крикнул он: «За мной, фанагорийцы!
С Богом, батальонный командир!»
И обжег приказ его, как лава,
Все сердца: святая тень зовет!
Мчались слева, подбегали справа,
Чтоб, столкнувшись, ринуться вперед!
Ярости удара штыкового
Враг не снес; мы ураганно шли,
Только командира молодого
Мертвым мы в деревню принесли…
И у гроба — это помнит каждый
Летописец жизни полковой, —
Сам Суворов плакал: ночью дважды

Часовые видели его.

Автор этого стихотворения изведал на своём веку не одну войну и крушение России, и холод тюремных нар, ставших в 1945 г. местом его смерти. Стихотворение «Суворовское знамя» Несмелов не включил ни в один из прижизненных сборников. Сам сюжет стихотворения передает чувство прикосновения к высокой легенде. Старый герой, один из вечных заступников России, в роковую минуту помогает солдатам знаменитого Фанагорийского полка, Суворов, который прошёл немало славных боевых дорог с Фанагорийским полком — полком, которому указом государя Николая Павловича было присвоено имя генералиссимуса. Фанагорийский полк назывался «Суворовским Фанагорийским», а полковое знамя — как и стихотворение Несмелова, Суворовским знаменем.

Творчество Арсения Несмелова сочетает приверженность державинским традициям и ярко выраженную тенденцию к новому мифотворчеству, к созданию свежего, постдержавинского, мифа о старых героях, накрепко связанного с обстоятельствами истории XX в. Несмелов приглядывался к сталинской России, надеялся, что последователи Суворова — новые советские маршалы — вернут стране имперскую стать.

Суворов несмеловского стихотворения кажется дальним родственником «отца Суворова» из поэзии В.А. Жуковского («Певец во стане русских воинов»). Суворов Жуковского, в свою очередь, в известной степени был отражением Суворова державинского стихотворения «На победы в Италии», в котором поэт трактовал образ полководца как легендарного славянского богатыря. Поэтика несмеловского стихотворения восходит к предшественникам и в таком важном для сюжетного стихотворения элементе, как описание внешности героя. Здесь перед нами не грозный славянский богатырь Жуковского и державинского стихотворения «На победы в Италии». Несмелов ясно пишет:

Был он худ, был с пудреной косицей.

Реалистический образ Суворова — тщедушного маленького человека, побеждающего силой духа, а не богатырским посвистом, — в русской поэзии связан со стихотворениями Г.Р. Державина «К лире» и «Снигирь», с шишковской эпитафией. Общность смысловых элементов, необходимых в обиходе суворовского мифа поэтических наработок, объединяет творчество Державина и творчество позднейших поэтов, писавших о Суворове.

Логика векового развития русской поэзии от Жуковского до Несмелова, авторов, не сопоставимых по масштабам дарования, но связанных прикосновением к суворовской теме, позволила ввести в поэтический язык укорененный в фольклоре, создаваемый десятилетиями символ России — Суворова. За появлением Суворова в любом стихотворении угадывается множество дополнительных, подчас не связанных с контекстом, смыслов. У Арсения Несмелова Суворов — этот непререкаемый авторитет российской государственнической культуры — является образом уходящей империи, оплакивающим «гибель богов» в веке двадцатом. У Жуковского чудесное появление легенды екатерининского века — Суворова — приносит России победу. У Арсения Несмелова речь идет о временной победе, за которой чувствуется обреченность, поражение, задним числом известное поэту. Сюжет «чудесного спасения» сменяется трагедией «погребённого Китежа».

Суворов оказывается необходимым героем для развития и первого, и второго сюжетов на российском материале. Архетип, содержащийся в стихотворении Несмелова, осваивался и в советской поэзии. Иной раз у авторов нового времени возникали даже мотивы языческой по духу мистики. Старый герой, приходящий на помощь в роковой час, встречается в поэзии И. Сельвинского, С. Щипачева.

Замечательно, что у Несмелова на помощь фанагорийцам приходит живой Суворов, с внятной и запоминающейся фактурой, а у Сельвинского и у Щипачева героям помогают памятники Ленину. Истуканы, творящие чудеса. Памятник как метафора авторитарной силы появляется у Пушкина в «Медном всаднике». И Суворов в советской поэзии 1940-х присутствует в виде памятника, в виде монумента — в стихотворении В. Рождественского «Памятник Суворову».

«Памятник Суворову» Всеволода Рождественского — пожалуй, самое талантливое стихотворение о Суворове из числа написанных в годы Великой Отечественной войны советского народа. И показательно, что советского поэта интересует не столько полководец, сколько памятник, символ. Здесь дело не в сакрализации истуканов; в годы военных трагедий возникает и крепнет потребность сберечь память о победных традициях России. Рождественский пишет:

Среди балтийских солнечных просторов,
Пред широко распахнутой Невой,
Как бог войны, встал бронзовый Суворов
Виденьем русской славы боевой…

Он прям и смел в грозе военных споров,
Страны, подобной нашей, в мире нет.
Вперед, друзья! Так говорит Суворов,
Ваш прадед в деле славы и побед.
1941 г.

В блокадном Ленинграде памятник Суворову был единственным монументом, в открытую принимавшим на себя огонь вражеских обстрелов: памятник не был ни эвакуирован, ни закопан, ни укутан в камуфляж. Суворов, как всегда, смело смотрел в глаза врагу, вдохновляя ленинградцев на их победное долготерпенье. Таким было участие Суворова в Великой Отечественной, он, как в стихах Несмелова и Рождественского, приходил на помощь попавшей в беду родной армии.

Много и интересно писал о Суворове ещё в предвоенные годы Константин Михайлович Симонов, писатель, едва ли не всё своё творчество посвятивший войне. В октябре 1938 г. в «Литературной газете» был напечатан отрывок из поэмы «Суворов» — эту публикацию можно считать началом литературной судьбы симоновской исторической поэмы. В 1939 г., в двух номерах «Знамени», был напечатан и полный вариант «Суворова».

Обладавший признанным чутьем на литературную моду, умевший предвосхищать конъюнктуру поэт вместе со всей советской страной преодолевал последствия вульгарно-социологического подхода к истории. В замысле Симонова были и осязаемая доля риска, — в поэме сочувственно упоминается екатерининский век, — и положенное внимание главного героя к простому народу, а автора — к социальным коллизиям описываемой эпохи.

Двадцатитрёхлетний поэт, как водится, относится к жанру поэмы с головокружительным трепетом: он даже создаёт впечатление собственной авторской искушённости — получается очень симпатичная наигранная опытность молодого человека, нисколько не мешающая читателю поэмы.

Автор эпической поэмы о Суворове может легко почувствовать себя великим демиургом, всеобщим наставником, если угодно — фельдмаршалом строчек и рифм. Предположу, что Константину Симонову это честолюбивое чувство было не чуждо. В мире Суворова поэма Константина Симонова стоит рядом с кинофильмом Всеволода Пудовкина. Их роднит не только одна на двоих эпоха написания. И в поэме, и в фильме кульминацией судьбы заглавного героя является Швейцарский поход. И в поэме,

и в фильме рассказывается о конфликте с Павлом Первым — самодуром и «пруссаком», а великие дела екатерининского века присутствуют как прекрасное воспоминание. Симонов больше внимания уделил Прошке, авторы фильма «Суворов» — заглавному герою. Осторожный политик Симонов воздерживается от пафосного прославления Суворова как национального героя и гения; читательское внимание то и дело переводится на «историю народа», на жизнь простых солдат и офицеров, того же Прошки. Симонов, в отличие от Пудовкина, вводит в повествование мотив классового противостояния между угнетенным народом и хоть и лучшим представителем класса угнетателей, но всё-таки крепостником Суворовым. Пудовкин работал над своим «Суворовым» через два года после написания Симоновым суворовской поэмы. Вульгарно-социологический подход к истории преодолевался семимильными шагами, в позднейших стихах Симонова о русских воинах и полководцах мотив классовой вражды не возникал…

Поэма «Суворов» не стала крупнейшей творческой удачей Константина Симонова. Последовавшие за «Суворовым» стихотворения Симонова затмили историческую поэму, и сейчас, перечисляя лучшие произведения этого поэта, мы едва ли назовём поэму о Суворове. Заёмный стиль, заёмная мелодика стиха, заёмные мысли — так вкратце может охарактеризовать поэму 1938 г. строгий критик наших дней. Поспешные литературные суды не бывают справедливыми. Большая, в трёх частях, поэма К.М. Симонова остаётся существенным документом, свидетельством о суворовском феномене, погружённом в наше столетие.

Есть в поэме Симонова удачные эпизоды, есть и досадные срывы, такие словесные конструкции, что язык сломаешь, читая. Рассказ о том, как Суворов посоветовал солдату насадить швейцарский сыр на штык, завершается двустишием:

> Шагали в ногу, не сбиваясь,
> Русско-швейцарские сыры.

В читательском же воображении рождается невольное исправление:

> Шагали в ногу, не сбиваясь,
> Несли швейцарские сыры.

Неуместным выглядит и выражение: «А ты мне, старый черт, белья // Не хочешь выстирать ни крошки». Это Суворов выговаривает Прошке. Крошка прекрасно рифмуется с именем камердинера фельдмаршала, но никак не вписывается в разговор

о белье. В самой удачной главке поэмы, третьей в Третьей части, Симонов выразился:

Чтоб этим оскорбить хоть прах,
Полков гвардейских не дал Павел.

Смысл этих строк сохранился бы, уничтожь поэт перепиливающее уши словечко «хоть», страдающее в двусмысленном безударном состоянии. Ещё одна печаль поэмы Симонова, да и многих иных, менее важных, стихотворений современных поэтов о Суворове: бодрое изложение прописных истин и пересказ самых известных суворовских легенд не всегда обращается в поэзию. Но мы находим в поэме и подлинные прозрения, исполненные свойственной Симонову энергией, заразительным чувством. Приведу замечательный отрывок из Второй части, посвящённый осознанию Суворовым своей старости:

Нащупав в темноте шандал,
Он подошел к часам со свечкой.
Всё было так, как он и ждал:
И луг, и замок, и овечки,
Но замок сильно полинял,
И три овечки постарели,
И на условленный сигнал
Охрипшей старенькой свирели
Никто не вышел на балкон.
Внутри часов заклокотало,
Потом раздался хриплый звон,
Пружина щелкнула устало…
Часы состарились, как он.
Они давно звонили глухо,
И выходила на балкон
Уже не дама, а старуха.
Потом старуха умерла.
Часы стояли опустело,
И лишь пружина всё гнала
Вперед их старческое тело.
«Глагол времен — металла звон».
Он знал, прислушавшись к их ходу,
Что в Сен-Готарде начал он
Последний из своих походов.

Это — высокая поэзия, которая всегда будет волновать умы. Большой удачей следует признать и финал поэмы. Мужественно, по-суворовски горделиво и скромно звучат строки:

Вдоль долгих улиц гроб несли.
На бархате ряды регалий,
Оркестры медным шагом шли,
Полки армейские шагали…
Он с ними не один редут
Взял на веку. И, слава богу,
За ним в последнюю дорогу
Полки армейские идут.

Патриот Отечества, кровно связанный с армией, Симонов чувствовал приближение войны и искал духовной поддержки у великих героев прошлого. Позже он осмыслял работу над предвоенными поэмами «Суворов» и «Ледовое побоище»: «Работа над ними была тогда существенной частью моей нравственной жизни… Думая о предстоящей схватке с фашизмом, некоторые из нас обращали взгляды в русскую историю, и прежде всего в военную историю нашего Отечества».

В 1930-е гг., а пуще — на излёте десятилетия интерес к истории России из академического стал злободневным. В Европе наступало время военных столкновений; воспоминания о героях прошлого, о грозных царях и непобедимых полководцах завоевали место в советской пропаганде. И Симонов выкраивал из суворовской легенды образ, годный для советской пропаганды. Очевидно, что молодой поэт Константин Симонов был талантливым человеком, военная история по-настоящему интересовала его, и даже само симоновское служение советской пропаганде в тридцатые, как и в сороковые годы было вдохновенным.

Поэма Симонова знаменует переходный период отношения к суворовской легенде в СССР. Ощущалась потребность в привлечении Суворова «на нашу сторону баррикад», но нелегко было отделаться от предрассудков «вульгарно-социологического подхода». Социально близкий пьяница Прошка почти снисходительно обращается с Суворовым, понимая, что такой снисходительностью он делает фельдмаршала ближе к народу: дружба Прошки оправдывает крепостника Суворова. Военные таланты Суворова уже признаются образцовыми, легенды о дерзновенном фрондёрстве фельдмаршала в павловскую эпоху входят в пропагандистский обиход. Некоторые натуралистические подробности, показанные автором поэмы,

привлекли молодого читателя; впрочем, повторюсь, последующие сочинения Симонова заслонили «Суворова», поэму, остающуюся всё-таки на обочине симоновского наследия.

В 1938 г. Суворов для Симонова был не только великим героем, но и далёким, страшно далёким от народа классовым врагом — слугой царизма. И поэт вводит в поэму мотив суворовской безжалостности к солдатам:

> Под ядрами, не дуя в ус,
> На роту роту, полк уложит
> И полк на полк, пока доложат,
> Что тыл нам показал француз.
> Мудрые солдаты (социально близкие) говорят о социально далеком фельдмаршале:
> Фельдмаршал наш — орел старик,
> Один грешок за ним — горячка…

Впрочем, конечно, в сравнении с другими прислужниками царизма Суворов выигрывает и в соревновании на «социальную близость». Суворов не был забыт Симоновым и после завершения поэмы. В известном стихотворении 1942 г. «Безыменное поле», вошедшем в цикл «Из дневника», образы Суворова, суворовских солдат угнетают отступающих красноармейцев:

> Опять мы отходим, товарищ,
> Опять проиграли мы бой,
> Кровавое солнце позора
> Заходит у нас за спиной.

С киплинговским темпераментом Симонов взывает к истории, к священным именам российских военных: петровских солдат, суворовских солдат, героев первых двух Отечественных войн России — 1812 и 1914–1918 гг. Отступавшим советским солдатам являлся образ непобедимых суворовцев. Своим поражением герои стихотворения как будто предают память о них — и сплошным поражением оборачивается вся история России:

> Из-под твердынь Измаила,
> Не знавший досель ретирад,
> Понуро уходит последний
> Суворовский мёртвый солдат.
> И конечно, за этим тяжёлым и одновременно

вдохновляющим воспоминанием следует клятва:

Клянёмся ж с тобою, товарищ,
Что больше ни шагу назад…

Константин Михайлович Симонов представляет образ русского советского патриота — и все краски этого явления отразились в творчестве писателя. Советский патриотизм — явление молодое. С ним связано всё лучшее, что было в России во время большевистского семидесятилетия: победа в Великой Отечественной войне, покорение космоса. И — в любом случае — лучше быть ура-патриотом, чем, по моде последних лет, «гоп-капитулянтом».

В грозные годы военных потрясений именем Суворова аукались и литераторы, и военные. В повести А. Бека «Волоколамское шоссе» (1942–1944) один из героев рассуждает, упоминая Суворова как знаковое имя: «Но что я тут сделал для боя? Встретил бегляков и повел наудалую. И всё. И победил. Вам известны мои убеждения, мои офицерские верования. «Легкие победы не льстят сердца русского», — говорил Суворов». И генерал Панфилов — герой повести А. Бека — напоминает Суворова отношением к бою, к солдатам, умением выдать духоподъёмный афоризм. В годы войны Суворов стал героем новых песен и популярных книжек. Не отставали и поэты. Ещё раз процитируем яркое четверостишие Самуила Яковлевича Маршака «За Родину!»:

Бьёмся мы здорово,
Рубим отчаянно,
Внуки Суворова,
Дети Чапаева.

Шли десятилетия, эволюционировал политический режим, менялись установки пропаганды, культурная политика принимала разные формы. Суворов остался одним из символов российской армии, но перестал быть злободневной исторической темой. В поэзии образ Суворова отступил на третий план газетной «датской» лирики. Важен был суворовский образ и для фронтовиков Великой Отечественной. Н.М. Грибачёв писал:

Пусть ныне спят его знамёна
Среди музейной полумглы,
Пускай не встанут поимённо
Его усатые орлы —

Со школьной парты, с песней детства
Для дел и подвигов живых
Мы честно приняли в наследство
Их мужество и славу их.

Позже, в 1989 г., на страницах популярного журнала «Юность» Игорь Иртеньев опубликовал стихотворение «Версия»:

— Не ходи, Суворов, через Альпы, —
Говорил ему Наполеон.
— Там твои орлы оставят скальпы,
У меня там войска миллион.

Иронический характер стихотворения не отменяет ценности иртеньевской «Версии» как образца «суворовской» литературы. Ироническое стихотворение с нарочито абсурдным сюжетом может многое рассказать не только об авторском отношении к Суворову, но и об отношении к Суворову читателей Иртеньева, говорящих с автором «Версии» на одном языке образов и ассоциаций, понимающих поэта с полуслова.

Постмодернизм — стиль, утвердившийся с семидесятых годов — не приемлет героики. Отказ от патетики, от созидательного творчества ради интеллектуальных игр с цитатными образцами чужого искусства — из этих положений логически выводится сознательное разрушение суворовского мифа. Самое известное «суворовское» произведение этого стиля — двухчастная композиция С. Стратановского «Суворов» 1973 г. с апофеозом дегероизации в финале:

Он для грядущих поколений
Лишь сором будет, палачом,
Суровый воин, страшный гений,
На кляче с огненным мечом.

Попытка порассуждать в стихах о героизме и изначальной греховности ратного труда привела автора к сюжету польской кампании 1794 г. Смело (и искусно!) намечен конфликт раздвоенности героя. Штурм Праги, взятие Варшавы… Несомненно, Стратановский держал в уме и другую Прагу, 1968 года… Аналогия между войной 1794-го и пражской операцией 1968-го имеет право на существование. Империи вынуждены защищать себя, в том числе — и методом экспансии. Нельзя

забывать и об историческом контексте: одновременно с суворовским походом жестокие карательные операции проводила революционная Франция, а Британская империя не стеснялась агрессивной политики колониализма. А в 1968 г. американские войска, находясь за много тысяч километров от Вашингтона, выжигали вьетнамские деревни. Но куда комфортнее называть агрессорами Суворова и Брежнева: увы, русофобия и европоцентризм родились раньше нас… Нечто похожее, но в более легкомысленном духе написал автор, публикующийся под псевдонимом Сап-Са-Дэ. В его художественно беспомощной поэме «Суворов в городах» проявились характерные для последнего времени тенденции. Автор глумится над святынями, заигрывает (возможно, иронически) с модным оккультизмом, а в качестве поэтического трафарета использует классические произведения — такие как «Ворон» Эдгара По. Сам факт появления подобной поэмы говорит об актуальности суворовского образа, который включили в свою конъюнктуру пожиратели штампов — постмодернисты. Пример версификации Сап-Са-Дэ мы взяли из финала сумбурной поэмы:

Каждые тридцать дней,
Как записано в каждой летописи,
На двадцать девятый день
Суворов приходит на Луну,
Чтобы судить и решать,
Наступает конец лунного света,
Друзья и боевые соратники Суворова
Думают, что он умер,
А он возвращается назад,
Чтобы начать цикл сначала,
Потому что Луна управляет циклами Земли,
А не наоборот.

Но в последние годы XX в. Суворова бичевали и с реалистических позиций некрасовской сатиры. В «Независимой газете» (2001, № 10 (60)) был опубликован пространный цикл стихов о мировой истории Бориса Корнилова. И среди них — стихотворение «Суворов»:

Два столетия разговоров —
Книги, памятники, кино…
Всё — Суворов! А что — Суворов?
Полководец-то был с Махно…
Оттого, что везло побольше,

Задирал свой длиннющий нос —
Резал в Турции, вешал в Польше,
Пугачева на казнь повёз.

Эту песенку о везении, о воле случая, не раз слыхал от своих недоброжелателей и сам Суворов. В ответ он выдвигал собственную теорию умения «повелевать счастьем». Но наш стихотворец не останавливается на этом наборе претензий:

Войско грабило, что татары,
Хоть порядок был — барабан,
Сзади — рать, впереди — штандарты
И фельдмаршалов шарабан.

Как будто не писал Суворов в «Разговоре с солдатами…», что солдат — не разбойник, и обижать обывателя не следует. Как будто суворовская армия не поразила Европу отсутствием мародерства… Затем, в худших традициях отечественной историографии времен «вульгарного социологизма», поэт припоминает, что армия Суворова состояла из крепостных, называемых «разнесчастными мужиками»:

Дудки дуют, мол, пули — дуры,
Но зато молодцы — штыки!..
И понуро бредут, что куры,
Разнесчастные мужики,
Феофаны, Захары, Карпы,
Кто в обутках, кто босиком,
По Карпатам и дальше — в Альпы,
За Очаковским петухом.

Жестокий Суворов гонит свою крепостную армию в бессмысленный поход. Он противопоставлен армии. Как при этом объяснить сотни восторженных народных песен, легенд, лубков о Суворове, ходивших от Амура до Дуная, везде, где звучала русская речь?! В довершение всего — очень странный финальный вывод:

И не ведают непоседы
На швейцарском ветру-снегу,
Что придётся за те победы
Отдавать и сжигать Москву.

Суворовские традиции в Отечественной войне 1812 г. и кампаниях 1813–14 гг. проявились в уничтожении Великой Армии, освобождении России и Европы. Месяцы отступления и трагедию Москвы можно объяснять чем угодно, но только не влиянием Суворова — этого князя побед, солдатского любимца, первой шпаги Российской империи. Заметим, что о бессмысленности Итальянского и Швейцарского походов недавно высказывался и А.И. Солженицын — последовательный враг имперской идеологии. Мы же уверены, что эта блестящая военная одиссея, как и участие России в Семилетней войне, имела огромное значение для утверждения международного авторитета России — великой многонациональной державы с разнообразными интересами во всех сторонах света. Факт существования такой России определил и развитие нашей культуры XIX–XX вв., а значит, суворовские походы имели великий культурообразующий смысл. Имперские амбиции? Но без них Россия окажется под угрозой сжатия до границ Владимиро-Суздальского княжества, лишенного и спасительных ныне природных ресурсов… Ведь 1/6 часть суши, полную богатств, мы удерживали только благодаря имперским устремлениям, олицетворенным Суворовым. А во вновь обретенном «Владимиро-Суздальском княжестве» воцарится радикальный шовинизм — удел ослабевших, униженных, некогда великих народов. В походах Суворова за Россию бились серб Милорадович, грузин Багратион, австриец Дерфельден, единые в своем служении общей Родине. Если это «имперские амбиции», то как они прекрасны! Интересы России — повсюду. Пассивных лежебок история наказывает. Как философ истории Суворов оказался куда прозорливей своих критиков от Репнина до Солженицына.

Рядом со стихотворением «Суворов» в газетной публикации расположилось стихотворение «Черчилль» (как не вспомнить бессмертного: англичанка гадит). Это подобострастный панегирик английскому премьеру, бывшему, как известно, идеологом интервенции в нашу страну, а после войны — сторонником атомного шантажа бывших союзников. И еще раз вспомнились слова Суворова: у этого наёмника-историка два зеркала…

В 1990-е гг. присутствие Суворова в русской поэзии оставалось значимой приметой отечественной культуры. Создавались и традиционные образцы суворовской героики — с опорой на классику, на православную этику. Среди них

встречались и художественно полноценные произведения — например, А.А. Коровин писал (1999):

Тяжек солдатский крест,
Не до учебных сборов.
Кинбурн, Фокшаны, Брест.
Так поднимал Суворов
Громким «кукареку»
Засветло ребятушек,
Салютовал штыку
Строй посрамлённых пушек…
Мая шестого дня
Колокола соборов
Жаловались, звеня.
Так умирал Суворов.
Воин, всю жизнь в строю
Родине прослуживший.
Ни перед кем в бою
Знамени не сложивший.

Судьба Суворова, переплетённая с судьбами российской истории, с нашим вчера и сегодня, оказалась материалом, подходящим для убедительной и лаконической поэзии. Суворов в зеркалах русской поэзии проявился если не во всём своём многообразии, то, по крайней мере, в ярких красках… Вершины — русский перевод поэмы Байрона, стихотворения Державина и Шишкова, громадная работа Константина Симонова. Это — целый материк лирики и эпоса, пропаганды и мифотворчества. Поход Суворова в империю российской поэзии не окончен. Захватывающее поэтическое исследование личности великого полководца продолжается.

* * *

Мы ещё в начале повествования договорились: своей наружности Суворов не любил. Его облик не соответствовал оссиановским представлениям о герое. Современники знали, что Суворов требовал, чтобы в помещениях, где он останавливался, не было зеркал… Не любил Суворов и позировать художникам: эту повинность отбывал с неохотой, будучи на вершине славы. К суворовской героике обращались не только портретисты. Об образе Суворова в изобразительном искусстве написано несколько капитальных и дельных работ — стоит упомянуть только книгу М.Б. Стремоухова и П.Н. Симанского «Жизнь Суворова в художественных изображениях» и труд А.В. Помарнацкого «Портреты Суворова. Очерки иконографии». А ведь были ещё и монографии С.В. Козлова «Суворов в его изображениях», Н.М. Коробкова «Суворов. Жизнь и деятельность полководца в изображениях»… Мы расскажем лишь о наиболее ярких полотнах, рисунках и монументах, посвящённых герою. А ещё мы расскажем о судьбе суворовского образа на театральной сцене и в «самом массовом из искусств» — в кинематографе. Впрочем, и в самом массовом искусстве XVIII–XIX вв. — наивном лубке — Суворов был представлен, в придачу — в окружении учеников — Кутузова и Багратиона. Раёшники на ярмарках показывали сюжеты из картинок, перемещавшихся на деревянном валике, — подвиги генералиссимуса графа Суворова, переход через Альпы… По лубочным картинкам сотни тысяч русских людей узнавали облик Суворова, по бесхитростным подписям — постигали величие деяний полководца. Недурную стилизацию лубка — «Беспримерный переход Суворова через Альпы» — выполнил в наше время художник Виталий Ермолаев.

Достойных прижизненных портретов Суворова немного: впервые художник запечатлел Суворова в 1780-м, на пятидесятом году жизни, в Астрахани. Художник сработал робко и сухо. Более эмоционален портрет 1786-го, который принадлежит кисти великого Дмитрия Левицкого (1735–1822) — говорят, что писал он Суворова по памяти и слухам, у генерала не нашлось времени для сеансов. Немало подражаний вызвал этот скромный портрет. Но нашлись и новые ракурсы.

Несколько небольших портретов и зарисовок Суворова создано в Польше, после падения Варшавы. Жан Пьер Норблен де ла Гурден (Norblin de la Gourdaine) (1745–1830) — французский художник бельгийского происхождения, сочувствовавший

Тадеушу Костюшко и другим польским мечтателям. Тридцать лет он работал в Варшаве и стал летописцем Польской кампании 1794 г. Его отношение к Суворову было далеко не восторженным. Но запечатлел он победителя Польши талантливо! Норблен видел Суворова, рисовал с натуры. Иногда его зарисовки называют шаржами — и напрасно. Суворовские рисунки Норблена «открыли» в Винницком музее только в 1950-е гг.!

В 1799–1800 гг. было создано два портрета, имеющих прямое отношение к герою, и немало фантастических вариаций на тему вошедшего в великую моду полководца. У Йозефа Крейцингера Суворов вышел вылитым немцем, больше того — австрийцем. Чопорный, носатый потомок рыцарей, да и только. Иоганн Шмидт в Праге изобразил усталого полководца в рубашке…

Денис Давыдов любил поворчать на художников — и ему почему-то понравился портрет Крейцингера: «не нравится мне ни один из его бюстов, ни один из портретов его, кроме портрета, писанного в Вене во время проезда в Италию, с которого вернейшая копия находится у меня, да бюста Гишара, изваянного по слепку с лица после его смерти: портрет, искусно выгравированный Уткиным, не похож: он без оригинального выражения его физиономии, спящ и безжизнен». Знаменитых гравюр было две — А. Флорова и Н. Уткина. Добавим к этому списку несколько прижизненных и первых посмертных миниатюр — и получим канон, на основании которого творили художники в позднейшие времена.

На памятной медали 1791 г. в шкуре немейского льва Суворова изобразил художник-медальер К. Леберехт, донесший до нас черты лица полководца.

Получив фельдмаршальский жезл, в Варшаве Суворов, предположительно, встречался с художником К. Бэконом, который в 1795 г. создал несколько миниатюрных портретов полководца.

Миниатюры Бэкона и портреты «типа Левицкого» стали основой рисунков английского художника Д. Аткинсона. В свою очередь, портреты Аткинсона были использованы авторами многочисленных гравюр (например, Д. Уокером). В 1799 г., перед отъездом Суворова в европейский поход, Ксавье де Местр написал миниатюрный портрет фельдмаршала. Портрет утрачен, но ему мы обязаны изображениями Суворова на гравюрах А.Осипова. В Вене парадный портрет полководца написал известный художник Крейцингер, впоследствии дважды повторивший суворовский портрет с некоторыми вариациями. Современники считали, что Крейцингер «онемечил» Суворова, привёл его облик к европейским стандартам. Но Денис Давыдов высоко ценил

крейцингеровский портрет, а строгую настороженность Суворова, облачённого в австрийский мундир, можно объяснить тем, что при дворе полководец и впрямь ощущал скованность. В Италии небольшой портрет Суворова написал неизвестный художник, уловивший одухотворённый суворовский взгляд. Простая белая рубаха, аннинский крест на груди… Идею этого портрета через много лет подхватит художник Николай Авенирович Шабунин (1866–1907), много работавший для музеев Суворова. У Шабунина суворовский взгляд вышел молитвенным. Мне по душе шабунинский портрет Суворова. Но вернёмся к прижизненным портретам полководца.

В Праге, в 1800 г., усталый Суворов позировал художнику И. Шмидту, чей портрет стал основой многочисленных подражаний и двух популярных гравюр — Н.И. Уткина и А.А. Флорова. Работы Бэкона, Аткинсона, Крейцингера и Шмидта стали каноническими для авторов посмертных парадных портретов Суворова — Фросте, Штейбена и др. В Англии, Германии, Франции, Австрии появлялись и суворовские портреты, не имеющие ничего общего с реальным обликом Суворова. Суворов на них напоминает «злого разбойника» Бармалея из иллюстраций Конашевича… Из портретов советского времени самостоятельным взглядом на Суворова поражает работа Н.М. Аввакумова (1908–1945), оконченная в 1941 г. Грозный старец всматривается в альпийские туманы, придерживает рукоять сабли… У Авакумова получился несгибаемый и суровый «Суворов в Альпах» — аскет, старец. Этот запоминающийся рисунок растиражирован на почтовых марках СССР. Нельзя не подчеркнуть: в сороковые годы Суворов был современен как никогда. Аввакумов воспевал советскую героику — и Суворов у него вышел олицетворением мужественности и силы. Святогор-богатырь!

Иностранцы нередко восхищались Суворовым. Но идеологи Запада предпочитали видеть в русском полководце угрозу. Для них он слыл варваром, вешателем, душегубом. Мы вскользь вспоминали о клевете на Суворова, которую фабриковали в Париже и в Лондоне. Зарубежные портреты, лишённые сходства, передают тамошние представления о Суворове. Спрос на изображения Суворова в 1799-м значительно превышал возможности художников, хотя бы однажды видавших русского льва. Предприимчивые англичане даже выдавали за портрет Суворова гравюру, изображавшую генерала Вашингтона. Более популярной была гравюра, изображавшая дюжего устрашающего усача с такой подписью: «Этот замечательный человек находится сейчас в расцвете жизненных сил. Он ростом 6 футов 9 дюймов (около двух метров. — *А.З.*), он не пьет ни вина, ни водки, ест

лишь раз в день и каждое утро погружается в ледяную ванну. Он ничего не носит на голове ни днём ни ночью. Когда испытывает усталость — заворачивается в простыню и спит на открытом воздухе». А Суворов так любил за обедом выпить рюмку тминной! Да и ростом был невелик…

Отметим, что злые карикатуры на Суворова при жизни полководца публиковали не только французы, с которыми Россия воевала, но и союзники — англичане.

Самую известную из «суворовских» картин, несомненно, создал Василий Иванович Суриков (1848–1916) — «Переход Суворова через Альпы». Работая над своим эпическим полотном, Суриков создал несколько рисунков — портретов полководца. Фольклорный характер, когда между шуткой и подвигом пуля не пролетит — вот что такое Суворов Сурикова. «Переход Суворова через Альпы» — одно из основополагающих полотен русской живописи. Из тех, что выражают народную душу. Приступив к работе над суворовской темой, Суриков отправился в Швейцарию, в Альпы. Не только ради этюдов с натуры. Суриков хотел прочувствовать Альпы, уловить ощущения своих героев. Художник скатывался с крутых склонов, испытывая практикой сюжет задуманной картины. Спуск, полёт в исполнении Сурикова захватывают дух. Суворов с восторгом глядит на своих богатырей, а солдаты учатся у «отца-Суворова», который летит на рискованно скользящем рысаке. Солдаты-суворовцы на суриковской картине — не однородная масса: разные типажи, пёстрые костюмы. Это — народ, состоящий из самобытных характеров. Упрямый, непобедимый вдохновенный народ. Тот же сюжет в 1904 г. использовал А.Н. Попов. Полемизируя с Суриковым, Попов показал мучительные трудности медленного перехода. Всадник Суворов, укутавшись в отцовский плащ, с тревогой глядит в даль.

В длинном списке художников-баталистов, обращавшихся к суворовской теме, есть истинные энтузиасты Суворова, посвятившие полководцу лучшие годы творческой биографии. Это — А.И. Шарлемань, А.Е. Коцебу, А.Н. Попов, Н.А. Шабунин, Н.С. Самокиш, Н.М. Аввакумов, В.М. Бескаравайный, О.Г. Верейский… И эстетика русского XVIII в., и военная героика, и эксцентрический характер Суворова — всё пленяло живописцев. Всплески интереса художников к Суворову наблюдались на рубеже веков, в пору суворовских юбилеев и в 1940–50-е гг., когда тема ратного подвига была особенно актуальной. Активными заказчиками «суворовской» живописи были военные институты и музеи. Замечательную стилизацию парадного портрета выполнил в 1946 г. П.П. Соколов-Скаля.

Интерес иностранных баталистов вызывали европейские

кампании Суворова — Польский, Итальянский и Швейцарский походы. Итальянцы, французы, австрийцы, англичане — художники стран, вовлечённых в Наполеоновские войны, — обращались к фактуре суворовских сражений. Разумеется, очень немногим удавалось создать полноценный образ Суворова. К. Жослин, Дж. Вендрамини, Строетти, Дюплесси-Берто, Гренье, Скотти, Кобель, Синглтон, Портер, Стейнлейн, Л. Гесс — далеко не полный интернациональный список баталистов, работавших над «суворовскими» гравюрами и картинами, впечатляет. Этот список скорее говорит о внимании Европы к Суворову, о важном политическом значении европейских походов русской армии, чем о творческих взлётах академичных баталистов. Русским художникам был гораздо лучше известен суворовский феномен — и потому отечественные интерпретации суворовского образа заслуживают более пристального внимания.

Штурм Измаила ещё при жизни Суворова был воспет акварелью М.М. Иванова и маслом Франческо Казановы. Заказчиком французского баталиста Казановы была сама императрица, желавшая обессмертить военные свершения своих генералов. Любопытна картина А. Зауервейда «Переход через Чёртов мост» (1803), на которой Суворов изображён в широкополой шляпе и свободной белой рубахе. В 1820-е гг. к суворовской теме обратился художник Александр Осипович Орловский — польский дворянин, ставший патриотом Российской империи. К величайшему сожалению, художник, столкнувшись с несправедливостью, уничтожил своё произведение… Дело в том, что начальник Главного штаба П.М. Волконский отказал Орловскому в праве преподнести картину государю, ибо на мундирах художник изобразил на одну пуговицу больше, чем это предписывалось павловским уставом… От таких службистов-буквоедов всю жизнь изнывал Суворов, пострадал от них и художник Орловский. По давнему наброску Орловского «Суворов в походе» мы можем лишь угадывать, что художник восхищался стремительностью Суворова, лихого всадника. Акварельный эскиз Орловского по настроению напоминает работу А. Лормана «Суворов на маневрах».

В 1843 г. вышла в свет книга Н.А. Полевого «История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск». Иллюстрации к этой книге быстро стали классикой жанра. Три художника — Т. Шевченко, А. Коцебу и Р. Жуковский — графически воссоздали множество сюжетов из жизни полководца, эти рисунки стали украшением многих книг о Суворове, в том числе — и современных. Для Коцебу книга Полевого стала первым, но далеко не последним опытом

прикосновения к суворовской теме. А вольнолюбивый Тарас Григорьевич Шевченко, вероятно, испытывал сложные чувства, прославляя подвиги великого охранителя — польские победы, поимку Пугачёва… Со своей работой Шевченко справился превосходно!

Академик А.И. Шарлемань — образцовый придворный баталист — с особой торжественностью преподносит сюжет «Встреча в Милане 18 апреля 1799 года» (1858). Среди католической и парадно-армейской пышности Суворов в поклоне поднимается по ступенькам.

Из многочисленных и разножанровых работ Коцебу, посвящённых деяниям Суворова, к наиболее удачным можно отнести «Сражение при Нови» и «Переход русских войск через хребет Паникс в 1799 году». Влиянием лубка выделяется более ранняя работа художника — «Бой на Чёртовом мосту». На этой картине Суворов дирижирует шпагой, стоя на камне. Коцебу быстро отказался от этой манеры — и усилил драматизм военной героики.

Человечность и простоту Суворова, его народный юмор удавалось отобразить Н.А. Шабунину. Кроме замечательного портрета Суворова упомянем шабунинскую картину 1901 г. «Суворов беседует с крестьянами в селе Кончанском». Шабунин не считается с этикетом исторической живописи, его всерьёз интересует феномен Суворова. Глядя на картины Шабунина, мы понимаем, что художник — современник Толстого и Чехова. Суворовский цикл он создал к столетию смерти полководца, в 1899–1900 гг. Да, это глаза Суворова, каким мы его знаем по сохранившимся письмам и приказам, по легендам и песням. Суворов одухотворённый, кроткий, смиренный. Глядя на этот портрет, представляется Суворов холодной весной 1800 г., составляющий Канон Господу.

Благородным, иронически настроенным старцем увидел Суворова замечательный русский советский художник, ленинградец Константин Иванович Рудаков (1891–1949). В годы войны Суворов был для нашего народа насущной необходимостью. Рудаков — маэстро книжной графики и виртуозный портретист — увидел в Суворове не монумент, а человека. Рудаков был величайшим художником книги, своим героям дарил тепло собственной души. Вот и Суворов с рисунка Рудакова шагает нам навстречу.

Николай Семёнович Самокиш (1860–1944) успел поработать и в имперской, и в советской военной героике. Плодовитый баталист, Самокиш написал 40 рисунков для книги А.И. Красницкого «Русский чудо-вождь. А.В. Суворов-Рымникский,

князь Италийский. Жизнь и подвиги».

Не раз обращался к суворовской теме художник Орест Георгиевич Верейский (1915–1993), прославленный иллюстратор «Василия Тёркина». Настоящий литературный художник, Верейский был виртуозом характерности. Поклонники картин «Суворов среди солдат на привале», «Суворов в Праге», «Суворов и Кутузов перед штурмом Измаила», «Суворов и Багратион во время Швейцарского похода» оценили талант Верейского. А чего стоит противостояние характеров в рисунке «Суворов и Павел I»! Увлечённость темой, умение уйти от шаблона, выразив глубоко личное отношение к герою, — всё это позволило художнику создать, пожалуй, лучшую суворианду XX в. Наиболее интересна, на наш взгляд, картина «Суворовские чудо-богатыри на марше» — очень точная метафора «солдатского генерала».

Заслуженно вошла в «суворовский канон» картина советского художника Владимира Митрофановича Бескаравайного «Приезд Суворова в Петербург 20 апреля 1800 года» (1969). Трудно представить себе лучший рассказ о последних, трагических днях жизни Суворова. Опытный иллюстратор, Бескаравайный, как и Верейский, тонко чувствует драматургию сюжета, знает и любит своего героя.

Из работ современных художников отметим полотно Татьяны Назаренко «Пугачёв» (1980), получившее шумную известность в 1980 г. Это — серьёзное осмысление солдатского долга, многомерной сложности исторических коллизий. Т. Назаренко вспоминает: «Это самая скандальная моя работа. О ней очень много написано. Ее несколько раз снимали с выставок. Она провисела у меня в мастерской 13 лет. Суворов везет Пугачева на казнь… Естественно, такая трактовка вызвала недоумение властей… В основу было положено мое восхищение людьми действия. Сегодня он — герой, а завтра — палач. В следующую эпоху он будет снова героем. Все мои исторические картины даны с таким подтекстом. В том же «Пугачеве», в углу, где рукописи, у меня мелкими буквами, но так, что можно разобрать, надписи: какими полками командовал Суворов в этом походе и другие документальные сведения». Суворов у Назаренко получился иконописный — он беззлобно смотрит на бунтаря в красной рубахе.

…В противоположность драматичной суворианде прошлого, совсем недавно, в 1998 г., О.В. Калашникова написала цикл очень мирных картин «Дорогами А.В. Суворова» — имеются в виду альпийские маршруты полководца.

Зарубежные портреты, лишённые сходства, передают тамошние представления о Суворове. Отметим, что злые

карикатуры на Суворова при жизни полководца публиковали не только французы, с которыми Россия воевала, но и союзники — англичане.

Суворов смотрит на нас и с полотен современных живописцев, в каждой воинской части есть портрет Суворова. А как иначе?

* * *

В публицистике 1980-х — начала 1990-х бросалась в глаза дискуссия о культуре тоталитаризма. В авторитетных изданиях публиковались полные историософских и эстетических рефлексий размышления о кинематографе сталинских лет. Было замечено, что и в сталинском СССР, и в гитлеровской Германии идеологическая конъюнктура потребовала кинематографической мифологизации «славных страниц истории Отечества». Аналогичные процессы мифотворчества, присущие и США, и Китаю, и Индии, оставались за пределами внимания ораторов… Герои отечественной истории, чьи имена упоминались в официальных выступлениях советских вождей, действительно воспеты кинематографом. Безусловно, возвращение Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, Нахимова и Ушакова в лоно отечественной культуры было закономерным. Героями немецкого кинематографа 1930–1940-х стали «друзья» и «враги» национал-социализма из истории Германии: друзья — Фридрих Шиллер и князь Бисмарк, враги — еврей Зюсс, австрийский император Франц-Иосиф… Кинематограф в нацистской Германии верно служил своим заказчикам — правителям государства и местному капиталу. В 1940 г. государству нужно было оправдать идею ликвидации евреев — и режиссёр Файт Харлан осуществил постановку кинокартины «Еврей Зюсс» — спекуляции на низменных инстинктах этнического большинства Германии. Экранизация Харлана переворачивала с ног на голову содержание фейхтвангеровского романа. Чуть раньше требовалось объяснить немецкому народу пользительность союза с Россией — кинематографисты услужливо предъявили своему фюреру фильм о заключившем союз с Россией «железном канцлере». Но премьера ленты В. Либенайнера «Отставка» состоялась лишь в 1942 г., и авторам фильма пришлось изменить трактовку бисмарковского союза с Россией. Художественное произведение, потерявшее политическую «прогрессивность», считается отменённым — это первый закон искусства в грозные годы. Кинематограф исправно

служил государственным интересам.

Во второй половине 1930-х, когда опасность новой мировой войны стала очевидной, наши идеологи сделали ставку на государственнический патриотизм, усиленный социалистической идеей. Апогеем этого процесса стал навсегда запавший в народную душу парад 7 ноября 1941 г., когда заснеженные полки с Красной площади уходили в бой, унося в сердцах слова Сталина: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Оживали герои страны, казалось бы, утраченной навсегда, ушедшей России. Когда старый мир разрушали «до основанья», одним из героев, населявших тот — разрушенный — мир, был Александр Васильевич Суворов. По канонам новой кампании — «за преодоление вульгарно-исторического подхода» — Суворов должен был стать героем мира нового, как и многие другие «прислужники империализма Романовых». Государству понадобились новые идеологические декорации — разумеется, искусство оставили на коротком поводке, но открылись пути для искреннего патриотизма, основанного на старинных традициях. Для таких художников, как С. Эйзенштейн, К. Симонов, Н. Тихонов, тот же Н. Аввакумов (список можно долго продолжать весьма достойными именами), путь оказался благодатным.

В истории сталинской пропаганды можно отличить две волны интереса к истории России, когда кинематографистам были заказаны величественные историко-биографические циклы.

В начале пятидесятых намечался второй цикл создания исторических эпопей, и показательно, что со смертью Сталина эти планы рухнули: историческое кино настолько утомило кинематографическую общественность, что при первой возможности функционеры и режиссёры избавились от сталинских планов исторической кинопропаганды.

В советском кинематографе 30–50-х Суворов существовал как один из героев исторических эпопей — актёры играли Суворова, как Ленина. Подвижный, в глазах лукавинка, пожилой человек небольшого роста — это и суворовская, и ленинская фактура. Так соединялись две легенды. Существенным было и влияние суворовской легенды на создание известнейшего кинообраза тех лет — Чапаева. Чапаев стал аналогом Суворова в советской мифологии; командир полка Щорс — аналогом Суворова и Чапаева в специфической украинской советской культуре. Наряду с фильмами о Чапаеве и Щорсе существовал и фильм о Суворове.

Яркий образ Суворова (воплотил его артист Сергей Петров) присутствовал также во второй части роммовской дилогии об адмирале Ф.Ф. Ушакове — «Корабли штурмуют бастионы». История обоих фильмов есть история продолжения суворовского чуда в советскую эпоху. В кинематографе легенда об Александре Васильевиче Суворове нашла новый способ существования.

Эпоху «преодоления вульгарно-социологического подхода» к истории России и других республик СССР, имевших «славное прошлое», Всеволод Илларионович Пудовкин (1893–1953) обогатил несколькими историческими кинофильмами. «Минин и Пожарский» (1939 г.), «Адмирал Нахимов» (1947 г.), «Жуковский» (1950 г., в соавторстве с Д.И. Васильевым) — и в 1941 г. «Суворов» — вот вехи пути В.И. Пудовкина как автора исторических кинофильмов.

Пудовкин сумел убедить самого себя в необходимости работы над историческими киноэпопеями, месяцы сомнений и сопротивления принудительному государственному стилю прошли, и толстовский размах русской истории по-настоящему увлёк режиссёра. В сороковых годах Пудовкин выступает уже как теоретик исторического кино (статья «Советский исторический фильм», 1945 год), рассуждает о воспитательном значении такого кино и — по крайней мере публично — не высказывает ни малейшего неудовольствия общей подконтрольностью искусства. Сказалось, что Пудовкин (как и Эйзенштейн) интересовался историей Отечества и до кампании тридцатых.

Фильм «Суворов» с полным правом можно считать фронтовой картиной. Более того, этот фильм стал чудесной формой участия А.В. Суворова в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Критики аж до 1980-х годов воспринимали этот фильм Пудовкина в русле борьбы старого и нового, революционного и охранительного искусства, классовости и чуждого советскому человеку национального патриотизма. Вышедшая в 1972 г. книга доктора искусствоведения А.В. Караганова «Всеволод Пудовкин» передаёт это ощущение идеологической «биполярности». Одна из глав этой интересной работы — «Мобилизация прошлого» — имеет непосредственное отношение к Суворову, и нам не обойтись без извлечений из книги Караганова.

«Решившись ставить фильм о Суворове, Пудовкин снова приглашает к режиссерской работе Доллера. Съемки поручаются операторам А. Головне и Т. Лобовой, оформление — В. Егорову и К. Ефимову, музыка — Ю. Шапорину… Гребнер, Пудовкин и Доллер думали не только о странностях Суворова-человека, но и об особенностях Суворова — гениального полководца, великого воина России. Они понимали, что от анекдотов, от курьезных

мелочей отмахиваться не следует — нельзя из Суворова делать безликий монумент. Нужно было показать величие, не утратив характерности, сохранив все то индивидуальное, даже смешное, что осталось в солдатской памяти и передается из поколения в поколение.

Сценарий Гребнера строился таким образом, что «Суворов» должен был стать монофильмом; многое, если не все, зависело от режиссерского решения и актерского исполнения главной роли. Понятно поэтому, как трудны были поиски исполнителя. Пудовкин и Доллер хотели, чтобы способность к глубокому постижению характера соединялась в исполнителе с внешней характерностью. Они остановились на Н.П. Черкасове, работавшем в одном из районных театров Москвы. Это была поистине редкостная находка: Черкасов прямо-таки был создан для предложенной ему роли.

Первая беседа с актером оказалась неожиданно трудной: в середине беседы Черкасову что-то не понравилось в пудовкинских рассуждениях, он быстро встал и начал прощаться, даже не объяснив причин столь внезапного ухода. Стоило большого труда задержать его — буквально у дверей — и убедить остаться для продолжения разговора. Этот «суворовский», внезапный порыв еще более укрепил Пудовкина в принятом решении: он почувствовал многообещающие совпадения в характерах исполнителя и героя. Черкасова уговорили. Он начал работать над ролью и сравнительно быстро вошел в образ… У Суворова-Черкасова характерная, отрывистая и вместе с тем до предела точная речь. Его мимика — от улыбки до гнева, — его жесты — от руки, посылающей войска на неприятеля, до руки, поглаживающей собаку, — свободно укладывались в рисунок, который возник в первых поисках внешнего облика и манеры поведения полководца.

Сюжет фильма по-настоящему драматичен. Сценарист и режиссеры сближают, сопоставляют, сталкивают такие события, как триумф Суворова в Польской кампании и его встречи с Павлом, чтобы отчетливее обнажить и заострить главный конфликт фильма, на котором строится его драматургия… В первых сценах фильма есть торжественность, есть пафос и радость победы. И есть нотки идиллии во всем, что касается отношений полководца с матушкой-императрицей. Эти нотки сыграют — по контрасту — свою роль, когда речь пойдет о встречах Суворова с Павлом, о конфликте двух военных доктрин.

Суворов — это не только солдатская отвага, поистине солдатская простота и демократичность, соединенные со знаменитыми чудачествами, это еще и недюжинный ум,

образованность, энергия ищущей мысли. Он знал мужество солдатского подвига в гуще боя и мужество полководческих решений в тиши штабной палатки. В самом суворовском характере, в системе его полководческого мышления укоренен неизбежный конфликт между прогрессивной для своего времени наукой побеждать, созданной Суворовым, и устаревшей военной доктриной Павла, преклонявшегося перед прусской армией.

Этот конфликт обнажается в той беседе Павла с Суворовым, где полководец в открытую объясняется с императором, пренебрегая законами подчинения и соображениями о своем служебном благополучии:

«Павел. Солдат мой — как бы инструмент, артикулом предусмотренный, пружина для действия штыком или саблей, — армия великой стройности и порядка.

Суворов (после паузы). Механизм… Пружина… Стало быть, болван!.. Болван, ваше величество, со штыком ли, с саблей ли — так болваном и останется. С такой армией не только я, грешный, а кто поболе меня победы не одержит. Я людьми командую, ваше величество, а не пружиной!»… «Живыми у Суворова остаются только глаза, — замечает Пудовкин. — Именно в них сосредоточивается непосредственное отражение всего сложного хода внутреннего переживания актера. Ирония, презрение, бешенство, смех, непрерывное развитие мысли и чувства отражаются в этом единственном источнике, оставшемся свободным от скованности волей.

Почти вся сцена строилась так, что говорящий Павел и редко отвечающий Суворов снимались отдельными планами. Но в то время как Павел появлялся на экране во весь рост, Суворов снимался очень крупно, так что на экране было видно только его лицо и живые, всегда говорящие глаза» (В. Пудовкин. Избранные статьи, стр. 246).

С самого начала работы с Черкасовым Пудовкин увидел у актера «суворовские глаза». Он настойчиво просил Головню снимать Черкасова таким образом, чтобы зрители тоже увидели эти глаза.

Встреча с Павлом заканчивается очередным чудачеством Суворова, притворившегося на этот раз больным: живот схватило… Чудачествами — еще до прихода в кабинет императора — она и началась. Чудачества Суворова трактуются в фильме как форма сохранения индивидуальности, не укладывающейся в каноны придворного мира, как средство защиты от сановных людишек и самого главного из них — его императорского величества, ничтожного Павла.

Но у фильма «Суворов» были и более высокопоставленные рецензенты! И конечно, в первую очередь — лучший друг советских кинематографистов, единственный реальный заказчик и продюсер советского кино тех лет. В книге Евгения Громова «Сталин. Власть и искусство» бегло рассказывается об истории с фильмом «Суворов»: «Сейчас все знают, что картина В. Пудовкина «Суворов» принадлежит к числу самых знаменитых, взысканных наградами фильмов сталинского времени. Менее известно, что сценарий вызвал серьезное недовольство кремлевского цензора. 9 июля 1940 г. он пишет Большакову: «Сценарий «Суворова» страдает недостатками. Он тощ и не богат содержанием. Пора перестать изображать Суворова как добренького папашу, то и дело выкрикивающего: «ку-ка-ре-ку» и приговаривающего: «русский», «русский». Не в этом секрет побед Суворова.

В сценарии не раскрыты особенности военной политики и тактики Суворова: 1) Правильный учет недостатков противника и умение использовать их до дна. 2) Хорошо продуманное и смелое наступление, соединенное с обходным маневром для удара по тылу противника. 3) Умение подобрать опытных и смелых командиров и нацелить их на объект удара. 4) Умение смело выдвигать отличившихся на большие посты вразрез с требованиями «правил о рангах», мало считаясь с официальным стажем и происхождением выдвигаемых. 5) Умение поддержать в армии суровую, поистине железную дисциплину.

Читая сценарий, можно подумать, что Суворов сквозь пальцы смотрел на дисциплину в армии (невысоко ценил дисциплину) и что он брал верх не благодаря этим особенностям его военной политики и тактики, а главным образом — добротой в отношении солдат и смелой хитростью в отношении противника, переходящей в какой-то авантюризм. Это, конечно, недоразумение, если не сказать больше.

Эти замечания относятся также к известной пьесе «Суворов», поставленной в ЦТКА.

И. Сталин»

«…» Картина выходит на экран и на «ура» принимается прессой, что, несомненно, было санкционировано сверху. Вкупе с картиной «Минин и Пожарский» она будет награждена Сталинской премией первой степени. Но, по рассказу Головни, создателям картины передали сталинское пожелание: хороший фильм сделали об Александре Васильевиче Суворове, теперь надо сделать фильм о полководце Суворове. И уже в январе 1941 г. Пудовкин приступает к работе над фильмом «Штурм Измаила». Съемки не состоялись — возможно, потому, что летом началась Отечественная война».

Война ли помешала съемкам пудовкинского «Штурма Измаила» — неизвестно; можно только гадать, почему на другие кинокартины в то же самое время находились и средства, и время. Сценарий Гребнера (он опубликован) кажется мне по-настоящему удачным. Композитор Шапорин в «Суворове» показал себя виртуозным стилизатором и мастером патетической героики. Так или иначе, но фильм «Суворов» по сей день остаётся единственной кинобиографией нашего полководца. В 1941 г. московская ордена Ленина киностудия «Мосфильм» выпустила в серии «Рекламфильм» миниатюрную, прекрасно умещавшуюся в кармане солдатской гимнастерки книжечку «Художественный исторический фильм «Суворов» с кратким содержанием картины, списком актеров и авторов «Суворова». На обложке указан вполне скромный тираж — 15 000. Составитель З. Фраткин, редактор М. Касаткин. Такую книжку принёс с войны и мой дед, она и поныне хранится в нашем семейном архиве. Наравне с фильмом Пудовкина воевал и плакатный Суворов. Особенно любили в народе работу Кукрыниксов и С.Я. Маршака: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева». Народные герои звали в смертельный бой. Мальчишки из окопов на гражданке по двадцать раз бегали на «Чапаева», знали эту картину наизусть, а о Суворове им рассказывали отцы и деды. Плакат, созданный в первые дни войны, касался натянутых струн патриотизма. Другой плакат учил бойцов навыкам штыковой атаки:

«Штык не обмишулится», —
Суворов говорил,
Коли их по-суворовски,
Фашистских громил!

На плакате художника В. Иванова (1942) Суворов на коне, с саблей в руках, напутствовал красноармейцев: «Бей, коли, гони, бери в полон!» Эпиграф к плакату взяли из речи Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков!» В годы войны с особым чувством относились советские люди и к почтовым открыткам с изображениями Суворова — всё, что связано с ратной славой предков, стало святыней. По меньшей мере, в пяти песнях военного времени звучало имя Суворова. Привольно было шагать под такую строевую песню:

Наш народ не подкачал,
Хорошо врага встречал.
Не святой водой кропил,

По-суворовски лупил.
Эх, раз, два, любо-хорошо,
По-суворовски лупил!

Суворова упоминали ещё в пяти-шести песнях тех лет. После учреждения суворовских училищ в 1943-м большую популярность получила песня композитора А. Новикова и поэта М. Левашова «Учил Суворов», ставшая гимном суворовцев:

Учил Суворов в лихих боях
Держать во славе Российский флаг.
Отцом и братом Суворов был,
Сухарь последний с бойцом делил.

До сих пор эта песня входит в репертуары детских хоров. Кроме общей песни суворовцев, у каждого училища был свой марш. Например, суворовцы-горьковчане пели:

Надёжный щит страны,
Гроза для злого ворога,
Мы Сталина сыны,
Мы правнуки Суворова!

Гораздо позже — в 1952 г. — в Московском театре оперетты пройдёт премьера музыкальной комедии композитора О.Б. Фельцмана «Суворочка» («Дочь полководца»), которую ставили на многих сценах Советского Союза. И в лёгком музыкальном жанре образ Суворова оказался востребованным — стоит ли этому удивляться, помня о его глубокой укоренённости в фольклоре?

…В первые, самые чёрные месяцы войны в оккупированных областях Белоруссии и Украины появились партизанские отряды имени Суворова. Как реликвии, фронтовики пронесли через войну изображения великого полководца, листовки с суворовскими афоризмами. А музей Суворова в Кончанском был открыт 25 октября 1942 г., когда село было уже прифронтовым… Знаковые события, связанные с именем Суворова, поднимали боевой дух, подобно кинофильму о полководце.

«Суворов» — фильм актёрский; зритель запоминает и глаза актёра Николая Черкасова-Сергеева, и колоритную фигуру Платоныча — А. Ханова, лицедействующего в роли старого суворовского солдата-кавалера. С полным пониманием фольклорной таинственности пучеглазый А. Ханов рассказывает

детворе солдатские байки о великом Суворове. А как задорно Суворов выпивает рюмку «анисовки» и кланяется Прошке, словно занюхивая водку и отвечая на упрёки камердинера: «Не перевоспитаешь!» Мимика, жестикуляция, речи Черкасова-Сергеева в зрительском восприятии складываются в цельный образ Суворова, заслуживающий право на существование.

В сатирическом ключе решены образы Павла Первого (А. Ячницкий) и Аракчеева (М. Астангов). Солдафоны, впадающие то в истерику, то в умиление, они появляются на фоне гатчинской муштры под однообразную музыку, противопоставленную душевным порывам суворовского тульчинского воинства, умоляющего полководца, оставляющего солдатам свои ордена: «Не уезжай! Хоть слово скажи!»

Солдаты на руках вносят Суворова в фильм Пудовкина под восхищенные крики: «Живой! Коня под ним убили, а сам живой». Это Польская кампания, включённая в фильм по соображениям предвоенной политической необходимости, но как динамично В. Пудовкин начинает картину!

Замечательное решение находит режиссёр и для сцены встречи опального Суворова с воинством Павла. Вот, после очередного нелёгкого разговора с императором, прерванного суворовской жалобой на боли «в брюхе», наш герой проходит то ли по гатчинской, то ли по петербургской площади, на которой расположились полки. Тысячеголосое «Ура!» не смолкает, а Суворов восхищённо выкрикивает, двигаясь навстречу камере: «Полтава — слава! Измаил — слава! Варшава — слава! Слава! Слава! Слава!» Вся сцена динамична и торжественна, в глазах опального фельдмаршала стоят слёзы.

Современный зритель будет приятно удивлён бережным отношением Пудовкина и Гребнера к религиозности Суворова. «Бог наш генерал, он нас водит!» — вопреки традициям советского времени, авторы фильма не снижают пафоса этой суворовской фразы. В актёрском подтексте православная сущность Суворова присутствует постоянно. Подчёркивается и любовь полководца к «матушке императрице».

Мы видим сражения, узнаём цену великим победам, солдаты гибнут под штыками и пулями. Фильм обрывается, когда у Чертова моста Суворов приказывает связывать брёвна офицерскими шарфами и идти по ним через обрыв. Наконец, Александр Васильевич вскакивает на коня и — снова «суворовские глаза» — восклицает: «Смотрите, как умеет бить врага ваш старый фельдмаршал!»

Фильм Пудовкина с интересом воспринимали в Великобритании и США — «союзнические» кинокритики высоко

оценили мастерство Пудовкина и Головни, подивились размаху массовых сцен. Знатоки искусства, несомненно, оценили и вкус режиссёра, не приукрасившего эпоху излишним лоском костюмов и интерьеров (с этим всегда по-жигански перебарщивают в Голливуде).

С середины 1950-х гг. исторических картин у нас, за редким исключением, не снимали. Но история советского кинематографа продолжалась — и суворовская тема получила неожиданное продолжение в жанре кино для детей и юношества. В фильме режиссёра В. Мартынова «Зловредное воскресенье» (1986) главный герой — ученик четвёртого класса Гена Пенкин (в этой роли снялся П. Гайдученко) — на уроках и дома пишет книгу о Суворове. В его фантазиях мы видим и самого полководца — перед штурмом Измаила, на привале, скачущим через росистое утреннее поле. Всякий раз в образе полководца перед Пенкиным предстаёт кто-либо из окружающих: директор школы, знакомый, родственник. В одном из эпизодов — в фантазии Пенкина — Суворова сыграл популярный советский актёр Михаил Пуговкин. Сам Пенкин пытается подражать Суворову и в реальной жизни — он «работает над собой», становится более сознательным и общительным мальчиком.

В 1985 г. кинематографисты Грузинской ССР создали красочный фильм «Багратион», который, к сожалению, забыт отечественными телеканалами — а ведь батальные сцены в этой картине вышли образцовые! Роль старика Суворова с горящими глазами талантливо исполнил Юрий Катин-Ярцев. Этот актёр преклонялся перед личностью Суворова и с удовольствием отмечал в собственных ухватках черты эксцентричного полководца.

В последние годы, когда на телевидении разрослась индустрия больших и малых мыльных опер, как минимум в двух из них мелькнула треуголка Суворова: в сериале «Адъютанты любви» полководца сыграл Валерий Золотухин (жаль, что этому актёру до сих пор не довелось представить Суворова в более серьёзном произведении!), в экранизации романа Валентина Пикуля «Фаворит» — сорокалетний актёр и теоретик театра Вадим Демчог. На невнимание хороших актёров Суворову жаловаться не приходится; вот достойного контекста у этих ролей, увы, нет.

* * *

Театральные постановки прошлых лет остаются только в легендах. Записанные на плёнку, они превращаются в иное искусство, не театр. Только легенда, сложившаяся из пересудов, рецензий и воспоминаний, может дать приближенное к точному представление о старинном спектакле. Премьера пьесы И. Бахтерева и А. Разумовского «Полководец Суворов» состоялась в 1939 г., в ленинградской Александринке. Роль Суворова сыграл К.В. Скоробогатов, роль Прошки Дубасова — народный любимец В.В. Меркурьев. Артисты-орденоносцы играли «Суворова» и в составе фронтовых бригад.

На нынешней Суворовской площади в Москве стоит театр-звезда, театр Армии, работа архитектора К. Алабяна. А несколько десятилетий назад, 14 сентября 1940-го, первым спектаклем большого зала театра-звезды был «Полководец Суворов».

Пьесу И. Бахтерева и А. Разумовского поставил выдающийся режиссер, художественный руководитель ЦТКА (Центрального театра Красной Армии) Алексей Попов. Репетиции шли в помещении Камерного театра, но «Полководец Суворов» был приспособлен для грандиозной сцены ЦТКА и запомнился театралам как спектакль театра-звезды. Самый первый!

Театральная легенда о спектакле «Полководец Суворов» представлена в книге Н. Зоркой «Алексей Попов». Я, конечно, не видел того давнего поповского спектакля, и только пространная цитата из Н. Зоркой позволит нам прикоснуться к этой, пусть не самой важной для истории нашего театра, но важной для исследования образа Суворова в двадцатом веке легенде.

«Хорошо пошел в новом театре «Полководец Суворов», для которого сделали соответствующие масштабам сцены декорации. Лагерь под Измаилом, ночные костры, лунное марево, солдатские группы, в нем расплывающиеся, контур крепости на дальнем плане. Начало штурма измаильской твердыни — большая батальная сцена обрела темперамент и размах. Еще более эффектно выглядело взятие Чертова моста: внезапно открывалась панорама Альп в лучах восходящего солнца, и было видно, как суворовские солдаты по бревнам переходят через отвесное ущелье.

Генералиссимус Суворов, роль которого играл Б. Нечаев, был уже не первым русским героем-полководцем на советской сцене. «…» Создавалась и пополнялась галерея национальных героев, великих предков. Русский народ вскоре будет назван «нацией Суворова и Кутузова». В спектаклях и фильмах, воспевавших славу русского оружия, формировался торжественный, монументальный стиль. В драматургии складывался «историко-биографический жанр».

В пьесе Бахтерева и Разумовского были и живой характер, и историческая подлинность, и плоть. Авторы хотели показать судьбу сложную, с взлетами и горечью опалы. Портрет Суворова вовсе не был парадным. И Попов искал героя, скорее, лирического — ершистого, непрезентабельного, корявого. Он стремился к анализу личности Суворова, считая его одновременно и сыном своей эпохи и гением, далеко эту эпоху опередившим, хотел правдиво и неоднозначно передать отношения полководца с царем, генералитетом, солдатами. Ведь это еще не так давно, но зато крепко вгрызался он в марксистскую диалектику и исторический материализм, овладевал принципами классового подхода к явлениям истории. Ему трудно было теперь перестроиться, закрыть глаза на то, что великий полководец «верноподданнически служил царизму, который не раз пользовался гением Суворова для своей реакционной политики, хотя сам Суворов понимал свою деятельность как непрерывное служение своей Родине и русскому народу», — эта формулировка не раз повторялась постановщиком и была напечатана в специальной программе спектакля, отразив некоторую межеумочность концепции. Попов и впоследствии упорно повторял, что театру не удалось избежать распространенной ошибки рисовать отношения между полководцем и солдатом только как «тесную дружбу», но не отношения «феодала и крепостного».

Но если Попову, как всегда, было чуть трудновато с социальными категориями, то выручала интуиция. Он захотел, чтобы зритель не только размышлял о противоречиях эпохи и личности великого воина, но чтобы, сверх всего, сочувствовал Суворову, чтобы полюбил его. Пусть иногда и посмеется над ним, пусть поплачет! Ловил в пьесе комедийные ситуации, в образе героя — человечность и простоту. Например, в сцене на балу в Яссах у Суворова эксцентрический выход: светская толпа ждет появления знаменитой балерины, но в дверях, откуда должна выпорхнуть дива, собравшиеся видят сухонького Суворова в походном мундире. Подчеркнуто, как нескладен он на паркете, как нелепо выглядит в глазах разряженной черни.

И приказ о переправе через Чертов мост отдает не величавый стратег, покоритель Измаила, а больной, тщедушный старик, низко пригнувшись к свече в полутемной альпийской хижине. В сцене ссылки — печальное одиночество, столик под кружевной скатеркой, лекарства… В той же тональности, элегической и печальной, решается смерть Суворова: старик пытается спустить штору, но сползает с подоконника и падает навзничь, медленно падает белый шелк занавеси, медленно раскачивается шнур.

И патриотическая тема, которую требовали от спектакля о национальном полководце, воплотилась естественно, словно бы сама собой. Просто на сцене была Россия со всей любовью к ней Попова, со всем его знанием и чувствованием; после «Виринеи» не было у него России такой «русской» — ее духа, ее характеров, включая самого Суворова. Возвращались на сцену серовские краски, народные композиции были навеяны Суриковым. В картине «Родина», где триумфатора встречают в сельце Каменка под Петербургом, режиссер любовно разрабатывал толпу. Ожидающие собрались в церковном дворе: бородач-крестьянин с хитрыми глазами, белокурая девушка, которая прижимает к груди венок из полевых цветов и улыбается грустной, мечтательной улыбкой, ветеран войны в парадном мундире по случаю праздника. Шныряют шустрые мальчишки, баба качает ребенка, завернутого в лоскутное одеяло, за оградой важно прохаживается помещик с чопорной супругой. А в центре — фигура тощего, с жалкой, будто выдранной бороденкой старого звонаря на колокольне. К нему прикованы все взоры, потому что вестнику-звонарю видна сверху даль полей и дорога. «Не, не пылит… Не, не пылит…» — повторяет звонарь на разные лады с редкостным простодушием, в надежде, что покажется долгожданная карета Суворова. Попов очень любил в этой маленькой роли Н. Сергеева, был за нее актеру благодарен, считая важной для всего спектакля.

И бивачная солдатская жизнь полнилась в спектакле правдой быта, воздухом эпохи, а ведущим мотивом оформления у художника Федотова стала походная палатка. Это был реалистический, скромный лирический спектакль, как ни странно звучит это слово в контексте с баталиями. Поставленные в дальнейшем пьесы о знаменитых военачальниках будут у Попова грандиозны, но не затронут сердца. Уйдет Суворов, останется Полководец».

Личность Суворова — человечного чудака — оживляла, казалось бы, протокольную постановку о герое-полководце. О Суворове невозможно поставить рутинный спектакль, снять рутинный фильм; личность упрямого гения вырвется из плена этикета и восстановит вокруг себя пространство живой России. Долго шёл этот спектакль на грандиозной сцене армейского театра. Овацией встречали зрители появление Суворова на вершине людской пирамиды во время штурма Измаила. Запомнилось, что на глазах зрителей актёры-солдаты разбирали настоящую деревянную избушку, чтобы строить Мост в Альпах. Время от времени появляется идея возобновить этот классический

спектакль. Между тем на сцене театра Армии Суворов появлялся ещё не раз. В начале 1980-х режиссёр Юрий Ерёмин рискнул увлечься пьесой молодого драматурга Александра Ремеза «Осенняя кампания 1799 года». Роль Суворова получил Пётр Вишняков. В то время публика увлекалась не просто героикой, но историческими загадками — и Ремез наполнил пьесу смелыми версиями исторических событий. И зазвучала над площадью Коммуны (тогда ещё не Суворовской) старинная песня: «Вдоль по речке, вдоль да по Казанке серый селезень плывёт…» Постановку сняли для телевидения, она доступна в Интернете. Суворов в театре и кинематографе XX в. — это, конечно, образ модернизированный, впитавший в себя влияния нового времени. Некоторые тенденции воплощения суворовского образа на экране и сцене развивают старинную легенду о великом полководце, время доказало гибкость суворовской легенды, её способность приобретать новые формы в искусстве, фольклоре, пропаганде. Думаю, мы ещё не один раз увидим суворовские глаза и на киноэкранах, и на сценах России.

* * *

От монументальности театральной баталистики легко перейти к собственно монументальному искусству. В ряду скульпторов, развивавших суворовскую тему, первым по праву следует помянуть добрым словом Михаила Ивановича Козловского (1753–1802). Сын флотского трубача, истинный классицист, Козловский посвятил своё искусство героике. Он начал работу над памятником Суворову в 1799 г., при жизни полководца. Аллегорическая фигура юного воина, верным мечом грозящего врагам Отечества — это метафора суворовской души, образ русского Марса. Первоначально памятник был установлен на Царицыном лугу, на юге Марсова поля, но в 1818-м его перенесли на север, где Нева, ветры, широкий простор.

В Петербурге, кроме первого памятника Суворову, о котором мы не раз уже вспоминали в разных главах книги, заслуживает внимания скульптурный образ Суворова, включённый в ансамбль памятника Екатерине Великой и её «орлам». Скульпторы М.О. Микешин (руководитель проекта) и А.М. Опекушин изобразили полководца в непринуждённой позе, беседующего с Г.А. Потёмкиным. Скульпторы, работавшие в реалистической манере, ориентировались на прижизненные изображения Суворова, добиваясь портретного сходства. Нам передаётся ощущение суворовского характера — одержимого военным гением,

независимого, чудаковатого. В 1900 г., рядом с перенесённой из Кончанского суворовской церковью Св. Александра Невского, на высоком постаменте был установлен бронзовый бюст работы Н.И. Рукавишникова. Ныне монумент хранится в Суворовском музее. Замечательная бронзовая статуя работы скульптора И.Н. Шредера в 1899 г. была установлена на парадной лестнице Главного штаба.

Присутствует Суворов и в композиции грандиозного новгородского памятника «Тысячелетию России», построенного по проекту М.О. Микешина. Над фигурой Суворова в новгородском памятнике работали скульпторы М.А. Чижов и А.М. Любимов.

В Москве, в Очакове, в Измаиле, в Кончанском, в Кобрине, в Новой Ладоге, в Тирасполе, в Херсоне, в Тульчине, в Калининграде, в Тимановке (Винницкая область), в Симферополе стоят памятники Суворову. Конный памятник Суворову высится в румынском местечке Думбрэвень, что на Рымнике. В монументальном искусстве образ полководца раскрыт разнообразно и талантливо — можно сказать, что Суворову повезло с монументами, а скульпторам — с Суворовым. Энергичный, загадочный герой, с фактурой сухопарого старца и ореолом подвига — это благодатный материал для русских Фидиев и Праксителей. Вспоминается очаковский памятник Суворову… Дух раненого, но упоённого боем, зовущего в атаку своих богатырей Суворова отменно передал скульптор Б.В. Эдуардс (1860–1924). Копия этой скульптуры была установлена в Варшаве, в Суворовском кадетском корпусе. Кроме того, великий князь Константин Константинович в 1910 г. передал варшавским кадетам-суворовцам бюст Суворова, выполненный в 1801 г. Л.М. Гишаром.

Любопытна судьба монумента, ныне стоящего в Измаиле. Его называют «кочующим памятником». Изначально конная статуя работы Б.В. Эдуардса (одесский скульптор много работал над суворовской темой). Памятник отлили из бронзы трофейных пушек, отбитых Суворовым у турок. Во время Первой мировой, когда фронт приближался к Рымнику, русские солдаты бережно разобрали памятник и перевезли его в Одессу, в мастерскую Эдуардса. Позже памятник установили во дворе одесского Художественного музея. В то же время, ещё в 1890 г. учитель истории Измаильской гимназии Николай Григорьевич Громов организовал подписку на памятник Суворову в Измаиле. В начале 1917 г. Николай Григорьевич погиб от германской пули, так и не увидев вымечтованного памятника. Его сын, полковник Красной Армии Пётр Николаевич Громов продолжил отцовские старания, дошёл до самого «всесоюзного старосты» М.И. Калинина и всё-

таки добился своего. Из Одессы памятник перевезли в Измаил, где он был открыт 26 августа 1945 г. Бронзовый Суворов, приподнявшись на стременах над своим донским жеребцом, со шляпой в руке приветствовал советских солдат-победителей, парадом прошедших по измаильской земле.

Скульптора П.А. Самонова заинтересовал один из ключевых эпизодов боевого пути Суворова — и в 1910 г. он создаёт композицию «Подвиг рядового Степана Новикова». Восседая на подбитой лошади, раненый Суворов защищается от турецкого янычара, а Степан Новиков уже готов штыком поразить турка, спасая Суворова. Не зря Суворов в письме Потёмкину назвал его «героем»!

Долго ждали патриоты России, почитатели суворовского гения, открытия памятника великому полководцу в Москве. В 1950 г., на площади Коммуны, перед театром Советской Армии, установили закладной камень: «Здесь будет сооружён памятник великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову». А до открытия памятника прошло ещё 32 года… В 1980 г. конкурс на памятник Суворову выиграл известный московский скульптор Олег Константинович Комов (1932–1994). Комов давно был увлечён суворовской темой. В 1967 г. он создаёт скульптурную композицию «А.В. Суворов», в которой угадывается изящество будущего памятника. Опершись руками на столик, Суворов склоняется над оперативной картой… Эта композиция сегодня находится в собрании Государственной Третьяковской галереи. Суворов, вставший в 1982 г. на московской площади, на первый взгляд, статичен. Но стремительность полководца чувствуется в стройной фигуре. На плечи накинут отцовский плащ, из орденов на груди — один-единственный аннинский крест, с которым Суворов не расставался. Комов подробно проработал лицо Суворова: мы чувствуем в выразительной мимике и кротость, и саркастическую улыбку. Рядом с Суворовым на пьедесталах расположены трофейные пушки, свидетели подвигов генералиссимуса…

В июне 1999 г. в Швейцарии, близ Чёртова моста через перевал Сен-Готард, был открыт памятник работы скульптора Д. Тугаринова. Суворов изображен сидящим на коне, которого под уздцы ведут швейцарский проводник и помощник Суворова Антонио Гамба. Высота бронзовой статуи — около метра. Памятник, представивший полководца в гиперреалистической манере, вызывает споры. Художник изобразил смертельно больного, усталого донкихота.

Первым памятником Суворову на Кубани стал бюст работы

скульптора Е.В. Вучетича, установленный в Усть-Лабинске ещё в сталинское время. В 1955 г., на волне новой «антиимперской» кампании, местные чиновники перестарались: закрыли музей Суворова и уничтожили памятник… Нашли памятник в пруду, очистили от ила — и перенесли в запасники музея. Сегодня бюст полководца стоит на прежнем месте, а музей не возродился. Новый бюст был открыт в Новочеркасске, возле здания Суворовского училища, в 2004 г. В том же году, в Краснодаре, был установлен памятник работы скульптора Алана Корнаева. Четырёхметровая бронзовая фигура выросла в сквере на Октябрьской улице, напротив шифровального училища имени Штеменко. Надпись на постаменте гласит: «Александр Суворов — основатель Екатеринодара». Но и на этом история суворовских монументов не замерла. Совсем недавно, в июне 2005 г., в Болгарии был открыт памятник Суворову — бронзовый бюст работы скульптора Алексея Кобилинца. Это дар Петербурга Варне, но установлен памятник в городе Тутракане — том самом Туртукае, со штурма которого началась суворовская слава.

Ещё один памятник Суворову видели, пожалуй, только лётчики и верхолазы. Скромный бюст полководца установили на вершине Казбека в 1968 г. альпинисты Высшего военного училища. Обратите внимание, без юбилея!

В современной России Суворов — знамя тех, кто видит страну сильной и независимой. И Суворов смотрит на нас — с полотен, с плакатов и почтовых марок… В этой версии бессмертия главное слово за художниками, скульпторами…

Приложение
Краткий обзор литературы о Суворове

Никита Михайлович Муравьев (1796–1843) — тот самый основатель Союза спасения и Союза благоденствия — в 1816 г. опубликовал в «Сыне отечества» «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова», одну из первых попыток литературного осмысления суворовской историографии. Печально и симптоматично, что многие положения давней муравьевской статьи являются правильными и для нашего времени: «…горестные для патриота размышления возбудила во мне мысль, что нет еще до сих пор русской истории Суворова, первого из вождей». Патриотически настроенные декабристы пытались создать пантеон всенародных героев отечественного происхождения. Ведь в моде пребывали заморские герои, наполеономания царила. Следовало доказывать, что в России есть собственные полководцы, мыслители, идеологи. На это ушли десятилетия.

Конечно, с тех пор многое изменилось, и о Суворове было написано немало и немало талантливого, но полноценной и популярной истории Суворова — той, которую, быть может, замышлял А.С. Пушкин, в России до сих нет. Есть талантливый и умный исторический роман Олега Михайлова, есть замечательные капитальные исследования жизни полководца Петрушевского и Ростунова, вышло в свет новое замечательное исследование Вячеслава Лопатина, но всё-таки суворовский феномен остается для нас тайной за семью печатями — и очень печально, что даже в России в последние пятьдесят лет великому Наполеону было уделено гораздо больше исследовательского внимания, чем великому Суворову. Кроме биографического исследования Ростунова, ярким явлением в сувороведении последнего времени стало научное издание писем полководца, подготовленное В.С. Лопатиным, в авторитетной серии «Литературные памятники». Дополнением к 688 письмам в этом издании стали публикации записок Суворова, «Разговора с солдатами их языком» и талантливого исследования В.С. Лопатина «Суворов в своих письмах». Заслуживают всестороннего внимания и составленные В.С. Лопатиным примечания к суворовским публикациям книги — такие вдохновенные и мудрые комментарии всегда на вес золота. Чуковский блистательно комментировал Некрасова, воспоминания Панаевой, Лотман — Пушкина, Микешин — Салтыкова-Щедрина, а Лопатин — Суворова. Не брезгуя источниковедением и строго относясь к

документальной точности, Лопатин создаёт личностный, авторский образ Суворова. Комментарии Лопатина к письмам Суворова — из самых удачных не только в суворoведении, но и во всей авторитетной книжной серии «Литературные памятники».

Издателем суворовского наследия стал историк и офицер Михаил Иванович Антоновский. Ещё при жизни Суворова он хотел опубликовать его наставления под названием «Наука побеждать». При Павле книгу запретили, только в 1807 г. она вышла в свет — и тут же стала настольной для сотен офицеров.

Суворовская историография была исследована не одним поколением талантливых историков, особенно интересен обзор А.Г. Кавтарадзе «Суворов в отечественной историографии», работа, вошедшая в сборник «А.В. Суворов. К 250-летию со дня рождения» (М.: Наука, 1980). Мы очертим круг суворовских исследований, особенно сильно повлиявших на историю общественного отношения к Александру Васильевичу Суворову.

Суворов был прижизненно удостоен биографического исследования. В пору Итальянского и Швейцарского походов появилось немало людей, желавших стать биографами великого полководца. Суворовская библиография традиционно начинается с публикации 1765 г.; с того времени упоминания имени Суворова в иностранной и российской печати встречались регулярно, с частотой, зависевшей от направлений суворовского боевого пути. Первым же биографом Суворова стал немец И.Ф. Антинг. Антинг служил в русской армии, слыл неплохим рисовальщиком и изготовителем силуэтов, наконец, в начале 1790-х гг. он стал секретарем генерал-аншефа Суворова. Предприимчивого немца заинтересовал великий солдат, пользовавшийся репутацией замечательного чудака и оригинала. Получив благословение самого Суворова, Антинг приступил к написанию биографии своего непосредственного начальника. В 1795 г., в Германии, вышла первая часть сочинения Антинга. В ней освещалась деятельность Суворова до 1794 г., до суворовского фельдмаршальства. В 1799 г., в кульминационный год суворовской славы первая часть книги Антинга «Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского с виньетами и планами» была издана в России, в течение 1800 г. последовали аналогичные издания второй и третьей частей.

В 1841 г. в «Отечественных записках» были опубликованы воспоминания суворовского сподвижника П.Н. Ивашева «Из записок и Суворове», из которых следует, что генералиссимус был недоволен второй частью сочинения Антинга и поручил Ивашеву исправить биографию: «Во второй части Антинг скворца дроздом

встречает, много немогузнайства и клокотни — тебе лучше известно: куда пуля, когда картечь, где штык, где сабля; исправь, пожалуй, солдатским языком, отдай каждому справедливость, и себе — я свидетель».

Еще одной русскоязычной биографией Суворова была книга Е.Б. Фукса «История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского», вышедшая в свет в 1811 году. Егор Фукс также издавал и ставшие весьма популярными сборники анекдотов о Суворове — в них немало поучительного, хотя встречаются и фантастические легенды. Позже (в 1826 году) Фукс издал книгу о последних походах Суворова «История Российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, кн. Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского». Прошли годы, и известная работа Дмитрия Милютина заслонила это, как признавали многие, неудачное биографическое исследование Егора Фукса. Заметим, что без перекличек с анекдотами Фукса не обходился ни один позднейший исследователь жизни Суворова, будь он историком или писателем.

В 1808 г. в Петербурге выходит книга с характерно длинным названием — «Дух великого Суворова, или Анекдоты подлинные о князе Италийском, графе Александре Васильевиче Суворове-Рымникском… с присовокуплением безсмертного его сочинения тактики или науки искусно побеждать и переписки Суворова с разными знаменитыми особами. Российское сочинение В. С.». Кто скрывался под инициалами В. С. — загадка, и в наше время не разгаданная. В «Духе великого Суворова…» яркие, всем запомнившиеся суворовские анекдоты соседствовали с письмами и документами полководца. Начиналось освоение суворовского наследия — такую задачу поставила перед историками и мемуаристами сама эпоха, великий девятнадцатый век российской культуры.

Чтобы иметь представление о европейской суворовской литературе, существовавшей в первой четверти девятнадцатого века, можно обратиться к источникам, которыми пользовался Д.Г. Байрон в работе над суворовскими песнями поэмы «Дон Жуан». Байрона заинтересовала характеристика Суворова из книги Г. Кастельно «Древняя и современная история России», а также из «Жизнеописания Екатерины Второй» Тука. Байрон также ознакомился с книгами полковника Сполдинга «Суворов» и Л.-М.-П. Траншан де Лаверна «Жизнь фельдмаршала Суворова». К этому списку следует присоединить книги о Суворове, упомянутые Никитой Муравьевым, — и мы получим объективный список

образцов популярной и научно-популярной суворовской литературы того времени. Муравьев повествует о сочинениях Антинга, Фукса, Бошана, Лаверна, Дюбокажа, Сервана, наконец, А. Дюма. Безусловно, на Суворова падал отсвет славы Наполеона и европейские историки спорили: победил русский полководец французов или лишь поучился у своего младшего и гениального современника. В этот спор охотно включались и русские историки и писатели.

В 1812 г. С. Глинка выпускает книгу «Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его». Эта, о двух частях, работа подытожила труды предшественников Глинки по публикации и введению в научный оборот памятников литературного наследия Суворова. Кроме того, книга содержала обширное исследование самого Сергея Глинки, посвященное жизни Суворова и его литературному наследию.

В 1835 г., вскоре после очередной польской кампании, выходит обстоятельная монография Павла Муханова «Штурм Праги».

В 1840 г. появился четырёхчастный труд Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», в котором находилась и биография «князя Александра Васильевича Италийского, графа Суворова-Рымникского, 3-го генералиссимуса». Автор использовал и труды Антинга, и анекдоты о Суворове, и суворовские документы. Подчас эту книгу цитируют и в наше время, а если цитируют, то уж, наверное, и читают.

В 1840-е гг. были написаны три книги о Суворове, которые и в наше время представляют интерес не только для исследователей суворовской историографии. Это работы Я.М. Старкова-Третьякова «Рассказы старого воина о Суворове» (1847 г.), М.И. Богдановича «Походы Суворова в Италии и Швейцарии» (1846) (в 1852 г. вышла другая работа Богдановича — «Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции») и Николая Полевого «История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского». Особенный интерес вызывает книга «Рассказы старого воина…», открывшая новое в личности Суворова, показавшая восприятие Суворова в солдатских и офицерских кругах. Книга Н.А. Полевого несет следы глубокой авторской зависимости от трудов Антинга, чувствуется в ней и установка на сенсационность в описании взаимоотношений Суворова и Румянцева, Суворова и Потемкина. Николай Полевой был одарённым человеком, блестящим стилистом, но пустоватым историком, робко работающим с документами. И всё-таки

написанная живым литературным языком, книга талантливого писателя стала самым популярным жизнеописанием Суворова вплоть до выхода в свет работ Петрушевского.

В те же годы начали выходить в свет и книги Ф.И. Смита — сначала на немецком языке, а с 1860-х годов и в русском переводе («Суворов и падение Польши» — 1866–1867). Федор (Фридрих) Смит, дошедший с русской армией до Парижа, был талантливым адвокатом Суворова перед европейской общественностью; он развенчивал распространённые в Европе мифы о русском полководце как о невежественном варваре. Долгое время работы немецкоязычного русского историка считались образцом суворoведения.

В 1852–53 гг. вышел пятитомный труд Д.А. Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла в 1799 г.». За ним последовала книга П.М. Саковича «Действия Суворова в Турции в 1773 году». Книга Милютина — одна из вершин научного суворoведения, Милютин сочетал критическое отношение к источникам и документальную обоснованность положений с пониманием великой роли образа Суворова в народной истории. Сам Д.И. Милютин был замечательным военным и политическим деятелем, одним из тех, кто олицетворил 1850–1860-е гг. России. Всё это заставляет нас и по сей день с особенным вниманием относиться к милютинским исследованиям. И в современной литературе можно встретить немало комплиментов суворовской работе Милютина — признание пришло к этому историку раз и навсегда. Немало писал о Суворове и полковник Генштаба, военный историк П.М. Сакович.

В 1856 г. появилась книга А.И. Астафьева — страстного пропагандиста суворовского гения. Книга называлась «Воспоминания о Суворове». Автор принял вызов европейских историков и с успехом принялся доказывать уникальность Суворова.

В 1874 г. появилась книга Н. Рыбкина «Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность». Эта книга — образец внимательного исследования определённого среза суворовской судьбы, суворовского наследия. Н. Рыбкин опубликовал множество ценных источников, касающихся хозяйственной деятельности Суворова: переписку, иные документы.

В 1884 г. в суворoведении началась эпоха Александра Фомича Петрушевского. Его книга «Генералиссимус князь Суворов» (в 3 томах) не только стала полнейшим исследованием биографии

Суворова, но и вызвала новую волну интереса к личности генералиссимуса. В 1900 г. вышло в свет второе, переработанное издание и, что замечательно, была добавлена глава «Суворов легендарный и исторический». Петрушевский отнюдь не ограничивался пересказом событий жизни Суворова и работой с документами. Его интересовала и личность полководца — его психологический портрет, и природа суворовского феномена в восприятии общества. Кредо Петрушевского — «Опыт истории Суворова, но не его эпохи» — определило некоторую ограниченность исследования. Суворов справедливо рассматривается Петрушевским как явление уникальное, но историк делает из этого следующий вывод — уникальное явление не имеет глубоких корней, оно по природе феноменально и оказывается лишь исключением из правил. Поэтому в капитальном исследовании Петрушевского мы не находим крупных исторических обобщений, анализа эпохи Суворова и эпохи, предшествовавшей Суворову. Книги Петрушевского — уникальный образец честной скрупулёзной работы историка-биографа. После Петрушевского казалось, что в суворовской историографии наступило время работ, решающих локальные задачи, а задача создания цельной биографии выполнена. В 2005 г. долгое ожидание читателей вознаградило петербургское издательство «Русская симфония», переиздавшее классический труд Петрушевского после векового перерыва…

Свою немаловажную роль в суворовской историографии сыграл и М.И. Драгомиров — русский учёный и военный деятель, изучавший и комментировавший «Науку побеждать» и вообще проявлявший деятельный интерес к суворовскому наследию. С именем М.И. Драгомирова связана попытка модернизации и возрождения суворовских традиций не только в пореформенной русской армии, но и в идеологии тогдашней России.

В 1899–1900 гг. слава Суворова укрепилась: юбилеи последних походов и столетие со дня смерти полководца отмечались широко. От царского имени войскам был дарован портрет Суворова.

Великий полководец стал символом русского патриотизма — и конечно, выходили в свет книги, адресованные гимназистам, которых воспитывали на примере Суворова — православного воина, чудо-богатыря, русского архистратига Михаила. Такова книга А.И. Красницкого «Русский чудо-вождь: граф Суворов-Рымникский, князь Италийский, его жизнь и подвиги» (СПб., 1900) с иллюстрациями знаменитого баталиста Николая Самокиша.

В том же 1900 г., к столетию со дня смерти А.В. Суворова, в

биографической библиотеке Флорентия Павлёнкова вышел очерк М.Л. Песковского, посвященный русскому полководцу. Эта суворовская биография отражает усреднённое понимание суворовского образа рубежа XIX и XX веков. М.Л. Песковский активно привлекал суворовские анекдоты, демократизировал образ Суворова, увы, с избыточной сенсационностью описал противоречия, возникавшие между Румянцевым и Суворовым. В 1903 г. М.Л. Песковский, женатый на двоюродной сестре В.И. Ульянова-Ленина, окончил свои дни в доме призрения душевнобольных имени императора Александра Третьего. Суворовский очерк Песковского, к сожалению, не вошёл в число лучших очерков павлёнковской библиотеки. Главным его достоинством остаётся живость доступного, лёгкого языка.

В 1892 г., в Гродно, выходит книга С.К. Гершельмана «Нравственный элемент в руках Суворова». Гершельманом была поднята интересная и важная для православной России тема. В 1900 г. в исследовании А.В. Геруа «Суворов-солдат» был освещён путь Суворова в нижних чинах, развеяны некоторые мифы относительно солдатства Александра Васильевича.

Наконец, в 1900 г., также к столетию со дня смерти полководца, был выпущен двухтомник «Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба». В сборнике выделялись статьи М.В. Алексеева, А.З. Мышлаевского.

Большой интерес у современного читателя вызывает выдержавшая несколько переизданий в начале XX в. монография П.И. Ковалевского «Генералиссимус Александр Васильевич Суворов: Психиатрические эскизы из истории» — ещё одно и, может быть, полнейшее исследование природы чудачеств Суворова, особенностей натуры гения. Ковалевский ставит под сомнение распространенное мнение (см. Соловьев, Ключевский) о наигранности суворовских чудачеств. Для него чудачества — естественное следствие характера Суворова, «организации его нервной системы». В последующие годы советские психологи развивали идеи Ковалевского, продолжая исследование суворовского феномена.

В 1916 г. начался выпуск издания В.А. Алексеева «Письма и бумаги Суворова», с авторскими объяснениями и примечаниями. Вышел только первый том этой книги, затем жизнь известного сувороведа оборвалась. Ранее, в 1901 г., В.А. Алексеев приоткрыл завесу над одной из самых таинственных страстей Суворова — творчеством — в монографии «Суворов-поэт». Лучшие сувороведы послеоктябрьского времени — И.И. Ростунов, В.С. Лопатин — оказались продолжателями В.А. Алексеева, его признанных

образцовыми методов исследования суворовского наследия.

Характерно, что после октября 1917 г. и до второй половины 1930-х суворовские исследования появлялись лишь в специальных военных изданиях. Отметим монографию Н.П. Михневича «Суворов — в оценке европейских писателей и военных», вышедшую в грозном 1921 году. Суворову уделяли внимание историки, исследовавшие русское военное искусство, — А.И. Верховский, знаменитый М.Н. Покровский, С.Г. Лукирский. Знаменует развитие старой тенденции и написанная в 1920-е гг., но так и не нашедшая тогда своего издателя работа Г.Ф. Гирса «Суворов и Наполеон. Опыт сопоставления их полководческих дарований с характерологической точки зрения. Военно-психологический этюд (к проблеме психологии личности)».

Наконец, развенчали «школку Покровского», началось преодоление вульгарно-социологического подхода к истории, и появились новые биографии Суворова — К. Осипова, С. Калинина, С. Глязера (все вышли в 1938 году). Особенную популярность получила книга К. Осипова, на полтора десятилетия ставшая главной книгой о Суворове и за это время не раз переизданная. Книгу эту принято критиковать — и критика эта справедлива. Нужно, впрочем, отдать должное К. Осипову, создавшему яркий образ полководца, который оказался ближе к легендарному, а не историческому Суворову. Конечно, Осипов выставляет Суворова как деятеля, «чуждого царям и придворным кругам». Написана книга блестяще!

В 1939 г. появилась книга А.Н. Боголюбова «Полководческое искусство Суворова». В отличие от К. Осипова А. Боголюбов с научной обстоятельностью уделил внимание теме, заявленной в заглавии книги. Две эти предвоенные книги дополняли одна другую: Осипов раскрывал характер Суворова, цитировал стихи и анекдоты, а Боголюбов обращал внимание на полководческий талант генералиссимуса, стратега и тактика. Идеологическая тенденция, характерная для поздних тридцатых, присутствовала в обоих изданиях.

Перед войной и во время войны было издано немало монографий и брошюр о Суворове и суворовских войнах. Книги эти делали своё благородное дело, воодушевляя солдат и просвещая боевых офицеров. Автором нескольких брошюр был К. Пигарев, а в 1943-м вышла его книга «Суворов. Солдат-полководец», которая выдержала несколько изданий и приглянулась Сталину. Молва называет Сталина заказчиком этого исследования. В конце 1942 г. Пигареву сообщили, что его просит позвонить по прямому телефону сам товарищ Сталин. Но у

Пигарева не было телефона, и звонить пришлось из будки…

Вождь предложил ему написать патриотическую книгу о Суворове. Разговор затянулся — и очередь буквально вытолкнула Пигарева на улицу. Разговор прервался.

Домой Пигарев вернулся в скверном расположении духа — и не на шутку испугался, увидев, что к его дому подъехал автомобиль, а из него вышли двое военных. А они просто поставили ему телефон — и разговор со Сталиным возобновился…

В 1946 г. вышла книга Г.П. Мещерякова и Л.Г. Бескровного «А.В. Суворов». В книге затрагивались разные аспекты суворовского характера, значения Суворова для России и особенностей полководческого таланта Суворова.

Лучшие начинания исторической науки в сталинскую эпоху были связаны не с историософскими обобщениями, а с источниковедением. Шаг за шагом осваивалось суворовское наследие, издавались документы. Итогом этих работ стал четырёхтомник «А.В. Суворов. Документы» под редакцией Г.П. Мещерякова, вышедший в 1949–1953 гг. До сих пор это крупнейшее издание суворовских документов, необходимое для каждого биографа Суворова, для всех, изучающих историю русского полководца.

В 1950 г. вышел в свет юбилейный «Суворовский сборник» Института истории АН СССР (среди авторов — Н.И. Шатагин, Л.Г. Бескровный, А.Е. Гутор). В стилистике статей сборника отразилась догматическая насыщенность эпохи «сталинского ампира». В статье А.Е. Гутора была выдвинута сенсационная, впоследствии не раз опровергнутая, версия смещения даты рождения Суворова с 1730 на 1729 год.

В 1963 г. в Государственном Эрмитаже вышла книга А.В. Помарнацкого «Портреты Суворова. Очерки иконографии», дополнившая давнее исследование М.Б. Стремоухова и П.Н. Симанского «Жизнь Суворова в художественных изображениях» (1900).

В 1973 г. Олег Николаевич Михайлов написал исторический роман «Суворов», не раз переизданный и в серии «Жизнь замечательных людей», и в других издательствах, и в разных странах… От множества повестей и романов о Суворове (Леонтия Раковского, Марка Алданова, Сергея Григорьева и т. п.) книга Михайлова отличается не только литературными достоинствами, но и серьёзным уровнем научного обобщения исторического материала. Думаю, эту книгу недооценивают, несмотря на миллионные тиражи. «Суворов» Михайлова — один из лучших

русских исторических романов.

В 1978 г. в Ленинграде вышла книга Г.И. Мееровича и Ф.В. Буданова «Суворов в Петербурге», продемонстрировавшая ряд интересных документов по заявленной теме.

Талантливыми продолжателями традиций Авдотьи Ишимовой стали Сергей Алексеев и Анатолий Митяев — детские писатели, научившие нас любить родную историю. Их рассказы о Суворове публиковались даже в «Весёлых картинках», не раз выходили и отдельными изданиями.

В 1980-м Институт истории АН СССР выпустил юбилейный сборник статей «Александр Васильевич Суворов» под редакцией А.Г. Бескровного. В сборнике помещены содержательные статьи А.Г. Бескровного, И.И. Ростунова, А.Г. Кавтарадзе, открывшие новый, более свободный от идеологических догм этап изучения Суворова. В 1983 г. в Ереване выходит интересная монография М.Г. Нерсисяна «Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780-х годах», раскрывшая важную и малоизученную главу суворовской биографии.

В 1989 г. в «Воениздате» выходит капитальная монография И.И. Ростунова «Генералиссимус Александр Васильевич Суворов: Жизнь и полководческая деятельность». Установка на документальность, на строгую научность отличает эту книгу от всех иных биографий Суворова. Здесь практически отсутствуют (!) анекдоты, зато представлен анализ стратегии и тактики Суворова, великолепно освоен и переработан в биографическое исследование четырехтомник суворовских документов и иные источники. В 1990 г. в том же «Воениздате» выходит книга «А.В. Суворов. Походы и сражения в письмах и записках», составленная О.Л. Сариным, являющаяся своеобразным документальным приложением к монографии И.И. Ростунова.

С восьмидесятых годов, пожалуй, наибольший вклад в сувороведение вносит В.С. Лопатин, издавший в 1992 г. монографию «Потемкин и Суворов», а ранее, в 1987 г. подготовивший и прокомментировавший уникальное издание писем Суворова в серии «Литературные памятники». В издании помещена и статья В.С. Лопатина «Суворов в своих письмах», демонстрирующая лучшие стороны суворoведения и, увы, нечастый в исследовательской среде хороший литературный вкус. В творчестве В.С. Лопатина отразилось новое отношение к Суворову, к истории, характерное для отечественной исторической науки 1970–1990-х. Это проявилось в книге Лопатина «Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками». В декабре 2012-го в серии «Жизнь

замечательных людей» вышла новая книга о Суворове — и написал её Вячеслав Лопатин.

Любопытный анализ суворовской деятельности при Павле Первом до ссылки в Кончанское предпринимает М.М. Сафонов в недавней статье «Суворов и оппозиция Павлу Первому». Этот поучительный эпизод русской истории, когда великий полководец проявил терпимость и смирение и отказался от идеи мятежа, в последнее время становится всё более злободневным.

В 1998 г. выходит книга, собранная М.Г. Жуковой — «Твой есмь аз» Суворов», обзор документов и легенд, показывающих суворовское отношение к православной вере, к Богу, к Церкви. В приложении к книге — Канон, составленный лично Суворовым.

Из множества разножанровых книг о Суворове, изданных в последние годы, хотелось бы отметить работу Бориса Николаева «А.В. Суворов. По архивным материалам», второе, дополненное издание которой вышло во Владимире в 2008-м. В этой книге собраны сведения о связях Суворова с древней Владимиро-Суздальской землёй, заслуживают внимания и другие изыскания Николаева. К несомненным удачам следует отнести и исследование М.А. Преснухина «Битва на Треббии 1799 г.: Три дня А.В. Суворова» (М., 2001).

В 2001 г. в московском Военном университете издан весьма содержательный сборник «Не числом, а уменьем» под редакцией А.Е. Савинкина и И.В. Домнина.

Суворовских исследований в России было немало, но всё равно образ нашего полководца остаётся шире любых книжных образов, Суворов как национальный герой интереснее и сильнее Суворова — героя исследований. Писать о Суворове в России — занятие и благодарное, и ответственное. Иначе и не бывает с национальными героями. Неизвестно, был бы развеян скепсис Никиты Муравьева по отношению к биографиям Суворова, доживи старинный декабрист до наших дней? У научного сувороведения есть свои вершины — Милютин, Петрушевский, Алексеев, Ростунов, Лопатин. Есть уникальные книги — собрания суворовских документов в четырехтомнике, собранном Мещеряковым, и писем в томе, собранном Лопатиным. Современный читатель с интересом и пользой для себя знакомится и с произведениями Бантыш-Каменского, Н. Полевого, Осипова. Без научного сувороведения не было бы и суворовской беллетристики — Алданова, Папаригопуло, Олега Михайлова, Раковского, Григорьева. Не было бы рассказов о Суворове, предназначенных детям. Иным, обеднённым был бы образ нашего полководца в русской поэзии. Может быть, существует и взаимное влияние суворовской легенды и научного

суворoведения. Ясно, что без легенды суворoведение было бы иным, но, может быть, иные особенно яркие исследования изменили само предание о великом полководце, повлияли на фольклор?

Не сомневаюсь: не только педантичные историки, но и время, будущие десятилетия и века дополнят мой краткий обзор суворовской историографии.

Сегодня и в армии, и вообще в нашей жизни драматически ощущается отсутствие Суворова. Не только гениев, но и просто оригинально мыслящих людей не хватает — тех, чьи реплики полезно разгадывать, как притчи, в которых мудрость преломляется неожиданно. Век исполинов завершился, на что только мы не разменивали славу, заслуженную в боях… Исчезло стоическое отношение к службе государству. Суворов посвятил жизнь русской экспансии по всему свету — и мы сегодня, по большому счёту, довольствуемся ролями третьего плана. Россия теряет не только приоритет, но и суверенитет — и в политике, и в производстве, и в самоощущении. Заёмные властители дум, импортные штаны и мысли — неужели такая участь навсегда? Нет, не отчаивайтесь, дорогие товарищи! Суворов в России никогда не умирал. Он — одухотворённый чудак и величайший профессионал, идеалист и прагматик. Русская мечта о Победе, о преодолении себя, о самобытном величии. Если нашим идеалом станет он, а не какая-нибудь химера американского шоу-бизнеса — придёт и виктория. Когда Суворов с нами, то и победа наша. Только не предавайте Суворова!

Краткая библиография

Александр Васильевич Суворов: К 250-летию со дня рождения / Отв. ред. А.Г. Бескровный. М.: Наука, 1980.

Суворовский сборник / Под ред. А.В. Сухомлина. М., 1951.

Суворов А.В. Письма / Изд. подг. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1986.

Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках. М.: Воениздат, 1990.

Суворов А.В. Документы / Под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1949–1953. Т. 1–4.

Державин Г.Р. Соч. В 7 т. 2-е акад. изд. / Под ред. Я.К. Грота. СПб., 1868–1878.

Милютин Д.А. История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 2-е изд. Т. 1–3. СПб., 1857.

Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. — 2-е изд. СПб., 1900.

Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М.: Наука, 1992.

Лопатин В.С . Светлейший князь Потёмкин. М., 2004.

Ростунов И.И. Генералиссимус А.В. Суворов. Жизнь и полководческая деятельность. М.: Воениздат, 1989.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 2 т. М.: Культура, 1991.

Меерович Г. И., Буданов В.Ф. Суворов в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1978.

Алексеев В.А. Суворов-поэт. СПб., 1901.

Рыбкин Н. Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М., 1874.

Нерсисян М. Г . А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780-х годах. Ереван, 1981.

Полевой Н.А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса Российских войск. СПб., 1858.

Драгунов Г.П . Чертов мост. По следам Суворова в Швейцарии. М., 1995.

Осипов К. А. В. Суворов. М., 1938.

Жукова М. Г . «Твой есмь аз» Суворов. М., 1998.

Фукс Е.Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. СПб., 1900.

Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847.

Богданович М.И . Походы Суворова в Италии и Швейцарии. СПб., 1846.

Лопатин В.С. Суворов. М., 2013.

Геруа А . Суворов-солдат 1742–1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином.) СПб., 1900.

Александр Васильевич Суворов. Сб. Сост. С.Н. Семанов. М., 2000.

Гурковский В.А . Кадетские корпуса Российской империи. В 2 т. М., 2005.

Гурковский В.А . Суворов и кадетские корпуса // Десятина. № 11. 2004.

Шишов А.В . Генералиссимус Суворов. М., 2003.

Замостьянов А.А . Александр Суворов. И жизнь его полна чудес… М., 2012.

Замостьянов А.А . Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре. М., 2000.

Замостьянов А.А . А.В. Суворов, биографический очерк. М., 2001.

Замостьянов А.А . Суворов был необъяснимым чудом… М., 2006.

Не числом, а уменьем. Военная система А.В. Суворова. Сост. А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов. М., 2001.

Грусланов В.Н., Лободин М.П. Шпага Суворова. Л., 1975.

Помарнацкий А.В . Портреты Суворова. Очерки иконографии. Л., 1963.

Золотарёв В.А . Генералиссимус А.В. Суворов. Вершины славы. К 200-летию Швейцарского похода. М., 2000.

Пигарев К.В . Солдат-полководец. М., 1943.

Преснухин М.А. Битва на Треббии. М., 2001.

Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской армии. Составители: Савинкин А.Е., Домнин И.В., Белов Ю.Т. М., 1997.

Охлябинин С.Д . Повседневная жизнь Русской армии во времена суворовских войн. М., 2004.

Стремоухов М.Б., Симанский П.Н. Жизнь Суворова в художественных изображениях. М., 1900.

Лебедянский М.С . Памятник Суворову. М., 1989.

Глинка С.Н. Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его. Ч. 1–2. М., 1819.

Михайлов О.Н . Суворов. М., 1980.

Рождественский С.Е . Чтение для народа о Суворове. СПб., 1911.

Комаровский Е.Ф . Записки. М., 1990.

Хомяков А.С . О старом и новом. М., 1988.

«Их вечен с вольностью союз…» Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983.

Цветков С.Э. Александр Суворов. М., 1999.

Паламарчук П.Г . Сорок сороков. Т. 1–4. М., 1992.

Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М., 1994.

Сталин И.В . О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.

Эйдельман Н.Я . Твой XVIII век. М., 1991.

Знаменитые россияне 18–19 веков. Биографии и портреты. СПб., 1996.

Геруа А.В. Суворов-солдат. СПб., 1900.

Гершельман С . Нравственный элемент в руках Суворова. Гродно, 1900.

Храповицкий А.С. Дневник 1782–1798 гг. СПб., 1880.

Нарбут А.Н . Род и потомки генералиссимуса А.В. Суворова. М., 1996.

Сафонов М.М . Суворов и оппозиция Павлу I // Вопросы истории. 1993, № 4. С. 127–134.

Пушкин А.С . Собрание сочинений в 10 т. М., 1962–1966.

Шишков А.С . Собрание сочинений и переводов. Ч. 14. СПб., 1831.

Симонов К.М . Истории тяжёлая вода. М., 2005.

Заичкин И.А., Почкаев И.Н . Екатерининские орлы. М., 1996.

Громов Е.С. Сталин; Власть и искусство. М., 1998.

Аверинцев С.С. Поэзия Державина //Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996.

Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада. М., 2000.

Петров В.Н . Избранные статьи о русском искусстве 18–20 веков. М., 1978.

Петров П.В. Суворов в родной поэзии. СПб., 1900.

Караганов А.В . Всеволод Пудовкин. М., 1973.

Зоркая Н.М . Алексей Попов. М., 1983.

Песковский М.Л. А.В. Суворов, его жизнь и военная деятельность // Биографические повествования. Челябинск, 1998.

Боголюбов А.Н. Полководческое искусство А.В. Суворова. М., 1939.

Попадичев И.О . Воспоминания суворовского солдата. СПб., 1895.

Красницкий А.И . Русский чудо-вождь, граф Суворов-Рымникский, князь Италийский, его жизнь и подвиги. СПб., 1900.

Козлов С.В . Суворов в его изображениях. СПб., 1899.

Николаев Б.П . А.В. Суворов: по архивным материалам. Владимир, 2008.

Разин Е.А . Полководческое искусство Суворова. Ташкент,

1942.

Мещеряков Г.П., Бескровный Л.Г . А.В. Суворов. М., 1946.

Хренов М.Н . Суворовская «Наука побеждать» и её роль в формировании высоких морально-боевых качеств русского солдата. Свердловск, 1972.

Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, изданные Е. Фуксом. СПб., 1827.

П.А. Румянцев . Документы. В 3 т. М., 1953–59.

Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками / Автор-сост. В.С. Лопатин. М., 2001.

Астафьев А.И . Воспоминания о Суворове. СПб., 1856.

Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». Париж, 1931.

Давыдов Д.В . Военные записки. М., 1940.

Золотарёв В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е . Во славу Отечества Российского… М., 1984.

Суворовские чтения. СПб., 1999.

Егоршин В.А . Генералиссимусы. М., 1994.

Старков Я.М . Рассказы старого воина. М., 1847.

Клаузевиц К . О войне. М., 1934.

Клаузевиц К . Швейцарский поход Суворова 1799 года. М., 1939.

Непознанный мир веры. М., 2001.

Брикнер А.Г . История Екатерины Второй. В 2 т. М., 1991.

Карташев А.В . Церковь. История. Россия. М., 1996.

Соколов А.Н . Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955.

Шубинский С.Н . Исторические очерки и рассказы. М., 1994.

Шильдер Н.К . Император Павел I. М., 1996.

Валишевский К . Сын Великой Екатерины: император Павел I. М., 1990.

Мавродин В.В . Под знаменем крестьянской войны. М., 1974.

Вандаль А . Возвышение Бонапарта. Ростов н/Д., 1996.

Карлейль Т. Французская революция. М., 1991.

Карлейль Т . Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля. СПб., 1891.

Ростопчин Ф.В . Ох, французы! М., 1992.

Ростопчин Ф.В . Сочинения. СПб., 1853.

Матьез А . Французская революция. М., 1995.

Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865.

Пыляев М.И. Старый Петербург. Л., 1990.

Пыляев М.И . Замечательные чудаки и оригиналы. СПб., 1898.

Пыляев М.И . Старая Москва. СПб., 1891.

Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800 гг.). М., 1948.

Поход Суворова в 1799 году по запискам Грязева. СПб., 1898.

Грот Я.К . Жизнь Державина. М., 1995.

Алексеев С.П . Рассказы о Суворове и русских солдатах. М., 2002.

Зорин А.В. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Греч Н.И . Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.

Майков В.И. Избранные произведения. М., 1966.

Русская литература конца XVIII века — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983.

Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000.

Данилевич Н. А.В . Суворов. К 200-летию перехода через Альпы. М., 1999.

Александр Васильевич Суворов. Автор-сост. А.С. Корх. М., 1983.

Попов М.И. Д.В. Давыдов и князь Багратион // Русская старина. 1895, июль.

Массон К. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. М., 1918.

Ковалевский П.И. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов: Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1905.

Теплов Б.М. Ум полководца. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.

Гребнер Г. Киносценарии. М., 1952.

Суворов в народных песнях и рассказах / Сост. М. Булатов. М., 1942.

Попов М.Г. Боевые песни русского солдата. СПб., 1893.

Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. IX. М., 1872.

Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1993.

Храпов В.Е. Чудотворцы. Национальная идея, проявленная чумой и святостью. М., 2000.

Шевяков Т.Н. Потери знамен и штандартов Российской Императорской армии в 1799–1917 гг.

notes

Примечания

1

Цит. по: *Лопатин В.С* . Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. М.: Терра, 2001. С. 255.

2

Русская военная проза XIX века. Л., 1989. С.171.

3

Милютин Д.А . История войны 1799 года между Россией и Францией… Т. 1. С. 543.

4

Милютин Д.А . История войны 1799 года между Россией и Францией… Т. 1. С. 543.

5

Золотарёв В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е . Во славу Отечества Российского. М., 1974. С. 181.

Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 2. С. 232.

Старков Я.М . Рассказы старого воина о Суворове. С. 212–215.

8

Орлов Н.А. Поход Суворова по запискам Грязева. СПб., 1898. С. 121.

9

Цит. по: *Золотарёв В.А* . Генералиссимус Суворов: вершины славы. М., 1999. С. 443.

Старков Я.М . Цит. изд., с. 324.